VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

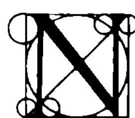
Генри КИССИНДЖЕР

О Китае

Генри КИССИНДЖЕР

Генри КИССИНДЖЕР

О Китае

АСТ
москва

УДК 94(510):327(510)
ББК 63.3(5Кит)
К44

Henry Kissinger

ON CHINA

Перевод с английского В.Н. Верченко

Научный редактор д.полит.н., PhD профессор А.Д. Воскресенский

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Wylie Agency (UK) Ltd.

Киссинджер, Генри

К44 О Китае / Генри Киссинджер; перевод с английского В.Н. Верченко. — Москва: АСТ, 2014. — 635, [5] с.

ISBN 978-5-17-084291-9

Генри Киссинджер написал книгу о стране, которую хорошо знает и которой помог сформировать отношения с Западом.

Автор изучает ключевые моменты китайской внешней политики — с древнейших времен и до наших дней, и рассказывает о «внутренней кухне» китайской дипломатии.

Опираясь на свой богатый опыт общения с китайскими лидерами — Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином, Киссинджер размышляет о том, какое влияние каждый из них оказал на судьбу современного Китая, а также делает собственные прогнозы о глобальном соотношении политических сил в XXI веке.

УДК 94(510):327(510)
ББК 63.3(5Кит)

ISBN 978-985-18-2906-0
(ООО «Харвест»)

© Henry A. Kissinger, 2011
© Перевод. В.Н. Верченко, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Аннет и Оскару де ла Рента

Оглавление

Предисловие 11
Правила транскрибирования китайских иероглифов 16
Вступление 17
Глава 1. Уникальность Китая 20
Эра китайского превосходства. Конфуцианство. Концепции международных отношений: беспристрастность или равенство. Китайская «реальная политика» и «Искусство войны» Сунь-цзы.

Глава 2. Вопросы церемониала и Опиумные войны 49
Миссия Маккартни. Столкновение двух миропорядков: Опиумная война. Дипломатия Ци Ина: умиротворение варваров.

Глава 3. От превосходства к закату 74
Завет Вэй Юаня: «Использование варваров против варваров», изучение их технологий. Эрозия власти: внутренние потрясения и проблема иностранного вторжения. Сопротивляясь угасанию. Вызов со стороны Японии. Корея. «Боксерское восстание» и новая эпоха Воюющих государств.

Глава 4. Перманентная революция Мао 110
Мао и «Великая гармония». Мао и международные отношения: «стратагема пустого города», китайская политика сдерживания и поиски психологического преимущества. Перманентная революция и китайский народ.

Глава 5. Дипломатия «треугольника» и Корейская война. 132
Ачесон и соблазн китайского «титоизма». Ким Ир Сен и начало войны. Американское вмешательство: война сопротивления. Китайская реакция: еще один пример политики сдерживания. Китайско-американская конфронтация.

Глава 6. Конфронтация Китая с обеими сверхдержавами. 168
Первый кризис в Тайваньском проливе. Дипломатические игры с США. Мао, Хрущев и китайско-советский раскол. Второй кризис в Тайваньском проливе.

Глава 7. Десятилетие кризиса 201
«Большой скачок». Пограничный спор в Гималаях и китайско-индийская война 1962 года. «Культурная революция». Была ли здесь упущенная возможность?

Глава 8. Путь к примирению... 224
Китайская стратегия. Американская стратегия. Первые шаги — столкновения на реке Уссури.

Глава 9. Возобновление отношений: первые контакты с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем................................. 261
Чжоу Эньлай. Никсон в Китае: встреча с Мао Цзэдуном. Диалог Никсон — Чжоу Эньлай. Шанхайское коммюнике. Послесловие.

Глава 10. Псевдоальянс: беседы с Мао Цзэдуном............. 301
«Горизонтальная линия»: китайские подходы к сдерживанию. Влияние «уотергейтского дела».

Глава 11. Конец эры Мао 320
Кризис преемственности. Падение Чжоу Эньлая. Последние встречи с Мао Цзэдуном: ласточки и приближение бури.

Глава 12. Несокрушимый Дэн 347
Первое возвращение к власти Дэн Сяопина. Смерть руководителей — Хуа Гофэн. Восхождение к власти Дэн Сяопина — «реформа и открытость для внешнего мира».

Глава 13. «Дергать тигра за хвост»: третья вьетнамская война.. 367
Вьетнам: возмутитель спокойствия великих держав. Внешняя политика Дэн Сяопина — диалог с Америкой и

нормализация. Поездки Дэн Сяопина. Визит Дэн Сяопина в Америку и новое определение альянса. Третья вьетнамская война.

Глава 14. Рейган и нормализация 405
Продажи оружия Тайваню и третье коммюнике. Китай и сверхдержавы — новый баланс сил. Программа реформ Дэн Сяопина.

Глава 15. Площадь Тяньаньмэнь 434
Дилеммы Америки. Противоречие Фан Личжи. Заявления из 12 и 24 иероглифов.

Глава 16. Какая реформа? «Поездка на юг» Дэн Сяопина. 469

Глава 17. Гонки на американских горках к новому примирению: эра Цзян Цзэминя................................. 476
Китай и развал Советского Союза. Администрация Клинтона и китайская политика. Третий кризис в Тайваньском проливе. Возвышение Китая и рефлексии Цзян Цзэминя.

Глава 18. Новое тысячелетие... 519
Разногласия в перспективе. Как определить стратегические возможности. Споры по поводу судеб нации — взгляд триумфатора. Дай Бинго — подтверждение мирного восхождения.

Заключение. Повторяется ли история?
Меморандум Кроу. В направлении к тихоокеанскому сообществу? 547

Послесловие 566
Январь 2012 года. Неизбежное соперничество? Что делать дальше?

Примечания 587

Предисловие

Почти ровно 40 лет назад президент Ричард Никсон оказал мне честь, послав в Пекин для восстановления отношений со страной, расположенной в самом сердце азиатской истории. У Америки же на то время контакты с Китаем на высоком уровне отсутствовали в течение более чем 20 лет. Такое положение дел следовало изменить, ведь наши граждане заслужили передышку после кошмаров вьетнамской войны и вереницы зловещих событий времен «холодной войны». Китай, формально являясь союзником Советского Союза, находился в поисках пространства для маневра, стремясь противостоять угрозе нападения со стороны Москвы.

За эти годы мне приходилось бывать в Китае более 50 раз. Как и многие приезжавшие за все века в Китай люди, я полюбил китайский народ за его стойкость, утонченность, его чувство семьи и за ту культуру, которую они представляют. В то же самое время всю свою жизнь я работал на благо мира, разумеется, в основном с американских позиций. Мне как одному из высших официальных лиц, как посланцу своего руководства и просто как обычному гражданину крупно повезло в возможности сочетать и любовь к Китаю, и свою официальную работу.

Тогда я неоднократно беседовал с китайскими руководителями. В своей книге я сделал попытку объяснить, как и что китайцы думают о проблемах мира и войны, международного порядка. Естественно, я при этом исходил из отличающегося большим прагматизмом американского подхода к проблемам и принципам поэтапности их решения.

Различные истории и мировые культуры подчас приводят к различным выводам. Я не всегда соглашаюсь с китайскими оценками перспектив развития, думаю, и не каждый читатель с ними согласится. Важно, однако, понимать их, поскольку Китай будет играть весьма заметную роль в мире, формирующемся в XXI веке.

Со времени моего первого визита в Китай эта страна стала экономической сверхдержавой и крупнейшим фактором формирования глобального политического порядка. Соединенные Штаты вышли победителем из «холодной войны». Отношения между Китаем и Соединенными Штатами стали центральным элементом в деле поддержания мира во всем мире и всеобщего процветания.

Восемь американских президентов и четыре поколения китайских руководителей занимались этими тонкими отношениями в удивительно последовательном порядке, учитывая различия в отправных точках. Обе стороны отказались от того, чтобы историческое наследие прошлого и различные взгляды на внутреннее развитие оказывали воздействие на их практические отношения сотрудничества.

История их отношений складывалась непросто, поскольку оба наши общества верят, и всегда верили, в то, что они представляют уникальные ценности. Американская исключительность носит миссионерский характер. Считается, что Соединенные Штаты руководствуются долгом распространения своих ценностей во все части планеты. Исключительность Китая — в его культуре. Китай не занимается обращением других в свою веру, он не считает, что его современные установки могут иметь силу за пределами Китая. Но он является преемником традиций Срединного государства, составлявшего свои собственные представления о других странах как находящихся на различных уровнях вассальной зависимости от него. А эта самая зависимость, в свою очередь, определялась различным уровнем их близости к китайским культурным и политическим нормам, другими словами, общностью культурных ценностей.

Главная задача моей книги — рассказать о взаимодействии между китайскими и американскими руководителями за период со времени образования Китайской Народной Респуб-

лики в 1949 году. Будучи на правительственной службе и вне ее, я всегда делал записи моих бесед с представителями четырех поколений китайских руководителей. Они давали свои оценки событий в мире, китайской внешней политики, американо-китайских отношений и хода экономических реформ в Китае. При написании книги я обращался к этим своим записям и постоянно использовал их как свой основной источник.

Эта книга не вышла бы без преданной и умелой помощи моих соратников и друзей, любезно позволивших мне эксплуатировать их.

Незаменимую поддержку оказал мне Шуйлер Шутен. Я обратил на него свое внимание 8 лет назад, когда профессор Джон Гэддис из Йельского университета рекомендовал его как одного из способнейших студентов. Когда я начал работать над этим проектом, я попросил его взять отпуск на 2 месяца в юридической фирме, где он тогда работал. Он согласился и вскоре так втянулся в работу, что решил проработать целый год до ее завершения. Шуйлер проделал большую часть основных исследований. Он помог с переводом китайских текстов и, более того, вникал в смысл и подтекст наиболее замысловатых. Он демонстрировал чудеса неутомимости в период редакторской и корректорской работы. Впервые в жизни мне довелось работать с таким на редкость хорошим научным ассистентом.

Мне очень повезло привлечь к работе Стефани Джангер-Моут, сопровождавшую меня на протяжении 10 лет во всех ипостасях и при всех перипетиях моей деятельности. В бейсболе ее назвали бы мастером на все руки. Она занималась и исследованиями, и редактурой, а также была главной на связи с издателем. Она выверила все сноски. Она помогла координировать печатание и всегда смело бралась за дело в ситуации цейтнота. Большой вклад Стефани подкреплялся ее очарованием и дипломатическим опытом.

Гарри Эванс издал 30 лет назад мои «Годы в Белом доме». Он позволил мне использовать дружеские с ним отношения в работе над рукописью и дал множество весьма важных советов по вопросам редакционного характера и по структуре книги.

Тереза Аманти и Джоди Уильямс много раз перепечатывали работу, и, когда время поджимало, они печатали и вечера-

ми, и по выходным. Их хороший настрой, опытность, острый глаз в отношении малейших деталей оказались поистине бесценными.

Стэплтон Рой, бывший посол в Китае и выдающийся китаист; Уинстон Лорд, мой помощник в период открытия Китая и позднее тоже посол в Китае; Дик Вьетс, мой литературный агент, — все они читали отдельные главы и делали точные замечания. Джон Ванден Хювел обеспечил меня нужными материалами по нескольким главам.

С удовольствием вспоминаю работу с издательством «Пингвин пресс». Всегда безотказная Энн Годофф высказывала четкие комментарии, никогда не создавала проблем, и я всегда с огромным удовольствием с ней общался. Брюс Гиффордс, Нойрин Лукас и Тори Клоуз опытной рукой направляли процесс подготовки выхода книги. Фред Чейз заботливо и умело копировал работу после каждой редакции. Лора Стикни, главный редактор книги, будучи довольно молодой, годясь мне почти во внучки, отнюдь не трепетала перед автором. Она не испытывала благоговения перед моими политическими взглядами, так что я постоянно искал ее подчас едкие, но всегда уместные замечания на полях рукописи. Неутомимая и восприимчивая, она оказала большую помощь в работе.

Всем этим людям я премного благодарен.

Правительственные документы, на которые я ссылаюсь в работе, уже в течение какого-то времени не являются секретными. Хочу, в частности, поблагодарить Международный научный центр имени Вудро Вильсона и его международный проект по изучению истории периода «холодной войны» за разрешение использовать большие отрывки из их архивов рассекреченных документов по России и Китаю. Библиотека имени Картера помогла тем, что предоставила расшифровки записей бесед с китайскими руководителями во время президентства Картера, а Библиотека имени Рейгана предоставила ряд полезных документов из своих архивов.

И конечно же, все недостатки этой книги на моей совести.

Вот уже более полувека рядом со мной моя супруга Нэнси. Не знаю, как бы я обошелся без ее твердой моральной и интеллектуальной поддержки, какие достаются немногим авторам (во всяком случае, мне повезло) при написании книги.

Она перечитала почти все главы и внесла множество важных предложений.

Я посвятил свою книгу «О Китае» Аннет и Оскару де ла Рента. Я начал писать ее в их доме в Пунта-Кана и закончил ее там же. Их гостеприимство явилось лишь одной гранью дружбы, которая привнесла радость и глубокие чувства в мою жизнь.

Генри Киссинджер
Нью-Йорк, январь 2011 года

Правила транскрибирования китайских иероглифов

В моей книге будут часто упоминаться различные китайские имена и термины. Китайским словам соответствует фонетическое письмо, которое транскрибируется латинским алфавитом двумя способами: по системе Уэйда — Джайлса, использовавшейся преимущественно до 1980-х годов, и по официально принятой в Китайской Народной Республике в 1979 году системе транскрипции «пиньинь», все чаще используемой в публикациях на Западе и в других азиатских странах.

В большинстве случаев в книге применяется транскрипция «пиньинь». Например, чаще используется написание имени «Дэн Сяопин» в транскрипции «пиньинь», чем «Тэн Сяо-пин» в транскрипции Уэйда — Джайлса.

Однако в ряде случаев для удобства читателя сохраняются известные ему транскрипции некоторых имен и названий, которые отличаются по написанию от транскрипции «пиньинь». К примеру, в книге на английском языке для написания имени древнего военного теоретика используется старая транскрипция «Сунь Тзу», а не «Сунь-цзы» в соответствии с азбукой «пиньинь»*. В некоторых случаях, чтобы сохранить однообразие текста по всей книге, цитируемые имена, в написании которых в оригинале использовалась азбука Уэйда — Джайлса, пишутся в транскрипции «пиньинь». Эти изменения отмечены в сносках в конце книги. В каждом случае суть транскрибируемого китайского слова остается неизменной; отличие только в написании слова в латинском алфавите.

---

* В переводе на русский язык будет использоваться привычное для русскоязычного читателя имя Сунь-цзы. — *Примеч. пер.*

Вступление

В октябре 1962 года революционный лидер Китая Мао Цзэдун собрал высших военных и политических руководителей на встречу в Пекине. В 2 тысячах миль к западу, в малодоступной и слабонаселенной местности в Гималаях китайские и индийские войска оказались на грани столкновения из-за участка границы, на который претендовали оба государства. Спор возник по поводу разных трактовок истории: Индия настаивала на границе, демаркированной во время британского владычества, Китай хотел получить границы в пределах рубежей императорского Китая. Индия разместила свои заставы на самых дальних подступах границы, считая ее своей, китайские войска окружили индийские позиции. Попытки урегулировать территориальный спор окончились провалом.

Мао решил найти выход из тупиковой ситуации. Он обратился к старой китайской классической традиции, с которой он вообще-то собирался покончить. Мао Цзэдун поведал на совещании своим соратникам, что за всю историю отношений Китай и Индия провели в общей сложности «полторы» войны. Каждая из них преподнесла свои уроки. Первая война произошла более 1300 лет назад во время правления династии Тан (618—907 годы), когда Китай направил войска, чтобы поддержать одно из индийских княжеств против незаконного и агрессивного врага. После вмешательства Китая обе страны к обоюдному удовлетворению несколько веков поддерживали процветающие отношения религиозного и экономического сотрудничества. Урок древнего похода, как описал его Мао, явно свидетельствовал: у Китая и Индии нет причин для веч-

ной вражды. Наоборот, между ними вновь может воцарить долгий и крепкий мир, Китаю следует лишь применить силу и «подтолкнуть» Индию снова сесть за стол переговоров. «Полвойны», по мнению Мао, произошло 700 лет назад, когда монгольский правитель Тамерлан разграбил Дели. (Мао Цзэдун пояснил, что, поскольку Монголия и Китай в то время были частью одной политической общности, это была «половинка» китайско-индийской войны.) Тамерлан добился выдающейся победы, но, находясь в Индии, его армия уничтожила более 100 тысяч пленников. На сей раз Мао Цзэдун потребовал от китайских войск проявить «сдержанность и принципиальность»[1].

Никто из окружения Мао Цзэдуна, по-видимому, не ставил под сомнение связь прецедентов прошлого с текущими стратегическими задачами Китая, хотя руководство коммунистической партии революционного «нового Китая» заявляло о своем намерении изменить мировой порядок и отказаться от феодального прошлого своей страны. Нападение планировалось с применением сформулированных Мао Цзэдуном принципов. Наступление произошло неделями позднее точно так, как он описывал: Китай нанес внезапный сокрушительный удар по индийским позициям, а затем отступил на прежнюю линию контроля, пойдя при этом даже на то, чтобы вернуть захваченное индийское тяжелое вооружение.

Ни в одной другой стране никогда современный лидер не предпринял бы какое-то крупное действие в масштабах страны, опираясь на стратегические принципы и события тысячелетней давности, и ведь он вряд ли мог рассчитывать на понимание со стороны своих коллег смысла проделанных им аналогий. Но Китай — уникальная страна. Ни одна страна не может похвастать такой долгой историей цивилизации или такой тесной связью с древней историей и классическими принципами стратегии и искусства управления государством.

В других обществах, включая Соединенные Штаты, утверждают о всеобщей применимости их ценностей и институтов. Тем не менее никто не может сравниться с Китаем в убеждении и понуждении своих соседей к уступкам. При этом Китай на протяжении длительного периода времени придерживался концепции собственного превосходства в мире, не-

смотря на множество различных исторических пертурбаций, которые ему пришлось пережить. С появления Китая как единого государства в III веке до нашей эры вплоть до падения Цинской династии в 1912 году* Китай, как это ни удивительно, в течение длительного времени оставался в центре международной системы Восточной Азии. Китайского императора представляли (а многие соседние государства признавали) как вершину всемирной политической иерархии, при этом правители других государств теоретически являлись его вассалами. Китайский язык, культура и политические учреждения служили критерием цивилизации, так что даже региональные противники и иностранные завоеватели принимали их в той или иной степени как знак их собственной легитимности (зачастую в качестве первого шага к ассимиляции внутри Китая).

Традиционная космология выдержала испытание временем, несмотря на различные катаклизмы и длившиеся столетиями периоды политического упадка. Но даже когда Китай являлся слабым или расколотым, краеугольным камнем оставался и не подвергался сомнению принцип его центрального положения в регионе. Претенденты, как китайские, так и иностранные, соперничали в стремлении объединить или завоевать его, но в итоге правили из китайской столицы, не ставя под сомнение главный тезис о том, что Китай является центром Вселенной. В то время как другие страны называли себя по имени этнических групп или в соответствии с географическими понятиями, Китай назвал себя «Чжунго» — «Срединное царство», или «Срединное государство»[2]. Любая попытка понять дипломатию Китая в XX веке или его роль в XXI веке должна базироваться, даже если это покажется слишком примитивным, на понимании и в контексте традиций этой страны.

---

* Официальная историческая наука считает годом падения Цинской династии 1911 год, называвшийся по старому китайскому календарю годом «синьхай», отсюда происходит термин Синьхайская революция, а с 10 октября 1911 года начинает отсчет история Китайской Республики. Акт об отречении последнего императора Цинской династии Пу И был официально подписан 12 февраля 1912 года. — *Примеч. пер.*

Глава 1

УНИКАЛЬНОСТЬ КИТАЯ

Общества и нации склонны рассматривать себя как существующие вечно. Они также с повышенным пиететом относятся к легендам о своем происхождении. Специфической чертой китайской цивилизации является тот факт, что она, как представляется, не имеет своего начала. Она появляется в истории совсем не как традиционная нация-государство, а как постоянно существующий естественный феномен. В легенде о Желтом императоре, о котором многие китайцы говорят как о легендарном первом правителе, Китай как будто бы уже существует. Когда Желтый император появляется в мифе, китайская цивилизация находилась в состоянии хаоса. Соперничающие князья враждовали друг с другом и третировали народ, а слабый правитель не мог поддерживать порядок. Новый же герой, собрав армию, приносит мир в свое царство, тем самым заслужив право именоваться императором[3].

Желтый император вошел в историю как герой-основатель нации, тем не менее в мифе об основании нации он восстанавливает, а не создает империю. Китай существовал и до него, в историческое сознание он проник как уже существующее государство, нуждавшееся только в восстановлении, а не в изначальном создании. Этот парадокс в китайской истории ассоциируется с мудрецом Конфуцием: о нем также говорят как об «основателе» культуры, хотя сам он подчеркивал, что не придумал ничего нового, а только пытался придать новую силу принципам гармонии, существовавшим когда-то в «зо-

лотом веке», но утерянным в эпоху политического хаоса, в которую, собственно, и жил сам Конфуций.

Размышляя о своеобразном происхождении Китая, миссионер и путешественник XIX века аббат Регис-Эварист Гюк отмечал:

«Китайская цивилизация имеет такое древнее происхождение, что мы тщетно пытаемся обнаружить ее начало. Не найдено никаких следов начальной стадии становления этого народа. Эта странность характерна только для Китая. Нам привычно находить в истории стран некоторые четко обозначенные отправные точки, исторические документы, традиции, памятники прошлого, дающие нам возможность отслеживать почти шаг за шагом прогресс цивилизации, присутствовать при ее зарождении, наблюдать за ее развитием и продвижением вперед и — во многих случаях — последующим разложением и падением. Но такой подход нельзя применить к китайцам. Они, как представляется, существовали всегда в одной и той же стадии развития, что и в наши дни, и факты из древности как раз подтверждают это мнение»[4].

Когда китайская иероглифическая письменность была впервые обнаружена во втором тысячелетии до новой эры в период династии Шан, Древний Египет переживал пик своей славы. Великие полисы (города-государства) Древней Греции еще не существовали, а до возникновения Рима оставалась тысяча лет. Шанская система письменности прямиком дошла до наших дней и используется сейчас миллиардом людей. Сегодня китайцы могут понимать надписи, сделанные во времена Конфуция; современные китайские книги и разговоры обогащаются насчитывающими сотни лет афоризмами, где упоминаются древние битвы и дворцовые интриги.

В то же самое время китайская история отражает множество периодов гражданских войн, междуцарствий и хаоса. После каждого крушения китайское государство восстанавливается как будто по непреложному закону природы. В нужное для страны время появлялась новая фигура объединителя, по сути, повторяющего Желтого императора для подавления врагов и объединения Китая (а иногда и расширения его границы). Эпический роман XIV века «Троецарствие», весьма высоко оцениваемый китайцами на протяжении веков (вклю-

чая Мао Цзэдуна, как говорят, внимательно и тщательно изучавшего роман в молодые годы), начинается повторяющимся рефреном: «Говорят, великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения опять разобщаются»[5]. Любой период раздробленности воспринимался как нонсенс. Каждая новая династия прибегала к принципам правления, использовавшимся предыдущей династией, стремясь сохранять преемственность. Фундаментальные принципы китайской культуры охранялись, периодически проходя через испытания в пору бедствий.

До ключевого события — объединения Китая в 221 году до нашей эры — на протяжении тысячи лет сохранялось правление разных династий, постепенно распадавшихся на феодальные образования, варьируясь от автономии до независимого государства. Кульминацией стала длившаяся два с половиной века сумятица, которую в истории назвали эпохой Воюющих государств (475—221 годы до н.э.). Подобное междуцарствие в Европе относится к периоду между Вестфальским договором 1648 года и концом Второй мировой войны, когда множество европейских государств боролось за превосходство, пытаясь сохранить баланс сил. Китай после 221 года до нашей эры сохранял идеальную империю и свое единство, но затем наступил период раскола, потом снова объединения — и все это в циклах, длившихся подчас сотни лет.

Когда государство распадалось, между различными его частями велись жестокие войны. Мао Цзэдун однажды привел в качестве примера тот факт, что во время периода так называемого Троецарствия (220—80 годы до н.э.)[6] население Китая сократилось с 50 миллионов до 10 миллионов. Однако и конфликты между соперничавшими в XX веке группами стран в период Первой и Второй мировых войн также были очень кровопролитными.

Ареал распространения китайской культуры в своих самых больших пределах превышал размеры любого самого крупного европейского государства, а на деле равнялся размерам всей континентальной Европы. Китайский язык и культура, а также политическая власть и юрисдикция императора распространялись по всей известной территории: от степей и сосно-

вых боров на севере, переходящих далее в Сибирь, до тропических джунглей и террасированных рисовых полей на юге, от восточного побережья с его каналами, портами и рыболовецкими деревнями до безжизненных пустынь Центральной Азии и границ на заснеженных горных пиках Гималаев. Размеры и разнообразие территории подтверждали понимание того, что Китай фактически являлся миром в себе. Так подкреплялась идея об императоре как о личности вселенского масштаба, восседающем в «Тянься» — в Поднебесной.

Эра китайского превосходства

За тысячелетия существования китайской цивилизации Китаю никогда не приходилось иметь дела с другими странами или цивилизациями, сравнимыми с ним по своим масштабам и совершенству. Китайцам было известно об Индии, как позже отмечал Мао Цзэдун, но на протяжении большей части истории последняя была разделена на отдельные княжества. Обе цивилизации обменивались товарами и испытали влияние буддизма, чему помогал «шелковый путь», но в других сферах они не общались, их как бы разделяла неприступная стена Гималаев и Тибетского плато. Огромные и труднопроходимые пустыни Центральной Азии таким же образом отделяли Китай от расположенных на Ближнем Востоке культур Персии и Вавилона и уж тем более от Римской империи. Торговые караваны предпринимали периодические походы, но Китай как общество не вступал во взаимодействие с другими сопоставимыми с ним по размерам и достижениям обществами. Хотя между Китаем и Японией имелся ряд по сути похожих культурных и политических институтов, ни одна их этих стран не собиралась признавать превосходство другой; однажды они даже решили прервать контакты на несколько веков. Европа располагалась еще дальше и находилась, по воззрениям китайцев, в районе Западных океанов, оставаясь недоступной по своим понятиям для китайской культуры. Кроме того, ею, как сказал китайский император британскому посланнику в 1793 году, к сожалению, нельзя было обладать.

Территориальные притязания китайской империи ограничивались краями водных пространств. Еще во времена династии Сун (960—1279 годы) Китаю принадлежало мировое первенство в навигационном деле: его корабли могли бы привести империю в эру завоеваний и исследований[7]. Однако Китай не владел заморскими колониями и проявлял сравнительно мало внимания к странам, находящимся за пределами его берегов. Он не придумывал поводов для каких-то операций за рубежом, например, чтобы превратить варваров в адептов конфуцианства или сделать их настоящими буддистами. Когда монголы завоевали Китай и захватили сунскую флотилию с ее опытными капитанами, они сделали две попытки вторгнуться в Японию. Но обе оказались неудачными из-за плохой погоды: дул камикадзе, или «Божественный ветер», по японским верованиям[8]. Когда же монгольская династия рухнула, подобные экспедиции, хотя технически и возможные, никогда больше не повторялись. Ни один из китайских руководителей никогда не рассуждал о том, нужно ли Китаю устанавливать контроль над японским архипелагом.

Однако в первые годы правления Минской династии, в период между 1405 и 1433 годами, Китай предпринял один из наиболее значимых в его истории и таинственных морских походов: адмирал Чжэн Хэ снарядил экспедицию для того времени хорошо оснащенных с технической точки зрения «судов для сокровищ» и взял курс в направлении Явы, Индии, Африканского Рога и Ормузского пролива. Во времена путешествий Чжэн Хэ европейский век исследований еще не начинался. Китайская флотилия обладала техническими преимуществами, немыслимыми тогда ни для кого другого: по размерам судов, их совершенству, по количеству весел они превосходили испанскую армаду (до ее формирования оставалось еще 150 лет).

Историки продолжают спорить по поводу истинных целей этих миссий. Чжэн Хэ — единственный человек, проявивший себя в эпоху исследований: евнух из числа китайских мусульман, он был призван на императорскую службу еще ребенком, но у него не было никаких предшественников в истории страны. На каждой остановке во время своего путешествия он официально превозносил величие нового китайского импе-

ратора, делал щедрые подарки правителям, с которыми встречался, и приглашал их лично посетить Китай или направить туда своего посланника. Там им следовало признать свое зависимое положение в мире, где Китай являлся центром земли, согласившись выполнить ритуал «коутоу»* в знак признания превосходства императора. Тем не менее Чжэн Хэ не проявлял никаких территориальных притязаний, а лишь объявлял о величии Китая и раздавал приглашения, совершая при этом поразительные церемонии. Он привез на родину только подарки, или «дань»; он не объявлял о приобретенных колониях или ресурсах для Китая, которые расширяли бы пределы Поднебесной хотя бы чисто умозрительно. Его можно рассматривать всего лишь как человека, создававшего благоприятные условия для китайских торговцев таким способом, какой сегодня мы бы назвали ранним проявлением «мягкой силы»[9].

Экспедиции Чжэн Хэ резко прекратились в 1433 году, что совпало с возобновлением угроз северным границам Китая. Следующий император приказал расформировать флотилию и уничтожить записи Чжэн Хэ. Экспедиции такого рода больше никогда не проводились. И хотя китайские торговые люди продолжали плавать маршрутами Чжэн Хэ, мореходные способности Китая исчезли — да так, что реакцией правителей эпохи Мин на постоянную опасность со стороны пиратов на юго-восточном побережье Китая стал приказ переселить прибрежное население на десять миль в глубь страны. Мореходную историю Китая можно образно сравнить с дверными петлями, не способными, однако, вращаться: при всех технических возможностях быть впереди Китай, по сути, добровольно отказался от исследований морских просторов как раз в то время, когда европейский интерес в этой области стал возрастать.

«Великолепная изоляция» Китая питала мироощущение каждого отдельного китайца. Китайские элиты росли с привычным пониманием того, что Китай уникален: это не просто «великая цивилизация» среди прочих других, а сама по себе Цивилизация. Один английский переводчик писал в 1850 году:

---

* Сложная церемониальная система поклонов вассала своему императору; часть того, что называют «китайскими церемониями». — *Примеч. пер.*

«Образованный европеец, привыкший рассуждать о положении ряда стран, имеющих те или иные преимущества и те или иные специфические неблагоприятные условия, мог несколькими хорошо поставленными вопросами и при наличии сравнительно небольшой информации сделать правильный вывод о состоянии людей, доселе ему незнакомых. Но было бы большой ошибкой предполагать, что то же самое можно сказать о китайцах. Их отстраненность от иностранцев и ограниченность пределами собственной страны, к сожалению, сужает их воззрения, лишая всех возможностей делать какие-то сравнения; китайцы, таким образом, совсем не умеют абстрагироваться и судят обо всем с позиций чисто китайских традиций»[10].

В Китае, разумеется, знали об иных обществах на перифериях их границ в Корее, Вьетнаме, Таиланде, Бирме, но в понимании китайцев Китай рассматривался как центр земли, Срединное государство, а другие общества считались производным от него. Китайцы представляли ситуацию следующим образом: множество малых стран, впитавших китайскую культуру и платящих дань величию Китая, составляют естественный порядок Вселенной. Границы между Китаем и окружающими народами заключались больше в культурных отличиях, чем в политических и территориальных разграничениях. Отблеск сияния китайской культуры по всей Восточной Азии заставил американского политолога Люсьена Пая произнести известную фразу о том, что в наше время Китай — это «цивилизация, притворяющаяся государством»[11].

Такого рода постановка вопроса, подчеркивающая традиционный китайский миропорядок, сохранялась вплоть до нового времени. Еще в 1863 году китайский император (сам по происхождению «иностранец» — из маньчжурской династии, завоевавшей Китай два столетия назад) направил послание, информируя Авраама Линкольна относительно обязательств Китая по поддержанию хороших отношений с Соединенными Штатами. В своем сообщении император в помпезных выражениях заверял в том, что, «получив с почтением на то соизволение Неба править Вселенной, Мы рассматриваем и Срединную Империю (Китай), и другие страны как составные части одной семьи без каких-либо различий»[12].

К моменту отправки письма Китай уже потерпел поражение в двух войнах с западными державами, занятыми разделом сфер влияния на китайской территории. Император, по-видимому, расценивал произошедшие катастрофы как вторжение варваров, которые в конечном счете исчезнут как дым благодаря стойкой выносливости и более высокой культуре Китая.

Как показывает почти вся история Китая, его заявления, по сути, не несли в себе ничего невообразимого. С каждым поколением китайцы-ханьцы* расширяли свою территорию, базировавшуюся в долине реки Хуанхэ (Желтой реки), вовлекая соседние общества в различные стадии близости с китайскими образованиями. Китайские научные и технические достижения равнялись, а зачастую и превосходили достижения западноевропейских, индийских и арабских партнеров[13].

Китай традиционно намного превосходил европейские страны не только по населению и по размерам территории; до промышленной революции Китай был и намного богаче. Объединенный широкой системой каналов, соединяющих большие реки и густонаселенные центры, Китай на протяжении нескольких веков был наиболее производительной экономикой и наиболее населенной торговой зоной[14]. Но поскольку страна была преимущественно самодостаточной, другие регионы имели смутное представление о ее размерах и богатствах. По сути, Китай производил большую часть мирового ВВП, по сравнению с любой европейской страной, на протяжении восемнадцати из последних двадцати веков. Еще в 1820 году он производил более 30 процентов мирового ВВП, что превышает ВВП Западной и Восточной Европы, а также Соединенных Штатов, вместе взятых[15].

Западные наблюдатели, которым доводилось побывать в Китае в начале нового времени, были удивлены его жизненной силой и материальным благополучием. Французский иезуит Жан-Батист Дю Альд в 1736 году так описывал ошеломительную реакцию, охватывавшую западных посетителей в Китае:

---

* Национальность хань — титульная национальность многонационального Китая. — *Примеч. пер.*

«Каждая провинция имела что-то свое особенное, добавьте сюда удобные приспособления для транспортировки товаров по рекам и каналам — все это содействовало процветанию внутренней торговли. ...Торговля внутри страны настолько велика, что торговые связи во всей Европе даже не сравнятся с ней, а провинции выглядят как многие королевства, которые предлагают друг другу свою продукцию»[16].

30 лет спустя французский политический экономист Франсуа Кёнэ написал даже так:

«Никто не сможет отрицать тот факт, что эта страна самая красивая в мире, самое многонаселенное и самое процветающее королевство из всех нам известных. Такая империя, как Китай, равна тому, чем могла бы быть вся Европа, будучи объединенной под властью одного монарха»[17].

Китай вел торговлю с другими странами и изредка воспринимал идеи и изобретения из-за границы. Но чаще всего китайцы считали, что самое ценное из того, что есть в мире, и вообще все интеллектуальные достижения должны находиться в Китае. Торговля с Китаем приносила такие выгоды, что можно было считать лишь небольшим преувеличением ее сравнение китайской элитой не как с обычным экономическим обменом, а с «данью», которую платили превосходству Китая.

Конфуцианство

Почти все империи создавались силой, однако ни одна не могла сохраняться при ее помощи. Всеобщее правило гласит: для сохранения единого целого надо превратить подчинение силе в подчинение обязательствам. Иными словами, энергия правителей истощится из-за необходимости постоянно поддерживать свою власть за счет применения силы. Правители должны уметь предвидеть и формировать будущее — в этом высшая цель искусства управления государством. Империи продолжают свое существование, если репрессии уступают место консенсусу.

Так было и с Китаем. Методы, при помощи которых его объединяли, а затем расчленяли и снова объединяли, были

подчас весьма грубыми. В китайской истории имели место кровавые восстания и династические тирании. И все же Китай был обязан своим существованием на протяжении тысяч лет не столько наказаниям, которые накладывали его императоры, сколько привитой его населению общности ценностей и правлению просвещенных чиновников.

Весьма простым для понимания является тот факт, что китайские культурные ценности по своей природе не были какими-то особенными и далекими от реальной жизни. В то время, когда в индийской культуре появился буддизм с его упором на медитацию и внутренний мир, еврейские проповедники — а позднее христиане и мусульмане — продвигали монотеизм с его главным постулатом о жизни после смерти, в Китае не было ничего религиозного в европейском смысле этого слова. Китайцы никогда не придумывали мифы о создании космоса. Их Вселенная была создана самими китайцами, чьи ценности, даже если они имели всеобщую применимость, были изначально придуманы ими самими.

Авторство о превосходстве ценностей китайского общества принадлежит древнему философу Кун Фуцзы (или Конфуцию в европейском варианте произношения). Конфуций (551—479 годы до н.э.) жил в последние годы эпохи Весен и Осеней (770—476 годы до н.э.), периода политических переворотов, которые вели к кровавым схваткам правления Воюющих государств (475—221 годы до н.э.). Правящий дом Чжоу находился в упадке и не мог усмирить взбунтовавшихся князей, боровшихся друг с другом за власть. Жадность и насилие правили миром. В Поднебесной вновь воцарился хаос.

Конфуций, как и Н. Макиавелли, принадлежал к числу тех, кто вдоль и поперек исколесил страну в надежде получить место советника у одного из князей, а потом просто боролся за выживание. Но в отличие от Макиавелли Конфуция больше заботило внедрение гармонии в общество, чем манипулирование властью. Основное место в его рассуждениях занимали принципы правления, проявляющего сострадание, а также выполнение правильных ритуалов и внедрение сыновней почтительности. Конфуций не предлагал кратчайшего пути к богатству и власти, возможно, потому он и умер, не достигнув своей цели: не повстречал князя, который смог бы воплотить

в жизнь его максимы, а Китай продолжал катиться в пропасть политического коллапса и войны[18].

Однако учение Конфуция, записанное его учениками, выжило. Когда кровопролития закончились и Китай снова стал единым, династия Хань (206 год до н.э. — 220 год) восприняла идеи Конфуция как официальную государственную философию. Высказывания Конфуция, собранные в одном сборнике «Лунь юй» («Беседы и суждения»), или «Аналекты Конфуция», а также последующие книги научных комментариев трансформировались в каноны конфуцианства, превратившись в некое подобие китайской Библии и конституции, вместе взятые. Умение разбираться с этими текстами стало критерием для поступления на службу китайской императорской бюрократии — этого конклава сведущих в литературе ученых-чиновников, которых отбирали на общенациональных экзаменах и назначали поддерживать гармонию в огромном государстве императора.

Хаосу своей эпохи Конфуций противопоставил понятие «Дао» (путь) справедливого и гармоничного общества, существовавшего, как он учил, когда-то в прошлом — в далеком «золотом веке» Китая. Главной духовной задачей человечества является воссоздание настоящего порядка, находящегося на грани утраты. Работа для души возводилась в задачу не столько откровения или освобождения, сколько терпеливого возрождения забытых принципов сдержанности. Цель — очищение, а не прогресс[19]. Учение являлось ключом к продвижению вперед конфуцианского общества. Итак, Конфуций сказал:

«Любовь к доброте без любви к учебе чревата глупостью.

Любовь к знаниям без любви к учебе чревата общими рассуждениями. Любовь к честности без любви к учебе чревата вредной откровенностью.

Любовь к прямоте без любви к учебе чревата неверными суждениями. Любовь к бесстрашию без любви к учебе чревата неподчинением старшим.

А любовь к силе характера без любви к учебе чревата упрямством»[20].

Конфуций проповедовал кредо об иерархическом обществе, где главная обязанность — «знать свое место». Конфу-

цианство предлагало своим последователям молиться в стремлении к высшей гармонии. В отличие от проповедников монотеистических религий Конфуций не проповедовал телеологической* предопределенности истории, указывающей человечеству путь личного спасения. Его философия искала спасение государства через правильное поведение отдельного индивида. Будучи ориентированным на этот мир, его учение устанавливало кодекс поведения в обществе, а не указывало путь в загробный мир.

На вершине пирамиды китайского миропорядка стоял император — фигура, не имевшая себе равной в западном обществе. Он объединял в себе как духовное, так и мирское начало общественного порядка. Китайский император был как политическим правителем, так и загадочным понятием. По своей политической роли император воспринимался как высший властелин человечества — император рода человеческого, стоящий вверху мировой политической вертикали, отражавшей конфуцианскую иерархическую структуру общества в Китае. Китайский протокол требовал принятия его верховенства путем коу тоу — акта падения ниц, когда бьют лбом об пол трижды при каждом падении.

Вторая, загадочная, ипостась императора заключалась в его статусе «Сына Неба», символическом посреднике между Небом, Землей и человечеством. Эта роль накладывала моральные обязательства на императора. Император как человек, выполняющий правильные ритуалы и время от времени, как и все, претерпевавший суровые наказания, воспринимался как стержень «Великой гармонии» всех вещей, больших и малых. Если император отступал от пути добродетели, Поднебесная могла впасть в хаос. Даже природные катаклизмы могли означать дисгармонию, охватившую Вселенную. Правящая династия представлялась утратившей «мандат Неба», которое наделяло ее правом управлять: начинались восстания и новые династии восстанавливали Великую гармонию во Вселенной[21].

---

* Телеология — использование понятия цели для объяснения любых явлений. — *Примеч. пер.*

Концепции международных отношений: беспристрастность или равенство

Поскольку в Китае нет огромных соборов, там нет и дворцов Бленема. Политические гранды из числа аристократии вроде герцога Мальборо, построившего Бленем, еще не родились. Европа вступила в современную эпоху политической разношерстности — независимые принцы, герцоги и графы, самоуправляющиеся города, римская католическая церковь, претендовавшая на власть вне сферы компетенции государства, протестантские группы, стремившиеся строить свои собственные самоуправляемые гражданские сообщества.

Китайский поход к миропорядку во многом отличался от господствовавшей на Западе системы. Современная европейская концепция международных отношений возникла в XVI и XVII веках, когда средневековые структуры в Европе распались на группы приблизительно равных по значимости государств, а католическая церковь разделилась на разные автономные церкви. Основанная на балансе сил дипломатия определялась не столько их выбором, сколько неизбежностью. Ни одно из государств не обладало достаточной мощью, чтобы навязывать кому-либо свою волю; религии тоже не хватало сил для поддерживания единообразия во всех странах. Концепция суверенности и равенства перед законом любого государства стала основой международного права и дипломатии.

И лишь Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства, ведь ему никогда не встречались общества, сравнимые с ним по культуре и величию. Тот факт, что китайская империя возвышалась над всеми в своем географическом районе, принимался, по сути, как закон природы, своего рода мандат Неба. Для китайских императоров этот мандат отнюдь не означал неизбежно враждебных отношений с соседними народами, как правило, все обстояло по-другому. Как и Соединенные Штаты, Китай верил в свою особую миссию. Но Китай никогда не поддерживал американскую идею универсализма для распространения своих ценностей по всему миру. Китай занимался контролем за действиями варваров непосредственно у своего порога. Он стремился к тому, чтобы такие государства, как Корея, пла-

тившие дань, признавали особый статус Китая, а в ответ он даровал бы им такие привилегии, как торговые права. Что касается варваров, находящихся далеко, к примеру, европейцев, о которых они знали мало, китайцы, если снисходили до этого, относились к ним с дружественной отчужденностью. И они отнюдь не стремились превращать европейцев в свое подобие. Первый император Минской династии в 1372 году так выразил мысль об этом: «Страны Западного океана правильно называют отдаленными регионами. Они прибывают [к нам] из-за моря. Им трудно подсчитать год и месяц [прибытия]. Сколько бы их ни было, мы обращаемся с ними [по принципу] «кто прибыл к нам со скромностью, того мы провожаем с щедростью»[22].

Китайские императоры полагали бессмысленным рассматривать вопрос об оказании влияния на те страны, которым не повезло от природы располагаться так далеко от Китая. В китайском варианте исключительности Китай не навязывает другим свои идеи, но позволяет чужакам приезжать и получать их. Соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и китайской цивилизацией. От них требовалось лишь одно — признавать сюзеренитет китайского правительства. Те же, кто не признавал это, были варварами. Раболепие перед императором и соблюдение имперских ритуалов составляли главную суть культуры[23]. Когда империя была сильной, ее культурная сфера расширялась. Поднебесная являлась многонациональным территориально-государственным образованием с китайцами-ханьцами, составляющими большинство, и с множеством неханьских этнических групп.

Судя по китайским официальным документам, иностранные послы прибывали к императорскому двору не для того, чтобы вести переговоры или по каким-то государственным делам; они «прибывали, желая преобразиться» под культурным влиянием императора. Император не проводил «встреч на высшем уровне» с главами других государств: его аудиенции имели своей целью проявить «нежную заботу о людях издалека», принесших дань в знак признания его превосходства. Когда же императорский двор в Китае снисходил до того, чтобы направить своего представителя за границу, он посылал

туда не дипломатов, а «небесных посланников» двора Поднебесной империи.

Организация китайского правительства отражала иерархический подход к мировому порядку. Китай поддерживал связи с платившими ему дань странами, такими как Корея, Таиланд и Вьетнам, через министерство церемоний, что подразумевало только один аспект: дипломатия с этими народами являлась всего лишь частью умозрительной задачи поддержания Великой гармонии. Отношения с менее окитаизированными племенами к северу и западу от страны осуществлялись через «канцелярию для зависимых стран», нечто подобное колониальной администрации, в чью обязанность входило давать титулы вассальным князькам и поддерживать мир на границах[24].

Только в результате нажима со стороны Запада, в XIX веке несколько раз вторгавшегося в Китай, последнему после поражения в двух войнах с западными державами в 1861 году пришлось учредить аналог министерства иностранных дел, занимавшегося дипломатией в качестве самостоятельной правительственной функции. Министерство полагалось временной мерой, от которой откажутся сразу же после того, как минует непосредственный кризис. Новое министерство специально разместили в старом непрестижном помещении, ранее использовавшемся департаментом железных денег. Как сказал ведущий государственный деятель Цинской династии великий князь Гун, за этим просматривался «скрытый подтекст: оно не имеет такого же влияния, какое имеют другие традиционные правительственные ведомства, тем самым как бы сохраняя различие между Китаем и иностранными государствами»[25].

Идеи о межгосударственной политике и дипломатии европейского типа не входили в практику Китая. Более того, они противоречили традициям Китая и существовали только во времена раскола. Но будто по какому-то неписаному закону эти периоды разделения кончались объединением Поднебесной и восстановлением каждой новой династией принципа китаецентризма.

В качестве империи Китай предлагал другим окружающим его народам беспристрастность, но не равенство: он будет

относиться к ним гуманно и с сочувствием в той степени, в какой они принимают китайскую культуру, а соблюдение ими ритуалов означает подчинение Китаю.

Самым примечательным в плане китайского подхода к международным делам меньше всего были его огромные официальные претензии, главным оставалось подчеркивание его стратегической прозорливости и вечного существования. На протяжении почти всего времени в китайской истории многочисленные «менее развитые» народы, проживавшие вдоль протяженных и меняющихся границ Китая, зачастую обладали лучшим вооружением и большей мобильностью, чем китайцы. К северу и западу от Китая проживали полукочевые народы — маньчжуры, монголы, уйгуры, тибетцы и, наконец, экспансионистская Российская империя, чья кавалерия могла относительно безнаказанно осуществлять налеты через обширные границы Китая в его внутренние сельскохозяйственные земли. Для Китая же ответные экспедиции осложнялись такими обстоятельствами, как враждебная местность и большие пути для тылового обеспечения. К югу и востоку от Китая проживали люди, хотя номинально и подчиненные Китаю с космологической точки зрения, но обладавшие значительными военными традициями и национальными особенностями. Наиболее жизнестойкие из них — вьетнамцы — упорно сопротивлялись китайским претензиям на верховенство и могли похвастать своими боевыми победами над Китаем.

Китай никогда не мог завоевать всех своих соседей. Его население состояло в основном из крестьян, привязанных к землям их предков. Китайская элита — мандарины — становилась таковой не благодаря воинской храбрости, а совершенствуя знания в области конфуцианской классики и изящных искусств, таких как каллиграфия и поэзия. Соседние народы, каждый сам по себе, могли представлять огромную угрозу; если бы у них существовало какое-то единство, они могли бы тогда превосходить Китай. Историк Оуэн Латтимор писал: «...Вторжения варваров, так или иначе, представляли постоянную угрозу для Китая. ...Любая варварская страна, способная обеспечить безопасность своих тылов и флангов от нападения другой варварской страны, могла безбоязненно вторгнуться в Китай»[26]. Пресловутый центризм Китая и его

материальное благополучие могли сработать против китайцев и стать приглашением к вторжению извне.

Великая стена, широко известная по западным описаниям Китая, явилась отражением этой главной уязвимости, хотя и не была примером успешного решения проблемы. Взамен китайские государственные деятели опирались на набор дипломатических и экономических инструментов, стремясь повернуть враждебно настроенных иностранцев в русло таких отношений, с которыми китайцы могли бы справиться. Самым большим желанием было не столько завоевание (хотя Китай периодически проводил военные кампании), сколько предотвращение вторжения и недопущение создания варварских коалиций.

Предлагая торговые льготы и мастерски используя политическую арену, Китай терпеливо добивался от соседних народов признания его центральной роли, демонстрируя образ потрясающей величественности, чтобы потенциальным агрессорам не могла даже закрасться в голову мысль проверить Китай на прочность. Его целью было не завоевывать и не подминать под себя варваров, а «править [ими] на свободном поводке». В отношении тех же, кто не хотел подчиниться, Китай применял тактику их разделения, отлично «используя варваров против варваров»[27]. Вот что писал один из чиновников периода правления минской династии о племенах, несших скрытую угрозу северо-восточным границам Китая:

«Если племена разобщены между собой, они [остаются] слабыми и их легко держать в повиновении; если племена разделены, они чуждаются одно другого и легко подчиняются. Мы поощряем кого-либо [из их вождей] и позволяем им воевать между собой. Это является принципом [ведения] политики, гласящим: "внутренние войны между варварами благоприятны для Китая"»[28].

Цель этой системы сугубо оборонительная: не допустить создания коалиции на китайских границах. Принципы управления варварами так прочно укоренились в китайских официальных идеях, что, когда европейские «варвары» крупными силами пришли к китайским берегам в XIX веке, китайские чиновники описывали их вызов теми же самыми фразами, которые использовали их предшественники из предыдущих

династий: они будут «использовать варваров против варваров», до тех пор пока их не усмирят и не покорят. И они стали применять традиционную стратегию против нападения англичан. Они пригласили другие европейские страны, с тем чтобы вначале поощрить их, а затем возбудить вражду между ними.

Преследуя данные цели, китайский двор был на удивление прагматичным в том, что касается используемых им средств. Китайцы подкупали варваров или использовали демографическое превосходство ханьцев для их разобщения. Потерпев поражение, китайцы подчинялись варварам, как это произошло в начале правления династий Юань и Цин, а за этим следовала китаизация завоевателей. Императорский двор в Китае часто применял то, что в другом случае квалифицировалось бы как умиротворение, хотя эти шаги, пропущенные через сито тщательно разработанного протокола, позволяли китайской элите утверждать — это проявление благосклонного превосходства. Один из министров династии Хань так описывал «пять искушений», с чьей помощью удалось бы справиться с нависшими на северо-восточных границах гуннами:

«Дать им... изысканные одежды и кареты, чтобы подкупить их зрение; дать им вкусной еды, чтобы подкупить их рот; дать музыку и женщин, чтобы подкупить их уши; предоставить им большие дома, зернохранилища и рабов, чтобы подкупить их животы. ...Что касается тех, кто захочет сдаться, император окажет им благосклонность и устроит в их честь императорский прием, где император лично подаст им вина и еды, чтобы подкупить их разум. Это и есть то, что можно назвать пятью искушениями»[29].

Во времена своего расцвета дипломатия Срединного государства служила инструментом проведения идеологии императорской власти. В периоды ослабления она старалась скрыть се слабости и помогала Китаю справляться с соперничающими силами.

В сравнении с более современными региональными претендентами на власть Китай выглядел удовлетворенной всем империей с ограниченными территориальными амбициями. Как отмечал ученый периода династии Хань, «император не правит варварами. Те, кто к нему приходит, не будут отвергнуты, а тех, кто от него уходит, не будут преследовать»[30]. Целью

дипломатии прежде всего являлась уступчивая и разобщенная периферия, чем установление над ней строгого контроля со стороны Китая.

Наиболее примечательным выражением прагматизма Китая в главном следует считать его отношение к завоевателям. Когда иностранные династии побеждали в сражениях, китайская чиновничья элита предлагала свои услуги и взывала к завоевателям, убеждая их, что такими обширными и уникальными землями, только что ими покоренными, можно управлять только китайскими методами с помощью китайского языка и имеющегося китайского бюрократического аппарата. С каждым поколением завоеватели находили себя все более ассимилированными в тот порядок, который они стремились покорить. В конечном счете их родные земли — стартовые позиции их вторжения — становились частью собственно Китая. Оказывалось, они преследуют традиционные китайские интересы, а объект завоевания при этом снова главенствует[31].

Китайская «реальная политика» и «Искусство войны» Сунь-цзы

Китайцы всегда являлись хитрыми проводниками «реалполитик» и адептами стратегических доктрин, четко отличавшихся от стратегии и дипломатии, которые предпочитали проводить на Западе. Бурная история учила китайское руководство тому, что не каждая проблема имеет свое решение и что чересчур большой упор на полное господство над каким-то отдельным событием может разрушить гармонию Вселенной. У империи было слишком много потенциальных врагов, чтобы она чувствовала себя в полной безопасности. Если бы вдруг каким-то чудом в судьбе Китая возникла эта самая полная безопасность, то он все равно не ушел бы от потенциальной угрозы: Китаю всегда приходилось учитывать основные принципы жизни десятка соседних стран с разительно различными историями и устремлениями. Когда же конфликты интересов случались, китайские государственные деятели очень редко шли на риск и действовали по принципу: все или ничего. Их стилю ближе всего подходила разработка долго-

временных ходов. Там, где в западных традициях предпочли бы решительное столкновение сил и сделали бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой являлись подчеркивание дипломатических тонкостей, использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ.

Этот контраст отражается в соответствующих интеллектуальных играх, присущих каждой из цивилизаций. Игра, самая древняя в истории китайцев, называется «вэйци», на Западе часто именуется японским именем «го», представляя разновидность этой игры. «Вэйци» переводится как «игра окружающих фишек»*, она строится по принципу стратегического окружения. Доска, расчерченная на клетки в количестве 19 на 19, в начале игры остается свободной. У каждого игрока имеется 180 фишек, или камней, одинаковых по стоимости. Игроки ходят по очереди, ставя камни в любой точке на доске, выстраивая позиции силы, одновременно стремясь окружить и захватить камни противника. Многочисленные схватки происходят одновременно в разных частях доски. Баланс сил меняется с каждым ходом по мере того, как игроки осуществляют свои стратегические планы и реагируют на инициативы друг друга. В конце хорошо сыгранной игры доска оказывается заполненной частично заблокированными силовыми районами. Степень превосходства зачастую очень небольшая, и для неопытного глаза отнюдь не совсем ясно, кто же победил[32].

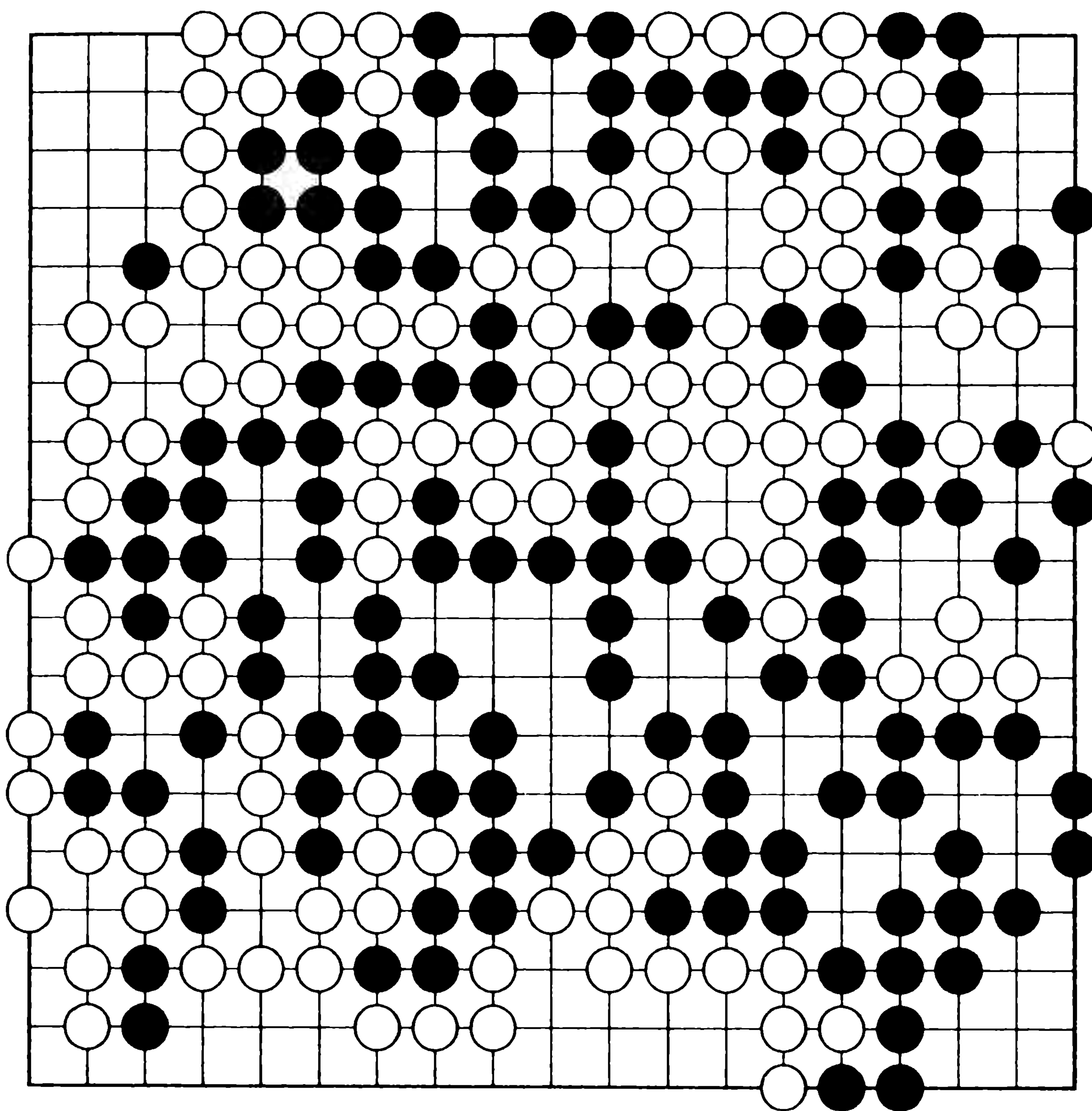
Шахматы, с другой стороны, — игра полной победы одной из сторон. Целью игры является объявление шаха, то есть следовало поставить короля противника в такую позицию, где он не может двигаться, не будучи уничтоженным. Большинство игр заканчивается полной победой, достигаемой путем изматывания противника, или, что реже, путем решительного и умелого маневра. Единственным другим результатом является ничья, означающая отказ от надежды на победу обеих сторон.

Если шахматы — игра за решающую победу, то «вэйци» — игра затяжной кампании. Шахматный игрок стремится к

---

* На русский язык эта игра переводится как «облавные шашки». — *Примеч. пер.*

полной победе. Игрок в «облавные шашки» старается получить относительное преимущество. В шахматах игрок всегда видит возможности противника перед ним: все фигуры расставлены на доске.

РЕЗУЛЬТАТ ИГРЫ В «ОБЛАВНЫЕ ШАШКИ»
МЕЖДУ ДВУМЯ ЗНАТОКАМИ ИГРЫ
ЧЕРНЫЕ ВЫИГРАЛИ С НЕБОЛЬШИМ ПЕРЕВЕСОМ

Источник: Дэвид Лай «Учимся на камнях: овладеваем китайской стратегической концепцией "ши" с помощью игры в "го"».

(Карлайл, Пенсильвания: Институт стратегических исследований Военный колледж сухопутных войск США, 2004 г.)

Игроку в «облавные шашки» нужно оценить не только фишки на доске, но и подкрепление, которое может использовать противник. Шахматы учат клаузевицианскому подходу

с идеей относительно «центра тяжести» и «кульминационного пункта» — игра обычно начинается как борьба за центр на доске. «Вэйци» учит искусству стратегического окружения. Если шахматист стремится уничтожить фигуры своего противника серией лобовых ударов, то талантливый игрок в «облавные шашки» ходит в «пустые» места на доске, постепенно сокращая стратегический потенциал камней противника. Шахматы вырабатывают простоту мышления, «вэйци» — стратегическую гибкость.

Подобного рода различие существует и в случае с китайской особой военной теорией. Ее основы заложены во времена потрясений, когда жестокие сражения между враждующими царствами косили население Китая. Реагируя на такое массовое убийство (и пытаясь выжить после него), китайские мыслители разработали стратегическую идею, согласно которой на первое место ставилась победа, достигнутая за счет психологического преимущества, они проповедовали недопущение прямого конфликта.

Истории известна такая плодовитая фигура по части сей славной традиции, как Сунь-цзы (или «учитель Сунь»), автор знаменитого трактата «Искусство войны». Загадкой истории является тот факт, что никто точно не знает, кем он был. С древних времен ученые спорят относительно происхождения автора «Искусства войны» и даты написания этого трактата. Книга представляет собой сборник высказываний некоего Сунь У, генерала и странствующего военного советника периода Весен и Осеней китайской истории (770—476 годы до н.э.), записанных его учениками. Некоторые китайские, а позднее и западные ученые задавались вопросом: а существовал ли этот учитель Сунь на самом деле или, если он существовал, действительно ли он ответственен за содержание «Искусства войны»[33]?

За два с лишним тысячелетия после составления трактата эта книга наблюдений по проблемам стратегии, дипломатии и войны, выраженных в форме афоризмов — написанная на классическом китайском языке и представляющая собой нечто среднее между поэзией и прозой — остается главным учебником военной мысли. Содержащиеся в трактате изречения

получили точное воплощение в период гражданской войны в Китае XX столетия в действиях ученика Сунь-цзы Мао Цзэдуна, а также во время вьетнамской войны в действиях Хо Ши Мина и Во Нгуен Зиапа, использовавших принципы Сунь-цзы о непрямых атаках и психологических сражениях против Франции и потом против Соединенных Штатов. (Сунь-цзы также получил как бы вторую жизнь на Западе в виде популярных изданий «Искусства войны», превративших его в гуру современного делового управления.) Даже в наше время крылатые выражения Сунь-цзы читаются как до некоторой степени отвечающие духу сегодняшнего дня и способные проникать в суть вещей, что ставит его в один ряд с наиболее знаменитыми мыслителями-стратегами мира. Кто-то может даже утверждать, что пренебрежение его наставлениями явилось главной причиной американских фиаско в азиатских войнах.

Сунь-цзы отличает от западных авторов по вопросам стратегии его упор на психологические и политические элементы в противовес чисто военным. Великие европейские военные теоретики Карл Клаузевиц и Антуан Анри Жомини рассматривали стратегию как самостоятельную деятельность в отрыве от политики. Даже известное изречение Клаузевица о том, что война является продолжением политики, но другими средствами, подразумевает, что при помощи войны государственный деятель вступает в новую и отличительную стадию.

Сунь-цзы объединяет две сферы. Если западные стратеги рассуждают о способах концентрации подавляющей силы в решающем месте, Сунь-цзы обращается к средствам создания доминирующей политической и психологической позиции, такой, при которой результатом конфликта становится отказ от конфликта. Западные стратеги проверяют свои изречения победами в сражениях, Сунь-цзы проверяет их победами, делающими сражения ненужными.

Учебник Сунь-цзы по вопросам войны не имеет такой степени экзальтации, какая присуща некоторым европейским произведениям на ту же тему, не взывает он и к личному героизму. Определенная мрачность трактата отражается в зловещем начале «Искусства войны»:

Война — серьезное дело государства;
Это дело жизни и смерти,
Путь к выживанию или гибели,
Дело, которое надо тщательно обдумывать[34].

Именно потому, что последствия войны такие серьезные, благоразумие становится самым ценным качеством:

Правитель никогда не должен, будучи во гневе,
Принимать решения о мобилизации своих людей;
Генерал никогда не должен, по злобе душевной,
Ввязываться в битву...

Гнев можно поменять на удовольствие;
Злобу можно сменить на радость.
Но разрушенную страну нельзя будет снова восстановить,
Погибшие не смогут воскреснуть.

Поэтому осторожный правитель благоразумен;
Готовый к действиям генерал предусмотрителен.
В этом заключается Путь,
Чтобы сохранить в стране мир
И не задействовать армию[35].

О чем должен беспокоиться государственный деятель? Для Сунь-цзы победа не просто триумф вооруженных сил, наоборот, это достижение тех наивысших политических целей, которые, как предполагалось, могли бы быть обеспечены при помощи военного столкновения. Гораздо лучше вызова противника на поле боя подрыв его морального духа или втягивание его на невыгодные ему позиции, откуда спасение невозможно. Поскольку война есть крайне ужасное и сложное мероприятие, важным является познание самого себя. Стратегия сводится к психологическому соревнованию:

Высшим совершенством является
Не достижение победы в каждом сражении,
А нанесение поражения противнику,
Даже не начиная битвы.
Наивысшей формой войны
Является удар по стратегии [неприятеля];

Следующим шагом следует
Нападение на его союзников.
Дальше следует атаковать армии;
Самой низкой формой войны
Является нападение на города.
Осада как война
Является последним средством...
Опытный стратег наносит поражение врагу
Без развязывания сражения,
Захватывает города без их осады,
Сваливает государства противника
Без продолжительных войн[36].

В идеале полководец получает позицию такого превосходства, при котором он может и вовсе избежать войны. Или же он использует оружие, чтобы осуществить завершающий смертельный удар после глубокого анализа, а также материально-технической, дипломатической и политической подготовки. С учетом это Сунь-цзы советует:

Победоносная армия сначала побеждает,
А потом прибегает к военным действиям;
Потерпевшая поражение армия сначала воюет,
А потом стремится к победе[37].

Так как атаки на стратегию противника и его союзников включают психологию и проницательность, Сунь-цзы особо подчеркивает важность использования уловок и дезинформации. Он советует поступать так:

Когда ты силен, притворись слабым;
Когда перемещаешь войска, сделай вид, что это не так.
Когда находишься близко, покажи, что ты далеко;
Когда ты далеко, покажи, что ты близко[38].

Для придерживающегося советов Сунь-цзы полководца победа, достигнутая не напрямую, а путем обмана или манипуляций, является более гуманной (и явно более экономичной), чем победа в результате превосходства сил. «Искусство войны» советует полководцу побудить противника выполнять именно то, что ему самому требуется, или заставить его занять

настолько невыгодную позицию, что он предпочтет сдать свою армию или страну без потерь.

Возможно, самым важным моментом в понимании Сунь-цзы было то, что в военном или политическом противостоянии все относительно и все взаимосвязано: погодные условия, формы местности, дипломатическая активность, шпионские донесения и агентурные данные, снабжение и работа тыловых служб, соотношение сил, общие исторические предпосылки, а также такие нематериальные факторы, как внезапность, моральный дух. Каждый фактор влияет на другие, придавая тончайший импульс движению в ту или иную сторону и давая тем самым относительное преимущество. Не бывает изолированных друг от друга событий.

Отсюда задача стратега состоит не столько в анализе конкретной ситуации, сколько в определении ее соотношения с обстановкой, в которой она возникает. Ни одна из конкретных совокупностей факторов не является статичной, каждый пример верен для конкретной ситуации и в конкретном контексте. Стратег должен определить направление этого развития и поставить на службу своим целям. Сунь-цзы использует слово «ши» для этой характеристики, понятие, не имеющее прямого западного эквивалента[39]. В военном смысле этого понятия «ши» имеет дополнительное значение, близкое понятию стратегического направления, и означающее «потенциальная энергия» развивающейся обстановки, «сила, присущая определенной классификации элементов и... тенденции ее развития»[40]. В «Искусстве войны» это слово ассоциируется с постоянно изменяющейся конфигурацией сил, равно как и их главным направлением.

Для Сунь-цзы стратег, совершенствующий «ши», похож на воду, текущую вниз по долине, естественным путем находящую самый быстрый и легкий путь. Успешный полководец выжидает, перед тем как очертя голову ринуться в схватку. Он отклонится от столкновения с мощью противника, он предпочтет заняться наблюдением и обработкой данных об изменениях на стратегическом ландшафте. Он проводит подготовительные мероприятия и изучает моральный дух противника, экономно расходует ресурсы и четко определяет их назначение, играет на слабостях своего противника — до тех пор, пока

наконец не почувствует, что настал момент нанести врагу удар в его самое уязвимое место. Затем он спешно и неожиданно для противника размещает свои ресурсы, будучи «на взлете», легко и быстро идет по пути наименьшего сопротивления, утверждая свое превосходство тем, что тщательное планирование и подготовка предоставили возможность говорить о свершившемся факте[41]. «Искусство войны» четко формулирует доктрину, которая меньше говорит о территориальных завоеваниях и больше о психологической доминанте; именно так северные вьетнамцы воевали с Америкой (хотя Ханой обычно использовал также и психологические победы для конкретных территориальных завоеваний).

В целом китайская государственная мудрость демонстрирует тенденцию рассматривать весь стратегический ландшафт как часть единого целого: добро и зло, близкое и далекое, сила и слабость, прошлое и будущее — все взаимосвязано. В противоположность западному подходу рассмотрения истории как процесса достижения современностью серии абсолютных побед над злом и отсталостью традиционный китайский взгляд на историю подчеркивает цикличный процесс упадка и возрождения, при котором природа и мир могут быть поняты, но не полностью подлежат управлению. Самое главное, к чему надо стремиться, так это добиться гармонии в данном процессе. Стратегия и искусство управления государством становятся средством «боевого сосуществования» с противником. Цель заключается в том, чтобы различными маневрами сделать его слабым, а самому построить собственное «ши», или стратегическую позицию[42].

Такой подход с использованием «маневрирования», конечно, является идеальным и не всегда соответствующим действительности. На протяжении своей истории китайцы участвовали в целом ряде далеких от «утонченности» и жестоких конфликтах, как в своей собственной стране, так и изредка за ее пределами. Если такого рода конфликты возникали — подобные конфликты, столкновения, мятежи имели место во время объединения Китая под властью Цинской династии, в период Троецарствия, Тайпинского восстания, гражданской войны XX столетия, — в Китае в массовом порядке гибли люди в масштабах, сопоставимых с потерями в европейских мировых

войнах. Кровопролитные конфликты возникали в результате разрушения внутренней системы в Китае — другими словами, как некий аспект внутреннего приспособления к состоянию, при котором внутренняя стабильность и защита против угрожающей опасности иностранного вторжения также становились предметом озабоченности.

С точки зрения классических китайских ученых мужей, мир никогда не может быть завоеван, мудрые правители могут надеяться только на соответствие главной тенденции момента. Их не манил возможностью заселения Новый Свет, никакое искупление грехов не ожидало их на дальних берегах. Земля обетованная — это и есть Китай, и китайцы уже в нем проживали. Блага культуры Срединного государства теоретически могли бы получить более широкое распространение на примере превосходства Китая у иностранцев на периферии империи. Но не находилось никакой славы для тех, кто, рискуя жизнью, отправился бы за моря, чтобы обратить дикарей на китайский путь истинный; обычаи божественной династии совсем не распространялись на далеких варваров.

В этом может быть глубокий смысл того, почему китайцы отказались от традиции мореплавания. Выступая с лекциями в 1820-х годах по своей философии истории, немецкий философ Гегель говорил о том, что китайцы рассматривали огромные просторы Тихого океана к востоку от их побережья как никому не нужные. Он отмечал, что Китай по большому счету не вел дел в морях, а предпочитал заниматься своими обширными землями. На земле проживало «бесконечно большое количество зависимых людей», в то время как море вынуждало людей двигаться вперед «за пределы ограниченного круга мысли и действия». Он писал: «Распространение моря далеко за пределами суши отсутствует в системе взглядов азиатских государств, хотя сами они граничат с морями, например Китай. Для них море — только предел, конец суши; они не испытывают позитивных чувств к нему». Запад установил паруса для распространения своей торговли и ценностей по всему миру. В этом плане Гегель утверждал, что сухопутный Китай — на деле когда-то являвшийся величайшей морской державой — был «отрезан от всеобщего исторического развития»[43].

Имея такие характерные традиции и тысячелетние обычаи в плане восприятия превосходства, Китай вступил в новое время как уникальная империя: государство, претендующее на всемирный характер его культуры и политических институтов, но не делающее каких-либо заметных шагов по распространению своей культуры в мире. Богатейшая страна в мире, не испытывавшая, однако, ни малейшего интереса к ведению внешней торговли и внедрению технологических новшеств. Государство с космополитической культурой, находящееся под надзором политической элиты, равнодушной к западному веку исследований. Оно представляло собой политическое образование, не имеющее аналогов в мире по своим географическим масштабам, но не осведомленное о мировых технологических и исторических течениях, которые вскоре будут угрожать его существованию.

Глава 2

ВОПРОСЫ ЦЕРЕМОНИАЛА И ОПИУМНЫЕ ВОЙНЫ

В конце XVIII столетия Китай находился в расцвете имперского величия. Цинская династия, установленная в 1644 году маньчжурскими племенами, совершившими набег на Китай с северо-востока, превратила Китай в крупную военную державу. Удачно сочетая маньчжурскую и монгольскую военную удаль с культурным и управленческим мастерством китайских ханьцев, династия развернула программу территориальной экспансии на север и запад, установив китайскую сферу влияния в Монголии, Тибете и на территории современного Синьцзяна. Китай занял господствующие позиции в Азии. По крайней мере он мог соперничать с любой другой империей в мире[44].

И все же наивысшая точка в развитии Цинской династии превратилась также и в поворотный пункт в ее судьбе, поскольку богатства и экспансионизм Китая привлекли внимание западных империй и торговых компаний, действующих далеко за пределами границ и концептуального аппарата традиционного китайского миропорядка. Впервые за всю свою историю Китай столкнулся с «варварами», совсем не стремившимися свергнуть китайскую династию и потребовать для себя мандат Неба на правление в стране. Они всего лишь предлагали заменить китаецентристскую систему мировоззрений совершенно новым взглядом на мировой порядок: ведение свободной торговли, а не уплата дани, разме-

щение посольств в китайской столице и обмен дипломатическими миссиями. К тому же ссылки на некитайских глав государств как на «уважаемых варваров», присягающих на верность китайскому императору в Пекине, они сочли бы недопустимыми.

Китайской элите было невдомек, что иностранные общества придумали новые промышленные и научные методы, которые — впервые за века или, возможно, вообще впервые в истории человечества — превзошли китайские. Паровая энергия, железные дороги, новые способы производства и создания капиталов сделали возможным колоссальный прорыв в производительности труда на Западе. Западные державы, заряженные импульсом конкуренции, подтолкнувшим их к продвижению на позиции традиционной сферы влияния Китая, расценили как смехотворные китайские претензии на всеобщее господство над Европой и Азией. Настроенные весьма решительно, они стремились навязать Китаю свои собственные стандарты международного поведения, если понадобится, то и с помощью силы. Возникшая в результате конфронтация стала вызовом основной китайской космологии и нанесла раны, болезненно отзывавшиеся и веком позже, во время начатого вновь возвышения Китая.

Начиная с XVII века китайские власти отмечали растущее число европейских торговцев на юго-восточном побережье Китая. Они не заботились о том, чтобы отличить европейцев от других иностранцев, действующих на окраинах империи, за исключением, возможно, бросающегося в глаза отсутствия у них атрибутов китайской культуры. В глазах китайских чиновников эти «варвары, пришедшие с Западных океанов», относились к числу «посланцев с данью» или «варваров-торговцев». В редких случаях некоторым разрешали добраться до Пекина, где они — если допускались к императору — должны были выполнить ритуал коу тоу: трижды коснуться лбом пола, распростершись ниц.

Пункты въезда в Китай и маршруты в столицу для иностранных представителей жестко регламентировались. Доступ на китайский рынок ограничивался строго контролируемой сезонной торговлей в Гуанчжоу (в те времена известном как

Кантон). Каждую зиму иностранным купцам следовало отплывать на родину. Им не разрешалось вести бизнес в других местах Китая. Подобная регламентация ставила их в затруднительное положение. Варварам, конечно же, не разрешалось преподавать китайский язык или продавать книги на китайском языке по истории и культуре. Их контакты должны были осуществляться только через местных торговцев, имеющих специальное разрешение[45].

Такие понятия, как свободная торговля, постоянные посольства и суверенное равенство — сложившийся к тому времени минимум прав для европейцев почти во всех других уголках земли, — были новостью в Китае. Единственным неафишируемым исключением являлась Россия. Быстрое продвижение последней на восток (владения царя соприкасались с территориями цинов в Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии) выдвинуло ее на уникальные позиции, дающие возможность угрожать Китаю. Цинская династия разрешила Москве в 1715 году открыть миссию Русской православной церкви в Пекине; в конечном счете она де-факто стала играть роль посольства, будучи единственным иностранным представительством в Китае на протяжении почти столетия.

Выданные западноевропейским купцам разрешения на контакты, несмотря на всю их ограниченность, рассматривались цинскими властями как значительная привилегия. Сын Неба, по мнению китайцев, оказал благосклонность, позволив им принять участие в китайской торговле — в частности чаем, шелком, изделиями из лака и ревенем, к которому «заморские варвары» проявили большой аппетит. Европа располагалась слишком далеко от Срединного государства и вряд ли могла быть китаизирована наподобие Кореи или Вьетнама.

С самого начала европейцы выступали в амплуа просителей в системе китайских данников, где они проходили как «варвары», а их торговля расценивалась как «дань». Но по мере роста благосостояния западных держав и их уверенности в себе подобное положение вещей становилось все более необоснованным.

Миссия Маккартни

Принятие китайского миропорядка было особенно неприемлемо для Британии («рыжеволосым варварам», как их называли в некоторых китайских исторических записях). Будучи лидирующей торговой и морской державой Запада, Великобритания выражала возмущение по поводу предназначенного ей места в космологии Срединного государства, чья армия, как отмечали англичане, все еще преимущественно использовала лук и стрелы и чей флот практически прекратил свое существование. Английские торговцы отвергали все увеличивающееся количество случаев «шантажа», применяемого уполномоченными китайскими купцами, через которых в соответствии с китайскими правилами должна была вестись вся западная торговля. Они старались получить доступ в другие части Китая за пределами юго-восточного побережья.

Первой серьезной попыткой Англии исправить ситуацию стала миссия в Китай лорда Джорджа Маккартни в 1793—1794 годах. Но эта значительная, хорошо спланированная и наименее всего «милитаризированная» европейская попытка изменить преобладающий формат китайско-западных отношений и добиться свободной торговли и дипломатического представительства на условиях равенства потерпела полное фиаско.

Изучить в деталях миссию Маккартни чрезвычайно любопытно и полезно. Дневник посланника, живописуя, как на деле проходило восприятие китайцами его роли, свидетельствует о пропасти между западным и китайским пониманием дипломатии. Маккартни, выдающийся общественный деятель и высокообразованный культурный человек, обладал многолетним опытом службы за границей и хорошо понимал все тонкости «восточной» дипломатии. В Санкт-Петербурге при дворе Екатерины Великой он в качестве чрезвычайного посланника провел переговоры о договоре о дружбе и торговле, по возвращении опубликовав хорошо принятую книгу наблюдений по российской истории и культуре. Впоследствии Маккартни занимал пост губернатора Мадраса. Он был великолепно подготовлен, как и многие из его современников, для того, чтобы дать старт новой дипломатии между разными цивилизациями.

Для образованного англичанина того времени поставленные перед миссией цели казались весьма скромными — особенно в сравнении с недавно установленным господством Британии над соседним гигантом Индией. Министр внутренних дел Генри Дандас в инструкциях для Маккартни обозначил попытку добиться «свободного общения с людьми, которые, возможно, только одни такие на земном шаре». Главными целями миссии ставились договоренность о взаимном обмене посольствами в Пекине и Лондоне и доступ торговцев в другие порты на восточном побережье Китая. По последнему пункту Дандас обязал Маккартни обратить внимание на установленную в Гуанчжоу систему правил, при которой чинились «препятствия» и осуществлялся «произвол», не дававшие английским купцам возможности участвовать в «честной конкуренции на рынке» (концепция, не имевшая эквивалента в конфуцианском Китае). Как подчеркивал Дандас, в обязанности Маккартни вменялось отвергать наличие каких-либо территориальных притязаний в Китае — заверение, которое непременно его получатель расценил бы как оскорбление, поскольку оно предполагало, что Британия все-таки могла в глубине души питать такие намерения[46]. Британское правительство обращалось к императорскому двору Китая как к равному, что было поразительно для британских правящих кругов, поскольку общение с незападной страной велось на небывалом уровне, с достоинством и на равных, в то время как Китай относился к Британии оскорбительно высокомерно и с полным пренебрежением. Дандас советовал Маккартни воспользоваться «скорейшей возможностью» внушить китайскому двору, что король Георг III рассматривает миссию Маккартни как «посольство в самое цивилизованное, равно как и самое древнее и населенное государство в мире, с намерением соблюдать его высочайшие постановления, сотрудничать и получать выгоды, которые должны вытекать из откровенных и дружественных взаимоотношений между той страной и своей собственной». Дандас также наставлял Маккартни подчиняться и выполнять «все требуемые Двором церемонии, которые не затрагивали бы честь Вашего Государя либо унижали бы Ваше собственное достоинство, с тем чтобы не ставить под угрозу успех Ваших переговоров». Как подчеркивал Дан-

дас, он не должен «позволить какой-либо мелкой детали этикета помешать достижению выгод, которые могли бы быть получены» в случае успеха его миссии[47].

В помощь для достижения своих целей Маккартни взял с собой множество образцов предметов, составлявших гордость английской науки и техники. В его свите находились хирург, терапевт, механик, металлург, часовщик, мастер по изготовлению математических инструментов и группа «Квинтет немецких музыкантов» для ночных выступлений. (Эти последние выступления оказались самой успешной частью миссии.) Его дары императору представляли собой продукцию, разработанную, по крайней мере частично, для демонстрации тех сказочных выгод, которые Китай мог бы получить, развивая торговлю с Англией: артиллерийские орудия, легкую коляску, инкрустированные бриллиантами наручные часы, английский фарфор (копии с китайских художественных образцов, как с одобрением отмечали цинские чиновники), портреты короля и королевы кисти Джошуа Рейнольдса. Маккартни даже привез использующий горячий воздух шар с выпущенным воздухом; предполагалось, что кто-то из его миссии пролетит на шаре над Пекином в порядке демонстрации. Но с таким же успехом англичане могли приехать и с пустыми руками.

Миссия Маккартни не добилась ни одной из поставленных перед ней особых целей; пропасть в восприятии мира оказалась бездонной. Маккартни собирался продемонстрировать успехи индустриализации, однако император воспринял его дары как дань. Британский посланник планировал, что его китайские хозяева признают свою безнадежную отсталость от прогресса технологической цивилизации и постараются установить особые отношения с Англией, рассчитывая эту свою отсталость преодолеть. На деле же китайцы отнеслись к англичанам как к бесцеремонному и не осведомленному ни в чем варварскому племени, ищущему особой милости от Сына Неба. Китай оставался приверженным своим сельскохозяйственным путям развития с его растущим населением, для которого производство продуктов питания становилось все более насущным, а его воспитанная на конфуцианстве бюрократия ничего не знала об основных элементах индустриали-

зации: паровом двигателе, кредитах и капиталах, частной собственности, общем образовании.

Первая нотка разлада проявилась, когда Маккартни и его свита отправились в Жэхэ, летнюю императорскую резиденцию на северо-востоке от Пекина, плывя вдоль побережья на нагруженных щедрыми подарками и деликатесами китайских судах. Однако висевшие на судах и начертанные иероглифами лозунги гласили: «Английский посол везет дань императору Китая». Маккартни принял решение, в соответствии с инструкциями Дандаса, «не жаловаться на это, решив для себя обратить на это внимание, когда возникнет подходящий момент»[48]. Еще когда он стал подъезжать к Пекину, главный мандарин, ответственный за работу с миссией, начал обсуждать тему, в ярком свете представившую существующую между ними пропасть в восприятиях. Вопрос состоял в том, будет ли Маккартни исполнять церемониал коу тоу перед императором или, как он сам настаивал, по английским обычаям станет на одно колено.

Китайская сторона начала дискуссию окольным путем, заметив, как вспоминал в своем дневнике Маккартни, «разные фасоны одежды, преобладавшие в каждой стране». Чиновники закончили свою мысль высказыванием о том, что китайские одежды в конечном счете лучше, поскольку они позволяют носящему их выполнять с большой легкостью «коленопреклонения и падения ниц, которые, по их словам, традиционно исполнялись всеми лицами, когда император появляется на публике». Не будет ли удобнее для английской делегации освободиться от нескладных наколенных пряжек и подвязок, перед тем как приблизиться к августейшей особе императора? Маккартни возразил, предположив, что императору могло бы понравиться, если бы он отвесил ему «такой же низкий поклон, в каком я склоняюсь перед своим собственным сувереном»[49].

Обсуждения вопроса о коу тоу продолжались с перерывами в течение нескольких недель. Китайские чиновники предлагали Маккартни на выбор: либо совершить коу тоу, либо вернуться на родину с пустыми руками. Маккартни отказался от того и от другого. В итоге договорились: Маккартни будет соблюдать европейские обычаи и станет на одно колено. Как оказалось, именно по данному конкретному вопросу Маккарт-

ни одержал единственную победу, правда, в официальном китайском отчете указывалось, будто Маккартни, восхищенный потрясающей величественностью императора, все же исполнил церемонию коу тоу[50].

Демонстрируемое по отношению к Маккартни в рамках мудреного китайского протокола весьма большое внимание преследовало лишь одну цель: заболтать его просьбы или отказать ему. Поглощенный всеохватывающим китайским протоколом и преисполненный заверений в космическом предназначении и неизменяемой цели каждого аспекта, Маккартни оказался едва способным начать свои переговоры. Тем временем он со смешанным чувством уважения и беспокойства отмечал расторопность большого бюрократического аппарата в Китае, заявляя, что «каждое обстоятельство, затрагивающее нас, и каждое слово, нами произнесенное, в ту же минуту отмечалось и запоминалось»[51].

К ужасу Маккартни, европейские технические чудеса не произвели ни малейшего впечатления на тех, кому он их передал. Когда им показали поставленные на лафет пушки, «наш сопровождающий отнесся с ним с видимым пренебрежением и говорил с нами так, словно такие вещи не в новинку в Китае»[52]. Привезенные линзы, карета и шар для закачивания горячего воздуха отставили в сторону с вежливым снисхождением.

Через полтора месяца посол все еще ждал аудиенции императора, а в промежутках устраивались банкеты. Организовывались развлечения, проводились дискуссии относительно должного протокола для возможной аудиенции императора. В итоге его вызвали в 4 часа утра в «большой шатер» для встречи с императором, которого принесли в паланкине некоторое время спустя с большой помпезностью. Маккартни удивлялся великолепию китайского протокола, в соответствии с которым «каждая процедура церемонии исполнялась при такой тишине и торжественности, что в какой-то мере напоминала исполнение религиозного таинства»[53]. После вручения подарков Маккартни и сопровождающим его лицам император в знак поощрения передал группе англичан «несколько блюд со своего стола», а затем протянул «каждому из нас собственноручно по чашке теплого вина, которое мы тут же выпили в его присутствии»[54]. (Следует помнить, что угощение вином лично

императором иностранных посланников входило в программу из пяти искушений при обращении с варварами во времена династии Хань[55].)

На следующий день Маккартни пригласили на прием по случаю дня рождения императора. Император принял Маккартни в своей ложе на театральном представлении. Маккартни решил — вот сейчас состоится разговор о задачах английского посольства. Но император внезапно вручил ему еще один подарок — шкатулку с драгоценными камнями и, как записал потом Маккартни, «маленькую книжечку с записями и рисунками, сделанными им самим, которую он хотел бы через меня подарить королю, моему господину, в знак дружбы, прибавив, что шкатулка хранилась в его семье 800 лет»[56].

Теперь, когда император оказал все знаки высочайшего внимания, китайские высокопоставленные лица предположили, что с учетом приближающейся холодной зимы настало время и для отъезда Маккартни. Изумленный Маккартни возразил, что обеим сторонам следует только еще «начать переговоры» по вопросам, указанным в инструкциях для него: он «едва приступил к исполнению обязанностей». Как подчеркивал Маккартни, король Георг желал бы получить для него разрешение обосноваться при китайском дворе в качестве постоянно действующего британского посла.

Рано утром 3 октября 1793 года один из чиновников разбудил Маккартни, попросил его надеть парадные одежды и отправиться в Запретный город, где ему ответят на его прошение. После многочасового ожидания его проводили вверх по лестнице к обитому шелком креслу, где вопреки чаяниям не восседал император, а лежало письмо от императора королю Георгу. Китайские мандарины совершили коу тоу письму, разрешив Маккартни преклонить перед письмом колено. В итоге императорское послание препроводили в занимаемые Маккартни апартаменты с соблюдением всех протокольных церемоний. Как оказалось, Маккартни присутствовал при одном из унизительнейших способов передачи послания в анналах британской дипломатии.

В начале полученной таким образом грамоты отмечалось «уважительное уничижение» короля Георга, направившего миссию с данью в Китай:

«Ты, о Король, живущий далеко за многими морями, тем не менее возгоревшийся смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, направил миссию, несущую с почтением твое послание».

Затем император отклонил все существенные просьбы, с которыми обращался Маккартни, включая предложение дать разрешение Маккартни учредить свою резиденцию в Пекине в качестве посла:

«Что касается твоих просьб направить одного из твоих соотечественников для аккредитации при моем Небесном Дворе для контроля за торговлей твоей страны с Китаем, то она противоречит обычаям моей династии и не может быть ни в коей мере поддержана. ...[Твой представитель не может] получить согласие на свободу передвижения и привилегию связи со своей страной, посему ты не сможешь ничего получить от того, что он поселится рядом с нами».

Предложение о том, что Китай мог бы направить своего посла в Лондон, как далее говорилось в грамоте, в глазах императора выглядело еще более нелепым:

«Предположим, Я направлю Посла в твою страну, как же ты сможешь организовать для него все необходимое? В Европе много других государств, кроме твоего собственного: если каждое и все они захотят иметь представительства при нашем Дворе, как же мы можем согласиться на это? Такое никак не возможно».

Возможно, как далее уточнял император, король Георг посылал Маккартни поучиться благам цивилизации из Китая. Но и это тоже никак не приемлемо:

«Если ты испытываешь благоговение перед нашей Божественной династией и хочешь ознакомиться с нашей цивилизацией, то наши церемонии и свод наших законов в корне отличаются от твоих. Даже если твой Посланник был бы способен познать основы нашей цивилизации, ты вряд ли смог бы перенести наши манеры и обычаи на свою почву, чуждую для них».

В том, что касается предложения Маккартни относительно выгод от торговли между Англией и Китаем, Двор Небесного императора уже оказал англичанам большую честь, раз-

решив им «свободно торговать с Китаем в течение большей части года»; все свыше этого «полностью нерационально». Маккартни, к сожалению, ошибался, думая о выгодах от торговли Англии с Китаем:

«Диковинные и дорогие предметы меня не интересуют. Если Я и отдал распоряжение принять дань, отправленную тобой, то только из уважения к твоему желанию, которое побудило тебя послать их из такой дали. ...Как твой посол смог убедиться, у нас есть все»[57].

При таком положении дел увеличить объем торговли сверх того, что уже имело место, представлялось невозможным. У Англии не было ничего, что Китаю было бы нужно, а Китай уже дал Англии все, что позволяли его божественные правила.

Расценив свое дальнейшее пребывание в Китае как безнадежное, Маккартни решил вернуться в Англию через Гуанчжоу. Уже приготовившись к отъезду, он обнаружил, что, как только император решительно отказался от британских предложений, мандарины стали, пожалуй, более внимательными. Маккартни задумался: а вдруг за этим что-то кроется? Он попытался это выяснить, но китайцы ограничились лишь проявлением дипломатической вежливости. Поскольку варвар-проситель, по-видимому, не понимал всякие тонкости, к нему относились в соответствии с императорским эдиктом на грани применения угроз. Император заверял короля Георга в том, что ему известно о расположении «его острова вдали от других стран, отрезанного от остального мира широкими морскими просторами». Китайская столица, напротив, была пупом земли и центром, вокруг которого все вертится. «Подданным наших вассалов никогда не разрешалось открывать дела в Пекине». Он закончил свою грамоту в назидательном тоне:

«С учетом всех перечисленных в деталях фактов твоим непременным долгом является принять с почтением мои чувства и подчиниться этим указаниям отныне и на все времена, дабы ты мог получить благословение о вечном мире»[58].

Император, явно незнакомый с дикой ненасытностью западных лидеров, играл с огнем, хотя и не понимал этого. Вывод, с каким Маккартни покидал Китай, не предвещал ничего хорошего:

«Парочка английских фрегатов по своей мощи превзошла бы все военно-морские силы этой империи... за полтора летних месяца они бы полностью прекратили всю навигацию вдоль ее берегов и поставили бы население приморских провинций, живущее в основном за счет рыболовства, на грань вымирания от голода»[59].

Каким бы излишне высокомерным ни выглядело сейчас поведение китайцев, следует помнить — такой стиль применялся веками в процессе становления и поддержания масштабного международного порядка. Во времена Маккартни преимущества от торговли с Западом были далеко не столь очевидны: поскольку валовой внутренний продукт Китая приблизительно в семь раз превышал английский, возможно, императору было бы простительно думать, что именно Лондон нуждался в помощи со стороны Пекина, а совсем не наоборот[60].

Императорский двор, без сомнения, поздравлял себя с тем, как ловко он обошелся с варварской миссией, каких больше не повторялось в течение 20 с лишним лет. Но причиной тому стала, скорее, не умелая китайская дипломатия, а наполеоновские войны, поглотившие все ресурсы европейских государств. Новая британская миссия появилась у берегов Китая в 1816 году, сразу же вскоре после свержения Наполеона. Ее возглавил лорд Амхерст.

На сей раз задержки из-за протокола переросли в физическое столкновение между британскими посланцами и придворными чиновниками, собравшимися в комнате перед тронным залом. Когда Амхерст отказался выполнить обряд коу тоу перед императором, которого китайцы назвали «Владыкой Вселенной», его миссия тут же и закончилась. Принцу-регенту Великобритании было приказано проявлять «сдержанность», если он хочет «добиться прогресса в переходе к цивилизованным отношениям»; и в довершение указано на то, что больше нет необходимости направлять миссии и «доказывать, что вы действительно наши вассалы»[61].

В 1834 году английский министр иностранных дел лорд Пальмерстон направил еще одну миссию, решив добиться большого прорыва. Пальмерстон, известный как человек,

слабо разбирающийся в тонкостях регламентаций Цинской династии, направил морского офицера — шотландца лорда Напье — с инструкциями, противоречащими одна другой. С одной стороны, требовалось «быть законопослушными и соблюдать обычаи Китая», с другой — одновременно просить установления постоянных дипломатических отношений и размещения британского посольства в Пекине, получения доступа в другие порты на китайском побережье и в то же время установления свободной торговли с Японией[62].

После прибытия Напье в Гуанчжоу он и местный губернатор попали в тупиковое положение: каждый из них отказывался принимать письма другого, считая унизительным общаться с лицом такого низкого уровня. Напье, к тому моменту получившему от китайских властей прозвище Старательный обманщик, стал повсюду в Гуанчжоу развешивать плакаты воинственного содержания, написанные при содействии местного переводчика. Судьба сама распорядилась в пользу китайцев, избавив их от заносчивого варвара, когда оба — и Напье, и его переводчик — подхватили малярийную лихорадку и покинули сей мир. Однако перед отбытием Напье обратил внимание на Гонконг, малонаселенные скалистые острова, чьи воды, по его мнению, могли бы послужить отличной естественной бухтой.

Китайцы могли вздохнуть с облегчением, в очередной раз принудив мятежных варваров уступить. Но с тех пор англичане больше никогда не приняли отказа. С каждым годом британская настойчивость росла и принимала угрожающий характер. Французский историк Ален Пейрефит так обобщил реакцию в Великобритании на итоги миссии Маккартни: «Если Китай остался закрытым, то двери должны быть вышиблены тараном»[63]. Все дипломатические маневры Китая и его резкие отказы только откладывали неизбежность наступления того момента, когда будет принято во внимание существование современной международной системы, сформированной в соответствии с замыслами европейцев и американцев. Этот учет реалий принесет китайскому обществу самое мучительное социальное, интеллектуальное и моральное напряжение за всю длинную историю огромной страны.

Столкновение двух миропорядков: Опиумная война

Само собой разумеется, влиятельные западные промышленные державы не собирались долго мириться с таким дипломатическим механизмом, на основании которого их называли платящими «дань» «варварами» или жестко регламентировали сезонную торговлю в одном-единственном порту Китая. Китайцы со своей стороны соглашались лишь на ограниченные уступки аппетитам западных торговцев, стремящихся к «выгоде» (по конфуцианским понятиям, не совсем достойный с точки зрения морали принцип). Но что совершенно не укладывалось у китайцев в голове, так это утверждение западных посланцев о том, что Китай является всего лишь одним государством среди многих подобных и что ему нужно смириться с постоянным присутствием в китайской столице варварских посланников.

Для современного человека ни одно из изначальных предложений западных гонцов не кажется каким-то особенно оскорбительным с точки зрения западных стандартов: цели свободной торговли, постоянные дипломатические контакты и постоянные посольства мало кого обижают сегодня, и к ним относятся как к обычному методу ведения дипломатии. Однако кульминацией конфронтации стал один из позорнейших аспектов западного вторжения: настойчивое требование неограниченного ввоза опиума в Китай.

В середине XIX века опиум был разрешен в Англии и запрещен в Китае, хотя огромное число китайцев потребляли его. Британская Индия являлась центром выращивания большей части мирового производства мака в мире. Английские и американские торговцы совместно с китайскими контрабандистами проворачивали быстрый бизнес. Опиум, по сути, сделался одним из немногих видов иностранных товаров, попадающих на китайский рынок; изделия известных британских марок отвергались как ничего не значащие или уступающие по качеству китайским товарам. Представители цивилизованного Запада расценивали торговлю опиумом как позор. Торговцы, естественно, не очень-то стремились прекращать выгодную торговлю.

При цинском дворе обсуждался вопрос о легализации опиума и организации его торговли, однако в конечном счете было решено покончить с опиекурением, разрушив и ликвидировав всю сеть. В 1839 году Пекин направил Линь Цзэсюя, опытного и хорошо подготовленного чиновника, закрыть торговлю в Гуанчжоу и заставить западных купцов подчиниться официальному запрету. Линь, будучи мандарином традиционно конфуцианского образца, решал проблему так, как любой другой вопрос, касающийся упрямых варваров: путем сочетания силы и увещевания. Прибыв в Гуанчжоу, он потребовал от западных торговых миссий собрать все опиумные ящики и уничтожить содержимое. Когда приказ Линя не был выполнен, он установил блокаду всех иностранцев, включая даже тех, кто не имел ничего общего с опиумной торговлей. На их фабриках объявили: блокада будет снята только после сдачи контрабанды.

Линь Цзэсюй следующим шагом направил письмо королеве Виктории, в котором со всем почтением, насколько позволял традиционный протокол, отдал должное «вежливости и покорности» ее предшественников, посылавших «дань» Китаю. Красной нитью послания проходило требование к королеве Виктории приказать уничтожить опиум на индийских территориях Великобритании:

«В ряде мест Индии, находящихся под твоим контролем, таких как Бенгалия, Мадрас, Бомбей, Патна, Бенарес и Мальва, опиум выращивается на каждом холме, там повсюду налажено его производство. ...Отвратительный запах курится повсюду, раздражая небо и пугая духов. Только ты, о Король, можешь уничтожить опиумные растения в тех местах, заставить выполоть мотыгой все поля, посадив на их место пять видов полезных зерновых. Кто снова осмелится сажать мак и производить опиум, должен получить суровое наказание»[64].

Просьба была правильной, даже будучи облаченной во фразы, насыщенные проявлениями традиционного китайского превосходства:

«Предположим, что человек из другой страны прибудет в Англию и начнет торговлю, он ведь должен подчиняться английским законам; насколько же сильнее он должен повиноваться китайским законам Божественной Династии? ...Если

купцы-варвары из твоей страны хотят заниматься бизнесом длительный срок, они обязаны с почтением подчиняться нашим законам и покончить навсегда с источником поставок опиума...

Ты, о Король, контролируй своих нечестивцев и подробно инструктируй своих дурных людей перед тем, как им отправиться в Китай, ради обеспечения мира в твоей стране, проявления своей вежливости и покорности и ради того, чтобы дать возможность обеим странам вместе наслаждаться благословенным миром. Нам повезло, действительно, нам повезло! По получении этого послания ты немедленно дай нам ответ по поводу деталей прекращения контрабанды опиума. Непременно доведи это дело до конца, не откладывай его»[65].

Переоценив возможности китайского давления, Линь своим ультиматумом угрожал прервать экспорт китайской продукции, которая, как он полагал, весьма ценилась западными варварами: «Если Китай прекратит предоставление этих выгод, без сочувствия по отношению к тем, кто должен пострадать, на что же варвары будут уповать, чтобы выжить?» Китаю нечего опасаться ответных мер: «Вещи, которые приходят извне в Китай, могут использоваться только в качестве игрушек. Мы можем брать их, а можем и обойтись без них»[66].

Послание Линя, кажется, даже не попало к Виктории. Тем временем общественное мнение в Британии расценило блокаду британского землячества в Гуанчжоу как возмутительное оскорбление. Члены лобби за «торговлю с Китаем» выступили с петицией в парламенте, требуя объявить войну. Пальмерстон направил письмо в Пекин с требованием «возмещения ущерба и исправления урона, нанесенного китайскими властями проживающим в Китае британским подданным, и за оскорбления, нанесенные этими же властями британской короне». Он также потребовал передать в постоянное пользование «один или два достаточно больших и хорошо расположенных острова на китайском побережье» для размещения складских помещений для британской торговли[67].

В своем письме Пальмерстон признал, что опиум считался «контрабандой» в соответствии с китайскими законами, но он унизился до оправданий и просьб узаконить эту торговлю, заявляя, что китайский запрет в соответствии с западными

принципами законности оказался недействительным из-за молчаливого согласия коррумпированных чиновников. Такая казуистика вряд ли могла кого-либо убедить, поэтому Пальмерстон не стал тянуть со своим уже принятым решением и сделал решительный шаг: в свете «срочной важности» данного дела и огромного расстояния между Англией и Китаем британское правительство отдало приказ флоту немедленно установить «блокаду главных портов Китая», захватывать «все встречные китайские корабли», а также взять «какой-нибудь удобный порт на китайской территории», до тех пор пока Лондон не получит удовлетворения[68]. Началась Опиумная война.

Китайская реакция поначалу была такой, что перспективы британской агрессии расценивались как пустая угроза. Один из чиновников объяснял императору, что большое расстояние между Китаем и Англией делает последнюю слабой: «Английские варвары — незначительная и презираемая раса, полностью полагающаяся на свои мощные корабли и большие пушки, но огромное расстояние, которое им приходится проходить, сделает невозможным своевременное снабжение, а их солдаты после первой же неудачи, без провианта, потеряют моральный дух и потерпят поражение»[69]. Даже после блокады англичанами реки Чжуцзян (Жемчужной) и захвата нескольких островов напротив порта Нинбо как демонстрации силы Линь Цзэсюй с негодованием писал королеве Виктории: «Твои дикари из дальних морей обнаглели до такой степени, что, кажется, открыто проявляют неповиновение и оскорбляют нашего всемогущего императора. Факты говорят, пора тебе «раскритиковать себя и очистить сердце» и тем самым исправить свое поведение. Если ты смиренно подчинишься Небесной династии и проявишь верноподданнические чувства, то это может дать тебе шанс очиститься от твоих прошлых грехов»[70].

Века господства деформировали чувство реальности Небесного двора. Претензии на господство только подчеркивали неизбежность унижений. Британские корабли быстро превзошли китайские прибрежные оборонительные силы и блокировали основные китайские порты. Пушки, когда-то отвергнутые занимавшимися делами миссии Маккартни мандаринами, били безжалостно.

Китайский высокопоставленный чиновник, Ци Шань, вице-губернатор провинции Чжили (административная единица, в те времена включавшая Пекин и ряд провинций вокруг него), пришел к пониманию относительно уязвимости Китая, когда его отправили установить предварительный контакт с британским флотом, плывшим на север в Тяньцзинь. Он признал, что китайцы не могут соревноваться с англичанами в огневой мощи на море: «Без ветра или без благоприятного течения они [паровые суда] скользят по поверхности против течения и способны на фантастическую скорость. ...Установленные на шарнирах тележки позволяют вращать пушки и нацеливать их в любом направлении». Как заметил Ци Шань, китайские пушки, напротив, сохранились еще со времен Минской династии, а «все, кто командует орудиями, являются офицерами с литературным образованием... у них и понятия нет о вооружениях»[71].

Придя к неутешительному выводу о том, что город остался беззащитным против британской морской мощи, Ци Шань попытался умиротворить англичан и отвлечь их внимание заверениями в том, что путаница в Гуанчжоу является недоразумением и не отражает «сдержанность и справедливые намерения императора». Китайские официальные лица «выяснят и разберутся с проблемой справедливо, но прежде всего [британскому флоту] необходимо повернуть на юг» и ожидать китайских инспекторов там. Как ни странно, но такой маневр сработал. Британские силы вернулись назад в южные порты, не нанеся вреда открытым северным городам Китая[72].

После очевидного успеха Ци Шаня послали в Гуанчжоу заменить Линь Цзэсюя и еще раз справиться с варварами. Император, судя по всему, так и не сумевший понять масштабы британского технического превосходства, наставлял Ци Шаня втянуть британских представителей в затяжные переговоры, пока Китай собирает силы. «После продолжительных переговоров, которые утомят и истощат варваров, — писал он своей красной кистью, — мы сможем неожиданно напасть на них, а затем и подавить их»[73]. Линь Цзэсюя уволили с позором как спровоцировавшего нападение варваров и отправили в ссылку во внутренние районы на западе Китая, где он размышлял над превосходством западного оружия и занимался

разработкой секретных материалов с рекомендациями Китаю производить собственное оружие[74].

Оказавшись на посту в южной части Китая, Ци Шань, однако, столкнулся с еще более серьезной ситуацией. Англичане потребовали территориальных уступок и контрибуции. Они прибыли на юг победителями и не потерпели бы никаких проволочек. После того как британские войска открыли огонь в нескольких местах на побережье, Ци Шань и его британский партнер по переговорам капитан Чарлз Эллиот подготовили проект соглашения, Чуаньбискую конвенцию*, в соответствии с которой англичанам предоставлялись особые права на Гонконг, была обещана контрибуция в размере 6 млн долл. США и устанавливалось, что в будущем контакты между китайскими и британскими официальными лицами будут проходить на основе равенства (то есть англичане избавлялись от необходимости соблюдения протокола, рассчитанного на просителей-варваров).

Конвенцию отвергли как китайское, так и британское правительства: каждое из них увидело в ней элементы унижения своего достоинства. Император отозвал Ци Шаня за превышение своих полномочий и слишком большие уступки варварам. Его привезли в цепях, а потом приговорили к смерти (позднее замененной ссылкой). С главой британской делегации на переговорах Чарлзом Эллиотом судьба обошлась помягче, хотя Пальмерстон весьма сурово укорял его за неудачно проведенные переговоры и ничтожные результаты по ним. «На протяжении всего времени ведения Вами переговоров, — жаловался Пальмерстон, — Вы, кажется, полагали, что мои инструкции — всего лишь пустой клочок бумаги». Гонконг — «неплодородный остров, на котором и одного дома даже нет»; Эллиот, настроенный излишне примиренчески, не сумел ухватить более ценные территории или поставить китайцам более жесткие условия[75].

Пальмерстон назначил нового посланника — сэра Генри Поттинджера, проинструктировав его на предмет занятия

---

* Конвенция названа по имени артиллерийского форта на острове Чуаньби (диалектное название Чуэньпи), в котором велись тогда переговоры между англичанами и китайцами. — *Примеч. пер.*

более жесткой позиции, поскольку «правительство ее величества не может позволить, чтобы во взаимоотношениях между Великобританией и Китаем возобладала нерациональная практика китайцев над разумной практикой остальной части человечества»[76]. Прибыв в Китай, Поттинджер усилил военное преимущество Великобритании, установил блокаду еще нескольких портов и прекратил сообщение по Большому каналу и нижнему течению реки Янцзы. Перед угрозой нападения англичан на древнюю столицу Нанкин китайцы запросили мира.

Дипломатия Ци Ина: умиротворение варваров

Поттинджер получил еще одного главу китайской делегации, третьего по счету, кому Двор, по-прежнему считавший себя высшим во Вселенной, давал такое совершенно неперспективное назначение, — маньчжурского князя Ци Ина. Ци Ин работал с англичанами в манере китайской традиционной стратегии, применяемой в случае поражения. Перепробовав уже и открытое пренебрежение, и дипломатические шаги, китайцы попытались притвориться уступчивыми, надеясь измотать варваров. Ведя переговоры под дулами орудий британского флота, Ци Ин исходил из того, что происходившее случалось ранее с министрами двора. Именно так частенько поступали власти Срединного государства и раньше: прося отсрочки, произнося много речей и одновременно выказывая тщательно отмеренную любезность, они успокаивали и укрощали варваров, выигрывая время и оттягивая тем самым их нападение.

Ци Ин изо всех сил старался установить личные отношения со «старшим над варварами» Поттинджером. Он одаривал Поттинджера подарками и демонстративно обращался к нему как милому и «близкому» другу (он специально для этой цели произносил это слово звуками соответствующих китайских иероглифов). В знак глубокой дружбы между ними Ци Ин даже обменялся с Поттинджером фотоснимками своих супруг и объявил о желании усыновить сына Поттинджера (он оставал-

ся в Англии, но стал после этого известен как Фредерик Кэин Поттинджер)[77].

В одном замечательном послании Ци Ин объяснился перед Небесным Двором, с недоумением воспринимавшим такой процесс обольщения. Он описал, как тяжело ему даются попытки умиротворить британских варваров: «Люди такого типа, являющиеся выходцами из мест, далеких от цивилизации, слепы во всем и не разбираются в стиле обращения и видах церемонии... даже когда наши языки оставались сухими, а горло мучила жажда (от того, как много мы их уговаривали следовать по нашему пути), они по-прежнему оставались глухи и действовали как глухие»[78].

Поэтому приемы, устраивавшиеся Ци Ином, его экстравагантная теплота по отношению к Поттинджеру и его семье подчинялись большим стратегическим замыслам, где поведение китайской стороны строго просчитывалось и в определенной мере дозировалось, а такие качества, как доверие и искренность, служили в качестве оружия. И не важно, отвечали они убеждениям или нет. Он продолжал:

«Конечно, мы должны обуздать их своей искренностью, но гораздо более необходимым оказалось управлять ими умелыми методами. Иногда можно было заставить их следовать по нашему направлению, но нельзя было давать им понять наши мотивы. Иногда мы все раскрывали так, чтобы у них не возникало подозрений, после чего мы могли развеять их воинственное беспокойство. Иногда мы устраивали для них приемы и развлечения, после которых они испытывали чувство признательности. А в другое время мы демонстрировали им свое доверие и широту своей души, считая, что нет особой необходимости углубляться в мелкие дискуссии с ними, в результате чего нам удавалось получить их поддержку в конкретном вопросе»[79].

Результатом сочетания двух факторов — западных превосходящих сил и китайских психологических уловок — стали разработанные Ци Ином и Поттинджером два договора: Нанкинский договор и дополнительный Боугский договор*. Ус-

* В российской историографии дополнительный договор к Нанкинскому договору 1842 года называют Хумэньским договором 1843 года —

тупалось больше сеттльментов, чем по Чуаньбиской конвенции. Договор в результате получился очень унизительным, хотя условия были менее жесткие, чем Великобритания могла бы навязать благодаря сложившейся военной ситуации. Предусматривалась выплата Китаем контрибуции в размере 6 млн долларов США, уступка Гонконга и открытие пяти прибрежных «договорных портов», где Западу разрешалось устраивать поселения и вести торговлю. Договором успешно демонтировалась «Кантонская система», при помощи которой китайский двор регулировал торговлю с Западом и ограничивал ее ведение только группой торговцев, наделенных специальной лицензией. Нинбо, Шанхай, Сямэнь и Фучжоу дополнительно включили в список договорных портов. Англичане обеспечили себе право устанавливать постоянные представительства в портовых городах и вести прямые переговоры с местными властями, минуя двор в Пекине.

Англичане также приобрели право осуществлять юрисдикцию над своими соотечественниками, проживающими в китайских договорных портах. На практике это означало, что иностранные торговцы опиумом подпадали под действие законов и правил своих собственных стран, а не китайских. Этот принцип «экстерриториальности», в то время входящий в число ряда других, менее противоречивых положений договора, в будущем стали рассматривать как главное нарушение китайского суверенитета. Однако поскольку о европейской концепции суверенитета в Китае и не слышали, экстерриториальность стала символом того времени, свидетельствующим не столько о нарушении норм законодательства, сколько о падении императорской власти. Такое «урезание» Небесного Мандата привело к серии внутренних волнений.

Английский переводчик XIX века Томас Медоус отмечал, что большинство китайцев сначала не оценили последствий Опиумной войны на длительную перспективу. Они называли

по названию узкого пролива в дельте реки Жемчужной под названием Хумэнь, или Ворота тигра, при ее впадении в Южно-Китайское море, вблизи города Гуанчжоу (западные наименования: Боуг, или Бокка тигр). Одним из берегов этого пролива является упомянутый ранее остров Чуаньби. — *Примеч. пер.*

уступки воплощением в жизнь традиционного метода поглощения и изматывания варваров. «Огромное тело страны, — полагали они, — может воспринимать прошедшую войну как мятежное нашествие одного из варварских племен, которое, сидя в безопасности на своих мощных кораблях, напало и захватило некоторые места на побережье, им даже удалось захватить в свои руки важный пункт на Большом канале, чем они принудили императора пойти на определенные уступки»[80].

Но западные державы и не думали так легко успокоиться. За каждой китайской уступкой выдвигалось дополнительное западное требование. Договора, изначально задумывавшиеся для получения временных концессий, превратились в итоге в процесс, в результате которого цинский двор терял контроль над большей частью торговой и внешней политики Китая. Вслед за британским договором президент США Джон Тайлер в спешном порядке направил миссию в Китай, планируя получить такие же точно уступки и для американцев, положив тем самым начало политики, ставшей впоследствии известной как «политика открытых дверей». Французы провели переговоры и заключили свой договор на аналогичных условиях. Каждая из этих стран, в свою очередь, включала пункт о «наиболее благоприятствуемой нации», из чего следовало, что любая уступка, оказанная Китаем другой стране, должна также предоставляться и подписавшей данный договор стороне. (Китайская дипломатия позже использовала данное положение с целью ограничения требований, поощряя конкуренцию между различными претендентами на особые привилегии.)

Эти договора справедливо непопулярны в китайской истории как первые в серии «неравноправных договоров», заключенных под давлением иностранной военной мощи. При заключении договоров в то время больше всего копий ломалось вокруг положения о равенстве сторон. Китай долго настаивал на своей позиции превосходства, укоренившейся в его национальном самосознании и отражавшейся в системе выплаты дани. Теперь же он столкнулся с иностранной державой, настроенной решительно на то, чтобы ее название было исключено из списка «стран-данников» Китая, и применявшей угрозу силой, чтобы доказать свое равенство с Небесной Династией.

Руководители обеих сторон понимали, что этот спор выходит далеко за рамки спора о протоколе или опиуме. Цинский двор желал бы утолить аппетиты алчных иностранцев деньгами и торговлей, но если бы устанавливался принцип политического равенства варваров с Сыном Неба, то это было чревато прямой угрозой всему китайскому миропорядку; династия рисковала потерей Мандата Неба. Пальмерстон в частых едких письмах к участникам переговоров с британской стороны относился к определению суммы контрибуции как к вопросу, имеющему сугубо символический характер. Но он не упускал возможности отругать их за уступки китайским партнерам, язык которых демонстрировал «утверждение превосходства Китая» или характеризовал победившую в войне Великобританию как подчиненного просителя божественной милости императора[81]. В конечном счете взгляды Пальмерстона победили, и в Нанкинский договор включили статью, в которой ясно говорилось о том, что китайские и британские официальные лица отныне будут «сотрудничать... на основе полного равенства». Более того, китайский текст включал употребляемые в письменном языке специальные китайские иероглифы с приемлемыми нейтральными значениями. Китайские протоколы (во всяком случае, те, к которым иностранцы имели доступ) отныне не описывали англичан как обращающихся к китайским властям «просителей» или «подчиняющихся с трепетом» их «приказам»[82].

Небесный двор пришел к пониманию военной слабости Китая, однако не видел подходящих способов решения вопроса. Во-первых, был применен традиционный способ ведения дел с варварами. Поражения не были в диковинку на протяжении долгой истории Китая. Китайским правителям приходилось с ними сталкиваться, и тогда применялся метод «пяти искушений», описанный в предыдущей главе. Они полагали общим для всех агрессоров желание приобщиться к китайской культуре; они хотели бы поселиться на китайской земле и стать частью китайской цивилизации. Поэтому постепенно их можно, дескать, укротить какими-то психологическими способами, по типу предложенных принцем Ци Ином, и со временем они, мол, станут частью китайской жизни.

Однако европейские агрессоры отнюдь не горели таким желанием и не ограничивались такими узкими целями. Оценивая себя как более продвинутые общества, они ставили своей целью эксплуатацию Китая для получения экономических выгод, а не для того, чтобы перенять образ жизни китайцев. Их требования сдерживались только их возможностями и степенью жажды наживы. В данном случае личные отношения не имели значения, поскольку главари агрессоров не соседствовали с Китаем, а жили за тысячи миль вдали от него, где правили мотивации, далекие от тонких материй и от стратегии обходных путей, подобно той, которую применял Ци Ин.

На протяжении десяти лет Срединное государство потеряло свое превосходство и стало предметом соперничества колониальных сил. Китай, оказавшись между двумя эрами и двумя различными концепциями международных отношений, стремился обрести свою новую сущность и более всего хотел примирить обозначавшие его величие ценности с техникой и торговлей, на основе которых ему отныне придется строить свою безопасность.

Глава 3

ОТ ПРЕВОСХОДСТВА К ЗАКАТУ

По мере продвижения вперед XIX века Китай пережил массу разнообразных ударов, которые изменили его исторический облик. До Опиумной войны он представлял дипломатию и торговлю в основном как формы признания превосходства Китая. В обсуждаемое нами время Китай переживал период очередной внутренней смуты, когда страна столкнулась с тремя вызовами извне; даже одного из них уже было бы достаточно, чтобы свалить династию. Эти угрозы пришли с разных направлений и в формах, прежде неизвестных истории Китая.

На Западе, за далекими морями-океанами, выросли европейские державы. Они бросали вызов, связанный не столько с защитой территорий, сколько с противоречивой концепцией мирового порядка. Западные державы, как правило, ограничивались получением экономических уступок на китайском побережье и требованиями прав на ведение свободной торговли и миссионерской деятельности. Парадоксально, но именно в этом содержалась угроза, хотя европейцы вовсе не рассматривали свои требования как захватнические. Они не стремились изменить правящую династию, они просто навязывали совершенно новый миропорядок, во всем не соответствовавший существующему в Китае восприятию мира.

С севера и запада экспансионистская и доминирующая в военном отношении Россия пыталась внедриться во внутренние районы Китая. Сотрудничество с Россией можно было бы

на время купить, но она не признавала никаких границ между ее собственными владениями и внешними владениями Китая. И в отличие от предшествовавших завоевателей Россия не становилась частью китайской культуры: империя временно лишалась территорий, на которые та проникала.

И все же ни западные державы, ни Россия не помышляли свергнуть цинов и заявить права на Мандат Неба. В конечном счете они пришли к выводу, что они больше потеряют от падения цинов. У Японии, напротив, не было никаких прямых интересов в сохранении древних институтов Китая или китаецентристского миропорядка. Наступая с востока, она стремилась не только к оккупации значительной китайской территории, но и к замене Китая в качестве центра нового мирового порядка в Восточной Азии.

В современном Китае с чувством уныния вспоминают о последовавшей серии катастроф как части печально знаменитого «столетия унижений», окончившегося только с объединением страны под националистической формой коммунизма. В то же самое время эра китайского падения по многим параметрам представляется испытанием его замечательных способностей превозмочь все невзгоды, способные погубить другие общества.

Пока иностранные армии маршировали по территории Китая и выдвигали унизительные условия, Небесный двор не переставал претендовать на центральную власть и был в состоянии распространять ее на большей части китайской территории. К захватчикам относились так же, как в предыдущие века, как некоей помехе, нежелательному перерыву в вечном ритме китайской жизни. Двор в Пекине мог действовать подобным образом, ведь иностранные грабежи происходили преимущественно на периферии Китая и оккупанты приходили, чтобы торговать; а поскольку дело обстояло именно так, то в интересах захватчиков было сохранять спокойствие на самых обширных и самых густонаселенных центральных территориях. Правительство в Пекине, таким образом, получало поле для маневра. По всем возникающим проблемам требовались переговоры с императорским двором, в силу чего тот получал возможность натравливать одних оккупантов против других.

При таком слабом раскладе китайские государственные деятели умудрялись играть свою роль весьма умело, не допуская еще более худшей катастрофы. С точки зрения равновесия в мире объективная расстановка сил не предполагала сохранения Китая как унитарного государства размером с материк. Опираясь на традиционное представление о своем превосходстве, Китай, несмотря на довольно часто бросаемые ему вызовы и на переполнявшие страну волны колониальных грабежей и внутренних волнений, в конечном счете собственными силами преодолел все свои проблемы роста. Пройдя через болезненный и часто унизительный процесс, китайские государственные деятели в итоге сохранили моральные и территориальные установления своего распадающегося на части миропорядка.

Что особенно примечательно — они поступали так, используя лишь свои традиционные методы. Некоторые представители правящего класса Цинской династии написали весьма велеречивые мемуары в классическом стиле, рассказав о вызовах, брошенных Западом, Россией и поднимающейся Японией, и о необходимости для Китая в итоге заняться «самоусилением» и улучшением собственных технических возможностей. Но китайская элита конфуцианского толка и основная масса консервативно настроенного населения страны сохраняли двойственное отношение к таким советам. Многие воспринимали книги на иностранных языках и западную технику как несущие угрозу культурной самобытности Китая и общественному порядку в стране. После доходивших до драк стычек победившая фракция решила: модернизация по западному пути будет означать отказ от своего уникального наследия, а это ничто не сможет оправдать. Поэтому Китай вступил в эру имперской экспансии без тех преимуществ, которые давала современная военная система общенационального уровня, и только частично приспособившись к иностранным финансовым и политическим нововведениям.

Стремясь выдержать натиск, Китай стал опираться не на технику или военную силу, а на два традиционных для него ресурса: аналитические способности собственных дипломатов,

а также на выносливость и веру народа в свою культуру. Была выработана искусная стратегия натравливания новых варваров друг против друга. Лица, ответственные за внешние сношения Китая, предлагали концессии в различных городах, но они специально приглашали многочисленный круг иностранцев принять участие в дележе добычи, таким образом «используя варваров против варваров» и избегая доминирования какой-то одной державы. Они выдвигали условие и настаивали на необходимости строго придерживаться духа и буквы «неравноправных договоров» с Западом и иностранных принципов международного права, но не потому, что китайские чиновники считали их действительными с правовой точки зрения, а потому, что такое поведение давало возможность урезать амбиции иностранцев. Перед лицом двух потенциально превосходящих по силе претендентов на господство в Северо-Восточном Китае, практически не обладая военными силами для того, чтобы дать им отпор, китайские дипломаты настроили Россию и Японию друг против друга, взаимно нейтрализовав масштабы и длительность вторжений и той и другой страны.

В свете контраста между военной слабостью Китая и его экспансионистским видением своей роли в мире значительным достижением стала тыловая оборона с целью сохранения китайского правительства. Это достижение не отмечалось каким-то празднованием побед. Это была незавершенная, длившаяся долгое время, пережившая и порой убивавшая своих сторонников попытка, в реализации которой было множество отступлений и имелось много внутренних противников. Эта борьба стоила очень и очень дорого китайскому народу, чье терпение и выносливость служили, не в первый и не в последний раз, в качестве последней линии обороны. Но она позволила сохранить Китай в идеале как занимающую целый континент реальность, как страну, ответственную за свою собственную судьбу. Выработанные во время изнурительной борьбы огромная самодисциплина и уверенность в своих силах дали возможность Китаю вновь возродиться в более позднюю эпоху.

Завет Вэй Юаня: «Использование варваров против варваров», изучение их технологий

В лавировании между коварными нападками западноевропейских стран с их превосходящей техникой и новыми амбициями таких стран, как Россия и Япония, Китаю помогала его связь с древней культурой и сверхвысокая подготовка дипломатов, что само по себе весьма примечательно с учетом общей тупости императорского двора. К середине XIX века только небольшая группа представителей китайской элиты начала понимать — Китай больше не живет в мире собственного превосходства и он должен обучиться азам новой системы конкурирующих между собой силовых блоков.

Одним из таких чинов был Вэй Юань (1794—1856 годы), конфуцианский мандарин среднего разряда, помощник Линь Цзэсюя, генерал-губернатора Гуанчжоу, удар которого по опиумной торговле вызвал британское вторжение и в итоге привел его к изгнанию. Оставаясь приверженцем Цинской династии, Вэй Юань был глубоко озабочен сохраняющимся при дворе самомнением. Он написал первое исследование зарубежной географии с использованием собранных и переведенных материалов, полученных у торговцев и миссионеров. При этом он ставил цель заставить Китай бросить свой взор за пределы стран-данников, находящихся непосредственно у его границ.

Написанный в 1842 году труд Вэй Юаня «Планы морской обороны», по сути, являвшийся исследованием причин поражения Китая в Опиумной войне, предлагал применить в китайской практике того времени уроки европейской дипломатии, основанной на поддержании баланса сил. Признавая материальную слабость Китая в столкновении с иностранными державами — предпосылка, его современниками в целом не признававшаяся, — Вэй Юань выдвигал методы, при помощи которых Китай мог бы получить поле для маневра. Вэй Юань предлагал многоцелевую стратегию:

«Существуют два способа борьбы с варварами, а именно: подталкивать враждебно относящиеся к варварам страны к нападению на них и изучать все, в чем варвары превосходят нас, дабы держать их в узде. Существует два способа поддер-

жания мира с варварами, а именно: разрешить различным торговым странам вести торговлю и таким образом сохранять мир с варварами и выполнять первый договор Опиумной войны с целью ведения международной торговли»[83].

В этом проявилось умение анализировать китайской дипломатии, которая, столкнувшись с превосходящим противником и всевозрастающими требованиями, поняла, что соблюдение даже унизительного договора ставит определенные ограничения перед новыми вымогательствами в дальнейшем.

Одновременно Вэй Юань изучил страны, которые, основываясь на европейском принципе поддержания баланса сил, предположительно могли бы оказать давление на Великобританию. Ссылаясь на прецеденты из древности, когда династии Хань, Тан и ранняя Цин справлялись с устремлениями агрессивных племен, Вэй Юань изучил земной шар в поисках «враждебной страны, которой боялись бы английские варвары». Написав так, как будто лозунг «пусть варвары борются против варваров» мог бы действовать сам по себе, Вэй Юань указал на «Россию, Францию и Америку на Западе, а также гурков [из Непала], Бирму, Сиам [Таиланд] и Аннам [Северный Вьетнам]» на Востоке как на возможных кандидатов. Вэй Юань представлял, как Россия и гурки нападут на самые удаленные и хуже всего защищенные интересы Великобритании — ее индийскую империю. Поощрение давней враждебности Франции и Америки по отношению к Англии, подталкивание их к нападению на Британию с моря стало еще одним оружием анализа Вэй Юаня.

Весьма оригинальное решение, претворению в жизнь которого мешал только один-единственный факт: китайское правительство не имело ни малейшего понятия о том, как воплотить его в жизнь. У него были весьма неполные знания в отношении потенциальных союзных стран и ни одного китайского представительства в этих странах. Вэй Юань пришел к пониманию ограниченности возможностей Китая. Он утверждал, что в век глобальной политики вопрос состоял не столько в том, что «невозможно использовать дальних варваров», сколько в том, что «нам нужны люди, которые могли бы договориться с ними» и которые знали бы «их местонахождение [и] их предпочтения дружбы и враждебности»[84].

Когда Пекину не удалось, как предлагал Вэй Юань, остановить британское продвижение, ему необходимо было ослабить позиции Лондона как в мире, так и в Китае. И он выдвинул еще одну необычную идею: пригласить в Китай других варваров и противопоставить их алчность британской, в результате чего Китай остался бы балансирующей силой, способной контролировать свой собственный раздел. Вэй Юань далее писал:

«Сегодня английские варвары не только оккупировали Гонконг и накопили огромное количество богатств, чем они гордятся по сравнению с другими варварами, но также открыли порты и добились распространения прав благоприятствования и для других варваров. Так зачем же давать возможность английским варварам благодетельствовать другим варварам и тем самым увеличивать число их сторонников, уж лучше нам самим дать им эти блага, дабы иметь возможность их контролировать как пальцы на своей руке?»[85]

Другими словами, Китаю следовало бы предоставлять концессии всем алчущим странам, а не позволять Великобритании получать их и иметь свои выгоды от дележа добычи с другими странами. Механизм достижения поставленной цели заключался в реализации принципа наиболее благоприятствуемой нации: любая полученная одной страной привилегия автоматически распространяется на все другие[86].

Время — понятие субъективное. В пользе от предлагавшихся Вэй Юанем хитроумных маневров можно было бы убедиться только в случае, если бы Китай вооружил себя «наивысшими техническими достижениями варваров». Как советовал Вэй Юань, Китаю следует «пригласить западных мастеров в Кантон» из Франции или Соединенных Штатов, «чтобы те взялись за строительство кораблей и производство оружия». Вэй Юань подвел итоги новой стратегии, предложив следующее: «Для установления мира нам надлежит использовать варваров против варваров. После достижения мира нам следовало бы обучиться их наивысшим техническим достижениям с целью установления контроля над ними»[87].

Небесный Двор, изначально отвергавший призывы к технической модернизации, принял стратегию выполнения буквы договоров Опиумной войны, лишь бы установить предел

западным требованиям. Как позднее писал один из высокопоставленных официальных лиц, двор будет «выполнять положения договоров и не позволит иностранцам выйти хоть на йоту за их пределы»[88].

Эрозия власти: внутренние потрясения и проблема иностранного вторжения

Западные договорные державы, разумеется, не хотели, чтобы их выстраивали в один ряд, и после завершения переговоров между Ци Ином и Поттинджером начала проявляться новая пропасть в ожиданиях сторон. Для китайского двора эти договоры были временной уступкой, сделанной под давлением варваров, и потому в определенной степени необходимой, но никогда добровольно не расширяемой. Для Запада же договоры были началом долгосрочного процесса, с помощью которого Китай постепенно приобщался бы к западным нормам политических и экономических обменов. Но то, что Запад рассматривал как процесс просвещения, в Китае некоторыми расценивалось как философское оскорбление.

Именно поэтому китайцы отказывались подчиниться иностранным требованиям расширить сферу применения договоров с тем, чтобы распространить свободную торговлю на весь Китай и установить постоянные дипломатические представительства в китайской столице. Несмотря на крайне ограниченные знания о Западе, Пекин понимал, что сочетание превосходящих сил иностранцев, неконтролируемой активности иностранцев в Китае и многочисленных западных миссий в Пекине серьезно подорвало бы китайские воззрения на мировой порядок. Стань Китай однажды «нормальным» государством, он потерял бы свою исторически уникальную моральную силу; он стал бы еще одной слабой страной, осажденной захватчиками. В этом контексте кажущиеся пустяшными споры о дипломатических и экономических прерогативах превратились в крупное столкновение.

Все это происходило на фоне крупных внутренних беспорядков в Китае, которые китайские официальные лица, уполномоченные вести дела с иностранцами, по большей части

скрывали за невозмутимым спокойствием и уверенностью в себе, — особенность, оставшаяся неизменной и в современный период. Маккартни еще в 1793 году отмечал непростые взаимоотношения между правящим классом маньчжурской династии Цинов, китайским чиновничеством из числа ханьцев и обычным населением, большую часть которого составляли ханьцы. Он писал: «Не проходит и года, чтобы не происходило восстания в какой-либо из провинций»[89].

Мандату Неба, выданному этой династии, бросили вызов, когда внутренние противники усилили накал сопротивления. Их требования носили как религиозный, так и этнический характер, тем самым подливая масла в огонь конфликтов, зачастую выливавшихся в крупные кровопролития. На дальних западных границах империи происходили мусульманские восстания, объявлялись и исчезали недолго существовавшие сепаратистские ханства, подавляемые ценой больших финансовых и человеческих жертв. В Центральном Китае восстание, ставшее известным как восстание няньцзюней, получило поддержку трудящегося ханьского населения. Этот мятеж длился почти два десятилетия (с 1851 по 1868 год).

Самый серьезный вызов был брошен Тайпинским восстанием (1850—1864 годы), которое подняли китайские христианские секты на юге страны. Миссионеры существовали веками, хотя их деятельность жестко регламентировалась. Они начали проникновение в страну в большом количестве после Опиумной войны. Возглавляемое харизматичным китайским мистиком, заявлявшим, будто он является младшим братом Иисуса и его единомышленником, обладающим телепатическими способностями, Тайпинское восстание преследовало цель свержения династии Цин и создания нового «Небесного государства великого спокойствия» («Тайпин тяньго»), которое жило бы по правилам, почерпнутым из замысловатым образом истолкованных лидерами восстания текстов миссионерских книг. Силам тайпинов удалось захватить власть и сместить цинов в Нанкине и на большей части Южного и Центрального Китая, где они осуществляли свою власть, выступая в качестве новой нарождающейся династии. Западная историография, несмотря на слабые знания об этом конфликте между тайпинами и цинами, называет его самым разруши-

тельным конфликтом в китайской истории. Число его жертв, по некоторым оценкам, превысило десятки миллионов. Хотя официальной статистики по этому поводу не существует, но, по некоторым оценкам, Тайпинское восстание, мусульманские мятежи в Синьцзяне и Няньцзюньское восстание уменьшили население страны примерно с 410 миллионов в 1850 году до 350 миллионов в 1873 году[90].

Французские и американские участники переговоров потребовали пересмотра Нанкинского договора в 1850-х годах, когда Китай разрывался от этих гражданских конфликтов. Страны — подписанты договора требовали разрешения их дипломатам проживать в течение всего года в китайской столице в знак того, что они не являются посланниками странданников, а представляют равные суверенные государства. Китайцы придерживались тактики затягивания переговоров, выдвигая огромное количество преград. Судьбы предшественников в немалой степени накладывали свой отпечаток на поведение глав китайских делегаций, поэтому ни один из цинских мандаринов не хотел бы делать уступки по вопросу о постоянных дипломатических представительствах.

В 1856 году дотошная инспекция зарегистрированного в Великобритании китайского судна «Эрроу», а также якобы имевшее место осквернение британского флага стали предлогом для возобновления враждебных действий. Как и в конфликте в 1840 году, повод для войны был весьма прозаическим (срок действия британского свидетельства судна, как позже выяснилось, действительно истек), но обе стороны поняли, что ставки весьма высоки. Поскольку китайская оборона находилась еще в зачаточном состоянии, британские войска заняли Гуанчжоу и форт Дагу на севере Китая, откуда они легко могли бы выступить на Пекин.

Последовавшие затем переговоры продемонстрировали расхождения во взглядах двух сторон, оставшиеся, как и ранее, очень большими. Англичане стояли на своем с миссионерской убежденностью, представляя свои позиции на переговорах как общественное благо, которое поможет Китаю догнать современный мир. Так, заместитель главы представлявшей Лондон делегации Горацио Лэй, обобщив превалировавшее тогда мнение Запада, писал: «Дипломатическое представительство, как

вы, несомненно, увидите, будет для вашего же блага, как и для нашего. Лекарство может быть горьким на вкус, но действие его будет отличным»[91].

Цинские власти отнюдь не пришли в восторг от предложенной им идеи. Они согласились на выполнение условий договора только после многочисленных мучительных внутренних согласований между императорским двором и его представителем на переговорах с англичанами, а также из-за новой британской угрозы наступления на Пекин[92].

Главной в заключенном в 1858 году Тяньцзиньском договоре являлась уступка, которой Лондон тщетно добивался почти шесть десятилетий: право на учреждение постоянной миссии в Пекине. Договором также разрешались поездки иностранцев по реке Янцзы, открывались дополнительно «договорные порты» для торговли с Западом, устанавливалась защита китайцев, обращенных в христианство, и западных проповедников христианства в Китае (реализация такого положения оказалась бы особенно трудной для цинов, учитывая Тайпинское восстание). Французы и американцы заключили собственные договоры на аналогичных условиях в соответствии со статьями о наиболее благоприятствуемой нации.

Договорные державы теперь все свое внимание обратили на установление постоянных посольств в явно враждебно настроенной столице. В мае 1859 года новый английский посол Фредерик Брюс прибыл в Пекин для обмена ратификационными грамотами по Тяньцзиньскому договору, дававшему ему право обосноваться в Пекине. Обнаружив, что главный маршрут следования — река Байхэ — перегорожена железными цепями и заостренными пиками, он приказал отряду английских моряков убрать препятствия. Однако китайские войска нанесли удар по группировке Брюса, открыв огонь из недавно укрепленных фортов Дагу в провинции Чжили. В результате последовавшего сражения было убито 519 и ранено 456 англичан[93].

Так, китайцы одержали первую победу в борьбе с более современными западными войсками, поколебавшую, по крайней мере временно, представление о их военной немощи. Пальмерстон направил лорда Элгина с поручением возглавить англо-французское наступление на Пекин и с приказом занять

столицу и «урезонить императора». В отместку за «разгром в Дагу» и в знак демонстрации силы Элгин приказал сжечь императорский Летний дворец Юаньминъюань, уничтожив бесценные сокровища, — акт, до сих пор, почти полтора века спустя, вызывающий негодование в Китае.

Семидесятилетняя история сопротивления Китая западным нормам межгосударственных отношений в тот момент достигла своей неоспоримо критической точки. Усилия на дипломатическом фронте по затягиванию этого процесса не принесли ожидаемых результатов: сила столкнулась с превосходящей силой. Требования варваров о суверенном равенстве, когда-то отвергнутые в Пекине как смехотворные, вылились в угрожающую демонстрацию военного превосходства. Иностранные армии оккупировали столицу Китая и насадили западную трактовку политического равенства и посольских привилегий.

Но тут в бой вступает еще один претендент на свою долю китайского наследства. К 1860 году русские имели свое представительство в Пекине на протяжении почти 150 лет — духовную миссию, благодаря которой Россия была единственным европейским государством, получившим разрешение учредить свое представительство. Российские интересы в каком-то смысле совпадали с интересами европейских держав; Россия получала все привилегии, которые предоставлялись договорным державам без присоединения к периодической демонстрации силы со стороны Англии. С другой стороны, главной целью было пойти дальше распространения православия в Китае или ведения прибрежной торговли. Она замышляла воспользоваться упадком цинов, чтобы расчленить китайскую империю и присоединить к себе «внешние доминионы». Россия, в частности, положила глаз на слабо управляемые и нечетко демаркированные просторы Маньчжурии (родина маньчжуров на северо-востоке Китая), Монголию (в то время степное пространство полуавтономных племен на севере Китая) и Синьцзян (пространство из гор и пустынь на дальнем западе, населенное в те времена преимущественно мусульманскими народностями). Для этого Россия постепенно и намеренно продвигалась и расширяла свое присутствие вдоль этих приграничных районов, завоевывала

благосклонность местных князьков, предлагая им должности и материальные блага и подкрепляя свои действия грозной кавалерией[94].

В период максимальной опасности для Китая Россия проявила себя как колониальная держава, предложившая посреднические услуги в конфликте 1860 года, что было, по сути, одной из форм угрозы вмешательства. Мастерская — другие могли бы ее назвать двуличной — дипломатия поддерживалась открытой угрозой применения силы. Молодой граф Николай Павлович Игнатьев, умный и хитрый царский полномочный представитель, сумел убедить китайский двор в том, что только Россия может обеспечить вывод западных оккупационных сил из китайской столицы и убедить западные державы в том, что только Россия сможет обеспечить выполнение Китаем обязательств по договорам. Облегчив англо-французское продвижение на Пекин путем предоставления карт и разведданных, Игнатьев, с другой стороны, убедил оккупационные силы в том, что с приближением зимы река Байхэ — водный путь в и из Пекина — замерзнет и таким образом армия окажется окруженной враждебно настроенными толпами китайцев[95].

За эти услуги Москва получила поразительный выкуп в виде территории: широкая полоса земли в так называемой Внешней Маньчжурии вдоль тихоокеанского побережья, включая город Владивосток[96]. Одним махом Россия приобрела крупную новую военно-морскую базу, форпост на Японском море и 350 тысяч квадратных миль территории, когда-то считавшейся китайской. Игнатьев также провел переговоры о положении об открытии Урги (ныне Улан-Батор) в Монголии и города Кашгар на далеком западе Китая для торговли с Россией и учреждения там консульств. Унижение было усилено тем, что Элгин, в свою очередь, обеспечил для Англии расширение колонии в Гонконге за счет соседней территории Цзюлун. Китай попытался заручиться поддержкой России на случай еще одного нападения договорных держав, господствовавших в китайской столице и на побережье, но в эпоху китайской слабости «использование варваров против варваров» не обходилось без жертв.

Сопротивляясь угасанию

Китаю не удалось бы выжить в течение четырех тысячелетий как уникальной цивилизации и в течение двух тысячелетий как унитарному государству, если бы он пассивно относился к безудержным иностранным вторжениям. На протяжении всего этого периода завоеватели либо принимали китайскую культуру, либо их постепенно поглощали свои же подданные, скрывавшие свое сопротивление под маской терпимости. Наступил еще один такой период.

В результате конфликта 1860 года император и дворцовая фракция, выступавшая против учреждения британской миссии, покинули столицу. Великий князь Гун, сводный брат императора, в докладной записке на имя императора в 1861 году так подытожил ужасный стратегический выбор для Китая:

«Сейчас, когда Няньцзюньское восстание пылает на севере, а Тайпинское — на юге, наши военные поставки истощены, наши войска измотаны. Варвары используют нашу слабость и пытаются установить контроль над нами. Если мы не сдержим свой гнев и продолжим враждебные действия, нас ждет мгновенная катастрофа. С другой стороны, если мы не будем обращать внимание на то, каким образом они вредили нам, и не сделаем никаких приготовлений против них, то мы оставим в наследство нашим сынам и внукам источник печали»[97].

Вот в чем заключалась классическая дилемма терпящих поражение: может ли общество сохранять сплоченность, стараясь адаптироваться к завоевателю, и как наращивать способность превратить неблагоприятный расклад сил в свою пользу? Великий князь Гун сослался на древнюю китайскую пословицу: «Склоняться к миру и дружбе, когда временно ты вынужден делать это; использовать войну и оборону в качестве своей подлинной политики»[98].

Докладная записка Гуна, на которой невозможно было получить высочайшую резолюцию, устанавливала приоритеты по степени опасности, при этом, по сути, вновь использовался принцип нанесения поражения ближним варварам с помощью дальних варваров — классическая китайская стратегия, о которой примерно сотню лет спустя вспомнит Мао.

Докладная Гуна демонстрировала острую геополитическую проницательность в оценке типа угрозы со стороны разных захватчиков. Несмотря на неминуемую непосредственную угрозу со стороны Англии, в докладной записке ее ставили на последнее место в списке долгосрочных опасностей для единства китайского государства, а Россию на первое:

«И тайпины, и няньцзюни, действуя весьма победоносно, представляют собой врожденную болезнь. Соседняя с нашими территориями Россия, стремящаяся отгрызть наши земли, как шелковичный червь, фактически наносит нам удар в грудь. Что же касается Англии, то ее целью является установление торговли, чего она добивается крайне жестокими мерами, без учета каких-либо человеческих приличий. Если ее не удержать в рамках, мы не сможем устоять на ногах. Она наносит удар по нашим конечностям. Поэтому мы должны в первую очередь подавить тайпинов и няньцзюней, затем поставить под контроль русских, а потом заняться Англией»[99].

Для выполнения долгосрочных целей в отношении иностранных держав великий князь Гун предложил учредить новый правительственный орган — некое подобие министерства иностранных дел — для ведения дел, связанных с западными державами и анализа иностранных газет с целью получения информации о делах за пределами китайских границ. Он с надеждой предсказывал, что это временная необходимость, которая будет сразу же упразднена, «как только военные кампании прекратятся и дела в разных странах сделаются более понятными»[100]. Этот новый департамент не включался в официальные списки столичной и государственной канцелярий вплоть до 1890 года. Его чиновники в рангах уступали своим коллегам из более важных департаментов и имели нечто похожее на временные назначения. Их часто меняли. Хотя некоторые из городов страны оккупировали иностранные войска, Китай рассматривал внешнюю политику скорее как временное средство для достижения цели, чем как постоянный атрибут китайского будущего[101]. Полное название нового министерства звучало так: «Цзунли гэго шиу ямэнь» («Канцелярия по ведению дел со всеми государствами») — амбициозное название, которое можно было бы интерпретировать вовсе не как вступление Китая в дипломатические отношения с зару-

бежными народами, а как приведение в порядок их дел как части Вселенской империи[102].

Претворять в жизнь политику великого князя Гуна доверили Ли Хунчжану, высокопоставленному мандарину, прославившемуся командованием войск при подавлении цинами Тайпинского восстания. Честолюбивый, образованный, бесстрастный перед лицом унижений, великолепно разбирающийся в классических китайских традициях, но необычайно остро понимавший их опасность, Ли служил на протяжении почти 40 лет, представляя Китай в его отношениях с внешним миром. Он относил самого себя к числу посредников между настоятельными требованиями иностранных держав территориальных и экономических уступок и экспансионистскими притязаниями китайского двора на политическое превосходство. Его политические установки по определению не получали полного одобрения ни одной из сторон. В частности, внутри самого Китая о Ли Хунчжане сложились противоречивые представления, особенно среди тех, кто выступал за более конфронтационный курс. И все же его усилия — выполнение их осложнялось враждебностью традиционалистской группировки при китайском дворе, периодически настаивавшей на военных действиях с иностранными державами при минимальной подготовке, — демонстрировали замечательную способность лавировать и, как правило, смягчать крайне неприятные альтернативы для Китая периода последних лет правления цинов.

Ли Хунчжан создал себе репутацию в период кризиса в качестве специалиста в военных делах и в «делах с варварами» во время охвативших Китай восстаний середины XIX столетия. В 1862 году Ли послали управлять богатой восточной провинцией Цзянсу, где он обнаружил, что крупные города осаждены тайпинскими повстанцами, но освобождены западными армиями, преисполненными решимости отстоять свои новые торговые привилегии. Применяя положения из докладной Гуна, он взял себе в союзники западные силы, поставив себя как верховную власть над ними, для уничтожения общего врага. Во время кампании против повстанцев, имеющей полное право называться совместной китайско-западной, Ли установил рабочие отношения с Чарлзом Гордоном «Китай-

ским», известным английским авантюристом, позднее убитым Махди во время осады Хартума в Судане. (Ли и Гордон в итоге разошлись, когда Ли приказал казнить захваченных вожаков повстанцев, которым Гордон обещал помилование.) После того как в 1864 году угроза со стороны тайпинов миновала, Ли повышали и назначали на ряд все более высоких постов, пока он не появился в Пекине фактически в качестве министра иностранных дел и главного переговорщика во время частых кризисов в отношениях с иностранцами[103].

Представитель общества, находящегося в осаде со стороны гораздо более мощных стран и сильно отличающихся культур, имеет выбор. Он может попытаться преодолеть культурные различия, перенять манеры тех, кто в военной области гораздо сильнее, и, таким образом, не поддаться искушению пренебрежительного отношения к тем, кто по своей культуре отличается от тебя самого. Или он может настоять на правомерности существования своей собственной культуры, пропагандируя особые ее черты и добиваясь уважения силой своей убежденности.

В XIX веке японские руководители пошли по первому пути, в чем им помог тот факт, что, когда они столкнулись с Западом, их страна уже шла по пути индустриализации и демонстрировала социальную сплоченность. У Ли Хунчжана, представлявшего разрушаемую восстаниями страну и нуждавшегося в иностранной помощи для их подавления, такой возможности не было. Не мог он отказаться от своего конфуцианского прошлого, какие бы преимущества это ему ни давало.

Отчет о поездках Ли Хунчжана по стране может послужить печальной иллюстрацией карты массовых волнений в Китае: в течение одного характерного периода 1869—1871 годов он оказывался то в юго-западной части страны, где французские представители заявили протест по поводу антихристианских мятежей; то на севере, где разразилась новая серия мятежей; снова далеко на юго-западе, где племя из числа национальных меньшинств, проживающих на границе с Вьетнамом, подняло восстание; потом на северо-западе, чтобы заняться крупным мусульманским восстанием; оттуда отправился в порт Тяньцзиня на северо-востоке, где из-за убийств христиан появились французские корабли и возникла угроза интервенции; и

в конечном итоге на юго-востоке, где назревал новый кризис на острове Тайвань (тогда известном как Формоза)[104].

Ли Хунчжан представлял собой определенное явление на дипломатической арене, где преобладали установленные Западом правила поведения. Он носил свободные одежды конфуцианского мандарина и гордился старинными обозначениями своего ранга типа «Перо двуглазого павлина» или «Желтая куртка», которые его западные партнеры воспринимали с изумлением. Его голова была обрита — в маньчжурском стиле цинов, — за исключением длинной заплетенной косы, и покрыта продолговатой шапкой чиновника. Он разговаривал афоризмами на языке, который могла понимать только горстка иностранцев. Он держал себя с такой мощной силой душевного спокойствия, что один живший в то время англичанин сравнил его, со смесью благоговения и непонимания, с пришельцем с другой планеты. Казалось, его манера поведения говорила, что муки и уступки со стороны Китая — всего лишь временные препятствия на пути к высшему триумфу китайской цивилизации. Его учитель Цзэн Гофань, высокопоставленный конфуцианский ученый и один из ветеранов-военачальников борьбы с тайпинами, советовал Ли Хунчжану в 1862 году, как использовать основную конфуцианскую ценность проявления сдержанности в качестве дипломатического инструмента: «В своем общении с иностранцами ни поведением, ни осанкой не следует проявлять высокомерие, а следует выглядеть слегка рассеянным и неофициальным. Пусть их оскорбления, двуличность и неуважительность ко всему окажутся тебе понятными, но внешне ты это не показываешь, чтобы выглядеть чуть подглуповатым»[105].

Как любой другой китайский сановник своего времени, Ли верил в превосходство китайских моральных ценностей и справедливость традиционных императорских привилегий. Он расходился с ними не столько в оценке превосходства Китая, сколько в диагнозе того, что на тот момент ему не хватает материальной или военной основы для этого. Изучив во время тайпинского конфликта западные виды оружия и тщательно отобрав информацию об иностранных экономических течениях, он понял, что Китай в своем развитии опасно отстает от остального мира. Вот как он предупреждал импера-

тора в памятной записке, написанной в 1872 году в довольно резких выражениях: «Жить в наше время и по-прежнему говорить «не признавать варваров» и «выгнать их всех из страны» — это, конечно, несерьезный и абсурдный подход. ...Они ежедневно производят свое оружие, чтобы бороться с нами за превосходство и за победу, опираясь на свою превосходящую технику, а нам нечего им противопоставить»[106].

Ли Хунчжан пришел к тому же выводу, к какому пришел и Вэй Юань, хотя к тому времени проблема реформ была, несомненно, намного острее, чем во времена Вэй Юаня. Ли так предупреждал:

«Нынешняя ситуация такова, что на внешней арене нам необходимо жить в мире с варварами, а внутри страны необходимо реформировать наши институты. Если мы останемся в том же законсервированном виде, не сделаем никаких перемен, нация с каждым днем будет слабеть и сокращаться. ...В настоящее время все зарубежные страны проводят одну реформу за другой и с каждым днем все больше прогрессируют, как например, с освоением паровой энергии. Только Китай продолжает сохранять свои традиционные институты с такой бережностью, что, если даже его уничтожат и он исчезнет, консерваторы не будут сожалеть об этом»[107].

Во время последовавших один за другим дебатов по вопросам главных направлений китайской политики, имевших место в 1860-х годах, Ли и его союзники в чиновничьей среде наметили курс действий, который они назвали политикой «самоусиления». В одной из докладных на имя императора в 1863 году Ли Хунчжан взял в качестве отправной точки (и как средство смягчения удара для высочайшего адресата) тезис о том, что «все в гражданской и военной системах Китая далеко от совершенства по сравнению с Западом. В одном только огнестрельном оружии абсолютно невозможно угнаться за ними»[108]. Но в свете недавних катастроф, как советовал Ли, представителям китайской элиты непозволительно смотреть сверху вниз на иностранные новинки, насмехаясь над привлекательным оружием из иностранных государств как над вещами, сделанными по неизвестной технологии и с применением хитроумных способов, чему они считают зазорным учиться[109]. Китай очень нуждался в огнестрельном оружии, пароходах и

тяжелом машинном оборудовании, равно как и в знаниях и технологиях их производства.

С целью увеличения способности Китая изучить иностранные тексты и чертежи и общаться с иностранными специалистами китайской молодежи следовало изучать иностранные языки (это дело ранее отвергалось как бессмысленное, поскольку все иностранцы, вероятно, желали бы стать китайцами). Ли Хунчжан выступал за то, чтобы в крупных городах Китая, включая столицу, которая долго боролась против иностранного влияния, открылись школы для обучения иностранным языкам и инженерному делу. Ли обозначил проект как вызов: «Неужели китайская мудрость и интеллект уступают иностранным? Хорошо бы нам действительно освоить иностранные языки, а затем, в свою очередь, начать обучать друг друга, и тогда мы смогли бы выучиться всем их техническим премудростям типа пароходов, огнестрельного оружия и т.п.»[110].

Великий князь Гун вторил в том же ключе, настойчиво предлагая императору в 1866 году поддержать изучение западных технических новинок:

«Мы должны стремиться к тому, чтобы наши студенты дошли до сути этих предметов... поскольку мы твердо убеждены в том, что если мы сможем овладеть тайнами математических расчетов, физических исследований, астрономических наблюдений, строительства водопровода, то это, и только это, обеспечит стабильный рост мощи нашей империи»[111].

Китаю необходимо было открыться для внешнего мира и учиться у стран, которых до недавнего времени здесь называли вассалами и варварами, тому, чтобы, во-первых, укрепить свою традиционную структуру, а во-вторых, восстановить свое превосходство.

Это было бы величайшей героической задачей, если бы китайский двор единодушно следовал главному постулату внешней политики великого князя Гуна и поддержал бы реализацию этой политики Ли Хунчжаном. На деле же большая пропасть разделяла этих космополитичных, настроенных на поддержание контактов с другими странами деятелей от группировки сторонников изоляции от внешнего мира и сохранения традиционного общества. Последние придерживались

классических взглядов, считая, что Китаю, дескать, нечему учиться у иностранцев, и приводили в пример слова древнего китайского философа Мэн-цзы, жившего во времена Конфуция: «Я слышал о людях, использующих учения нашей великой земли, чтобы изменить варваров, но я еще никогда не слышал ни о ком, кого бы изменили варвары»[112]. В таком же духе Во Жэнь, президент престижной Академии конфуцианских наук Ханьлинь, обрушился с критикой на планы великого князя Гуна нанять иностранных педагогов в китайские школы:

«Основы империи зиждятся на праве собственности и добродетели, а не на тайных планах и разных хитросплетениях. Ее корни в сердцах людей, а не в искусствах и ремеслах. Вот сейчас ради какой-то пустяшной затеи мы должны почитать варваров как наших хозяев. ...Империя велика и богата людскими талантами. Если нам надо учить астрономию и математику, должны быть и какие-то китайцы, которые хорошо в этом разбираются»[113].

Вера в китайскую самодостаточность покоилась на совокупном опыте китайских людей, накопленном за тысячелетия. И все же она не давала ответ на вопрос, как Китаю противостоять немедленной угрозе и особенно как не отстать от западных технологий. Как представляется, многие из китайских высокопоставленных чинов по-прежнему считали, что решением для китайской внешней политики является казнь или ссылка тех, кто вел переговоры. Ли Хунчжана с позором трижды лишали его ранга, пока Пекин бросал вызов иностранным державам; но каждый раз его призывали снова, ведь его недоброжелатели не могли найти никого лучше, чем он сам с его дипломатическим опытом разрешения кризисов, которые они же сами и создавали.

Реформы в Китае проходили рывками, так как страна разрывалась между двумя несоразмерностями: фактическим состоянием слабого государства и претензиями на вселенскую империю. В конечном счете дворцовый переворот привел к отречению склонного к реформам императора и возвращению к власти традиционалистов во главе с вдовствующей императрицей Цы Си. При отсутствии фундаментальных внутренних модернизаций и реформ китайские дипломаты, по сути, по-

лучили указание уменьшить ущерб территориальной целостности Китая и приостановить дальнейшую эрозию его суверенных прав, при этом не давалось никаких средств для того, чтобы приостановить ослабление Китая по главным направлениям. Дипломаты должны были выиграть время, не имея никаких планов о том, как распорядиться выигранным временем. Острота проблемы высветилась наиболее ярко с появлением в районе Северо-Восточной Азии нового игрока на арене силовых соревнований — Японии, быстрыми темпами совершавшей свою индустриализацию.

Вызов со стороны Японии

В отличие от большинства соседей Китая Япония на протяжении столетий сопротивлялась включению в китаецентристский мировой порядок. Расположенная на архипелаге всего в сотне миль от берегов азиатского материка, Япония долгое время сохраняла в изоляции свои традиции и свою самобытную культуру. Поддерживая этническую и языковую однородность, а также официальную идеологию божественного происхождения японского народа, Япония формировала почти религиозное отношение к своему уникальному происхождению.

На вершине японского общества и собственного миропорядка стоял японский император, фигура, которую следовало представлять как китайского Сына Неба, в виде посредника между человеческим и божественным. В буквальном смысле этого слова традиционная политическая философия Японии декларировала, что японские императоры — это божества, спустившиеся с небес от богини Солнца, родившей первого императора и наделившей его потомков вечным правом управлять. Таким образом, Япония, как и Китай, рассматривала себя как нечто, гораздо большее, чем обычное государство[114]. Сам титул «императора», постоянно демонстрируемый на дипломатических документах в адрес китайского двора, являлся прямым вызовом китайскому миропорядку: в соответствии с китайской космологией человечество имело только одного императора, и его трон находился в Китае[115].

Если китайская исключительность представляла собой претензии на вселенскую империю, то японская исключительность выросла из понимания небезопасности островного существования нации, во многом зависящей от соседа, но боящейся попасть в подчинение к этому соседу. Китайское понимание уникальности утверждало, что Китай является единственной подлинной цивилизацией, и приглашало варваров в Срединное государство «прийти и преобразоваться». Японский подход предполагал уникальную японскую расовую и культурную чистоту, отвергал распространение своих благ вовне и даже не позволял раскрываться перед теми, кто был рожден вне связи со своими священными предками[116].

На протяжении больших отрезков времени Япония почти полностью отошла от внешних дел, как будто даже кратковременные контакты с внешним миром могли бы скомпрометировать ее уникальный статус. Если речь все же шла об участии Японии в международном порядке, то это происходило через ее собственную систему принесения дани теми, кто проживал на островах Рюкю (в настоящее время это остров Окинава и расположенные рядом острова) и в разных королевствах на Корейском полуострове. Как ни парадоксально, но японские лидеры переняли один из типичнейших китайских институтов как способ подчеркнуть свою независимость от Китая[117].

Другие азиатские страны принимали правила китайской системы уплаты дани, называя свою торговлю «уплатой дани», лишь бы получить доступ на китайские рынки. Япония отказывалась вести торговлю с Китаем под видом принесения дани. Она настаивала по меньшей мере на равноправии с Китаем, если не на превосходстве над ним. Несмотря на естественные торговые связи между Китаем и Японией, обсуждение вопросов торговли в XVII веке зашло в тупик, поскольку ни одна из сторон не шла на соблюдение протокола, вытекающего из претензий той или другой стороны на свое центральное положение в мире[118].

Если сфера влияния Китая увеличивалась и уменьшалась вдоль его больших границ в зависимости от мощи империи и окружающих ее племен, то японские руководители приходили к пониманию связанной с безопасностью дилеммы как к

более решительному выбору. Обладая чувством превосходства такой же силы, как и у китайского двора, но считая, что допустимый предел погрешности для них гораздо меньше, японские государственные деятели с большой бдительностью смотрели на запад — на континент, где господствовали сменяющие друг друга китайские династии (часть из них распространяла свои символы власти на Корею, ближайшего соседа Японии), — и склонны были видеть в нем угрозу для своего существования. Поэтому в японской внешней политике часто происходили перемены, временами до удивления неожиданные, особенно заметные в периоды между равнодушным отношением со стороны материковой Азии и дерзкими попытками завоевания, мотивированными желанием втянуть Японию в систему китаецентристского порядка.

Япония, как и Китай, в середине XIX века столкнулась с европейскими кораблями, использующими неизвестную технологию и несущими превосходящие по силе войска. В случае с Японией это произошло в 1853 году, когда у берегов Японии остановились «черные корабли»* американского командующего Мэтью Перри. Но Япония пришла к иному, нежели Китай, выводу в результате брошенного ей вызова: она открыла двери иностранным технологиям и тщательно изучила их властные институты в попытке самой повторить подъем, которого добились западные державы. (В Японии этому решению способствовал тот факт, что иностранные идеи не воспринимались через призму проблемы опиумного пристрастия, которого Японии удалось во многом избежать.) В 1868 году император Мэйдзи в своей клятве Пяти пунктов объявил о решении Японии: «Знания будут заимствоваться у всех наций мира, и устои императорской власти, таким образом, будут укрепляться»[119].

Эпоха реформ Мэйдзи в Японии и стремление освоить западные технологии открыли дверь потрясающему экономическому прогрессу. По мере развития современной экономики и грозного военного аппарата Япония начала требовать получения таких же выгод, которые могли себе позволить

* Японцы так назвали эти суда, поскольку это были пароходы, выпускающие черный дым. — *Примеч. пер.*

западные великие державы. Правящая элита страны сделала вывод, озвученный Симадзу Нариакира, сегуном и главным поборником технологической модернизации Японии XIX века: «Если мы возьмем на себя инициативу, мы сможем доминировать; если нам это не удастся, будут доминировать над нами»[120].

Еще в 1863 году Ли Хунчжан считал, что Япония станет главной угрозой безопасности Китая. Задолго до реформ Мэйдзи Ли писал о реакции Японии на вызовы Запада. В 1874 году, после того как Япония воспользовалась инцидентом между тайваньскими племенами и командой пострадавшего в столкновении судна с островов Рюкю, чтобы направить карательную экспедицию[121], Ли писал о Японии:

«Ее мощь день ото дня нарастает, ее амбиции тоже совсем не маленькие. В силу этого она осмеливается демонстрировать свою силу на восточных берегах, ненавидит Китай и дошла до того, что вторглась на Тайвань. Хотя разные европейские державы обладают мощью, они все-таки расположены в 70 тысячах ли от нас, в то время как Япония находится близко, совсем по соседству, высматривая наши отдаленные и неосвоенные места. Несомненно, она станет постоянной и немалой проблемой для беспокойства Китая»[122].

Изучая неповоротливого гиганта, находящегося на западе от Японии, его все возрастающие, но ничем не подкрепленные претензии на мировое господство, японцы стали задумываться о вытеснении Китая из числа господствующих в Азии держав. Борьба между претензиями этих двух конкурентов проявилась весьма остро в стране, ставшей местом сосредоточения амбиций большего гиганта, — в Корее.

Корея

Китайская империя стремилась к расширению, но не к захватам. Она требовала уплаты дани и признания сюзеренитета императора. Но дань была больше символической, чем конкретной; сюзеренитет осуществлялся таким путем, что позволял сохранять автономию, которая почти ничем не отличалась от независимости. К началу XIX века страстно от-

стаивавшие независимость корейцы пришли к соглашению с китайским гигантом на севере и западе. Корея формально была страной-данником, корейские короли регулярно посылали дань в Пекин. Корея приняла конфуцианский моральный кодекс и китайские иероглифы для официальной переписки. Пекин, в свою очередь, проявлял повышенный интерес к делам на полуострове, чье географическое положение создавало коридор для возможного вторжения в Китай с моря.

Корея в какой-то мере играла роль зеркального отражения концепции стратегических императивов Японии. Япония тоже рассматривала иностранное присутствие в Корее как потенциальную угрозу своей безопасности. Расположение полуострова, выпирающего из азиатского континента в направлении Японии, подтолкнуло монголов к использованию его как стартовой точки в двух случаях попыток вторгнуться на японский архипелаг. По мере ослабления китайского имперского влияния Япония захотела обеспечить себе доминирующие позиции на Корейском полуострове и начала выдвигать свои собственные экономические и политические притязания.

На протяжении 1870-х и 1880-х годов Китай и Япония оказывались вовлеченными в ряд дворцовых интриг в Сеуле, стремясь завоевать влияние среди королевских группировок. Поскольку Корея оказалась в центре внимания иностранных амбиций, Ли Хунчжан советовал корейским правителям перенять китайский опыт борьбы с захватчиками. Следовало бы организовать конкуренцию среди потенциальных колонизаторов, пригласив их всех в страну. В письме на имя высокопоставленного корейского чиновника в октябре 1879 года Ли советовал Корее найти поддержку у дальних варваров, прежде всего у Соединенных Штатов:

«Вы можете сказать, что самый простой способ избежать проблем — закрыться от внешнего мира. Увы, когда речь идет о Востоке, это невозможно. Ни одно из действий человека не поможет прекратить экспансионистское продвижение Японии: разве ваше правительство не собиралось открыть новую эру подписанием торгового договора с ней? Посему не лучше ли пойти по пути нейтрализации одного яда другим, натравливанием одной силы против другой? Дела обстоят таким образом»[123].

На основании этого Ли Хунчжан предлагал Корее «ухватиться за любую возможность, чтобы заключить договорные отношения с западными державами, которых вы сможете использовать для контроля за Японией». Он предупреждал, что торговля с Западом принесет «вредоносные явления», такие как опиум и христианство; но в отличие от Японии и России, которые стремились получить территориальные завоевания, «единственной целью западных держав будет торговля с вашим королевством». Следует стремиться к тому, чтобы научиться балансировать между опасностями, исходящими от внешних сил, не позволяя ни одной доминировать: «Коль скоро вы осознаете мощь своих противников, используйте все возможные средства для разделения их; действуйте осторожно, используйте хитрость — только так вы докажете, что вы хорошие стратеги»[124]. Ли не раскрыл интересы Китая в Корее — либо потому, что он воспринимал как должное тот факт, что китайское превосходство не представляло собой угрозу такого же масштаба, какой была угроза со стороны других иностранных сил, либо потому, что у Китая не было практических средств не допустить иностранного влияния в Корее.

Китайские и японские претензии на специальные отношения с Кореей, разумеется, противоречили друг другу. В 1894 году и Япония, и Китай направили войска в связи с восстанием в Корее. Япония в итоге захватила корейского короля и посадила там прояпонское правительство. Националисты как в Пекине, так и в Токио призывали к войне; только Япония при этом обладала преимуществом в виде современных военно-морских сил, а средства, выделенные на модернизацию китайского флота, были направлены на обновления в императорском Летнем дворце*.

В течение нескольких часов с начала войны Япония уничтожила плохо снабжавшиеся китайские военно-морские силы, мнимое достижение проводившейся в течение нескольких десятилетий политики «самоусиления». Ли Хунчжан, отозванный из очередной отставки, отправился в японский город

---

* Вдовствующая императрица Цы Си приказала построить мраморный павильон в виде корабля на озере в летней резиденции в Ихэюань. — *Примеч. пер.*

Симоносеки для проведения переговоров о заключении мирного договора с практически невыполнимой миссией спасти достоинство Китая после военной катастрофы. Сторона, победившая в конфликте, зачастую имеет мотивы для затягивания урегулирования, особенно если с каждым днем ее позиции в торге улучшаются. Именно поэтому Япония усугубила унижение Китая, отвергнув одного за другим предложенных глав китайской делегации как имевших недостаточно высокий уровень, — намеренное оскорбление империи, до сего времени представлявшей своих дипломатов как наделенных небесными полномочиями и потому превосходящих по рангу всех других, каким бы ни был их ранг в Китае.

Условия, подлежащие обсуждению в Симоносеки, явились страшным ударом по китайскому видению своего превосходства. Китай обязывался уступить Японии Тайвань; прекратить церемонии получения дани с Кореи и признать ее независимость (на практике это означало открытие для дальнейшего проникновения японского влияния в Корее); выплатить значительную контрибуцию; уступить Японии Ляодунский полуостров в Маньчжурии, включая стратегически расположенные гавани в Даляне и Люйшуне (Порт-Артур). Только пуля японского националиста и несостоявшегося убийцы спасла Китай от еще более унизительного исхода. Пуля задела лицо Ли Хунчжана во время переговоров, поэтому, стремясь спасти себя от позора, японское правительство сняло несколько еще более жестких требований победителей в войне.

Ли продолжил переговоры с госпитальной койки, чтобы показать, что он не склоняется перед унижениями. Его стоицизм подкреплялся осознанием того, что, пока он ведет переговоры, китайские дипломаты обращаются к другой державе, имеющей интересы в Китае, в частности к России, чья экспансия в направлении Тихого океана нуждалась в сотрудничестве с китайской дипломатией после войны 1860 года. Ли Хунчжан предвидел соперничество между Японией и Россией в Корее и Маньчжурии и в 1894 году инструктировал своих дипломатов проявить максимум понимания в отношении России. Сразу же после возвращения из Симоносеки он обеспечил руководство Россией «тройственного вмешательства»

России, Франции и Германии, заставившее Японию вернуть Китаю Ляодунский полуостров.

Это был маневр с далеко идущими последствиями. Еще раз царский двор продемонстрировал к тому времени уже хорошо укоренившуюся трактовку китайско-российской дружбы. За свои услуги он получил особые права в другой огромнейшей части Китая. На сей раз Россия действовала гораздо тоньше и не так откровенно. Накануне «тройственного вмешательства» Ли был приглашен в Москву для подписания секретного договора, содержащего хитроумную и явно стяжательскую статью, предусматривавшую, что в целях гарантии безопасности Китая на предмет возможных дальнейших нападений Японии Россия построит продолжение Транссибирской железной дороги через Маньчжурию. В секретном соглашении Россия обязалась не использовать железную дорогу как предлог для «посягательства на китайскую территорию или нарушения законных прав и привилегий Его Императорского Величества Императора Китая»[125], что, однако, Россия как раз и начала к тому времени предпринимать. Как только железная дорога была построена, царские представители стали настаивать на том, что прилежащие территории требуют присутствия российских войск для защиты инвестиций. В течение нескольких лет Россия получила контроль над районом, который Япония вынуждена была оставить, и даже сверх того.

Это явилось самым противоречивым наследием Ли Хунчжана. «Тройственное вмешательство» предотвратило продвижение Японии, хотя бы и временно, но ценой установления Россией господствующего положения в Маньчжурии. Установление царем сферы влияния в Маньчжурии ускорило поползновения на такого же рода уступки для всех заинтересованных государств. Каждая страна реагировала на продвижение других. Германия оккупировала Циндао на Шаньдунском полуострове. Франция приобрела анклав в Гуандуне и укрепила свое господство во Вьетнаме. Англия расширила присутствие на новых территориях напротив Гонконга и прибрела военно-морскую базу напротив Порт-Артура.

Стратегия баланса между варварами до определенной степени срабатывала. Никто не мог единолично господствовать в Китае, пекинское правительство имело возможность управлять страной в определенных пределах. Однако умное маневрирование для спасения естества Китая путем привлечения внешних сил и управления балансом сил на китайской территории могло сработать на долгую перспективу только в том случае, если Китай оставался достаточно сильным, чтобы его воспринимали серьезно. Претензия Китая на роль центра контроля рассыпалась в прах.

Концепция «умиротворения» стала применяться к политике западных демократий в отношении Гитлера в 1930-х годах. Однако воспользоваться методом конфронтации можно лишь тогда, когда слабейший находится в положении, при котором его поражение станет слишком дорогим для победителя. В противном случае единственно разумным будет прибегнуть к какой-то степени примиренческой позиции. К сожалению, демократии использовали этот способ, когда они были гораздо сильнее в военном отношении. Но умиротворение — весьма рискованное дело, когда на кону оказывается общественное согласие. Общественность должна быть уверенной в своих руководителях, даже если они, как может показаться, соглашаются на требования победителей.

В этом состояла дилемма Ли Хунчжана, на протяжении десятилетий пытавшегося вести Китай в бурном море захватнической политики Европы, России и Японии и непроходимой тупости собственного двора. Последующие поколения китайцев оценят мастерство Ли Хунчжана, но будут проявлять двойственное или даже враждебное отношение к уступкам в документах, где стоит его подпись, в основном уступкам России и Японии, к примеру уступке Тайваня Японии. Такая политика раздражающе действовала на достоинство гордого общества. Тем не менее она помогла Китаю сохранить элементы своего суверенитета, каким бы маленьким он ни казался, на протяжении столетия колониальной экспансии, в которой какая-либо другая страна полностью потеряла бы свою независимость. Страна пережила унижение, сделав вид, будто приспособилась к нему.

Ли Хунчжан в 1901 году, предчувствуя свою близкую кончину, в прощальной докладной записке вдовствующей императрице так обобщил мотивации своей дипломатии:

«Нет необходимости говорить, какую огромную радость я бы испытал, если бы Китай смог начать славную победоносную войну; мне в последние дни моей жизни было бы большой радостью видеть варварские страны вконец покоренными и поставленными в подчиненное положение, с почтением кланяющимися перед троном Великого дракона. К сожалению, однако, я не могу не признать того печального факта, что Китай не способен на такое дело, наши войска не в состоянии его совершить. Рассматривая данный вопрос как затрагивающий главным образом целостность нашей империи, кто будет так глуп, чтобы стрелять снарядами по крысам, находящимся рядом с бесценным предметом из фарфора»[126].

Стратегия натравливания России против Японии в Маньчжурии привела к соперничеству между обеими державами, не раз проверявшими друг друга на прочность. В своей безустанной экспансии Россия отказалась присоединиться к молчаливому соглашению между странами, эксплуатировавшими Китай, желая сохранить баланс между их соответствующими требованиями и сохраняющимся до какой-то степени суверенитетом Китая.

Сталкивающиеся притязания Японии и России в Северо-Восточном Китае привели в 1904 году к войне за превосходство, закончившейся победой Японии. Согласно Портсмутскому мирному договору 1905 года, Япония занимала доминирующее положение в Корее и потенциально в Маньчжурии, хотя она и рассчитывала получить больше благодаря своей победе, но вмешательство американского президента Теодора Рузвельта внесло свои коррективы. Его посреднические усилия по окончанию Русско-японской войны, опираясь на принцип баланса сил, который редко использовался в американской дипломатии, удержали Японию от захвата Маньчжурии и сохранили равновесие в Азии. Оказавшись в Азии в безвыходном положении, Россия вернулась к своим стратегическим приоритетам в Европе, дав старт процессу, ускорившему начало Первой мировой войны.

«Боксерское восстание» и новая эпоха Воюющих государств

К концу XIX века китайский миропорядок полностью расшатался; двор в Пекине больше не функционировал как значимый фактор в деле защиты либо китайской культуры, либо автономии. Народное разочарование вылилось на поверхность в 1898 году в так называемом «боксерском восстании», или восстании «ихэтуаней». Практиковавшие древний мистицизм и заявлявшие о том, что они неуязвимы для иностранных пуль, «боксеры» — их так называли за использование традиционных искусств рукопашного боя — развернули кампанию яростной агитации против иностранцев и символов нового порядка, который последние навязывали. Дипломаты, китайские христиане, железные дороги, телеграфные линии и западные школы — все это становилось объектом их нападений. Возможно, решив, что маньчжурский двор (сам являющийся навязанным извне и больше не являющийся дееспособным) рискует стать следующей целью, вдовствующая императрица привлекла «боксеров» на свою сторону, хваля их за нападения. Эпицентром конфликта вновь стали иностранные посольства в Пекине, вопрос о которых так долго дебатировался, — повстанцы взяли их в осаду весной 1900 года. После столетия колебаний между высокомерным презрением, демонстративным неповиновением и мучительным примирением Китай вступил теперь в состояние войны против всех иностранных держав одновременно[127].

Последствием стал еще один страшный удар. Экспедиционный корпус восьми объединенных держав — Франции, Англии, США, Японии, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии — прибыл в Пекин в августе 1900 года, чтобы освободить посольства. После подавления «боксерского восстания» и присоединившихся к ним цинских войск (а также по ходу дела большей части разоренной столицы) они продиктовали еще один «неравноправный договор», потребовав контрибуцию и права иностранных держав на дальнейшую оккупацию[128].

Неспособная предотвратить повторяющиеся иностранные наступления на китайскую столицу или предупредить захваты

иностранцами китайской территории, династия со всей очевидностью теряла мандат Неба на свое правление. Цинская династия, продлившая свое существование на знаменательные семь десятилетий после начала первых столкновений с Западом, рухнула в 1912 году*.

Центральная власть в Китае вновь распалась на группировки, и страна вступила в новый период воюющих государств. Расколотая глубоко с самого своего рождения, Китайская Республика возникла в опасном международном окружении. Но у нее не было возможности реализовать демократические ценности. Националистический лидер Сунь Ятсен был объявлен президентом новой республики в январе 1912 года. Будто по какому-то таинственному закону, повелевшему установить единство в рамках империи, Сунь Ятсен, пробыв всего полгода на этом посту, передал власть Юань Шикаю, командующему единственной военной силой, способной объединить страну. После провала неудавшегося объявления новой императорской династии в 1916 году политическая власть переходила в руки региональных губернаторов и милитаристов. В то же самое время в самом центре Китая новая коммунистическая партия Китая, созданная в 1921 году, установила подобие теневого правительства и организовала свой общественный строй, в целом ассоциированный с мировым коммунистическим движением. Каждый из претендентов оспаривал право на власть, но никто не был достаточно силен, чтобы превзойти остальных.

У Китая, оставшегося без признанной всеми центральной власти, не было инструментов проведения традиционной дипломатии. К концу 1920-х годов националистическая партия Гоминьдан во главе с Чан Кайши осуществляла номинальный контроль над всей территорией старой цинской империи. На деле же, однако, существовали сложные проблемы с сохранением территориальной целостности Китая.

---

* 10 октября 1911 года в Китае произошла «Синьхайская революция» (по названию года в китайском календаре), 100-летие которой отмечается в этом году, и была образована Китайская Республика. 12 февраля 1912 года был подписан эдикт об отречении последнего императора малолетнего Пу И. — *Примеч. пер.*

Западные державы, обессиленные от военных невзгод, живя в мире, в котором возобладали вильсоновские принципы самоопределения, больше были не в состоянии расширять сферы своего влияния в Китае; они едва могли их поддерживать. В России набирала силу внутренняя революция, и она не могла продолжать свою экспансию. Германия была вообще лишена всех ее колоний.

Из бывших претендентов на доминирование в Китае оставалась только одна страна, но самая опасная для независимости Китая — Япония. Китай не был достаточно силен, чтобы защитить себя. И ни одна другая страна не подходила на роль противовеса Японии в военном отношении. После поражения Германии в Первой мировой войне Япония оккупировала бывшие немецкие концессии в Шаньдуне. В 1932 году Токио спланировал создание сепаратистского государства в Маньчжурии — Маньчжоуго, где доминировала Япония. В 1937 году Япония приступила к выполнению программы завоевания большей части восточного побережья Китая.

Япония отныне оказалась в положении, в котором когда-то находились прежние завоеватели Китая. Ей было довольно трудно покорить страну с такой большой территорией; невозможно было управлять этой страной без опоры на некоторые из ее культурных постулатов, чего, однако, Япония, высоко ставящая уникальность своих собственных институтов, делать никогда не собиралась. Постепенно ее былые партнеры — европейские державы, поддерживаемые Соединенными Штатами, — стали переходить в оппозицию к Японии, вначале политически, а потом постепенно и в военном плане. В этом проявилось нечто похожее на кульминацию политики и дипломатии самоопределения, когда бывшие колонизаторы начинают сотрудничать с целью отстаивания целостности Китая.

Во главе этих усилий встали Соединенные Штаты, инструментом выполнения которых явилась политика «открытых дверей», провозглашенная государственным секретарем Джоном Хэем в 1899 году. Первоначально эта политика преследовала цель добиться выгод для США от проявлений империализма каждым отдельным государством. Потом в 1930 году она трансформировалась в курс на сохранение независимости Китая. Западные державы присоединились к этим усилиям.

Если бы этот курс сохранился и после Второй мировой войны, Китай смог бы преодолеть империалистическую фазу и снова восстановить свое единство.

С капитуляцией Японии в 1945 году Китай остался разоренным и расколотым. И националисты, и коммунисты боролись за центральную власть. На китайской территории оставалось 2 миллиона японских военнослужащих в ожидании репатриации. Советский Союз признал националистическое правительство, однако не исключал возможностей иного развития события и поэтому поставлял оружие коммунистической партии; одновременно он направил крупные силы Советской Армии, которые никто не приглашал, на северо-восток Китая, чтобы восстановить некоторые из прежних колониальных притязаний. И до того слабый контроль Пекина над Синьцзяном еще больше ослабевал. Тибет и Монголия двигались в нечто подобия автономии, находясь в орбитах соответственно Британской империи и Советского Союза.

Общественность в США симпатизировала Чан Кайши как союзнику во время войны. Но Чан Кайши управлял лишь частью страны, которая уже была разделена на части из-за иностранной оккупации. Китай рассматривали как члена «Большой пятерки», которая занялась организацией послевоенного мира, он получил право вето в Совете Безопасности ООН. Из пятерки только Соединенные Штаты и Советский Союз обладали мощью, позволявшей выполнить эту миссию.

Гражданская война в Китае была возобновлена. Вашингтон попытался применить свои стандарты для поиска решения гражданского конфликта, но ему это не удалось сделать ни в ту пору, ни десятилетиями позже. США добивались создания коалиции между националистами и коммунистами, которые воевали друг с другом два десятилетия. Посол США Патрик Херли устроил встречу между Чан Кайши и руководителем компартии Мао Цзэдуном в сентябре 1945 года в столице гоминьдановского режима Чунцине. Оба лидера приняли участие во встрече, готовясь при этом к окончательному и решающему сражению.

Не успела организованная Херли встреча завершиться, как обе стороны возобновили враждебные действия. Гоминьдановские войска Чан Кайши прибегали к стратегии захвата

городов, в то время как партизанские армии Мао создавали свои базы в сельской местности; каждый стремился окружить другого по принципу игры в «облавные шашки» «вэйци»[129]. В общественной кампании о необходимости оказания помощи Чан Кайши президент Гарри Трумэн направил генерала Джорджа Маршалла в Китай, где он в течение года пытался убедить обе стороны согласиться работать вместе. Именно в это время военная компонента гоминьдановского режима потерпела крах.

Потерпев поражение от коммунистов на материке, гоминьдановские войска в 1949 году отступили на остров Тайвань. Националисты вывезли с собой весь военный аппарат, политических деятелей, остатки властных структур страны (включая китайские художественные и культурные ценности из коллекции императорского дворца Гугун)[130]. Они объявили о переезде столицы Китайской Республики в Тайбэй, рассчитывая накопить силы и однажды вернуться на материк. Они сохраняли за собой место Китая в Совете Безопасности ООН.

Тем временем Китай вновь объединился под эгидой Китайской Народной Республики. Коммунистический Китай вступил в новый мир: по своей структуре это была новая династия; по существу, это была новая идеология за всю историю существования Китая. В стратегическом плане страна граничила с десятком соседей, границы были открытыми, и у нее было недостаточно средств, чтобы улаживать все потенциальные угрозы одновременно, — та же самая проблема, с которой сталкивались китайские правительства на протяжении всей истории страны. Перед новыми китайскими руководителями встала перекрывавшая все эти озабоченности проблема — втягивание в азиатские дела США, завершивших Вторую мировую войну уверенной в себе сверхдержавой, но всегда переживавших по поводу своей пассивности в деле противодействия победе коммунистов в китайской гражданской войне. Каждый политический деятель должен соизмерять свой прошлый опыт с притязаниями на будущее. Нигде этот тезис так четко не воплощался, как в Китае, который Мао и коммунистическая партия только что взяли в свои руки.

Глава 4

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ МАО

За тысячелетия развития Китая наступление новой династии происходило в соответствии с определенными правилами. О старых династиях говорили как о не сумевших выполнить миссию защиты безопасности китайского населения или свои основные предначертания. Правящие династии в глазах китайского народа теряли мандат Неба — редко в результате одной-единственной катастрофы, но чаще в результате суммарного воздействия серии катастроф. Новую династию, как правило, рассматривали как получившую мандат, частично только по факту своего собственного воцарения.

Такого рода бедствия случались множество раз в драматической истории Китая. Но ни один из новых лидеров никогда не предлагал уничтожить систему ценностей всего общества. Предыдущие претенденты на мандат Неба — даже и, возможно, особенно, иностранные завоеватели — узаконивали свою власть подтверждением старинных ценностей общества, которое они покорили и которым они управляли по своим законам. Они сохраняли бюрократический механизм только с одной целью — управлять страной, имеющей больше всех населения и богатств. Эта традиция была формой процесса китаизации. Конфуцианство рассматривалось в ней как господствующая доктрина в Китае.

Новую династию, в 1949 году из деревень ринувшуюся в города, возглавил колосс — Мао Цзэдун. Возвышающийся над всеми, подавляющий всех своим влиянием, жестокий и безу-

частный, поэт и воин, пророк и каратель, он объединил Китай и отправил его в новый путь, чуть не уничтоживший все его гражданское общество. К концу этого процесса выжигания каленым железом ереси Китай оказался одной из крупнейших держав мира и единственной коммунистической страной, если не считать Кубу, Северную Корею и Вьетнам, где политические структуры выжили после краха коммунизма в других частях света.

Мао и «Великая гармония»

Революционеры по своей природе являются влиятельными и всецело преданными своему делу людьми. Почти всегда они начинают с позиции слабого перед лицом политического окружения и опираются в достижении успеха на харизму или способность мобилизовать сопротивление и выиграть на психологических слабостях сходящих с арены противников.

Многие революции происходили во имя какого-либо особого дела. В случае победы они превращались в новую систему порядка. Революция Мао не знала конечного пункта отдыха: довольно туманная окончательная цель объявленной им «Великой гармонии» больше походила на спиритическую экзальтацию, нежели на политическую модель. Кадры компартии были ее духовенством, имевшим задачу всего лишь проведения кампаний, а не выполнения строго начертанной программы. Для них всегда существовала опасность — а подчас даже неизбежность — быть поглощенными теми самыми политическими переворотами, которые они сами начинали проводить. В списке руководителей второго поколения (поколения Дэн Сяопина) практически у всех была такая судьба, с возвращением к власти только после периодов больших личных судебных процессов. Каждый близкий соратник Мао в течение революционного периода — включая в конце и его долго остававшегося на своем посту премьера и главного дипломата Чжоу Эньлая — попадал в конечном счете в чистку.

Не случайно среди всех китайских правителей Мао почти боготворил императора-основателя Цинь Шихуана, завершившего период Воюющих государств победой над всеми другими

противниками и объединением их в единое государство в 221 году до н.э. Цин Шихуана обычно считают основателем Китая как единого государства. И тем не менее его никогда высоко не почитали в китайской истории, ведь он жег книги и казнил традиционных конфуцианских ученых (460 ученых было похоронено заживо). Мао однажды заметил, что управление Китаем требовало сочетания методов Маркса и Цинь Шихуана. Вот как превознес он императора в своей поэме:

Пожалуйста, не клевещите на императора Цинь Шихуана.
Подумайте еще и еще раз над вопросом о сжигании книг.
Наш предок дракон, хотя и умер, но живет в душах наших,
Конфуций же, хотя и знаменит, фактически был пустышкой.
А государственная система Цинь века пережила[131].

Маоцзэдуновскому Китаю было предначертано стать страной постоянного кризиса; Мао с самого начала пребывания у власти коммунистического правительства развязывал борьбу волна за волной. Китайскому народу больше не разрешалось почивать на лаврах своих достижений. Судьба, уготованная ему Мао, состояла в очищении общества и самих себя прохождением через горнило различных сильных тягот и невзгод.

Мао стал первым правителем со времени объединения Китая, разрушившим традиции, намеренно сделав это шагом государственной политики. Он расценивал себя как обновителя Китая путем демонтажа, порой очень жестокого, своего древнего наследия. Вот как он объяснял свою стратегию французскому философу Андрэ Мальро в 1965 году:

«Философские принципы, культура и обычаи, которые завели Китай туда, где мы его нашли, должны исчезнуть, а философские принципы, обычаи и культура пролетарского Китая, которые пока еще не существуют, должны появиться. ...Философские принципы, культура, обычаи должны рождаться в борьбе, а борьба должна продолжаться до тех пор, пока не исчезнет опасность возврата к старому»[132].

Мао однажды торжественно объявил, что Китай должен быть «расщеплен», как атом, для ликвидации старых порядков, но в то же самое время должен быть произведен такой

взрыв народной энергии, чтобы он мог достичь еще больших высот:

«Сейчас наш энтузиазм на подъеме. Наша страна — горячая нация, сейчас охваченная обжигающим пламенем. Для этого есть хорошее сравнение: наша страна подобно атому. ...Когда ядро атома расщепляется, высвобождаемая термическая энергия будет поистине громадной силы. Мы сможем проделать такое, чего не могли сделать раньше»[133].

Мао развил широко распространившееся наступление на традиционную китайскую политическую мысль как часть этого процесса: если конфуцианские традиции восхваляли всеобщую гармонию, то Мао идеализировал бунты и столкновения с силами противника. Как во внутренних делах, так и во внешних (и действительно, он во всем видел единство противоположностей, часто сравнивая зарубежные кризисы с внутренними чистками или кампаниями). Конфуцианские традиции восхваляли философию нищеты и культивировали равенство и скромность; когда проводились реформы, они были поэтапными и выдвигали на первый план задачу «восстановления» прежних ценностей. Мао же, напротив, стремился к радикальным и моментальным переменам и полному разрыву с прошлым. Традиционная китайская политическая теория рассматривала военную силу без особого почтения и настойчиво призывала китайских правителей добиваться стабильности в стране и влияния за ее пределами через добродетель и сочувствие. Мао, которого вела его идеология и страдания за многовековые унижения Китая, довел милитаризацию жизни китайцев до беспрецедентного уровня. Если традиционный Китай ценил прошлое и взращивал богатую литературную культуру, Мао объявил войну традиционному китайскому искусству, культуре и образу мышления.

По многим параметрам, однако, Мао олицетворял диалектические противоречия, которыми он, по его утверждениям, мог манипулировать. Являясь яростным и открытым противником конфуцианства, он тем не менее много читал из китайской классики и имел привычку цитировать старинные тексты. Мао сформулировал доктрину «перманентной революции», но когда этого требовали китайские национальные интересы, он мог быть терпеливым и смотреть далеко в

перспективу. Манипуляции с «противоречиями» были его объявленной стратегией, и все же они служили конечной цели, вытекавшей из конфуцианской идеи «датун» — «Великой гармонии».

Маоистское правление в итоге обернулось своего рода повторением конфуцианских традиций в зеркальном отражении — объявлялось о полном разрыве с прошлым, но продолжилось использование многих традиционно китайских институтов, включая имперский стиль правления. Государство задумывалось как новый нравственный проект, но использовалась чиновничья бюрократия, которую Мао привечал весьма неохотно, периодически разрушал и в конце концов с той же периодичностью был вынужден воссоздавать.

Конечные устремления Мао трудно описать как единую организационную структуру или как нечто достигнутое путем реализации особого набора политических задач. Он ставил своей целью поддержание процесса революции самого по себе, считая это своей особой миссией, которую необходимо нести через все большие потрясения, без передышки и отдыха, до тех пор пока народ не выйдет из передряг очищенным и переделанным:

«Быть свергнутым — болезненное и невыносимое состояние, его ощущают свергнутые, например реакционеры из Гоминьдана [националистической партии], которых мы сейчас свергаем, и японские империалисты, которых мы вместе с другими народами свергли некоторое время назад. Но для рабочего класса, трудящихся людей и для коммунистической партии вопрос стоит не в том, чтобы быть свергнутыми, а в том, чтобы усердно трудиться для создания условий, в которых классы, государственная власть и политические партии отомрут естественным путем и человечество войдет в царство “Великой гармонии”»[134].

В традиционном Китае император — стержень, держащий Великую гармонию всего живого на земле. Являя образец проявления добродетели, он воспринимался хранителем существующего космического порядка в своей совокупности и поддержания равновесия между Небом, человеком и природой. По мнению китайцев, император «переделывал» взбунтовавшихся варваров и заставлял их подчиняться, он являлся

вершиной конфуцианской иерархической системы, распределяя всех людей по надлежащим им местам в обществе.

Именно по этой причине Китай вплоть до современного периода не стремился к идеалам «прогресса» в западном смысле этого слова. Для китайцев стимулом для служения обществу была концепция очищения — внесение порядка в общество, которому было позволено впасть в опасный дисбаланс. Конфуций объявлял своей миссией стремление *возродить* глубокие истины, игнорируемые обществом его времени, и тем самым возродить их в том виде, в каком они существовали в «золотом веке».

Мао видел свою роль диаметрально противоположной. «Великая гармония» наступила в конце болезненного процесса, вероятными жертвами которого пали все, кто ей сопротивлялся. В интерпретации истории, которую творил Мао, конфуцианский порядок не делал Китай сильным; его «гармония» была формой порабощения. Прогресс приходит только после серии тяжелых испытаний, когда противоположные силы вступают в борьбу друг против друга как внутри страны, так и на международной арене. И если эти противоречия не проявляются сами по себе, обязанностью коммунистической партии и ее руководства является поддержание ситуации постоянной встряски, даже, если понадобится, против самих себя.

В 1958 году, в начале развертывания общенациональной программы экономической коллективизации, получившей известность как «большой скачок», Мао начертал свое видение перманентного движения. Каждая революционная волна, как объявлял он, естественным образом является предшественницей нового потрясения, чье наступление необходимо ускорить, пока революционеры не впали в спячку и не стали почивать на лаврах:

«Наши революции, как и сражения. После победы мы должны сразу же выдвинуть новую задачу. Таким образом, кадры и массы всегда будут преисполнены революционным пылом, не тщеславием. Действительно, у них не будет времени для тщеславия, даже если им нравится чувствовать себя тщеславными. Когда перед ними будут стоять новые задачи, они полностью отдадутся работе по их реализации»[135].

Революционные кадры должны подвергаться испытаниям еще большими трудностями через все более короткие интервалы. «Неравновесие является общим и объективным правилом», — писал Мао.

«Цикл, являющийся бесконечным, начинается с неравновесия и идет к равновесию, а затем снова к неравновесию. Каждый цикл, однако, переносит нас на более высокий уровень развития. Неравновесие — это нормальное абсолютное состояние, в то время как равновесие временно и относительно»[136].

Но как может государство, которое находится в состоянии постоянных потрясений, участвовать в международной жизни? Если оно применяет доктрину перманентной революции в буквальном смысле этого понятия, оно будет испытывать постоянные массовые волнения, и не исключено оказаться вовлеченным в войну. Государства, ценящие стабильность, объединятся против этого государства. Но если оно будет пытаться приспосабливать открытый для всех международный порядок, стычка со сторонником перманентной революции неизбежна. Эта дилемма преследовала Мао всю его жизнь, и он так никогда и не смог ее решить.

Мао и международные отношения: «стратагема пустого города», китайская политика сдерживания и поиски психологического преимущества

Мао Цзэдун объявил о своем отношении в принципе к международным делам накануне взятия власти. На конференции вновь избранного состава Народного политического консультативного совета Мао одной фразой подытожил отношение Китая к существовавшему на то время международному порядку — «Китайский народ поднялся»:

«У нас общее чувство, что наша работа будет записана в анналы истории человечества, она ясно покажет, что китайцы, составляющие одну четверть человечества, начали подниматься на ноги. Китайцы всегда были великим, отважным и трудолюбивым народом. Только в период современной истории они начали отставать, что происходило только из-за гнета и

эксплуатации со стороны иностранного империализма и внутреннего реакционного правления. ...Наши предки учили нас доводить их дело до конца. Это мы делаем сейчас. Мы объединились и нанесли поражение как внешним, так и внутренним угнетателям, ведя народную освободительную войну и народную великую революцию. И мы объявляем создание Китайской Народной Республики»[137].

В 1949 году Китай стоял перед пугающей перспективой противостояния всему миру. Недоразвитая страна не имела военных возможностей навязать свои предпочтения миру, намного превосходящему ее по ресурсам и, что важнее всего, в техническом отношении. Когда на мировой арене появилась КНР, Соединенные Штаты были ядерной сверхдержавой номер один (Советский Союз тогда только провел первое испытание ядерного оружия). США поддерживали Чан Кайши во время гражданской войны, помогали перевозке гоминьдановских войск в северный Китай после капитуляции Японии во Второй мировой войне, чтобы они оказались там раньше коммунистических армий. Победа Мао Цзэдуна вызвала в Вашингтоне разочарование и дебаты по поводу того, кто «потерял» Китай. Это подразумевало, по крайней мере как думали в Пекине, неизбежную попытку американцев изменить результаты — убеждение, получившее поддержку, когда в 1950 году после вторжения Северной Кореи в Южную президент Трумэн направил Седьмой флот в Тайваньский пролив, стремясь предупредить попытку нового правительства на материке захватить Тайвань.

Советский Союз был идеологическим союзником, и Китай вначале нуждался в нем как в стратегическом партнере для противовеса Соединенным Штатам. Но китайские руководители не забыли о ряде «неравноправных договоров», навязанных за столетие с целью приобретения Россией приморских районов на Дальнем Востоке и зоны особого влияния в Маньчжурии и Синьцзяне, хотя нельзя сказать, что Советский Союз продолжал настаивать на действительности концессий в северо-восточном Китае, которые он получил от Чан Кайши на основании соглашений, заключенных во время войны, в 1945 году. Сталин считал само собой разумеющимся советское влияние в коммунистическом мире, взгляд, несовместимый в

длительной перспективе с ярым национализмом Мао и претензией на идеологическую значимость.

Китай также был вовлечен в пограничный спор с Индией в Гималаях в отношении территории, известной как Аксайчин на западе и так называемой линией Мак-Магона на востоке китайско-индийской границы. Спорный район был не таким уж и маленьким: в общей сложности площадь оспариваемых территорий составляла примерно 125 тысяч квадратных километров, что приблизительно равнялось размерам штата Пенсильвания или, как Мао позже заметил одному из своих командующих, китайской провинции Фуцзянь[138].

Мао разделил эти две проблемы на две категории. Внутри страны он пропагандировал перманентную революцию и был способен ее осуществить, поскольку он постепенно сосредоточил всю власть в своих руках. За ее пределами мировая революция сделалась лозунгом, возможно, задачей на длительную перспективу, но китайские руководители обладали достаточным здравомыслием, чтобы понимать: у них не хватает иных средств для вызова превалирующему международному порядку, кроме идеологических. Внутри Китая Мао признавал совсем немного объективных причин для ограничения своих философских воззрений, исключение составляли присущие только китайскому народу подходы, с которыми он боролся, чтобы их преодолеть. В царстве внешней политики он действовал значительно более осторожно.

Когда коммунистическая партия взяла власть в свои руки в 1949 году, огромные части территории оказались оторваны от исторической китайской империи, в частности Тибет, часть Синьцзяна, часть Монголии и пограничные районы Бирмы. Советский Союз сохранял сферу влияния на северо-востоке, включая оккупационные войска и флот в стратегически расположенном районе Люйшуньского залива. Мао, как и несколько сотен основателей династий до него, претендовал на границы Китая в максимальных пределах, установленных империей за всю историю ее существования. В отношении территорий, которые Мао рассматривал как часть Китая на протяжении его истории — Тайваня, Тибета, Синьцзяна, Монголии, пограничных районов Гималайских гор или на севере, — он применял юридические принципы внутренней политики:

и здесь он был непримирим; он стремился установить китайское правление и в целом преуспел в этом деле. Сразу после окончания гражданской войны Мао занялся возвращением таких отторгнутых районов, как Синьцзян, Внутренняя Монголия и в конечном счете Тибет. В данном контексте проблему Тайваня можно отнести не столько к проблеме проверки на прочность коммунистической идеологии, сколько к категории требования уважать китайскую историю. Даже когда он воздерживался от применения военных методов, Мао всегда выдвигал претензии на территории, уступленные по «неравноправным договорам» в XIX веке — например, притязания на территории, утерянные на российском Дальнем Востоке в ходе урегулирования в 1860 и 1895 годах.

Отдавая дань уважения остальному миру, Мао выдвигал особый стиль, заменявший идеологическую воинственность и психологическое восприятие физической силы. Он состоял из смеси китаецентристских воззрений на мир, примеси мировой революции и дипломатии, использующей китайскую традицию манипулирования варварами, при этом большое внимание уделялось тщательному планированию и психологическому подавлению другой стороны.

Мао избегал того, что западные дипломаты называли здравым смыслом, то есть, чтобы восстановиться от десятилетий потрясений, Китаю следует примириться с крупными державами. Он не хотел подавать ни малейшего признака слабости, выбирал демонстративное неповиновение и не шел на примирение, избегая контактов с западными странами после образования Китайской Народной Республики.

Чжоу Эньлай, первый министр иностранных дел КНР, обобщил такой подход замкнутости в ряде своих высказываний. Новый Китай не может просто влиться в существующие дипломатические отношения. Он создаст «отдельную кухню». Отношения с новым режимом будут обсуждаться на переговорах в каждом конкретном случае. Новый Китай «уберет чисто дом перед тем, как пригласить гостей» — другими словами, освободится от длительного колониального влияния, перед тем как установить дипломатические отношения с западными «империалистическими» странами. Он использует свое влия-

ние для «объединения народов мира» — другими словами, для поддержания революции в развивающемся мире[139].

Сторонники традиционализма в дипломатии отвергли бы такой способ бросать вызов с позиций стороннего наблюдателя как практически неосуществимый. Но Мао верил в объективное влияние идеологических и превыше всего психологических факторов. Он предложил установить психологический паритет со сверхдержавами путем расчетливого пренебрежения к их военным возможностям.

Одной из классических историй китайской традиции в стратегическом плане была «Стратагема пустого города» Чжугэ Ляна из романа «Троецарствие». В нем командующий видит приближающуюся армию, намного превосходящую его собственную. Поскольку сопротивление неизбежно приведет к уничтожению, а капитуляция лишит контроля над будущим развитием, командующий прибегает к военной уловке. Он открывает ворота своего города, садится в позу отдыхающего за игрой на лютне, а за его спиной идет обычная жизнь без каких-либо признаков паники или озабоченности как бы пустого — без армии и солдат — города. Генерал вторгшейся армии расценивает хладнокровие командующего как признак наличия скрытых резервов, останавливает свое наступление и отходит.

В показном безразличии Мао к угрозам ядерной войны, несомненно, прослеживается та же давняя традиция. С самого своего основания Китайской Народной Республике приходилось маневрировать в рамках взаимоотношений в «треугольнике» с двумя сверхдержавами, каждая из которых сама по себе могла представлять огромную угрозу, а вместе они были в состоянии раздавить Китай. Мао относился к сложившейся ситуации так, словно ее не существовало. Он утверждал, что защищен от ядерных угроз; действительно, он выработал такую общественную позицию для себя как руководителя, способного отдать в жертву сотни миллионов и даже приветствующего этот шаг как залог более скорой победы коммунистической идеологии. Трудно однозначно утверждать, верил ли сам Мао в собственные заявления по вопросам ядерной войны. Но он явно преуспел в том, чтобы убедить большинство в мире в том, что он именно это и имел в виду, — вряд ли кто-то за-

хотел бы проверить его заявления на достоверность. (Конечно, в случае с Китаем город не был полностью «пустым». Китай в итоге сам стал обладать ядерным оружием, хотя и намного меньшим по количеству по сравнению с арсеналами Советского Союза или Соединенных Штатов.)

Мао умело использовал старинные традиции китайского искусства управления государством для достижения долгосрочных целей с позиций относительной слабости. Столетиями китайские государственные деятели заманивали «варваров» в сети отношений, когда их загоняли в угол и старательно сохраняли видимость политического превосходства над ними посредством дипломатических манипуляций. С самого начала существования Китайской Народной Республики Китай играл в мире роль, фактически превосходившую его реальные силы. Яростно защищая собственные определения национального достоинства, Китайская Народная Республика стала влиятельной силой в Движении неприсоединения — группировке новых освободившихся стран, ищущих свое место между двумя сверхдержавами. Китай позиционировал себя как великую державу, с которой не следует шутить, одновременно он пересматривал свою самоидентификацию внутри страны и бросал вызов ядерным державам на дипломатическом фронте, делая все это иногда параллельно, иногда последовательно.

Следуя повестке дня такой внешней политики, Мао Цзэдун больше опирался на Сунь-цзы, чем на Ленина. Его вдохновляли произведения китайской классики, а китайскими традициями он откровенно пренебрегал. Разбирая инициативы внешней политики, он в меньшей степени опирался на марксистское учение, больше прибегая к традиционным китайским произведениям: конфуцианским текстам, каноническим книгам «Двадцать четыре истории», описывающим взлеты и падения императорских династий Китая; к Сунь-цзы, роману «Троецарствие» и другим книгам о войнах и стратегии; приключенческим историям и произведениям о восстаниях типа романа «Речные заводи»; к роману о любви и изысканных интригах под названием «Сон в красном тереме», который Мао, по его словам, перечитывал пять раз[140]. Вторя традиционным конфуцианским ученым-чиновникам и обличая их как

угнетателей и паразитов, Мао сочинял и стихи, и философские эссе, чрезвычайно гордясь своей нетрадиционной каллиграфией. Литературные и художественные опыты Мао не служили неким убежищем от его политических трудов, а входили в них неотъемлемой частью. Когда Мао после 33 лет отсутствия вернулся в свою деревню в 1959 году, он написал стихотворение, вдохновившись не марксизмом или материализмом, а испытав романтический порыв:

Их жертвы лишь укрепили решимость нашу и волю,
И мы зажигаем звезды на небосклоне новом[141].

Эта литературная традиция была настолько присуща Мао Цзэдуну, что в 1969 году, в поворотный год в его внешней политике, четверо высокопоставленных чиновников, получивших от Мао задание разработать варианты стратегического развития страны, сопроводили свои рекомендации начать сотрудничество с тогдашним заклятым врагом Америкой цитатами из запрещенного в Китае романа «Троецарствие», будучи уверенными, что Мао его читал. В разгар широкомасштабных нападок на древнее наследие Китая Мао Цзэдун составлял внешнеполитические доктрины, используя термины, аналогичные используемым в типично традиционных китайских интеллектуальных играх. Он описывал начало действий в китайско-индийском конфликте как «пересечение границы в виде пропасти между царствами Хань и Чу» — сравнение, взятое из терминов китайских шахмат[142]. Он использовал традиционную азартную игру «мацзян» как пособие для изучения стратегических идей. «Если вы знаете, как играть в эту игру, — сказал он своему врачу, — вы также поймете отношения между принципом возможности и принципом достоверности»[143]. В конфликте Китая как с Соединенными Штатами, так и с Советским Союзом Мао и его высокопоставленные коллеги расценивали угрозу в терминах игры в облавные шашки «вэйци», то есть следовало не допускать стратегического окружения.

Именно сугубо традиционные аспекты мешали сверхдержавам понимать стратегические мотивы Мао. Многие военные действия Пекина в первые три десятилетия «холодной войны» выглядели через призму западных стратегических

анализов практически маловероятными и, по крайней мере на бумаге, невозможными. Нацеливая Китай против, как правило, гораздо более мощного противника и оказываясь на территориях, которые прежде казались не имеющими первостепенного стратегического значения — Северная Корея, прибрежные островки в Тайваньском проливе, слабонаселенные урочища в Гималаях, замерзшие пятачки суши на реке Уссури, — эти китайские вторжения или наступления застигали практически всех наблюдателей — и каждого из противников — врасплох. Мао был полон решимости не допустить окружения любой державой или альянсом держав, независимо от идеологии, и это он рассматривал как накапливание, как в игре «вэйци», как можно большего количества фишек вокруг Китая и тем самым срыва их расчетов.

В этом заключался какой-то катализатор, который привел Китай к Корейской войне, несмотря на его относительную слабость, и который после смерти Мао приведет Пекин к войне с Вьетнамом, недавним союзником, несмотря на договор о взаимопомощи между Ханоем и Москвой и миллионную армию Советского Союза на северных границах Китая. Долгосрочные расчеты соотношения сил вокруг границ Китая считались более значимыми, чем прямой подсчет непосредственного баланса сил. Сочетание долгосрочного прогноза с психологическим анализом проявилось в подходе Мао к отражению предполагаемых военных угроз.

Как бы много Мао Цзэдун ни брал из китайской истории, ни один из предшествующих правителей Китая не сочетал традиционные элементы с той же долей властности и жестокости, а также глобальным масштабом чисток, как Мао: жестокость перед лицом вызовов и опытная дипломатия, когда обстоятельства не давали ему возможности применять решительные, всеподавляющие инициативы. Его далекоидущие и смелые внешнеполитические инициативы — при всем традиционном характере его тактики — проводились путем дикой встряски китайского общества. Весь мир, как он обещал, будет перестроен, все получит свою противоположность:

«В мире больше всех других стремится изменить свое положение пролетариат, а затем полупролетариат, так как первый вообще ничего не имеет, а второй имеет, но немного. Сущест-

вующее ныне положение, когда США командуют большинством голосов в ООН и контролируют многие районы мира, является лишь временным. Рано или поздно настанет день, когда это положение изменится. Положение Китая как бедной страны и его бесправие на международной арене также изменятся: бедная страна превратится в богатую, бесправие превратится в полноправие, то есть произойдет переход в свою противоположность»[144].

Мао, однако, был даже больше чем реалистом, чтобы ставить в качестве практической цели мировую революцию. В результате самым существенным воздействием Китая в плане мировой революции являлось преимущественно идеологическое влияние, заключавшееся в интеллектуальной поддержке местных коммунистических партий. Мао объяснял такой подход в 1965 году в интервью Эдгару Сноу, первому американскому журналисту, описавшему базу КПК в Яньани во время гражданской войны: «Китай поддерживал революционные движения, но не вторжением в другие страны. Конечно, где бы ни существовала освободительная борьба, Китай будет публиковать заявления и созывать демонстрации в ее поддержку»[145].

В том же ключе высказывался в 1965 году Линь Бяо, предполагаемый преемник Мао. В своей брошюре «Да здравствует победа народной войны» он писал о том, что мировая деревня (то есть развивающиеся страны) победит города (то есть передовые страны) почти так, как Народно-освободительная армия Китая (НОАК) разбила Чан Кайши. Администрация Линдона Джонсона расценила эти строчки как китайский план поддержки — а возможно, и прямого участия — в коммунистической подрывной деятельности по всему миру и особенно в Индокитае. Брошюра Линь Бяо была фактором, способствовавшим принятию решения направить американские войска во Вьетнам. Современные ученые, однако, рассматривают его текст как заявление о пределах китайской военной поддержки Вьетнама и других революционных движений. Объясняют на деле так: Линь Бяо заявлял, что «освобождение масс — дело рук самих масс. Это основной принцип марксизма-ленинизма. Революция или народная война в любой стране — это дело масс данной страны, и они должны осуществляться прежде всего их собственными силами; иного пути нет»[146].

Эта сдержанность отражала реалистическую оценку реального баланса сил. Мы не можем знать, на какие действия решился бы Мао Цзэдун, если бы баланс сместился в сторону коммунистической державы. Но то ли из-за проявления реалистического подхода, то ли из-за философских мотиваций революционная идеология использовалась как средство переделки мира посредством различных деяний, но не войны. Так, как правило, традиционные императоры видели собственную роль.

Группа китайских ученых, имевших доступ в Центральный архив в Пекине, подготовила захватывающий отчет относительно двойственности Мао: приверженец мировой революции, готовый поддержать ее где бы то ни было, и он же защитник всего того, что способствует сохранению Китая[147]. Присущая ему двойственность проявилась и во время разговора Мао Цзэдуна с руководителем коммунистической партии Австралии Е.Ф. Хиллом в 1969 году. Именно тогда Мао рассматривал возможность начала новых отношений с США, с которыми Китай находился во враждебных отношениях на протяжении двух десятилетий. Он спросил своего собеседника: «Идем ли мы к революции, которая предотвратит войну? Или нам предстоит война, которая вызовет революцию?»[148] Если верно первое, то недальновидно строить отношения с США, если второе — тогда обязательно нужно пойти на это, избежав тем самым нападения на Китай. В итоге после некоторых колебаний Мао выбрал вариант с установлением отношений с Америкой. Предотвращение войны (а она на тот момент, вероятнее всего, вызвала бы советский удар по Китаю) было важнее, чем поощрение революции.

Перманентная революция и китайский народ

Шаг Мао по установлению отношений с Соединенными Штатами стал крупным как идеологическим, так и стратегическим решением. Но он не повлиял на его приверженность концепции перманентной революции в его собственной стране. Даже в 1972 году, в год визита президента Ричарда Никсо-

на в Китай, он потребовал опубликовать письмо, посланное им своей жене Цзян Цин в начале «культурной революции» 6 лет назад:

«Ситуация меняется от великого потрясения к великому миру каждые 7 или 8 лет. Привидения и монстры выпрыгивают сами по себе. ...И наша задача в этот момент очистить от правых всю партию и всю страну. Мы запустим еще одну кампанию чистки привидений и монстров через следующие 7 или 8 лет и будем проводить еще такие кампании позже»[149].

Призыв к приверженности идеологии кратко охарактеризовал дилемму Мао как дилемму любой победоносной революции: когда революционеры берут власть в свои руки, они вынуждены создавать иерархию власти, если хотят избежать паралича или хаоса. Чем кардинальнее свержение, тем большей будет иерархия власти взамен консенсуса, на котором держится жизнь всего общества. И чем изощренней иерархическая структура, тем быстрее она может переродиться в еще более изощренный вариант свергнутого репрессивного аппарата.

Таким образом, с самого начала Мао втянулся в поиск истины, логическим завершением которого могла бы стать атака на собственные коммунистические институты, даже на такие, которые он сам и создавал. В то время как ленинизм утверждал, что приход коммунизма решит все «противоречия» в обществе, философия Мао не признавала передышки. Недостаточно провести индустриализацию страны, как это сделал Советский Союз. В поиске исторической уникальности Китая общественный порядок должен пребывать в постоянном движении с целью недопущения греха «ревизионизма», в котором Мао Цзэдун все больше обвинял постсталинскую Россию. Коммунистическая страна, по Мао, не должна превращаться в бюрократическое общество; мотивационной силой должна стать идеология, а не иерархия.

Исходя из этого, Мао изобрел ряд внутренних противоречий. В поисках «Великой гармонии» в 1956 году Мао развернул кампанию «Ста цветов», положившую начало общественным дискуссиям и в итоге обернувшуюся против тех, кто их вел. Начатая им кампания 1958 года — «большой скачок» — преследовала цель догнать Запад в промышленном отношении за

трехлетний период, но привела к повсеместному голоду, одному из самых страшных в современной истории, и к расколу в коммунистическом движении. В 1966 году он дал старт «культурной революции», в ходе которой поколение подготовленных руководителей, профессоров, дипломатов и специалистов было отправлено в сельскую местность на работу в деревню учиться у масс.

Миллионы умерли, пытаясь претворить в жизнь поиск председателем нравственного критерия равенства. И все же в своем неприятии всепроникающей бюрократии Китая он продолжал выступать против дилеммы, когда кампания во имя спасения народа от самого себя порождала еще бóльшую бюрократию. В итоге уничтожение собственных учеников стало распространенной практикой Мао.

Веру Мао Цзэдуна в окончательный успех его перманентной революции питали три источника: идеология, традиции и китайский национализм. Единственной и наиважнейшей являлась его личная вера в способности и спаянность китайского народа, его умение быстро восстанавливать свои силы. И действительно, невозможно назвать какой-либо еще другой народ, способный выдержать постоянные встряски, изобретаемые Мао. Точно так же нельзя назвать лидера какого-либо другого народа, так убедительно и часто угрожавшего, как Мао, заявляя о том, что китайский народ все равно выживет, даже если покинет все города перед лицом иностранного захватчика, или переживет всех после гибели десятков миллионов в ядерной войне. Мао Цзэдун мог так поступать из глубокой уверенности в способности китайского народа сохранить свою сущность, невзирая на любые невзгоды.

И здесь ясно прослеживается фундаментальное отличие от русской революции, свершенной поколением ранее. Ленин и Троцкий рассматривали свою революцию как щелчок пускового крючка мировой революции. Будучи убежденными в неизбежности мировой революции, они согласились уступить Германии треть европейской территории России по Брест-Литовскому договору 1918 года. Что бы ни случилось с Россией, все в конце концов подчинено неизбежной революции в остальной Европе, которая, по мнению Ленина и Троцкого, сметет существующий политический порядок.

Для Мао Цзэдуна такой вопрос просто немыслим, поскольку его революция являлась по своей сути китаецентристской. Китайская революция могла бы влиять на мировую революцию, но, случись такое, лишь благодаря усилиям и жертвам, а также личному примеру китайского народа. Для Мао величие китайского народа всегда оставалось организующим принципом. В ранней работе 1919 года он так подчеркивал уникальность китайского народа:

«Я отважусь сделать единственное утверждение: однажды преобразование китайского народа будет гораздо глубже, чем это происходило с каким-либо другим народом, и общество китайского народа будет более радостным, чем общество любого другого народа. Великий союз китайского народа будет достигнут раньше, чем любого другого народа или в любом другом месте»[150].

Двадцать лет спустя, в разгар японского вторжения и китайской гражданской войны, Мао превозносил достижения китайской нации так, что с ним согласились бы правители других династий:

«В процессе развития своей цивилизации китайская нация создала земледелие и ремесленное производство, издавна славившиеся своим высоким уровнем, породила многих великих мыслителей, ученых, изобретателей, политических и военных деятелей, писателей, художников и создала множество памятников культуры. Уже очень давно в Китае был изобретен компас, 1800 лет назад был изобретен способ изготовления бумаги, 1300 лет назад — печатание с досок, 800 лет назад — разборный шрифт. Раньше европейцев китайцы стали применять и порох. Таким образом, Китай является одним из государств мира, обладающих наиболее древней культурой, засвидетельствованная письменными памятниками история Китая насчитывает почти четыре тысячи лет»[151].

Мао продолжал двигаться по кругу к древней, как сам Китай, дилемме. По сути, универсальная, современная технология представляет собой угрозу претензиям на уникальность любого общества. А китайское общество всегда претендовало на уникальность. Для сохранения уникальности Китай отказывался копировать Запад в XIX веке, подвергая себя унижениям и опасности быть колонизированным. Веком позже

одной из целей «культурной революции» Мао — откуда она и прибрела свое название — стало уничтожение именно тех черт модернизации, которые угрожали вовлечением Китая во всеобщую культуру.

К 1968 году Мао прошел полный цикл. Охваченный смесью идеологической лихорадки и предчувствием бессмертия, он обратился к молодежи с просьбой помочь очистить военных и компартию и привести к управлению новое поколение идеологически чистых коммунистов. Но реальность разочаровала стареющего вождя. Оказалось невозможным управлять страной при помощи идеологической экзальтации. Молодежь, следовавшая указаниям Мао, больше создавала хаос, чем демонстрировала свою преданность, и потому, в свою очередь, была отправлена в деревню на перевоспитание; некоторых из руководителей, изначально намеченных в жертвы кампаний чистки, возвратили на свои посты для восстановления порядка — особенно в армии. К апрелю 1969 года почти половина членов Центрального Комитета партии — 45 процентов — были военными, при том, что в 1956 году их было всего 19 процентов; средний возраст новых членов ЦК составил 60 лет[152].

Живое напоминание этой дилеммы пришло в первом разговоре между Мао Цзэдуном и президентом Никсоном в феврале 1972 года. Никсон похвалил Мао, сумевшего преобразить древнее общество, на что Мао ответил: «Я не смог этого сделать. Мне удалось изменить только ряд мест вблизи Пекина»[153].

После титанической борьбы по перелопачиванию китайского общества, на которую у него ушло полжизни, Мао без малейшей доли пафосности смиренно признал глубину китайской культуры и китайского народа. Один из самых властных правителей в истории Китая, он пошел против этой противоречивой массы — покорной и независимой, безропотной и уверенной в себе, вводя ограничения не столько прямыми вызовами, сколько сомнениями относительно существующего порядка, который они считали несовместимым с будущим их семьи.

Вот почему в конце жизни Мао обращался не столько к материальным аспектам марксистской революции, сколько к собственной вере. Особенно Мао любил историю из китайской

классической литературы о глупом старике, свято верившем, что сможет передвинуть горы собственными руками. Мао пересказал ее на съезде КПК:

«Есть старинная китайская притча под названием «Юй-гун передвинул горы». В ней рассказывается, как в древности на севере Китая жил старик по имени Юй-гун с Северных гор. Дорогу от его дома на юг преграждали две больше горы — Тайханшань и Ванъушань. Юй-гун решил вместе со своими сыновьями срыть эти горы мотыгами. Другой старик, по имени Чжи-соу, увидев их, рассмеялся и сказал: «Все это глупости. Где уж вам и вашим сыновьям срыть две такие большие горы!» Юй-гун ответил ему: «Я умру — останутся мои дети, дети умрут — останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Хоть горы эти высоки, но выше стать не могут. Сколько сроем, на столько они и уменьшатся. Почему же нам не под силу их срыть?» Опровергнув ошибочный взгляд Чжи-соу, Юй-гун, нимало не колеблясь, принялся изо дня в день рыть горы. Это растрогало бога, и тот послал на землю двух святых, которые и унесли горы. Сейчас тоже две большие горы давят своей тяжестью на китайский народ: одна из них называется империализмом, другая — феодализмом. Коммунистическая партия Китая уже давно решила срыть эти горы. Мы должны настойчиво проводить в жизнь свое решение, должны неустанно трудиться, и мы тоже растрогаем бога»[154].

Двойственное сочетание веры в китайский народ и пренебрежение его традициями позволили Мао продемонстрировать чудеса изобретательности и ловкости. Обедневшее общество, только вышедшее из расколовшей его гражданской войны, вновь разрывалось на части — уже через все более короткие промежутки времени. И во время этого процесса велись войны с Соединенными Штатами и Индией, бросался вызов Советскому Союзу, но в конечном счете границы китайского государства были восстановлены почти по максимуму за всю его историю.

Войдя в мир двух ядерных сверхдержав, Китай сумел, несмотря на постоянную коммунистическую пропаганду, вести себя как поистине геополитический «независимый агент влияния» «холодной войны». Из-за своей относительной слабости

он играл полностью независимую и весьма влиятельную роль. Китай перешел от враждебности к почти союзническим отношениям с США и в противоположном от СССР направлении — от союзнических отношений к конфронтации. Возможно, самым примечательным стало то, что Китай сумел в итоге освободиться от Советского Союза и выйти из «холодной войны» на стороне «победителя».

И тем не менее при всех его достижениях настойчивое стремление Мао перевернуть древнюю систему вверх дном не могло не повторить извечный путь китайской жизни. Через 40 лет после его смерти, пройдя путь жестокий, драматический и болезненный, его преемники вновь представили свое, теперь значительно укрепившее благосостояние, общество конфуцианским. В 2011 году статую Конфуция установили на площади Тяньаньмэнь в пределах видимости от мавзолея Мао — вторую столь же почитаемую личность. Только такой жизнестойкий и терпеливый народ, как китайский, мог выйти после сложных перипетий истории объединенным и динамично развивающимся.

Глава 5

ДИПЛОМАТИЯ «ТРЕУГОЛЬНИКА» И КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Первым внешнеполитическим шагом Мао Цзэдуна стала поездка в Москву 16 декабря 1949 года, состоявшаяся всего лишь через два месяца после провозглашения Китайской Народной Республики. Он впервые выезжал за пределы Китая с целью создания союза с коммунистической сверхдержавой, Советским Союзом. В конечном счете встреча в Москве положила начало серии шагов, когда вместо ожидаемого альянса родилась дипломатия «треугольника», где Соединенные Штаты, Китай и Советский Союз маневрировали, выступая то друг с другом, то друг против друга.

Во время встречи со Сталиным, прошедшей сразу же в день его приезда, Мао подчеркнул, что «Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3—5 лет, которую он мог бы использовать для восстановления предвоенного уровня экономики и стабилизации общего положения в стране»[155]. Тем не менее не пройдет и года после поездки Мао, как Соединенные Штаты и Китай будут воевать друг с другом.

Все случилось из-за махинаций игрока, казавшегося незначительным: Ким Ир Сена, амбициозного ставленника Советского Союза в Северной Корее, государстве, созданном всего двумя годами ранее на основе соглашения между США и СССР в соответствии с зонами, оккупированными каждой из сторон в освобожденной Корее после войны с Японией.

Сталин, как представляется, не ставил своей первоочередной задачей помощь возрождению Китая. Он еще не забыл предательства Йосипа Броз Тито, руководителя Югославии и единственного европейского коммунистического лидера, получившего власть благодаря собственным усилиям, а не в результате советской оккупации. Тито порвал с Советским Союзом в предыдущий год. Сталин решительно не желал подобного исхода в Азии. Он понимал геополитическое значение победы коммунистов в Китае; его стратегической целью было управлять процессами, происходившими в результате этой победы, и получать выгоды от их воздействия.

Сталин наверняка верно оценивал масштаб личности Мао. Китайские коммунисты победили в гражданской войне вопреки ожиданиям Советов и игнорируя советы Советов. Хотя Мао и объявил о намерении Китая «склониться к одной стороне» — к Москве — в международных делах, из всех коммунистических лидеров он был наименее обязанным Москве за собственное положение, и управлял он самой населенной коммунистической страной. Отсюда первое знакомство лидеров двух коммунистических гигантов привело к затейливому менуэту, кульминацией которого полугодом позже стала Корейская война. В нее оказались втянуты Китай и Соединенные Штаты — непосредственно и Советский Союз — опосредованно.

Мао был убежден, что бушующие в Америке дебаты по поводу того, кто «потерял» Китай, неизбежно заставят США попытаться вернуть все на круги своя. Во всяком случае, являясь приверженцем коммунистической идеологии, он сделал такой вывод и предпочел сделать ставку на получение материальной и военной помощи от Советского Союза. Его целью был оформленный по всем правилам союз.

Но двум коммунистическим диктаторам нелегко было ужиться друг с другом. Сталин к тому времени находился у власти почти 30 лет. Он уничтожил всю внутреннюю оппозицию и привел свою страну к победе над нацистскими агрессорами ценой ужасающе огромного количества человеческих жизней. Организатор периодических чисток, приводивших к миллионам жертв (и в то время он готовился к новой серии чисток), Сталин уже как бы стоял над идеологией. Его прав-

ление, отмеченное жестокой и циничной беспринципностью, основывалось на его примитивной интерпретации российской национальной истории.

В период длительной борьбы Китая с Японией в 1930-е и 1940-е годы Сталин всегда принижал потенциал коммунистических сил и относился пренебрежительно к стратегии Мао, опирающейся на село и крестьян. На протяжении всего периода Москва поддерживала официальные отношения с националистическим правительством Гоминьдана. В конце войны с Японией в 1945 году Сталин вынудил Чан Кайши предоставить Советскому Союзу привилегии в Маньчжурии и Синьцзяне, сравнимые по масштабам с полученными царским режимом, и признать Внешнюю Монголию как номинально независимую Монгольскую Народную Республику, находящуюся под советским контролем. Сталин активно поощрял сепаратистские силы в Синьцзяне.

В Ялте в том же 1945 году Сталин добивался от своих коллег, Франклина Д. Рузвельта и Уинстона Черчилля, международного признания советских особых прав в Маньчжурии, включая военно-морскую базу в Люйшуне (старый Порт-Артур) и в заливе Даляньвань как условие вступления в войну против Японии. В августе 1945 года Москва и гоминьдановские власти подписали договор, подкрепляющий ялтинские соглашения.

При таких обстоятельствах встреча двух коммунистических титанов в Москве никак не могла стать встречей с объятиями людей, разделяющих одни и те же убеждения. Вот как Н.С. Хрущев, будучи тогда членом сталинского Политбюро, вспоминал:

«Сталин любил показать свое гостеприимство высокопоставленным гостям и знал очень хорошо, как это сделать. Но во время визита Мао Сталин мог по нескольку дней ни разу не встречаться с ним — а поскольку Сталин сам не встречался с Мао и никому другому не поручал развлекать его, никто не осмеливался его посещать. ...Мао, да будет известно, если бы такая ситуация еще продлилась, был готов уехать. Когда Сталин услышал о жалобах Мао, мне кажется, он устроил еще один обед в его честь»[156].

С самого начала было ясно, что, невзирая на победу сил коммунизма в Китае, Сталин не собирался отказываться от

приобретений, полученных им для Советского Союза за вступление в войну против Японии. Мао, приступив к беседе со Сталиным, сразу подчеркнул — ему необходим мир: «Решение важнейших вопросов в Китае находится в зависимости от перспектив на мирное развитие. В связи с этим ЦК КПК поручил мне выяснить у Вас, тов. Сталин, вопрос о том, каким образом и насколько обеспечен международный мир»[157].

Сталин успокоил его относительно мирных перспектив, но не торопился с ответом на просьбу о чрезвычайной помощи и свел на нет спешку с формированием союзнических отношений:

«Вопрос о мире более всего занимает и Советский Союз, хотя для него мир существует уже в течение четырех лет. Что касается Китая, то непосредственной угрозы для него в настоящее время не существует: Япония еще не стала на ноги, и поэтому она к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать, разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай? Мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 5—10, но и на 20 лет, а возможно, и на еще более продолжительное время»[158].

При таком раскладе военный союз совершенно не нужен. Сталин ясно объяснил свою сдержанность, когда Мао официально поднял эту тему. К чему новый союзнический договор, сделал удивительное заявление Сталин, если существующего договора, подписанного с Чан Кайши при совершенно иных обстоятельствах, вполне достаточно. Сталин подкрепил свой довод утверждением, что советская сторона нацелена на то, чтобы не давать «Америке и Англии юридический повод поставить вопрос об изменении» ялтинских соглашений[159].

Сталин фактически утверждал, будто коммунизм в Китае лучше всего будет защищен русским соглашением с правительством, только что свергнутым Мао Цзэдуном. Сталину так понравился собственный аргумент, что он привел его и в связи с уступками, которых Советский Союз добился у Чан Кайши в отношении Синьцзяна и Маньчжурии и которые, по его мнению, должны сохраняться теперь уже по просьбе Мао. Мао Цзэдун, всегда бывший ярым националистом, отклонил пред-

ложения Сталина, по-иному сформулировав его просьбу. Он рассуждал так: существующие договоренности относительно железной дороги в Маньчжурии отвечают «китайским интересам» постольку, поскольку она является «школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров»[160]. Как только будут подготовлены китайские сотрудники, они возьмут управление в свои руки. Советские специалисты могут оставаться до тех пор, пока не завершится эта подготовка.

Демонстрируя дружбу и подтверждая идеологическую солидарность, два достойных последователя Макиавелли маневрировали, пытаясь достичь окончательного превосходства и господства над значительной частью территории на окраинах Китая. Сталин, будучи старше и на тот момент могущественнее, и Мао, в геополитическом смысле более самоуверенный, оба превосходные стратеги, отлично понимали: по теме, которую они официально обсуждали, их интересы должны в конечном счете неизбежно столкнуться.

После месяца взаимной торговли Сталин уступил и согласился на союзнический договор. Однако он настаивал на том, чтобы Далянь и Люйшунь оставались советскими базами до подписания мирного договора с Японией. Москва и Пекин в итоге 14 февраля 1950 года заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Он предусматривал то, чего добивался Мао и чего хотел избежать Сталин: обязательства о взаимной помощи в случае конфликта с третьей державой. Теоретически договор обязывал Китай прийти на помощь Советскому Союзу в мировом масштабе. В оперативном плане он давал Мао прикрытие на случай эскалации различных угрожающих китайским границам кризисов.

Китаю пришлось заплатить большую цену: шахты, железная дорога и другие концессии в Маньчжурии и Синьцзяне, признание независимости Внешней Монголии, использование Советским Союзом залива Даляньвань, использование до 1952 года военно-морской базы в Люйшуне. Позже Мао Цзэдун все еще будет жаловаться Хрущеву по поводу попыток Сталина установить свои «полуколонии» в Китае через эти концессии[161].

Что же касается Сталина, то появление потенциально мощного восточного соседа стало для него геополитическим кошмаром. Ни один российский правитель не мог игнориро-

вать огромнейшую демографическую разницу между Китаем и Россией при наличии протяженной границы в 2000 миль: китайское население, насчитывавшее более 500 миллионов, соседствовало с менее чем 40 миллионами русских в Сибири. На какой стадии развития Китая цифры начнут что-то значить? Наличие подобия консенсуса по идеологическим вопросам больше подчеркивало, чем уменьшало озабоченность. Сталин, слишком большой циник, ни на минуту не сомневался в том, что когда сильные восходят на вершину (как они думают, при помощи своих собственных сил), они отчаянно сопротивляются претензиям на высшую истину со стороны союзника, каким бы близким этот союзник ни считался. Сталин, изучив и раскусив Мао, должно быть, прекрасно понимал: тот никогда не уступит превосходства по вопросам своего учения.

Ачесон и соблазн китайского «титоизма»

Во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве случился эпизод, ставший весьма симптоматичным как в свете чреватых напряженностью отношений внутри коммунистического движения, так и с учетом роли, которую играют и будут играть США в нарождающемся «треугольнике». Поводом стала попытка госсекретаря Дина Ачесона ответить на хор внутренних критиков по поводу того, кто «потерял» Китай. По его указанию Государственный департамент в августе 1949 года опубликовал Белую книгу о крахе Гоминьдана. Хотя США по-прежнему признавали гоминьдановцев законным правительством всего Китая, в Белой книге они описывались как «коррумпированные, реакционные и неспособные»[162]. В итоге Ачесон в сопроводительном письме Трумэну по поводу Белой книги делал вывод и рекомендовал:

«Катастрофический результат гражданской войны в Китае является неприятным, но неизбежным фактом, выходящим за пределы контроля со стороны правительства Соединенных Штатов. Ничто из того, что делали или могли бы сделать США в пределах разумного и с учетом их возможностей, не могло уже изменить этот итог. ...Это явилось результатом внутренних

китайских сил, на которые наша страна пыталась оказывать влияние, но не смогла»[163].

Выступая 12 января 1952 года в Национальном пресс-клубе, Ачесон усилил главную мысль Белой книги и выдвинул новую всеобъемлющую азиатскую политику. В его речи содержалось три пункта фундаментальной значимости. Первое: Вашингтон умывает руки в связи с китайской гражданской войной. Гоминьдановцы, как заявлял Ачесон, продемонстрировали как политическую несостоятельность, так и «огромнейшую некомпетентность, когда-либо проявленную каким-либо военным командованием». Ачесон объяснял, что это не коммунисты «создали такие условия», они просто умело использовали обстоятельства, которые предлагались. Чан Кайши сейчас оказался «изгнанником на маленьком острове у берегов Китая с остатками своих войск»[164].

После того как материковый Китай был отдан коммунистам, независимо от произведенного геополитического эффекта, не было смысла и сопротивляться попыткам коммунистов оккупировать Тайвань. Таков, кстати, вывод и документа НСБ-48/2 (NSC-48/2) о национальной политике, подготовленного аппаратом Национального совета безопасности и одобренного президентом США. В этом документе, принятом 30 декабря 1949 года, сделан вывод о том, что «стратегическое значение Формозы [Тайваня] не оправдывает открытых военных действий». Трумэн на пресс-конференции 5 января обратил внимание на то же самое: «Правительство Соединенных Штатов не будет предоставлять военную помощь или консультировать китайские войска на Формозе»[165].

Во-вторых, но по своему значению данный пункт может быть и на первом месте, Ачесон не оставил сомнений относительно того, кто угрожает независимости Китая в долгосрочной перспективе:

«Эта коммунистическая концепция и технологии вооружили русский империализм новым и еще более коварным оружием для проникновения. Что происходит в Китае — вооруженный этим новым видом оружия Советский Союз отторгает китайские северные провинции от Китая и присоединяет их к Советскому Союзу. Этот процесс уже состоялся во Внешней Монголии. Он близится к завершению в Маньчжу-

рии, и, я уверен, из Внутренней Монголии и Синьцзяна от советских агентов идут в Москву очень радостные сообщения. Вот именно то, что там происходит»[166].

Последний пункт в речи Ачесона был даже более глубоким по своим последствиям на будущее. Высказывалось предположение о том, что Китай — ни больше ни меньше — открыто займет позицию Тито. Предлагая строить отношения с Китаем на основе национальных интересов, Ачесон утверждал, что целостность Китая в американских национальных интересах, независимо от идеологии этой страны: «Мы должны придерживаться позиции, которой мы всегда придерживались, — любой, кто нарушает целостность Китая, враг Китая и действует вопреки нашим собственным интересам»[167].

Ачесон обрисовал перспективы новых китайско-американских отношений, базирующихся на национальных интересах, а не на идеологии:

«[Сегодня] день, когда уходят в прошлое старые отношения между Востоком и Западом, отношения, которые в самом худшем варианте были эксплуатацией, а в самом лучшем смысле — патерналистскими. Таким отношениям пришел конец, на Дальнем Востоке взаимоотношения между Востоком и Западом должны быть отношениями взаимного уважения и взаимной готовности прийти на помощь»[168].

Такая точка зрения в отношении коммунистического Китая, высказанная высокопоставленным лицом США, больше не прозвучит на протяжении двух десятков лет, пока Ричард Никсон не сделает подобных предложений своей администрации.

Речь Ачесона была великолепным образом оформлена, чтобы подействовать на самые чувствительные нервы Сталина. И Сталин действительно был вынужден попытаться что-то предпринять в связи с этим. Он направил своего министра иностранных дел А.Я. Вышинского и председателя Совета министров В.М. Молотова с визитом к Мао Цзэдуну, все еще находившемуся в Москве, на переговоры о союзнических отношениях, чтобы предупредить его о «клевете», распространяемой Ачесоном, и фактически предлагая высказать успокаивающие заверения. Это было каким-то истеричным жестом,

так не похожим на обычную проницательность Сталина, поскольку сама по себе просьба сделать подобные заверения означает какие-то сомнения по поводу надежности другой стороны. Если полагают, что партнер может дезертировать, то как можно верить заверениям об обратном? Если нет, зачем вообще нужны такие заверения? Более того, и Мао, и Сталин знали, что «клевета» Ачесона досконально описывала тогдашнее состояние китайско-советских отношений[169].

Советская парочка попросила Мао Цзэдуна дезавуировать обвинения Ачесона в том, будто Советский Союз стремился отколоть части Китая или хочет установить там доминирующее положение, и посоветовали охарактеризовать их как оскорбление в адрес Китая. Мао, не сделав никаких комментариев эмиссарам Сталина, лишь попросил копию речи и поинтересовался возможными мотивами, которыми мог руководствоваться Ачесон. Через несколько дней Мао одобрил заявление с саркастическими нападками на Ачесона, но в отличие от реакции Москвы, прозвучавшей от имени министра иностранных дел, Пекин поручил опровергнуть выпады Ачесона главе официального агентства новостей КНР Синьхуа[170]. В заявлении давалась отповедь «клевете» Вашингтона, но его сравнительно невысокий уровень с точки зрения протокола оставлял за Китаем право окончательного выбора. Мао предпочел не высказывать свою позицию, пока он находится в Москве, стремясь соорудить страховочную сетку для своей пока еще изолированной страны.

Мао Цзэдун позже, в декабре 1956 года, с присущей ему витиеватостью в рассуждениях, раскрыл свои истинные помыслы относительно возможности раскола с Москвой, прикрывая очередным опровержением, хотя и в смягченном виде, такую вероятность:

«Китай и Советский Союз стоят вместе. ...Однако все еще есть люди, которые сомневаются в этой политике. ...Они полагают, что Китай должен занять средний курс и послужить мостом между Советским Союзом и Соединенными Штатами. ...Если Китай станет между Советским Союзом и Соединенными Штатами, он окажется в выгодном положении и будет независимым, но фактически Китай не может быть независимым. Соединенные Штаты ненадежны, дадут вам немного

чего-нибудь, но не очень много. Как может империализм накормить вас полным обедом? Не может»[171].

Ну а вдруг США готовы дать то, что Мао назвал «полным обедом»? Ответ на этот вопрос не прозвучит до 1972 года, когда президент Никсон начнет свои заходы в отношении Китая.

Ким Ир Сен и начало войны

Жизнь шла бы своим чередом, каждый вел бы свою игру еще несколько, а может быть, и много лет, пока два патологически подозрительных абсолютных правителя тестировали друг друга, приписывая один другому свои собственные мотивы. Но вместо этого Ким Ир Сен, северокорейский лидер, над которым Сталин подсмеивался во время первой встречи с Мао в декабре 1949 года, вступил в геополитическую драчку с потрясающими результатами. Во время московской встречи Сталин как бы в насмешку предположил: единственная угроза миру может исходить от Северной Кореи, если «Ким Ир Сен решит вторгнуться в Китай»[172].

Но Ким Ир Сен решил по-другому. Он предпочел вторгнуться в Южную Корею и по ходу дела поставил крупные страны на грань глобальной войны, а Китай и Соединенные Штаты втянул в настоящую военную конфронтацию.

До вторжения Северной Кореи в Южную никто и подумать не мог о том, что Китай, едва оправившийся от гражданской войны, начнет войну с обладающей ядерным оружием Америкой. Причиной этой войны стала подозрительность двух коммунистических гигантов в отношении друг друга, а также способность Ким Ир Сена, хотя и полностью зависящего от его несравнимо более мощных союзников, манипулировать их взаимной подозрительностью.

Корея, включенная в состав Японии в 1910 году и быстро ставшая трамплином для японских вторжений в Китай, в 1945 году после поражения Японии была оккупирована на севере советскими войсками, на юге — американскими. Разделявшая их линия, 38-я параллель, оказалась спорной. Она просто отражала пределы, которых армии двух государств достигли в конце войны[173].

Когда оккупационные войска в 1949 году вывели, а бывшие оккупационные зоны стали полностью независимыми государствами, ни одно из них не чувствовало себя спокойно в новых границах. Их правители, Ким Ир Сен на Севере и Ли Сын Ман на Юге, всю жизнь провели в борьбе за дело своего народа. Они не видели причин оставить его в данной ситуации, поэтому оба претендовали на руководство всей страной. Военные столкновения вдоль разделительной полосы происходили весьма часто.

Начав сразу же после вывода американских войск из Южной Кореи в июне 1949 года, Ким Ир Сен на протяжении 1949 и 1950 годов пытался убедить и Сталина, и Мао согласиться на полномасштабное вторжение в Южную Корею. Вначале оба отвергли его предложение. Во время визита Мао Цзэдуна в Москву Сталин спросил мнение Мао относительно такого вторжения, и Мао, хотя и положительно отнесшийся к его конечной цели, посчитал риск американского вмешательства слишком высоким[174]. Он полагал, что любой план захвата Южной Кореи должен быть отклонен до завершения гражданской войны в Китае путем завоевания Тайваня.

Но именно эта китайская цель и послужила мотивацией для плана Ким Ир Сена. Несмотря на двусмысленность американских заявлений, Ким Ир Сен был убежден в том, что Соединенные Штаты вряд ли смирятся с двумя победами коммунистов. Поэтому он торопился добиться своих целей в Южной Корее, до того как Вашингтону придет в голову мысль о возможности китайского успеха в захвате Тайваня.

Несколько месяцев спустя, в апреле 1950 года, Сталин пересмотрел свою прежнюю позицию. Во время визита Ким Ир Сена в Москву Сталин дал зеленый свет просьбе Кима. Сталин подчеркнул свою убежденность в том, что Соединенные Штаты не станут вмешиваться. В советском дипломатическом документе это описывается следующим образом:

«Товарищ Сталин подтвердил Ким Ир Сену, что международная обстановка достаточно изменилась, чтобы позволить более активные действия по объединению Кореи. ...Теперь, когда Китай подписал союзнический договор с СССР, американцы не будут столь решительны в противостоянии с коммунистами в Азии. В соответствии с поступающей из США ин-

формацией это действительно так. Преобладает настрой не вмешиваться. Этот настрой подкреплен фактом того, что СССР сейчас обладает атомной бомбой и что наши позиции в Пхеньяне упрочились»[175].

Записи прямого китайско-советского диалога на эту тему отсутствуют. Ким Ир Сен и его посланники стали инструментом, при помощи которого два коммунистических гиганта общались друг с другом по Корее. И Сталин, и Мао вели игру за установление доминирующего влияния в Корее или как минимум старались не допустить, чтобы другая сторона получила такую возможность. В ходе этого процесса Мао согласился передать до 50 тысяч войск из числа этнических корейцев, служивших в подразделениях Народно-освободительной армии Китая, Северной Корее вместе с их вооружениями. Руководствовался ли он тем, чтобы поощрить план Ким Ир Сена или подтвердить свою идеологическую поддержку, ограничив тем самым общие китайские обязательства? Какими бы ни были конечные намерения Мао, практическим результатом стало значительное усиление военных позиций Пхеньяна.

В ходе дебатов в стране по поводу Корейской войны речь Дина Ачесона по вопросам азиатской политики в январе 1950 года подверглась большой критике за то, что в ней Корея оказалась за пределами американского «оборонительного периметра» в Тихоокеанском регионе, тем самым как бы давался «зеленый свет» северокорейскому вторжению. Речь Ачесона в части оценок американских обязательств в районе Тихого океана не явила ничего нового. Генерал Дуглас Макартур, командующий американскими войсками на Дальнем Востоке, в своем интервью в Токио в марте 1949 года таким же образом поместил Корею за пределы американского оборонительного периметра:

«Сейчас Тихий океан стал англо-саксонским озером, и наша линия обороны лежит по цепи островов вдоль берегов Азии.

Она начинается с Филиппин и продолжается через архипелаг Рюкю, включающий свой главный бастион — Окинаву. Затем она отклоняется назад через Японию и цепь Алеутских островов до Аляски»[176].

С тех пор Соединенные Штаты вывели большую часть своих войск из Кореи. Конгресс как раз рассматривал законо-

проект о помощи Корее, где он встретил большое сопротивление. Ачесону оставалось лишь повторять схемы Макартура, заявляя, что «военная безопасность в Тихоокеанском регионе» включает «оборонительный периметр, проходящий вдоль Алеутских островов до Японии и далее идет к островам Рюкю... а от островов Рюкю к Филиппинским островам»[177].

На конкретный вопрос о Корее Ачесон представил двойственный расчет, отражающий тогдашнее состояние американской неопределенности. Ачесон рассуждал так: теперь, когда Южная Корея стала «независимым и суверенным государством, признанным почти всем остальным миром», «наша ответственность носит более прямой характер, а наши возможности все более отчетливо видны» (хотя, в чем заключались эти ответственность и возможности, Ачесон не уточнял — особенно вопрос об обороне на случай вторжения). Он лишь предположил, что если бы случилось вооруженное нападение в районе Тихого океана не непосредственно к югу или к востоку от американского оборонительного периметра, то «с самого начала следовало бы полагаться на самих людей, которые подверглись нападению и которые должны дать ему отпор, а затем на обязательства всего цивилизованного мира в соответствии с Уставом Объединенных Наций»[178]. В этом контексте сдерживание требует ясности относительно намерений страны — в речи Ачесона об этом ни слова.

Никаких особых ссылок в этом плане на речь Ачесона ни в китайских, ни в советских документах не появилось. Недавно ставшие доступными дипломатические документы предполагают, однако, что Сталин частично основывал свою смену позиции доступом к содержанию документа СНБ-48/2, который его шпионская сеть, возможно, получила через британского перебежчика Дональда Маклина*. В этом докладе Корея также была представлена в отрыве от оборонительного периметра США. Так как документ являлся совершенно секретным, к нему советские аналитики, по-видимому, отнеслись с особым доверием[179].

Еще одним поводом для отхода Сталина от своей прежней позиции могло, возможно, стать разочарование позицией Мао

* В СССР назвался по имени Дональд Дональдович Маклейн. — *Примеч. пер.*

Цзэдуна в связи с переговорами по описанному выше китайско-советскому Договору о дружбе. Мао более чем ясно дал понять: особые права русских в Китае не сохранятся надолго. Контроль русских над незамерзающим портом Далянь ограничивался сроками. Возможно, Сталин полагал, что объединенная Корея окажется более сговорчивой в удовлетворении потребностей советского флота.

Всегда хитрый и многосложный Сталин настоятельно просил Ким Ир Сена переговорить на эту тему с Мао, подчеркнув, что у него «хорошее понимание восточных проблем»[180]. На деле же Сталин перекладывал на плечи китайцев как можно больше ответственности. Он просил Кима не «рассчитывать на большую помощь и поддержку от Советского Союза», объясняя это тем, что Москва была озабочена и занята «обстановкой на Западе»[181]. Он также предупредил Кима: «Если тебя ударят по зубам, я не пошевелю и пальцем. Тебе следует просить о помощи Мао»[182]. Таков был настоящий Сталин: надменный, дальновидный, умеющий плести интриги, осторожный и грубый, добивающийся выгод для Советского Союза, а все риски пытающийся свалить на Китай.

Сталин, спровоцировавший начало Второй мировой войны, укрепивший тылы Гитлера подписанием нацистско-советского пакта, применил все свое практическое умение страховаться на всякий случай. Если Соединенные Штаты все-таки вмешались бы, возросла бы угроза Китаю, как и его зависимость от Советского Союза. Если Китай ответит на американский вызов, потребуется много советской помощи, результат будет тот же. Если же Китай останется в стороне, влияние Москвы в потерявшей иллюзии Северной Корее возросло бы.

Ким отправился следом с секретным визитом в Пекин на встречу с Мао, состоявшуюся с 13 по 16 мая 1950 года. На встрече в ночь своего прибытия Ким передал Мао одобрение Сталина планов вторжения и попросил его подтвердить свою поддержку.

Стремясь еще больше уменьшить свои риски, Сталин незадолго до одобренного им вторжения добавил дополнительные гарантии, отозвав всех советских советников из всех воинских частей Северной Кореи. Когда северокорейская

армия оказалась на грани развала, он вернул советских советников, но под видом корреспондентов ТАСС, советского новостного агентства.

Переводчик Мао Цзэдуна Ши Чжэ в беседе с историком Чэнь Цзянем обобщил сведения о том, каким образом мелкий союзник обоих коммунистических гигантов развязал войну с крупными глобальными последствиями. Последний так пересказал содержание беседы между Мао и Ким Ир Сеном:

«[Ким] сказал Мао, что Сталин одобрил его план нападения на Южную Корею. Мао выяснял мнение Кима относительно возможной американской реакции, если Северная Корея нападет на Южную, подчеркнув, что поскольку Ли Сын Ман поставлен Соединенными Штатами и что поскольку Корея расположена близко к Японии, возможность американского вмешательства не может быть полностью исключена. Ким, однако, казался уверенным в том, что Соединенные Штаты не втянут свои войска или по крайней мере у них не будет времени отправить их, так как Северная Корея будет в состоянии завершить сражение в течение 2—3 недель. Мао спросил Кима, нужна ли Северной Корее военная поддержка Китая, и предложил разместить три китайские армии вдоль китайско-корейской границы. Ким отреагировал «заносчиво» (судя по словам Ши Чжэ, так охарактеризовал его реакцию сам Мао), заявив, что собственных сил Северной Кореи при сотрудничестве с коммунистическими повстанцами в Южной Корее хватит, чтобы решить проблему собственными силами, поэтому нет необходимости в подключении китайской армии»[183].

Разъяснения Ким Ир Сена явно шокировали Мао Цзэдуна, и он рано закончил встречу, приказав Чжоу Эньлаю телеграфировать в Москву с просьбой дать «срочный ответ» и «личные разъяснения» от Сталина[184]. На следующий день пришел ответ из Москвы, где Сталин вновь возложил все бремя на Мао. В телеграмме разъяснялось, что «в своих беседах с корейскими товарищами [Сталин] и его друзья... согласились с корейцами относительно плана действий по объединению. В связи с этим сделано экспертное заключение, из которого вытекает, что окончательное решение проблемы

будет зависеть от совместных действий китайских и корейских товарищей, а в случае несогласия со стороны китайских товарищей решение по данному вопросу должно быть отложено, а его обсуждение продолжено»[185].

Вынесение вето по этому плану, таким образом, возлагалось на одного Мао. Сталин, еще больше дистанцировавшись от исхода (и предоставив Киму дополнительную возможность для самовольства и произвольного толкования), предвосхитил ответную телеграмму из Пекина следующими пояснениями: «корейские товарищи смогут объяснить Вам детали разговора»[186].

Пока еще не стала доступной запись последовавшей затем беседы Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена. Ким вернулся в Пхеньян 16 мая с благословением Мао на вторжение в Южную Корею, или по крайней мере так он сообщил об этом Москве. Мао, возможно, тоже посчитал согласие на захват Южной Кореи вполне реальной предпосылкой для советской военной помощи в случае последующего китайского нападения на Тайвань. Если так, он допустил серьезный просчет: даже если бы Соединенные Штаты остались в стороне от проблемы захвата Южной Кореи, американское общественное мнение не позволило бы администрации Трумэна проигнорировать еще одно военное действие коммунистов в Тайваньском проливе.

Десять лет спустя Москва и Пекин по-прежнему не могли прийти к пониманию о том, кто все же дал Киму окончательный зеленый свет на начало вторжения. На встрече в Бухаресте в июне 1960 года Хрущев, являвшийся тогда генеральным секретарем КПСС, в беседе с членом китайского Политбюро Пэн Чжэнем утверждал: «Если бы Мао Цзэдун не согласился, Сталин не сделал бы того, что он сделал». Пэн ответил, что все было «совершенно не так» и что «Мао Цзэдун был против войны. ...Это именно Сталин дал согласие»[187].

Оба коммунистических гиганта, таким образом, оказались втянутыми в войну, не ожидая глобальных последствий, если бы оптимистические прогнозы Ким Ир Сена и Сталина не оправдались. Но коль скоро Соединенные Штаты вступили в войну, им пришлось учитывать эти последствия.

Американское вмешательство: война сопротивления

Политический анализ не может предвидеть атмосферу момента, когда решение должно быть принято. И в этом заключается проблема политического планирования. Различные заявления Трумэна, Ачесона и Макартура правильно отражали американскую логику на тот момент, когда они делались. Характер американских обязательств по вопросам международной безопасности являлся предметом внутренних противоречий и никоим образом не затрагивал оборону Кореи. НАТО находилась в процессе формирования. Но когда американские политики лицом к лицу столкнулись с коммунистическим вторжением, они проигнорировали свои политические документы.

Соединенные Штаты удивили коммунистических лидеров после нападения Ким Ир Сена 25 июня не только тем, что они вмешались, но и тем, что они связали Корейскую войну с китайской гражданской войной. Американские сухопутные войска были направлены в Корею, чтобы установить оборонительный периметр вокруг Пусана, портового города на юге Южной Кореи. Это решение, поддержанное резолюцией Совета Безопасности ООН, получило возможность воплотиться в жизнь тогда, когда Советский Союз воздержался от голосования в знак протеста против того, что место Китая в Совете Безопасности все еще занимал Тайвань. Через два дня президент Трумэн отдал приказ Тихоокеанскому флоту США «нейтрализовать» Тайваньский пролив, стремясь не допустить военного нападения ни с одной из сторон по обоим берегам пролива. Преследовалась цель получения поддержки от как можно большего числа конгрессменов и общественности в отношении Корейской войны; нет свидетельств о рассмотрении в Вашингтоне вопроса о том, что война фактически может привести к началу конфронтации с Китаем.

До этого решения Мао Цзэдун планировал следующим военным действием напасть на Тайвань и для этого сконцентрировал к тому времени большие силы в провинции Фуцзянь на юго-востоке Китая. Соединенные Штаты сделали не одно заявление, включая выступление Трумэна на пресс-конферен-

ции 5 января, давая понять, что не будут блокировать этот шаг.

Трумэн решил направить Седьмой флот в Тайваньский пролив, намереваясь успокоить общественное мнение и ограничить американские риски в Корее. Объявляя о направлении флота, Трумэн говорил о важности обороны Тайваня, но также призвал «китайское правительство на Формозе прекратить все воздушные и морские операции против материка». Далее Трумэн предупредил: «Седьмой флот проследит, чтобы это было сделано»[188].

Для Мао Цзэдуна жест справедливости был непостижим; он расценивал доверие как лицемерие. В том, что касается Мао, Соединенные Штаты вновь вступали в китайскую гражданскую войну. На следующий день после заявления Трумэна, 28 июня 1950 года, Мао выступил на восьмой сессии Центрального народного правительства с речью, в которой он охарактеризовал американские действия как вторжение в Азию:

«Вторжение США в Азию сможет только поднять широкое и решительное сопротивление народов Азии. Трумэн сказал 5 января, что Соединенные Штаты не вторгнутся на Тайвань. А сейчас он сам доказал, что тогда он лгал. Он также разорвал все международные соглашения, гарантировавшие невмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела Китая»[189].

Инстинкт игрока облавных шашек «вэйци» начал действовать в Китае. Соединенные Штаты, направив войска в Корею и флот в Тайваньский пролив, в глазах китайцев, поставили две фишки на игровой доске, обе из которых грозили Китаю страшным окружением.

Соединенные Штаты не вынашивали никаких военных планов относительно Кореи, когда разразилась война. Было объявлено, что американской целью в Корейской войне является намерение сломить «агрессию», это законное право, отвергающее несанкционированное применение силы против суверенного образования. Чем определяется достижение успеха? Означало ли это возврат к статус-кво, существовавшему до агрессии на 38-й параллели? В таком случае агрессор поймет, что самым худшим итогом для него может быть лишь то, что ему не удалось победить. Может ли это толкнуть его на

еще одну попытку? Или требовалось уничтожение военной способности Северной Кореи совершать агрессию? Нет свидетельств того, что подобный вопрос задавался на ранних стадиях выполнения Соединенными Штатами своих военных обязательств, частично потому, что все внимание правительства было сосредоточено на защите периметра вокруг Пусана. Практический результат свелся к тому, чтобы дать возможность военным операциям определять политические решения.

После потрясающей победы Макартура в сентябре 1950 года в Инчхоне — где неожиданная высадка морского десанта далеко от фронта в Пусане остановила наступательный порыв Северной Кореи и открыла путь для освобождения столицы Южной Кореи Сеула — администрация Трумэна предпочла продолжить военную операцию вплоть до объединения всей Кореи. Она пришла к выводу, что Пекин примет присутствие американских войск вдоль линии традиционных вторжений в Китай.

Решение идти вперед и продолжить операцию уже на территории Северной Кореи было официально одобрено резолюцией ООН 7 октября, на этот раз Генеральной ассамблеей при помощи недавно принятого механизма парламентского типа, резолюцией Объединения ради мира, которая наделяла Генассамблею правом принятия решения по вопросам международной безопасности двумя третями голосов. Она разрешала «все правомочные действия» с целью восстановления «объединенного, независимого и демократического правительства в суверенном государстве Кореи»[190]. Китай, как казалось, не был способен вступить в бой с американскими войсками.

Ни одна из этих точек зрения даже близко не совпадала с тем, как Пекин на самом деле относился к международным делам. Как только американские войска вторглись в Тайваньский пролив, Мао Цзэдун отнесся к размещению там Седьмого флота как к «вторжению» в Азию. Китай и Соединенные Штаты были на грани столкновения из-за неправильной оценки стратегических планов друг друга. США стремились вынудить Китай принять их концепцию международного порядка, основанную на международных организациях типа Объединенных Наций, для которых они не видели альтерна-

тивы. Мао же с самого начала не имел намерений принимать международную систему, в которой у Китая не было голоса. В результате этого исходом американской военной стратегии в лучшем случае было бы перемирие вдоль линии какого бы то ни было разграничения — вдоль реки Ялу*, определявшей границу между Северной Кореей и Китаем, если бы американский план победил, и вдоль любой другой согласованной линии, если бы Китай вмешался или если бы Соединенные Штаты в одностороннем порядке остановились, не доходя до северной границы Кореи (например, на 38-й параллели или на линии от Пхеньяна до Вонсана, которая появилась в письме Мао Цзэдуна Чжоу Эньлаю).

Менее всего вероятным было бы китайское признание американского присутствия на границе, являвшейся традиционным путем вторжения в Китай и ставшей именно тем районом, из которого Япония предприняла оккупацию Маньчжурии и вторжение в Северный Китай. Точно так же Китай не обирался оставаться пассивным, когда подобный расклад сил предполагал стратегические потери на двух фронтах: в Тайваньском проливе и в Корее — частично потому, что Мао Цзэдун до некоторой степени потерял контроль над развитием событий в Корее. Ошибки в расчетах с обеих сторон компенсировали друг друга. Соединенные Штаты не ожидали вторжения, Китай не ожидал ответной реакции. Каждая сторона подкрепила ошибки другой стороны своими собственными действиями. В итоге всего этого процесса — два года войны и 20 лет отчуждения.

Китайская реакция: еще один пример политики сдерживания

Ни один военный курсант не подумал бы, что Народно-освободительная армия, только что покончившая с гражданской войной и вооруженная в основном тем оружием, которое было захвачено у гоминьдановцев, бросит вызов современной

---

* Китайское название реки Ялуцзян. В России эта река имеет название река Туманная. В КНДР она называется Туманган. — *Примеч. пер.*

армии, имеющей на вооружении ядерное оружие. Но Мао Цзэдун не был обычным военным стратегом. Его действия в Корейской войне требуют понимания того, как он рассматривал то, что в западной стратегии было бы названо сдерживающим фактором или предупредительной мерой, что, по мнению китайцев, включает в себя долгосрочный прогноз, стратегический подход и психологические элементы.

На Западе «холодная война» и разрушительный характер ядерного оружия выдвинули концепцию сдерживания: занимать позицию, которая несла бы потенциальному агрессору угрозу уничтожением, причем размеры угрозы могут не соответствовать возможным завоеваниям. Эффективность такой угрозы измеряется вещами, которые так и не происходят, то есть войнами, которых удается таким образом избежать.

Для Мао Цзэдуна западная концепция сдерживания была слишком пассивной. Он отвергал такую ситуацию, при которой Китай был вынужден ожидать нападения. При каждой возможности он старался проявлять инициативу. С одной стороны, это было похоже на западную концепцию превентивного удара — в ожидании нападения нанести удар первому. Но в западной доктрине упреждающий удар предполагает победу и военное преимущество. Подход Мао к упреждающему удару отличался в том, что им обращалось чрезвычайное внимание на психологические элементы. Сила его мотивировки заключалась не столько в том, чтобы нанести первым решающий военный удар, сколько в том, чтобы изменить психологический баланс. Не столько победить врага, сколько спутать его расчеты в плане возможных рисков. Как мы далее увидим в других главах, китайские действия в Тайваньском проливе в 1954—1958 годах, столкновения на индийской границе 1962 года, конфликт с Советами на реке Уссури в 1969—1971 годах и китайско-вьетнамская война 1979 года — все они имели общую черту: за неожиданным ударом быстро следовала политическая фаза. По мнению китайцев, подлинное сдерживание достигается путем восстановления психологического равновесия[191].

Когда китайское восприятие превентивного удара сталкивается с западной концепцией сдерживания, может возникнуть порочный круг: задуманные в Китае как оборонительные

действия могут рассматриваться внешним миром как агрессивные; шаги с целью сдерживания, предпринимаемые Западом, могут интерпретироваться в Китае как окружение. Соединенные Штаты и Китай постоянно бились над этой дилеммой во время «холодной войны», до некоторой степени они все еще не нашли способа преодолеть эту проблему.

Китайское решение вступить в Корейскую войну всеми обычно объясняется американским решением пересечь 38-ю параллель в начале октября 1950 года и продвинуть войска ООН к реке Ялуцзян, к корейско-китайской границе. Другая теория предполагает ссылку на присущую коммунистам агрессивность по модели европейских диктаторов десятью годами ранее. Недавние исследования показывают, что ни то ни другое объяснение неверно. Мао и его коллеги не имели стратегического плана по Корее в смысле изменения ее суверенитета; до войны их больше заботило выстраивание там баланса с Россией. Они также не собирались бросать там военный вызов Соединенным Штатам. Вступив в войну после долгих размышлений и больших колебаний, они рассматривали этот шаг как упреждающий.

Событием, спровоцировавшим эти планы, стало направление американских войск в Корею наряду с нейтрализацией Тайваньского пролива. С этого момента Мао приказал составить план китайского вступления в Корейскую войну с целью как минимум предотвращения падения Северной Кореи — и на всякий случай преследуя в качестве максимума революционную цель полного изгнания американских войск с полуострова[192]. Он посчитал — задолго до того, как американские или южнокорейские войска перешли к северу от 38-й параллели, — что без китайского вмешательства Северная Корея потерпит поражение. Задача остановить американское продвижение к реке Ялуцзян являлась второстепенной. Она создавала, по мнению Мао, возможность внезапной атаки и шанс мобилизовать общественное мнение, но она не была главным мотивационным фактором. Коль скоро Соединенные Штаты отбили первоначальное продвижение Северной Кореи в августе 1950 года, китайское вторжение стало вполне вероятным, а когда США изменили ход сражения, северокорейские войска оказались окруженными в районе Инч-

хона и американцы перешли 38-ю параллель, оно сделалось неизбежным.

Стратегия Китая обычно имеет три характерные черты: тщательно разработанный анализ долгосрочных тенденций, умелое изучение тактических вариантов и детальное исследование операционных решений. Чжоу Эньлай начал этот процесс, председательствуя на совещаниях китайских руководителей 7 и 10 июля — через две недели после размещения американцев в Корее, — рассчитывая проанализировать влияние американских действий на Китай. Участники согласились передислоцировать войска, первоначально запланированные для вторжения на Тайвань, к корейской границе и образовать из них Северо-восточную пограничную оборонительную армию с задачей «защитить границы северо-востока страны и подготовиться к поддержке военных операций Корейской народной армии в случае необходимости». К концу июля — или более чем за 2 месяца до пересечения американскими войсками 38-й параллели — свыше 250 тысяч китайских войск было собрано на корейской границе[193].

До конца августа продолжались заседания Политбюро и Центрального военного совета. 4 августа, за 6 недель до высадки десанта в Инчхоне, когда военная ситуация все еще благоприятствовала вторгшимся северокорейским войскам, а фронт по-прежнему был глубоко внутри Южной Кореи, вокруг города Пусана, Мао, скептически настроенный по отношению к потенциальным возможностям Северной Кореи, выступил на Политбюро: «Если американские империалисты победят, у них начнется головокружение от успехов и они тогда захотят угрожать нам. Нам необходимо помочь Корее, мы должны помочь им. Это может быть в форме добровольческих сил и тогда, когда мы сами выберем время, но нам следует начать подготовку»[194]. На этом же совещании Чжоу Эньлай сделал, по сути, такой же точно вывод: «Если американские империалисты разгромят Северную Корею, они лопнут от гордости, а мир окажется под угрозой. Если мы хотим обеспечить победу, мы должны увеличить китайский фактор; это может привести к изменению в международной обстановке. Мы должны смотреть далеко вперед»[195]. Другими словами, Китай собирался давать отпор именно из-за поражения все

еще продвигающейся Северной Кореи, а не из-за конкретного размещения американских войск. На следующий день Мао приказал своим высшим командирам «в течение месяца завершить подготовку и быть готовыми на случай приказа к проведению операций»[196].

13 августа в 13-м армейском корпусе НОАК состоялось совещание высшего командного состава для обсуждения этой миссии. Участники совещания, хотя и проявили сдержанность по поводу определения августа как конечного срока завершения подготовки, решили, что Китай «должен проявить инициативу, взаимодействуя с Корейской народной армией, двинуться без остановок вперед и разрушить агрессивные замыслы противника»[197].

В то же самое время были проведены штабные учения и работа с картами. Китайцы пришли к заключениям, противоречащим, по мнению западников, здравому смыслу, о том, что Китай сможет победить в войне против американских вооруженных сил. Их доводы выглядели так: американские обязательства во всем мире не позволят США направить больше 500 тысяч военнослужащих, в то время как Китай мог выставить армию численностью в 4 миллиона человек. Китайские штабисты полагали, что у них будет также и психологическое преимущество, поскольку большинство народов мира поддержат Китай[198].

Китайских штабистов ни разу не посетила мысль о вероятности ядерного удара — возможно, оттого, что они не имели ни собственного ядерного оружия, ни средств его доставки. Они пришли к выводу (хотя и не без некоторых известных скептиков), что американцы вряд ли прибегнут к ядерному ответу, учитывая советскую ядерную мощь. Кроме того, существовал риск для собственных войск на полуострове из-за «перекрестного эффекта»: американский ядерный удар по продвигающимся в глубь Кореи китайским войскам мог также уничтожить и войска США[199].

26 августа Чжоу Эньлай в Центральном военном совете обобщил китайскую стратегию. Пекину «не следует относиться к корейской проблеме как затрагивающей только братскую страну или относящейся к интересам Северо-Востока». Напротив, Корею «следует рассматривать как важный междуна-

родный вопрос». По убеждению Чжоу, Корея «действительно представляет собой фокус мировой борьбы. ...После захвата Кореи Соединенные Штаты непременно повернут на Вьетнам и другие колониальные страны. Поэтому корейская проблема по меньшей мере является ключом к Востоку»[200]. Чжоу сделал вывод о том, что из-за недавних пересмотров северными корейцами прежних договоренностей «наши обязанности сейчас значительно возросли... и нам следует приготовиться к худшему, и подготовиться быстро». Он подчеркнул необходимость соблюдения секретности, с тем чтобы «мы смогли вступить в войну и нанести противнику внезапный удар»[201].

Все это происходило за несколько недель до команды Макартура о высадке морского десанта у Инчхона (что предвидела китайская экспертная группа) и более чем за месяц до пересечения американскими войсками 38-й параллели. Короче говоря, Китай вступил в войну, тщательно просчитав стратегические варианты развития ситуации, а не из-за американского тактического маневра — и уж тем более не из соображений отстоять законным путем неприкосновенность 38-й параллели. Китайское наступление явилось стратегией упреждающего удара против опасностей, фактически еще не существовавших, и базировалось оно на суждениях об американских конечных целях в отношении Китая, которые были неправильно поняты. Здесь также проявилась решающая роль Кореи в китайских расчетах на перспективу — условие, возможно, даже больше подходившее для нашего времени. Настойчивость Мао в продвижении своей линии, вероятно, также питала уверенность в том, что это было единственное средство, которое могло примирить его со стратегией вторжения Ким Ир Сена и Сталина. В противном случае другие лидеры могли бы обвинить его в ухудшении стратегической обстановки вокруг Китая из-за присутствия Седьмого флота в Тайваньском проливе и американских войск на китайских границах.

Препятствия на пути китайского вторжения были столь устрашающими, что все руководство в окружении Мао нуждалось в одобрении каждого шага со стороны своих коллег. Два крупных командующих, включая Линь Бяо, под разными предлогами отказались возглавить Северо-Восточную погра-

ничную оборонительную армию, пока Мао Цзэдун не посчитал Пэн Дэхуая достойным принять такое назначение.

Мнение Мао возобладало, как и по всем другим ключевым решениям, и подготовка к вступлению китайских сил в Корею началась со всей неотвратимостью. В октябре американские и союзные с ними войска продвигались к реке Ялуцзян, исполненные решимости объединить Корею и поставить ее под зонтик резолюции ООН. Их целью была защита нового статус-кво при помощи этого контингента, формально находящегося под командованием ООН. Движение двух армий по направлению друг к другу, таким образом, приобрело предопределенный характер; китайцы приготовились к нанесению удара, в то время как американцы и их союзники оставались в неведении в отношении стоящей перед ними проблемы в конце их продвижения на север.

Чжоу Эньлай со всей тщательностью и надлежащим образом обставил все дела на дипломатической арене. 24 сентября он выразил протест Объединенным Нациям относительно того, что он назвал как американские усилия «расширить агрессивную войну против Кореи, осуществить вооруженную агрессию против Тайваня и продолжить дальше агрессивные действия против Китая»[202]. 3 октября он предупредил индийского посла К.М. Паниккара, что американские войска пересекут 38-ю параллель и что «если американские войска действительно это сделают, мы не будем сидеть сложа руки и оставаться безучастными. Мы вмешаемся. Пожалуйста, доложите это премьер-министру Вашей страны»[203]. Паниккар ответил, что он ожидает, что параллель будет пересечена в течение последующих 12 часов, но что индийское правительство «не будет в состоянии предпринять какие-либо эффективные действия» на протяжении 18 часов после получения его телеграммы[204]. Чжоу Эньлай ответил: «Это проблема американцев. Цель нашей с Вами беседы сегодня вечером — проинформировать Вас о нашем подходе к вопросу, поднятому в письме премьер-министра Неру»[205]. Беседа предназначалась прежде всего для констатации давно принятого решения, а не для последнего призыва к миру, как ее часто представляют.

В той ситуации Сталин вновь вышел на сцену как неожиданное спасение благодаря счастливому вмешательству судь-

бы с целью затягивания конфликта, который он сам же поощрил и который он не хотел видеть скоро закончившимся. Северокорейская армия разваливалась, и еще одна высадка американцев на противоположном берегу ожидалась советской разведкой недалеко от Вонсана (она ошибалась). Китайские приготовления к боевым действиям шли полным ходом, но еще не достигли стадии необратимости момента. Сталин в связи с этим принял решение и 1 октября в письме к Мао Цзэдуну потребовал от китайцев вмешаться. После того как Мао отсрочил принятие решения, сославшись на опасность американского вторжения, Сталин послал вторую телеграмму. Он настаивал и говорил о готовности предоставить советскую военную помощь в полномасштабных военных действиях, в случае если Соединенные Штаты будут реагировать на китайское вмешательство:

«Конечно, я принимаю во внимание также и возможность того, что США, несмотря на их неготовность к большой войне, могут быть втянуты в большую войну из соображений престижа, что, в свою очередь, вовлечет Китай в войну и одновременно с этим втянет в войну СССР, связанный с Китаем пактом о взаимопомощи. Следует ли нам бояться этого? По моему мнению, не следует, потому что вместе мы будем сильнее, чем США и Англия, а остальные европейские капиталистические государства (за исключением Германии, которая сейчас не в состоянии предоставить какую-либо помощь Соединенным Штатам) не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, так пусть она начнется сейчас, а не через несколько лет, когда японский империализм будет восстановлен как союзник США и когда США и Япония будут иметь плацдарм на континенте в лице всей Кореи под властью Ли Сын Мана»[206].

Значимость этой чрезвычайно важной переписки говорит о готовности Сталина к войне с Соединенными Штатами с целью не допустить перемещения Кореи в сферу стратегического влияния США. Объединенная проамериканская Корея, с которой рано или поздно возрожденная Япония станет партнером, представляла ту же самую угрозу, судя по такому анализу, что и нарождающаяся НАТО в Европе. Две опасности вместе — это было бы слишком для Советского Союза.

Как оказалось, Сталин, когда пришел черед испытаний, на деле не был готов взять на себя всеобъемлющие обязательства, которые он обещал Мао Цзэдуну, или даже какую-то часть, когда речь шла о прямой конфронтации с Соединенными Штатами. Он знал, что баланс сил неблагоприятен для военного столкновения и уж тем более для войны на два фронта. Он старался связать американский военный потенциал в Азии и вовлечь Китай в предприятия, которые усиливали бы его зависимость от советской помощи. Письмо Сталина демонстрирует именно то, как серьезно советские и китайские стратеги оценивали стратегическую важность Кореи, хотя и по различным причинам.

Письмо Сталина поставило Мао Цзэдуна в затруднительное положение. Одно дело планировать вторжение в абстрактном порядке как проявление революционной солидарности. И другое — осуществить его на практике, особенно тогда, когда северокорейская армия находилась на грани развала. Китайское вступление в войну потребовало бы получения советских поставок и, что важнее всего, советского прикрытия с воздуха, так как у НОАК не было на вооружении современных военно-воздушных сил, о которых можно было бы говорить. Таким образом, когда вопрос о вступлении в войну обсуждался на Политбюро, Мао столкнулся с необычайно противоречивой реакцией, заставившей его взять паузу перед тем, как дать окончательный ответ. Вместо ответа Мао Цзэдун отправил Линь Бяо (отказавшегося возглавить китайские войска, ссылаясь на проблемы со здоровьем) и Чжоу Эньлая в Россию для обсуждения перспектив советской помощи. Сталин был в отпуске на Кавказе, но не захотел изменить свои планы. Он заставил Чжоу Эньлая прибыть к месту его отдыха, хотя у того с дачи Сталина не было бы средств связи с Пекином (а может, именно поэтому), за исключением советских каналов.

Чжоу Эньлай и Линь Бяо имели указание предупредить Сталина о том, что без заверений относительно гарантированных поставок Китай не будет в состоянии в конечном счете выполнить то, к чему он готовился два месяца, поскольку Китай будет главным театром конфликта, как планировал Сталин. Будущее страны будет зависеть от поставок и прямой поддержки, которую мог бы предоставить Сталин. Столкнув-

шись с такими реалиями, коллеги Мао действовали с оглядкой. Некоторые противники даже пошли на то, чтобы утверждать, что предпочтение должно быть отдано внутреннему развитию. В какой-то момент Мао, казалось, начал колебаться, хотя и недолго. Было ли это маневром, чтобы получить гарантии поддержки от Сталина до того, как китайские войска безоговорочно будут втянуты в действо? Или он действительно колебался?

Признак внутренних разногласий в Китае — это таинственное дело отправленной Мао Цзэдуном 2 октября телеграммы Сталину, два противоречащих друг другу экземпляра которой находятся в архивах Пекина и Москвы.

В одном из вариантов телеграммы — ее текст написан рукой Мао, она хранится в архивах в Пекине и опубликована *нэйбу* («только для служебного пользования») в китайском сборнике рукописей Мао, но которую, по-видимому, никогда не отправляли в Москву, — Мао Цзэдун писал, что Пекин «принял решение направить некоторые из наших войск в Корею под именем добровольцев [китайского народа] для борьбы с Соединенными Штатами и их приспешником Ли Сын Маном и помочь корейским товарищам»[207]. Мао писал об опасности того, что без китайского вмешательства «корейские революционные силы потерпят сокрушительное поражение, а американские агрессоры будут бесконтрольно неистовствовать, как только оккупируют всю Корею. Это будет не на благо всего Востока»[208]. Мао отмечал, что «мы должны быть готовыми к объявлению войны Соединенными Штатами и к последующему использованию ими своих военно-воздушных сил для бомбежки китайских крупных городов и промышленных центров, а также нападению военно-морского флота США на наши береговые районы». В соответствии с китайским планом 15 октября из Маньчжурии будет направлено 12 дивизий. На «начальной стадии», как писал Мао, они будут размещены к северу от 38-й параллели и «будут задействованы только в оборонительных военных действиях» против войск противника, которые пересекут параллель. Одновременно «они будут ждать поставок советских вооружений. После того как они будут [хорошо] вооружены, они во взаимодействии с корейскими товарищами будут проводить

контратаки, чтобы ликвидировать войска американского агрессора»[209].

В отличающейся от выше изложенной версии телеграмме от 2 октября — направлена через советского посла в Пекине, получена в Москве и хранится в президентском архиве — Мао Цзэдун информировал Сталина о том, что Пекин не готов направить войска. Он предположил возможность того, что после дальнейших консультаций с Москвой (и, как он давал понять, обязательств относительно дополнительной советской военной помощи) Пекин захочет вмешаться в конфликт.

Годами ученые анализировали первый вариант телеграммы, как если бы это был единственно подлинный вариант; когда всплыл второй вариант, некоторые задавались вопросом, не является ли один из вариантов фальшивкой. Наиболее правдоподобным является объяснение, выдвинутое китайским ученым Шэнь Чжихуа: Мао написал проект первой телеграммы, намереваясь отправить его, но раскол в китайском руководстве заставил его отправить телеграмму с более уклончивым содержанием. Расхождение предполагает, что, даже когда китайские войска двинулись в направлении Кореи, китайское руководство продолжало спорить о том, как долго можно потянуть до получения определенных обязательств помощи от советского союзника, перед тем как сделать окончательный шаг[210].

Два коммунистических диктатора получили закалку в трудной школе силовой политики, которую они в тот момент применяли в отношении друг друга. В данном случае Сталин проявил себя по-настоящему серьезным игроком. Он спокойно информировал Мао Цзэдуна (совместной с Чжоу Эньлаем телеграммой) о том, что, поскольку Китай колеблется, наилучшим вариантом будет вывод остатков северокорейских войск в Китай, где Ким Ир Сен сможет сформировать временное правительство в изгнании. Больные и раненые смогут выехать в Советский Союз. Сталин писал, что не боится американцев на своих азиатских границах, ведь он уже противостоит им вдоль разделительной линии в Европе.

Сталин знал, что американские войска на границе с Китаем беспокоят Мао гораздо меньше корейского временного правительства в Маньчжурии, поддерживающего контакт с

местным корейским национальным меньшинством, проживающим там, с притязаниями на некую автономию и с постоянным прессингом от военных операций по проникновению в Корею. Сталин, должно быть, прочувствовал, что Мао уже прошел точку возврата. В тот момент перед Китаем стоял выбор между присутствием американской армии на берегах реки Ялуцзян, прямо угрожающей половине китайской промышленности, находящейся в пределах досягаемости, и недовольным Советским Союзом, придерживающим поставки, возможно, требующим восстановления «прав» в Маньчжурии. Или Китай продолжит идти курсом, который Мао сможет и дальше осуществлять, даже продолжая торговаться со Сталиным. Он попал в положение, когда должен был бы вступить в войну, как это ни парадоксально, частично потому, чтобы защитить себя от советских замыслов.

19 октября, после нескольких дней задержки в ожидании гарантий советских поставок, Мао дал приказ армии перейти границу с Кореей. Сталин пообещал значительные поставки помощи в плане материально-технического обеспечения при одном условии: это не приведет к прямому столкновению с Соединенными Штатами (например, воздушное прикрытие будет осуществляться над Маньчжурией, но не в воздушном пространстве Кореи).

Взаимные подозрения были такими сильными, что не успел Чжоу Эньлай вернуться в Москву, где он мог связываться с Пекином, как Сталин, похоже, пересмотрел свою позицию. Чтобы не допустить использования Мао Цзэдуном Советского Союза, который взял бы на себя основное бремя по снабжению НОАК и не получал бы никаких выгод от вытеснения последней американских войск из Кореи, Сталин сообщил Чжоу Эньлаю: никаких поставок не будет до тех пор, пока китайские войска действительно не войдут в Корею. Мао издал приказ 19 октября фактически без получения заверений о советских поставках. После этого обещанная в самом начале советская помощь возобновилась, хотя еще более осторожный Сталин ограничил советскую поддержку с воздуха китайской территорией. Не говоря уже о готовности, выраженной в его предыдущем послании Мао Цзэдуну, взять на себя риски, связанные с войной за Корею.

Оба коммунистических лидера использовали потребности и слабые места друг друга. Мао удалось добиться советских военных поставок для модернизации своей армии — некоторые китайские источники утверждают, что во время Корейской войны он получил вооружений и техники, достаточных для обеспечения 64 пехотных дивизий и 22 воздушных дивизий[211], а Сталин втянул Китай в конфликт с Соединенными Штатами в Корее.

Китайско-американская конфронтация

Соединенные Штаты пассивно наблюдали за внутренними махинациями коммунистов. Они не рассматривали каких-либо промежуточных вариантов между остановкой перед 38-й параллелью и объединением Кореи, игнорировали серию китайских предупреждений относительно последствий пересечения этой линии. Ачесон, по ему одному известным причинам, не рассматривал их как официальные послания и полагал возможным их игнорировать. Вероятно, он рассчитывал запугать Мао.

Ни один из многих опубликованных сегодня обеими сторонами документов не раскрывает какой-либо серьезной дискуссии дипломатического характера с участием любой из вовлеченных сторон. Частые встречи Чжоу Эньлая в Центральном военном совете или Политбюро не выявили таких намерений. Вопреки бытовавшим представлениям «предупреждение» Пекина Вашингтону не пересекать 38-ю параллель было почти на сто процентов отвлекающим маневром. К тому времени Мао уже направил состоящие из этнических корейцев войска НОАК из Маньчжурии в Корею на помощь северным корейцам, передислоцировал значительную часть войск с тайваньского направления на корейскую границу и пообещал Сталину и Ким Ир Сену помощь китайцев.

Возможно, единственный существовавший на тот момент шанс избежать прямых боевых действий между США и Китаем можно обнаружить в указаниях Мао Цзэдуна, изложенных в послании Чжоу Эньлаю, все еще находившемуся в Москве, относительно его стратегического плана от 14 октяб-

ря, когда китайские войска готовились пересечь корейскую границу:

«Наши войска продолжат совершенствовать свою оборонительную подготовку, если у них будет достаточно времени. Если противник будет цепко оборонять Пхеньян и Вонсан и не продвинется на север в течение полугода, наши войска не должны атаковать Пхеньян и Вонсан. Наши войска атакуют Пхеньян и Вонсан только тогда, когда они будут хорошо вооружены и подготовлены и будут иметь явное преимущество над противником как в воздухе, так и на суше. Короче, мы не будем говорить о наступлении в течение шести месяцев»[212].

Разумеется, не было никаких шансов на то, что Китай получит явное превосходство в любом из этих двух видов войск.

Если бы американские войска остановились перед линией от Пхеньяна до Вонсана (узкий перешеек Корейского полуострова), создало бы это буферную зону, отвечавшую стратегическим интересам Мао? Смог бы что-нибудь изменить какой-либо дипломатический шаг США в отношении Пекина? Был бы Мао удовлетворен, используя присутствие в Корее для перевооружения своей армии? Вероятно, полугодовая передышка, о которой Мао писал Чжоу, предоставляла бы возможность для дипломатического контакта, для военного предупреждения или для того, чтобы Мао Цзэдун или Сталин изменили свои позиции. С другой стороны, согласие на буферную зону на бывшей ранее коммунистической территории со всей определенностью вряд ли пришло в голову Мао с его революционным и стратегическим долгом. Тем не менее вполне достойный ученик Сунь-цзы мог преследовать явно противоречивые стратегии одновременно. Соединенные Штаты в любом случае не имели такого шанса. Они предпочли одобренную ООН демаркационную линию на реке Ялуцзян, а не линию на узком перешейке Корейского полуострова, которую они могли защищать лишь своими силами и при содействии дипломатии.

В таком виде каждая сторона «треугольника» шла к войне, способной вылиться в глобальный конфликт. Линии сражений постоянно менялись. Китайские войска взяли Сеул, но были выбиты, после чего в зоне боевых действий установилось во-

енное затишье и начались переговоры о перемирии, затянувшиеся почти на два года, в течение которых американские войска воздерживались от наступательных операций — наиболее идеальный результат с советской точки зрения. Советский Союз советовал всячески затягивать переговоры, а поэтому и войну, на как можно длительный срок. Соглашение о перемирии появилось 27 июля 1953 года, оно фактически восстанавливало довоенную линию на 38-й параллели.

Ни один из участников не достиг всех своих целей. Для Соединенных Штатов соглашение о перемирии привело их к цели, к которой они стремились, начиная войну: оно не позволило агрессии со стороны Северной Кореи завершиться успехом; но оно в то же самое время позволило Китаю, бывшему весьма слабым на тот момент, воевать с ядерной сверхдержавой и сохранить статус-кво, вынудив США отступить с завоеванных ими позиций. Оно помогло сохранить доверие к США в их способности защищать своих союзников, но ценой зарождающегося недовольства в их рядах и внутренних разногласий. Наблюдатели, конечно же, запомнили споры в Соединенных Штатах по поводу целей той войны. Генерал Макартур, применив традиционные принципы, стремился к победе; администрация, полагавшая войну отвлекающим маневром для втягивания Америки в Азию — это, несомненно, являлось стратегией Сталина, — готовилась решать проблемы с военным равновесием (и, возможно, долгосрочным политическим отступлением), первый такого рода результат в ведшихся Америкой войнах. Неспособность согласовать политические и военные цели, вероятно, дала повод другим конкурентам в Азии поверить в уязвимость Америки во внутреннем плане в отношении войн, не давших четких военных результатов, — дилемма, проявившаяся вновь, как вендетта, во вьетнамском водовороте десятилетием позже.

Нельзя также сказать, что Пекин добился всех своих целей, по крайней мере если говорить обычными военными терминами. Мао Цзэдуну не удалось освободить всю Корею от «американского империализма», как призывала китайская пропаганда изначально. Но он начал войну с большими и в некотором роде абстрактными, даже романтическими, целями: испытать «новый Китай» в огненном горниле и освободиться

от того, что Мао считал исторической мягкотелостью и пассивностью Китая. Он также хотел доказать Западу (и в какой-то мере Советскому Союзу), что Китай является сейчас военной державой и что он применит силу для защиты своих интересов. Он стремился обеспечить руководство Китая в коммунистическом движении в Азии. Он нанес удар по Соединенным Штатам (которые, по мнению Мао, планировали в итоге вторжение в Китай) именно тогда, когда полагал это удобным. На первый план в новой идеологии выступили не столько стратегические концепции, сколько стремление к определению сильнейшей нации и умению вести собственный курс.

В более широком смысле Корейская война явилась чем-то большим, чем ничья. Она утвердила новую Китайскую Народную Республику как военную державу и центр азиатской революции. Она утвердила военный авторитет, который Китай как противник, которого следует бояться и уважать, наращивал на протяжении последующих нескольких десятилетий. Память о китайском вторжении в Корею позже будет в значительной мере сдерживать стратегию США во Вьетнаме. Пекин добился успеха, используя войну и сопровождающую ее пропаганду под лозунгом «Сопротивляться Америке, помогать Корее», а также кампании чисток для завершения двух главных задач Мао: уничтожить внутреннюю оппозицию власти партии и напитать массы чувством «революционного энтузиазма» и национальной гордости. Подогревая сопротивление западной эксплуатации, Мао преподнес войну как борьбу с тем, чтобы «сбить спесь с американцев»; победы на полях сражений преподносились как форма духовного обновления после десятилетий слабости Китая и плохого с ним обращения. Китай вышел из войны истощенным, но совершившим переоценку ценностей, как в собственных глазах, так и в глазах всего мира.

Ирония судьбы, но от Корейской войны больше всего пострадал Сталин, давший зеленый свет Ким Ир Сену и заставлявший, даже шантажировавший Мао, чтобы тот организовал массовое вторжение. То, что американцы смирились с победой коммунистов в Китае, привело его к мысли, что Ким Ир Сен сможет сделать то же самое в Корее. Американское вмешательство помешало достижению этой цели. Он заставил

Мао вмешаться, рассчитывая на то, что подобное действие вызовет длительную вражду между Китаем и Соединенными Штатами и увеличит зависимость Китая от Москвы.

Сталин оказался прав в своем стратегическом предсказании, но серьезно ошибался в оценке последствий. Китайская зависимость от Советского Союза имела двойственный характер. Перевооружение Китая, предпринятое Советским Союзом, в итоге приблизило время, когда Китай мог бы действовать самостоятельно. Подталкиваемый Сталиным китайско-американский раскол не вел к улучшению китайско-советских отношений, не уменьшал он и вероятности выбора Китаем варианта Тито. Напротив, Мао считал для себя возможным игнорировать обе сверхдержавы одновременно. Поскольку американские конфликты с СССР чрезвычайно углубились, Мао не считал необходимым платить высокую цену за советскую поддержку в «холодной войне». Более того, он решил использовать ее как угрозу даже без чьего-либо согласия, что он и проделывал неоднократно в последующих кризисах. С момента окончания Корейской войны советские отношения с Китаем начали ухудшаться, причинами чего в немалой степени стали глупость, с которой Сталин поощрял авантюру Ким Ир Сена, грубость, с какой он подталкивал Китай к вмешательству, и жадность, с какой оказывалась советская помощь, предоставлявшаяся в виде подлежавших погашению займов. В течение 10 лет Советский Союз превратится в главного врага Китая. И еще до окончания следующего десятилетия произойдет новая смена альянса.

Глава 6

КОНФРОНТАЦИЯ КИТАЯ С ОБЕИМИ СВЕРХДЕРЖАВАМИ

Отто фон Бисмарк, возможно, величайший дипломат второй половины XIX века, сказал однажды, что в мировом порядке, состоящем из пяти государств, всегда желательно оказаться в группе из трех держав. Применяя его высказывание к взаимоотношениям в рамках трех стран, можно сделать вывод: одна будет всегда стремиться в группу из двух стран.

Столь простая истина не доходила до главных участников «треугольника» КНР — СССР — США почти 10 с половиной лет — частично из-за небывалых маневров со стороны Мао. Во внешней политике политические деятели часто пытаются добиться своих целей путем совпадения интересов. Политика Мао исходила из противного. Он научился использовать многослойные враждебные отношения. Конфликт между Москвой и Вашингтоном являлся стратегической сущностью «холодной войны»; вражда между Вашингтоном и Пекином сильно влияла на дипломатию в Азии. Но оба коммунистических государства никак не могли сочетать свою враждебность в отношении США — за исключением периода Корейской войны, у них получилось это, хотя и на короткое время и не на все сто процентов, — из-за нараставшего соперничества Мао Цзэдуна с Москвой в вопросах идеологии и геостратегического анализа.

Мао с точки зрения традиционной силовой политики, разумеется, не был в состоянии действовать как равный член

взаимоотношений в «треугольнике». Куда как более слабый и уязвимый, он играл на взаимной вражде ядерных сверхдержав и создавал впечатление невосприимчивости в отношении ядерных разрушений: сумел создать своего рода дипломатическое убежище для Китая. Мао добавил новые параметры для силовой политики, чему я, собственно говоря, не знаю иных прецедентов. Не стараясь получить поддержку ни от одной из сверхдержав — что соответствует традиционному поддержанию баланса сил, — он использовал взаимную боязнь СССР и США, бросая вызов каждому из соперников одновременно.

В течение года после Корейской войны Мао вступил в военную конфронтацию с США во время кризиса в Тайваньском проливе. Почти одновременно он начал идеологическую конфронтацию с Советским Союзом. Он уверенно считал себя вполне способным вести обе линии, поскольку, судя по его оценкам, ни одна из сверхдержав не допустила бы его поражения от другой. Тем самым Мао великолепно воплотил «стратагему открытого города» Чжугэ Ляна, описанную в предыдущей главе, в соответствии с которой материальная слабость превращается в психологический актив.

В конце Корейской войны рядовые исследователи международных отношений — особенно западные ученые — полагали, что Мао Цзэдун будет стремиться добиваться передышки. Со времени победы коммунистов не прошло и месяца внешнего спокойствия. Земельная реформа, проведение советской экономической модели и ликвидация внутренней оппозиции — такова была весьма насыщенная и впечатляющая внутренняя повестка дня. Одновременно все еще слаборазвитая страна ввязалась в гонку с ядерной сверхдержавой за обладание передовыми военными технологиями.

Но Мао Цзэдун не собирался войти в историю благодаря передышкам, которые он давал своему обществу. Напротив, он запустил Китай в море новых потрясений: два конфликта с США в Тайваньском проливе, начало конфликта с Индией и растущая идеологическая и геополитическая конфронтация с Советским Союзом.

Для Соединенных Штатов, напротив, конец Корейской войны и приход администрации Дуайта Эйзенхауэра стали признаками возвращения к «нормальному состоянию» в стра-

не, которое продлится до конца того десятилетия. В международном плане Корейская война явилась показателем приверженности коммунистов экспансионизму посредством политической подрывной деятельности или военной агрессии там, где это только возможно. Доказательства тому находим в разных частях Азии: повстанческая война в Малайзии, силовые претензии «левых» на власть в Сингапуре и во все больших масштабах разгорающиеся войны в Индокитае. Американцы ошибались только в одном, полагая, будто коммунисты сплочены, как монолит, не понимая всей глубины подозрительности, даже на этой ранней стадии, между двумя коммунистическими гигантами.

Администрация Эйзенхаура справлялась с угрозами агрессии методами, заимствованными из собственного опыта в Европе. Она пыталась укреплять боеспособность граничащих с коммунистическим миром стран при помощи, например, плана Маршалла и создавала военные союзы по типу НАТО, такой, как СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии) с участием новых государств, граничащих с Китаем в Юго-Восточной Азии. Она, однако, совсем не учитывала существенную разницу между условиями в Европе и на азиатской периферии. Послевоенные европейские страны были уже сформировавшимися государствами с разработанными государственными институтами. Их жизнестойкость зависела от сокращения пропасти между ожиданиями и реальностью, вызванной разрухой Второй мировой войны, — широкий проект, который оказался вполне выполнимым, хотя на его выполнение и отводилось сравнительно немного времени в историческом плане. При наличии внутренней стабильности проблемы безопасности вылились в оборону против потенциального военного нападения через установленные международные границы.

В Азии по периметру китайских границ государства, напротив, находились еще в стадии становления. Перед ними стояла задача создания политических институтов и политического консенсуса при наличии этнических и религиозных расхождений. Это была не столько военная, сколько концептуальная задача; угрозу безопасности больше представляла внутренняя подрывная деятельность и повстанческие движе-

ния, чем сформированные воинские подразделения, пересекающие границы. Именно в этом заключалась проблема Индокитая, где в результате окончившегося французского колониализма осталось четыре страны (Северный Вьетнам, Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос) со спорными границами и слабыми национальными традициями в вопросах независимости. Эти конфликты имели собственную внутреннюю динамику, не поддающуюся дотошному контролю из Пекина, или Москвы, или Вашингтона, однако находящуюся под влиянием политики в стратегическом «треугольнике». Поэтому в Азии существовало очень мало, если совсем не было, военных проблем. Военная стратегия, политические и социальные реформы были непостижимым образом взаимосвязаны.

Первый кризис в Тайваньском проливе

Пекин и Тайбэй претендовали на две противоположные версии одной и той же китайской национальной идентификации. С точки зрения Гоминьдана, Тайвань не мог считаться независимым государством: он стал местом пребывания для правительства в изгнании Китайской Республики, которое временно изгнали коммунистические узурпаторы, но которое — как усиленно заявляла гоминьдановская пропаганда — вернется, чтобы вновь занять свое законное место на материке. Согласно концепции Пекина, Тайвань являлся ренегатской провинцией, чье отделение от материка и союз с иностранными державами представляли собой последний признак «векового угнетения» Китая. Обе китайские стороны соглашались с тем, что Тайвань и материк являются частью одного и того же политического образования. Разногласия касались вопроса о том, *какое* китайское правительство является законным.

Вашингтон и его союзники периодически запускали идею признания Китайской Республики и Китайской Народной Республики как разделенных государств — решение так называемых «двух Китаев». Но обе китайские стороны отчаянно сопротивлялись данному предложению, объясняя это тем, что оно не даст им возможности выполнить священный национальный долг освобождения другой стороны. Вопреки своей

начальной позиции Вашингтон согласился с отстаиваемым Тайбэем положением о том, что Китайскую Республику следует рассматривать как «подлинное» китайское правительство, имеющее право на место в ООН и других международных организациях. Помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии Дин Раск — позднее он станет государственным секретарем — изложил такой подход в докладной администрации Трумэна в 1951 году, заявив, что, несмотря на внешнее противоречие, «Бэйпинский режим [так гоминьдановцы называли Пекин]... не является правительством Китая. ...Он не является китайским. Он не уполномочен говорить от имени Китая в сообществе наций»[213]. Китайская Народная Республика со столицей в Пекине, по мнению Вашингтона, не была законной и ничего не представляла собой с дипломатической точки зрения, хотя фактически контролировала самое большое население в мире. Такая позиция будет оставаться, с некоторыми небольшими вариациями, официальной американской позицией на протяжении последующих двух десятилетий.

Непреднамеренным последствием этого будет американская вовлеченность в китайскую гражданскую войну. Согласно пониманию Пекином концепции международных отношений, Соединенные Штаты последними в череде иностранных государств действовали сообща на протяжении целого столетия с целью проведения политики разделять и властвовать в Китае. По мнению Пекина, до тех пор пока Тайвань остается под правлением отдельной административной власти и получает иностранную политическую и военную помощь, план создания «нового Китая» останется незавершенным.

Соединенные Штаты, как главный союзник Чан Кайши, не разделяли планы гоминьдановцев в отношении освобождения материка. Хотя сторонники Тайбэя в конгрессе периодически призывали Белый дом «спустить Чан Кайши с цепи», ни один из американских президентов серьезно не рассматривал проведение кампании по пересмотру результатов победы коммунистов в китайской гражданской войне — такие подозрения были глубоким заблуждением со стороны коммунистов.

Первый прямой тайваньский кризис возник в августе 1954 года, всего лишь немногим более года после окончания актив-

ных военных действий во время Корейской войны. Предлогом для него послужили мелкие территории для пристанища гоминьдановцев с материка: присутствие националистических сил сохранялось на нескольких хорошо укрепленных островах, находящихся на небольшом удалении от китайского побережья. Эти прибрежные островки, располагавшиеся гораздо ближе к материку, чем к Тайваню, включали острова Цзиньмэнь (Куемой) и Мацзу, а также ряд других участков суши меньшего размера[214]. В зависимости от принимаемой точки зрения прибрежные острова становились либо передовой линией обороны, либо, как утверждала гоминьдановская пропаганда, передовыми оперативными базами для будущего неизбежного освобождения материка.

Прибрежные острова оказались в странной ситуации: из-за них за 10 лет произошло два крупных кризиса, по поводу которых и Советский Союз, и Соединенные Штаты в какой-то момент намекали на готовность применить ядерное оружие. Ни СССР, ни США не питали стратегических интересов в отношении прибрежных островов. Не преследовал их, как выяснилось позже, и Китай. Вместо этого Мао использовал их как главный аргумент своей международной политики: как часть своей великой стратегии против США в случае первого кризиса и против СССР — особенно лично Хрущева — во втором кризисе.

Остров Цзиньмэнь находился ближе всего к материковому побережью — всего в нескольких милях от китайского портового города Сямэнь; остров Мацзу был настолько же близок к городу Фучжоу[215]. Острова можно было разглядеть невооруженным глазом с материка, и находились они в пределах досягаемости артиллерии. Тайвань лежал на расстоянии более сотни миль от них. Обстрелы прибрежных островов, которые НОАК осуществляла в 1949 году, получали мощный отпор со стороны гоминьдановцев. Приказ Трумэна о направлении Седьмого флота в Тайваньский пролив перед началом Корейской войны заставил Мао отложить запланированное вторжение на Тайвань на неопределенное время. Просьбы Пекина к Москве о помощи в полном «освобождении» Тайваня были встречены уклончиво — это стало первой стадией на пути к полному разрыву.

Ситуация еще более осложнилась, когда Эйзенхауэр сменил Трумэна на посту президента США. В своем первом обращении к нации 2 февраля 1953 года Эйзенхауэр объявил о прекращении патрулирования Седьмым флотом зоны Тайваньского пролива. Поскольку флот препятствовал атакам в обоих направлениях, Эйзенхауэр решил, что миссия «по сути, была предназначена для того, чтобы американский флот служил щитом для коммунистического Китая» как раз в то время, когда китайские войска убивали американские в Корее. А теперь он принимает решение отозвать флот из пролива, так как американцы «никоим образом не брали на себя никаких обязательств защищать страну, борющуюся с нами в Корее»[216].

В Китае размещение Седьмого флота в проливе расценивалось как крупная наступательная операция США. Парадоксально, но отвод флота подготовил сцену для нового кризиса. Тайбэй начал укреплять острова Цзиньмэнь и Мацзу, направив туда тысячи дополнительных военнослужащих и значительное количество военной техники.

Обе стороны теперь стояли перед дилеммой. Китай никогда не откажется от своего обязательства вернуть Тайвань, но, столкнувшись с большим количеством препятствий, в частности, таких как присутствие в проливе Седьмого флота, он мог себе позволить отложить выполнение этой цели. После вывода флота у него больше не оставалось препятствия непосредственно перед прибрежными островами. Америка, в свою очередь, взяла на себя обязательство защищать Тайвань, однако война за прибрежные островки, которые государственный секретарь Джон Фостер Даллес назвал «кучкой скал», расценивалась совсем по-другому[217]. Конфронтация стала более острой, после того как администрация Эйзенхауэра начала переговоры о заключении официального договора с Тайванем относительно взаимной обороны, после чего последовало создание Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО).

Столкнувшись с проблемой, Мао Цзэдун обычно предпринимал наиболее неожиданный и самый мудреный ход. Пока госсекретарь Джон Даллес летал в Манилу для создания СЕАТО, Мао приказал произвести массовый артобстрел островов Цзиньмэнь и Мацзу — удар по все более демонстриру-

емой Тайванем автономии и проверка обязательств Вашингтона по многосторонней обороне в Азии.

Первый артобстрел острова Цзиньмэнь, как утверждают, привел к гибели двух американских офицеров и вызвал срочную передислокацию трех авианосных ударных групп США в район поближе к Тайваньскому проливу. Выполняя свое обещание больше не служить «щитом» для КНР, Вашингтон одобрил ответный артобстрел и воздушные налеты гоминьдановских войск против материка[218]. Тем временем члены Объединенного комитета начальников штабов начали разработку планов возможного использования тактического ядерного оружия в случае расширения кризиса. Эйзенхауэр после непродолжительных колебаний одобрил план выработки резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении огня. Никто не хотел перерастания кризиса из-за никому не нужной территории в глобальный конфликт.

У этого кризиса, однако, не было никакой очевидной политической цели. Китай не угрожал непосредственно Тайваню; США не хотели изменения статус-кво в проливе. Этот кризис меньше всего походил на гонку в направлении к конфронтации, как это представлялось в средствах массовой информации. В нем больше просматривался тонкий маневр по управлению кризисом. Обе стороны маневрировали в направлении выработки хитроумных правил, направленных на *недопущение* военной конфронтации, о которой они заявляли на политическом уровне. В дипломатии вокруг Тайваньского пролива живо просматривался Сунь-цзы с его советами по манипулированию противником.

Результатом стало «воинственное сосуществование», но не война. Для недопущения нападения, вызванного неверным истолкованием американской решимости — как в случае с Кореей, — Даллес и тайваньский посол в Вашингтоне 23 ноября 1954 года парафировали текст договора о долгосрочной обороне между США и Тайванем. Однако в том, что касается территории, которая недавно подверглась фактическому нападению, американские обязательства не были очень четкими: договор применялся конкретно только в отношении Тайваня и Пескадорских островов (Пэнхуледао), большой по размерам группы островов, расположенных примерно в 25 милях от

Тайваня. В договоре не упоминались острова Цзиньмэнь и Мацзу, а также другие острова вблизи материкового Китая, их положение планировалось определить позже, «как это будет решено по взаимному согласию»[219].

Со своей стороны Мао запретил своим командирам нападать на американские войска и определил для себя пределы нападок на американцев за их пугающе страшное оружие. В беседе во время неформальной встречи с новым финским послом он заявил, что Китай не боится угрозы атомной войны:

«Соединенным Штатам не запугать китайский народ атомным шантажом. Наша страна имеет 600-миллионное население и территорию площадью в 9600 тысяч квадратных километров. Теми немногими атомными бомбами, что есть у США, не уничтожить китайцев. Даже если американские атомные бомбы станут более мощными, даже если они будут сброшены на Китай, пробьют насквозь земной шар и взорвут его, то, хотя это и можно будет считать крупным событием для Солнечной системы, но для всей Вселенной оно не будет иметь сколько-нибудь серьезного значения. ...Однако если США со своими самолетами и атомными бомбами пойдут агрессивной войной против Китая, то Китай, имеющий лишь чумизу и винтовки, непременно одержит победу. Народы всего мира поддержат нас»[220].

Поскольку обе китайские стороны играли по правилам облавных шашек «вэйци», материк начал заполнять пустоты, не охваченные договором. 18 января были захвачены острова Дачэнь и Ицзяньшань, две маленькие островные группы, не подпадавшие под действие договора. Обе стороны продолжали осторожно определять свои пределы возможного. Соединенные Штаты не пытались защищать маленькие островки; Седьмой флот фактически только помогал эвакуации гоминьдановских войск. Войскам НОАК запрещалось стрелять по американским вооруженным силам.

Получилось так, что риторика Мао Цзэдуна возымела большее впечатление на его советских союзников, чем на Соединенные Штаты, поскольку она противоречила позициям Хрущева. Перед ним стоял вопрос: поддерживать или нет союзника в деле, не представлявшем для России каких-либо стратегических интересов, но чреватом риском развязывания

ядерной войны, которую Хрущев все чаще характеризовал как неприемлемую? Европейских союзников Советского Союза с их небольшим населением даже еще больше напугали высказывания Мао Цзэдуна о том, что Китай может потерять в войне половину населения и все равно в конечном счете победить.

Что же касается Соединенных Штатов, то Эйзенхауэр и Даллес проявляли такую же сноровку, что и Мао Цзэдун. У них не было намерения проверять выживаемость Мао в случае ядерной войны, но и отказываться от такого варианта защиты национальных интересов они также не собирались. В последнюю неделю января им удалось провести через обе палаты конгресса США резолюцию, наделяющую Эйзенхауэра правом использовать американские войска для защиты Тайваня, Пескадорских островов и «аналогичные пункты и территории в Тайваньском проливе»[221]. Искусство управления кризисом состоит в том, чтобы поднять ставки до такого уровня, до какого противник не в состоянии подняться, но таким образом, чтобы дело не дошло до принципа «око за око». На пресс-конференции 15 марта 1955 года Даллес, говоря об этом принципе, объявил, что США готовы противостоять любому новому наступлению коммунистов, применив тактическое ядерное оружие, которого у Китая не было. На следующий день Эйзенхауэр подтвердил предупреждение, отметив, что, поскольку гражданское население не должно пострадать, он не видит причин не использовать тактическое ядерное оружие «точно так же, как вы используете пули или что-либо еще»[222]. Впервые во время продолжавшегося кризиса Соединенные Штаты произнесли прямую угрозу относительно применения ядерного оружия.

Мао Цзэдун больше предпочитал говорить о неуязвимости Китая в ядерной войне, чем ее вести. Он приказал Чжоу Эньлаю, находившемуся в то время в Бандунге в Индонезии на конференции неприсоединившихся стран Азии и Африки, обозначить отступление. 23 апреля 1955 года Чжоу Эньлай протянул оливковую ветвь: «Китайский народ не хочет воевать с Соединенными Штатами Америки. Китайское правительство хочет сесть за стол переговоров с правительством США для обсуждения вопросов разрядки напряженности в районе

Тайваня»[223]. На следующей неделе Китай прекратил кампанию обстрелов в Тайваньском проливе.

Результатом, как и в Корейской войне, стала ничья, при которой каждая из сторон достигла своих краткосрочных целей. Соединенные Штаты уменьшили военную угрозу. Мао Цзэдун, сознавая, что у Китая нет возможности захватить Цзиньмэнь и Мацзу перед лицом объединенных противников, позже объяснял свою стратегию как гораздо более сложную. Не имея возможности захватить прибрежные острова, он говорил Хрущеву, будто использовал угрозу против них, чтобы Тайвань не разрывал свои связи с материком:

«Все, что мы хотели сделать, так это продемонстрировать наши возможности. Мы не хотим, чтобы Чан Кайши откололся далеко от нас. Мы хотим держать его на коротком поводке. Если он будет оставаться [на Цзиньмэне и Мацзу], это будет означать, что мы сможем его доставать при помощи береговых батарей, а также нашими военно-воздушными силами. Если бы мы заняли эти острова, мы потеряли бы способность доставлять ему неудобства в любое удобное для нас время»[224].

По этой версии Пекин обстреливал снарядами Цзиньмэнь, стремясь подтвердить принцип «одного Китая», но воздерживался от военных действий, дабы не появилось решение в виде «двух Китаев».

Москва с ее буквальным подходом к стратегии и конкретным знанием ядерного оружия нашла невразумительным такое объяснение, когда руководитель готов развязать ядерную войну всего лишь для символического жеста. Хрущев так высказывал свое мнение Мао Цзэдуну: «Если вы стреляете, вы должны захватить эти острова, а если вы считаете, что они вам не нужны, то нет смысла в обстрелах. Мне такая ваша политика непонятна»[225]. В биографии Мао Цзэдуна, хотя и односторонней, но вызывающей на размышления, даже упоминалось, что его подлинным мотивом во время кризиса было создать острый риск ядерной войны и вынудить тем самым Москву помочь Пекину в развитии программы создания собственного ядерного оружия, и тогда ему не пришлось бы обращаться за советской помощью[226]. Среди многих моментов этого кризиса, противоречащих здравому смыслу, было очевидное советское решение — позднее, правда, в ходе второго

кризиса в районе прибрежных островов, аннулированное — помочь Пекину с его ядерной программой. В таком случае в любом другом будущем кризисе, как предполагалось, между СССР и его беспокойным союзником возникла бы какая-то дистанция, поскольку ядерная оборона Китая находилась бы в его собственных руках.

Дипломатические игры с США

Одним из результатов кризиса стало возобновление официального диалога между Соединенными Штатами и Китаем. На Женевской конференции 1954 года по вопросам урегулирования первой вьетнамской войны между Францией и возглавляемым коммунистами освободительным движением Пекин и Вашингтон нехотя согласились поддерживать контакты на уровне консульских работников, аккредитованных в Женеве.

Договоренность создавала рамки для своего рода страховочной сетки во избежание столкновений из-за недоразумений. Но ни одна из сторон не делала этого, исходя из своих каких-то убеждений. Или, вернее, их кредо оставались разнонаправленными. Корейская война привела к прекращению всех дипломатических инициатив администрации Трумэна по отношению к Китаю. Администрация Эйзенхауэра, пришедшая к власти, когда война в Корее еще не закончилась, рассматривала Китай как наиболее обструкционистский и революционный из всех коммунистических государств. Отсюда ее первостепенной целью было строительство системы безопасности в Азии для сдерживания потенциальной китайской агрессии. Дипломатические заигрывания с Китаем не велись, поскольку они могли подвергнуть угрозе пока еще хрупкие системы типа СЕАТО и нарождающийся союз с Японией и Южной Кореей. Отказ Даллеса пожать руку Чжоу Эньлая на Женевской конференции отражал как моральный аспект непризнания, так и стратегический характер планов.

Подход Мао Цзэдуна был зеркальным по отношению к тому, что демонстрировали Даллес и Эйзенхауэр. Тайваньский вопрос создал постоянную причину для конфронтации, и она будет сохраняться так долго, как долго США будут рассмат-

ривать тайваньские власти в качестве законного правительства всего Китая. Для китайско-американской дипломатии была характерна тупиковая ситуация, потому что Китай отказывался обсуждать другие темы, до тех пор пока США не согласятся уйти с Тайваня, а США не хотели обсуждать вопрос об уходе с Тайваня, пока Китай не откажется от применения силы для решения тайваньского вопроса.

По той же причине китайско-американский диалог, начатый после первого тайваньского кризиса, сел на мель, поскольку каждая из сторон придерживалась своей основной позиции и им не о чем было разговаривать. США подчеркивали, что статус Тайваня должен решаться на переговорах между Пекином и Тайбэем с участием Соединенных Штатов и Японии. Пекин трактовал эту инициативу как попытку пересмотреть решения Каирской конференции, которая еще во время Второй мировой войны объявила Тайвань частью Китая. Он также не хотел отказаться от применения силы, расценивая давление в этом вопросе как посягательство на суверенное право Китая установить контроль над всей его национальной территорией. Посол Ван Биннань, глава китайской делегации на протяжении десяти лет, в своих мемуарах так охарактеризовал возникший тупик: «Взгляд в прошлое говорит, что США в то время совершенно не могли изменить свою китайскую политику. При тех обстоятельствах мы сразу упирались в тайваньскую проблему, самую трудную из-за весьма слабой вероятности ее разрешения и самую чувствительную. Так что вполне понятно, почему переговоры не могли ничего дать»[227].

Только два соглашения были выработаны в результате этих обсуждений. Первое имело процедурный характер: договорились повысить существующий консульский уровень контактов в Женеве до уровня посла. (Значение повышения уровня контактов до ранга посла заключается в том, что послы являются личными представителями своих глав государств и предположительно имеют большие полномочия и влияние.) И именно это привело к их параличу. За 16 лет, с 1955 до 1971 года, состоялось 136 встреч между послами США и Китая (большая часть их проходила в Варшаве, ставшей местом проведения переговоров в 1958 году). Единственное соглашение, по существу, заключили в сентябре 1955 года, когда Китай и Соеди-

ненные Штаты разрешили гражданам, оказавшимся на территории другой страны во время гражданской войны, вернуться на родину[228].

На протяжении 15 лет после этого американская политика оставалась сфокусированной на том, чтобы добиться от Китая официального отказа от применения силы. «Мы год за годом следили, — отчитывался госсекретарь Дин Раск перед Комиссией по иностранным делам палаты представителей конгресса США в марте 1966 года, — за появлением какого-нибудь признака того, что коммунистический Китай готов отказаться от применения силы для решения спорных проблем. Мы также зондировали различные признаки его готовности отказаться от тезиса о том, что Соединенные Штаты являются его главным противником. Подходы и действия китайских коммунистов всегда оставались враждебными и жесткими»[229].

Американская внешняя политика ни в отношении никакой другой страны не была подчинена одному обязательному условию для переговоров — полному отказу от применения силы. Раск отмечал все же разницу между китайской яростной риторикой и его относительно сдержанным поведением на международной арене в 1960-е годы. И тем не менее он считал, что американская политика должна фактически реагировать именно на риторику — идеология имела большее значение, чем конкретное поведение:

«Когда-нибудь мы сможем игнорировать то, что китайские коммунистические лидеры говорят, и оценивать только их поступки. Это правда, что они более осторожны в действиях, чем в словах, — более осторожны в том, что они сами конкретно делают, чем в том, что они требуют делать от Советского Союза. ...Но из этого не следует, что мы не должны обращать внимания на их намерения и планы на будущее, которые они пропагандируют»[230].

В 1957 году, исходя из такого подхода и используя как предлог китайское нежелание отказаться от применения силы в отношении Тайваня, Соединенные Штаты понизили уровень женевских переговоров с уровня посла до уровня первого секретаря. Китай отозвал свою делегацию, и переговоры были прерваны. Вскоре настал второй тайваньский кризис — хотя внешне совсем по другой причине.

Мао, Хрущев и китайско-советский раскол

В 1953 году умер Сталин, находившийся у власти более 30 лет. Его преемником — после короткого переходного периода — стал Никита Сергеевич Хрущев. Ужас сталинского правления оставил свой след на поколении Хрущева. Они сделали большой шаг по карьерной лестнице во время чисток 1930-х годов, когда целые поколения руководителей полностью уничтожались. Они приобретали неожиданный шанс возвышения ценой постоянной эмоциональной незащищенности. Они были свидетелями — и они также сами участвовали в процессе — полного обезглавливания руководящей группы. Это поколение знало также, что аналогичная судьба может ожидать и их самих; Сталин перед смертью действительно собирался начать очередную чистку. Они еще не чувствовали себя готовыми реформировать систему, вызвавшую узаконенный террор. Они просто попытались изменить что-то в практических делах, подтверждая свою убежденность в том, чему была посвящена вся их жизнь, обвиняя Сталина в ошибках и злоупотреблении властью. (В этом крылась психологическая основа того, что стало известно позднее как секретный доклад Хрущева, — о нем мы поговорим ниже.)

Новые лидеры, пытаясь сохранять хорошую мину при плохой игре, при всем том отлично понимали, что в конечном счете Советский Союз неконкурентоспособен. Многое в хрущевской внешней политике может быть охарактеризовано как стремление добиться «быстрого успеха»: взрыв сверхмощного термоядерного устройства в 1961 году, серия берлинских ультиматумов, ракетный кризис на Кубе в 1962 году. Такие шаги в свете последующих десятилетий могут рассматриваться как поиск своего рода психологического равновесия, дающего возможность вести переговоры со страной, значительно превосходившей по мощи, как это глубоко в душе понимал Хрущев, Советский Союз.

В отношении Китая Хрущев занимал снисходительную позицию с оттенком разочарования, ведь самоуверенные китайские лидеры позволяли себе бросать вызов идеологическому доминированию со стороны Москвы. Он понимал стратегические выгоды от союза с Китаем, но боялся ослож-

нений из-за китайского варианта идеологии. Он старался произвести впечатление на Мао Цзэдуна, но никак не мог понять, что же на самом деле Мао воспринимает серьезно. Мао Цзэдун использовал советскую угрозу, не обращая внимания на советские приоритеты. В итоге Хрущев отошел от своих прежних обязательств союзничества с Китаем и занял позицию холодной отчужденности, постепенно наращивая советское военное присутствие вдоль границ с Китаем, тем самым побудив своего преемника Леонида Ильича Брежнева заняться изучением перспектив превентивных действий против Китая.

Идеология свела Пекин и Москву вместе, идеология же их и развела. Слишком большой исторический путь прошли они вместе, слишком много вопросительных знаков возникло на этом пути. Китайские руководители не могли забыть территориальных захватов царей, как и желания Сталина во время Второй мировой войны договориться с Чан Кайши в ущерб Китайской коммунистической партии. Первая же встреча между Сталиным и Мао Цзэдуном сложилась плохо. Когда Мао оказался под зонтиком безопасности Москвы, ему потребовалось два месяца, чтобы убедить Сталина, и ему пришлось заплатить за союз экономическими уступками в Маньчжурии и Синьцзяне в ущерб единству Китая.

У любых взаимоотношений имеется своя история. Современный опыт предоставлял бесконечный ряд подобных конфликтов. Советский Союз рассматривал коммунистический мир как единое стратегическое целое, чье руководство находилось в Москве. Он создал подвластные режимы в Восточной Европе, зависевшие от советской военной и до некоторой степени экономической помощи. Советскому Политбюро казалось естественным, что такая же модель должна преобладать и в Азии.

Но для Мао Цзэдуна не было ничего более противоречащего его воззрениям с точки зрения китайской истории, его собственных китаецентристских взглядов и его собственного понимания коммунизма. Различия в культуре увеличивали зреющую напряженность — особенно из-за того, что советские руководители не обращали внимания на китайские исторические тонкости. Хорошим примером является просьба Хрущева направить рабочих для лесозаготовок в Сибири. Он

разбередил еще не зажившие раны Мао Цзэдуна, и тот сказал ему в 1958 году следующее:

«Вы знаете, товарищ Хрущев, многие годы все считали Китай из-за его слабого развития источником дешевой рабочей силы. Но Вы знаете, мы, китайцы, считаем такой подход оскорбительным. А услышать это от Вас просто совсем неловко. Если бы мы согласились с Вашим предложением, другие... могли бы решить, будто Советский Союз думает о Китае так же, как капиталистический Запад»[231].

Страстный китаецентризм помешал Мао принять участие в основных мероприятиях управляемой из Москвы советской империи. Острие внимания в плане безопасности и политических усилий этой империи находилось в Европе, являвшейся для Мао Цзэдуна второстепенным объектом. Когда в 1955 году Советский Союз создал Варшавский Договор коммунистических стран в противовес НАТО, Мао отказался присоединиться. Китай не захотел подчинить коалиции защиту своих национальных интересов.

Вместо этого Чжоу Эньлай в 1955 году направился в Бандунг на азиатско-африканскую конференцию. На конференции была создана новая и парадоксальная группировка: объединение неприсоединившихся. Мао Цзэдун стремился получить советскую поддержку как противовес потенциальному американскому давлению на Китай в достижении американской гегемонии в Азии. Но одновременно он пытался организовать неприсоединившиеся страны как свою страховочную сетку против советской гегемонии. В этом смысле почти с самого начала оба коммунистических гиганта начали соперничество друг с другом.

Основные разногласия затрагивали суть представлений обоих обществ о самих себе. Россия, спасшаяся от иностранных агрессоров при помощи силы и стойкости, никогда не претендовала на роль всемирного вдохновителя для других обществ. Значительную часть ее населения не составляли этнические русские. Ее величайшие правители типа Петра Великого и Екатерины Великой привлекали иностранных мыслителей и специалистов к своим дворам, стремясь учиться у более передовых иностранцев — немыслимая для китайского императорского двора концепция! Российские прави-

тели взывали к своим подданным, говоря об их стойкости, а не их величии. Российская дипломатия опиралась, подчас доходя до небывалых размеров, на превосходящую силу. У России редко находились союзники среди стран, где у нее не размещались бы военные силы. Российская дипломатия имела тенденцию ориентироваться на силу, терпеливо придерживаясь зафиксированных позиций и трансформируя внешнюю политику в средство ведения затяжной окопной войны.

Мао Цзэдун представлял общество, столетиями самое населенное и весьма хорошо организованное и по крайней мере в глазах самих китайцев являвшееся самым благоразумным политическим институтом в мире. Общепризнанной мудростью считалось понимание того, что его деятельность имеет широкий международный резонанс. Когда китайский правитель призывал народ работать усерднее, чтобы он мог стать величайшим народом мира, он побуждал их восстановить превосходство, которое, согласно китайскому пониманию истории, они совсем недавно временно утратили. Такая страна неизбежно полагала — она не может играть роль младшего партнера.

В обществах, основанных на идеологии, право определять законность становится решающим. Мао Цзэдун, называвший себя в беседе с журналистом Эдгаром Сноу простым учителем, но думавший о себе как об известном философе, никогда бы не уступил интеллектуальное лидерство в коммунистическом мире. Претензии Китая на право определять правила поведения угрожали единству империи Москвы и открывали двери для других, по большей части местных, интерпретаций марксизма. То, что начиналось как раздражение по поводу нюансов интерпретации, перешло в дискуссии относительно практики и теории, а в итоге превратилось в прямые военные столкновения.

Китайская Народная Республика начала с моделирования своей экономики в соответствии с советской экономической политикой 1930-х и 1940-х годов. В 1952 году Чжоу Эньлай пошел так далеко, что отправился в Москву с визитом, намереваясь получить советы по поводу китайского первого пятилетнего плана. Сталин отправил свои комментарии в начале 1953 года, требуя от Пекина занять более сбалансированный

подход при планировании и сдерживать ежегодный экономический прирост 13—14 процентами»[232].

Но к декабрю 1955 года Мао Цзэдун открыто отделил китайскую экономику от экономики советского партнера и перечислил стоящие перед китайцами «уникальные» и «великие» вызовы, требовавшие преодоления, чего не было у их советских союзников:

«У нас был 20-летний опыт работы в опорных базах, мы прошли через испытания в трех революционных войнах, наш опыт [захвата власти] весьма и весьма богат. ...Поэтому мы смогли очень быстро создать государство и завершить задачу революции. (Советский Союз был заново созданным государством, во время Октябрьской революции[233] у него не было ни собственной армии, ни правительственного аппарата и было не очень много членов партии.) ...У нас очень большое население и великолепное положение. [Наш народ] усердно трудится и выносит много трудностей. ...Соответственно мы можем достичь социализма больше, лучше и быстрее»[234].

В речи по экономической политике, произнесенной в апреле 1956 года, Мао Цзэдун довел практическое различие до философского обобщения. Он определил китайский путь социализма как уникальный и стоящий выше советского:

«Мы проделали это лучше, чем Советский Союз и ряд других восточноевропейских стран. Неспособность Советского Союза в течение длительного времени достичь высшего уровня по производству зерна, который у них был до Октябрьской революции, серьезные проблемы, возникающие из-за бросающегося в глаза дисбаланса между развитой тяжелой и легкой промышленностью в некоторых странах Восточной Европы, — таких проблем нет в нашей стране»[235].

Различия между китайской и советской концепциями практических императивов их развития обернулись идеологическим столкновением, когда в феврале 1956 года Хрущев выступил с речью на XX съезде КПСС и раскритиковал культ личности Сталина за серию преступлений, некоторые из которых он описал подробно. Речь Хрущева потрясла коммунистический мир. Десятилетиями жизнь опиралась на ритуальные заверения в непогрешимости Сталина, включая и Китай, где как бы Мао Цзэдун ни сомневался в поведении Сталина как

союзника, он формально признавал его особый идеологический вклад. Оскорбление приняло еще большие размеры, когда несоветские делегации, включая китайскую, не допустили в зал, где выступал Хрущев, и Москва отказалась предоставить даже братским союзникам официальный текст выступления. Пекин сформировал свою начальную реакцию на основе неполных записей китайской делегации, сделанных с одной из копий черновика речи Хрущева; китайское руководство фактически вынудили руководствоваться переводами на китайский язык сообщений из «Нью-Йорк таймс»[236].

Пекину не понадобилось много времени, чтобы напасть на Москву за то, что та «отбросила» «меч Сталина». Китайский титоизм, внушавший Сталину опасения с самого начала, поднял свою голову в форме защиты идеологической важности наследия Сталина. Мао Цзэдун назвал инициативу Хрущева по десталинизации формой «ревизионизма»; это означало, что Советский Союз отходит от коммунизма и возвращается в буржуазное прошлое[237].

Надеясь в какой-то мере восстановить единство, Хрущев созвал конференцию социалистических стран в Москве в 1957 году. Мао Цзэдун принял в ней участие. Второй раз он покидал Китай, и это станет его последней поездкой за границу. Советский Союз только что запустил спутник — первый орбитальный спутник, — и на встрече преобладала эйфория, разделявшаяся тогда многими и на Западе, по поводу небывалого подъема советских технологий и сил. Мао Цзэдун признал эту точку зрения, язвительно заявив, что отныне «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада». Однако из явного падения американской мощи он сделал вывод, не очень приятный для его советских союзников, а именно: Китай находится во все более укрепляющемся положении и может претендовать на автономию. Позднее Мао скажет своему доктору: «Их реальной целью является установление контроля над нами. Они пытаются связать нам руки и ноги. Но это лишь только их благие пожелания, как у размечтавшихся идиотов»[238].

Тем временем на Московской конференции 1957 года был подтвержден призыв Хрущева к социалистическому блоку стремиться к мирному сосуществованию с капиталистическим блоком — цель, впервые принятая на том же съезде КПСС в

1956 году, на котором Хрущев критиковал Сталина. В неожиданной отповеди политике Хрущева Мао Цзэдун воспользовался этим же случаем, чтобы призвать своих социалистических коллег к оружию в борьбе против империализма, включая его стандартную речь относительно того, что Китаю не страшны ядерные разрушения. «Нам не следует бояться войны, — заявил он. — Нам не надо бояться атомной бомбы и ракет. Не важно, какая война разразится — обычная или термоядерная, — мы победим. В том, что касается Китая, если империалисты развяжут войну против нас, мы можем потерять более 300 миллионов народа. Ну и что? Война есть война. Пройдут годы, мы начнем работать над рождением даже большего числа детей, чем сейчас»[239].

Хрущев посчитал эту речь «крайне возмутительной», он вспоминал сдержанный и нервный смешок в зале, когда Мао описывал ядерный Армагеддон вычурным грубоватым языком. После речи Мао чехословацкий коммунистический руководитель Антонин Новотный жаловался: «А как же мы? Нас всего 12 миллионов в Чехословакии. Мы потеряем в войне все до последнего человека. И никого не останется, чтобы начать все с начала»[240].

Китай и Советский Союз отныне постоянно устраивали, часто публичные, перебранки, и тем не менее они все еще оставались официально союзниками. Хрущев, по-видимому, питал глубокое убеждение в том, что восстановление товарищеских отношений станет возможным после еще каких-то новых советских инициатив. Он не понимал — или, если понимал, то не признавался в этом самому себе, — что его политика мирного сосуществования — особенно вкупе с объявлениями об опасности ядерной войны — была в глазах Мао несовместима с китайско-советским союзом. Потому что Мао Цзэдун был убежден: во время кризиса боязнь ядерной войны будет означать лояльность к противнику.

В сложившихся обстоятельствах Мао Цзэдун не упустил возможности утвердить китайскую самостоятельность. В 1958 году Хрущев предложил через советского посла в Пекине построить в Китае радиолокационную станцию для связи с советскими подводными лодками и помочь строить подлодки для Китая в ответ на использование китайских портов советскими

кораблями. Поскольку Китай оставался официально союзником и Советский Союз осуществлял поставки в Китай большого количества техники для повышения его боеспособности, Хрущев явно ожидал одобрения Мао Цзэдуном столь выгодного предложения. Оказалось, он катастрофически ошибался. Мао прореагировал весьма яростно, отругав советского посла в Пекине и вызвав такую тревогу в Москве, что Хрущев отправился в Пекин утешать уязвленную гордость своего союзника.

Находясь в Пекине, Хрущев, однако, сделал еще одно даже менее привлекательное предложение из той же серии: он предложил особый доступ Китая на советские базы подлодок в Ледовитом океане в обмен на советское использование незамерзающих портов Китая на Тихом океане. Мао Цзэдун ответил: «Нет, мы и на это тоже не можем согласиться. Каждая страна должна держать свои вооруженные силы на собственной территории, а не на чьей-то чужой»[241]. Как вспоминал Председатель, «у нас были англичане и другие иностранцы на нашей территории, теперь уже давным-давно, поэтому мы больше не собираемся никогда и никому разрешать использовать нашу землю в их собственных интересах»[242].

В нормальном союзе разногласия по конкретным вопросам обычно ведут к усилению поисков урегулирования расхождений по оставшимся вопросам. Во время же того злополучного визита Хрущева в Пекин в 1958 году возникла возможность выдвинуть, по-видимому, бесконечный список жалоб с обеих сторон.

Хрущев с самого начала загнал сам себя в невыгодную позицию, начав с обвинений в адрес своего посла за несанкционированное обсуждение военно-морских баз. Мао Цзэдун, хорошо осведомленный в том, как действуют в коммунистических государствах, легко разглядел полную несостоятельность этого предложения. Пересказ последовательного хода событий привел к широкому диалогу, в ходе которого Мао Цзэдун втянул Хрущева в еще более унизительное и абсурдное положение. Скорее всего Мао поступил так обдуманно: он хотел продемонстрировать китайским кадрам ненадежность руководителя, покусившегося на образ Сталина.

Мао Цзэдун также получил возможность показать, как глубоко пало властное поведение Москвы. Мао жаловался на

пренебрежительное поведение Сталина во время его визита в Москву зимой 1949/50 года:

«МАО: ...После победы нашей революции Сталин сомневался в ее характере. Он полагал, что Китай станет второй Югославией.

ХРУЩЕВ: Да, он считал такое возможным.

МАО: Когда я приехал Москву [в декабре 1949 года], он не хотел заключать договор о дружбе с нами и не хотел аннулировать старый договор с Гоминьданом[243]. Я вспоминаю, что [советский переводчик Николай] Федоренко и [эмиссар Сталина в Китайской Народной Республике Иван] Ковалев передали мне его [Сталина] совет осуществить поездку по стране и осмотреться вокруг. Но я сказал им, что у меня только три задачи: поесть, поспать и справить большую нужду. Я не ехал в Москву, чтобы только поздравить Сталина с днем рождения. Поэтому я сказал, что если вы не хотите заключать договор о дружбе, пусть так и будет. Я выполню три мои задачи»[244].

Взаимное раздражение быстро переросло в небывалые в истории современности споры. Когда Хрущев спросил Мао Цзэдуна, действительно ли в Китае рассматривают Советы как «красных империалистов», Мао дал ясно понять, что недоразумения внутри союза уже стали нагнаиваться: «Дело не в красных или белых империалистах. Жил когда-то человек по имени Сталин, прибравший к рукам Порт-Артур и превративший Синьцзян и Маньчжурию в полуколонии, а также создавший четыре совместные компании. Это все были его добрые дела»[245].

И все же, несмотря на жалобы Мао Цзэдуна на национальной почве, он уважал вклад Сталина в идеологию:

«ХРУЩЕВ: Вы защищаете Сталина. И Вы критикуете меня за критику Сталина. А теперь наоборот.

МАО: Вы критиковали [его] по другим вопросам.

ХРУЩЕВ: На съезде партии я говорил об этом тоже.

МАО: Я всегда говорил, и сейчас, и тогда в Москве, что критика ошибок Сталина оправданна. Мы только не согласны с отсутствием четких пределов этой критики. Мы считаем, что из десяти пальцев Сталина только три были гнилыми»[246].

Мао Цзэдун задал тон встрече на следующий день, приняв Хрущева не в комнате официальных приемов, а в своем пла-

вательном бассейне. Хрущеву, не умевшему плавать, пришлось плавать со спасательным кругом. Два деятеля разговаривали плавая, а переводчики следовали за ними взад и вперед по бортику бассейна. Хрущев позднее жаловался: «Мао всегда старался занять более выгодную позицию. Ну, я устал от этого. ...Я вылез из бассейна и сел на его краю, болтая ногами в воде. Теперь я был сверху, а он плавал внизу»[247].

Отношения даже еще больше ухудшились год спустя, когда 3 октября 1959 года Хрущев остановился в Пекине на обратном пути из США, желая проинформировать капризного союзника о своей встрече в верхах с Эйзенхауэром. Китайские руководители, уже довольно подозрительно относившиеся к сосуществованию Хрущева с Америкой, еще больше возмутились, когда Хрущев встал на сторону Индии во время первого пограничного столкновения в Гималаях между индийскими и китайскими войсками, произошедшего накануне.

Хрущев, для которого дипломатия не была сильным коньком, умудрился поднять чувствительный вопрос о Далай-ламе — не так много тем могло вызвать такую острую китайскую реакцию. Он критиковал Мао Цзэдуна за то, что тот не был достаточно тверд во время восстания в Тибете в начале того года, завершившегося бегством Далай-ламы в северную Индию: «Я скажу Вам то, что гостю не следовало бы говорить: события в Тибете — это Ваша ошибка. Вы управляли Тибетом, у Вас должна была быть своя разведка там и Вы должны были знать о планах и намерениях Далай-ламы»[248]. После возражений со стороны Мао Хрущев настойчиво продолжил обсуждать эту тему, высказавшись в том плане, что китайцам следовало бы лучше ликвидировать Далай-ламу, чем позволить ему сбежать:

«ХРУЩЕВ: ...Что же касается бегства Далай-ламы из Тибета, если бы мы были на Вашем месте, мы не дали бы ему возможности сбежать. Было бы лучше, если бы он оказался в гробу. А теперь он в Индии и, вероятно, уедет в США. Разве это на пользу социалистическим странам?

МАО: Это невозможно, мы тогда не могли его арестовать. Мы не могли запретить ему выезд, так как граница с Индией очень велика, и он мог пересечь ее в любом месте.

ХРУЩЕВ: Тут речь не об аресте, я просто говорю, что Вы

были не правы, дав ему возможность выехать. Если Вы дали ему такую возможность сбежать в Индию, то что остается Неру делать с этим? Мы считаем, что события в Тибете — это ошибка коммунистической партии Китая, а не вина Неру»[249].

Тогда Мао Цзэдун и Хрущев в последний раз встречались вместе. Удивительно другое: в последующие 10 лет остальной мир относился к китайско-советским трениям как к некоей семейной ссоре между двумя коммунистическими гигантами, а не как к борьбе не на жизнь, а на смерть, в которую она превращалась. Во время нарастающей напряженности с Советским Союзом Мао развязал еще один кризис с Соединенными Штатами.

Второй кризис в Тайваньском проливе

23 августа 1958 года Народно-освободительная армия начала очередной массированный артиллерийский обстрел прибрежных островков, сопровождая бомбардировки пропагандистскими залпами с призывами к освобождению Тайваня. Через две недели обстрелы на время прекратились, а потом вновь продолжились в течение последующих 29 дней. В конце концов, обстрелы островов продолжались в какой-то эксцентричной форме: по нечетным дням каждого месяца, с открытым предупреждением населению островов и часто не затрагивая мест военного значения — маневр, характеризуемый Мао Цзэдуном в беседах со своими высшими помощниками как проявление по большей части «политического сражения», чем обычной военной стратегии[250].

Некоторые из задействованных в этом кризисе факторов уже снискали известность. Пекин снова стремился испытать пределы американских обязательств по защите Тайваня. Обстрелы также стали отчасти своего рода реакцией на понижение американцами уровня американо-китайских переговоров, возобновившихся после последнего кризиса вокруг прибрежных островов. Однако главным стимулом, по-видимому, все же являлось желание закрепить за Китаем роль глобального игрока. Мао Цзэдун объяснял своим коллегам во время выездной встречи высших руководителей, состоявшейся в начале

кризиса, что бомбардировка Цзиньмэня и Мацзу является реакцией Китая на американское вмешательство в Ливане, где американские и британские войска высадились тем летом:

«Бомбардировка Цзиньмэня, честно говоря, явилась нашей очередью целенаправленно вызвать напряженность международной обстановки. Мы намеревались преподать американцам урок. Америка задирала нас много лет, поэтому, когда у нас сейчас есть шанс, почему бы не доставить ей хлопот? ...Американцы начали военные действия на Ближнем Востоке, а мы начали свои действия на Дальнем Востоке. Посмотрим, что они будут с этим делать»[251].

В этом смысле обстрелы прибрежных островов стали ударом в соперничестве с Советским Союзом. Советское бездействие перед лицом стратегических американских шагов на Ближнем Востоке резко контрастировало в сравнении с идеологической и стратегической активностью китайцев.

Продемонстрировав свою военную решимость, как объяснял Мао Цзэдун, «Китай возобновит переговоры с Соединенными Штатами и будет иметь как поле для действий, так и поле для переговоров»[252], применив на практике принцип Сунь-цзы о военном сосуществовании в его современном варианте наступательного сдерживания.

Наиболее примечательной особенностью артобстрелов были обидные упреки в адрес американской сверхдержавы и в такой же степени вызовы в адрес номинального союзника Китая — Советского Союза. Политика мирного сосуществования Хрущева превратила Советский Союз в глазах Мао в проблематичного союзника и, возможно, даже в потенциального противника. Таким образом, Мао Цзэдун, по-видимому, полагал, что, если бы кризис в Тайваньском проливе можно было вывести на грань войны, Хрущеву пришлось бы выбирать между его новым курсом мирного сосуществования и своим союзом с Китаем.

В какой-то мере Мао Цзэдуну это удалось. Особую остроту его маневрам придало то, что китайская политика в проливе проводилась с явного благословления Москвы, насколько об этом могли судить в мире. Хрущев находился с визитом в Пекине за три недели до второго кризиса в Тайваньском проливе (с целью катастрофически закончившегося обсуждения

вопросов о базах для подводных лодок), но он присутствовал там также и в начальные недели первого кризиса 4 года назад. Ни в одном из случаев Мао Цзэдун не поделился своими планами с Советами ни до, ни во время визита. В каждом случае Вашингтон полагал — и Эйзенхауэр сделал такой же вывод в письме Хрущеву, — что Мао действовал не только при поддержке Москвы, но и с ее указания. Пекин включил советского союзника в собственные дипломатические построения против его воли, и Москва, по сути, не понимала, что ее фактически использовали. (Некоторые ученые даже считают, что Мао Цзэдун придумал «кризис с базами для подлодок», планируя вынудить Хрущева нанести визит в Пекин и сыграть предназначенную ему роль по этой схеме.)

Второй кризис в Тайваньском проливе напоминал первый, но имел принципиальное отличие, заключавшееся в том, что Советский Союз участвовал в публичных заявлениях о ядерных угрозах от имени союзника, фактически занимавшегося тем, что унижал его.

Приблизительно тысяча человек были убиты или ранены в ходе бомбардировок в 1958 году. Как и во время первого кризиса в Тайваньском проливе, Пекин сочетал провокационные рассуждения на тему о ядерной войне с тщательно отработанной боевой стратегией. С самого начала Мао Цзэдун потребовал от своих командиров вести обстрелы таким образом, чтобы избегать жертв среди американцев. Когда они сказали в ответ, что таких гарантий дать не могут, он приказал им не пересекать воздушное пространство за пределами островов, обстреливать только гоминьдановские корабли и не отвечать на выстрелы, даже если они были сделаны с американских кораблей[253]. Как до, так и во время кризиса пропаганда КНР озвучивала лозунг «Мы должны освободить Тайвань». Но когда радиостанция НОАК сделала передачу, где объявила о «неизбежности» китайского вторжения и гоминьдановским войскам предлагалось перейти на другую сторону и «принять участие в великом деле освобождения Тайваня», Мао Цзэдун назвал это «серьезной ошибкой»[254].

В лице Джона Фостера Даллеса Мао видел противника, знавшего, как играть в игру «военного сосуществования». 4 сентября 1958 года Даллес подтвердил обязательства США

по обороне Тайваня, включая и такие «связанные с ним позиции, как Цзиньмэнь и Мацзу». Даллес интуитивно прочувствовал ограниченные цели Китая и фактически просигналил об американской готовности ограничить размеры кризиса: «Несмотря на то что говорили и до сего времени делали китайские коммунисты, нет, однако, уверенности в том, что они действительно преследуют цель захватить силой Тайвань (Формозу) и прибрежные острова»[255]. 5 сентября Чжоу Эньлай подтвердил ограниченность целей Китая, объявив, что Пекин рассчитывает на возобновление американо-китайских переговоров на уровне послов в качестве цели конфликта. 6 сентября Белый дом опубликовал заявление о том, что замечание Чжоу Эньлая принято во внимание. Давалось также понять, что посол США в Варшаве готов представлять Соединенные Штаты на возобновившихся переговорах.

При таком обмене заявлениями кризис должен был бы завершиться. Как будто репетируя старую пьесу, обе стороны повторяли затасканные угрозы, а в итоге пришли к знакомой счастливой развязке — возобновлению переговоров.

Единственной стороной отношений «треугольника», не понимавшей происходящего, был Хрущев. Услышав в Москве год назад и совсем недавно в Пекине заявления Мао Цзэдуна о том, будто тот не боится атомной войны, Хрущев разрывался между двумя противоречиями: страхом перед ядерной войной и потенциальной утратой важного союзника, если бы его расчеты на поддержку со стороны Китая провалились. Его приверженность марксизму не позволила ему понять, что его идеологический союзник превратился в стратегического противника. Кроме того, слишком много зная о ядерном оружии, он не мог спокойно использовать этот тезис в дипломатии, часто прибегающей к угрозам его применения.

Когда загнанный в тупик политический деятель сталкивается с дилеммой, он зачастую поддается искушению действовать одновременно на разных направлениях. Хрущев направил министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко в Пекин потребовать от Мао сдержанности. Этого, как он знал, будет трудно достичь. Поэтому для баланса он хотел показать китайским руководителям копию письма, которое он собирался направить Эйзенхауэру. В нем содержалась уг-

роза оказать полную поддержку — не исключая и ядерное оружие — Китаю в случае эскалации кризиса в Тайваньском проливе. В письме подчеркивалось, что «нападение на Китайскую Народную Республику, великого друга, союзника и соседа нашего государства, является нападением на Советский Союз», и содержалось предупреждение: Советский Союз «сделает все возможное... чтобы защитить безопасность обоих государств»[256].

Инициатива провалилась с обоими адресатами. Письмо Хрущева Эйзенхауэр 12 сентября вежливо отклонил. Приветствуя китайское пожелание возобновить переговоры на уровне послов и повторив требование Вашингтона к Пекину отказаться от использования силы в вопросе о Тайване, Эйзенхауэр побуждал Хрущева рекомендовать Пекину проявлять больше сдержанности. Не обращая внимания на реальность, состоящую в том, что Хрущев играл в пьесе, писанной другими людьми, Эйзенхауэр намекал на тайный сговор между Москвой и Пекином, отметив: «Интенсивные военные действия начались 23 августа — всего через три недели после Вашего визита в Пекин»[257].

В обращении для печати, сделанном почти одновременно, 11 сентября 1958 года, Эйзенхауэр оправдывал американскую вовлеченность в дела с прибрежными островами в расплывчатых выражениях. Обстрелы островов Цзиньмэнь и Мацзу, как он предупреждал, можно сравнить с оккупацией Гитлером бассейна Рейна, или Муссолини — Эфиопии, или (сравнение, особенно провокационное для китайцев) японским захватом Маньчжурии в 1930-х годах.

Громыко тоже не преуспел в Пекине. Мао Цзэдун отреагировал на проект письма открытыми рассуждениями о возможности ядерной войны и об условиях, при которых Советы должны нанести ответный удар по Америке ядерным оружием. Мао спокойно говорил об угрозах, в то время когда опасность войны уже миновала. В своих мемуарах Громыко вспоминает, как его «ошарашила» бравада со стороны Мао, и цитирует слова китайского вождя, сказанные ему:

«Я предполагаю, американцы могут зайти так далеко, что развяжут войну против Китая. Китай должен учитывать эту возможность, и мы это делаем. Но мы не собираемся капиту-

лировать! Если США нападут на Китай с применением ядерного оружия, китайские армии отойдут от границ в глубь страны. Они должны будут завлечь противника глубоко в пределы страны и зажать его в клещи внутри Китая. ...Только когда американцы окажутся в центральных провинциях, вы ударите по ним всем, что имеется у вас в наличии»[258].

Мао Цзэдун не испрашивал советскую помощь до тех пор, пока американские войска не будут втянуты в глубь Китая, что, как он знал, не должно было произойти, судя по уже исполненному сценарию. Доклад Громыко из Пекина, как представляется, стал шоком для Хрущева. Хотя о переговорах на уровне послов Вашингтон и Пекин уже условились, Хрущев предпринял еще два шага, стремясь предотвратить ядерную войну. Рассчитывая успокоить страхи Пекина, как ему казалось, по поводу американского вторжения, он предложил направить советские зенитные подразделения в провинцию Фуцзянь[259]. Пекин помедлил с ответом, а потом, когда кризис уже миновал, согласился, но при условии, что советские войска будут поставлены под китайское командование, — совершенно нереальное требование![260] Одним из проявлений нервного состояния стала отправка Хрущевым еще одного письма Эйзенхауэру 19 сентября с требованием проявить сдержанность, но с предупреждением относительно опасности ядерной войны[261]. Но Китай и Соединенные Штаты фактически уже урегулировали вопрос до получения второго хрущевского письма.

На встрече с Мао 3 октября 1959 года Хрущев так подытожил советскую позицию во время тайваньского кризиса:

«Между нами, строго конфиденциально, мы говорим, что не будем воевать из-за Тайваня, но для внешнего потребления, так сказать, мы заявляем противоположное, что в случае ухудшения ситуации из-за Тайваня СССР защитит КНР. США со своей стороны заявляют, что будут защищать Тайвань. Таким образом, возникает что-то похожее на предвоенное положение»[262].

Хрущев позволил Мао Цзэдуну втянуть его в бесплодное дело, пытаясь быть и умным, и одновременно циничным. Когда речь идет о конечных целях, затрагивающих вопросы мира и войны, стратег должен понимать возможность блефа и обмана и учитывать воздействие его пустых угроз на доверие

к нему в будущем. В вопросе о Тайване Мао использовал двойственную природу Хрущева, заставив его выступить с ядерными угрозами, которые, как тот сам признавался, он не намерен был выполнять. Тем самым Мао вносил напряженность в отношения Москвы с Соединенными Штатами из-за проблемы, которую Хрущев не считал важной для себя и которая касалась ненавидевшего его лидера-союзника.

Можно только представить изумление Мао Цзэдуна: ему удалось подстрекнуть Москву и Вашингтон начать угрожать друг другу применением ядерного оружия по поводу наименее важной с геополитической точки зрения недвижимости в мире и самой невоенной части китайского политического театра. Более того, Мао проделал это тогда, когда именно ему это играло на руку и когда Китай оставался значительно слабее и Соединенных Штатов, и СССР. Примененный им для достижения цели способ позволил Мао говорить о большой пропагандистской победе и вновь продолжить китайско-американские переговоры на уровне послов, причем с позиции, названной его пропагандой позицией силы.

Вызвав по собственной инициативе кризис и таким же образом прекратив его, Мао Цзэдун пришел к выводу о том, что он добился своих целей:

«Мы провели эту кампанию, чтобы заставить Соединенные Штаты возобновить переговоры. Соединенные Штаты открыли дверь. Для них ситуация, кажется, не очень хорошая, и они будут нервничать изо дня в день, если они не начнут переговоры с нами сейчас. Хорошо, давайте начнем переговоры. Для обстановки в целом лучше решать споры с Соединенными Штатами путем переговоров, или мирными средствами, ведь мы все миролюбивые люди»[263].

Чжоу Эньлай предложил даже более усложненную оценку. По его мнению, второй кризис в Тайваньском проливе стал демонстрацией способности двух китайских сторон вести молчаливую торговлю друг с другом через барьеры противоположных идеологий и даже в то время, когда ядерные державы в перебранке грозили друг другу ядерной войной. Почти через 15 лет после этого Чжоу Эньлай рассказал Ричарду Никсону об этой стратегии Пекина во время визита президента в 1972 году в Пекин:

«В 1958 году тогдашний госсекретарь Даллес хотел, чтобы Чан Кайши отказался от островов Цзиньмэнь и Мацзу, чтобы окончательно оторвать Тайвань от материка и провести линию там. Чан Кайши не хотел этого делать[264]. Мы тоже советовали ему не уходить с Цзиньмэня и Мацзу. Мы советовали ему, обстреливая их артиллерийскими снарядами — то есть по нечетным дням мы обстреливаем их, а по четным дням и по выходным мы не стреляли. Не требовалось никаких других средств или посланий, именно по таким способам обстрелов они все поняли»[265].

Эти блестящие достижения следовало сбалансировать на фоне глобального воздействия кризиса. Переговоры на уровне послов зашли в тупик почти сразу же после их возобновления. Двусмысленные маневры Мао Цзэдуна, по сути, заморозили китайско-американские отношения на фазе их враждебности, из которой они не смогли потом выйти в течение десяти с лишним лет. Идея о том, что Китай полон решимости изгнать Соединенные Штаты из западной части Тихого океана, рассматривалась как непреложная истина в Вашингтоне, и это лишало обе стороны возможности найти варианты более гибкой дипломатии.

Но советское руководство в результате повело себя совсем не так, как рассчитывал Мао Цзэдун. Москва не отказалась от своей политики мирного сосуществования, но запаниковала от риторики Мао и чувствовала себя неспокойно от его балансирования на грани ядерной войны, его постоянных размышлений о некоем позитивном эффекте от ядерной войны для мирового социализма, от его нежелания консультироваться с Москвой. По завершении кризиса Москва приостановила ядерное сотрудничество с Пекином и в июне 1959 года отозвала свои обязательства предоставить Китаю модель атомной бомбы. В 1960 году Хрущев также отозвал русских специалистов из Китая и прекратил все проекты оказания помощи, утверждая, что «[мы] не могли не реагировать, когда наши высококвалифицированные специалисты — люди, подготовленные у нас в области сельского хозяйства и промышленности, — не получали ничего, кроме враждебного отношения, в ответ на их помощь»[266].

На международной арене Мао Цзэдун еще раз продемонстрировал молниеносный ответ Китая на то, что им рассматри-

валось как угроза национальным интересам или территориальной целостности. Это навсегда отобьет у соседей Китая охоту воспользоваться внутренними потрясениями, в которые Мао собирался ввергнуть свое общество. Но отсюда также пошел и процесс все большей изоляции страны, заставивший в итоге Мао Цзэдуна десятью годами позднее пересмотреть внешнюю политику.

Глава 7

ДЕСЯТИЛЕТИЕ КРИЗИСА

В течение первых 10 лет существования Китайской Народной Республики не склонные к компромиссам руководители твердо правили завоеванной ими одряхлевшей империей, превратив ее в крупнейшую державу в мире. Второе десятилетие прошло под знаком попыток Мао Цзэдуна ускорить перманентную революцию в своей стране. Стимулирующей силой для перманентной революции стал посыл Мао о моральной и идеологической силе, способной превзойти физические пределы. Десятилетие началось и завершилось внутренними смутами, устроенными по приказу китайских руководителей. Наступил столь всеохватывающий кризис, что Китай закрыл себя от остального мира, почти все дипломаты были отозваны в Пекин. Произошел полный пересмотр двух внутренних структур: во-первых, экономики, где в начале десятилетия произошел «большой скачок»; вторым стал общественный порядок с «культурной революцией» в конце десятилетия. Дипломатия оказалась в загоне, но война по-прежнему осталась в моде. Когда Мао Цзэдун усмотрел угрозу национальным интересам, Китай вновь вздыбился, несмотря на все внутренние проблемы, которые он сам себе сотворил, чтобы начать войну на самых отдаленных западных границах в негостеприимных Гималаях.

«Большой скачок»

Китайские лидеры чувствовали себя обязанными секретному докладу Хрущева, когда перед ними встал вопрос о политической законности в коммунистическом обществе, где не ставилась под сомнение божественная непогрешимость председателя партии. В течение нескольких месяцев после февраля 1956 года они, казалось, идут малым ходом к тому, чтобы сделать свое правление более прозрачным предположительно с целью избежать периодических шоков от чисток. Хвалебные обращения к Мао Цзэдуну убрали из устава компартии. Партия приняла резолюции, предупреждающие против «забегания вперед» в экономической области и предполагающие, что главная фаза «классовой борьбы» сейчас близится к завершению[267].

Однако такой прозаичный подход быстро столкнулся с видением Мао Цзэдуна перманентной революции. В течение нескольких месяцев Мао предложил другой путь к политическому очищению: коммунистическая партия Китая развернет дискуссию и критику своих методов, откроет интеллектуальную и художественную жизнь в Китае, чтобы «расцветали сто цветов и соперничали сто школ». Выдвигая новый призыв, Мао Цзэдун четко руководствовался соображением развернуть дебаты. Кампания «ста цветов» объяснялась двумя мотивами: либо действительно как искренний призыв к партии покончить со своей бюрократической изоляцией и выслушать напрямую мнение народа, либо как некая хитроумная ловушка, поставленная с целью заставить противников выговориться и тем самым выдать себя. Какими бы ни были настоящие причины, народная критика быстро вышла за рамки предполагаемых тактических корректировок и вылилась в критику коммунистической системы. Учащиеся создали «стену демократии» в Пекине. Критики выступали против злоупотреблений властью местными чиновниками и лишений, возникших из-за проведения экономической политики советского образца; некоторые сравнивали первое десятилетие коммунистической власти с гоминьдановским периодом, предшествовавшим ему, не в пользу первой[268].

Какими бы ни были первоначальные намерения, Мао Цзэдун никогда не терпел вызова своей власти в течение дол-

го го времени. Он резко изменил направление курса и оправдал это с точки зрения диалектического подхода. Движение «ста цветов» трансформировали в «кампанию борьбы с правыми», чтобы покончить с теми, кто неправильно истолковал пределы изначального приглашения к дискуссиям. Массовая чистка привела к арестам, отправке на перевоспитание или внутренней ссылке тысяч представителей интеллигенции. В конце этого процесса Мао вновь оказался бесспорным лидером, очистившим поле от критиков в его адрес. Он использовал свое превосходство для ускорения перманентной революции, превращая ее в «большой скачок».

Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран 1957 года услышало пророческий призыв Мао Цзэдуна относительно китайского экономического развития. В ответ на предсказание Хрущева о том, что Советский Союз обгонит Соединенные Штаты в экономическом плане через 15 лет, Мао выступил экспромтом, объявив, что Китай обгонит Великобританию по производству стали за этот же период[269].

Сообщение Мао вскоре приобрело статус директивы. Пятнадцатилетняя цель выплавки стали — несколько сокращенная впоследствии, в ряде спонтанных замечаний, доведенная до трех лет[270], — сопровождалась серией таких же амбициозных целей в сельском хозяйстве. Мао Цзэдун готовился к переводу перманентной революции в Китае в более активную фазу и хотел поставить китайский народ перед одним из самых глупейших вызовов, когда-либо перед ним стоявших.

Как и многие другие затеи Мао Цзэдуна, «большой скачок» объединял в себе некоторые аспекты экономической политики, идеологической экзальтированности и внешней политики. Для Мао это были не совсем ясные сферы деятельности, скорее это были взаимосвязанные составляющие большого проекта, называемого китайской революцией[271].

В его буквальном смысле «большой скачок» был нацелен на проведение широкомасштабных идей Мао Цзэдуна о промышленном и сельскохозяйственном развитии. Большая часть остававшейся частной собственности в Китае и индивидуального предпринимательства была уничтожена по мере преобразования страны в «народные коммуны», собравшие воедино

собственность, пищу, рабочую силу. Крестьян собрали в большие производственные бригады полувоенного образца для осуществления проектов массовых общественных работ, часто носящих временный характер.

Эти проекты имели как международную, так и внутреннюю подоплеку — особенно в связи с конфликтом с Москвой. Если «большой скачок» окажется удачным, это ударит по предписаниям Москвы о постепенном осуществлении преобразований и позволит со всем основанием перенести коммунистический идеологический центр в Китай. Когда Хрущев посетил Пекин в 1958 году, Мао Цзэдун подчеркивал — Китай построит полный коммунизм раньше Советского Союза, поскольку Советский Союз выбрал медленный, более забюрократизированный и менее вдохновляющий путь развития. Советское ухо резало столь шокирующее идеологическое инакомыслие.

Не один раз Мао Цзэдун ставил цели, так далеко отстоящие от реальной действительности, что даже китайский народ не чувствовал себя уверенным в возможности их достижения. Цели, выдвинутые во время «большого скачка» в плане производства, были чрезмерно завышенными, а перспектива быть зачисленным в число отступников или не добиться этих результатов была так ужасна, что заставляла местных кадровых работников фальсифицировать цифры и производственные показатели и докладывать в Пекин дутые итоговые данные. Принимая полученные данные за реальные, Пекин продолжал экспорт зерна в Советский Союз в обмен на тяжелую промышленность и вооружения. Катастрофа усложнилась еще и от того, что поставленные Мао Цзэдуном цели по производству стали выполнялись в буквальном смысле этого слова, из-за чего поощрялась плавка годных орудий труда в качестве металлолома, лишь бы выполнить требуемые показатели. И все же законы природы и экономики нельзя отменить, расчеты в период «большого скачка» были весьма примитивными. С 1959 по 1962 год Китай пережил такой жуткий голод, каких никогда не знала история человечества: голод привел к смерти 20 миллионов человек[272]. Мао Цзэдун вновь призвал китайский народ передвинуть горы, но на сей раз горы не сдвинулись с места.

Пограничный спор в Гималаях и китайско-индийская война 1962 года

К 1962 году, более чем через 10 лет после образования Китайской Народной Республики, Китай воевал против Соединенных Штатов в Корее и участвовал в двух военных столкновениях по поводу прибрежных островов Тайваня, где были задействованы и Соединенные Штаты. Власть Китая после повторной оккупации Синьцзяна и Тибета восстановилась в пределах исторических границ императорского Китая (за исключением Монголии и Тайваня). Голод, вызванный «большим скачком», только-только преодолели. Тем не менее Мао не побоялся еще одного военного конфликта, когда посчитал, что Индия бросает вызов китайскому определению понятия исторических границ.

Китайско-индийский пограничный кризис затронул два участка, расположенных высоко в Гималаях в районе не имеющего дорог и практически не заселенного плато среди неприступных гор между Тибетом и Индией. В основе конфликта встал вопрос толкования колониальной истории.

Китай претендовал на существовавшие в период империи границы в районе южного подножия Гималайских гор, включающего то, что Китай называл Южным Тибетом и чем Индия управляла как штатом Аруначал Прадеш. Такое понимание проблемы в Индии было сравнительно новым. Оно возникло вследствие предпринимавшихся Великобританией усилий по демаркации разделительной линии с Российской империей, продвигавшейся в направлении Тибета. Последним относящимся к делу документом являлся подписанный Великобританией и Тибетом в 1914 году документ, устанавливавший границу в восточном секторе по линии, названной линией Мак-Магона по имени главы британской делегации.

История отношений Китая с Тибетом исчислялась столетиями. Монголы завоевали и Тибет, и центральные сельскохозяйственные части Китая во время одной и той же волны завоеваний в XIII веке, тесно объединив их в политической связке. Позже Цинская династия регулярно вмешивалась в дела Тибета, когда изгоняла иные неханьские народы, осуществлявшие набеги на Тибет с севера и с запада. В итоге

Пекин установил нечто похожее на отношения сюзеренитета, контролируемого «императорскими представителями» в Лхасе. Пекин, начиная с Цинской династии, рассматривал Тибет как часть Поднебесной, управляемой китайским императором, и оставлял за собой право выдворять незваных чужеземцев. Однако расстояние и тибетская кочевая культура делали невозможным полную китаизацию, благодаря чему тибетцы пользовались существенной автономией в своей повседневной жизни.

К завершению Цинской династии в 1912 году в результате значительного ослабления китайского правления присутствие китайской власти в Тибете сократилось. Сразу же после падения династии английские власти в Индии созвали конференцию в горном поселке Симла с участием китайских и тибетских представителей с целью демаркации границы между Индией и Тибетом. Китайское правительство, не имея эффективных сил, чтобы возражать против такого развития событий, выступило против принципа уступки любой территории, на которую Китай исторически имел притязания. Отношение Пекина к конференции нашло свое отражение в высказываниях его представителя в Калькутте — резиденции британской администрации в Индии — Лу Синчжи: «Наша страна в настоящее время ослаблена, у нас запутанные и сложные внешние сношения, мы находимся в затруднительном положении, наши финансы расстроены. Но тем не менее Тибет чрезвычайно важен для обеих провинций [юго-западные провинции Китая Сычуань и Юньнань], и мы должны оказать максимальное воздействие на работу этой конференции»[273].

Китайский представитель на конференции решил вопрос по-своему, парафировав, но не подписав итоговый документ. Тибетский и британский представители подписали его. В дипломатической практике парафирование утверждает текст документа. Это означает завершение переговоров. Подписание документа вводит его в силу. Китай придерживался той точки зрения, что тибетские представители не имели юридических полномочий для подписания соглашения о границе, поскольку Тибет являлся частью Китая и не обладал суверенитетом. Он отказался признавать законность индийской администрации территории, находящейся южнее линии Мак-Магона,

хотя изначально не делалось никаких открытых попыток оспорить это.

В западном секторе спорная территория известна как Аксайчин. Район практически недоступен со стороны Индии, именно по этой причине Индия только через несколько месяцев, в 1955 году, узнала, что Китай строит дорогу через него, планируя таким образом связать Синьцзян с Тибетом. Историческое происхождение района не совсем ясно. Англия обозначала его практически на всех официальных картах, хотя, по-видимому, никогда не управляла им. Когда Индия провозгласила свою независимость от Великобритании, она не заявляла об отказе от британских территориальных претензий. Они включали Аксайчин, а также демаркационную линию, проведенную Мак-Магоном, во все карты.

Обе демаркационные линии имели стратегические последствия. В 1950-е годы существовал определенный баланс между позициями двух сторон. Китай рассматривал линию Мак-Магона как символ британских планов ослабить контроль Китая над Тибетом или, возможно, доминировать в нем. Индийский премьер-министр Джавахарлал Неру говорил о культурном и духовном интересе к Тибету, основанном на исторических связях между классической буддийской культурой Индии и тибетским буддизмом. Но он был готов признать китайский суверенитет над Тибетом при условии сохранения за ним широкой автономии. Проводя такую политику, Неру отказался поддержать просьбы поставить вопрос о политическом статусе Тибета на сессии ООН.

Но когда Далай-лама в 1959 году бежал и получил убежище в Индии, Китай стал рассматривать вопрос о демаркационных линиях все больше в стратегических терминах. Чжоу Эньлай предложил сделку в виде обмена китайских претензий на восточную часть линии на индийские претензии на западе, другими словами, признавалась линия Мак-Магона как основа для переговоров в обмен на признание китайских притязаний на Аксайчин.

Почти все страны, сбросившие колониальное иго, настаивали на сохранении границ, в которых они получили независимость. Делать их предметом переговоров означало вести бесконечные споры и испытывать давление внутри страны.

Действуя по принципу, что его избрали не для того, чтобы уступать в переговорах свои территории, которые он рассматривал как бесспорно индийские, Неру отверг китайское предложение, просто не ответив на него.

В 1961 году Индия приняла то, что она назвала «политикой продвижения вперед». Чтобы не создавалось впечатления, будто ее не интересуют спорные территории, Индия выдвинула погранпосты вперед, близко к китайским погранпостам, ранее расставленным вдоль существующей линии демаркации. Индийские командиры получили команду стрелять по китайским войскам, находящимся напротив них, исходя из предположения, что китайцы вторглись на индийскую территорию. Эта политика получила подкрепление после первых столкновений в 1959 году, когда Мао, стремясь избежать кризиса, приказал китайским войскам отступить примерно на 20 километров. Индийские политики пришли к выводу, что китайские войска не будут оказывать сопротивление продвижению вперед со стороны Индии, они как бы предпочтут использовать это как предлог для выхода из прямого соприкосновения. Индийские войска получили приказ, судя по официальной индийской версии истории войны, «вести патрулирование, выйдя как можно дальше на передовые рубежи от ныне занимаемых нами [Индией] позиций в направлении международной границы, признаваемой нами... и не допустить продвижения вперед китайцев, а также доминирования их погранпостов, ранее размещенных на нашей территории»[274].

Но расчеты оказались ошибочными. Мао сразу же отменил приказ об отступлении, по-прежнему проявляя осторожность, о чем сказал на заседании Центрального военного совета в Пекине: «Недостаточная сдержанность в мелких делах может помешать крупным планам. Нам следует обратить внимание на данную ситуацию»[275]. Это еще не стало приказом к военному столкновению, больше походя на некое подобие сигнала тревоги и выработки стратегического плана. Тут на ум приходит знакомый для китайцев образ действий при принятии стратегических решений: тщательный анализ, хорошая подготовка, внимание к психологическим и политическим факторам, стремление к внезапности и быстрое принятие решения.

На заседаниях Центрального военного совета и встречах с высшими руководителями Мао прокомментировал проводимую Неру «политику продвижения вперед» в одном из своих остроумных изречений: «Спящего в удобной постели человека не так легко разбудить храпом кого-то по соседству»[276]. Другими словами, китайские войска в Гималаях вели себя слишком пассивно в ответ на индийскую «политику продвижения вперед», проводившуюся в китайском понимании на китайской территории. (В этом, конечно, и состояла суть спора: каждая сторона заявляла, что противник осмелился действовать на ее земле.)

Центральный военный совет отдал приказ прекратить отход китайских войск, объявив, что в ответ на любой новый индийский погранпост вокруг него будут построены китайские блокпосты. Мао так подвел итог: «Вы махнете ружьем, и я махну ружьем. Мы будем стоять лицом к лицу, и каждый будет демонстрировать свою смелость». Мао определил данную политику как «вооруженное сосуществование»[277]. По сути, в Гималаях началась игра в облавные шашки «вэйци».

Войска получили четкие инструкции. Цель оставалась прежней — избегать крупного конфликта. Китайским войскам не разрешалось стрелять до тех пор, пока индийские войска не подойдут ближе чем на 50 метров к китайским позициям. Кроме того, военные действия могли начаться только после приказа вышестоящего командования.

Индийские составители планов отмечали: Китай прекратил отвод войск, но также соблюдал сдержанность в открытии огня. Они пришли к выводу, что еще одна попытка может достичь цели. Индия хотела не столько оспорить пустующие земли, сколько «выдворить китайские посты с занятых ими земель»[278].

Поскольку обе задачи объявленной Китаем политики — не допустить дальнейшего индийского продвижения и избегать кровопролития — не были решены, китайские руководители начали рассматривать возможность нанесения неожиданного удара, рассчитывая принудить Индию сесть за стол переговоров и закончить это перетягивание каната.

При решении поставленной задачи китайские лидеры испытывали некую озабоченность. Во-первых, Соединенные

Штаты могли использовать надвигающийся китайско-индийский конфликт для натравливания Тайваня против материка. Другой повод для беспокойства давало стремление американской дипломатии блокировать усилия Ханоя по превращению Лаоса в базу войны во Вьетнаме, что рассматривалось как предвестник неизбежного американского нападения на южный Китай через Лаос. Китайские руководители все же исходили из того, что Америка вряд ли захочет пойти на такой же шаг, как в Индокитае (даже тогда, до начала крупной эскалации), ради стратегических ставок местного значения.

Китайским лидерам удалось получить подтверждения по обоим пунктам в процессе, демонстрирующем комплексный характер планирования китайской политики. На варшавских переговорах определялись американские намерения в Тайваньском проливе. Китайского посла на этих переговорах отозвали из отпуска и дали инструкции просить американцев о встрече. На ней он заявил, что Пекин заметил приготовления на Тайване к высадке на материк. Американский посол, ничего не слышавший о каких-то приготовлениях, поскольку странно слышать о том, чего на самом деле нет, получил указание ответить, что Соединенные Штаты желают мира и «в нынешней обстановке» не поддержат гоминьдановское наступление. Китайский посол на этих переговорах, Ван Биннань, отмечал в своих мемуарах, что эта информация сыграла «очень большую роль» в принятии Пекином окончательного решения продолжить операцию в Гималаях[279]. Нет свидетельств того, что правительство Соединенных Штатов задавалось вопросом о том, что, собственно, заставило китайцев просить о специальной встрече. В этом заключается отличие узкого подхода от широкого в разработке политического курса.

Лаосская проблема разрешилась сама собой. На Женевской конференции 1962 года все китайские озабоченности были сняты с превращением Лаоса в нейтральное государство и выводом из него американских войск.

Имея в руках такие козыри, Мао в начале октября 1962 года собрал китайских руководителей для объявления окончательного решения, которым стала война:

«Мы воевали со стариной Чаном [Кайши]. Мы воевали с Японией и с Америкой. И никого из них мы не испугались. И

в каждом случае мы победили. А сейчас индийцы хотят войны с нами. Мы, естественно, их не боимся. Мы не можем отдать нашу землю. Если мы отдадим однажды наши земли, это будет равнозначно тому, что мы позволим им захватить территорию, аналогичную по площади провинции Фуцзянь. ...Так как Неру высовывает голову и хочет, чтобы мы с ним воевали, с нашей стороны будет недружелюбно, если мы не вступим с ним в войну. На вежливость надо отвечать вежливостью»[280].

6 октября 1962 года решение в принципе было принято. Стратегический план включал массированную атаку, призванную вызвать шок, результатом чего станут переговоры или по крайней мере прекратятся индийские военные прощупывания на ближайшее будущее.

До принятия окончательного решения относительно проведения наступления от Хрущева было получено заверение в том, что в случае войны Советский Союз поддержит Китай по условиям Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года. Это решение выходило за рамки сложившихся на протяжении предыдущих лет советско-китайских отношений и нейтралитета, которого до того придерживался Кремль по вопросу об отношениях Индии с Китаем. Скорее всего Хрущев, понимая неизбежность столкновения по поводу размещения ядерного оружия на Кубе, хотел заручиться китайской поддержкой в Карибском кризисе[281]. Он никогда не возвращался к своему предложению, как только кубинский кризис прекратился.

Китайская атака произошла в две стадии: вступительная фаза, начавшаяся 20 октября и продолжавшаяся 4 дня, за которой последовал массированный штурм в середине ноября, когда войска достигли подножия Гималайских гор вблизи от традиционной демаркационной линии. В этом месте НОАК остановилась и вернулась на свои стартовые позиции далеко за линией, на которую претендовал Китай. Спорная территория остается спорной до сего дня, но ни одна из сторон не пыталась подкрепить свои претензии за пределами существующей линии контроля.

Китайская стратегия напоминала ту, которую использовали во время кризиса с прибрежными островами. Китай не захватил никакой территории в ходе китайско-индийской

войны 1962 года, хотя продолжал претендовать на территории южнее линии Мак-Магона. Это было, возможно, отражением политического решения или признанием реальностей, связанных со сложностями тылового обеспечения. Захваченный восточный сектор территории мог удерживаться только при наличии серьезным образом подготовленных путей снабжения через слабо доступную местность.

В конце войны Мао Цзэдун столкнулся — и в этом случае вышел победителем — с еще одним крупным кризисом, когда голод в Китае еще не совсем закончился. Произошел своего рода повтор американского опыта в Корейской войне: недооценка Китая его противником, неверные разведданные относительно китайских возможностей и в дополнение серьезные ошибки в рассуждениях о том, как Китай истолкует окружение с точки зрения собственной безопасности и как он прореагирует на военные угрозы.

В то же самое время война 1962 года добавила еще одного страшного противника для Китая в момент, когда отношения с Советским Союзом перешли точку, откуда возврата к прежним отношениям быть уже не могло. Советское предложение о поддержке оказалось таким же скоротечным, как и советское ядерное присутствие на Кубе.

По мере эскалации военных столкновений в Гималаях Москва заняла позицию нейтралитета. Хрущев, сыпля соль на раны китайцев, оправдывал нейтралитет предложением, с каким он продвигал свой ненавистный принцип мирного сосуществования. В передовой статье «Жэньминь жибао» за декабрь 1962 года, официальном органе коммунистической партии Китая, сердито говорилось, что впервые коммунистическая страна не поддержала другую коммунистическую страну против «буржуазной» страны: «Минимальным требованием к коммунисту является необходимость четко определиться в своей позиции между врагом и нами, он должен быть безжалостным к противнику и добрым к нашим товарищам»[282]. В передовой также содержалось нечто похожее на печальный призыв к союзникам Китая «проверить свою совесть и спросить себя, что случилось с нашим марксизмом-ленинизмом и что случилось с нашим пролетарским интернационализмом»[283].

В 1964 году Советы перестали даже делать вид, будто сохраняют нейтралитет. Говоря о кубинском ракетном кризисе, Михаил Андреевич Суслов, член Политбюро КПСС и партийный идеолог, выдвинул обвинение в развязывании Китаем агрессии против Индии в момент самых больших трудностей для Советского Союза:

«Факт состоит в том, что в разгар Карибского кризиса Китайская Народная Республика развернула вооруженный конфликт на китайско-индийской границе. Как бы ни старались китайские руководители с тех пор оправдывать свое поведение в то время, они не могут избежать ответственности за то, что своими действиями они фактически помогли реакционным кругам империализма»[284].

Только что преодолевший небывалый голод Китай назвал всех своих врагов на всех фронтах.

«Культурная революция»

И тут, в момент потенциальной чрезвычайной ситуации для страны, Мао Цзэдун предпочел сломать китайскую государственность и коммунистическую партию. Он развернул кампанию, призванную, по его мнению, стать окончательным ударом по остаткам традиционной китайской культуры, на обломках которой, как он пророчествовал, вырастет новое идеологически чистое поколение, лучше вооруженное для защиты дела революции от внутренних и внешних врагов. Он толкнул Китай в десятилетие идеологического безумия, жестокой фракционной политической жизни и почти гражданской войны, известной как «Великая пролетарская культурная революция».

Ни один из государственных институтов не избежал шедших волна за волной потрясений. По всей стране местные правительства были распущены в ходе насильственных стычек с «массами», чего требовала пропагандистская машина Пекина. Заслуженные руководители коммунистической партии и Народно-освободительной армии Китая, включая лидеров революционных войн, попали в чистку и подверглись публичным унижениям. Образовательную систему Китая — до того

являвшуюся основой китайского общественного порядка — довели до развала, занятия на неопределенное время прекратились, дав возможность молодому поколению передвигаться по стране и следовать призыву Мао «учиться революции, делая революцию»[285].

Многие из числа этой ничем не сдерживаемой молодежи вступали в группировки хунвэйбинов, или «красных охранников», молодежного «народного ополчения», были охвачены идеологической лихорадкой, действовали вне закона и не подчинялись, а зачастую выступали открыто против обычных госструктур. Мао Цзэдун одобрял их усилия при помощи несколько туманных, но подстрекательских лозунгов типа «Бунт — дело правое» и «Огонь по штабам»[286]. Он поддерживал их яростные нападки на существовавший бюрократический аппарат компартии и традиционные общественные нормы, поощрял их не бояться «беспорядков», поскольку они вели борьбу за уничтожение страшных «четырех старых зол» — старых идей, старой культуры, старых традиций и старых привычек, — того, что, по мнению маоистов, делало Китай слабым[287]. «Жэньминь жибао» раздула пламя, опубликовав передовицу под названием «Похвала беззаконию» — открытое, поддержанное на правительственном уровне неприятие тысячелетних традиций гармонии и порядка в Китае[288].

Результатом стало потрясающее смертоубийство как людей, так и учреждений, поскольку органы власти и управления в Китае один за другим — включая высшие органы компартии — пали под ударами идеологической шокотерапии отрядов подростков. В Китае — доселе известном как уважающая знания и эрудицию цивилизация — все встало с ног на голову: дети шли против родителей, ученики издевались над учителями и жгли книги, а профессионалы и высокопоставленные чиновники отправлялись в деревню и на заводы изучать революционную практику у безграмотных крестьян. Сцены жестокости разворачивались по всей стране, когда хунвэйбины и примкнувшие к ним граждане — некоторые выбирали группировку просто наугад, стремясь выжить в той штормовой ситуации, — обращали свою ярость на любую цель, которая могла нести в себе возврат к старому «феодальному» порядку в Китае.

То, что некоторые из этих целей являлись лицами, умершими столетия назад, не снижало ярости словесных и физических нападок. Революционные учащиеся и учителя из Пекина добрались до деревни, где родился Конфуций, клянясь покончить с влиянием старого мудреца на китайское общество раз и навсегда, сжигая книги, разбивая памятные таблички и раскапывая могилы Конфуция и его потомков. В Пекине хунвэйбины уничтожили 4922 из 6843 обозначенных «культурных или исторических достопримечательностей». Сам Запретный город, как утверждают, удалось спасти только благодаря личному вмешательству Чжоу Эньлая[289].

Общество, традиционно управлявшееся избранной элитой образованных конфуцианцев, теперь смотрело на необразованных крестьян как на источник мудрости. Университеты закрывались. Любой, кого называли «специалистом», находился под подозрением; профессионализм и компетентность провозгласили опасными буржуазными принципами.

Дипломатия Китая оказалась разваленной. Мир рассматривался как нечто находящееся за пределами понимания для Китая, злившегося в бессильной ярости на советский блок, западные державы, на собственную историю и культуру. Китайские дипломаты и представители административной службы за рубежом шокировали граждан стран своего пребывания призывами к революции и лекциями об «идеях Мао Цзэдуна». В сценах, напоминающих «боксерское восстание» 70 лет назад, толпы хунвэйбинов нападали на иностранные посольства в Пекине, в частности разграбили британскую миссию, поколотив и поиздевавшись над разбегавшимся составом посольства. Когда английский министр иностранных дел написал министру иностранных дел маршалу Чэнь И, предложив, чтобы Великобритания и Китай, «сохраняя дипломатические отношения... отозвали бы свои миссии и личный состав из своих столиц на неопределенное время», ответом ему стало молчание: против самого министра иностранных дел повели «борьбу», и он не мог дать ответ[290]. В конечном счете все китайские послы, за исключением одного — способного и идеологически безупречного Хуан Хуа в Каире, — и примерно две трети состава посольств были отозваны на родину для перевоспитания в деревне или участия в революционной деятель-

ности[291]. Китай в тот период оказался втянутым в активные дискуссии с правительствами нескольких десятков стран. У него сложились хорошие отношения только с одной страной — Народной Республикой Албанией.

Символом для «культурной революции» стала «маленькая красная книжица» цитат Мао, составленных в 1964 году Линь Бяо, позднее определенного в преемники Мао и убитого во время побега из страны в странной авиакатастрофе, якобы после попытки переворота. От всех китайцев требовалось иметь при себе экземпляр «цитатника Мао Цзэдуна». Хунвэйбины, размахивая копиями книжек, осуществляли захват общественных зданий по всему Китаю по указанию — или по крайней мере с благословения — Пекина, угрожая применением силы провинциальной бюрократии.

Но хунвэйбины, как и кадровые работники, которых они должны были бы подвергнуть чистке, не были больше неприкосновенны перед направленными против них самих революциями. Связанные больше идеологией, чем плановыми занятиями, хунвэйбины превратились во фракции, преследующие собственные идеологические и личные предпочтения. Конфликт между ними нарастал с таким напряжением, что к 1968 году Мао Цзэдун официально распустил хунвэйбинов и назначил лояльных партийных и военных руководителей во главе восстановленных провинциальных правительств.

Была объявлена новая политика «направления в деревню» поколения молодежи страны для учебы у крестьян в отдаленных частях. К этому времени военные оставались последней крупной китайской инстанцией, чье командование и структура сохранялись без изменений, и они взяли на себя роль, далеко выходящую за пределы их обычной компетенции. Военные управляли перепотрошенными министерствами, занимались сельским хозяйством на полях, управляли фабриками — все в дополнение к своим основным обязанностям по защите страны от нападения.

В результате «культурной революции» сразу же сложилась катастрофическая ситуация. После смерти Мао Цзэдуна второму и третьему поколениям руководителей — почти все из них становились жертвами в тот или иной период — выносились осуждающие оценки. Дэн Сяопин, главный руководитель

Китая с 1979 по 1991 год, утверждал, что «культурная революция» практически уничтожила коммунистическую партию как организацию и поколебала к ней доверие, по крайней мере на какое-то время[292].

В последние годы, когда память очевидцев несколько ослабла, в Китае постепенно начали проявляться другие оценки. Колоссальный вред, нанесенный «культурной революцией», признается, но некоторые задавались вопросом: а может быть, Мао Цзэдун все же затронул важную тему, даже если его эксперимент оказался катастрофическим? Проблема, которую, как говорят, Мао обозначил, касалась взаимоотношений современного государства — особенно коммунистического государства — с народом, которым оно правит. В преимущественно аграрных — и даже с зачатками промышленности — обществах власти инициируют проблемы, которые обычное население, как правило, в состоянии понимать. Конечно, в аристократических обществах соответствующего населения не очень много. Но как бы ни обстояло дело с официальной законностью власти, необходим некий хотя бы минимальный консенсус с теми, кто должен выполнять указания, если не хочет полностью навязать власть, чего обычно не бывает на протяжении отдельного исторического периода.

Вызов современного периода состоит в следующем: вопросы стали настолько сложными, что не поддаются воздействию юридической системы. Политическая система выдвигает директивы, однако их исполнение возложено в большей степени на бюрократический аппарат, отделенный как от политических процессов, так и от общественности, контроль со стороны которой заключается только в периодически проводимых выборах, если таковые вообще проводятся. Даже в Соединенных Штатах крупные законодательные акты часто состоят из тысяч страниц, которые, мягко говоря, прочитали в деталях всего несколько законодателей. А особенно в коммунистических государствах бюрократический аппарат работает в саморегулируемых подразделениях, имеющих собственные правила для проведения процедур, которые часто они же сами для себя и вырабатывают. Раскол возникает между политическим и бюрократическим классами, а также между ними двумя и широкой общественностью. В таком случае в самой

бюрократической среде возникает риск появления нового класса мандаринов. Попытка Мао Цзэдуна разрешить означенную проблему при помощи одного мощного удара почти полностью развалила китайское общество. В недавно опубликованной книге китайского ученого и советника правительства Ху Аньгана утверждается, что «культурная революция», закончившись провалом, заложила фундамент для реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х и в 1980-х годах. Ху Аньган предлагает использовать «культурную революцию» в качестве предмета для ситуационного анализа путей, где «системы принятия решений» в существующей в Китае политической системе могут стать «более демократическими, научными и официально оформленными»[293].

Была ли здесь упущенная возможность?

Глядя в прошлое, задаешься вопросами: могли ли Соединенные Штаты начать диалог с Китаем десятью годами раньше, чем это произошло в реальности? Стала ли охватившая Китай смута отправной точкой для серьезного диалога? Другими словами, неужели 1960-е годы являются временем упущенных возможностей для установления добрых китайско-американских отношений? Могло ли открытие Китая состояться раньше?

По правде говоря, значительное препятствие на пути более творческого подхода в американской внешней политике представляла концепция Мао Цзэдуна о перманентной революции. На данной стадии Мао переполняла решимость не допустить никакой передышки. Попытки примирения с самым главным капиталистическим противником не могли прийти в голову, пока кровавая вражда с Москвой концентрировалась на яростном отказе от принятия хрущевской приверженности мирному сосуществованию.

С американской стороны делались некоторые предварительные поиски путей более гибкого восприятия Китая. В октябре 1957 года сенатор Джон Ф. Кеннеди опубликовал статью в журнале «Форин афеарз», где он рассуждал по поводу «появления нескольких центров влияния в рамках советской

орбиты» и называл американскую политику в Азии «возможно, слишком жесткой». Он заявлял, что Америке следует, продолжая политику непризнания Китайской Народной Республики, приготовиться по мере развития обстановки пересмотреть «непрочную концепцию относительно негибкого тоталитаризма в Китае». Он советовал «быть очень осторожными, чтобы не натянуть смирительную рубашку на нашу политику из-за незнания или неумения определить изменение объективной обстановки, когда оно происходит»[294].

Кеннеди весьма тонко прочувствовал нужный момент, но к тому времени, когда он станет президентом, в диалектике Мао Цзэдуна произойдет поворот в совершенно противоположном направлении: в направлении *большей*, а отнюдь не меньшей враждебности, в направлении все более жесткого уничтожения внутренних противников и решительной ломки государственной машины, а не умеренных реформ.

За годы после опубликования статьи Кеннеди Мао Цзэдун провел кампании против правых в 1957 году, организовал второй кризис в Тайваньском проливе в 1958 году (охарактеризовав его как попытку «преподать американцам урок»[295]) и «большой скачок». Когда Кеннеди стал президентом, Китай предпринял военное нападение в пограничном конфликте с Индией, со страной, рассматриваемой администрацией Кеннеди как предлагающую альтернативу коммунизму. Не поступало ни одного знака примирения и не было никаких перемен, к которым Кеннеди предложил бы американцам прислушаться или присмотреться.

Администрация Кеннеди действительно предлагала гуманитарную помощь, желая хоть как-то смягчить тяжелое положение в сельском хозяйстве Китая во время голода, вызванного «большим скачком». Это предложение, озвученное как «продовольствие в обмен на мир», требовало, однако, от Китая специального обращения с признанием в «серьезном ожидании» помощи. Принцип опоры на собственные силы, исповедуемый Мао Цзэдуном, не допускал никакого признания зависимости от иностранной помощи. Как ответил китайский представитель на переговорах на уровне послов в Варшаве, Китай «преодолевает свои трудности собственными силами»[296].

В последние годы пребывания на посту президента Линдона Джонсона высшие официальные лица его аппарата и в конечном счете сам президент стали рассматривать возможность движения к менее конфронтационному курсу. В 1966 году Государственный департамент передал указания делегации занять на переговорах в Варшаве более обходительный подход на уровне послов и разрешил проводить неофициальные встречи вне рамок переговоров. В марте 1966 года американский представитель на переговорах протянул оливковую ветвь, заявив: «Правительство Соединенных Штатов желает и в дальнейшем развивать отношения с Китайской Народной Республикой». Впервые американское официальное лицо, будучи в своем официальном качестве, употребило официальное название Китая после 1949 года.

В конце концов, сам Джонсон в речи о политике в Азии в июле 1966 года выдвинул мирный вариант. По его словам, «прочный мир не наступит в Азии до тех пор, пока материковый Китай с его 700-миллионным населением остается изолированным от остального мира по вине своих правителей». Обещая и впредь оказывать сопротивление китайской «политике агрессии, проводимой через их марионеток» в Юго-Восточной Азии, он с надеждой смотрел вперед, ожидая наступления эры «мирного сотрудничества» и «примирения между народами, сейчас называющих друг друга врагами»[297].

Эти мнения высказывались как абстрактные мысли в надежде на какие-то неопределенные изменения в китайских подходах. Никаких практических выводов не последовало. Их и не могло быть. Указанные заявления с почти стопроцентной точностью совпали с началом «культурной революции», когда Китай был отброшен назад в состояние открытой враждебности[298].

Предпринимавшиеся Китаем действия в течение этого периода отнюдь не способствовали, а может, даже, напротив, преследовали цель отклонить любые жесты примирения со стороны Соединенных Штатов. Вашингтон со своей стороны демонстрировал значительное тактическое умение отбить военные вызовы, как это происходило во время двух кризисов в Тайваньском проливе, но показал гораздо меньше вообра-

жения при формировании внешней политики в неустойчивой и постоянно изменяющейся политической обстановке.

В «Оценках американской национальной разведки» за 1960 год высказана ниже приведенная характеристика, позволившая сделать такой вывод:

«Основные положения внешней политики коммунистического Китая — установить китайскую гегемонию на Дальнем Востоке — ни в коем случае существенно не изменятся в оцениваемый период. Режим по-прежнему останется воинственно антиамериканским и постоянно будет ударять по национальным интересам США где бы то ни было и когда бы то ни было для него возможным без какого-либо существенного ущерба для себя. ...Его заносчивость и самонадеянность, революционная горячность и искаженный взгляд на мир могут привести Пекин к неправильной оценке рисков»[299].

В пользу этой точки зрения существует достаточно много доказательств. Но в анализах не давался ответ на вопрос, при каких обстоятельствах Китай, возможно, смог бы добиться поставленных им широкомасштабных целей. Разрушенный катастрофическими последствиями «большого скачка» Китай 1960-х годов был истощен. К 1966 году была предпринята «культурная революция», которая фактически означала уход с мировой арены большинства китайских дипломатов, отозванных в Пекин, откуда многих из них отправили на перевоспитание. Какие последствия это несло для американской внешней политики? Можно ли было при этом говорить о едином азиатском блоке? Оставалась ли в силе главная предпосылка американской политики в Индокитае об угрожавшем миру заговоре со стороны Москвы и Пекина? У занятых Вьетнамом и своими внутренними беспорядками Соединенных Штатов имелось мало возможностей для ответа на эти вопросы.

Причиной одностороннего американского подхода до какой-то степени являлось то, что в 1950-е годы многие из ведущих экспертов по Китаю ушли из государственного департамента во время различных расследований того, кто «потерял» Китай. В результате поистине необычная группа советологов — в нее входили Джордж Кеннан, Чарлз «Чип» Болен,

Ллевлин Томпсон и Фой Колер — доминировала в Государственном департаменте, не имея никого в качестве противовеса, и они были убеждены: установление нормальных отношений с Китаем чревато войной с Советским Союзом.

Но даже если бы были заданы нужные вопросы, кто проверил бы правильность ответов на них? Некоторые китайские политические деятели требовали от Мао Цзэдуна привести свою политику в соответствие с новыми условиями. В феврале 1962 года Ван Цзясян, заведующий отделом международных отношений ЦК КПК, направил памятную записку Чжоу Эньлаю, где говорилось, что мирное международное окружение гораздо эффективнее помогло бы Китаю в строительстве мощного социалистического государства и растущей более быстрыми темпами экономики, чем занятая ныне позиция конфронтации на всех направлениях[300].

Мао Цзэдун не хотел ничего слышать об этом, заявляя:

«В нашей партии есть некоторые, кто выступает за «три умеренности и одно сокращение». Они говорят, что нам следует быть более умеренными по отношению к империалистам, более умеренными по отношению к реакционерам и более умеренными по отношению к ревизионистам, при этом нам следует сократить поддержку борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки. Это ревизионистский подход»[301].

Мао Цзэдун настаивал на проведении политики вызова всем потенциальным противникам одновременно. Он считал, что «Китаю необходимо бороться против империалистов, ревизионистов и реакционеров всех стран» и что «больше помощи должно быть оказано антиимпериалистическим, революционным и марксистско-ленинским политическим партиям и фракциям»[302].

Но в конечном счете к концу 1960-х годов даже Мао Цзэдун стал признавать, что потенциальных угроз Китаю становится все больше и больше. На протяженных границах Китай столкнулся с потенциальным противником в лице Советского Союза. Врагом стала подвергшаяся унижению Индия. Опасность представляли масштабное присутствие США и эскалация войны во Вьетнаме. Имели место проблемы из-за самопровозглашенного правительства в изгнании в Тайбэе и тибетского анклава в северной Индии. Историческим против-

ником являлась Япония, а на другой стороне Тихого океана находилась Америка, рассматривавшая Китай как непримиримого врага. Только соперничество между этими странами не позволяло получить еще одну огромную проблему. Ни один осторожный политик не мог бы все время заявлять, что такая сдержанность продлится долго, особенно с учетом того, что Советский Союз, по-видимому, решил положить конец нарастающим проблемам со стороны Пекина. Председателю скоро потребуется доказать, что он знает, как и когда быть и осторожным, и смелым.

Глава 8

ПУТЬ К ПРИМИРЕНИЮ

К тому времени, когда маловероятная пара в лице Ричарда Никсона и Мао Цзэдуна решила двинуться в направлении друг к другу, обе их страны находились на пике потрясений. Китай оказался почти полностью охваченным «культурной революцией», а политический консенсус в Америке находился под угрозой из-за растущего движения протестов против вьетнамской войны. Перед Китаем маячила угроза войны на всех его границах — особенно на северных границах, где уже стали происходить конкретные столкновения между советскими и китайскими войсками. Никсон унаследовал войну во Вьетнаме и требования внутри страны прекратить ее. Он вошел в Белый дом в конце десятилетия, отмеченного убийствами и расовыми конфликтами.

Мао Цзэдун пытался решать проблемы с угрозами Китаю, обратившись к классической китайской стратагеме: натравливать варваров друг на друга и заручаться поддержкой дальних врагов против ближних. Никсон, верный ценностям своего общества, прибег к принципам В. Вильсона, предложив пригласить Китай вновь присоединиться к сообществу наций. «Мы просто не в состоянии позволить себе, — писал он в статье в журнале «Форин афэарз» в октябре 1967 года, — чтобы Китай навсегда оставался вне семьи наций, живя со своими фантазиями, культивируя ненависть и угрожая соседям. На

этой маленькой планете просто нет места, где бы миллиард потенциально самых способных людей жил в сердитой изоляции»[303].

Никсон пошел дальше призыва к дипломатическому урегулированию, обратившись с предложением о примирении. Он связал дипломатическую проблему с проблемой социальной реформы в центральных американских городах: «В каждом случае мы начинали диалог, в каждом случае следовало сдерживать агрессивные действия, продолжая образовательный процесс, и, главное, ни в том ни в другом случае мы не можем позволить ушедшим в самоизоляцию от общества остаться в изоляции навсегда»[304].

Необходимость может дать стимул для проведения той или иной политики, однако она не предопределяет автоматически средства достижения цели. И Мао Цзэдун, и Никсон столкнулись с огромными препятствиями в завязывании диалога, не говоря уже о примирении между Соединенными Штатами и Китаем. Их страны на протяжении 20 лет рассматривали друг друга как непримиримых врагов. Китай относил Америку к разряду «капиталистических-империалистических» стран: в марксистской терминологии империализм — это высшая стадия развития капитализма, который, согласно этой теории, мог решать свои «противоречия» только при помощи войны. Конфликт с Соединенными Штатами казался неизбежным, не исключалась возможность войны.

Американцы также негативно представляли себе китайцев. По-видимому, десятилетие военных конфликтов и близких к ним событий подкрепляло убежденность Америки в том, что Китай, действуя в интересах мировой революции, преисполнен решимости вытеснить США из западной части Тихого океана. Американцам Мао Цзэдун казался даже более неприемлемым, чем советские руководители.

Учитывая сложившиеся стереотипы, Мао Цзэдуну и Никсону следовало действовать весьма осторожно. Первые шаги уже могли вызвать раздражение основных сторонников внутри страны и заставить понервничать союзные страны. Для Мао в разгар «культурной революции» это представлялось особенно острой проблемой.

Китайская стратегия

Мало кто из наблюдателей в то время, начиная с 1965 года, обратил внимание на то, что Мао Цзэдун стал слегка менять свой тон в отношении Америки, а с учетом его поистине божественного статуса даже легкий нюанс имел огромное значение. Одним из любимейших инструментов Мао по доведению своих мыслей до Соединенных Штатов являлись интервью американскому журналисту Эдгару Сноу. Оба встречались на коммунистической базе в районе Яньань в 1930-е годы. Сноу изложил свой опыт в книге, названной «Красное Солнце над Китаем», где Мао Цзэдун предстает перед читателями в образе некоего романтического деревенского партизана.

В 1965 году, во время начала «культурной революции», Мао Цзэдун пригласил Сноу в Пекин и сделал ряд неожиданных высказываний — или они могли бы показаться неожиданными, если бы кто-нибудь в Вашингтоне обратил на них внимание. Мао заявил Сноу: «Естественно, я лично сожалею, что исторические силы разделили американский и китайский народы и между ними почти 15 лет не было никаких контактов. Сейчас пропасть выглядит даже еще шире, чем когда-либо. Однако я лично не верю, что все закончится войной и одной из крупнейших в мире трагедий»[305].

И это слова руководителя, десять с половиной лет заявлявшего о своей готовности к ядерной войне с Соединенными Штатами в столь живой манере, что напугал как Советский Союз, так и его европейских союзников и заставил их дистанцироваться от Китая! Однако, учитывая угрозу, исходившую от Советского Союза, Мао Цзэдун в то время был готов, как никто другой, рассмотреть возможность применения традиционного принципа сближения с дальним врагом, то есть Соединенными Штатами.

Во время интервью Сноу американская армия наращивала свои силы на границах с Китаем во Вьетнаме. Хотя проблему можно было сравнивать с той, с которой Мао Цзэдун столкнулся в Корее 15 лет назад, на сей раз он предпочел занять сдержанную позицию. Китай ограничился оказанием невоенной помощи, поставлял военную технику, оказывал мощную моральную поддержку, направил около 100 тысяч китайских

военнослужащих тылового обеспечения для работы в средствах связи и инфраструктуры в Северном Вьетнаме[306]. Мао дал понять Сноу, что Китай будет сражаться с США только в Китае, но не во Вьетнаме: «Мы не собираемся сами начинать войну; только когда Соединенные Штаты нападут, мы дадим сдачи. ...Как я уже сказал, будьте уверены, мы не нападем на Соединенные Штаты»[307].

Чтобы американцы не упустили этот момент, Мао повторил, что, если речь идет о Китае, вьетнамцы должны справляться сами со «своей ситуацией» собственными усилиями: «Китайцы были очень заняты внутренними проблемами. Воевать за пределами собственных границ противозаконно. Почему китайцы должны этим заниматься? Вьетнамцы смогут справиться с этой ситуацией сами»[308].

Мао Цзэдун продолжал рассуждать по поводу различных возможных вариантов исхода вьетнамской войны в манере ученого, анализирующего явления природы, а не как руководитель, имеющий дело с военным конфликтом у собственных границ. Контраст с реакцией Мао во время Корейской войны — когда он постоянно увязывал проблемы корейской и китайской безопасности — был налицо. Среди возможных вариантов результатов, которые, кажется, могли устроить Председателя, был вариант «проведения конференции, но войска Соединенных Штатов могли оставаться вокруг Сайгона, как в случае с Южной Кореей» — другими словами, продолжение сохранения двух Вьетнамов[309]. Любой американский президент, имевший дело с вьетнамской войной, пожелал бы добиться урегулирования с таким итогом.

Нет подтверждений тому, что это интервью Сноу было когда-нибудь предметом обсуждения на высоком политическом уровне в администрации Джонсона или что исторические трения между Китаем и Вьетнамом рассматривались соответствующим образом в какой-то администрации (включая администрацию Никсона), ведущей вьетнамскую войну. Вашингтон продолжал описывать Китай как угрозу, даже более опасную, чем Советский Союз. В 1965 году Макджордж Банди, занимавший тогда пост советника по вопросам национальной безопасности президента Джонсона, сделал заявление, типичное для американских взглядов о Китае в 1960-е годы: «Ком-

мунистический Китай — совершенно иная проблема по сравнению с [Советским Союзом], оба его взрыва [ссылка на первое испытание ядерного оружия в октябре 1964 года] и его агрессивное отношение к своим соседям делают его крупнейшей проблемой для всех миролюбивых людей»[310].

7 апреля 1965 года Джонсон оправдывал американское вторжение во Вьетнам преимущественно ссылками на необходимость дать отпор объединенным планам Пекина и Ханоя: «У этой войны — и во всей Азии — есть другая реальность: все более нарастающая тень коммунистического Китая. Правителей в Ханое подстрекают из Пекина. ...Бои во Вьетнаме — часть более широкого плана достижения агрессивных целей»[311]. Государственный секретарь Дин Раск повторял те же соображения перед Комиссией по иностранным делам палаты представителей годом позже[312].

Мао фактически рассказал Сноу о своем отказе от традиционной коммунистической доктрины перманентной революции: «Там, где происходит революция, мы публикуем заявления, проводим митинги в ее поддержку. Именно это не приемлют империалисты. Мы предпочитаем говорить пустые слова и стрелять холостыми патронами, но мы не посылаем наши войска»[313].

Изучая высказывания Мао, сделанные им в прошлом, задаешься вопросом: неужели их принимали действительно всерьез и на их основе в администрации Джонсона вырабатывали стратегию по Вьетнаму? С другой стороны, Мао Цзэдун никогда не переносил их в официальную политику, частично потому, что это потребовало бы пересмотра пятнадцатилетнего курса идеологического воздействия на умы населения, в то время когда борьба за идеологическую чистоту являлась его главным лозунгом внутри страны, а причиной конфликта с Советским Союзом стало его неприятие хрущевской политики мирного сосуществования. Слова, сказанные Мао Цзэдуном Сноу, с большой вероятностью можно счесть пробой сил. Но Сноу вряд ли мог служить идеальным инструментом для запуска такого пробного шара. Ему доверяли в Пекине, по крайней мере в той степени, в какой могли доверять любому американцу, но в Вашингтоне предпочли — как это вновь

случится через 5 лет — выждать каких-то более конкретных свидетельств сдвига китайской политики.

Судя по здравым стратегическим расчетам, Мао Цзэдун вел Китай к огромной беде. Если бы Соединенные Штаты или Советский Союз напали на Китай, другая сторона сохранила бы нейтралитет. С точки зрения материально-технического обеспечения удача в пограничном споре должна была бы сопутствовать Индии, поскольку Гималаи находились далеко от силовых центров Китая. Соединенные Штаты устанавливали свое присутствие во Вьетнаме. Япония со всем ее историческим багажом была настроена недружественно, а в экономическом плане она возрождалась.

Шел один из немногих периодов, когда Мао Цзэдун чувствовал неопределенность в отношении своих вариантов по внешнеполитическим вопросам. В ноябре 1968 года на встрече с руководителем австралийских коммунистов Е.Ф. Хиллом он продемонстрировал растерянность вместо привычной уверенности, скрываемой под видом морализаторства. (Поскольку маневры Мао всегда объяснялись многими сложными причинами, вполне возможно, он учитывал реакцию остального китайского руководства, которое будет читать стенограмму, и хотел передать им, что он, дескать, апробирует новые варианты.) Мао Цзэдун казался озабоченным, поскольку прошел уже довольно большой промежуток времени после Второй мировой войны, больший, чем между двумя мировыми войнами, поэтому следовало ждать неминуемой катастрофы: «В общем, сейчас нет ни войны, ни революции. Такая ситуация долго не продлится»[314]. Он сформулировал вопрос: «Вы знаете, что сделают империалисты? Я имею в виду, готовы ли они начать войну? Или, может, они не начнут войну в данный момент, но начнут ее через некоторое время? Как Вы считаете, исходя из Вашего опыта в Вашей собственной стране и в других странах?»[315] Другими словами, следует ли Китаю делать какой-то определенный выбор сейчас или разумнее подождать развития событий?

Кроме того, Мао Цзэдун хотел знать, в чем значение того, что он позднее назвал «беспорядки в мире»?

«[Нам] следует принимать во внимание сознание людей. Когда Соединенные Штаты прекратили бомбежки Северного

Вьетнама, американские солдаты во Вьетнаме очень обрадовались и даже веселились по этому поводу. Это свидетельствует об их невысоком моральном духе. Высок ли моральный дух американских солдат? Высок ли моральный дух советских солдат? Высок ли моральный дух французских, английских, немецких и японских солдат? Студенческие выступления — это новый феномен в европейской истории. Студенты в капиталистических странах обычно не бунтуют. А сейчас в мире стоит большой хаос»[316].

Каков был, если говорить коротко, баланс сил между Китаем и его потенциальными противниками? Подразумевают ли вопросы по поводу морального духа американских и европейских солдат сомнения по поводу их способности выполнять порученную им роль в китайской стратегии — парадоксально, но очень близкую их роли в американской стратегии — сдерживать советский экспансионизм? Однако если американские войска деморализованы, студенты бунтуют, не является ли это симптомом общего политического коллапса воли и не станет ли Советский Союз в результате происходящих событий доминирующей державой мира? Некоторые в китайском руководстве уже выступали за нормализацию отношений с Москвой[317]. Как бы ни закончилась «холодная война», возможно, низкий моральный уровень на Западе доказывал, что революционная идеология наконец-то стала побеждать. Следует ли Китаю, опираясь на революционную волну, свергнуть капитализм, или лучше сосредоточить усилия на использовании в своих целях соперничества между самими капиталистами?

Подобные вопросы Мао звучали весьма необычно. Из них не вытекало, будто он проверяет собеседника или знает ответы, но предпочитает до поры их не раскрывать. После беседы на общие темы он завершил встречу вопросом, неотступно преследовавшим его:

«Позвольте мне задать вопрос, на который я постараюсь дать ответ, и Вы постарайтесь тоже ответить. Я обдумаю его и прошу Вас тоже обдумать его. Это проблема мирового значения. Это вопрос о войне. Вопрос о войне и мире. Будет ли война, или будет революция? Вызовет ли война революцию или революция предотвратит войну?»[318]

Если война неизбежна, Мао следовало выбрать свое место — ведь, по сути, он мог быть ее первой целью. Но если весь мир будет охвачен революцией, Мао потребуется претворить в жизнь убеждения всей его жизни, чем являлась для него революция. До конца своей жизни Мао так и не удалось сделать окончательный выбор.

Через несколько месяцев Мао Цзэдун выбрал свой путь на ближайшее будущее. Его врач сообщил о состоявшейся в 1969 году беседе: «Мао задал мне загадку. Однажды он сказал мне: «Подумай над этим. На севере у нас Советский Союз, на западе — Индия, на востоке — Япония. Если все наши враги смогли бы объединиться, напав на нас с севера, запада и востока, как ты думаешь, что нам следовало бы делать?» Когда собеседник Мао Цзэдуна в недоумении пытался ответить, Председатель продолжил: «Думай еще. ...За Японией стоят Соединенные Штаты. Разве наши предки не советовали вести переговоры с дальними странами, ведя борьбу с теми, кто расположен близко?»[319]

Мао Цзэдун потихоньку начал пересматривать двадцатилетнее коммунистическое правление, сделав две вещи: одну символическую, вторую практическую. Он использовал инаугурационное обращение Никсона 20 января 1969 года как возможность намекнуть китайской общественности о наступлении нового мышления относительно Америки. В своем обращении Никсон допустил тонкое замечание об открытии Китаю, перефразировав лексику из своей статьи в «Форин афеарз»: «Пусть все страны знают, что при этой администрации все наши линии связи будут оставаться открытыми. Мы стремимся к открытому миру — открытому для идей, открытому для обменов товарами и людьми, — к миру, где не будет народов, больших или маленьких, живущих в изоляции и в гневе на весь мир»[320].

В китайском ответе содержался намек на то, что Пекин заинтересован в прекращении изоляции, но совсем не торопится сменить гнев на милость. Китайские газеты перепечатали речь Никсона: со времени коммунистического правления ни к одному выступлению американского президента не привлекалось такого внимания. Однако оскорбления не стали мягче. В статье в «Жэньминь жибао» от 27 января содержались

насмешки в адрес американского президента: «Хотя он болтается в петле на виселице, он все же осмеливается говорить о будущем. ...Человек, стоящий одной ногой в могиле, пытается тешить себя мечтами о рае. Это бред извивающегося в корчах умирающего класса»[321].

Но Мао заметил предложение Никсона и принял его достаточно серьезно, если решил ознакомить с ним общественность. Однако увещеваниями его нельзя было побудить пойти на контакт. Требовалось нечто более существенное, особенно если китайское движение к Америке могло привести к разрастанию мелких военных стычек на китайско-советской границе до чего-то гораздо более угрожающего.

Почти в то же самое время Мао Цзэдун начал изучать практические последствия своего принципиального решения, призвав четырех маршалов НОАК — Чэнь И, Не Жунчжэня, Сюй Сянцяня и Е Цзяньина, — подвергшихся чистке во время «культурной революции» и отправленных на фабрики в провинциях, что означало перевоспитание физическим трудом[322]. Мао попросил маршалов провести анализ стратегических вариантов для Китая.

Потребовались заверения со стороны Чжоу Эньлая, чтобы убедить маршалов, что это не маневр с целью заставить их заняться самокритикой, являвшейся частью кампании по самоочищению в период «культурной революции». Через месяц они показали, как много потерял Китай, лишившись их талантов. Они выдали содержательные оценки международной обстановки. Анализируя возможности и намерения ключевых стран, они так сформулировали стратегические вызовы, стоящие перед Китаем:

«Для американских империалистов и советских ревизионистов реальная угроза лежит во взаимоотношениях между ними самими. Для всех других стран реальная угроза исходит от американских империалистов и советских ревизионистов. Выступая под единым лозунгом борьбы против Китая, американские империалисты и советские ревизионисты сотрудничают друг с другом, одновременно продолжая борьбу друг против друга. Противоречия между ними, однако, не уменьшаются из-за взаимного сотрудничества, более того, враждебность между ними гораздо сильнее, чем была раньше»[323].

Это могло стать подтверждением существующей политики: Мао Цзэдуну ничего не стоило бы продолжать бросать вызов обеим сверхдержавам одновременно. Маршалы утверждали, что Советский Союз не отважится напасть из-за возникновения возможных трудностей: отсутствия поддержки в народе военных действий, протяженных линий снабжения, небезопасных тылов и сомнений по поводу позиции Соединенных Штатов. Маршалы обобщили американский поход китайской пословицей «Сидеть на вершине горы и наблюдать за схваткой двух тигров»[324].

Но несколько месяцев спустя, в сентябре, они внесли коррективу в свои выводы, которую почти в то же самое время внес и Никсон. По новому мнению маршалов, Соединенные Штаты в случае советского вторжения не ограничатся ролью наблюдателя. Они будут вынуждены занять какую-то позицию: «Последнее, что хотели бы видеть американские империалисты, так это победа советских ревизионистов в китайско-советской войне, так как это [даст возможность Советам] создать огромную империю, гораздо большую, чем американская империя, по ресурсам и людским силам»[325]. Другими словами, каким бы нападкам ни подвергались США в китайских средствах массовой информации в то время, существовала потребность в контактах с ними для защиты страны.

Проницательный анализ завершался, как представляется, по существу, довольно осторожным выводом, хотя он и звучал весьма смело, поскольку бросал вызов основным принципам китайской внешней политики в период «культурной революции». Маршалы в марте 1969 года настаивали: Китай должен выйти из изоляции, развенчать советский или американский авантюризм, «приняв на вооружение военную стратегию активной обороны и политическую стратегию активного наступления», «вести активные дипломатические действия», «расширять международный единый фронт борьбы с империализмом и ревизионизмом»[326].

Их общих предложений Мао Цзэдуну дать возможность Китаю вернуться к международной дипломатии оказалось недостаточно для его более широкого видения проблем. В мае 1969 года Мао снова отправил маршалов в кабинеты для продолжения работы над подготовкой анализа и рекомендаций.

К тому времени столкновения на китайско-советской границе участились. Как следовало Китаю отвечать на растущую угрозу? В отчете Сюн Сянхуэя, ветерана разведывательной и дипломатической службы, назначенного Мао Цзэдуном личным секретарем маршалов, позднее отмечалось, что группа рассматривала вопрос: «Стоит ли Китаю с учетом стратегических перспектив, разыгрывать американскую карту в случае крупномасштабного советского нападения на Китай?»[327] Исследуя прецеденты для такого неординарного решения, Чэнь И предложил группе изучить современный пример заключения Сталиным пакта о ненападении с Гитлером.

Е Цзяньин предложил более старый прецедент из эпохи Троецарствия, когда после падения Ханьской династии империя раскололась на три государства, стремящиеся к господству. Соперничество государств описывалось в эпическом произведении XIV века — романе «Троецарствие», в то время запрещенном в Китае. Е Цзяньин сослался на стратегию, которой придерживался один из центральных персонажей романа как на образец для размышления: «Мы можем свериться с примером главного руководящего принципа Чжугэ Ляна, когда три государства Вэй, Шу и У воевали друг с другом: вступи в союз с У на севере для борьбы с Вэй на западе»[328]. После десятилетий очернения прошлого Китая подвергнутые чистке маршалы пригласили Мао Цзэдуна обратиться к китайским «предкам», чтобы получить высокое вдохновение, стратегически пересмотрев союзнические отношения.

Маршалы продолжили описание потенциальных отношений с Соединенными Штатами и их стратегического преимущества: «Решение советских ревизионистов начать агрессивную войну против Китая в большой степени зависит от отношения империалистов США»[329]. Предложив с интеллектуальной точки зрения довольно смелый, а с политической — довольно рискованный шаг, маршалы рекомендовали возобновить зашедшие в тупик переговоры на уровне послов с Соединенными Штатами. Хотя они сделали реверанс в сторону действующей доктрины, в соответствии с которой обе сверхдержавы рассматривались как угроза миру, их рекомендации оставляли мало сомнений в том, что Советский Союз расценивался как главная опасность. Маршал Чэнь И пред-

ставил дополнение к точке зрения своих коллег. Он указал, что «если в прошлом Соединенные Штаты отклоняли китайские заходы, то новый президент Ричард Никсон, по-видимому, готов склонить Китай на свою сторону». Он предложил, как он назвал, «дикую идею»[330]: поднять американо-китайский диалог на более высокий уровень — по меньшей мере на министерский или, может быть, выше. Самым революционным стало предложение снять условие относительно урегулирования первым вопроса о возвращении Тайваня:

«Во-первых, когда встречи в Варшаве [переговоры на уровне послов] будут возобновлены, мы можем проявить инициативу и предложить провести китайско-американские переговоры на уровне министров и даже выше, с тем чтобы решить основные и связанные с ними проблемы в китайско-американских отношениях. ...Во-вторых, китайско-американская встреча на более высоком уровне имеет стратегическое значение. Нам не следует выдвигать никаких предварительных условий. ...Тайваньская проблема может быть решена постепенно на переговорах более высокого уровня. Более того, мы могли бы обсудить с американцами и другие вопросы стратегического значения»[331].

Давление со стороны Советского Союза предоставляло все больше поводов для этого. Перед лицом возрастающей концентрации советских войск и крупного столкновения на границе в Синьцзяне 28 августа ЦК КПК отдал приказ о мобилизации всех китайских военных подразделений вдоль всех китайских границ. Возобновление контактов с Соединенными Штатами стало стратегической необходимостью.

Американская стратегия

Когда Ричард Никсон принес клятву при вступлении в должность президента, проблемы Китая предоставили ему чрезвычайную стратегическую возможность, хотя это еще не было так ясно для его собственной администрации, расколотой из-за Вьетнама. Многие из высокопоставленных политиков, принимавших решение защищать Индокитай от того, что являлось, как они полагали, совместным нападением со сто-

роны Москвы и Пекина, стали переоценивать свои позиции. Значительные круги власть имущих — достаточно значительные, чтобы осложнять действующую политику, — пришли к мнению, что вьетнамскую войну не только нельзя выиграть, но и что она в своей сути отражала моральное поражение американской политической системы.

Никсон не думал, что можно закончить войну, на которую его предшественники через полмира отправили полмиллиона американских солдат, выйдя из нее без каких бы то ни было условий, как того требовали многие из его критиков. Он серьезно относился к обязательствам своих предшественников от обеих партий, чьи решения сейчас ставили его перед сложным выбором. Никсон знал: как бы мучительна ни была вовлеченность Соединенных Штатов во Вьетнаме, США оставались сильнейшей страной в союзе с другими странами против коммунистической агрессии во всем мире. Репутация Америки — превыше всего. И поэтому администрация Никсона, где я работал в качестве советника по вопросам национальной безопасности, а затем и государственного секретаря, искала пути поэтапного выхода из Индокитая, стремясь дать народам этого региона возможность сформировать свое будущее и сохранить в мире веру в роль Америки.

Критики Никсона сравнивали новый подход с внешней политикой, у которой существует всего одна проблема: фактически безоговорочный выход из вьетнамской войны, полное игнорирование миллионов населения Индокитая, связавших свою жизнь с американским миром, и множества стран, объединивших свои усилия по повелению Америки. Никсон принял твердое решение окончить войну, но точно так же он хотел бы придать Америке динамичную роль в деле перестройки международного порядка, постепенно нарождающегося пласт за пластом. Никсон намеревался освободить американскую политику от колебаний из одной крайности (имеются в виду данные ранее обязательства) в другую (речь идет о выходе из войны) и приземлить ее, поставив за основу национальные интересы, которые должны всегда сохраняться, независимо от смены администраций.

В его планах Китаю отводилась ключевая роль. Лидеры двух стран рассматривали свои общие цели под разными уг-

лами перспектив. Мао Цзэдун расценивал сближение как стратегическую необходимость, Никсон — как возможность пересмотреть американский подход к внешней политике и международному руководству. Он стремился использовать выход на контакт с Китаем, желая продемонстрировать американской общественности, что даже в разгар изнурительной войны Соединенные Штаты могли себе позволить претворить в жизнь план, направленный на установление долгосрочного мира. Он и его сторонники старались восстановить контакт с одной пятой населения планеты и перевести их в нормальный режим, а также облегчить боль от неизбежного и далеко не идеального ухода из Юго-Восточной Азии.

Именно здесь сошлись пути сторонника перманентной революции Мао Цзэдуна и пессимистичного стратега Никсона. Никсон любил тщательное планирование, хотя и его временами охватывал страх: а вдруг хорошо подготовленный план пойдет прахом из-за неожиданного поворота судьбы, вмешавшейся в непредвиденное время и непредвиденным образом? Однако он, так или иначе, выполнял свои планы. Мао Цзэдун и Никсон имели общую для них важную характерную черту: желание при формулировании окончательных выводов следовать всепоглощающей логике своих рефлексов и инстинктов. Никсон казался более прагматичным. Одним из часто повторяемых им высказываний было: «Вы тратите столько же сил и времени на не доделанное до конца дело, сколько и на сделанное до конца. Поэтому проще все доделывать до конца». То, что Мао Цзэдун делал с природной жизненной силой, Никсон выполнял с покорным признанием превратностей судьбы. Но, выбрав однажды путь, он следовал ему с такой же решимостью.

То, что Китай и Соединенные Штаты нашли способ встретиться, было исторически неизбежно и стало велением времени. Это все равно случилось бы рано или поздно, независимо от того, кто возглавлял бы руководство в той или другой стране. Но это произошло так решительно и с таким небольшим количеством отступлений благодаря руководству, начавшему процесс. Руководители не могут создавать обстановку, в которой им приходится работать. Их собственный ощутимый вклад состоит в работе в рамках, созданных обстоятельствами.

Если они переходят за определенные границы, предоставляемые им теми или иными обстоятельствами, происходит крах; если они не доходят до необходимого уровня, происходит стагнация их политической линии. Если они строят прочно, они могут создать новую форму отношений, способную пережить века, поскольку все стороны будут считать такое положение соответствующим их собственным интересам.

Первые шаги — столкновения на реке Уссури

Хотя примирение казалось неизбежным, и Соединенным Штатам, и Китаю не так легко было отыскать свой путь к стратегическому диалогу. Статья Никсона в журнале «Форин афеарз» и подготовленные для Мао Цзэдуна аналитические оценки четырех маршалов привели к сделанным параллельно выводам, но конкретное движение обеих сторон сдерживалось внутренними сложностями, историческим опытом и культурными восприятиями. Общественность с обеих сторон два десятилетия жила с чувствами враждебности и подозрительности в отношении другой стороны, им следовало подготовиться к дипломатической революции.

Для Никсона тактические проблемы выглядели сложнее тех, с которыми имел дело Мао Цзэдун. Если Мао принимал когда-нибудь какое-то решение, он жестко доводил его до конца. А противники помнили о судьбе прежних критиков политики Мао. Никсону же предстояло преодолеть наследие 20 лет американской внешней политики, основывавшейся на утверждении, что Китай использует любую возможность, лишь бы ослабить Соединенные Штаты и выдавить их из Азии. Ко времени его прихода в Белый дом эта точка зрения сцементировалась в застывшую доктрину.

В сложившихся обстоятельствах Никсону приходилось двигаться весьма осторожно из опасений, что дипломатические заходы Китая могут оказаться пропагандой, не имеющей признаков серьезных изменений в подходах Пекина. А такая возможность выглядела вполне вероятной, так как единственным местом контактов американцев с китайцами на протяже-

нии 20 лет были переговоры на уровне послов в Варшаве, причем все проведенные там 136 встреч отличались монотонно стерильным ритмом. Два десятка членов конгресса требовали информации о каждом шаге, новые подходы должны были бы затеряться в процессе обязательного информирования порядка 15 стран, которым сообщали о ходе переговоров в Варшаве, включая Тайвань, все еще признанный большинством из них, особенно Соединенными Штатами, как законное правительство Китая.

Возможность претворить в жизнь генеральный план представилась Никсону после столкновения между советскими и китайскими войсками на острове Чжэньбаодао (или Даманский) на реке Уссури, где Сибирь граничит с Китаем. Столкновение могло бы и не привлечь внимания Белого дома так быстро, если бы советский посол Анатолий Добрынин постоянно не наведывался в мой кабинет, чтобы проинформировать о советской версии произошедших там событий. Совершенно неслыханное дело — в холодный период «холодной войны» Советский Союз ставил нас в известность о таком далеком от обычных тем нашего диалога событии — или о любом другом событии! Мы поняли это так: Советский Союз — вероятный агрессор, и брифинги, когда не прошло еще и года после оккупации Чехословакии, прикрывали более масштабные планы. Наше подозрение подтвердилось исследованием пограничных столкновений, сделанным Алленом Уайттингом из корпорации Рэнд. Уайттинг пришел к следующему выводу: так как инциденты произошли вблизи советских баз снабжения, но далеко от соответствующих китайских баз, первыми скорее всего напали Советы, и следующим их шагом могло бы стать нападение на ядерные объекты Китая. Если китайско-советская война неизбежна, следовало внести коррективы в позицию американского правительства. Будучи советником президента по вопросам национальной безопасности, я дал поручение провести межведомственный анализ.

Выяснилось, что анализ непосредственных причин столкновений был неверным, по крайней мере когда речь шла об инциденте на Чжэньбаодао. Но данный анализ, пусть даже ошибочный, привел к правильному выводу. Недавние исторические исследования показали: инцидент на Чжэньбаодао

развязали китайцы, как и утверждал Добрынин; они устроили западню, вследствие чего советский пограничный наряд понес большие потери[332]. Но целью китайцев являлась оборона. Она соответствовала китайской концепции сдерживания, описанной в предыдущей главе. Китайцы запланировали конкретный инцидент, рассчитывая ввергнуть советское руководство в шок и тем самым заставить его прекратить серию столкновений на границе, происходивших, вероятно, по вине Советов и расцениваемых в Пекине как домогательства с советской стороны. Концепция наступательного сдерживания включает стратегию применения превентивного удара не столько для нанесения военного поражения противнику, сколько для того, чтобы нанести ему психологический удар, принудив отказаться от своих планов.

Фактически же китайские действия возымели обратный эффект. Советы усилили давление по всему периметру границы, включая уничтожение китайского батальона на границе в Синьцзяне. В такой атмосфере, начиная с лета 1969 года, Соединенные Штаты и Китай стали обмениваться некими жестами доброй воли. Соединенные Штаты сняли некоторые ограничения на торговлю с Китаем. Чжоу Эньлай освободил двух американских яхтсменов, задержанных после того, как они заблудились в китайских водах.

В течение лета 1969 года сигналы о вероятности войны между Китаем и Советским Союзом нарастали. Советские войска вдоль китайской границы выросли до почти 42 дивизий — более одного миллиона человек. Советские официальные лица среднего уровня начали выяснять у своих знакомых соответствующего уровня по всему миру, как их правительства отнеслись бы, случись такое, к превентивному удару по китайским ядерным объектам.

Развитие событий заставило правительство Соединенных Штатов ускорить рассмотрение вероятности крупномасштабного советского нападения на Китай. Сам по себе запрос вступил в противоречие с опытом тех, кто проводил внешнюю политику «холодной войны». Для целого поколения Китай выглядел как более воинственный из двух коммунистических гигантов. Вопрос о том, что США могут встать на чью-то сторону, никогда не рассматривался; тот факт, что китайских

политиков заставили исследовать вероятные подходы Америки, показал степень, до какой длительная изоляция притупила их понимание процесса принятия решений в США.

Но Никсон преисполнился решимости определить политическую линию с учетом геополитических факторов, и в этом смысле любое фундаментальное изменение в балансе сил должно было вызвать по крайней мере американскую реакцию, а в случае значительного изменения и изменение политики. Даже если бы мы решили остаться в стороне, это должно было быть сознательным решением, а не решением по умолчанию. На заседании Совета национальной безопасности в августе 1969 года Никсон выбрал для себя линию поведения, если вообще не определил всю политику. Он выдвинул на то время шокирующий тезис о том, что при существующих обстоятельствах Советский Союз следует считать более опасной стороной, и не в американских интересах, если Китай «размажут» в китайско-советской войне[333]. Что это значило в практическом смысле, тогда не обсуждалось. Для любого человека, знавшего образ мышления Никсона, было понятно, что имеется в виду: по вопросу о Китае геополитика превыше всех других рассуждений. Проводя такую политику, я издал директиву о том, что в случае конфликта между Советским Союзом и Китаем Соединенные Штаты займут позицию нейтралитета, но в рамках нейтралитета будут по возможности во все большей степени склоняться в сторону Китая[334].

Наступил революционный момент во внешней политике США: американский президент объявлял о наличии у нас стратегического интереса. Этот интерес состоит в том, чтобы выжила одна крупная коммунистическая страна, с которой у нас не было значимых контактов в течение 20 лет и против которой мы воевали в одной войне и участвовали в двух военных столкновениях. Как передать такое решение? Переговоры в Варшаве на уровне послов несколько месяцев не проводились, и их уровень явно не соответствовал передаче точки зрения такого масштаба. Тогда администрация решила пойти на другую крайность и информировать общественность об американском решении расценивать конфликт между двумя коммунистическими гигантами как дело, затрагивающее американские национальные интересы.

Среди шумной пропаганды воинственных советских заявлений с угрозами войны на различных форумах американские официальные лица получили указание передать, что Соединенные Штаты не останутся безразличными и не будут пассивными. Директора Центрального разведывательного бюро Ричарда Хелмса попросили выступить на брифинге с информацией о том, что советские официальные лица, судя по всему, зондировали у других коммунистических руководителей их мнение относительно превентивной атаки на китайские ядерные объекты. 5 сентября 1969 года заместитель государственного секретаря Эллиот Ричардсон все четко изложил в речи перед Американской ассоциацией политических наук: «Идеологические разногласия между двумя коммунистическими гигантами нас не касаются. Но мы весьма озабочены тем, что их ссора наносит сильный удар по международному миру и безопасности»[335]. По правилам «холодной войны» заявление Ричардсона являлось предупреждением о том, что каким бы ни был взятый Соединенными Штатами курс, нейтральным он не будет, что США намерены действовать в соответствии со своими стратегическими интересами.

Когда эти меры разрабатывались, главной целью становилось создание психологических рамок завязывания отношений с Китаем. Просмотрев с тех пор множество документов, опубликованных главными участниками конфликта, я сейчас больше склоняюсь к мнению о том, что Советский Союз был гораздо ближе к нанесению превентивного удара, чем мы предполагали, и что неопределенность по поводу американской реакции оказалась главной причиной отмены этого плана. Сейчас становится ясно, например, что в октябре 1969 года Мао Цзэдун считал нападение неизбежным, поэтому он приказал всем руководителям (кроме Чжоу Эньлая, оставленного управлять правительством) рассредоточиться по всей стране и привести в боевую готовность свои, хоть и не очень большие в те времена, ядерные войска.

Возможно, в результате американского предупреждения, а может, из-за внутренней динамики в коммунистическом мире напряженность между двумя коммунистическими гигантами спала на протяжении года, а немедленная угроза войны снизилась. Председатель Совета министров Советского Сою-

за Алексей Николаевич Косыгин, летевший в сентябре в Ханой на похороны Хо Ши Мина через Индию, а не через Китай, то есть более длинным путем, неожиданно изменил обратный маршрут, и уже в полете его самолет направился в Пекин. Такой решительный поступок предпринимается странами для того, чтобы либо предъявить ультиматум, либо начать новую главу в двусторонних отношениях. Не произошло ни того ни другого или — в зависимости от того, как оценивать ситуацию, — случилось и то и другое. Косыгин и Чжоу Эньлай встретились в пекинском аэропорту и общались в течение трех часов — вряд ли это можно назвать теплым приемом премьер-министра страны, формально все еще остававшейся союзником. Чжоу Эньлай предложил проект меморандума о взаимопонимании, предусматривавший взаимный отход со спорных позиций на северных границах и другие меры ослабления напряженности. Предполагалось, что документ будет подписан совместно после возвращения Косыгина в Москву. Этого не произошло. Напряженность достигла высшей точки накала в октябре, когда Мао Цзэдун отдал приказ высшим руководителям эвакуироваться из Пекина, а министр обороны Линь Бяо объявил военным о «состоянии боевой готовности первой степени» на случай тревоги[336].

Таким образом, создались условия для развертывания китайско-американских контактов. Каждая из сторон периодически отступала назад, дабы не создавать впечатления, что именно она делает первый публичный шаг: Соединенные Штаты поступали таким образом, не имея площадки для перевода президентской стратегии в официальную позицию, Китай — из-за нежелания продемонстрировать свою слабость перед лицом угроз. В результате обе страны закружились в танце, таком интригующем, что, танцуя его, обе стороны всегда могли заявить, что они не в контакте, таком стилизованном, что ни одной из стран не нужно было нести ответственность за проявленную инициативу в случае ее отклонения другой стороной, и таком скользящем, что существующие политические отношения могли бы продолжаться без необходимости проведения консультаций по поводу предполагаемого сценария развития событий. В период между ноябрем 1969 и февралем 1970 годов случилось всего 10 эпизодов, ког-

да американские и китайские дипломаты в различных столицах по всему миру обменивались какими-то словами — событие, знаменательное прежде всего тем, что до сих пор дипломаты всегда избегали друг друга. Тупиковую ситуацию преодолели, когда мы дали указание Уолтеру Стесселю, американскому послу в Варшаве, на мероприятии приблизиться к китайским дипломатам и высказать просьбу о диалоге.

Местом встречи стал показ югославской моды в польской столице. Присутствовавшие на мероприятии китайские дипломаты, не имевшие никаких указаний, покинули его сразу же. В отчете китайского атташе об инциденте говорится о том, до какой степени напряженными стали отношения. Много лет спустя во время интервью он вспоминал, что увидел двух разговаривающих между собой американцев, показывающих на группу китайцев, стоявших в другом углу помещения; одного этого оказалось достаточно, чтобы китайцы встали и ушли, боясь того, что с ними смогут заговорить американцы. Американцы, полные решимости выполнить полученные указания, последовали за китайцами. Когда отчаявшиеся китайские дипломаты ускорили шаг, американцы побежали за ними, крича по-польски (единственный понятный обеим сторонам иностранный язык): «Мы из американского посольства. Мы хотим встретиться с вашим послом. ...Президент Никсон хочет возобновить переговоры с китайцами»[337].

Через две недели китайский посол в Варшаве пригласил Стесселя на встречу в китайское посольство для подготовки к возобновлению варшавских переговоров. Восстановление места встречи неизбежно затрагивало фундаментальные проблемы. О чем две стороны намеревались вести переговоры? И чем они должны завершиться?

Эти вопросы выявили различия в переговорной тактике и стиле между китайским и американским руководством — по крайней мере так было с американским дипломатическим ведомством, курировавшим варшавские переговоры на протяжении более сотни неудачных встреч. Различия не выпячивались до тех пор, пока обе стороны полагали, что тупиковая ситуация работает на них: китайцы — в расчете на требование возврата Тайваня под китайский суверенитет; американцы — в расчете на предложение к китайцам отказаться от примене-

ния силы по поводу того, что они предпочитали назвать спором между двумя китайскими сторонами.

Теперь же, когда обе стороны думали о развитии отношений, различия в переговорном стиле стали важным фактором. Китайская делегация использовала дипломатию, пытаясь сплести политические, военные и психологические элементы в один узел общего стратегического плана. Для них дипломатия означала выработку стратегического принципа. Они не придавали никакого особого значения процессу переговоров как таковому; они также не рассматривали открытие этих конкретных переговоров как событие, из-за которого могли бы произойти какие-то значимые трансформации. Они не считают, что личные отношения могут влиять на их решения, хотя они могут привлечь свои связи для облегчения собственных усилий. Они не испытывают эмоциональных проблем по поводу тупиковой ситуации, они рассматривают такие ситуации как неизбежный механизм дипломатии. Они приветствуют жесты доброй воли, только если те служат определенной цели или имеют тактический характер. И они терпеливо наблюдают за нетерпеливым собеседником, считая, что время играет им на руку.

Подход американского дипломата отличается коренным образом. Для американских политиков главным будет отличие, если не полное разделение между такими фазами действий, как применение военной силы и использование дипломатии. Военные действия рассматриваются как иногда создающие условия для переговоров, но уж если переговоры начаты, их расценивают как развивающиеся по своим внутренним законам. Именно поэтому в начале переговоров Соединенные Штаты сократили военные операции в Корее и согласились прекратить бомбардировки во Вьетнаме, в каждом случае заменяя метод убеждения давлением и сокращая материальные стимулы за счет нематериальных факторов. Обычно американская дипломатия предпочитает специфическое общему, практическое — абстрактному. От нее требуют «гибкости»; она чувствует потребность в поисках выхода из тупика путем выдвижения новых предложений, непреднамеренно вызывая тем самым новые тупиковые ситуации, требующие новых предложений. Такая тактика часто может использоваться жесткими

противниками для проведения политики затягивания и проволочек.

В случае с варшавскими переговорами привычная американская линия возымела обратный эффект. Китай вернулся на варшавские переговоры, поскольку Мао Цзэдун принял стратегическое решение следовать рекомендациям четырех маршалов и искать диалог на высшем уровне с Соединенными Штатами. А американские дипломаты (в отличие от их президента) не представляли себе — и даже не могли вообразить — подобный прорыв либо только определяли как прорыв вдыхание новой жизни в процесс, который они к тому времени заботливо лелеяли на протяжении 134 встреч. На этом долгом пути они разработали повестку дня, отражающую прагматические вопросы, накопившиеся между двумя странами: урегулирование финансовых претензий обеих сторон друг к другу, содержащиеся в тюрьмах каждой из стран заключенные, торговля, культурные обмены. Идея прорыва для участников переговоров заключалась в готовности Китая обсуждать предложенную повестку дня.

Первые две встречи возобновившихся в Варшаве переговоров 20 февраля и 20 марта 1970 года напоминали диалог глухонемых. В качестве советника Белого дома по вопросам национальной безопасности я потребовал от делегации донести то, что наши люди пытались сказать убегавшим китайским дипломатам, а именно: Соединенные Штаты «готовы рассмотреть возможность отправить в Пекин своего представителя для прямых обсуждений с вашими официальными лицами или принять представителя вашего правительства в Вашингтоне». Китайские представители на переговорах официально повторяли стандартную позицию по Тайваню, хотя и в более мягкой форме. Однако в стереотипном ответе по Тайваню содержался скрытый беспрецедентный шаг: Китай выразил готовность рассмотреть вопрос о проведении переговоров вне Варшавы на уровне послов или через другие каналы, «чтобы уменьшить напряженность между Китаем и США и кардинально улучшить отношения»[338]. Урегулирование тайваньского вопроса не выдвигалось как условие для таких переговоров.

Американские участники варшавских переговоров старались избегать такого расширенного толкования. Впервые,

только получив данное предложение, они вообще никак не прореагировали. Затем они разработали пункты для переговоров, рассчитывая отклонить китайское предложение относительно общей оценки отношений, чтобы рассматривать американскую повестку дня, выработанную за два десятилетия бессистемных разговоров[339].

Никсон проявлял не меньшее нетерпение в связи с таким подходом, чем, по-видимому, и Мао Цзэдун. «Они убьют дитя еще до его рождения», — сказал Никсон, увидев план, представленный делегацией. Однако он не торопился поручать им проведение диалога геополитического характера, опасаясь, что система брифингов вызовет взрыв общественного негодования и заставит давать массу разных заверений, и все это еще до того, как станет ясным мнение китайской стороны. Мао Цзэдун занял еще более двойственную позицию. С одной стороны, он хотел использовать сближение с Соединенными Штатами. Но эти обмены осуществлялись в начале 1970 года, когда администрация Никсона столкнулась с массовыми демонстрациями протеста против решения направить войска в Камбоджу для уничтожения баз и сети снабжения, поддерживающих вылазки Ханоя в Южный Вьетнам. Перед Мао Цзэдуном встал вопрос, не являются ли эти демонстрации действительно началом мировой революции, которую марксисты ожидали так давно, но которой, к их разочарованию, так и не происходило. Если Китай начнет сближение с Соединенными Штатами, не произойдет ли это как раз тогда, когда на повестке дня будет стоять вопрос о мировой революции? Большую часть планов Мао в 1970 году заняла задача сделать перерыв и посмотреть, как будут дальше развиваться события[340]. Он использовал американское военное вторжение в Камбоджу как предлог для отмены следующего раунда варшавских переговоров, намеченных на 20 мая 1970 года. Они больше никогда не возобновлялись.

Никсон хотел провести встречу, менее связанную с бюрократическими проволочками и больше находящуюся под его прямым контролем. Мао Цзэдун стремился найти путь и осуществить прорыв к более высокому уровню контактов с правительством Соединенных Штатов, коль скоро он уже принял твердое решение по данному вопросу. Обоим следовало про-

двигаться осторожно, чтобы преждевременное раскрытие не вызвало советской атаки или отказ другой стороны не помешал всей этой инициативе. Когда варшавские переговоры потерпели неудачу, на рабочем уровне в правительстве США, казалось, почувствовали облегчение, ведь одновременно исчезли сложности и внутренние риски от переговоров с Пекином. В течение года, когда Никсон и Мао искали место для встречи на высоком уровне, на низовом уровне американской дипломатической службы никогда не поднимался вопрос перед Белым домом о том, что случилось с варшавскими переговорами, и не поступало предложений об их возобновлении.

В течение почти года после отмены китайцами предложенного на 20 мая заседания как американский, так и китайский руководители согласились с целями, но им помешала пропасть, образовавшаяся за 20 лет изоляции. Проблема больше не состояла в культурных различиях между китайскими и американскими подходами к переговорам. Парадокс, но подход Никсона больше отличался от позиции его собственных дипломатов, чем от подхода Мао. Он и я хотели использовать стратегическую ситуацию, сложившуюся в «треугольнике» отношений между Советским Союзом, Китаем и Соединенными Штатами. Мы стремились найти возможность не столько для устранения раздражителей, сколько для проведения геополитического диалога.

По мере того как обе стороны кружили вокруг друг друга, их поиски посредников предоставили большую возможность поразмышлять над стоящей перед ними задачей. Никсон использовал свою поездку вокруг света в июле 1970 года, чтобы сказать принимавшим его хозяевам в Пакистане и Румынии, что он стремится к установлению обменов на высоком уровне с китайским руководством и что они могут спокойно сообщить об этом Пекину. В качестве советника по вопросам национальной безопасности я упомянул о том же Жану Сэнтени, бывшему послу Франции в Ханое, моему старому другу, знакомому с китайским послом в Париже Хуан Чжэнем. Другими словами, Белый дом выбрал неприсоединившегося друга Китая (Пакистан), члена Варшавского пакта, известного своим стремлением к независимости от Москвы (Румынию) и члена НАТО, отличающегося своими заявлениями о стратегической

независимости (Францию — предполагалось, что Сэнтени обязательно передаст наше послание французскому правительству). Пекин передал намеки для нас через свои посольства в Осло, Норвегия (союзник НАТО), и, что довольно странно, в Кабуле, Афганистан (возможно, следуя теории о том, что место утечки настолько невероятное, что информация наверняка привлечет наше внимание). Мы проигнорировали Осло, поскольку наше посольство там не было укомплектовано необходимым штатом для поддержки; Кабул, разумеется, находился даже еще дальше. И мы не хотели снова вести диалог через посольства.

Китай проигнорировал прямой выход через Париж, но в итоге отреагировал на заходы через Румынию и Пакистан. Перед этим, однако, Мао Цзэдун связался с нами, но так тонко и опосредственно, что мы этого факта и не заметили. В октябре 1970 года Мао дал еще одно интервью Эдгару Сноу, считавшемуся в Белом доме при Никсоне симпатизирующим Мао. В целях демонстрации важности, которую Мао Цзэдун придавал этому случаю, он поставил Сноу рядом с собой на трибуне во время парада по случаю коммунистической победы в гражданской войне 8 октября 1970 года. Само по себе присутствие американца на трибуне рядом с Председателем символизировало — или имело целью символизировать — для китайского народа, что контакт с Америкой не только разрешен, но и является высшим приоритетом.

Затем состоялось интервью, проведенное в сложной манере. Сноу передали запись интервью, строго оговорив, что он может использовать только непрямой пересказ. Ему также посоветовали отложить публикацию на три месяца. Китайцы, судя по всему, рассуждали так: Сноу передаст подлинный текст правительству США, после чего публикация его изложения подкрепит уже запущенный процесс.

Задумка не сработала так, как предполагалось, и ровно по той же причине, что и интервью 1965 года, которому не удалось привлечь внимание американского правительства. Сноу был давним другом КНР; один этот факт стал причиной, что его списали из американской внешнеполитической службы как пропагандиста Пекина. Никакая запись интервью не попадала на высокий правительственный уровень, уж тем более в

Белый дом, и к тому времени, когда статья появилась в печати несколько месяцев спустя, ее обогнали другие важные сообщения.

Конечно, жаль, что запись интервью не попала к нам, поскольку Председатель сделал тогда ряд революционных заявлений. Почти 10 лет назад Китай отрезал себя от внешнего мира. И теперь Мао Цзэдун объявлял — он скоро собирается приглашать американцев всех политических убеждений посетить Китай. Там будут рады приветствовать Никсона «либо как туриста, либо в качестве президента», поскольку Председатель пришел к выводу, что «проблемы между Китаем и США будут урегулированы Никсоном» в течение двух лет из-за предстоящих президентских выборов[341].

Мао Цзэдун перешел от ругани в адрес Соединенных Штатов к приглашению к диалогу с американским президентом. Он добавил поразительное замечание относительно китайской внутренней ситуации: диалог президента Америки произойдет с новым Китаем.

Мао сказал Сноу, что он заканчивает «культурную революцию». Он сказал, что он надеялся на духовное и интеллектуальное обновление, а произошло насилие. Когда иностранцы сообщали о Китае, пребывающем в хаосе, они фактически не лгали. Это было правдой. Шли сражения [между китайцами]... сперва на пиках, потом с ружьями, потом с минометами»[342]. Как сообщал Сноу, Мао Цзэдун сейчас порицал культ личности, созданный вокруг его персоны: «Народу, как говорил Председатель, трудно преодолеть привычки трехтысячелетней традиции почитания императора». Обращения, используемые по отношению к нему, типа «Великий кормчий»... рано или поздно отойдут». Он хотел бы сохранить единственный титул — «учитель»[343].

Экстраординарные утверждения! После того как он заставил страну биться в конвульсиях беспорядков, разрушивших даже коммунистическую партию, и когда только культ личности оставался единственным связующим элементом, Мао Цзэдун объявил об окончании «культурной революции». Ранее декларировалось, что Председатель может управлять, не будучи сдерживаемым доктринальными или бюрократическими путами, и такое положение поддерживалось перема-

лыванием существующих структур и тем, что Мао теперь описывал как «плохое обращение с «пленными» — членами партии и другими, кого отстранили от власти и отправили на перевоспитание»[344].

И как теперь быть китайским органам власти? Или все это было сказано иностранному журналисту в характерной для Мао обтекаемой и скачкообразной манере для достижения главной цели — путем разрушения старых властных структур дать добро новой фазе в отношениях между Китаем и Соединенными Штатами и всем миром? Как записал Сноу, Мао Цзэдун объявил, что «между китайцами и американцами не должно оставаться предубеждений. Должно быть взаимное уважение и равенство. Он сказал, что возлагает большие надежды на народы двух стран»[345].

Никсон вопреки традиции американской внешней политики настаивал на ослаблении напряженности на основе геополитических рассуждений, надеясь вернуть Китай в международную систему. А для Мао Цзэдуна, для которого Китай был всем, главным являлась не столько международная система, сколько, в большей степени, будущее Китая. Для обеспечения его безопасности он готов сдвинуть точку притяжения китайской политики и сменить своих союзников — но не из-за теории международных отношений, а в результате нового курса китайского общества, идя по которому Китай даже сможет поучиться у США:

«Китаю следует поучиться тому, как развивалась Америка на основе децентрализации и распространения ответственности и богатства между 50 штатами. Центральное правительство не может заниматься всем. Китай должен опираться на региональные и местные инициативы. Не пойдет [разводит руками] все передавать на его [Мао] усмотрение»[346].

Мао вкратце подтвердил классические принципы правления в Китае, подытоженные в виде конфуцианских принципов морали и нравственности. Он посвятил часть своего интервью жесткой критике привычки врать, в которой он обвинил не американцев, а недавно лишившихся власти хунвэйбинов. Сноу записал: «Если кто-либо лжет, — сделал вывод Мао, — как он может завоевать доверие других? Кто будет доверять таким?»[347] Вчера еще радикальный идеолог, полыхающий ог-

нем, сегодня вырядился в одежды конфуцианского мудреца. Его заключительная фраза, казалось, объясняла смысл его смиренной покорности перед новыми обстоятельствами, как всегда, не без тонкой двусмысленности: «Он сказал, что он был всего лишь одиноким монахом, бредущим по свету с дырявым зонтиком»[348].

В последних словах гораздо больше смысла, они не означали просто привычную для Мао насмешку, когда он представлял автора «большого скачка» и «культурной революции» человеком, возвращающимся к своему первоначальному роду занятий — философии, и одиноким учителем. Как позднее отмечалось несколькими китайскими комментаторами, цитата из английского текста Сноу являлась первой строчкой китайского рифмованного двустишия[349]. Когда оно больше напоминает угрозу, а не насмешку. За скобками или по крайней мере непереведенной осталась вторая строфа двустишия: «у фа у тянь». Китайские иероглифы по созвучию здесь означают «без волос, без неба», то есть монах лыс, а поскольку у него в руках зонт, он и не видит неба над ним. Но другие иероглифы с таким же звучанием могут означать совсем другое. Игра слов соответственно даст совсем другое значение: «без закона, без неба» — или несколько вариантов с разной степенью точности перевода: «отвергая законы как людские, так и небесные»; «не боящийся ни Бога, ни законов»; «попирать закон не моргнув и глазом»[350].

Завершающий залп Мао Цзэдуна был, другими словами, еще более далеко идущим и еще более тонким, чем могло показаться с самого начала. Мао видел себя странствующим классическим мудрецом, но одновременно и законом по отношению к самому себе. Забавлялся ли Мао Цзэдун, беседуя с англоговорящим интервьюером? Мог ли он подумать, что Сноу разгадает игру слов, совершенно непонятную для западного слуха? (Мао действительно иногда переоценивал тонкость западного восприятия, как, впрочем, и Запад иногда преувеличивал его собственное.) В такой обстановке складывается впечатление, что «каламбур» Мао Цзэдуна предназначался для его внутренней аудитории, в частности для руководителей, выступавших против восстановления отношений с Соединенными Штатами, которых до сего времени ненавидели, для тех,

чья оппозиция позднее трансформировалась в кризис, — в предполагаемую попытку переворота Линь Бяо вскоре после открытия США для Китая. Мао фактически объявлял о своей готовности вновь перевернуть мир вверх дном. И в этом он не собирался быть связанным «законами, как людскими, так и небесными», и даже законами его собственной идеологии. Так он предупреждал сомневающихся — прочь с дороги!

Текст интервью Мао, разумеется, распространили в высших эшелонах Пекина, хотя его проигнорировали в Вашингтоне. Сноу просили отложить публикацию, чтобы дать возможность Китаю сделать официальное предложение. Мао решил прекратить танцы через посредников, обратившись к американской администрации напрямую на самом высшем уровне. 8 декабря 1970 года в мою канцелярию в Белом доме поступило послание от Чжоу Эньлая. Восстанавливая дипломатическую практику прошлых столетий, пакистанский посол привез его из Исламабада, где его вручили ему в виде письменного документа. Послание из Пекина официально подтверждало получение сообщений через посредников. В нем упоминался сделанный Никсоном комментарий президенту Пакистана Ага Мухаммаду Яхья Хану, когда Яхья находился с визитом в Белом доме несколькими неделями ранее. Речь шла о том, что Америка в своих переговорах с Советским Союзом не будет участвовать в «совместных акциях против Китая» и будет готова направить своего представителя в любое удобное для двух сторон место для организации контактов на высоком уровне с Китаем»[351].

Чжоу Эньлай отвечал не так, как он отвечал на предыдущие послания, ведь, по его словам, впервые послание «пришло от главы через главу главе»[352]. Подчеркнув, что его ответ одобрен Мао Цзэдуном и Линь Бяо, являвшимся тогда назначенным преемником Мао, Чжоу Эньлай приглашал специального представителя в Пекин для обсуждения «освобождения [так!] китайской территории, называемой Тайванем», «находящейся сейчас под оккупацией иностранными войсками Соединенных Штатов в течение последних 15 лет»[353].

Хитроумно составленный документ не давал ответа на вопрос: что же конкретно Чжоу Эньлай предлагал обсуждать? Возврат Тайваня Китаю или присутствие американских войск

на острове? Договор не содержал ссылок на договор о взаимопомощи. Но как бы то ни было, формулировка по Тайваню оказалась самой мягкой из полученных из Пекина за 20 лет. Касалось ли это только американских войск, размещенных на Тайване, большая часть которых являлись вспомогательными силами во Вьетнаме? Или она подразумевала более широкое требование? В любом случае приглашение представителя проклинаемого «монополистического капитализма»[354] в Пекин отражало какие-то глубинные мотивы, нежели всего лишь желание обсудить Тайвань, для чего уже имелось место переговоров; вопрос должен был касаться безопасности Китая.

Белый дом предпочел оставить ответ открытым до конкретной прямой встречи. США согласились направить представителя для переговоров, но определяли его компетенцию как обсуждение «широкого круга вопросов, существующих между Китайской Народной Республикой и США», иными словами, американский представитель не согласится ограничить повестку дня одним Тайванем[355].

Не полагаясь полностью только на пакистанский канал, Чжоу Эньлай направил параллельно послание и через Румынию, которое, однако, по причинам, до сих пор остающимся непонятными, пришло на месяц позже послания, направленного через Пакистан, в январе. И это послание, как нам было сказано, также «просматривали Председатель Мао и Линь Бяо»[356]. В нем опять говорилось о Тайване как о нерешенной проблеме между Китаем и Соединенными Штатами, но уже добавился совершенно новый элемент: поскольку президент Никсон посетил Белград и Бухарест — столицы коммунистических стран, — его будут рады приветствовать и в Пекине. В свете военных столкновений последних 15 лет весьма примечательно, что Тайвань назывался *единственным* вопросом между Китаем и Соединенными Штатами; другими словами, Вьетнам явно не входил в число препятствий для примирения.

Мы ответили через румынский канал, приняв принцип направления представителей, но проигнорировав приглашение президенту. На ранней стадии установления контактов принятие предложения о визите президента выглядело бы слишком навязчивым со стороны Америки, не говоря уже об определенном риске в данном вопросе. Мы передали форму-

лировки нашего понимания подходящей для данного случая повестки дня, чтобы избежать недоразумений, где, как и в письме, переданном через Пакистан, выразили готовность Соединенных Штатов обсуждать все вопросы, представляющие интерес для обеих сторон, включая Тайвань.

Чжоу Эньлай встречался с Яхья Ханом в октябре, а с румынским вице-премьером в ноябре. Мао Цзэдун принимал Сноу в начале октября. Следовавшие одно за другим в течение нескольких недель послания отражали тот факт, что дипломатия уже перестала носить тактический характер и близилась к главной развязке.

Но к нашему удивлению — правда, без малейшего беспокойства с нашей стороны, — китайцы замолчали на три месяца. Возможно, из-за наступления Южного Вьетнама, поддержанного авиацией США, на тропу Хо Ши Мина через южный Лаос, главный маршрут снабжения северо-вьетнамских войск в Южном Вьетнаме. У Мао Цзэдуна, по-видимому, тоже возникли задние мысли относительно перспектив американской революции на основе демонстраций против войны во Вьетнаме[357]. Вероятно, Пекин предпочитал также двигаться шагами, показывающими его независимость от чисто тактических рассуждений и исключающими демонстрацию китайского желания, а уж тем более слабости. Но скорее всего Мао Цзэдуну потребовалось время, чтобы выстроить весь свой внутренний контингент.

Мы снова услышали о Китае только в начале апреля. Он не использовал ни один из ранее задействованных каналов, а предпочел собственный метод, открыто поставивший вопрос относительно китайского желания добиться лучших отношений с Америкой и меньше зависевший от действий правительства Соединенных Штатов.

Вот предыстория эпизода, вошедшего в историю как пинг-понговая дипломатия. Китайская команда по пинг-понгу принимала участие в международном турнире в Японии. Впервые с начала «культурной революции» китайская команда участвовала в соревнованиях за пределами Китая. За последние годы оказывалось так, что неминуемые встречи китайской и американской команд вызывали большие внутренние дебаты в китайском руководстве. Изначально китайское министерст-

во иностранных дел рекомендовало вообще избегать таких спортивных соревнований или держаться в стороне от американской команды. Чжоу Эньлай направил вопрос на рассмотрение Мао Цзэдуна, изучавшего его два дня. Поздно ночью после очередной своей привычной бессонницы Мао «резко упал на стол» в забытье, вызванном таблеткой снотворного. Неожиданно он прохрипел своей медсестре, попросив ее позвонить в министерство иностранных дел — «пригласить американскую команду в Китай». Медсестра вспоминала, что спросила его: «После таблетки снотворного Вы точно уверены в том, что говорите?» Мао ответил: «Да, я отвечаю за свои слова. Давай быстрее, иначе будет поздно!»[358]

Получив приказ Мао Цзэдуна, китайские игроки воспользовались случаем и пригласили американскую команду посетить Китай. 14 апреля 1971 года удивленные молодые американцы оказались в здании Всекитайского собрания народных представителей, где встретились с Чжоу Эньлаем, то есть их приняли на гораздо более высоком уровне, чем когда-либо получали большинство иностранных послов, аккредитованных в Пекине.

«Вы открыли новую главу в отношениях американского и китайского народов, — торжественно заявил китайский премьер. — Я уверен, начало нашей дружбы непременно получит поддержку большинства наших народов». Спортсмены, ошеломленные тем, что оказались вовлеченными в дипломатию на высоком уровне, не ответили, что заставило Чжоу Эньлая закончить предложение словами, которые позднее мы посчитали примечательными: «Не так ли?» — вызвавшими бурные овации[359].

Как это обычно бывало с китайской дипломатией, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай работали на различных уровнях. На одном уровне пинг-понговая дипломатия содержала ответ на январские американские послания. Этот шаг вывел Китай на открытый путь общения вместо ранее использовавшихся закрытых секретных каналов. В определенном смысле здесь присутствовала доля перестраховки, но также и информация о том, каким путем Китай готов пойти, если будут отброшены секретные средства связи. Пекин в таком случае может раз-

вернуть общественную кампанию — то, что сегодня назвали бы «народной дипломатией», — точно так же, как действовал Ханой, добиваясь своих целей во Вьетнаме, взывая к растущему протестному движению в американском обществе и ссылаясь при этом на еще один «упущенный шанс для достижения мира».

Чжоу Эньлай вскоре передал, что дипломатический канал оставался для него наиболее предпочтительным вариантом. 29 апреля пакистанский посол прислал еще одно письменное послание из Пекина, датированное 21 апреля. В нем причина задержки объяснялась «временным фактором»[360] без пояснений, относился ли этот фактор к внутренним или международным обстоятельствам, но с подтверждением готовности принять специального посланника. Чжоу Эньлай уточнил, кого имел в виду Пекин, говоря о посланнике, прямо назвав государственного секретаря Уильяма Роджерса или «даже лично президента США»[361]. В качестве условия восстановления отношений Чжоу упомянул только вывод американских вооруженных сил с Тайваня и из Тайваньского пролива — до сего времени менее всего рассматривавшийся как спорный вопрос — и опустил вопрос о возвращении Тайваня.

На данной стадии секретность, с какой проводилась дипломатия, чуть ли не разрушила все наши планы. Так и случилось бы в любой другой период ведения дел с Пекином, предшествующий нынешнему. Никсон решил, что связь с Пекином может осуществляться только из Белого дома. Ни одному другому департаменту не сообщалось об имевших место в декабре и январе двух контактах с Чжоу Эньлаем. При таких обстоятельствах на открытом брифинге 28 апреля представитель Государственного департамента сформулировал американскую позицию по Тайваню, объявив, что суверенитет над Тайванем является «нерешенным вопросом, подлежащим международному урегулированию в будущем». Когда присутствовавший на дипломатическом мероприятии в Лондоне государственный секретарь на следующий день в телевизионной передаче прокомментировал интервью Сноу, он отклонил приглашение Никсону как «сделанное в весьма некорректной форме» и «несерьезное». Он охарактеризовал китайскую внеш-

нюю политику как «экспансионистскую» и «довольно параноидальную». Прогресс на переговорах и возможная поездка Никсона в Китай станут возможными, только если Китай тем или иным образом решит присоединиться к международному сообществу и согласится выполнять «нормы международного права»[362].

Но именно настоятельная стратегическая необходимость для Китая фактически определяла ход развития процесса возобновления диалога. Ссылки на Тайвань как на неурегулированную проблему представитель китайского правительства отверг как «жульничество» и «наглое вмешательство в дела китайского народа». При этом, наряду с выше сказанными оскорблениями, подтверждалось, что визит команды настольного тенниса стал новым этапом в развитии дружбы между китайским и американским народами.

10 мая мы приняли приглашение Чжоу Эньлая для Никсона, но вновь настойчиво высказали нашу позицию относительно широкой повестки дня. В нашем послании говорилось: «На такой встрече каждая сторона могла бы свободно поднять вопрос, являющийся для нее предметом принципиальной озабоченности»[363]. Для подготовки к встрече в верхах президент предложил, чтобы я как его помощник по вопросам национальной безопасности представлял его на предварительной встрече с Чжоу Эньлаем. Мы обозначили определенную дату. Мотивировка выбора не диктовалась высокой политикой. На конец весны — начало лета правительство и Белый дом запланировали ряд поездок, поэтому спецсамолет освобождался именно к тому времени.

2 июня мы получили ответ от китайцев. Чжоу Эньлай сообщал нам, что он «с большим удовольствием»[364] доложил Мао Цзэдуну о согласии Никсона принять китайское приглашение и что он будет рад видеть меня в Пекине для проведения подготовительных переговоров в предложенные сроки. Мы практически не обратили внимания на то, что имя Линь Бяо из его сообщения исчезло.

В течение года китайско-американская дипломатия сдвинулась от непримиримого конфликта к поездке в Пекин президентского представителя для подготовки визита самого

президента. Это случилось потому, что удалось преодолеть риторику двух десятилетий и сосредоточить внимание на фундаментальных стратегических целях геополитического диалога, ведущего к переформированию международного порядка периода «холодной войны». Если бы Никсон последовал рекомендациям профессионалов, ему пришлось бы использовать китайское приглашение, чтобы вернуться к традиционной повестке дня и ускорить ее рассмотрение как условие для переговоров на высшем уровне. Такой подход не только был бы отвергнут, но и весь процесс ускорившихся китайско-американских контактов оказался бы со всей определенностью подмят под тяжестью внутренних и международных проблем, стоящих перед обеими странами. Вклад Никсона в зарождающееся китайско-американское взаимопонимание состоял не столько в том, что он понял его необходимость, сколько в том, что он смог концептуально обосновать желательность его достижения так, что это совпало с китайским пониманием. Для Никсона возобновление отношений с Китаем стало частью общего стратегического плана, и он не собирался идти на встречу с ними со списком взаимных претензий.

Китайские руководители двигались в параллельном направлении. Призывы к возврату к существующему международному порядку для них ничего не значили, хотя бы только потому, что они не рассматривали существующий международный порядок, в формировании которого они не принимали участия, как имеющий к ним отношение. Они никогда не исходили из того, что их безопасность зависит от законных структур сообщества суверенных государств. До сего времени американцы зачастую рассматривают восстановление отношений с Китаем как вступление в статическое состояние дружбы. Однако китайские руководители воспитаны в духе концепции «ши» — искусства понимания вещей в их постоянном изменении.

Когда Чжоу Эньлай писал о восстановлении дружбы между китайским и американским народами, он имел в виду способствующий сохранению международного равновесия подход. В его понимании это не означало достижения финаль-

ной стадии взаимоотношений между народами. В китайских текстах редко можно найти священные для американской лексики слова о законном международном порядке. То, к чему стремились китайцы, больше напоминало мир, где Китай мог получить безопасность и прогресс на основе сосуществования в борьбе, причем готовности бороться, как и концепции сосуществования, придавалось одинаковое значение. Именно в такой мир вступали Соединенные Штаты, совершая первую дипломатическую миссию в коммунистический Китай.

Глава 9

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С МАО ЦЗЭДУНОМ И ЧЖОУ ЭНЬЛАЕМ

Самое значительное событие во время президентства Никсона прошло почти незаметно. Никсон решил, что для успеха миссии в Пекин она должна быть осуществлена секретно. Открытая поездка потребовала бы выполнения ряда сложных процедур получения согласований внутри страны, в том числе внутри американского правительства, и настойчивых требований проведения консультаций по всему миру, включая Тайвань (все еще признаваемый как правительство Китая). Перспективы наших отношений с Пекином, позиции которого нас как раз и посылали выяснить, стали бы заложником всего этого. Прозрачность — цель, к которой надо стремиться, но есть также еще и настоятельное требование использования исторических возможностей для создания более мирного международного порядка.

Поэтому моя команда отправилась в Пекин через Сайгон, Бангкок, Дели и Равалпинди по объявленному маршруту с ознакомительной поездкой в качестве представителя президента США. В ее состав входил широкий круг американских официальных лиц, как и главная группа, направлявшаяся в Пекин, — я сам, помощники Уинстон Лорд, Джон Холдридж и Дик Шмайзер, а также агенты секретной службы Джэк Реди и Гэри Маклауд. Драматическая развязка потребовала от нас пройти через утомительные остановки в каждом городе: не-

обходимо было создать впечатление рутины и обыденности для средств массовой информации, чтобы они перестали отслеживать наши передвижения. В Равалпинди мы исчезли на 48 часов под предлогом отдыха (я притворился больным) на пакистанской горной станции у подножия Гималаев. В Вашингтоне только президент и полковник Александр Хэйг (позднее он станет генералом), мой старший помощник, знали наш истинный пункт назначения.

Когда американская делегация прибыла в Пекин 9 июля 1971 года, мы прочувствовали тонкость общения с китайцами, но не манеру, с какой Пекин ведет конкретные переговоры, а сам стиль приема гостей. Американский опыт общения с коммунистической дипломатией основывался на контактах с советским руководством, в основном с Андреем Громыко, имевшим тенденцию превращать дипломатию в испытание бюрократической силы воли. В переговорах безупречный по точности, он оставался непримиримым по существу. Подчас физически чувствовалась его напряженность в плане самодисциплины.

Никакой напряженности в китайском приеме секретной делегации или во время последовавшего затем диалога мы не ощутили. Во время всех предварительных маневров нас порой озадачивали неравномерные по времени задержки между их посланиями, но мы объясняли их влиянием «культурной революции». Сейчас же, казалось, ничто не могло нарушить невозмутимую уверенность наших хозяев, действовавших так, будто встреча специального представителя американского президента впервые в истории Китайской Народной Республики — самое естественное для них событие.

По сути, мы встретились с дипломатическим стилем, который был ближе к традиционной китайской дипломатии, чем то проявление педантизма, к которому мы привыкли во время переговоров с другими коммунистическими государствами. Китайские деятели исторически отличались гостеприимством, были церемонными и тщательно культивировали личные взаимоотношения как искусство управления государством. Они выработали дипломатию, хорошо подходившую для решения традиционных проблем безопасности Китая: сохранение оседлой и сельскохозяйственной цивилизации, окружен-

ной народами, имевшими в случае их объединения потенциально превосходящие по военной силе возможности. Китай выжил и в основном всегда оставался на высоте за счет искусства применения точно выверенного сочетания кнута и пряника и величественной демонстрации своей культуры. В данном контексте гостеприимство являлось одним из аспектов стратегии.

В нашем случае церемонии начались не в Пекине, а еще на пути из Исламабада. К нашему удивлению группа англоговорящих китайских дипломатов отправилась в Пакистан, чтобы сопровождать нас и облегчить тяготы пути, которые мы могли бы испытать во время четырехчасового перелета в незнакомом направлении. Они сели в самолет до нас, приведя в шок сопровождавших нас офицеров безопасности, наученных воспринимать костюмы покроя Мао как униформу противника. По дороге команда могла проверить некоторые из своих наблюдений, практические аспекты их поведения и получить информацию для премьера о личных характеристиках гостей.

Команду отобрал Чжоу Эньлай два года назад, когда идею восстановления отношений с Соединенными Штатами впервые выдвинули по итогам доклада четырех маршалов. В нее входили трое представителей министерства иностранных дел, один из которых, Тан Лунбинь, будет потом работать в протокольной группе по обслуживанию визита Никсона; другой — Чжан Вэньцзинь, бывший посол, специалист по вопросам того, что китайцы называли «Западная Европа, Америка и Океания», оказался, как выяснилось позднее, классным лингвистом. Двое более молодых членов делегации фактически представляли Мао и докладывали лично ему. Их звали Ван Хайжун, его внучатая племянница, и Нэнси Тан, родившаяся в Бруклине исключительно способная переводчица, чья семья эмигрировала в Китай для участия в революции; она выступала также в роли некоего политического советника. Все это мы узнали позднее, как и то, что сотрудники министерства иностранных дел, когда к ним обращались, реагировали точно так же, как маршалы. Им требовалось личное подтверждение со стороны Чжоу Эньлая того, что назначение сделано с указания Мао Цзэдуна, а не являлось неким тестом их революционной лояльности.

Маршал Е Цзяньин, заместитель председателя Центрального военного совета КНР — один их четырех маршалов, которых Мао Цзэдун направил анализировать стратегические варианты для Китая, — встречал нас в аэропорту Пекина, когда мы приземлились там в полдень, символизируя поддержку со стороны Народно-освободительной армии новой китайско-американской дипломатии. Маршал усадил меня в длинный лимузин китайского производства с закрытыми шторками, и мы отправились в Дяоюйтай, государственную резиденцию для высокопоставленных гостей, расположенную в огороженном парке в западной части города. Участок ранее использовался как императорское озеро для рыбной ловли. Е Цзяньин предложил делегации отдохнуть до приезда сюда премьера Чжоу Эньлая через 4 часа для приветственной церемонии и первого раунда обсуждений.

Приезд Чжоу Эньлая для встречи с нами являлся жестом огромной вежливости. В обычной дипломатической практике приезжающую делегацию принимают в каком-нибудь общественном здании принимающей страны, особенно если разница в протокольном ранге глав обеих делегаций настолько большая. (В отличие от Чжоу Эньлая, занимавшего пост премьера Государственного совета, моя должность как советника по вопросам национальной безопасности могла быть приравнена с протокольной точки зрения к должности заместителя секретаря кабинета министров, заместителя министра, то есть на три ступени ниже.)

Вскоре мы обнаружили, что запланированный для нас китайскими хозяевами график работы преимущественно состоит из развлечений: видимо, выжив после более чем 20 лет изоляции, они сейчас не очень-то и торопились заключить какое-то значимое соглашение. На пребывание в Пекине нам отводилось почти ровно 48 часов. Мы не могли продлить пребывание, поскольку нашего прибытия ждали в Париже на переговорах по Вьетнаму; кроме того, мы также не могли произвольно распоряжаться имеющим свой график президентским самолетом, доставившим нас из Пакистана в Пекин.

Когда мы увидели нашу программу пребывания, мы поняли: кроме перерыва в ожидании прибытия Чжоу Эньлая запланировано еще и четырехчасовое посещение Запретного

города. Таким образом, 8 часов из предоставленных нам 48 часов уходило на проведение культурного досуга. Как выяснилось, с Чжоу нельзя было встретиться на следующий вечер, занятый в связи с визитом северокорейского члена Политбюро, который нельзя было перенести, или, может быть, он мог служить прикрытием для секретной поездки. Если 16 часов отвести на две ночи сна, то остается менее 24 часов для первого диалога между странами, бывшими в состоянии войны, почти войны, и без значительных дипломатических сношений в течение 20 лет.

Фактически мы могли провести только два раунда переговоров: семь часов в день прибытия с 16.30 до 23.20 и шесть часов на следующий день с 12.00 до примерно 18.30. Первая встреча состоялась в государственной резиденции для высокопоставленных гостей — Соединенные Штаты выступали как принимающая сторона в соответствии с китайским протоколом. Вторая — в здании Всекитайского собрания народных представителей, где нас принимало китайское правительство.

Можно спорить по поводу того, являлась ли очевидная китайская бесстрастность некоей формой психологического давления. Разумеется, если бы мы уехали, не добившись прогресса, получился бы крупный конфуз для Никсона, не поделившегося информацией о моей поездке ни с кем из других членов правительства. Но если мы верно оценивали китайскую дипломатию за последние два года, то причины, побудившие Мао Цзэдуна направить приглашение делегации, могли выйти из-под контроля в случае неудачи американской миссии в Пекине.

Конфронтация не имела смысла ни для одной из сторон, потому мы и оказались в Пекине. Никсон очень хотел поднять американский престиж, утерянный из-за Вьетнама. Мао Цзэдун же принял решение, стремясь заставить Советы призадуматься перед тем, как начинать военные действия. Ни одна сторона не могла допустить провала. Каждая из них сделала крупные ставки в политической игре.

В редком совпадении анализов обе стороны решили провести бóльшую часть времени в изучении отношения каждой из сторон к международному порядку. Поскольку конечной

целью визита ставилось начало процесса определения того, смогут ли ранее противостоявшие друг другу внешнеполитические линии прийти к союзничеству, то концептуальная дискуссия — по некоторым вопросам она напоминала больше беседу между двумя профессорами международных отношений, чем рабочий дипломатический диалог, — фактически вылилась в идеальную форму практической дипломатии.

Когда премьер прибыл, наше рукопожатие стало символическим жестом — по крайней мере до того момента, когда Никсон смог приехать в Китай для открытого повторения такого рукопожатия. В памяти еще был свеж отказ государственного секретаря Джона Фостера Даллеса пожать руки Чжоу Эньлаю на Женевской конференции 1954 года. Высказанное подобным образом пренебрежение вряд ли понравилось китайцам, хотя они в принципе, протестуя против этого, часто говорили, что им это безразлично. Затем мы направились в зал заседаний в Доме приемов и сели друг против друга за стол, покрытый зеленым сукном. Так начался первый опыт общения американской делегации с единственным лицом, проработавшим бок о бок с Мао Цзэдуном на протяжении почти полувека революций, войн, потрясений и дипломатических маневрирований.

Чжоу Эньлай

За почти 60 лет своей публичной жизни я не встречал более притягательной фигуры, чем Чжоу Эньлай. Невысокого роста, элегантный, с выразительным лицом, со сверкающими на нем глазами, он выделялся исключительным интеллектом и способностью постигать неуловимые оттенки психологии своего собеседника. Когда я встречался с ним, он уже находился на посту премьера в течение почти 22 лет, а соратником Мао Цзэдуна был 40 лет. Он сделал себя незаменимым в качестве важного посредника между Мао и народом, представлявшим собой сырой материал для обширных мероприятий Председателя, а также толкователя всеохватных воззрений Мао и человека, воплощавшего их в конкретных программах. В то же самое время он заслужил благодарность от многих китайцев

за смягчение эксцессов от этих воззрений, во всяком случае, тогда, когда запал Мао давал возможность добиться такого смягчения.

Различия между руководителями отражались в их личностях. Мао Цзэдун доминировал в любой аудитории, Чжоу Эньлай ее заполнял. Страсть Мао вела к подавлению оппозиции, ум Чжоу будет стараться переубедить или обыграть ее. Мао был язвительным человеком, Чжоу — проницательным. Мао считал себя философом, Чжоу видел свою роль в качестве администратора или ведущего переговоры. Мао желал бы ускорить ход истории, Чжоу удовлетворялся исследованием ее хода. Его любимая поговорка, часто им повторяемая, звучала так: «Кормчий должен справляться с волнами». Когда они находились рядом, вопрос об иерархии никогда не возникал: Чжоу являлся эталоном человека чрезвычайно уважительного поведения.

Позже Чжоу Эньлай подвергся критике за то, что он занимался смягчением некоторых экспериментов Мао Цзэдуна, но не сопротивлялся им. Когда американская делегация встретилась с Чжоу Эньлаем, Китай только что прошел через «культурную революцию», явной мишенью которой стал и он сам — космополит, получивший иностранное образование, сторонник прагматических связей с Западом. Был ли он инструментом ее проведения или старался ее притормозить? Разумеется, методы политического долголетия Чжоу Эньлая включали использование его опыта административной работы в претворении в жизнь политических действий, которые лично он находил противными. Однако, может быть, именно по этой причине его миновали чистки, ставшие судьбой многих руководителей его поколения в 1960-е годы (но в конце концов и он попал под нарастающую атаку, и его фактически отстранили от власти в конце 1973 года).

Советник правителя часто сталкивается с дилеммой балансирования между способностью воздействовать на события и возможностью их исключить, если он представит свои возражения против возобладавшего политического курса. Как способность смягчить превалирующее поведение правителя уравновешивает моральную ответственность за участие в его политических действиях? В чем баланс и каковыми могут быть

совокупные последствия от политики смягчения и от великого (но, возможно, обреченного) поступка неприятия его действий?

Дэн Сяопин поразительно тонко охарактеризовал эти дилеммы в следующей оценке роли Чжоу Эньлая в «культурной революции», в ходе которой Дэн и его семья сильно пострадали: «Без премьера «культурная революция» прошла бы еще хуже. И без премьера «культурная революция» не длилась бы так долго»[365]. По крайней мере открыто Дэн Сяопин решал эти вопросы в пользу Чжоу Эньлая. В интервью итальянской журналистке Ориане Фаллачи Дэн Сяопин после возвращения из ссылки заявил:

«Премьер Чжоу был человеком, работавшим много и не жаловавшимся на жизнь. Он трудился по 12 часов в день, а иногда и 16 часов и более, и так всю жизнь. Мы очень давно познакомились друг с другом, это было, когда мы жили во Франции, где в 1920-е годы мы находились по программе «работа — учеба». Я всегда относился к нему как к своему старшему брату. Мы выбрали революционный путь примерно в одно и то же время. Его товарищи и весь народ очень уважительно к нему относились. К счастью, он выжил в «культурную революцию», когда нас всех свалили. Он оказался в чрезвычайно трудном положении. Он говорил, что тогда ему пришлось сделать много такого, чего он не хотел бы делать. Но люди простили его, потому что, если бы он не делал и не говорил те вещи, он не смог бы выжить и сыграть нейтрализующую роль, какую он сумел сыграть, что помогло сократить потери. Ему удалось защитить порядочное число людей»[366].

Но были и противоположные точки зрения. Не все аналитики разделяли высокие оценки Дэн Сяопина перипетий политического долгожительства Чжоу Эньлая[367].

В моих с ним делах тонкий и чуткий стиль Чжоу Эньлая помогал преодолеть многие ловушки в разворачивающихся отношениях между двумя ранее враждовавшими крупными странами. Китайско-американское сближение началось как тактический ход периода «холодной войны» и трансформировалось в основу развития нового глобального порядка. Ни один из нас не питал иллюзий относительно того, что способен изменить основные убеждения другого. Как раз отсутствие

таких иллюзий и способствовало нашему диалогу. Но мы озвучили общие намерения, сохранившиеся на протяжении нашего пребывания на посту, — один из высших показателей, на который могут претендовать политические деятели.

Но все это еще предстояло понять и прожить в отдаленном будущем, когда Чжоу и я сели за покрытый сукном стол, желая понять, возможно ли вообще начало примирения. Чжоу Эньлай пригласил меня как гостя выступить первым. Я решил не вдаваться в подробности вопросов, разделявших две страны, а сосредоточился на развитии китайско-американских отношений с философским прочтением. Мои первые фразы содержали цветистые выражения нечто вроде: «Много гостей приезжало на эту прекрасную, а для нас таинственную землю...» И тут Чжоу Эньлай прервал меня: «Вы узнаете, что она не таинственная. Когда Вы с ней познакомитесь, она не будет выглядеть такой таинственной, как это кажется в первый раз»[368].

Разгадывать тайны друг друга — хороший способ определения наших проблем, но Чжоу Эньлай пошел дальше. В первом своем замечании по поводу прибытия американского представителя впервые за 20 лет он отметил, что восстановление дружбы является одной из главных задач нарождающихся отношений — мнение, уже высказанное им на встрече американской команды по настольному теннису.

Во время моего второго визита тремя месяцами позже Чжоу Эньлай встречал мою делегацию так, будто дружба уже стала установленным фактом:

«Это всего лишь вторая встреча, и я говорю то, что я хочу сказать Вам. Вы и г-н [Уинстон] Лорд уже знакомы с этим, а мисс [Диана] Мэтьюз [моя секретарь] и наш новый друг [обращаясь к офицеру Джону Хау, моему военному помощнику] еще нет. Вы, вероятно, думали, что коммунистическая партия Китая о трех головах и шести руках. И вот, нате вам, я такой же, как вы. Человек, с которым можно здраво рассуждать и разговаривать без утайки»[369].

В феврале 1973 года Мао обратил внимание на то же самое: Соединенные Штаты и Китай были когда-то «двумя врагами», высказался он, приглашая меня в свой кабинет, а «сейчас мы называем отношения между нами дружбой»[370].

Однако это был расчетливый, несентиментальный вид дружбы. Китайское коммунистическое руководство сохранило некоторые традиционные подходы в общении с варварами. При таком подходе противоположной стороне льстят, позволяя ей вступить в китайский «клуб» в качестве «старого друга». В такой ситуации трудно говорить о разногласиях, а конфронтация воспринимается весьма болезненно. Китайские дипломаты, когда проводят дипломатию Срединного государства, действуют так, чтобы подтолкнуть своих партнеров на признание китайского превосходства, и тогда уступка может выглядеть как предоставление особых льгот собеседнику.

В то же самое время упор на личные взаимоотношения выходит за рамки тактического приема. Китайская дипломатия за миллионы лет научилась тому, что в международных вопросах каждое очевидное решение фактически влечет за собой новую серию связанных с этим проблем. Отсюда китайские дипломаты считают продолжение отношений важной задачей и, возможно, более важной, чем официальные документы. Для сравнения: американская дипломатия предполагает разделение на автономные сегменты, с которыми ведется работа согласно их уровню. При этом американские дипломаты тоже высоко ценят личные отношения. Отличие состоит в том, что китайские руководители соотносят «дружбу» не столько с личными качествами, сколько с долгосрочными культурными, национальными или историческими связями; американцы подчеркивают личные качества своих партнеров. Китайские заверения в дружбе рассчитаны на длительные постоянные отношения на основе поощрения их нематериальной стороны; американские — пытаются поощрять происходящее, делая акцент на социальный контакт. Китайские руководители готовы платить (хотя и в небезграничных пределах) за то, чтобы сохранить за собой репутацию верных друзей — например, Мао Цзэдун пригласил Никсона сразу после его отставки, когда его подвергли острой критике. Такой же жест последовал в отношении бывшего премьер-министра Японии Какуэя Танаки, когда тот ушел в отставку после скандала в 1974 году.

Хорошую иллюстрацию китайского упора на нематериальное во взаимоотношениях я получил у Чжоу Эньлая во

время моего визита в октябре 1971 года. Я предложил направить передовую группу для подготовки президентского визита, сказав, что, поскольку у нас в работе много значимых вопросов, нельзя позволить техническим проблемам мешать нам. Чжоу Эньлай ответил, превратив мой рабочий вопрос в систему культурных ценностей: «Правильно. Взаимное доверие и взаимное уважение. Вот два важных пункта». Я подчеркнул функциональность, Чжоу выделил общий смысл.

Одной особенностью культуры, часто приводимой китайскими руководителями в качестве примера, являлось их восприятие исторической перспективы — способность, а на деле необходимость, думать о времени в категориях, отличных от применяемых на Западе. Чего бы ни достиг отдельный китайский руководитель, все обусловлено временными рамками, представляющими небольшой слепок общего опыта современного ему общества, в отличие от происходящего с другими руководителями в мире. Временные рамки и масштаб китайского прошлого дают возможность китайским руководителям использовать мантию почти безграничной истории, чтобы вызвать определенную скромность в своих партнерах (даже если то, что называют историей, является порой всего лишь образной интерпретацией). Иностранного собеседника можно заставить почувствовать, что он стоит на пути развития природы, а его действия расценены как заблуждение и предназначены для записи в виде сноски в обширных анналах китайской истории.

Во время первых контактов с нами по прибытии в Пекин Чжоу Эньлай предпринял героические усилия, стараясь в знак приветственного подарка представить американскую историю как более длинную, чем китайскую. Однако уже в следующем предложении он вновь вернулся к традиционному восприятию:

«Мы две страны по обе стороны Тихого океана, ваша с историей, насчитывающей 200 лет, наша — только 22 года, со времени основания нового Китая. Поэтому мы моложе вас. Что касается нашей древней культуры, то у каждой страны имеется своя древняя культура — индейцы в США и Мексике, империя инков в Южной Америке, которая даже еще древнее, чем китайская. Жаль, что не сохранились их священ-

ные писания, безвозвратно для нас утерянные. Что касается длинной истории Китая, хорошим моментом является то, что письменный язык представляет собой наследие, насчитывающее 4000 лет, о чем свидетельствуют исторические находки. Это благоприятствует объединению и развитию нашей нации»[371].

В общей сложности Чжоу Эньлай постарался очертить общие контуры нового подхода к международным отношениям, особо выделяя высокие моральные качества, выработанные под воздействием конфуцианства, а сейчас приписываемые воздействию коммунизма:

«Председатель Мао много раз говорил, что мы никогда не станем сверхдержавой. Мы стремимся к тому, чтобы все страны, большие или маленькие, были равны. Это не только вопрос равенства между двумя странами. Конечно, будет очень хорошо, если мы станем вести переговоры между нашими странами и обмениваться взглядами на основе равенства, будем стремиться к нахождению общих точек соприкосновения, вынося за стол переговоров и вопросы, нас разделяющие. Для реального достижения ослабления напряженности на международной арене на сравнительно большой промежуток времени все дела должны вестись на основе равенства. Этого нелегко добиться»[372].

Макиавелли возразил бы, что в интересах нуждающейся в своем утверждении страны, но не желающей просить об этом необходимо стремиться к общему предложению, которое должно быть затем применимо к конкретному случаю. В этом заключалась одна из причин того, почему Чжоу Эньлай настаивал на том, что, каким бы мощным ни стал Китай, он будет поддерживать уникальный подход в международных делах и воздерживаться от традиционной концепции силы:

«Мы не рассматриваем себя державой. Хотя мы развиваем нашу экономику, по сравнению с другими мы относительно отсталые. Конечно, ваш президент упоминал также, что в следующие 5—10 лет Китай будет быстро развиваться. Мы думаем, это произойдет не так скоро, хотя мы постараемся напрячь все наши силы, поставим высокие цели и будем развивать социалистическое строительство лучше, быстрее и экономнее.

Вторая часть нашего ответа состоит в том, что, когда наша экономика станет развитой, мы по-прежнему не будем считать себя сверхдержавой и не присоединимся к сверхдержавам»[373].

Утверждение того, что Китай хочет только равенства между странами, ознаменовало отход от имперской истории, где Китай олицетворял собой Срединное государство. В этом также заключался способ заверить Соединенные Штаты в том, что Китай не является потенциальной угрозой, требующей сдерживающей силы. Принцип того, что китайское поведение на международной арене основывается на нормах, не учитывающих силу, заложен еще в конфуцианстве. Выдержит ли он испытание временем в качестве основы для новых отношений, будет зависеть от сочетаемости этих норм с давлением, которое страна испытывает во времена потрясений.

Большой проблемой секретного визита являлось установление достаточного уровня доверия, чтобы добиться превращения первой встречи в процесс. Почти всегда дипломатические обмены на высоком уровне начинаются с расчистки накопившихся повседневных проблем. Необычный аспект секретного визита заключался в том, что в отсутствие каких-либо контактов в течение 20 лет у нас не накопилось требующих расчистки повседневных проблем, за исключением двух, которые, как признавалось, не могли быть решены за короткий срок: Тайвань и Вьетнам. Вопрос заключался в том, как их отложить в сторону.

Обе эти проблемы можно было счесть аномалиями. В 1971 году — уже и не верится — Соединенные Штаты не признавали Пекин столицей Китая. Китай и Америка не имели дипломатов другой стороны в своих столицах, между ними не существовало прямой связи друг с другом. Посол США в Китае был аккредитован в Тайбэе, а китайский посол в Соединенных Штатах представлял Тайвань. В Пекине вы не увидели бы ни одного американского дипломата или официального лица. (Так называемую Миссию связи учредили только полтора года спустя.)

Вторая аномалия — вьетнамская война. Частью моей миссии было добиться китайского понимания по поводу этой войны, которую Америка вела на китайских границах против союзника Китая. Мы оба, и Чжоу Эньлай, и я, знали: само мое

пребывание в Пекине — страшный удар по Ханою, чреватый его изоляцией, хотя ни Чжоу, ни я никогда не обсуждали этот вопрос в таких терминах[374].

Тайваньский вопрос крепко укоренился во внутреннюю канву обеих стран, его определяли два предварительных условия, заведшие в тупик всякие дипломатические шаги. Позиция Пекина состояла в том, что принятие Америкой принципа «одного Китая» являлось предварительным условием для любого продвижения. Американцы же требовали от Китая взять на себя обязательство решать проблему мирным путем, до того как США начнут ее обсуждать.

В ходе первого обсуждения повестки дня Чжоу Эньлай разрубил гордиев узел. В контактах еще до встречи он руководствовался принципом, когда обе стороны вольны поднимать любую тему, но еще не отказался от условия о том, что тайваньский вопрос подлежит обсуждению и предположительно должен решаться первым. Во время первого обмена мнениями Чжоу Эньлай выразил готовность к любому порядку очередности обсуждаемых тем, какой я бы ни предложил, — другими словами, необходимость обсуждать Тайвань отпала, а уж тем более речь не шла о первостепенности данного вопроса. Он также принял обратную связь, то есть поставить в зависимость урегулирование связанных с Тайванем вопросов с решением других проблем, например Индокитая:

«КИССИНДЖЕР: Хотел бы спросить премьер-министра, как предлагается приступить к работе. Мы можем поступить по одному из двух путей: каждая сторона называет проблемы, которые нас беспокоят, ответы на них будут даны позже, или приступим к обсуждению вопросов по очереди. Что Вы предпочитаете?

ЧЖОУ: А каково Ваше мнение?

КИССИНДЖЕР: У меня нет каких-то предпочтений. Может, мы поступим так: коль скоро премьер-министр Чжоу обозначил свои взгляды по Тайваню, мы могли бы изложить позиции по Индокитаю. Затем я бы рассказал ему о своей реакции на его заявление о Тайване, а он рассказал бы мне о своем мнении по поводу моего изложения видения проблемы Индокитая. Либо мы обсудим каждый вопрос отдельно в одно время.

ЧЖОУ: Любой путь приемлем, Вы решайте. Вы можете говорить все, что хотите. Вы первым можете говорить о тайваньском вопросе или по Индокитаю или объединить их, поскольку Вы, кажется, полагаете, что они взаимосвязаны.

КИССИНДЖЕР: Я считаю, они в какой-то степени связаны»[375].

Как в итоге оказалось, мы вывели свои войска с Тайваня на условии урегулирования войны в Индокитае.

Основательно изложенная Чжоу Эньлаем позиция по Тайваню во время первого раунда дискуссий в первый день встречи не открыла нам ничего нового: мы слышали ее на 136-й варшавской встрече. Соединенным Штатам следует «признать КНР как единственное законное правительство Китая и не делать никаких исключений», а также признать Тайвань «неотъемлемой частью Китая»[376]. «Естественная логика дела» подсказывала — Соединенные Штаты должны «вывести все свои вооруженные силы и демонтировать все свои военные объекты на Тайване и в Тайваньском проливе в течение ограниченного периода времени»[377]. По мере выполнения данного процесса договор об обороне между США и Китайской Республикой — чью законность Пекин не признавал — «перестанет существовать»[378].

Во время секретной поездки в Китай не было разницы между Пекином и Тайбэем в оценке природы китайского государства. Обе китайские стороны придерживались одного принципа; тайваньские власти запрещали агитацию за независимость. Потому для Соединенных Штатов согласие с принципом «одного Китая» не представляло проблемы в отличие от постановки вопроса о признании Пекина столицей объединенного Китая в течение временных рамок, совпадающих с внутренними потребностями Америки. Секретная поездка дала старт значительному процессу, при помощи которого Соединенные Штаты поэтапно приняли концепцию «одного Китая», а Китай проявил чрезвычайную гибкость в вопросе времени ее воплощения в жизнь. Американские президенты, сменявшие друг друга и представлявшие обе партии, умело соблюдали балансирование. Они шаг за шагом углубляли отношения с Пекином, создавая условия для процветания экономики и демократии на Тайване. Сменявшие друг друга

китайские руководители, твердо отстаивая свое видение принципа «одного Китая», не доводили дело до столкновений.

Чжоу Эньлай последовал тому же принципу по Вьетнаму, что я по Тайваню в плане ухода от дачи немедленных обязательств, без демонстрации какой-то срочности в деле урегулирования. Чжоу выслушал мое выступление и задал острые вопросы. Однако он удержался от оказания какого бы то ни было морального давления, а уж тем более угроз. Он объяснил поддержку, оказываемую Китаем Вьетнаму, историческими, а не идеологическими или стратегическими причинами. «От наших предков остался долг, который мы платим им. После освобождения мы больше не несем ответственности, поскольку мы сбросили старую систему. Но мы до сих пор испытываем глубокую симпатию к ним»[379]. Симпатия, конечно, отнюдь не то же самое, что политическая или военная поддержка; требовался осторожный подход в изложении того, что Китай не будет вовлечен в военные действия или будет оказывать на нас давление дипломатическим путем.

Во время ленча, состоявшегося на следующий день в здании ВСНП, Чжоу неожиданно поднял вопрос о «культурной революции». Несомненно, мы наблюдали за ней извне, заметил он, но он хотел, чтобы гости поняли путь, которым шел Китай — каким бы запутанным он ни был, — к тому, чтобы китайские и американские руководители могли бы сейчас встретиться.

Мао Цзэдун стремился очистить коммунистическую партию и сломать бюрократические структуры, объяснял Чжоу. Для этих целей он создал организацию хунвэйбинов как внепартийный и неправительственный орган, в чью задачу входило вернуть систему к правильной идеологии и идеологической чистоте. Решение обернулось беспорядками, так как различные отряды хунвэйбинов проводили все более обособленную и несовместимую друг с другом политику. По оценке Чжоу Эньлая, ситуация дошла до того, что различные организации или даже регионы создавали свои собственные отряды хунвэйбинов для собственной защиты в распространявшемся хаосе. Зрелище стычек между расколовшимися подразделениями хунвэйбинов ввергло людей, воспитанных на всеобщей истине веры в коммунизм и веры в единство Китая, в настоя-

щий шок. В такой ситуации Председатель Мао потребовал от НОАК восстановить порядок, после того как страна в целом достигла прогресса в деле нанесения поражения бюрократии и очищения их убеждений.

Чжоу Эньлай находился в щекотливом положении, излагая оценки, которые его, должно быть, заставил делать Мао Цзэдун. Он четко старался отделить себя от «культурной революции», но при этом оставаться лояльным Мао Цзэдуну, который будет читать запись беседы. В то время я пытался подвести для себя итог главной мысли Чжоу Эньлая. Он продемонстрировал некую степень отстраненности от Мао, а поддержка Мао носила ограниченный характер. Итог таков: во время «культурной революции» возник большой хаос. Однажды хунвэйбины заперли Чжоу в его собственном кабинете. С другой стороны, Чжоу Эньлай не обладал такой же прозорливостью, как Председатель Мао, видевший необходимость вливания новой энергии в революцию[380].

Зачем понадобилось рассказывать все это американской делегации во время первого визита из Соединенных Штатов за 20 лет? Поскольку целью ставилось пойти дальше нормализации к тому, что наши собеседники называли дружбой, но что правильнее было бы назвать стратегическим сотрудничеством, важно было представить Китай как страну, покончившую с беспорядками, а потому надежную. Прошедшая через «культурную революцию» страна, как намекал Чжоу Эньлай, способна противостоять любому иностранному врагу как объединенная, посему могла рассматриваться в качестве потенциального партнера против советской угрозы. Чжоу дал ясно это понять на официальном заседании, последовавшем сразу после ленча. Заседание прошло в Зале провинции Фуцзянь в помещении Всекитайского собрания народных представителей, где каждый зал имеет название китайской провинции. Фуцзянь — провинция, в которую по административному делению как Пекина, так и Тайбэя входят Тайвань* и так называемые прибрежные острова[381]. Чжоу ни словом не обмол-

* Согласно административному делению КНР, Тайвань является самостоятельной провинцией Китая и не входит в провинцию Фуцзянь. Аналогичный подход сохраняется и у властей Тайваня. — *Примеч. пер.*

вился по поводу такой символичности, а американцы данный факт проигнорировали.

Чжоу Эньлай начал с описания неуязвимости Китая, даже если все потенциальные противники объединятся против него:

«Вам нравится говорить о философии. Самым худшим было бы, если бы Китай снова стали делить на части. Вы можете объединиться, и тогда СССР захватит все территории севернее реки Хуанхэ, вы оккупируете районы южнее реки Янцзы, а восточный участок между этими двумя реками достанется Японии...

Случись такой огромный передел, что готовы были бы сделать коммунистическая партия Китая и Председатель Мао? Мы подготовим сопротивление на длительный период, начнем народную войну и будем долго сражаться до окончательной победы. Конечно, на это потребуется время, нам придется пожертвовать жизнями, но нам следует думать над таким развитием событий»[382].

Судя по недавно открытым китайским историческим документам, Мао Цзэдун специально инструктировал Чжоу Эньлая, чтобы тот «похвастался», что, мол, «хотя в Поднебесной стоит большой хаос, ситуация великолепна»[383]. Мао Цзэдун беспокоился по поводу советской агрессии, но он не хотел демонстрировать свою озабоченность, а уж тем более показывать, что он просит о помощи. Рассказ о беспорядках в Поднебесной являлся его способом выяснить отношение американцев, но при этом не стоило показывать обеспокоенность и не следовало обращаться к ним ни с какими просьбами: следовало просто обрисовать в общих чертах и ощущаемую по максимуму угрозу, и способность смелого Китая противостоять даже ей. Ни из каких американских разведданных не вытекала возможность такого крутого развития событий; ни один из американских политических деятелей не рассматривал такого рода глобальный конфликт. Настолько широкая трактовка вероятного развития событий позволяла не выделять главную озабоченность — советское нападение, — и посему Китай не выглядел в роли просителя.

Несмотря на внешнюю очевидность, выступление Чжоу Эньлая представляло собой тонкий подход к дискуссии о

стратегическом сотрудничестве. В районе Атлантики нашими союзниками выступали дружественные нам страны, сталкивавшиеся с угрозой. Они старались получить заверения посредством превращения устных обещаний в юридически оформленные обязательства. Китайские руководители пошли другим путем. Как Китай готовится выстоять в одиночку, к тому же перед лицом ядерной угрозы, и в одиночку же вести затяжную партизанскую войну против коалиции всех крупных держав, стало стандартной историей, рассказываемой на протяжении последующих 10 лет. Цель этого — подчеркнуть, что опора на собственные силы станет их оружием и способом взаимной помощи, базирующейся на одинаковых восприятиях. Взаимные обязательства между Китаем и Соединенными Штатами не могли бы быть оформлены юридическим порядком, а заключались в разделяемом восприятии общей угрозы. Хотя Китай не обращался за помощью извне, он самопроизвольно будет сопротивляться от сознания разделяемого восприятия; ему придется обходиться самому, если другая сторона не разделяет — или не будет разделять — китайский взгляд на проблему вызова.

В самом конце заседания на второй день, при том, что вечером Чжоу предстоял визит высокопоставленного лица из Северной Кореи, а у нас еще оставалось 18 часов до времени отлета, которое мы не могли изменить, Чжоу Эньлай поднял вопрос о визите президента Никсона. Мы оба, Чжоу и я, вскользь упомянули о нем, но постарались избежать какихлибо уточнений деталей, ведь никто из нас не хотел получить отказ или выглядеть в роли просящего. В итоге Чжоу Эньлай принял отличное решение перейти к другому вопросу повестки дня:

«ЧЖОУ: Что Вы думаете об объявлении этого визита?

КИССИНДЖЕР: Какого визита?

ЧЖОУ: Будет ли в сообщении идти речь только о Вашем визите или и о визите президента Никсона тоже?

КИССИНДЖЕР: Мы объявим о моем визите и сообщим, что Председатель Мао передал приглашение президенту Никсону и что он его принял, либо в принципе, либо в условленную дату, весной следующего года. Каково Ваше мнение? Думаю, лучше объединить оба сообщения.

ЧЖОУ: Тогда обе стороны могут назначить уполномоченных для выработки проекта сообщения?

КИССИНДЖЕР: Мы будем вести проработку в контексте того, что мы обсуждали.

ЧЖОУ: Оба визита.

КИССИНДЖЕР: Так будет хорошо.

ЧЖОУ: Мы постараемся. ...У меня мероприятие в шесть часов вечера, и оно продлится до 22.00. Мой кабинет открыт для Вас. Или Вы можете поехать в резиденцию и там обсудить вопрос. Вы можете поужинать, отдохнуть и посмотреть фильм.

КИССИНДЖЕР: Мы встретимся в 10 вечера.

ЧЖОУ: Да, я приеду к вам в резиденцию. Мы будем работать всю ночь»[384].

Но коммюнике той ночью подготовить не удалось. Мы зашли в тупик по поводу того, кто кого приглашает. Каждая сторона хотела выставить другую как сильно желающую этого. Мы сняли разногласие. Проект должен был получить одобрение Председателя, но Мао уже ушел спать. В итоге Мао Цзэдун одобрил формулировку, сообщавшую, что Чжоу Эньлай, «узнав о желании президента Никсона посетить Китайскую Народную Республику», «передал приглашение», которое Никсон принял «с удовольствием».

Мы закончили выработку положений заявления о визите президента Никсона буквально перед последним сроком нашего отлета, в полдень воскресенья, 11 июля. «Наше сообщение потрясет мир», — сказал Чжоу Эньлай, и делегация улетела, скрывая свое волнение до того часа, когда весь мир окажется потрясенным. Я информировал Никсона в его «Западном Белом доме» в Сан-Клементе. Затем 15 июля одновременно и открыто прозвучали сообщения из Лос-Анджелеса и Пекина о секретной поездке и приглашении.

Никсон в Китае: встреча с Мао Цзэдуном

Спустя 7 месяцев после секретной поездки, 21 февраля 1972 года, в промозглый зимний день президент Никсон прибыл в Пекин. Это был момент триумфа для президента, ярого антикоммуниста, видевшего геополитические возможности и

смело их использовавшего. В знак смелого решения, приведшего к этому дню, и новой эры, открываемой им, он захотел спуститься с трапа самолета президента США для встречи с Чжоу Эньлаем, стоявшим на летном поле в своем безукоризненном френче а-ля Мао, а китайский военный оркестр играл марш «Национальный флаг США». Затем должное символическое рукопожатие, перечеркнувшее пренебрежительность Даллеса. Но для исторического события все происходило до странности без единого звука. Когда автомобильный кортеж Никсона въехал в Пекин, на улицах не оказалось зевак. И о его прибытии сообщили последним пунктом в сводке вечерних новостей[385].

Итоговое коммюнике, такое же революционное по духу, как и само по себе восстановление отношений, еще не было полностью согласовано — особенно по ключевому пункту о Тайване. Еще было рано праздновать, и это, возможно, ослабляло китайские переговорные позиции деланного спокойствия. Китайские руководители к тому же знали, что их вьетнамские союзники пришли в бешенство от того, что Китай дал возможность Никсону сплотить американский народ. Публичное появление их врага в столице союзника оказалось слишком большим ударом по хрупким китайско-вьетнамским отношениям.

Наши хозяева компенсировали отсутствие уличных встречающих приглашением Никсона на встречу с Мао Цзэдуном почти сразу же после прибытия. «Приглашение» не совсем точное определение того, как происходили встречи с Мао. График встреч не планировался заранее; они шли как природные явления, являясь отголосками императорских аудиенций. Первая особенность приглашения Мао Цзэдуна Никсону проявилась, когда вскоре после нашего прибытия мне передали, что Чжоу Эньлай хочет увидеться со мной в комнате приемов. Он сообщил мне о желании «Председателя Мао встретиться с президентом». Чтобы не создавалось впечатления, будто Никсона в приказном порядке требуют на встречу, я поднял некоторые технические вопросы по порядку во время вечернего банкета. Проявляя нехарактерное для него нетерпение, Чжоу Эньлай ответил: «Поскольку Председатель приглашает его, он хочет видеть его очень скоро». Приветствуя

Никсона в самом начале его визита, Мао Цзэдун давал знак своего благословения для внутренней и внешней аудитории еще до начала переговоров. В сопровождении Чжоу Эньлая мы направились в резиденцию Мао Цзэдуна на китайских машинах. Американскую службу охраны не пустили, а прессу должны были информировать после встречи.

К резиденции Мао подъехали через широкие ворота, расположенные по оси восток— запад в древней городской стене, сооруженной еще до коммунистической революции. Внутри императорского города дорога огибала озеро, на противоположном берегу которого стояло несколько особняков для высокопоставленных лиц, построенных во времена китайско-советской дружбы и отражавших тяжелый сталинский стиль периода строительства советских государственных особняков для гостей.

И резиденция Мао Цзэдуна оказалась такой же, хотя стояла чуть далее от остальных. Вокруг не видно было охраны или каких-то других признаков принадлежности к власти. В маленькой прихожей почти все место занимал стол для настольного тенниса. Но мы в ней не остановились, а прошли прямо в кабинет Мао, комнату скромных размеров, с книжными полками вдоль трех стен, заполненными разной литературой в довольно разбросанном виде. Книги лежали на столах и были свалены на полу. В углу стояла простая бамбуковая кровать. Всевластный правитель наиболее населенной страны мира хотел бы, чтобы его воспринимали как государя-философа, не нуждающегося в подкреплении своей власти традиционными символами величия.

Мао Цзэдун встал с кресла, стоящего посреди полукружья из кресел, его помощник стоял рядом, чтобы, если потребуется, поддержать его. Позже мы узнали, что за несколько недель до встречи у него случились приступы болезни сердца и легких, в результате чего он ослабел и у него возникали проблемы при ходьбе. Преодолев слабость, Мао Цзэдун источал чрезвычайную силу воли и решительность. Он взял руки Никсона в обе руки и улыбнулся самой благожелательной улыбкой. Фотография появилась во всех китайских газетах. Китайцам очень удавалось использовать фотографии Мао для передачи настроения и указания политического курса. Когда Мао Цзэдун

смотрел сердито, приближались бури. Когда на снимке его палец указывал на собеседника, это был обиженный учитель, испытывающий какие-то сомнения.

На этой встрече мы впервые познакомились с шутками Мао Цзэдуна и его стилем ведения беседы с использованием недоговорок и иносказаний. Многие политические лидеры передают свои мысли в виде отрывочных выстрелов. Мао высказывал свои идеи в манере Сократа. Он начинал с вопроса или со своих замечаний и приглашал дать комментарий. А затем высказывал следующее замечание. И вот так из переплетения саркастических ремарок, замечаний и вопросов возникало некое направление, впрочем, весьма редко имеющее силу обязательства.

С самого начала Мао Цзэдун отказался от какого бы то ни было намерения вести либо философский, либо стратегический диалог с Никсоном. Никсон упомянул китайскому заместителю министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа, направленному сопровождать президентскую группу из Шанхая в Пекин (самолет президент США остановился в Шанхае и взял на борт китайского штурмана), что он предвкушал возможность обсуждения философских тем с Председателем. Мао же не испытывал никакого желания. Учитывая, что я был единственным доктором философии, он добавил: «А что, если мы попросим его сегодня быть главным выступающим?» Как бы по привычке, Мао Цзэдун играл на «противоречиях» между своими гостями: этот язвительный уход от обсуждения философских тем мог бы послужить для создания потенциального раскола между президентом и его советником по вопросам национальной безопасности — президентам обычно не нравится, когда их затмевают советники по вопросам безопасности.

Не хотел Мао и использовать встречу с Никсоном для обсуждения вызовов, брошенных рядом стран, которые он перечислил. Никсон так обозначил основные вопросы:

«Мы, к примеру, должны задаться вопросом — опять только между нами, — почему у Советов сконцентрировано военных сил на границе с вами больше, чем на границе с Западной Европой. Мы должны спросить себя, каким должно быть будущее Японии? Лучше ли для Японии — тут, как я понимаю, между нами есть различие, — лучше ли для нее быть нейтраль-

ной, полностью беззащитной, или для Японии лучше на какое-то время иметь определенные отношения с Соединенными Штатами? ...Вопрос в том, перед какой опасностью стоит Народная Республика. Это опасность американской агрессии или советской агрессии?»[386]

Мао Цзэдун отказался захватить такую приманку: «Я не очень хочу влезать во все эти беспокойные вопросы». Он предложил обсудить их с премьером.

Что же тогда хотел передать Мао через свой явно несвязный диалог? Возможно, самыми главными посланиями как раз и следует считать вещи, которых не случилось. Во-первых, после десятилетий взаимных упреков по поводу Тайваня вопрос вообще не всплыл. Этой теме уделили всего лишь такую фразу:

«МАО: Наш общий старый друг генералиссимус Чан Кайши не одобрит это. Он называет нас коммунистическими бандитами. Недавно он опубликовал свое выступление. Вы его видели?

НИКСОН: Чан Кайши зовет Председателя бандитом. А как Председатель называет Чан Кайши?

ЧЖОУ: В целом мы называем их кликой Чан Кайши. В газетах иногда мы зовем их тоже бандитами; и они нас тоже называют бандитами. Так или иначе, мы обзываем друг друга.

МАО: На самом деле история нашей дружбы с ним намного длиннее, чем вашей дружбы с ним»[387].

Никаких угроз, никаких требований, никаких ссылок на тупики в прошлом. После одной войны, двух военных столкновений и 136 ничем не завершившихся встреч на уровне послов тайваньский вопрос потерял свою срочность. Его отставили в сторону, по крайней мере на какое-то время, как впервые предложил Чжоу Эньлай на секретной встрече.

Во-вторых, Мао Цзэдун хотел сказать, что Никсон желанный гость. Об этом позаботились фотографы. В-третьих, Мао очень хотелось отвести все угрозы Китаю на Соединенные Штаты:

«В настоящее время вопрос агрессии со стороны Соединенных Штатов или агрессии со стороны Китая сравнительно мал; то есть, можно сказать, это не крупная проблема, поскольку в нынешней ситуации не существует состояния войны

между нашими двумя государствами. Вы хотите вывести часть своих войск на родную землю; наши войска не размещаются за границей»[388].

Эта фраза с подтекстом о китайских войсках, размещающихся в стране, сняла напряженность по поводу того, что Вьетнам мог бы закончиться, как в Корее, массовой китайской интервенцией.

В-четвертых, Мао Цзэдун хотел передать, что, столкнувшись с проблемой в проведении политики открытия для Америки, он сумел преодолеть ее. Он высказал язвительную эпитафию Линь Бяо, сбежавшему на военном самолете из столицы в Монголию в сентябре 1971 года после якобы совершенной им неудачной попытки переворота:

«В нашей стране также имеется реакционная группировка, выступающая против наших контактов с вами. В результате они сели в самолет и улетели за границу. ...А что касается Советского Союза, то они в итоге поехали откапывать трупы, но они ничего не говорят об этом»[389].

В-пятых, Мао Цзэдун выступил за ускоренное двустороннее сотрудничество и настаивал на скорейшем проведении технических переговоров по данному вопросу:

«Мы очень забюрократизированы в делах по разным поводам. Например, вы хотите обмена людьми на личном уровне и тому подобное, а также развивать торговлю. Но вместо того чтобы заниматься этим, мы застреваем на нашей позиции, считая, что без решения крупных вопросов нельзя ничего поделать с мелкими проблемами. Я сам настаивал на такой позиции. Позднее я понял — вы были правы, потому сыграли в настольный теннис»[390].

В-шестых, он подчеркнул свой добрый настрой к Никсону как в личном плане, так и потому, что, как он сказал, он предпочитает иметь дело с правыми правительствами, поскольку им можно больше доверять. Мы услышали от Мао Цзэдуна, инициатора «большого скачка» и кампании борьбы с правыми, удивительное высказывание. Оказывается, он «голосовал за» Никсона и был «почти счастлив, когда эти люди правого уклона пришли к власти» (на Западе по крайней мере):

«НИКСОН: Когда Председатель говорит, что голосовал за меня, он голосовал за меньшее из двух зол.

МАО: Мне нравятся правые. Говорят, вы — правые, что Республиканская партия — правые, что премьер-министр Хит[391] тоже правый.

НИКСОН: И генерал де Голль[392].

МАО: Де Голль — совсем другое дело. Говорят также, христианские демократы в Германии тоже правые. Я почти счастлив, когда эти люди, занимающие правые позиции, приходят к власти»[393].

Тем не менее он предупредил, что если демократы получат власть в Вашингтоне, Китай и с ними также установит контакты.

В начале визита Никсона Мао Цзэдун выразил готовность заняться выработкой основного направления, хотя не собирался уделять внимание еще и деталям этих специфических переговоров. Оставалось неясным, будет ли найдена формулировка о Тайване (все другие вопросы по существу уладили). Но он ничего не имел против насыщенной повестки дня сотрудничества во время 15-часового диалога, намеченного между Никсоном и Чжоу Эньлаем. При определенном основном направлении Мао Цзэдун рекомендовал проявить терпение и подстраховывал на случай, если нам не удастся выйти на согласованное коммюнике. Мао Цзэдун не относился к этому препятствию как к неудаче, считая, что оно должно подстегнуть к новым усилиям. Нависающее стратегическое распределение сил пересилило все другие озабоченности — даже тупик вокруг Тайваня. Мао Цзэдун советовал обеим сторонам не рассчитывать на проведение всего лишь одного раунда переговоров:

«Хорошо, когда переговоры идут хорошо, и даже хорошо, если нет согласия, потому что, какой от этого прок, если мы будем стоять в тупике? Почему мы должны достичь результатов? Народ станет говорить... если нам это не удастся с первого раза, потом люди будут говорить, почему нам не удалось сделать это с первого раза? Причина будет одна — мы пошли не тем путем. Что они скажут, если нам повезет во второй раз?»[394]

Другими словами, если даже по каким-то непредвиденным причинам начавшиеся переговоры зашли бы в тупик, Китай продолжал бы настойчиво действовать для достижения жела-

емого результата — установления стратегического сотрудничества с Америкой в будущем.

Поскольку встреча заканчивалась, Мао Цзэдун, проповедник перманентной революции, подчеркнул президенту поносимого до сей поры капиталистического и империалистического общества, что идеология больше не влияет на отношения между двумя странами:

«МАО: [показывая на Киссинджера] «Поймаешь момент, поймаешь шанс». Я полагаю, что, в общем говоря, люди, похожие на меня, звучат подобно пушкам. [Чжоу смеется.] То есть трубим громогласно типа «весь мир должен объединиться и нанести поражение империализму, ревизионизму и всем реакционерам, построить социализм»[395].

Мао Цзэдун от души рассмеялся над тем, что кто-то мог всерьез воспринимать лозунг, десятилетиями украшавший общественные здания в Китае. Он закончил разговор такого рода язвительным замечанием, издевкой и заверением:

«Но Вы, возможно, как отдельная личность, не окажетесь среди тех, кого должны свергнуть. Говорят, он [д-р Киссинджер] тоже будет среди тех, кого лично не будут свергать. Если вас всех свергнут, у нас не останется больше друзей»[396].

Получив искренние заверения по поводу нашей личной свободы на долгий срок и затвердив неидеологизированные основы наших отношений со стороны наивысшего авторитета в этой области, обе стороны провели пять дней в переговорах, банкетах, перемежавшихся ознакомительными поездками.

Диалог Никсон — Чжоу Эньлай

Основные вопросы были разделены на три категории. В первую входили долгосрочные цели двух сторон и их сотрудничество против гегемонистских держав — подразумевался Советский Союз во избежание оскорбительных замечаний, если бы его упоминали напрямую. Переговоры предстояло вести лично Чжоу Эньлаю и Никсону и узкому кругу сотрудников, включая меня. Мы встречались по меньшей мере по три часа каждый день после обеда.

Во вторую входили вопросы экономического сотрудничества и научно-технических обменов. Этот форум вели министры иностранных дел двух стран. Последней была группа по подготовке заключительного коммюнике во главе с заместителем министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа и мной. Встречи этой группы проходили поздно ночью после завершения приемов.

Встречи между Никсоном и Чжоу Эньлаем были уникальны для встреч между главами правительств (Никсон, разумеется, был также и главой государства) тем, что они не занимались какими-либо современными вопросами; эти вопросы находились в ведении группы по разработке проектов совместных документов и группы министров иностранных дел. Никсон сосредоточился на изложении концептуальной «дорожной карты» американской политики своему партнеру. При наличии отправной точки для обеих сторон было важно, чтобы наши китайские собеседники услышали мнение авторитетного и надежного проводника по американским задачам.

Никсон был чрезвычайно хорошо вооружен для этой роли. На переговорах он не стремился ввязываться в конфронтацию с другой стороной, а посему то, что он избегал их, могло производить впечатление туманности и двусмысленности. Но он очень хорошо умел давать краткий анализ. Среди десяти известных мне американских президентов он обладал уникальной хваткой в отношении долгосрочных международных тенденций. Он использовал все 15 часов встреч с Чжоу Эньлаем для изложения тому видения американо-китайских отношений и их воздействия на события в мире.

Пока я находился на пути в Китай, Никсон обрисовал свои виды на будущее послу США в Тайбэе, перед которым стояла болезненная задача объяснить властям страны пребывания тот факт, что в предстоящие годы Америка будет перемещать акценты в своей китайской политике с Тайбэя на Пекин:

«Мы должны иметь в виду, а они [Тайбэй] должны приготовиться к тому факту, что продолжится развитие поэтапных, более нормальных отношений с другими — материковым Китаем. Этого требуют наши интересы. Не потому, что они нравятся нам, а потому, что они находятся там. ...И потому, что мировая обстановка так кардинально изменилась»[397].

Никсон предвидел, что, несмотря на беспорядки и нужду в Китае, выдающиеся способности его народа в конечном счете выведут Китай в число первых мировых держав:

«Ну, вы просто остановитесь на минутку и подумайте, что произойдет, если кто-нибудь, обладая нормальной системой управления, получит контроль над материком. Бог мой! ...В мире не найдется страны, которая сможет сравниться с ними. Я имею в виду, если вы сможете заставить 800 миллионов китайцев работать при нормальной системе... они станут ведущими в мире»[398].

Находясь уже в Пекине, Никсон оказался в своей стихии. Какими бы ни были его давно устоявшиеся взгляды на коммунизм как систему управления, он прибыл в Китай, не собираясь убеждать его руководителей перенять американские принципы демократии или свободного предпринимательства, считая это бесполезным. Во время «холодной войны» Никсон стремился к стабильному международному порядку для мира, переполненного ядерным оружием. Таким образом, во время первой встречи с Чжоу Эньлаем Никсон отдал дань искренности революционеров, чей успех он ранее осуждал как признак поражения американской политики: «Мы знаем, что вы глубоко верите в ваши принципы, а мы глубоко верим в свои. Мы не требуем от вас отказаться от ваших принципов, точно так же, как и вы не должны требовать от нас отказаться от наших»[399].

Никсон признал, что его принципы ранее привели его — как и многих других его соотечественников — к тому, чтобы защищать курс, противоположный китайским целям. Однако мир изменился, и теперь американские интересы требуют от Вашингтона приспособиться к назревшим переменам:

«Моя точка зрения, поскольку я работал в администрации Эйзенхауэра, сходна с взглядами г-на Даллеса в то время. Но мир с тех пор изменился, и отношения между Народной Республикой и Соединенными Штатами должны меняться также. Как сказал премьер-министр на встрече с д-ром Киссинджером, кормчий должен уметь подхватить волну, иначе его смоет течением»[400].

Никсон предложил взять за основу внешней политики согласование интересов. При условии ясного понимания на-

ционального интереса и принятия в расчет общей заинтересованности в стабильности или по крайней мере в том, чтобы избежать катастрофы, будет обеспечена предсказуемость китайско-американских отношений:

«Здесь можно сказать: премьер-министр знает, и я знаю, что дружба — установившаяся, как я полагаю, между нами — не может служить основой для развития отношений, не одна только дружба. ...Как друзьям, нам могут понравиться какие-то приятные слова, но до тех пор пока наши национальные интересы будут обеспечиваться соглашениями, оформленными лишь таким языком, это мало что будет значить»[401].

При таком подходе непременным предварительным условием настоящего сотрудничества являлась откровенность. Как Никсон сказал Чжоу Эньлаю: «Важно добиться между нами полной откровенности и понимания того, что ни один из нас не станет ничего делать, пока мы не решим, что это в наших интересах»[402]. Противники Никсона часто критиковали эти и подобные заявления как проявление эгоизма. И тем не менее китайские руководители к ним частенько возвращались, рассматривая их как гарантию надежности Америки, поскольку они были точными, поддающимися измерению и взаимно обязывающими.

На этой основе Никсон выдвинул мотивировку для долгосрочной американской роли в Азии, даже после вывода большей части войск США из Вьетнама. Что в этом было необычным, так это то, что он представил все это как предмет *взаимного* интереса. Десятилетиями китайская пропаганда критиковала американское присутствие в регионе как форму колониального гнета и призывала «народ» подняться против него. Но в Пекине Никсон настоял на том, что геополитические потребности превосходят идеологические, — само его присутствие в Пекине подтверждало этот вывод. При наличии одного миллиона советских войск на северных границах Китая Пекин не мог больше основывать свою внешнюю политику на лозунгах о необходимости свергнуть «американский империализм». В беседе со мной еще до этой поездки он так подчеркнул жизненно важную роль Америки в мире:

«Нам не следует слишком оправдываться за ту роль, которую Америка играет в мире. Нам не следует это делать — ни в

прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Нам не следует слишком много говорить о том, что Америка собирается делать. Другими словами, нам не надо бить себя в грудь, носить власяницу. Ну хорошо, мы выведем войска, мы сделаем то, мы сделаем это и тому подобное. Потому как я полагаю, мы должны сказать, например: «Кому Америка угрожает? Кому, по-вашему, пристало бы играть эту роль?»[403]

Обращение к национальному интересу в его абсолютной форме, как это было сделано Никсоном, трудно применить в качестве единственной организационной концепции международного порядка. Условия, по которым определяется национальный интерес, слишком часто меняются, а возможные изменения в интерпретации слишком велики, чтобы быть единственным надежным проводником в линии поведения. Необходимо, как правило, некоторое соответствие ценностей для появления элемента сдержанности.

Когда Китай и Соединенные Штаты впервые начали иметь дело друг с другом после перерыва в 20 лет, обе стороны обладали разными, если не противоположными, ценностями. Консенсус по вопросу о национальном интересе при всех трудностях был самым значимым элементом, которого можно было достичь. Идеология привела бы обе стороны к конфронтации, заставив помериться силами по широкому кругу проблем.

Достаточно ли одного прагматизма? Он может обострить столкновения интересов так же легко, как и урегулировать их. Каждая из сторон будет знать свои цели лучше, чем другая сторона. Многое будет зависеть от прочности своих внутренних позиций: уступки, необходимые с прагматической точки зрения, могут быть использованы внутренними противниками как проявление слабости. Отсюда постоянное искушение поднять ставки. В первом опыте ведения дел с Китаем вопрос состоял в том, как сочетаются формулировки интересов или как помочь им сблизиться. Рассуждения Никсона и Чжоу Эньлая предоставляли рамки для нахождения совпадений интересов; мостиком для этого послужили Шанхайское коммюнике и неоднократно дебатировавшийся параграф о будущем Тайваня.

Шанхайское коммюнике

Обычно коммюнике живут недолго, прозябая на полках. Они определяют больше настроение, чем направление. Но судьба коммюнике, подводившего итог визиту Никсона в Пекин, оказалась иной.

Руководителям нравится создавать впечатление, будто коммюнике возникают сразу в своей полной форме в их головах и из разговоров со своими партнерами. Они не опровергают распространенное мнение о том, что руководители сами пишут и обсуждают каждую запятую в коммюнике. Опытные и мудрые лидеры прекрасно понимают истинное положение вещей. Никсон и Чжоу Эньлай понимали опасность того, чтобы обязывать руководителей составлять проект итогового документа при цейтноте во время встреч в верхах. Обычно люди с сильной волей — именно поэтому они и занимают те посты, которые занимают, — не в состоянии решить проблему цейтнота, когда времени не хватает, а средства массовой информации настаивают на публикации итогового документа. В результате дипломаты часто приезжают на крупные встречи с почти готовым проектом коммюнике.

Никсон направил меня в Пекин в октябре 1971 года — во второй раз — именно с этой целью. Во время состоявшихся обменов мнениями было решено, что кодовым названием этой поездки будет Поло II. Наше воображение полностью исчерпало себя после названия первой поездки Поло I. Главной целью Поло II ставилось согласование коммюнике, которое китайское руководство и президент могли бы одобрить по завершении поездки Никсона четырьмя месяцами позже.

Мы прибыли в Пекин во время беспорядков в китайской правительственной структуре. За несколько недель до этого назначенного преемником Мао Линь Бяо обвинили в попытке государственного переворота, размеры которого официально никогда не раскрывались. Существуют разные объяснения. Преобладало на то время мнение о том, что Линь Бяо, составитель «маленькой красной книжицы» — цитатника Мао, очевидно, решил, что безопасность Китая будет лучше обеспечена на основе возвращения к принципам «культурной революции», чем при помощи маневров с Америкой. Предпо-

лагалось также и то, что тем самым Линь Бяо фактически выступил против Мао Цзэдуна с позиций, более близких прагматическому подходу Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, и что его открытый идеологический выверт являлся способом оборонительной тактики[404].

Признаки кризиса виднелись повсюду вокруг нас, когда мои коллеги и я прибыли в Пекин 20 октября. По пути из аэропорта мы проезжали плакаты со знакомыми лозунгами «Долой американский империалистический капитализм и его прихвостней». Некоторые из плакатов были на английском языке. Листовки аналогичного содержания лежали в наших комнатах в государственной резиденции для гостей. Я попросил моего секретаря-референта собрать и вернуть их сотруднику китайского протокола, сказав, что их оставили предыдущие жильцы.

На следующий день исполняющий обязанности министра иностранных дел, сопровождая меня на встречу с Чжоу Эньлаем в здании ВСНП, обратил внимание на возможные препятствия. Он попросил меня обратить внимание на плакат на стене, заменявший предыдущий с оскорблениями и где поанглийски говорилось следующее: «Приветствуем афро-азиатский турнир по настольному теннису». Все остальные плакаты, мимо которых мы проезжали, были замазаны краской. Чжоу Эньлай как бы мимоходом заметил, что нам следует обращать внимание на дела Китая, а не на «холостые пушечные залпы» риторики, предвосхитив то, что скажет Мао Цзэдун Никсону несколькими месяцами позже.

Обсуждение коммюнике началось довольно традиционно. Я выложил проект коммюнике, приготовленный моими сотрудниками и мной и одобренный Никсоном. В нем обе стороны подтверждали свою приверженность миру и обязывались сотрудничать по важнейшим вопросам. Раздел о Тайване оставался пустым. Чжоу Эньлай принял проект за основу для обсуждений и обещал представить китайские правки и варианты на замену на следующее утро. Все шло обычным для выработки проекта коммюнике путем.

Но случившееся на следующее утро вышло за рамки обычного. Вмешался Мао Цзэдун, приказав Чжоу Эньлаю прекратить работу над проектом, названным им «бредом собачьим,

а не коммюнике». Он мог назвать свои призывы коммунистической ортодоксальности «холостыми выстрелами», но он не был готов отказаться от них как от руководящих установок для коммунистических кадровых работников. Он дал указание Чжоу Эньлаю представить коммюнике, где бы коммунистические принципы подтверждались как китайская позиция. Американцы могут излагать свою точку зрения так, как они того захотят. Мао Цзэдун всю свою жизнь посвятил доказательству того, что мир может быть обеспечен только борьбой, а не сам по себе. Китай не боится открыто декларировать различия с Америкой. Проект Чжоу Эньлая (и мой) был банальным и представлял собой документ, который Советы могли бы подписать, но не стали бы придавать значения или выполнять[405].

Свое выступление Чжоу Эньлай выстроил в соответствии с указаниями Мао Цзэдуна. Он представил проект коммюнике, где китайская позиция утверждалась бескомпромиссным языком. В нем оставались пробелы для заполнения нашей позицией, которая, как ожидалось, в свою очередь, будет изложена в столь же сильных выражениях. Затем шел заключительный раздел для констатации общей позиции.

Вначале проект коммюнике поверг меня в шок. Но, подумав, я пришел к выводу, что нетрадиционный формат, кажется, решал проблемы обеих сторон. Каждая могла подтвердить свои фундаментальные принципы и тем самым убедить народ внутри страны и неспокойных союзников. Разногласия между нами копились на протяжении 20 лет. Контраст подчеркнет достигнутое согласие, и возможные выводы будут гораздо более убедительными. Не имея возможности общаться с Вашингтоном в отсутствие дипломатического представительства или других безопасных средств связи, я все же не сомневался в том, как будет размышлять Никсон.

В таком случае коммюнике, опубликованное на китайской земле и китайскими средствами массовой информации, давало возможность Америке подтвердить свои обязательства в отношении «личных свобод и социального прогресса для всех народов мира»; объявить тесные связи с союзниками в Южной Корее и Японии; выразить свою точку зрения на международный порядок, отвергающий непогрешимость любой страны и

разрешающий каждой стране развиваться без вмешательства извне[406]. Китайский проект коммюнике был составлен, разумеется, в таких же выразительных формулировках, отражающих противоположные воззрения. Такой текст не стал бы сюрпризом для китайского населения; они слышали и видели такое в своих СМИ. Но, подписывая документ, содержащий два пути развития, каждая из сторон фактически призывала к идеологическому перемирию и подчеркивала точки соприкосновения наших взглядов.

Но более всего значимой из всех этих совпадений стала статья о гегемонии. Она звучала так:

«Ни одна из сторон не будет стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и каждая из сторон выступает против попыток любой другой страны или группы стран установить гегемонию»[407].

Союзы формировались на гораздо более слабом фундаменте. Несмотря на весь фразеологический педантизм, коммюнике завершало потрясающее заключение. Противники еще немногим более полугода назад объявляют об их совместной борьбе против любой дальнейшей экспансии советской сферы влияния. Произошла подлинная революция в дипломатии, поскольку следующим шагом неизбежно становилось обсуждение стратегии противостояния советским амбициям.

Жизнеспособность выработанной стратегии зависела от возможности достижения прогресса по вопросу о Тайване. К тому времени как Тайвань начали обсуждать во время поездки Никсона, стороны уже изучили предмет, начиная с секретной поездки 7 месяцев назад.

Теперь переговоры достигли такой точки, где дипломат должен сделать выбор. Один тактический — и действительно традиционный подход — состоит в том, чтобы определить позицию максимум и постепенно отступать на более приемлемые позиции. Те, кто ведет переговоры, желая защитить свое положение у себя в стране, весьма любят такую тактику. И тем не менее, хотя она выглядит «жесткой», поскольку вначале выдвигается максимальный набор требований, процесс идет в направлении постепенного ослабления подхода и отказа от запросных требований. Другая сторона имеет тенденцию проявлять упорство на каждой стадии, зорко следя за тем, какие

еще уступки будут сделаны, и превращает переговоры в испытание на выносливость.

Вместо работы над процессом по существу, отдается предпочтение курсу, нацеленному на превращение первоначальных предложений в то, что считается наиболее желательным результатом. Определение «желательный» в абстрактном понимании означает такой результат, который обе стороны будут заинтересованы сохранять. Именно в этом заключалась вся сложность по отношению к Тайваню, где допустимый предел уступок оставался очень маленьким. Поэтому с самого начала мы высказали свои взгляды по Тайваню, считая это крайне важным для конструктивного развития. Никсон развил их 22 февраля как пять принципов, отобранных на основе предыдущих обменов мнениями во время моих встреч в июле и октябре. Будучи всеобъемлющими, они в то же самое время являлись пределом возможных американских уступок. Будущее развитие предполагалось осуществлять в рамках этих пяти принципов. В них входили: подтверждение политики «одного Китая»; США обещают, что не допустят на Тайване движений за независимость Тайваня; США не допустят никакого продвижения Японии на Тайвань (проблема с учетом истории, которой Китай придает большое значение); поддержка любых мирных решений между Пекином и Тайбэем; обязательство по отношению продолжения нормализации[408]. 24 февраля Никсон объяснил, как может проявиться тайваньская проблема внутри в случае соблюдения Соединенными Штатами этих принципов. Он подтвердил, что в его намерение входит завершить процесс нормализации во время второго срока пребывания на посту президента и вывести американские войска с Тайваня в те временные рамки — хотя он предупредил, что он не может принять никаких официальных обязательств. Чжоу Эньлай ответил, что обе стороны сталкиваются с «проблемами» и что нет «никаких временных пределов».

Цяо Гуаньхуа и я разработали последний раздел Шанхайского коммюнике, имея перед собой два понятия принципиальности и прагматизма, таким образом сосуществующие в неопределенном равновесии. Ключевой абзац состоял из одного параграфа, но потребовалось почти два длившихся всю ночь заседания для его выработки. Он выглядел так:

«Американская сторона заявляет: Соединенные Штаты признают, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива исходят из того, что существует только один Китай и что Тайвань является частью Китая. Правительство Соединенных Штатов не оспаривает это положение. Оно подтверждает свою заинтересованность в мирном урегулировании тайваньского вопроса самими китайцами. Имея это в виду, оно объявляет, что его конечной целью является вывод всех войск США и военных объектов из Тайваня. Тем временем оно будет поэтапно сокращать свои войска и военные объекты на Тайване по мере снижения напряженности в регионе»[409].

Этот параграф вобрал в себя десятилетия гражданской войны и вражды в один положительный общий принцип, под которым могли подписаться и Пекин, и Тайбэй, и Вашингтон. Соединенные Штаты взяли на вооружение принцип «одного Китая», признав взгляды китайцев по обе стороны разделяющей китайцев линии. Гибкость формулировки позволила Соединенным Штатам перейти от «признания» к «поддержке» в своей собственной позиции десятилетиями спустя. Тайваню предоставлялась возможность развиваться экономически и внутренне. Китай получал признание своего «главного интереса» в политической связи между Тайванем и материком. Соединенные Штаты подтверждали свою заинтересованность в мирном урегулировании.

Несмотря на иногда возникающую напряженность, Шанхайское коммюнике выполнило поставленную перед ним задачу. За 40 лет после его подписания ни Китай, ни Соединенные Штаты не дали этой проблеме прервать поступательный ход развития двусторонних отношений — столь непростой и временами напряженный процесс. Но на протяжении всего времени Соединенные Штаты подтверждали свою убежденность в необходимости мирного урегулирования, а Китай — убежденность в неизбежности окончательного объединения. Каждая сторона действовала сдержанно и старалась не вынуждать другую сторону демонстрировать свою волю и силу. Китай отстаивал собственные ключевые принципы, но проявлял гибкость в отношении срока их выполнения. Соединенные Штаты проявляли прагматизм, двигаясь шаг за шагом, подчас находясь под сильным прессингом внутренней ситуации в

Америке. Но в целом Пекин и Вашингтон отдавали предпочтение превышающим все по своей важности китайско-американским отношениям.

Но так или иначе, не следует путать временное соглашение «модус вивенди» с постоянным состоянием дел. Ни один китайский руководитель не перестал отказываться от задачи окончательного объединения, и не надо рассчитывать, что кто-то откажется от этой цели. Вряд ли когда-либо найдется какой-то американский руководитель, решивший пошатнуть убежденность Америки в том, что этот процесс должен быть мирным, или изменить американскую позицию по этой теме. Вместе с тем всегда будет нужна государственная мудрость, чтобы не допустить сползания в такую точку, в которой обе стороны почувствуют необходимость испытать на прочность твердость или природу убеждений другой стороны.

Послесловие

Читатель должен иметь в виду, что протокол и гостеприимство, изображенные здесь, значительно изменились за десятилетия после описываемого события. Как ни странно, но стиль приема и гостеприимство, практиковавшиеся коммунистическими лидерами, легче всего сравнивать с китайскими имперскими традициями, чем с современной практикой, менее разработанной, с меньшим количеством тостов и менее экспансивным тоном на правительственном уровне. Зато не претерпели значительных изменений детальная подготовка, сложность в аргументации, способность к долгосрочному планированию и то непередаваемое словами тонкое чувство чего-то неосязаемого.

Визит Никсона в Китай — одна из немногих возможностей, когда государственный визит внес исторические перемены в международные дела. Возвращение Китая в глобальную дипломатическую игру и возросшие стратегические возможности для Соединенных Штатов придали новую жизненную силу и гибкость международной системе. За визитом Никсона последовал ряд сравнимых с ним визитов руководителей других западных демократий и Японии. Включение антигегемонист-

ской статьи в Шанхайское коммюнике означало фактически смену союзников. Хотя вначале речь шла об Азии, принятое обязательство годом позже расширили и оно и стало включать весь мир. Консультации между Китаем и Соединенными Штатами достигли по частоте уровня, редкого даже для официальных союзников.

В течение нескольких недель сохранялось настроение ажиотажа. Многие американцы приветствовали китайскую инициативу как дающую возможность Китаю возвратиться в сообщество наций, которому он изначально принадлежал (что было так) и относились к новому состоянию дел как к постоянной величине международной политики (что было не так). Ни Никсон (по природе своей скептик), ни я не забыли, что китайская политика, описанная выше, проводилась с таким же по силе убеждением, как и нынешний курс, и что лидеры, приветствовавшие нас так мило и элегантно, еще совсем недавно точно с такой же настойчивостью и убедительностью придерживались диаметрально противоположного курса. Не следовало также полагать, что Мао Цзэдун — или его преемники — откажется от своих убеждений, которых он придерживался всю свою жизнь.

Направление китайской политики в будущем станет сплавом идеологии и национального интереса. Восстановление отношений с Китаем дало возможность укрепить сотрудничество в тех сферах, где интересы совпадали, и смягчить различия там, где они сохранялись. В начальный период сближение стимулировала советская угроза, но проблема отличалась большей глубиной и заключалась в том, чтобы достичь твердого понимания необходимости сотрудничества на десятки лет вперед, чтобы новые поколения лидеров руководствовались теми же императивами. Такая же эволюция должна была бы происходить и с американской стороной. Наградой за китайско-американское сближение станет не состояние постоянной дружбы или гармония ценностей, а новый баланс сил в глобальном равновесии, который потребует постоянного внимания и поддержки, а также, возможно, временами большей гармонии ценностей.

В этом процессе каждая сторона должна обеспечивать собственные интересы. И каждая будет стремиться использо-

вать другую в качестве рычага для своих отношений с Москвой. Как не уставал повторять Мао Цзэдун, мир не может оставаться неизменным: противоречия и дисбаланс — закон природы. Отражением этих взглядов стал документ ЦК КПК, где визит Никсона преподносится как пример «использования противоречий разделения врагов и усиления самих себя»[410].

Будут ли интересы двух сторон действительно совпадать? Смогут ли они отделить их от господствующей идеологии так, чтобы можно было избежать вспышки конфликтующих эмоций? Визит Никсона в Китай открыл путь для решения этих проблем; они до сих пор остаются с нами.

Глава 10

ПСЕВДОАЛЬЯНС: БЕСЕДЫ С МАО ЦЗЭДУНОМ

В результате секретной поездки в Китай восстановились китайско-американские отношения. С визитом Никсона начался период стратегического сотрудничества. Но если принципы такого сотрудничества уже формировались, его границы еще требовалось как-то оформить. Язык Шанхайского коммюнике подразумевал нечто похожее на альянс. Но китайская реальность в виде принципа опоры на собственные силы затрудняла приведение формы в соответствие с содержанием.

Альянсы существовали на протяжении всей письменной истории международных отношений. Создавались они по разным причинам: объединять силы отдельных союзников, предоставлять гарантии по взаимной помощи, предоставлять базовый элемент сдерживания за рамками тактических оценок момента. Особенностью китайско-американских отношений стало то, что партнеры стремились координировать свои действия без официального оформления такого рода обязательств.

Такое положение вещей характерно для природы китайских восприятий международных отношений. Объявив, что Китай «поднялся», Мао потянулся к Соединенным Штатам, но никогда не признавал, что сил Китая может быть недостаточно для борьбы с вызовами, с которыми он мог бы столкнуться. Не принял бы он и абстрактное обязательство по

оказанию помощи, когда речь не шла бы о требованиях национального интереса, вне зависимости от их содержания на данный конкретный момент. В начальный период пребывания Мао у власти Китай заключил только один союз: союзнические отношения с Советским Союзом в начале создания Китайской Народной Республики, когда Китай нуждался в поддержке, пока он медленно продвигался к международному признанию. Он подписал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Северной Кореей в 1961 году, содержащий статью о совместной обороне против нападения извне, которая остается в силе на момент написания данной книги. Но эти действия по природе своей больше походили на отношения с данником, известные по истории Китая: Пекин предлагал защиту; взаимность со стороны Северной Кореи ничего не значила для этих отношений. Альянс с Советским Союзом с самого начала был обречен прекратить свое существование в большей степени потому, что Мао Цзэдун не мог признать даже намека на подчиненное положение.

После визита Никсона в Китай возникло партнерство, но не в форме официальных взаимных заверений, освященных документально. Это даже нельзя рассматривать как намек на альянс, основанный на неформальных соглашениях. Сложилось нечто похожее на псевдоальянс, в основе которого лежало понимание, возникшее из бесед с Мао Цзэдуном — в феврале и ноябре 1973 года и длительных встреч с Чжоу Эньлаем — на протяжении нескольких часов в 1973 году. С тех пор Пекин больше не пытался сдерживать или контролировать демонстрацию американской мощи — как это было до визита Никсона. Вместо этого широко объявленной целью Китая стал разработанный стратегический план подключения Соединенных Штатов в качестве противовеса «полярному медведю».

Такой параллелизм зависел от того, смогут ли китайские и американские руководители вместе разделить общие геополитические цели, особенно когда речь идет о Советском Союзе. Американских руководителей их китайские коллеги приглашали на закрытые семинары на тему о советских намерениях — часто проводимые в прямолинейных выражениях, будто китайцы боялись использовать для столь важной темы традиционные экивоки и недомолвки. Соединенные

Штаты в ответ активно разъясняли собственные стратегические планы.

В первые годы новых отношений китайские руководители периодически продолжали выстреливать из идеологических «пушек» по американскому империализму — некоторые выстрелы сопровождались старой риторикой, — но в частном порядке они часто критиковали американские власти за не что иное, как сдержанность во внешней политике. По сути, на протяжении всех 1970-х годов Пекин больше благоволил Соединенным Штатам, гораздо резче выступая против советских планов, чем это делало большинство американской общественности или конгресс.

«Горизонтальная линия»: китайские подходы к сдерживанию

В течение года этому плану недоставало благословения Мао Цзэдуна. Он одобрил общее направление в разговоре с Никсоном, но демонстративно отказался обсуждать как стратегию, так и тактику, возможно, потому, что записанное в Шанхайском коммюнике пока еще оставалось невыполненным.

Мао Цзэдун заполнил этот пробел во время двух продолжительных бесед со мной: первая прошла поздно вечером 17 февраля 1973 года и длилась с 23.30 до 1.20 следующего дня. Вторая беседа случилась 12 ноября 1973 года и проходила с 17.40 до 20.25. Содержание бесед объясняет их диапазон. Первая беседа состоялась менее чем через месяц после того, как Ле Дык Тхо — глава вьетнамской делегации — и я парафировали Парижские мирные соглашения по завершении вьетнамской войны, тем самым освободив Китай от какой-либо необходимости в дальнейшем демонстрировать солидарность с Ханоем. Вторая прошла после того, как США проявили себя решающим образом во время арабо-израильской войны 1973 года, после чего арабы, особенно в Египте, отошли от Советского Союза и склонились на сторону Соединенных Штатов.

В обоих случаях Мао Цзэдун перед представителями прессы тепло отозвался о состоянии китайско-американских отношений. В феврале он отметил, что Соединенные Штаты и

Китай одно время были «двумя противниками», но «сейчас мы называем наши отношения дружбой»[411]. Объявив новые отношения дружбой, Мао Цзэдун продолжил тем, что дал им новое рабочее определение. Поскольку ему нравилось говорить иносказаниями, он выбрал тему, по поводу которой мы меньше всего беспокоились: возможные китайские разведывательные операции против американских официальных лиц в Китае. Это являлось одной из форм партнерства, когда не требуется проявление взаимности:

«Давайте не будет притворяться и говорить неправду. Мы не крадем ваши документы. Вы можете специально оставить их где-нибудь и устроить нам испытание. Мы также не занимаемся прослушиванием и не устанавливаем «жучков». В мелких уловках нет никакого смысла. Как нет смысла и в каких-то более крупных мероприятиях такого рода. Я говорил об этом вашему корреспонденту Эдгару Сноу. ...У нас есть своя разведывательная служба, это же относится и к ним. Они работают плохо. [Премьер-министр Чжоу смеется.] Например, они ничего не знали о Линь Бяо. [Премьер-министр Чжоу смеется.] Они опять же не знали о том, что Вы хотите приехать»[412].

Менее всего походило на правду то, будто Китай и Соединенные Штаты могли бы отказаться от сбора разведывательной информации друг о друге. Если Соединенные Штаты и Китай действительно вступали в новую эру в своих отношениях, каждой стороне было важно стать прозрачной для другой стороны и выработать параллельные предложения. Но вряд ли следовало начинать с ограничения работы спецслужб. Председатель предлагал установить прозрачность, но в то же время предупреждал, что не потерпит обмана, эта мысль также присутствовала в его высказываниях в ноябрьской беседе. В порядке вступления он вспомнил со смесью юмора, оскорбительного тона и концептуальности, как он пересмотрел свое обещание вести идеологическую борьбу с Советами в течение 10 тысяч лет:

«МАО: Они хотели примирения через румынского [коммунистического руководителя Николае] Чаушеску и хотели убедить нас прекратить борьбу в идеологической сфере.

КИССИНДЖЕР: Я помню, что он был здесь.

МАО/ЧЖОУ: Это произошло давно.

ЧЖОУ: Это была его первая поездка в Китай. [Сказал по-английски.]

МАО: И когда во второй раз [советский премьер-министр Алексей] Косыгин приезжал сам в 1960 году, я заявил ему, что мы будем вести с ним борьбу 10 тысяч лет. [Смех.]

ПЕРЕВОДЧИК: Председатель говорит о борьбе в течение 10 тысяч лет.

МАО: Но тогда я уступил Косыгину. Я сказал, что изначально я говорил о борьбе в течение 10 тысяч лет. Но за то, что он приехал лично повидаться со мной, я сокращу срок на тысячу лет. [Смех.] Вы видите, какой я щедрый. Если делаю уступку, то сразу на целую тысячу лет»[413].

Главный посыл оставался все тем же: сотрудничество, если возможно, и никакого тактического маневрирования, поскольку вряд ли можно представить себе, что можно обмануть столь опытного участника разных конфликтов. Если взглянуть глубже, это также можно расценить как предупреждение: если Китай обманут в деле примирения, он превратится в неуступчивого и ничего не прощающего врага.

Говоря с Никсоном годом раньше, Мао Цзэдун не стал делать каких-то значимых комментариев в отношении Тайваня. Сейчас, желая устранить даже намеки на угрозы, Мао открыто отделил вопрос о Тайване от американо-китайских отношений в целом: «Вопрос об отношениях Соединенных Штатов с нами должен быть отделен от наших отношений с Тайванем». Как предложил Мао Цзэдун, Соединенным Штатам следует «прервать дипломатические отношения с Тайванем», как это сделала Япония (сохраняя неофициальные общественные и экономические связи); «затем станет возможным решение проблемы дипломатических отношений между нашими двумя странами». Но вопрос об отношениях Пекина с Тайванем, как предупредил Мао, «весьма сложное дело». И добавил: «Я не верю в возможность мирного перехода». Повернувшись к министру иностранных дел Цзи Пэнфэю, Мао Цзэдун тогда спросил: «А ты веришь в это?» После обмена репликами с другими китайцами в комнате Мао Цзэдун сделал свое главное замечание о том, что никакой спешки в этом деле нет:

«МАО: Они всего лишь горстка контрреволюционеров. Как они могут сотрудничать с нами? Я думаю, мы какое-то время можем прожить и без Тайваня, пусть так продолжается сто лет. В нашем бренном мире ни с чем не надо торопиться. К чему нам большая спешка? Это всего лишь остров с населением в десяток с лишним миллионов.

ЧЖОУ: У них сейчас 16 миллионов.

МАО: Что касается ваших отношений с нами, я думаю, тут не надо откладывать на 100 лет.

КИССИНДЖЕР: Я надеюсь. Думаю, они наступят гораздо раньше.

МАО: Но это решать вам. Мы не станем вас торопить. Если вы почувствуете необходимость, мы это сделаем. Если вы посчитаете, что сейчас этого сделать нельзя, значит, мы отложим это на более поздний срок.

КИССИНДЖЕР: Это не вопрос необходимости: это вопрос практических возможностей.

МАО: Ну, это одно и то же. [Смех.]»[414].

В типичном для Мао Цзэдуна парадоксальном стиле здесь оказались объединены две вещи одинаково важного значения: во-первых, Пекин не откажется от силового варианта в отношении Тайваня — и действительно рассчитывал на применение силы когда-то в будущем; но во-вторых, Мао Цзэдун откладывал эту дату на какое-то неопределенное время, по сути, он говорил о готовности ждать сто лет. Добродушное подшучивание служило для расчистки места для главной темы, каковой стало активное применение теории сдерживания Джорджа Кеннана, суть которой применительно к советской системе состояла в том, что, если ей не дать возможность осуществлять экспансию, она рухнет под ударом напряженности внутри ее самой[415]. Но пока Кеннан применял свои принципы преимущественно в отношении дипломатической деятельности и внутренней политики, Мао Цзэдун отстаивал идею прямого столкновения с использованием различных доступных форм давления.

Советский Союз, как говорил мне Мао, представляет собой глобальную угрозу, которую надо также глобально и ограничивать. Что бы ни делала какая-либо другая страна, Китай окажет сопротивление в случае нападения, даже если его во-

оруженные силы должны будут отступить далеко в глубь страны для ведения партизанской войны. Однако сотрудничество с Соединенными Штатами и странами, думающими так же, ускорит победу в борьбе, чей исход предопределен слабостью в долгосрочном плане Советского Союза. Китай ни в коем случае не будет просить о помощи и не станет обусловливать свое сотрудничество сотрудничеством с другими. Но Китай готов осуществлять параллельные действия, особенно с Соединенными Штатами. Связующим элементом станут общие убеждения, а не формальные обязательства. Политика решительного глобального сдерживания Советов, как утверждал Мао Цзэдун, обречена на победу, поскольку советские амбиции превышали их возможности:

«МАО: Им приходится иметь дело с множеством противников. У них проблемы на Тихом океане. Им приходится иметь дело с Японией. Им приходится иметь дело с Китаем. У них проблемы в Южной Азии, где расположено большое количество стран. И у них всего миллионная армия здесь — этого недостаточно даже для собственной обороны, а уж тем более для нападения. И они не смогут напасть, до тех пор пока вы первыми не позволите им это сделать. Вы же отдаете им Ближний Восток и Европу, поэтому они могут размещать войска на востоке. Там у них будет более одного миллиона войск.

КИССИНДЖЕР: Этого не произойдет. Я согласен с Председателем: если Европа, Япония и США будут держаться вместе — как раз это мы и делаем на Ближнем Востоке, что Председатель обсуждал со мной в прошлый раз, — тогда опасность нападения на Китай будет очень невелика.

МАО: Мы стягиваем на себя часть их войск, что на пользу вам в Европе и на Ближнем Востоке. Например, их войска размещены во Внешней Монголии, чего не было еще в хрущевские времена. В то время они еще не размещали войска во Внешней Монголии, поскольку инцидент на острове Чжэньбаодао случился уже после Хрущева. Он произошел во времена Брежнева.

КИССИНДЖЕР: Это случилось в 1969 году. Именно поэтому важно, чтобы Западная Европа, Китай и США проводили скоординированный курс в этот период.

МАО: Да»[416].

Поощряемое Мао Цзэдуном сотрудничество не ограничивалось только Азией. Без тени иронии Мао поощрял военное подключение США на Ближнем Востоке в противовес Советам — это выглядело точно как «империалистическая агрессия», против которой китайская пропаганда традиционно гремела. Вскоре после арабо-израильской войны 1973 года и последовавшего визита в Москву Саддама Хуссейна Ирак привлек внимание Мао Цзэдуна, включившего его в свои рассуждении о глобальной стратегии:

«МАО: Сейчас поговорим об одном из ключевых вопросов: о проблеме Ирака, Багдада. Мы не знаем, можете ли вы проделать определенную работу в этом районе. У нас там не очень большие возможности.

ЧЖОУ: Сделать это сравнительно трудно. Можно поддерживать контакты с ними, но для того чтобы они сменили ориентацию, понадобится время. Смена ориентации станет возможной, когда иракцы пострадают от них»[417].

Чжоу считал необходимым скоординировать действия, чтобы опора на Советский Союз слишком дорого обошлась бы Ираку и заставила бы его, подобно Египту, сменить курс. (Это был ироничный комментарий по поводу того, как союзники избавлялись от властного покровительства Москвы, подобно Китаю.) Таким способом Мао Цзэдун провел ревизию сильных и слабых сторон различных государств на Ближнем Востоке, почти всех стран одну за другой. Он подчеркнул важность Турции, Ирана и Пакистана как барьеров на пути советской экспансии. В дополнение к Ираку он проявил беспокойство по поводу Южного Йемена[418]. Он потребовал от Соединенных Штатов увеличить свои силы в Индийском океане. Он мыслил как типичный воин «холодной войны», американские консерваторы одобрили бы его.

Тема Японии оставалась главной составляющей координированной стратегии Мао Цзэдуна. На секретной встрече в 1971 году китайские руководители все еще демонстрировали значительную подозрительность по поводу американо-японского сближения. Чжоу Эньлай предупреждал нас быть настороже с Японией; он сказал, что существующая дружба сойдет на нет, когда экономическое возрождение позволит Японии бросить нам вызов. В октябре 1971 года он подчеркивал, что

японские «крылья подросли, и она уже готова взлетать»[419]. Я ответил, а Никсон конкретизировал, сказав, что с Японией было бы гораздо больше проблем, если бы она оставалась изолированной, поэтому ей лучше находиться в системе международного порядка, включая союзные отношения с Соединенными Штатами. Ко времени нашего разговора в ноябре 1973 года Мао Цзэдун принял эту точку зрения. Он теперь настаивал в беседе со мной, чтобы мы обращали *больше* внимания на Японию и больше занимались подготовкой японских руководителей:

«МАО: Давайте немного обсудим Японию. На сей раз Вы собираетесь в Японию на несколько дней.

КИССИНДЖЕР: Председатель всегда ругает меня за Японию. Я очень серьезно отношусь к словам Председателя. Да, сейчас я пробуду там два с половиной дня. Он прав. Очень важно, чтобы Япония не ощущала себя изолированной и оставленной наедине с собой. А мы не станем давать им повода для какого-то маневрирования.

МАО: Чтобы не толкнуть их на советскую сторону»[420].

Как могла происходить координация между Соединенными Штатами и Китаем по глобальным вопросам? Мао Цзэдун предложил каждой стороне разработать четкую концепцию своего национального интереса и сотрудничать на основе собственных потребностей:

«МАО: Мы то же самое говорим в подобных ситуациях [жестикулирует], что говорил ваш президент, сидя здесь, что у каждой стороны есть собственные средства и действует она из собственных потребностей. Это вылилось во взаимодействие между двумя странами.

КИССИНДЖЕР: Да, перед нами стоит одна и та же угроза. Мы, может быть, используем подчас различные методы, но цели у нас одни и те же.

МАО: Это было бы отлично. До тех пор пока цели остаются одинаковыми, мы не навредим вам, а вы не навредите нам. И мы можем сотрудничать друг с другом в противодействии ублюдку. [Смех.] На самом деле это будет выглядеть так: мы будем иногда критиковать вас, и вы можете иногда критиковать нас. Этим, как говорил ваш президент, мы отдадим дань идеологии. Вы будете говорить: Долой коммунистов! Мы будем

кричать: Долой империалистов! Иногда мы говорим подобное. Так не пойдет, если мы перестанем это говорить»[421].

Другими словами, у каждой стороны на вооружении могут быть какие угодно идеологические лозунги для внутреннего потребления, до тех пор пока это не мешает им кооперироваться против советской угрозы. Идеология будет дана на откуп внутренней агитации, из внешней политики ее изымают. Идеологическое перемирие сохранялось, разумеется, только на тот срок, пока цели сторон совпадали.

При осуществлении политики Мао Цзэдун мог быть прагматиком: обосновывая ее, он всегда стремился определить главенствующие принципы. Мао не был бы лидером идеологического движения на протяжении полувека, если бы он неожиданно обратился к чистому прагматизму. Теория сдерживания Кеннана применялась преимущественно к отношениям в Европе и Атлантике; Мао Цзэдун был человеком глобального масштаба. Согласно концепции Мао, страны, которым угрожает советский экспансионизм, «должны начертить «горизонтальную линию» — США — Япония — Пакистан — Иран... Турция и Европа»[422]. (Вот почему Ирак упоминается в приведенном выше диалоге.) Мао Цзэдун выдвинул свою концепцию в беседе со мной в феврале 1973 года, объяснив, как эта группировка должна вести борьбу с Советским Союзом. Позднее он обговорил ее с японским министром иностранных дел, использовав термин «большой территории», где страны расположены вдоль линии фронта[423].

Мы согласились с существом его анализа. Однако разногласия между китайской и американской внутренними системами, в данном анализе неучитываемые, проявились вновь в связи с вопросами реализации этой концепции. Как могут две такие разные политические системы осуществлять одну и ту же политику? Для Мао Цзэдуна концепция и ее реализация совпадали. Для Соединенных Штатов трудность заключалась в достижении консенсуса в ее поддержке в обществе и среди наших союзников в то время, когда «уотергейтский скандал» угрожал власти президента.

Стратегия удержания «горизонтальной линии» против Советского Союза отражала бесстрастный анализ Китаем международной обстановки того времени. Стратегическая

необходимость была оправданием для этого. Но отсюда возникала присущая такому анализу двусмысленность, когда политика основывается только лишь на национальном интересе. Реализация стратегии зависела от способности всех сторон сделать правильные расчеты по каждому отдельному случаю. Коалиция в лице Соединенных Штатов, Китая, Японии и Европы, несомненно, оказалась бы сильнее Советского Союза. Ну а вдруг кто-то из партнеров считает по-другому — особенно с учетом отсутствия официальных обязательств? Что, если, чего боялись китайцы, некоторые партнеры посчитают лучшим способом создания баланса для Соединенных Штатов или Европы или Японии примирение, а не конфронтацию с Советским Союзом? Что, если одна из сторон «треугольника» предпочтет изменить природу «треугольника», а не будет пытаться стабилизировать отношения в его рамках? Что, короче говоря, должны делать другие страны, если они сами захотят применить китайский принцип отчужденности и опоры на собственные силы? Таким образом, период наибольшего сотрудничества между Китаем и Соединенными Штатами вел также к дискуссиям между их руководителями по поводу возможности использования различных элементов псевдоальянса в собственных целях. Китайский принцип опоры на собственные силы парадоксальным образом затруднил веру китайского руководства в готовность партнеров идти на такие же риски, на какие оно само было готово идти.

В применении концепции «горизонтальной линии» Мао Цзэдун, спец по противоречиям, неизбежно столкнулся бы с рядом из них. Одно состояло в том, что данную концепцию было трудно примирить с китайской идеей опоры на собственные силы. Сотрудничество зависело от сочетания независимых анализов. Если они совпадали с китайскими — никаких проблем! Но в случае несовпадения между сторонами подозрения Китая станут свершившимся фактом, и их трудно будет преодолеть.

Концепция «горизонтальной линии» подразумевала силовой вариант западной концепции коллективной безопасности. Но на практике коллективная безопасность, как правило, не базируется на общепризнанных принципах, в основе чаще всего лежат убеждения страны с наиболее хорошо разработан-

ными геополитическими планами. Разумеется, это суждение основано на американском опыте в тех союзах, где США стремились занять лидирующее положение.

Эти трудности, присущие любым глобальным системам безопасности, осложняли положение Мао Цзэдуна, так как восстановление отношений с Америкой не повлияло на американо-советские отношения, на что он вначале рассчитывал. Поворот Мао Цзэдуна к Соединенным Штатам основывался на уверенности в том, что американо-советские разногласия в конечном счете не позволят достичь сколько-нибудь значимых компромиссов между двумя ядерными сверхдержавами. В каком-то смысле это стало применением на практике стратегии коммунистического «Единого фронта» в 1930-е и 1940-е годы, воплощенной в лозунге, распространенном после визита Никсона: «Использовать противоречия и разбивать противников поодиночке». Мао Цзэдун посчитал открытие Америки для Китая средством умножить советские подозрения и усилить напряженность между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Первое имело место, последнее — нет. После восстановления отношений между США и Китаем Москва бросилась соревноваться за благосклонность Вашингтона. Контакты между ядерными сверхдержавами умножились. И хотя Соединенные Штаты ясно демонстрировали, что они рассматривают Китай как существенную составную часть международного порядка и поддержат его в случае угрозы, сам факт того, что у Америки имелись собственные и весьма важные стратегические варианты, не укладывался в схему стратегического мышления старого революционера.

Проблема с концепцией «горизонтальной линии», по мере ее изучения Мао Цзэдуном, заключалась в том, что, если все поведение зависело от расчетов сил, сравнительная слабость Китая делала его в какой-то мере зависимым от американской поддержки, хотя бы на небольшой промежуток времени.

Именно по этой причине, на каждой стадии диалога о сотрудничестве, Мао и другие китайские руководители настаивали на предложении, нацеленном на сохранение китайской свободы маневра и самоуважения: они не нуждаются в защите; и Китай способен справиться со всеми возможными кризисами, если понадобится, то и в одиночку. Они использовали

риторику о коллективной безопасности, но оставляли за собой право определять ее содержание.

Во время каждой из бесед в 1973 году Мао Цзэдун считал обязательным подчеркнуть неприемлемость для Китая какой бы то ни было формы давления извне, даже, а может, и особенно, ядерного давления. Как он сказал мне в феврале, если в ядерной войне погибнут все китайцы старше 30 лет, это, дескать, принесет пользу Китаю в долгосрочном плане позволив объединить весь Китай с языковой точки зрения: «Если Советский Союз сбросит бомбы и убьет всех китайцев, кому за 30, это поможет нам решить сложную для Китая проблему [множества различных диалектов]. Ведь старики, такие, как я, не могут выучить [государственный пекинский диалект] китайский язык»[424].

Когда Мао Цзэдун описывал в деталях, как далеко в глубь Китая он мог бы заманить агрессора, чтобы тот попал в ловушку враждебного населения, я спросил: «Но если они используют бомбы, а не пошлют свои армии?» На это Мао ответил: «Что мы сделаем? Возможно, Вы сможете создать комитет по изучению этого вопроса. Мы же позволим им разбить нас, и они потеряют все ресурсы»[425], намекая на склонность американцев заниматься изучением проблем, в то время как китайцы предпочитают действовать. Это объясняет, почему Мао Цзэдун, даже пропагандируя теорию «горизонтальной линии», неизбежно включал драматическое описание того, как Китай будет готов выстоять в одиночку, если псевдоальянс не сработает. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай (а позднее и Дэн Сяопин) подчеркивали: Китай «рыл тоннели» и готовился выживать десятки лет, используя только «чумизу и винтовки». Такая высокопарность в известном смысле была рассчитана, по-видимому, на то, чтобы замаскировать уязвимость Китая, но она также отражала и серьезный анализ той ситуации, с которой он мог бы столкнуться в случае реального кошмара глобальной войны.

Неоднократные размышления Мао Цзэдуна о способности Китая выжить в ядерной войне, иногда изложенные с живым юмором — китайцев просто слишком много, их нельзя убить ядерным оружием, — расценивались некоторыми западными наблюдателями как признак сумасшествия и в каком-

то смысле ослабляли решимость Запада, где раздувался страх в отношении ядерной войны.

Однако Мао Цзэдун больше всего боялся последствий претворения в жизнь доктрины, на основании которой Соединенные Штаты и западный мир базировали свою концепцию безопасности. Главный принцип теории сдерживания — взаимно-гарантированное уничтожение — зависел от способности причинить определенный процент разрушений. Противник предположительно имеет сопоставимые возможности. Каким образом добиться того, чтобы угроза глобального самоубийства не превратилась в блеф? Мао Цзэдун трактовал расчет США на взаимно-гарантированное уничтожение как отражение их недостаточной уверенности в других своих вооруженных силах. Это стало темой для беседы в 1975 году, когда Мао вторгся в самую сердцевину нашей дилеммы периода «холодной войны»: «Вы так уверены в мощи ядерного оружия. Но у вас нет уверенности в отношении вашей собственной армии»[426].

А как же Китай! Беззащитный перед ядерной угрозой, до определенного времени не имевший адекватных средств для нанесении удара возмездия? Ответ Мао Цзэдуна состоял в «рассказках», основанных на исторических сюжетах и библейских масштабах. Ни одно другое общество даже представить себе не могло эффективную политику безопасности, допускающую достижение победы за счет принесения в жертву нескольких сотен миллионов людей и разрушения или оккупации большинства своих городов. Огромная пропасть разделяла западные и китайские понятия безопасности. Китайская история имела подобные прецеденты способности преодоления таких разрушений, каких не выдержало бы ни одно другое общество, и в конечном счете достижения победы над своим предполагаемым захватчиком путем навязывания ему своей культуры или втягивания его в свои обширные территории. Такая вера в собственный народ и культуру являлась оборотной стороной порой мизантропических рефлексий Мао Цзэдуна по поводу их повседневной жизни. И дело было не столько в том, что китайцев так много, тут много значили также живучесть их культуры и сплоченность их взаимоотношений.

Однако западные руководители, чутче реагирующие на собственное население, не ощущали в себе готовности отдать их на заклание в такой категоричной форме (хотя они делали это в косвенной форме через свои стратегические доктрины). Они рассматривали ядерную войну как последнее средство, а не как обычную повседневную практику.

Но доведенная до крайности китайская одержимость принципом опоры на собственные силы не встречала полного понимания у американской стороны. Привычные к усилению наших европейских связей в виде своеобразного ритуала заверений, мы не всегда правильно судили о воздействии сравнительных заявлений на китайское руководство. Когда полковник Александр Хэйг, возглавлявший американскую передовую группу по подготовке визита Никсона, встретился с Чжоу Эньлаем в январе 1972 года, он использовал стандартную для фразеологии НАТО формулировку, сказав, что администрация Никсона будет противодействовать советским усилиям по окружению Китая. Мао Цзэдун реагировал весьма эмоционально: «Окружению Китая? Мне они нужны, чтобы спасти меня, как же такое может случиться? ...Они заботятся обо мне? Это очень похоже на «кошку, плачущую над дохлой мышью!»[427]

В конце ноября 1973 года я предложил Чжоу Эньлаю установить «горячую линию» между Вашингтоном и Пекином как часть соглашения об уменьшении рисков возникновения случайной войны. Я преследовал цель принять во внимание китайские подозрения в том, что переговоры о контроле над вооружениями могли быть частью совместного американо-советского плана изолировать Китай, и дать Китаю возможность принять участие в этом процессе. Мао Цзэдун смотрел на все это совсем по-иному. «Кое-кто хочет предложить нам зонтик, — сказал он. — Нам не нужен защитный ядерный зонтик»[428].

Китай не разделял наши стратегические воззрения на ядерное оружие и тем более нашу доктрину коллективной безопасности; он применял традиционный принцип «использования варваров против варваров», с тем чтобы заполучить разделенную периферию. Историческим кошмаром для Китая было, когда варвары отказывались от того, чтобы их «исполь-

зовали», когда они объединялись и потом опирались на свои превосходящие силы для прямого завоевания Китая или разделения его на обособленные княжества. С точки зрения китайцев, вероятность возникновения такого кошмара никогда полностью не исчезала, особенно учитывая враждебные отношения Китая с Советским Союзом и Индией и его сохранявшиеся подозрения по отношению к Соединенным Штатам.

Существовало отличие в подходе к Советскому Союзу, заключавшееся в следующем. Китай предпочел занять позу бескомпромиссной конфронтации. Соединенные Штаты также проводили бескомпромиссную политику, давая отпор угрозам международному равновесию. Но мы настаивали на сохранении возможностей улучшения отношений по другим вопросам. Наш поворот к Китаю стал ударом по Москве, в этом как раз и состояла одна из причин наших действий. По сути, в течение нескольких месяцев подготовки секретной поездки мы параллельно изучали возможность проведения встречи в верхах между Никсоном и Брежневым. То, что пекинский саммит стал первым, произошло по большей части из-за советских попыток навязать визиту в Москву различные условия, от чего они быстро отказались после объявления о визите Никсона в Пекин. Китайские руководители отпускали едкие замечания по поводу разрядки, отмечая нашу бóльшую близость к Москве и Пекину, чем их к Советскому Союзу.

Даже в самый разгар китайско-американских отношений Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай периодически высказывали свою озабоченность гибкостью Соединенных Штатов в осуществлении своих стратегических планов. Не собирались ли Соединенные Штаты «достучаться до Советского Союза, стоя на плечах Китая?»[429] Не являлось ли американское «антигегемонистское» обязательство хитрой уловкой, и, в случае притупления бдительности Китаем, не могли ли Вашингтон и Москва объединиться для уничтожения Пекина? Обманывает ли Запад Китай или Запад обманывается сам? И в том и в другом случае практическим последствием было бы направление «нечистот Советского Союза» на Восток, на Китай. Это стало темой беседы с Чжоу в феврале 1973 года:

«ЧЖОУ: Они [европейцы], возможно, хотят направить нечистоты Советского Союза в другом направлении — на Восток.

КИССИНДЖЕР: Нападет ли Советский Союз на Восток или на Запад — это одинаково опасно для США. США не получают никакой выгоды от нападения Советского Союза на Восток. На самом деле, если Советский Союз нападет, удобнее всего было бы, если бы он напал на западном направлении, поскольку там у нас шире общественная поддержка в плане организации сопротивления.

ЧЖОУ: Да, поэтому мы полагаем, что Западная Европа заблуждается в своих устремлениях подтолкнуть Советский Союз на Восток»[430].

Мао Цзэдун, редко доводящий свои идеи до конечного результата, иногда приписывал Соединенным Штатам стратегию диалектики, как это мог бы сделать он сам. Он утверждал, что Америка может раздумывать над тем, чтобы раз и навсегда решить проблему коммунизма, применив уроки Вьетнама: втягивание в локальные войны изматывает участвующую в них великую державу. В такой интерпретации теория «горизонтальной линии» или западная концепция коллективной безопасности могли превратиться в ловушку для Китая:

«МАО: Увязнув во Вьетнаме, вы столкнулись с таким большим количеством трудностей. Вы думаете, что им [Советам] понравится, если они увязнут в Китае?

КИССИНДЖЕР: Советский Союз?

НЭНСИ ТАН: Советский Союз.

МАО: Ну, и вы даете им возможность завязнуть в Китае на полгода, или год, или два, или три, или четыре. А затем вы бьете Советам в спину. И вашим лозунгом будет борьба за мир, то есть вы хотите утихомирить социалистический империализм ради мира. И может быть, вы могли бы даже начать помогать им в их делах, пообещав им помочь во всем, что необходимо, в борьбе с Китаем.

КИССИНДЖЕР: Г-н Председатель, это действительно очень важно, когда мы понимаем мотивы друг друга. Мы никогда преднамеренно не станем ни с кем сотрудничать в нападении на Китай.

МАО: [Перебивая.] Нет, это не так. Поступая так, как я описал, вы ставите на место Советский Союз»[431].

В рассуждениях Мао Цзэдуна присутствовала некая доля истины. Это была теоретически осуществимая для Соединенных Штатов стратегия. Ей только не хватало лидера, который воспринял бы ее, или общественности, которая бы ее поддержала. Абстрактные манипуляции такой стратегией не проходили в Соединенных Штатах, и никто не захотел бы этим заниматься; американская внешняя политика никогда не смогла бы опираться только на одну силовую политику. Администрация Никсона серьезно относилась к вопросу о безопасности Китая и считала его весьма важным. На практике Соединенные Штаты и Китай обменивались большим количеством информации и сотрудничали по многим направлениям. Но Вашингтон не мог отказаться от права определять тактику достижения своей безопасности в пользу какой-либо другой страны, какой бы важной она для него ни являлась.

Влияние «уотергейтского дела»

В то время, когда американское и китайское мышление стремилось к достижению взаимопонимания, уотергейтский кризис угрожал подорвать прогресс в развитии отношений, ослабляя способности Америки справляться с геополитическими проблемами. Крушения президента, задумавшего восстановить отношения с Китаем, в Пекине не поняли. Отставка Никсона 8 августа 1974 года и переход поста президента вице-президенту Джеральду Форду, последовавшие затем выборы в конгресс в ноябре 1974 года привели к прекращению поддержки в конгрессе наступательной внешней политики. Развернулись дискуссии по вопросу о военном бюджете. Под эмбарго попал ключевой союзник (Турция); в двух комитетах конгресса (Комиссия Черча в сенате и Комиссия Пайка в палате представителей) началось открытое расследование деятельности разведсообщества, за которым последовала утечка секретной разведывательной информации. Возможности США не допустить советские авантюры в развивающемся мире сократились после принятия Закона о полномочиях в услови-

ях военного времени. Соединенные Штаты стали сползать в ситуацию внутреннего паралича — с неизбиравшимся президентом и враждебно настроенным конгрессом, — предоставляя Советам шанс действовать по своей воле, что, как могли бы подумать китайские руководители, как раз и планировалось нами в первую очередь. В начале 1975 года действия конгресса, помешавшие совместным американо-китайским усилиям создать коалиционное правительство в Камбодже, в Пекине трактовали как слабость перед лицом окружения Советами Китая[432]. В такой обстановке, с китайской точки зрения, политика разрядки грозила перерасти в то, что Мао Цзэдун называл боем с тенью, созданием иллюзий дипломатического прогресса, а не реальностью. Китайские руководители предостерегали американцев (и многих других западных руководителей) об опасности умиротворения. Хельсинкская конференция по безопасности и сотрудничеству стала особым предметом критики китайцев, так как она создавала видимость стабильности и мира[433].

Основой псевдоальянса являлось китайское убеждение в том, что нельзя обойтись без вклада Соединенных Штатов в глобальную безопасность. Пекин начал восстанавливать отношения, рассматривая Вашингтон как бастион против советского экспансионизма. А тут Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай начали намекать, что преподносимое как слабость в Вашингтоне на самом деле было сложной игрой — попыткой втянуть Советы и китайцев в войну друг против друга, целью которой ставилось уничтожение обеих сторон. Однако более всего китайцы обвиняли Соединенные Штаты в худшем, нежели предательство, грехе: в безрезультатности. Так обстояли дела, когда в конце 1973 года у Китая возникли собственные трудности одновременно с проблемами, вставшими перед нами.

Глава 11

КОНЕЦ ЭРЫ МАО

На каждой стадии перемен во внешней политике в Китае Мао Цзэдун разрывался между китаецентристским прагматизмом и революционным порывом. Он делал необходимый выбор и хладнокровно выбирал прагматизм, никогда не испытывая при этом радости. Когда мы встретились с Мао Цзэдуном в первый раз в 1971 году, он уже был болен и говорил — с некоторой иронией, поскольку являлся убежденным атеистом, — о том, что он получил «приглашение от Бога». Он разрушил или кардинально перестроил большинство организаций в стране, включая даже коммунистическую партию. Его власть усиливалась благодаря личному магнетизму и манипулированию оппозиционными силами. Теперь, когда его правление подходило к концу, хватка Мао и его способность управлять ослабевали. С делом Линь Бяо был ликвидирован назначенный Мао Цзэдуном преемник. Отныне Мао остался без приемлемого наследника и без программы для строительства Китая после Мао Цзэдуна.

Кризис преемственности

Вместо того чтобы выбирать нового преемника, Мао Цзэдун продолжал действовать в присущей ему двойственной манере. Он оставил Китаю в наследство необычайно запутанное политическое соперничество, продвигая представителей

двух лагерей, по-разному видевших перспективы развития Китая, чьи взгляды отличались от его собственного видения будущего Китая. Склонный к запутыванию ситуаций, он поддерживал каждый из лагерей и настраивал их друг против друга — все для разжигания противоречий внутри каждой фракции (как это было между Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином), желая убедиться, что никто из них не превзошел его самого по силе и власти. На одной стороне стоял лагерь во главе с управленцем-практиком Чжоу, а затем сменившим его Дэном. На другой — те из числа сторонников Цзян Цин, кто занимался идеологическими чистками, и ее группировка шанхайских радикалов, которой Мао Цзэдун впоследствии навесил ярлык «банда четырех». Они настаивали на догматическом применении идей Мао Цзэдуна. Между ними находился Хуа Гофэн, прямой преемник Мао. На него пала внушающая страх (и в конечном счете неразрешимая) задача уладить «противоречия», освященные самим Мао Цзэдуном. (О Хуа Гофэне будет вкратце рассказано в следующей главе.) Две основные фракции проводили многочисленные диспуты по вопросам культуры, политики, экономической политики и властных привилегий — короче говоря, о том, как управлять страной. Но основной смысл дискуссий касался философских проблем, занимавших лучшие умы Китая в XIX и в начале XX века: как строить отношения Китая с внешним миром и чему, если вообще есть чему, можно поучиться у иностранцев.

«Банда четырех» выступала за автаркию, опору на собственные силы. Они стремились очистить китайскую культуру и политику от подозрительного влияния (включая все, что отдает иностранным, «ревизионистским», буржуазным, традиционным, капиталистическим или потенциально антипартийным), возродить этику революционной борьбы в Китае и крайний эгалитаризм, переориентировать общественную жизнь в стране на сравнимое с религиозным почитание Мао Цзэдуна. Жена Мао Цзян Цин, бывшая актриса, курировала реформу и революционизацию традиционной пекинской оперы, а также развитие революционного балета, включая «Красный женский батальон», который показали президенту Никсону в 1972 году к всеобщему изумлению американской делегации.

После опалы Линь Бяо Цзян Цин и «банда четырех» выжили. Находящиеся под их влиянием идеологи контролировали большую часть китайской прессы, университеты и культурную сферу. Они использовали свое влияние, чтобы очернять Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и предполагаемый уклон Китая в сторону «ревизионизма». Их поведение во время «культурной революции» принесло им множество влиятельных врагов, однако они вряд ли могли рассчитывать стать наследниками Мао. Им не хватало связи с военными структурами или ветеранами Великого похода, они не могли быть в числе претендентов на высшие должности: актриса и театральный продюсер, стремящаяся заполучить посты, которых добивалось лишь небольшое число женщин за всю китайскую историю (Цзян Цин), журналист и политический теоретик (Чжан Чуньцяо), литературный критик левого толка (Яо Вэньюань) и бывший охранник, вознесшийся из небытия за агитацию против правления фабрики, где он работал, и не имевший собственной опоры во властных структурах (Ван Хунвэнь)[434]. «Банда четырех» противостояла лагерю относительных прагматиков, связанных с Чжоу Эньлаем и в еще большей степени с Дэн Сяопином. Хотя сам Чжоу, преданный коммунист, самозабвенно служивший Мао десятки лет, для многих китайцев олицетворял порядок и умеренность. Как для его критиков, так и для его почитателей он являлся символом вековых традиций образованного и обходительного чиновника высокого ранга — с изысканными манерами, интеллигентного, сдержанного в своих личных привычках и политических предпочтениях в рамках системы китайского коммунизма.

Дэн Сяопин, более грубый и менее утонченный, чем Чжоу Эньлай, резко настаивал на своем в разговорах, громко сплевывая в плевательницу, подчас доходя до неприличия. И тем не менее он разделял и даже шел далее видения Чжоу Эньлаем будущего Китая, при котором революционные принципы мирно уживались бы с порядком и стремлением к процветанию. В конечном счете именно ему удалось решить дилемму Мао в подходах между радикальной идеологией и реформами, опирающимися на стратегическое предвидение будущего развития. Ни один из них не верил в западные демократические принципы. Оба они участвовали в первой волне беспорядков,

учиненных Мао Цзэдуном, и не подвергали их критике. Но в противоположность Мао и «банде четырех» Чжоу и Дэн не горели желанием сделать будущее Китая заложником «перманентной революции».

Обвиненные их критиками в том, что они «продают» Китай иностранцам, реформаторы как в XIX, так и в XX веках стремились использовать западные технологии и экономические инновации в целях укрепления мощи Китая при сохранении его самобытности[435]. Чжоу Эньлай напрямую ассоциировался с китайско-американским сближением и с попыткой вернуть дела в стране в нормальное русло после «культурной революции», против чего — и того и другого — выступала «банда четырех», называя такую политику предательством революционных принципов. Дэн Сяопина и ему подобных лиц, типа Ху Яобана и Чжао Цзыяна, ассоциировали с экономическим прагматизмом, на который нападала «банда четырех», объявляя это восстановлением некоторых форм капиталистической системы.

По мере все большего ослабления Мао Цзэдуна китайское руководство втянулось в борьбу за власть и споры о судьбе Китая, больно ударив тем самым по китайско-американским отношениям. Когда китайские радикалы набирали относительную силу, наступало охлаждение в китайско-американских отношениях. Когда свобода действий Америки ограничивалась из-за внутренних беспорядков, это укрепляло аргументацию «левых» о том, что Китаю, дескать, совсем не обязательно лишаться идеологической чистоты и привязывать свою внешнюю политику к стране, которая сама разрывается от внутренних разногласий и не в состоянии помочь в плане безопасности Китая. До самого конца Мао Цзэдун пытался решать это противоречие: оставить неизменным свое наследие в виде перманентной революции и одновременно сохранить стратегические отношения с Соединенными Штатами, считая их важными для безопасности Китая. Он производил впечатление человека, симпатизирующего радикалам, даже когда национальные интересы требовали от него поддержания новых отношений с Америкой, которая, в свою очередь, не вдохновляла его из-за своих внутренних разногласий.

Мао Цзэдун в расцвете сил мог бы справиться с внутренними конфликтами, но стареющий Мао Цзэдун все больше разрывался перед лицом проблем, им же самим и созданных. Чжоу Эньлай, самый преданный Мао Цзэдуну на протяжении 40 лет человек, стал жертвой двойственности натуры Мао.

Падение Чжоу Эньлая

В автократическом обществе второму лицу выжить политически весьма сложно по определению. Для этого требуется поддержание такой степени близости в отношениях с руководителем, которая не оставляла бы места для соперника, но связь с ним не должна быть слишком тесной, чтобы руководитель не почувствовал для себя угрозу. Ни одно из вторых лиц Мао Цзэдуна не выдержало хождения по натянутой проволоке: Лю Шаоци, бывшего «номером два» и занимавшего должность Председателя КНР с 1952 по 1967 год, арестовали во время «культурной революции», а также Линь Бяо — обоих уничтожили политически и в результате лишили жизни.

Чжоу Эньлай являлся нашим главным партнером по переговорам на всех встречах. Мы обратили внимание во время визита в ноябре 1973 года на его бóльшую, чем обычно, осторожность и более почтительное поведение с Мао Цзэдуном, чем всегда. Но компенсацией за это стали три часа разговоров с Мао: мы услышали наиболее глубокий обзор внешнеполитической стратегии, когда-либо сделанный перед нами. Беседа закончилась, и Мао Цзэдун проводил меня до выхода, а в официальном сообщении говорилось о том, что Председатель и я имели «беседу, прошедшую в дружественной атмосфере, по широкому кругу вопросов».

С явного указания Мао Цзэдуна все переговоры завершались быстро и благополучно. В заключительном коммюнике совместную борьбу с гегемонизмом «Азиатско-Тихоокеанского региона» (как это было в Шанхайском коммюнике 1972 года) глобально расширили. Подтвердили необходимость проведения и впредь углубленных консультаций между двумя странами на «авторитетном уровне». Обмены и торговля должны были возрастать. Размеры миссий связи — увеличиваться.

Чжоу Эньлай обещал вызвать главу Китайской миссии связи из Вашингтона для инструктажа по вопросу о согласованном решении об интенсификации диалога.

Современные китайские историки указывают на то, что нападки со стороны «банды четырех» на Чжоу Эньлая достигли критического момента именно в тот период. Из средств массовой информации мы знали о развернувшейся в стране кампании борьбы против Конфуция, но не думали, что она имеет прямое отношение к вопросам внешней политики и китайского руководства. В делах с американцами Чжоу Эньлай сохранял хладнокровие и уверенность в себе. Только один раз его душевное равновесие покинуло его. На банкете в здании ВСНП в ноябре 1973 года во время общей беседы я отметил, что Китай остается, по сути, чисто конфуцианским государством в своей вере в единственную, универсальную и повсеместно применимую истину как образец личного поведения и общественных связей.

Я не могу припомнить, что именно заставило меня сделать это высказывание, которое, каким бы точным оно ни было, не учитывало нападок Мао Цзэдуна на конфуцианцев, якобы мешавших проведению его политики. Чжоу Эньлай взорвался. Впервые я увидел его потерявшим самоконтроль. Конфуцианство, стал доказывать он, — учение класса угнетателей, а коммунизм представлял собой философию свободы. С нехарактерной для него настойчивостью он отстаивал свой довод, без сомнения, стремясь запечатлеть свои слова в памяти Нэнси Тан для записи беседы, переводчицы, которая была близка с Цзян Цин, и Ван Хайжун, внучатой племянницы Мао Цзэдуна, всегда находившейся в окружении Чжоу.

Вскоре мы узнали, что Чжоу Эньлай болен раком и что он постепенно отходит от повседневного управления делами. Последовали драматические волнения. Визит в Китай закончился на пике драматизма. Встреча с Мао была не только самой насыщенной из всех предыдущих диалогов, она была полна символизма: ее продолжительность, демонстративная учтивость, например сопровождение меня до выхода, теплое коммюнике — все предназначалось для подчеркивания ее значимости. Когда я уже собирался уходить, Чжоу Эньлай сказал

мне, что он считает эту беседу самой значительной со времени секретного визита:

«ЧЖОУ: Мы желаем Вам успехов и также желаем успехов президенту.

КИССИНДЖЕР: Благодарю Вас и спасибо за оказанный нам, как всегда, теплый прием.

ЧЖОУ: Вы этого заслужили. И коль скоро курс установлен еще в 1971 году, мы будем его придерживаться.

КИССИНДЖЕР: Мы тоже.

ЧЖОУ: Именно поэтому мы используем термин дальновидность, описывая Вашу встречу с Председателем[436].

Диалог, который предусматривалось использовать в коммюнике, не смог состояться. Почти завершившиеся переговоры по финансовым вопросам застыли на мертвой точке. Глава миссии связи прибыл в Пекин, но не возвращался обратно четыре месяца. Отвечавший за Китай офицер Национального Совета безопасности докладывал, что двусторонние отношения «застыли на месте»[437]. В течение месяца стали заметны изменения в судьбе Чжоу Эньлая, но мы не представляли их масштабов.

С тех пор стало известно, что в декабре 1973 года, менее чем через месяц после описываемых сейчас событий, Мао Цзэдун заставил Чжоу Эньлая пройти через специально посвященное вопросам «борьбы» заседание политбюро, где тому предстояло отчитаться о внешней политике, охарактеризованной Нэнси Тан и Ван Хайжун, сторонницами Мао Цзэдуна в окружении Чжоу Эньлая, как излишне приспособленческой. Дэн Сяопин, возвращенный из ссылки в качестве возможной замены Чжоу Эньлаю, так обобщил преобладавшую на заседании критику: «Ваше место находится всегда на шаг позади Председателя. ...Для других место Председателя должно быть в пределах видимости, но не досягаемости. Для Вас, однако, оно оказалось и в пределах видимости, и в пределах досягаемости. Я надеюсь, впредь Вы учтете это»[438]. По сути, Чжоу Эньлая обвиняли в том, что он приблизился слишком близко.

Когда заседание закончилось, политбюро подвергло Чжоу Эньлая открытой критике:

«Говоря в целом, [Чжоу] забыл о принципе недопущения «правого уклона», идя на союз с Соединенными Штатами. Это

случилось главным образом потому, что он забыл об указаниях Председателя. Он переоценил силу врага и недооценил мощь народа. Он не смог также правильно определить соотношение между дипломатией и поддержкой революции»[439].

К началу 1974 года Чжоу Эньлай исчез с политической арены якобы из-за рака. Но болезнь — недостаточное объяснение для предания его полному забвению. Никто из китайских официальных лиц не осмеливался больше ссылаться на него. Во время моей первой встречи с Дэн Сяопином в начале 1974 года он неоднократно упоминал Мао Цзэдуна и игнорировал все мои ссылки на Чжоу Эньлая. Если требовались записи бесед, наши китайские партнеры предпочитали ссылаться на две беседы с Мао Цзэдуном в 1973 году. Я встретился с Чжоу Эньлаем еще только один раз, в декабре 1974 года, когда прибыл в Пекин с официальным визитом, взяв с собой несколько членов своей семьи. Мою семью пригласили на встречу. Она проходила, как нам сказали, в больнице, но место выглядело как государственный дом приемов гостей. Чжоу Эньлай избегал политических и дипломатических тем, сославших на врачей, запретивших ему какие бы то ни было нагрузки. Встреча продолжалась немногим более 20 минут и яснее ясного продемонстрировала — диалогу о китайско-американских отношениях с Чжоу Эньлаем пришел конец.

Так завершилась карьера человека, до конца дней своих остававшегося верным Мао Цзэдуну. Чжоу Эньлай находился рядом с Председателем во время кризисов, и это заставляло его все время балансировать между личным восхищением революционным руководством Мао и собственной природой более человечных инстинктов и прагматизма. Он выжил благодаря своей необходимости и в прямом смысле верности. Слишком большой верности, как говорили его оппоненты. А теперь его отстранили от власти, когда бури, казалось, стали утихать и спасительная суша замаячила вдали. Он не расходился с политикой Мао Цзэдуна, как Дэн Сяопин десятью годами ранее. Ни одно дело американцев с ним не означало какого бы то ни было отступления от того, что говорил Мао Цзэдун (и никакое событие не проходило без ведома Мао, поскольку Председатель контролировал встречи, прочитывая каждый вечер записи бесед). Действительно, Чжоу Эньлай

относился к американской делегации с непревзойденной, хотя и несколько отстраненной вежливостью, но как раз именно это обусловило продвижение вперед партнерства с Америкой, чего требовала тяжелая обстановка в плане безопасности Китая. Я рассматривал его поведение как способ осуществления того, что требовалось Китаю, а не как уступки мне или другим американским официальным лицам.

Скорее всего Чжоу Эньлай стал рассматривать американские отношения как постоянный фактор, в то время как Мао Цзэдун, вероятно, мог относиться к ним как к тактическому ходу. Чжоу мог прийти к выводу о невозможности для Китая после разрухи «культурной революции» выжить в этом мире, не выйдя из изоляции и не став действительной частью международного порядка. Но я пришел к такому выводу, судя только по поведению Чжоу Эньлая, а не исходя из его слов. Наш разговор никогда не выходил за рамки официальной беседы и не имел личностных мотивов. Некоторые из преемников Чжоу Эньлая подчас ссылались на него, говоря «ваш друг Чжоу». В какой-то мере я считаю такое сравнение за честь для себя, даже если они несколько в буквальном смысле толкуют это понятие — или даже если в этом проскальзывает доля насмешки.

Будучи стреножен политически, изнуренным и неизлечимо больным, Чжоу Эньлай появился на публике в последний раз в январе 1975 года. Поводом стал съезд Всекитайского собрания народных представителей, впервые созванный после начала «культурной революции». Чжоу Эньлай фактически все еще оставался премьером. Он открыл съезд очень тщательно продуманной фразой о «культурной революции» и кампании борьбы с конфуцианством, которые почти уничтожили его самого и которые он сейчас приветствовал как «великие», «важные» и «далеко идущие» в своем влиянии. Так прозвучало последнее публичное объяснение в преданности Председателю, которому он служил 40 лет. Но затем в середине своего выступления Чжоу Эньлай предложил фактически совершенно новое направление, словно оно являлось логическим продолжением этой программы. Он как бы вспомнил давно отложенное, еще со времен до «культурной революции», предложение о том, что Китаю необходимо стремиться добиться «всеобщей модернизации» по четырем основным направле-

ниям: сельское хозяйство, промышленность, оборона, а также наука и техника. Чжоу отметил, что выдвигает этот призыв «по указанию Председателя Мао», хотя когда и где эти указания прозвучали, оставалось неясным[440].

Чжоу Эньлай убеждал Китай добиться «четырех модернизаций» «до конца столетия». Слушавшие Чжоу не могли не отметить, что ему не суждено дожить до осуществления поставленной цели. И как констатировалось в первой половине речи Чжоу, эта модернизация может быть достигнута не иначе как после проведения дальнейшей идеологической борьбы. Но слушавшие Чжоу Эньлая люди запомнили его утверждение — частично предсказание, частично вызов, — что к концу XX столетия «народное хозяйство Китая встанет в передовые ряды экономик мира»[441]. В предстоящие годы некоторые из них серьезно отнесутся к этому призыву и возглавят дело технического прогресса и экономической либерализации, даже несмотря на серьезные политические и личные риски.

Последние встречи с Мао Цзэдуном: ласточки и приближение бури

После исчезновения Чжоу Эньлая, в начале 1974 года, Дэн Сяопин стал нашим партнером по переговорам. Хотя он совсем недавно вернулся из ссылки, он вел дела с апломбом и самоуверенностью, которыми, казалось, наделены все китайские руководители от природы, и его вскоре назначили исполняющим обязанности заместителя премьера Государственного совета.

К тому времени концепцию «горизонтальной линии» уже отбросили, хотя прошел всего лишь год: она слишком близко напоминала традиционный принцип формирования союзов, ограничивая, таким образом, свободу действий Китая. Мао Цзэдун выдвинул на первый план свое новое видение мира — концепцию «трех миров», о чем он приказал Дэн Сяопину объявить на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году. На смену «горизонтальной линии» пришел новый подход с представлением о «трех мирах». Соединенные Штаты и Советский Союз принадлежали к первому миру. Такие

страны, как Япония и Европа, входили во второй мир. Все слаборазвитые страны составляли третий мир, к которому также принадлежал и Китай[442].

В соответствии с этой теорией все дела в мире зависели от конфронтации между двумя ядерными сверхдержавами. Дэн Сяопин в своей речи в ООН заявлял:

«В связи с соперничеством между двумя сверхдержавами за мировую гегемонию конфронтация между ними носит непримиримый характер, то одна, то другая берет верх. Компромиссы и сговоры между ними могут быть только частичными, временными и относительными, а соперничество — всеобъемлющим, постоянным и абсолютным. ...Они могут о чем-то договариваться, но их соглашения представляют только внешнюю сторону и являются мошенничеством»[443].

Развивающийся мир должен использовать эти конфликты в своих собственных целях: две сверхдержавы «создали собственную противоположность», «вызвав мощное сопротивление среди «третьего мира» и народов всего мира»[444]. Настоящая сила не у Соединенных Штатов и Советского Союза, напротив, «подлинно мощными являются «третий мир» и народы всех стран, объединенные вместе, смело идущие на бой и смело стремящиеся побеждать»[445].

Теория «трех миров» восстановила свободу действия для Китая, по крайней мере с идеологической точки зрения. Она дала возможность выбирать между двумя сверхдержавами с учетом потребностей. Она предоставляла своего рода инструмент для активной независимой роли Китая через ту роль, которую он взял на себя в развивающемся мире, и это придало Китаю тактическую гибкость. И тем не менее она не могла помочь решить проблему стратегического характера для Китая, как Мао описал ее во время двух продолжительных бесед в 1973 году: Советский Союз нес угрозу как в Азии, так и в Европе; Китаю требовалось участие в мировых делах, если он хотел ускорить экономическое развитие; псевдоальянс Китая с Соединенными Штатами должен сохраняться, даже если внутренние эволюции в обеих странах вынуждали их правительства действовать в противоположных направлениях.

Имели ли радикалы достаточно влияния на Мао Цзэдуна, чтобы добиться устранения Чжоу Эньлая? Или Мао исполь-

зовал «левых», запланировав скинуть своего помощника «номер два», как он проделал это с его предшественниками? Каким бы ни был ответ, Мао Цзэдун нуждался в «треугольнике». Он симпатизировал радикалам, но, будучи слишком хорошим стратегом, не собирался отказываться от страховки, предоставляемой США. Напротив, он стремился укреплять ее, пока Америка расценивалась как надежный партнер.

Бестактное согласие США на встречу в верхах между президентом Фордом и советским премьером Брежневым* во Владивостоке в ноябре 1974 года осложнило американо-китайские отношения. Решение приняли из сугубо практических соображений. Форд, как новый президент, хотел встретиться с советским коллегой. Считалось, что он не может отправиться в Европу, не встретившись с некоторыми европейскими лидерами, желающими установить свои отношения с новым президентом, а это могло бы сделать его график поездки слишком насыщенным. Поездку президента в Японию и Южную Корею запланировали еще во время президентства Никсона, поэтому решение заскочить оттуда на 24 часа во Владивосток казалось вполне щадящим для президентского графика. Но в горячке сборов мы совсем упустили из виду тот факт, что Россия завладела Владивостоком всего лишь столетие назад по одному из «неравноправных договоров», регулярно подвергавшихся нападкам в Китае, и что он расположен на советском Дальнем Востоке, где военные столкновения между Китаем и Советским Союзом вызвали пересмотр нашей политики в отношении Китая всего несколько лет назад. Удобство с технической точки зрения перевесило здравый смысл.

Китайское возмущение действиями Вашингтона после владивостокской встречи обнаружилось сразу же, как только я прибыл в Пекин из Владивостока в декабре 1974 года. Это был единственный приезд в Пекин, во время которого Мао Цзэдун не принял меня. (Но поскольку никто не мог просить

---

* Л.И. Брежнев занимал пост Первого секретаря ЦК КПСС с 1964 по 1966 год. С 1966 по 1982 год он был Генеральным секретарем ЦК КПСС, пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР он занимал с 1960 по 1964 год и с 1977 по 1982 год. Л.И. Брежнев не занимал пост Председателя Правительства СССР. — *Примеч. пер.*

о такой встрече, ее отсутствие можно было бы расценить как упущение, а не отказ.)

Отставив в сторону оплошность, можно сказать, что Соединенные Штаты оставались приверженцами стратегии, начатой администрацией Никсона, какими бы ни были колебания внутренней политики в Китае и США. Если бы Советы напали на Китай, оба президента, с кем мне выпала честь работать, Ричард Никсон и Джеральд Форд, всеми силами поддержали бы Китай и сделали бы все от них зависящее, лишь бы разрушить подобного рода советскую авантюру. Нас также переполняла решимость отстаивать баланс сил в мире. Но мы считали диалог с *обоими* коммунистическими гигантами в американских национальных интересах и в интересах всеобщего мира. Чтобы быть ближе к каждому из них, чем они сами друг к другу, нам следовало проявлять максимум дипломатической гибкости. То, что Мао Цзэдун называл «боем с тенью», требовалось, как были убеждены и Никсон, и Форд, для создания консенсуса во внешней политике, столь необходимого после вьетнамской войны, «уотергейтского дела» и прихода к власти неизбиравшегося президента.

В такой международной и внутренней обстановке прошли мои две последние встречи с Мао Цзэдуном в октябре и декабре 1975 года. Поводом стал первый визит президента Форда в Китай. Целью первой встречи являлась подготовка встречи в верхах межу двумя руководителями, вторая касалась содержания их беседы. Эти встречи не только дали возможность получить обобщенный отчет последних воззрений умирающего Председателя, но и продемонстрировали огромную силу воли Мао Цзэдуна. Он плохо себя чувствовал, когда принимал Никсона. Сейчас он был страшно болен. Две медсестры находились рядом с ним, чтобы приподнимать его в кресле. После удара он едва мог говорить. Китайский язык имеет тона, поэтому переводчице приходилось записывать свистящие и хрипящие звуки, вылетающие из его разрушающегося тела. Она показывала ему запись, и Мао либо кивал в знак согласия, либо махал в знак несогласия головой, после чего она делала перевод. Но дряхлость Мао не помешала ему провести обе беседы, рассуждая чрезвычайно здраво.

Еще более примечательным было то, как эти беседы на краю могилы проявили внутреннее бунтарство самого Мао Цзэдуна. Саркастический и проницательный, язвительный и готовый к сотрудничеству, Мао в нашем общении продемонстрировал сохранившуюся до конца его дней революционную убежденность в сочетании с пониманием сложных стратегических целей. Мао Цзэдун начал разговор 21 октября 1975 года, высказавшись по поводу банальной фразы, произнесенной мной накануне на встрече с Дэн Сяопином о том, что Китай и Соединенные Штаты ничего не хотят друг от друга: «Если ни одной из стран ничего не надо друг от друга, зачем же Вы приезжаете в Пекин? Если ни одна из сторон ничего не хочет просить, зачем Вам понадобилось приезжать в Пекин и зачем тогда бы нам принимать Вас и президента?»[446] Другими словами, абстрактные высказывания по поводу доброй воли ничего не значили для проповедника перманентной революции. Он по-прежнему находился в поиске общей стратегии и, будучи стратегом, понимал значение приоритетов даже с учетом принесения в жертву на какое-то время исторических целей Китая. Именно поэтому он по своей инициативе повторил свое кредо из первой беседы: «Тайвань — маленькая проблема, большая проблема — весь мир»[447]. По своей старой привычке Мао Цзэдун довел то, что считал необходимым, до крайности, использовав характерный для него набор эксцентричности, холодного терпения и явной угрозы, временами облачая все это в неуловимые по своей сути, если не сказать недоступные пониманию, фразы. Мао Цзэдун продолжал проявлять терпение на последующих встречах со мной, как он заметил на встрече с Никсоном, поэтому он не собирался смешивать споры вокруг Тайваня со стратегией, направленной на поддержание равновесия сил в мире. Поэтому он сделал заявление, невозможное еще два года назад, о том, что Китай не хочет решать тайваньскую проблему в данный момент:

«МАО: Пусть Тайвань остается в ваших руках. И даже если бы вы передали его мне сейчас, я бы не захотел его забрать, потому что это пока нежелательно. Там находится большая группа контрреволюционеров. Через сто лет мы затребуем его [делает жест рукой] и будем бороться за него.

КИССИНДЖЕР: Вряд ли через 100 лет.

МАО: [Делает жест рукой, как бы подсчитывая.] Трудно сказать. Через 5 лет, 10, 20, 100 лет. Трудно сказать. [Показывает рукой на потолок.] Когда я отправлюсь на небо на встречу с Богом, я скажу ему, что сейчас пусть лучше Тайвань остается под покровительством Соединенных Штатов.

КИССИНДЖЕР: Он очень удивится, услышав эти слова Председателя.

МАО: Нет, ведь Бог благословил вас, а не нас. Бог не любит нас [машет рукой], потому что я милитарист, а также еще и коммунист. Именно потому он и не любит меня. [Показывает на трех американцев.][448] Он любит вас, вас и вас»[449].

Существовала настоятельная необходимость упорядочения вопроса о международной безопасности: по словам Мао, Китай опустился на последнее место в приоритетах Америки из пяти центров силы в мире, при этом Советский Союз занимал первоочередное место, затем следовали Европа и Япония. «Мы видим, что вы через нас неожиданно перескочили на Москву, и мы вам больше не нужны. Видите, мы на пятом месте. Мы мизинец всего лишь»[450]. Более того, как утверждал Мао Цзэдун, европейские страны, хотя и превосходят по силе Китай, охвачены страхом перед Советским Союзом. Он так суммировал свое сравнение:

«МАО: Наш мир неспокоен, грядет буря с дождем и ветром. Перед приближением ветра и дождя ласточки очень заняты.

ТАН: Он [Председатель] спрашивает, как по-английски будет «ласточка» и что значит слово «воробей». Я сказала, что это разные виды птиц.

КИССИНДЖЕР: Да, но я надеюсь, мы можем оказывать больше влияния на бурю, чем ласточки на ветер и дождь.

МАО: Можно задержать приход ветра и дождя, но полностью предотвратить их наступление трудно»[451].

Когда я ответил, что согласен с его мыслью о приближении бури, но что лучше всего выбрать безопасное место, где можно было бы ее переждать, Мао Цзэдун ответил одним коротким словом: «Дюнкерк»[452].

Мао Цзэдун уточнил, что американская армия в Европе достаточно сильна и способна противостоять размещенным там советским сухопутным силам, а общественное мнение не допустит использования ядерного оружия. Он отверг мое ут-

верждение о том, что Соединенные Штаты непременно применят ядерное оружие для защиты Европы: «Существуют две возможности. Одна — это ваши возможности, вторая — смотри «Нью-Йорк таймс»[453] (имея в виду написанную корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтоном книгу «Сможет ли Америка победить в следующей войне?», где подвергается сомнению возможность победы Америки в войне с Советским Союзом в Европе с применением обычных вооружений). В любом случае, как уточнил Председатель, это ничего не значит, так как Китай никогда не будет полагаться на решения других стран:

«Мы будем придерживаться стратегии Дюнкерка, то есть мы позволим им занять Пекин, Тяньцзинь, Ухань и Шанхай, и, таким образом, при помощи этой тактики мы победим, и враг будет разбит. Обе мировые войны, Первая и Вторая, велись именно так, победа была достигнута не сразу»[454].

Одновременно Мао Цзэдун обрисовал положение с расположением костей на доске в игре «вэйци», представлявшей его видение международной обстановки. Европа «слишком разъединена и ничем не связана»[455]. Япония стремится к гегемонии. Объединение Германии приветствовалось, но добиться этого можно было только после ослабления Советского Союза, а «без борьбы Советский Союз не может быть ослаблен»[456]. Что касается Соединенных Штатов, то «не было необходимости раздувать «уотергейтское дело» до такой степени»[457] — другими словами, уничтожать сильного президента из-за внутренних конфликтов. Мао Цзэдун пригласил министра обороны Джеймса Шлесинджера нанести визит в Китай — возможно, в составе делегации президента Форда, — где он мог бы посетить приграничные регионы рядом с Советским Союзом, например Синьцзян или Маньчжурию. Это предположительно имело целью продемонстрировать американскую готовность пойти на риск конфронтации с Советским Союзом и не очень тонкой попыткой втянуть Китай во внутриамериканские дискуссии, поскольку о Шлесинджере говорили как о человеке, якобы бросившем вызов господствовавшей в то время политике разрядки.

Трудность частично заключалась в проблеме перспективы. Мао Цзэдун, предчувствуя свой скорый уход, торопился сде-

лать так, чтобы его концепции оставались главенствующими и после его кончины. Он меланхолично говорил о возрасте, разумом понимая, что ничто не вечно, но еще полностью не осознавая этот факт, у него практически не оставалось выбора и средств для осуществления задуманного.

«МАО: Мне 82 года. [Показывая на секретаря Киссинджера.] А Вам сколько лет? Наверно, 50.

КИССИНДЖЕР: 51.

МАО: [Показывая на заместителя премьера Дэна.] А ему 71. [Машет руками.] После нашей смерти, моей, его [Дэна], Чжоу Эньлая и Е Цзяньина Вы еще будете жить. Понятно? Мы, старики, не годимся. Мы не в состоянии будем справиться с этим»[458].

Он добавил: «Вы знаете, я здесь как выставочный образец для посетителей»[459]. Но как бы дряхло он ни выглядел физически, слабеющий Мао Цзэдун никогда не занимал пассивную позицию. Встреча заканчивалась — обычно это сопровождалось умиротворяющим жестом, — как вдруг в нарушение заведенного порядка он разразился фразой, подтверждающей неизменность его революционных полномочий:

«МАО: Вы не знаете мой характер. Мне нравится, когда люди проклинают меня [повышает голос и ударяет кулаками по креслу]. Вы должны сказать, что Председатель Мао — старый бюрократ, и в этом случае я скорее увижусь с Вами. В этом случае я буду спешить встретиться с Вами. Если Вы не будете меня ругать, я не увижу Вас, я просто спокойно засну.

КИССИНДЖЕР: Нам это трудно сделать, особенно назвать Вас старым бюрократом.

МАО: Я разрешаю это сделать [стучит по своему креслу]. Я буду только рад, если все иностранцы начнут стучать по столам и ругать меня».

Мао еще больше усилил элемент угрозы, говоря мне колкости по поводу китайского вмешательства в Корейской войне:

«МАО: ООН приняла резолюцию, которую инициировали США и в которой объявлялось об агрессии Китая против Кореи.

КИССИНДЖЕР: Это было 25 лет назад.

МАО: Да. Поэтому это не связано с Вами напрямую. Это произошло во времена Трумэна.

КИССИНДЖЕР: Да. Это было так давно, и наши восприятия с тех пор изменились.

МАО: [Коснулся своей головы.] Но резолюция до сих пор не отменена. Я по-прежнему ношу этот колпак «агрессора». И я тоже рассматриваю это как величайшую для себя честь, которую ни одна другая не сможет заменить. И это хорошо, очень хорошо!

КИССИНДЖЕР: Значит, тогда нам не надо менять резолюцию ООН?

МАО: Нет, не надо это делать. Мы никогда не выдвигали такую просьбу. ...Мы не можем это отрицать. Мы действительно совершили агрессию против Китая [Тайваня] и в Корее. Не могли бы Вы помочь мне сделать это заявление достоянием общественности, может быть, во время одного из Ваших брифингов?..

КИССИНДЖЕР: Я думаю, я разрешу Вам огласить его. Я вряд ли сам смогу найти слова для исторически корректного заявления»[460].

Мао Цзэдун отметил по меньшей мере три момента. Во-первых, Китай готов выстоять в одиночку, как и во времена Корейской войны против Америки и в 1960-е годы против Советского Союза. Во-вторых, он подтвердил принципы перманентной революции, выдвинутые в ходе этих конфронтаций, как бы это ни было неприятно для обеих сверхдержав. В-третьих, он выразил готовность вернуться к ним, если возникнут препятствия на пути проводимого им сейчас курса. Открытие для Америки, с точки зрения Мао, не означало конца идеологии.

Пространные комментарии Мао Цзэдуна вновь отражали двойственность его натуры. Никто лучше умирающего Председателя не понимал геополитических требований, стоящих перед Китаем. На нынешнем этапе истории они вступали в противоречие с традиционной концепцией опоры Китая на собственные силы. Какой бы ни была критика Мао Цзэдуном политики разрядки, Соединенные Штаты несли основную тяжесть конфронтации с Советским Союзом и большую часть бремени военных расходов в некоммунистическом мире. Имелись все предпосылки для безопасности Китая. Шел уже четвертый год после восстановления отношений с Китаем.

Мы были согласны с общим пониманием Мао Цзэдуном стратегии. Но нельзя было возлагать на Китай ее претворение в жизнь, и Мао знал это. Но именно против такого люфта гибкости как раз и возражал Мао Цзэдун.

В то же самое время в китайском сообщении объявлялось, что Мао Цзэдун «имел беседу с д-ром Киссинджером, прошедшую в дружественной атмосфере», тем самым давая понять миру, что связи продолжаются, из чего должны были последовать верные выводы. Позитивное заявление сопровождалось фотоснимком, придававшим ему особую значимость: на нем смеющийся Мао стоял рядом с моей женой и со мной, при этом он указывал пальцем, как бы давая понять, что Соединенные Штаты нуждаются в уроке милосердия.

Как всегда, было непросто подвести итог недоговоркам и афористическим комментариям Мао Цзэдуна, а иногда даже понять их. В ходе устного доклада президенту Форду я описал состояние Мао «вроде как изумительное» и напомнил ему, что он из числа тех людей, кто руководил Великим походом — это «длившееся целый год стратегическое отступление, проходившее через труднодоступную местность и при частных нападениях на них, позволившее сохранить дело китайских коммунистов в гражданской войне[461]. Мао Цзэдун не высказывался против разрядки, речь шла о том, какая из трех сторон отношений «треугольника» сможет избежать поглощения в начале зарождающегося кризиса. Я сказал президенту Форду:

«Я гарантирую Вам, что если мы действительно вступим в конфронтацию с Советским Союзом, они нападут на нас и Советский Союз, собрав вокруг себя весь «третий мир». Хорошие отношения с Советским Союзом — лучшее средство для сохранения наших отношений с Китаем — и наоборот. Наша слабость — вот в чем проблема. Они полагают, будто у нас беда с ОСВ и разрядкой. Это им на руку»[462].

Уинстон Лорд, возглавлявший тогда аппарат политического планирования Государственного департамента и главный автор плана организации секретной поездки, а позднее и всей нашей китайской политики, добавил тонкое толкование двусмысленных высказываний Мао, о чем я сообщил президенту:

«Основной посыл Председателя и главные темы вполне ясны. Они составляли четкие стратегические рамки для визи-

та Киссинджера и даже, по сути, для развития наших отношений за последние пару лет. Но остается несколько загадочных фраз, смысл которых неясен. Следует заняться поисками нюансов и более глубокого смысла, скрытого за лаконичной и приземленной прозой Председателя. В большинстве случаев подтекст очевиден. В других случаях, однако, вряд ли может быть что-то особо примечательное или что-то типа старческого маразма, бессвязное и бесцельное. ...Для примера один из образчиков его двусмысленностей: «Нет ли у вас каких-либо средств, чтобы вылечить мою нынешнюю потерю способности четко говорить?» Странность в том, что разговор о его собственном здоровье занял не очень много времени. Сомнительно, будто он серьезно просил помощи по медицинским вопросам. Но может быть, Председатель подразумевает, что его голос в Китае (или в мире) плохо слышен, а его влияние падает и он хочет, чтобы США своими действиями и политикой помогли ему укрепить его позицию? Может, он хочет, чтобы мы помогли ему «четко говорить» в более широком смысле слова?»[463]

В то время я полагал замечания Лорда несколько надуманными. Узнав с тех пор больше о внутренних маневрированиях в Китае, я сейчас считаю, что Мао вкладывал более глубокий смысл.

В любом случае октябрьская поездка, предназначенная для подготовки визита Форда, прошла в весьма прохладной атмосфере, отражающей внутреннюю напряженность в Китае. Казалось, президентский визит не обещает ничего хорошего, поэтому мы сократили его сроки с пяти до трех дней, отменив две остановки вне Пекина и заменив их на краткие визиты на Филиппины и в Индонезию.

В день моего возвращения из Китая Шлесинджера сняли с поста министра обороны, его сменил Дональд Рамсфельд. Меня проинформировали об этом после свершившегося факта, но я бы действительно предпочел, чтобы этого не случилось. Я был уверен, что это вызовет разногласия по поводу внешней политики Вашингтона, могут возникнуть вопросы по поводу дипломатического процесса, в который мы недавно включились. На самом деле освобождение от должности министра обороны ничего общего не имело с приглашением Мао Цзэ-

дуна Шлесинджеру посетить Китай. Форд попытался задраить люки перед надвигающейся политической кампанией, а он всегда чувствовал себя неловко с вечно кислым Шлесинджером. Но в китайском руководстве, несомненно, могли бы толковать увольнение Шлесинджера как демонстративную отповедь на китайскую колкость.

Через несколько недель, в первую неделю декабря, президент Форд нанес первый визит в Китай. В ходе визита Форда был заметен раскол внутри китайского руководства. Супруга Мао Цзэдуна Цзян Цин, один из архитекторов «культурной революции», появилась только один раз на несколько минут на приеме во время спортивного мероприятия. Все еще всесильная, она вела себя отстраненно, от нее веяло ледяной холодностью во время ее демонстративно короткого пребывания. (Единственное ее появление во время визита Никсона состояло в том, чтобы на правах хозяйки показать революционный балет.)

Мао Цзэдун избрал почти двухчасовую встречу с Фордом, желая фактически продемонстрировать разногласия в китайском руководстве. Состояние Мао в какой-то мере ухудшилось с того времени, когда он принимал меня пятью неделями раньше. Однако он решил, что отношения с Америкой требовали теплой атмосферы, и начал беседу с шутливого замечания:

«МАО: Ваш государственный секретарь вмешивается в мои внутренние дела.

ФОРД: Расскажите-ка мне как.

МАО: Он не разрешает мне отправиться на встречу с Богом. Он даже говорит мне, чтобы я не подчинялся данному мне Богом приказу. Господь направил мне приглашение, а он [Киссинджер] говорит, чтобы я не отправлялся.

КИССИНДЖЕР: Но если он отправится туда, там создастся очень мощная группировка.

МАО: Он атеист [Киссинджер]. Он выступает против Бога. И он подрывает мои отношения с Богом. Он ужасный человек, но у меня нет иного пути, как подчиниться его приказам»[464].

Мао Цзэдун продолжил, заметив, что он не ожидает «ничего особенного» в американо-китайских отношениях на ближайшие два года, то есть в период с президентских выборов

в 1976 году и после них. «Возможно, после ситуация будет немного получше»[465]. Имел ли он в виду, что Америка станет тогда более объединенной или что к тому времени внутренняя борьба в Китае завершится? Смысл его слов состоял в том, что он рассчитывал на сохранение шатких отношений во время президентства Форда.

Наиболее весомым объяснением существования лакуны в американо-китайских отношениях является внутренняя ситуация в Китае. Мао Цзэдун понял замечание Форда о том, что он одобряет работу главы Миссии связи Пекина в Вашингтоне (Хуан Чжэня) и надеется, что он сохранит свой пост:

«Есть некоторые молодые люди, которые критикуют его [посла Хуана][466]. А эти двое [Ван и Тан][467] тоже в какой-то мере критикуют господина Цяо[468]. А это такие люди, с которыми нельзя шутить. Иначе можно от них пострадать — может начаться гражданская война. Сейчас вывешивают много плакатов «больших иероглифов»*. Вы можете поехать в университет Цинхуа или Пекинский университет, если хотите посмотреть на них»[469].

Если переводчицы Мао — Нэнси Тан и Ван Хайжун, близкие к жене Мао, выступали против министра иностранных дел и де-факто посла в Вашингтоне, дела приобрели удручающий характер, и внутренний раскол дошел до высшей точки накала. То, что Мао назвал министра иностранных дел «господином Цяо», имея в виду, что министр иностранных дел является конфуцианцем, было еще одним знаком опасности внутреннего раскола. Коль скоро в университетах появились «дацзыбао» — своего рода прокламации, написанные иероглифами большого формата, с чьей помощью проводились идеологические кампании во время «культурной революции», — некоторые методы и, разумеется, некоторые аргументы периода «культурной революции» стали возникать вновь. В таком случае упоминание Мао о возможной гражданской войне могло означать гораздо больше, чем просто фигуру речи.

Форд, скрывавший свою проницательность за маской простака и прямолинейного человека со Среднего Запада,

* «Дацзыбао» — плакаты «больших иероглифов». — *Примеч. пер.*

предпочел проигнорировать признаки раскола. Вместо этого он повел себя так, будто сохранилась обстановка китайско-американских отношений времен Чжоу, и стал проводить обсуждение мировых проблем в порядке очередности. Главной его темой были меры, предпринимаемые Америкой, с целью недопущения советского гегемонизма. Он попросил конкретную китайскую помощь по данному вопросу прежде всего в Африке. Мао дал отповедь Никсону три года назад за попытки добиться гораздо меньшего. Либо показное простодушие Форда разоружило Мао, либо сам Мао с самого начала планировал провести стратегический диалог, но на сей раз он подключился к разговору, отпустив характерные для него ядовитые замечания, особенно по поводу советских шагов в Африке. Это еще раз подтвердило его репутацию искусного мастера деталей.

В самом конце беседы прозвучал странный призыв Мао о помощи в представлении лучшего облика американо-китайских отношений для общественности:

«МАО: ...В некоторых газетах описываются отношения между нами как очень плохие. Возможно, Вам следует поделиться информацией с ними или, может быть, устроить для них брифинг.

КИССИНДЖЕР: Обе стороны. Они услышат часть информации в Пекине.

МАО: Но пусть это пойдет не от нас. Есть иностранцы, которые устраивают такие брифинги»[470].

Не было времени, чтобы поинтересоваться, что за иностранцы могли устраивать брифинги, которым поверили бы СМИ. Мао Цзэдун традиционно решал проблему, давая приказ подготовить позитивное коммюнике исходя из того, что он по-прежнему способен навязать свою волю своим двум фракциям.

Но сейчас Мао это не удалось. Не последовало и никаких практических шагов после этого. Мы нашли проект коммюнике, который предположительно просмотрел министр иностранных дел Цяо Гуаньхуа, совершенно бесполезным, если не сказать провокационным, и отвергли его. Ясно, что внутри Китая развернулась большая борьба за власть. Дэн Сяопин, хотя и критически относящийся к нашей тактике с Советами,

желал бы сохранить отношения с Америкой, установленные Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном. Точно так же было очевидно, что некоторые группировки в силовой структуре заняли прямо противоположную позицию. Дэн Сяопин преодолел тупик, выступив с заявлением в качестве члена постоянного комитета политбюро (исполнительный орган коммунистической партии), подтвердив полезность визита Форда и важность китайско-американских отношений.

В течение нескольких месяцев после встречи раскол в китайском руководстве уже явно обозначился. Дэн Сяопин, заменивший Чжоу Эньлая, но не получивший поста премьера, вновь подвергся нападкам, предположительно со стороны тех же сил, которые отправили его в ссылку 10 лет назад. Чжоу Эньлай исчез со сцены. Поведение министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа стало конфронтационным. На смену шелковому стилю Чжоу, облегчавшему путь к сотрудничеству, пришло колкое упорство.

Всевозможные поводы к конфронтации находились под контролем, поскольку Дэн Сяопин изыскивал пути, стремясь показать важность тесных отношений с Соединенными Штатами. Например, на обеде в мою честь в октябре 1975 года Цяо Гуаньхуа произнес зажигательный тост перед камерой американского телевидения, обрушившись с критикой американской политики в отношении Советского Союза, — нарушение дипломатического протокола, шедшее полностью вразрез с проявлявшейся прежде деликатностью к американской делегации. Когда я резко отреагировал, огни телевизионной камеры уже погасли, и мои слова не попали в передачу.

На следующий день Дэн Сяопин пригласил американскую делегацию на пикник в горы Сишань к западу от Пекина, где жили китайские руководители, хотя с самого начала данное мероприятие отсутствовало в нашей программе пребывания, и проявил ту же внимательность и заботу, как бывало на всех встречах с начала восстановления отношений с Китаем.

В голову пришли разные мысли и воспоминания после смерти Чжоу Эньлая 8 января 1975 года. Во время праздника Цинмин* (День уборки могил) в апреле сотни тысяч китайцев

---

* День поминовения усопших. — *Примеч. пер.*

пришли к Памятнику павшим народным героям на площади Тяньаньмэнь, чтобы помянуть Чжоу, оставив там венки и стихи. В памятных стихах раскрывалось восхищение Чжоу Эньлаем и тяга народа к установлению порядка и скромности, которыми он сам так отличался. В некоторых поэмах содержалась скрытая критика Мао Цзэдуна и Цзян Цин (снова использовался излюбленный прием исторических аналогий)[471]. Ночью все плакаты со стихами убрали, что привело к столкновению между полицией и скорбящими (известно как «Тяньаньмэньский инцидент» 1976 года). «Банда четырех» убеждала Мао Цзэдуна в том, что реформистские тенденции Дэн Сяопина привели к контрреволюционным протестам. Через два дня после выражения скорби по Чжоу Эньлаю Мао Цзэдун снял Дэн Сяопина со всех партийных постов. Пост исполняющего обязанности премьера отдали малоизвестному провинциальному партийному секретарю из Хунани по имени Хуа Гофэн.

Отношения Китая с Соединенными Штатами в значительной степени отдалились. Джорджа Буша-старшего назначили директором ЦРУ, Тома Гейтса, бывшего министра обороны, — главой Миссии связи в Пекине. Хуа Гофэн не принимал его в течение четырех месяцев, а когда принял, говорил общими, если не формальными, фразами. Месяцем позже, в середине июля, заместитель премьера Чжан Чуньцяо, в принципе рассматривавшийся как сильная личность в руководстве и ключевая фигура в «банде четырех», воспользовался визитом лидера меньшинства в сенате Хью Скотта для выдвижения крайне воинственной позиции по Тайваню, продемонстрировав противоречие со словами Мао Цзэдуна, обращенными к нам:

«Наша позиция по Тайваню четко ясна. Поскольку поднят вопрос о Тайване, скажу — это петля вокруг шеи США. В интересах американского народа убрать ее. Если вы это не сделаете, НОАК сама ее вам срежет. Это пойдет на пользу как американскому, так и китайскому народам. Мы очень щедры, мы готовы помочь США решить проблему при помощи наших штыков. Возможно, это звучит не очень приятно, но это именно так»[472].

«Банда четырех» толкала Китай в направлении, напоминающем «культурную революцию» и провокационный маоистский стиль поведения в отношении Хрущева.

9 сентября 1976 года Мао Цзэдун скончался после болезни, оставив своих преемников с его достижениями и предчувствиями, с наследием его величия и брутальности, большой силой предвидения, испорченной эгоцентризмом. Он оставил в наследство единый Китай, каким он не был столетиями, но со всеми признаками предшествующего ликвидированного режима, Председатель расчистил площадку для реформ, которые он никогда не планировал проводить. За то, что Китай остается единым и вошел в XXI век сверхдержавой, Мао Цзэдун, в глазах многих китайцев, сыграл в китайской истории такую же двойственную, но почитаемую роль, как Цинь Шихуан, император, которого он лично очень уважал: деспотичный основатель династии, втянувший Китай в следующую эру, мобилизовавший его население на массовое всеобщее напряжение, чьи эксцессы позднее признавались некоторыми как неизбежное зло. Для иных огромнейшие страдания, причиненные Мао Цзэдуном его народу, свели фактически на нет все его достижения.

Две линии в проведении политики соревновались друг с другом среди всех перипетий правления Мао. Имел место революционный порыв, благодаря которому Китай представлялся моральной и политической силой, настаивающей на раздаче своих уникальных рецептов в качестве образчика для ошарашенного мира. Был геополитический Китай, трезво оценивающий тенденции и манипулирующий ими для собственной выгоды. Был и Китай, впервые в истории стремящийся к союзам, но одновременно и Китай, дерзко бросающий вызов всему остальному миру. Мао Цзэдун принял разрушенную войной страну и провел ее между враждующими внутренними фракциями, враждебно настроенными сверхдержавами, противоречивым «третьим миром» и подозрительными соседями. Он умудрился провести Китай по всем точкам соприкосновения спирали концентрического круга, но ни на одной не задержался. Китай пережил войны, напряженность и сомнения, а его влияние росло, и в итоге он стал новой сверхдержавой, где коммунистическая форма правления пережила крах

коммунистического мира. Мао Цзэдун добился всего ужасной ценой, опираясь на выносливость и живучесть китайского народа, используя его жизненную силу и взаимодействие, народа, очень часто раздражавшего его, хотя и составлявшего краеугольный камень воздвигаемого им грандиозного строения (основу его доктрины).

Уже приближаясь к концу жизни, Мао Цзэдун стал склоняться к тому, чтобы бросить вызов американским планам организации мирового порядка, настаивая на определении тактики, а не только стратегии. Его преемники разделяли его веру в китайские силы, но не считали Китай способным добиться уникального потенциала одной только волей и идеологическими обязательствами. Они полагались на опору на собственные силы, но знали, что одного пафоса недостаточно, а потому они всю свою энергию положили на осуществление внутренних реформ. Новая волна реформ вновь вернула Китай к политике, проводившейся Чжоу Эньлаем, — ее главной приметой следует считать усилие, предпринимавшееся для привязки Китая к глобальным экономическим и политическим тенденциям. Эту политику взялся проводить руководитель, которого дважды за десятилетие отправляли в отставку и который в третий раз возвратился из внутренней ссылки: Дэн Сяопин.

Глава 12

НЕСОКРУШИМЫЙ ДЭН

Только те, кому на собственном опыте довелось узнать Китай Мао Цзэдуна, могут полностью оценить преобразования, инициированные Дэн Сяопином. Китай с его шумными городами, строительным бумом, дорожными пробками, с не имеющей ничего общего с коммунизмом дилеммой, когда темпам роста временами угрожает инфляция; страна, на которую подчас обращают все взоры западные демократии как на оплот в борьбе с глобальной рецессией, — все это было немыслимо в сером Китае при Мао Цзэдуне с его сельскими коммунами, застойной экономикой, населением, носящим стандартные куртки, черпающим идеологический запал из «маленьких красных книжечек» цитатника Мао.

Мао Цзэдун разрушил традиционный Китай и оставил одни обломки в качестве строительного материала для полной модернизации. У Дэн Сяопина хватило смелости поставить в основу модернизации индивидуальную инициативу и работоспособность китайцев. Он распустил коммуны и поощрял самостоятельность провинций в деле развития того, что он назвал «социализмом с китайской спецификой». Китай сегодня — вторая по величине экономика в мире с самым большим объемом золотовалютных резервов, с огромным количеством городов, где стоят небоскребы гораздо выше нью-йоркского Эмпайр-стейт-билдинг, — подтверждение правильности предвидения Дэн Сяопина, настойчивости и здравого смысла.

Первое возвращение к власти Дэн Сяопина

Дорога Дэн Сяопина к власти была немыслимо извилистой. В 1974 году, когда Дэн Сяопин стал главным переговорщиком с Америкой, мы мало что знали о нем. Он являлся генеральным секретарем всесильного Центрального комитета коммунистической партии до своего ареста в 1966 году по обвинению в следовании «по капиталистическому пути». Мы узнали, что в 1973 году его восстановили в качестве члена ЦК после личного вмешательства Мао Цзэдуна и вопреки мнению радикальных элементов в политбюро. Хотя Цзян Цин публично оскорбила Дэн Сяопина вскоре после его возвращения в Пекин, его явно ценил Мао. Мао Цзэдун — черта, совсем ему несвойственная, — извинился перед Дэн Сяопином за унижения во время «культурной революции». Из тех же сообщений мы узнали, как, выступая перед делегацией австралийских ученых, Дэн Сяопин обозначил темы, впоследствии ставшие его визитной карточкой. Как он сказал, Китай — бедная страна, нуждающаяся в технических обменах и знаниях из передовых стран, таких, как Австралия. Подобных признаний прежде китайские руководители никогда не делали. Дэн порекомендовал гостям из Австралии поездить по стране и ознакомиться с задворками Китая, а не только с его достижениями — еще одно беспрецедентное высказывание китайского руководителя.

Дэн Сяопин прибыл в Нью-Йорк в апреле 1974 года в составе китайской делегации, формально возглавляемой министром иностранных дел, на специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам экономического развития. Когда я пригласил китайскую делегацию на обед, стало сразу же очевидно, кто в ней старший, и, а это было даже гораздо важнее, что Дэн Сяопина вернули из забвения не просто для облегчения бремени, возложенного на Чжоу Эньлая, как утверждала наша разведка, а фактически для замены Чжоу, планируя тем или иным способом избавиться от него. Несколько дружественных упоминаний имени Чжоу Эньлая с нашей стороны китайцы проигнорировали, а ссылки на высказывания премьера в ответах заменили на соответствующие цитаты из бесед Мао Цзэдуна со мной.

Вскоре после этого Дэн Сяопина назначают заместителем премьера, ответственным за внешнюю политику, и только несколько позднее он появляется в качестве исполняющего обязанности заместителя премьера, курирующего внутреннюю политику, — неофициальная замена Чжоу Эньлая, за которым все же оставалась, хотя и чисто символически, должность премьера.

Сразу после развертывания Мао Цзэдуном «культурной революции» в 1966 году Дэн Сяопина освободили от всех партийных и правительственных постов. Следующие семь лет он провел на военной базе, затем в ссылке в провинции Цзянси, где выращивал овощи и посменно по полдня работал чернорабочим на ремонтно-тракторном заводе. Его семью причислили к идеологически неправильной, поэтому у нее не было защиты от хунвэйбинов. Его сына Дэн Пуфана, подвергшегося издевательствам со стороны хунвэйбинов, сбросили с крыши здания в Пекинском университете. Хотя Дэн Пуфан сломал спину, его не поместили в больницу. В итоге всех этих беспорядков он оказался парализованным[473].

Среди многих необычайных черт китайских людей удивляет то, что многие из них сохраняют приверженность своему обществу, несмотря на мучения и несправедливости, обрушенные на них этим самым обществом. Никто из жертв «культурной революции», кого я знал, никогда не рассказывал мне о своих страданиях или ронял в ответ на вопросы лишь пару слов. О «культурной революции» иногда говорят с оттенком сухой иронии как о какой-то природной катастрофе, которую следовало пережить, но которую не следует рассматривать как определяющую последующую жизнь веху.

Мао Цзэдун, судя по всему, и сам относился к тому периоду примерно так же. Страдания, причиненные им самим или по его приказам, не обязательно должны были означать окончательное суждение относительно конкретной жертвы, они были необходимостью, вероятно, временной, с его точки зрения, когда речь шла об очищении общества. Мао Цзэдун, по-видимому, рассматривал большинство сосланных как пригодный для службы материал в качестве стратегического резерва. Он призвал из ссылки четырех маршалов, когда ему понадобился совет по поводу того, как поступить Китаю в

свете международного кризиса 1969 года. По этой же причине вернулся на высокий пост и Дэн Сяопин. Когда Мао Цзэдун решил избавиться от Чжоу Эньлая, Дэн Сяопин оказался лучшим — а возможно, и единственным — из числа стратегического резерва, кто мог бы управлять страной.

Я привык к философским изыскам, недомолвкам и иносказаниям Мао Цзэдуна, а также к утонченному профессионализму Чжоу Эньлая, поэтому мне понадобилось какое-то время, чтобы приспособиться к ядовитому и очень серьезному стилю Дэн Сяопина, его подчас саркастическим выпадам и его пренебрежению философским в пользу в высшей степени практического. Сбитый и поджарый, готовый к делам, он вошел в комнату, будто его пропеллером запустила невидимая сила. Дэн Сяопин редко тратил время на комплименты во время беседы. Он даже не считал необходимым как-то смягчать свои замечания, преподнося их в форме неких иносказаний, как это предпочитал делать Мао. Он не окружал вас вниманием, как это делал Чжоу, и ко мне он не относился, как Мао, как философ к философу, из числа которых только немногие заслуживали его личного внимания. Подход Дэн Сяопина был таков: мы оба занимаемся делами наших стран и являемся взрослыми людьми, поэтому не надо воспринимать грубые накладки как нечто личное. Чжоу Эньлай понимал по-английски без переводчика и иногда говорил на английском. Дэн Сяопин называл себя при мне «деревенщиной» и признавался, что «языки трудны; когда я учился во Франции, я так и не смог выучить французский».

Постепенно во мне возникло огромное уважение к этому бесстрашному маленькому человечку с грустными глазами, сохранявшему свои убеждения и чувство гармонии, несмотря на чрезвычайные превратности судьбы, и, когда пришло его время, сделавшему новой свою страну. После 1974 года на обломках «культурной революции» Дэн Сяопин на свой страх и риск, поскольку Мао Цзэдун все еще оставался у власти, начал моделировать модернизацию, которая в итоге в XXI веке превратит Китай в сверхдержаву.

В 1974 году, когда Дэн Сяопин вернулся из первой ссылки, никто не угадал в нем будущей фигуры исторического масштаба. Он не совершал никаких философских заклинаний, в

отличие от Мао Цзэдуна он не делал никаких всеохватывающих заявлений об уникальной судьбе китайского народа. Его высказывания выглядели прозаичными, многие касались конкретных практических деталей. Дэн говорил о важности дисциплины в армии и реформах в министерстве металлургической промышленности[474]. Он выступил с призывом увеличить ежедневную загружаемость железнодорожных вагонов, чтобы предотвратить пьянство проводников на рабочих местах и привести в норму график перерывов на обед[475]. Он говорил о чисто технических вещах, а не вещал божественные истины.

Следует помнить, что поскольку атмосфера «культурной революции» еще не выветрилась, а Мао и «банда четырех» присутствовали везде и во всем, проявление обыденного прагматизма само по себе было смело. Десять лет Мао Цзэдун и «банда четырех» пропагандировали анархию как средство общественной организации, бесконечную «борьбу» как средство очищения нации и некую форму вопиющего непрофессионализма в экономических и научных делах. При том, что «культурная революция» превозносила идеологический порыв как главную черту личности, призыв Дэн Сяопина к возврату к порядку, профессионализму и эффективности — почти что стереотипы, характерные для развитого мира, — выглядел бунтарским предложением. В Китае в течение десятилетия пестовали молодых бунтарей, едва не разрушивших карьеру Дэн Сяопина и его семью. Его прагматический, обыденный стиль вырывал Китай из мечтаний об ускорении хода исторического развития и отправлял в реальный мир, где история наполнялась всеобъемлющими честолюбивыми замыслами с намеченными планами их поэтапного осуществления.

26 сентября 1975 года Дэн Сяопин выступил со статьей под заголовком «На первое место следует поставить научные исследования», в которой он озвучил несколько тем, ставших впоследствии его визитной карточкой: в экономическом развитии Китая необходимо сделать акцент на науку и технику, следует заняться переподготовкой китайской рабочей силы, необходимо поощрять индивидуальные таланты и инициативу — именно эти качества почти ликвидировали в результате политических чисток, перетряхивания университетов во вре-

мя «культурной революции» и выдвижения на посты некомпетентных людей из идеологических соображений.

Больше всего Дэн Сяопин стремился покончить раз и навсегда со всеми обсуждениями о том, что, и есть ли что, Китаю перенимать у иностранцев, которые велись еще с XIX века. Дэн настаивал — Китаю надо обращать внимание прежде всего на профессиональную компетенцию, а не на политкорректность (вплоть до поощрения профессиональных занятий «эксцентричных» личностей) и премировать людей за достижение превосходных результатов в избранной ими сфере деятельности. Он совершил радикальный перенос акцентов для общества, где правительственные чиновники и производственные бригады десятилетиями до самых мельчайших деталей регламентировали образование, профессиональное обучение и личную жизнь каждого отдельного человека. Там, где Мао Цзэдун выносил вопросы в высокие сферы идеологии и иносказаний, Дэн Сяопин подчинял идеологические цели профессионализму и компетенции:

«Сейчас некоторые научные работники вовлечены во фракционную борьбу и мало внимания или совсем не обращают внимания на исследования. Лишь немногие в частном порядке занимаются исследованиями, будто они совершают преступление. ...Китаю пойдет на пользу, если у него объявится тысяча таких талантливых людей, чей авторитет будет признан в мире. До тех пор пока они трудятся на благо Китайской Народной Республики, эти люди гораздо более ценны, чем те, кто занят фракционной борьбой, а посему мешает другим работать»[476].

Дэн Сяопин определил традиционные китайские приоритеты, выделив «необходимость обеспечения стабильности и сплоченности»[477]. При еще живом Мао Цзэдуне и остающейся влиятельной «банде четырех», не имея высшей власти, Дэн смело говорил о необходимости покончить с царящим хаосом и «навести порядок»:

«В настоящее время во всех областях жизни страны стоит вопрос об упорядочении. Предстоит упорядочить сельское хозяйство и промышленность, а также отрегулировать политические установки относительно литературы и искусства. Фактически урегулирование — это то же упорядочение. Путем

упорядочения следует разрешать проблемы, существующие в деревне, на заводах и фабриках, в области науки и техники, словом, во всех сферах общественной жизни. На заседаниях Политбюро я говорил относительно упорядочения в ряде аспектов, доложил об этом товарищу Мао Цзэдуну. Он поддерживает это дело»[478].

Непонятно, что же Мао на самом деле «одобрил», когда давал согласие. Если Дэн Сяопина вернули из ссылки, надеясь усилить идеологический аспект в противовес Чжоу Эньлаю, то этого как раз и не случилось. Призывы Дэн Сяопина к порядку и стабильности стали предметом мощных нападок со стороны «банды четырех».

Смерть руководителей — Хуа Гофэн

До того как Дэн Сяопин смог запустить свою программу реформ, структура власти в Китае пережила очередные пертурбации и он сам подвергся чистке во второй раз.

8 января 1976 года после длительной борьбы с раком умер Чжоу Эньлай. Его смерть вызвала всплеск народной печали — беспрецедентное событие в истории Китайской Народной Республики. 15 января Дэн Сяопин на похоронах Чжоу Эньлая отдал дань его человеческим качествам:

«Он, будучи открытым и честным человеком, обращал внимание на интересы всех, соблюдал партийную дисциплину, занимался самокритикой и умел объединить массы кадровых работников, высоко держать единство и сплоченность партии. Он поддерживал тесные и широкие связи с массами и демонстрировал безграничную сердечную теплоту ко всем товарищам и народу. ...Нам надо учиться у него его прекрасному стилю — скромности и рассудительности, непритязательности и доступности, он подавал пример своим поведением и жил простой и напряженной жизнью»[479].

Почти все эти качества — особенно приверженность единству и дисциплине — подверглись критике на заседании Политбюро в декабре 1973 года, после чего Чжоу Эньлая лишили власти (хотя и сохранили пост), поэтому надгробные слова Дэн Сяопина стали проявлением значительной смелос-

ти. После демонстраций в память Чжоу Эньлая Дэн Сяопина снова подвергли чистке, освободив от всех постов. Он избежал ареста, так как его защищала НОАК на военной базе, вначале в Пекине, а потом на юге Китая.

Через пять месяцев умер Мао Цзэдун. Его смерти предшествовало (а по мнению некоторых китайцев, предвещало смерть) катастрофическое землетрясение в городе Таншань.

После падения Линь Бяо, смерти Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна, последовавших почти сразу одна за другой, будущее партии и страны оставалось под большим вопросом. После Мао никто не мог сравниться с ним по силе авторитета и власти.

Поскольку Мао Цзэдун, по-видимому, задумывался по поводу амбициозности членов «банды четырех» и, возможно, посчитал неуместным их приход к власти, он организовал взлет Хуа Гофэна. Хуа Гофэн, человек-загадка, в течение долгого времени не занимал никаких значимых постов, чтобы претендовать на что-либо, за исключением того, чтобы сменить Мао Цзэдуна. Вначале, после смерти Чжоу Эньлая, Мао назначил его премьером. А вскоре после смерти Мао Цзэдуна Хуа Гофэн унаследовал также его должность Председателя и руководителя Центрального военного совета, но вряд ли авторитет его власти. Хуа Гофэн рос в рядах китайского руководства и впитал культ личности Мао, но не мог продемонстрировать личного магнетизма, присущего Мао Цзэдуну. Хуа назвал свою экономическую программу «большим скачком», что выглядело неудачной попыткой повторить катастрофическую индустриальную и аграрную политику Мао Цзэдуна 1950-х годов.

Главным вкладом Хуа Гофэна в политическую теорию после Мао стал его официально объявленный в феврале 1977 года курс «Два абсолюта»: «Мы будем решительно поддерживать все политические решения Председателя Мао и будем неуклонно следовать всем указаниям Председателя Мао»[480]. Вряд ли таким лозунгом можно воодушевить на штурм крепости.

Я встречался с Хуа Гофэном дважды: первый раз в Пекине — в апреле 1979 года, во второй — в октябре 1979 года, когда он находился с государственным визитом во Франции. Оба случая показали значительное различие между взлетом Хуа Гофэна и забытьем, постигшим его в конечном счете. То

же самое можно сказать о записях его бесед со Збигневом Бжезинским, советником президента по вопросам национальной безопасности в администрации Джимми Картера. Хуа Гофэн вел себя во время каждой беседы так уверенно, как ведут себя высокопоставленные китайские официальные лица во время встреч с иностранцами. Хорошо информированный и уверенный в себе, он отличался меньшим лоском по сравнению с Чжоу Эньлаем, и уж тем более не обладал таким сарказмом, как Мао Цзэдун. Ничто не предвещало его столь быстрого исчезновения, каким было его неожиданное появление.

Хуа Гофэну недоставало политических сторонников. Его запустили во власть как не принадлежащего ни к одной из основных враждующих группировок — ни к «банде четырех», ни к группе умеренных Чжоу/Дэна. Но после исчезновения Мао Цзэдуна Хуа Гофэн споткнулся из-за главного противоречия в попытке объединить маоистские постулаты о коллективизации и классовой борьбе, к которым он сохранял некритическую приверженность, с дэновскими идеями экономической и технологической модернизации. Сторонники «банды четырех» выступали против Хуа Гофэна за его недостаточный радикализм, Дэн Сяопин и его сторонники отвергнут Хуа Гофэна, когда придет время, довольно открыто, за недостаточный прагматизм. Дэн его обыграет, и ему станет все более безразличной судьба страны, где он все еще сохранял руководящие посты.

Но до того как слететь с высокой башни, Хуа Гофэн совершит акт, последствия которого трудно переоценить. В течение месяца со дня смерти Мао Цзэдуна Хуа объединится с умеренными и высокопоставленными жертвами «культурной революции» для ареста «банды четырех».

Восхождение к власти Дэн Сяопина — «реформа и открытость для внешнего мира»

Дэн Сяопин возник после второй ссылки в крайне изменчивой обстановке в 1977 году и начал говорить о своем видении современного Китая.

Дэн приступил к действиям с весьма невыгодной с бюрократической точки зрения позиции. Хуа Гофэн держал в руках все ключевые посты, унаследовав их от Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая: он являлся Председателем коммунистической партии Китая, премьером Государственного совета и Председателем Центрального военного совета. Его преимуществом была четко выраженная поддержка Мао Цзэдуна. (Мао Цзэдун, обращаясь к Хуа Гофэну, произнес знаменитую фразу: «Когда дело в твоих руках, я спокоен»[481].) Дэн Сяопина восстановили на его прежних должностях в политических и военных структурах, но по всем канонам официальной иерархии он находился в подчинении у Хуа Гофэна.

Их взгляды на внешнюю политику в какой-то степени совпадали, но они разительно отличались в их видении будущего Китая. В апреле 1979 года во время визита в Пекин у меня происходили отдельные встречи с обоими руководителями. Оба высказали свои идеи относительно экономических реформ. Впервые за весь мой опыт общения с китайскими руководителями явно прослеживались расхождения философского и практического характера между ними. Хуа Гофэн описывал экономическую программу стимулирования производства традиционными советскими методами, делая упор на тяжелую промышленность, улучшение сельскохозяйственного производства на базе народных коммун с акцентом на усиление механизации и использования удобрений — и все это на основе всем известных пятилетних планов.

Дэн Сяопин отвергал столь ортодоксальный подход. Народ, говорил он, хочет иметь долю в том, что он производит. Приоритет следует сделать товарам широкого потребления, а не тяжелой промышленности, надо дать свободу изобретательности китайских фермеров, коммунистической партии нет необходимости вникать во все дела, а правительство следует децентрализовать. Разговор продолжился на банкете с большим количеством круглых столов. Я сидел рядом с Дэн Сяопином. Во время беседы за столом я спросил о соотношении между централизацией и децентрализацией. Дэн подчеркнул важность децентрализации в большой стране с огромным населением и значительными региональными различиями. Но, как сказал он, главная проблема заключалась в другом.

Китаю следует заняться внедрением современных технологий, десятки тысяч студентов нужно отправить на учебу за границу («Нам нечего бояться западного образования»), и тогда мы раз и навсегда покончим с ошибками «культурной революции». Поскольку Дэн говорил, не повышая голоса, за соседними столами все замолчали. Другие китайцы сидели на краешках стульев, даже не делая вид, будто они не слушают старца, описывающего свое видение их будущего. «Мы поняли это только сейчас, — сказал в заключение Дэн. — Мы уже наделали так много ошибок». Вскоре Хуа Гофэн постепенно исчез из руководства. На протяжении всего следующего десятилетия Дэн Сяопин претворял в жизнь программу, озвученную им на банкете в 1979 году.

Дэн Сяопин превзошел всех, так как на протяжении десятилетий строил отношения внутри партии и особенно в НОАК, действовал с гораздо лучшей политической сноровкой, чем Хуа Гофэн. Будучи ветераном внутрипартийной борьбы, он понял, как заставить идеологические доводы работать на политические цели. Выступления Дэна в тот период являлись образцами идеологической гибкости и политической неоднозначности. Главной его тактикой было вывести свои концепции «поиска истины на основе фактов» и «соединения теории и практики» до категории «фундаментальных принципов идей Мао Цзэдуна» — редко выдвигавшееся предложение до смерти Мао.

Как любой другой претендент на власть в Китае, Дэн Сяопин старался представить свои идеи как переработку заявлений Мао Цзэдуна, произвольно цитируя (а иногда специально вырывая из контекста) речи Мао. Мао Цзэдун не делал какого-либо конкретного акцента на практические внутренние установки, по крайней мере с середины 1960-х годов. И он в принципе придерживался мнения о том, что идеология была превыше всего и стояла над практическим опытом. Располагая в определенном порядке отдельные фрагменты маоистской ортодоксальной теории, Дэн Сяопин отказался от перманентной революции Мао. По оценке Дэн Сяопина, Мао Цзэдун выходил прагматиком:

«Товарищи, подумайте, пожалуйста, разве точка зрения, требующая придерживаться реалистического подхода к делу,

во всем исходить из реальной действительности и соединять теорию с практикой, — такая точка зрения не является коренной в идеях Мао Цзэдуна? Разве эта коренная точка зрения уже устарела? Да и вообще может ли она устареть? Что это за марксизм-ленинизм, что это за идеи Мао Цзэдуна, когда выступают против реалистического подхода к делу, против того, чтобы исходить из реальной действительности и соединять теорию с практикой? К чему это нас приведет?»[482]

Под предлогом защиты маоизма Дэн Сяопин критиковал «Два абсолюта» Хуа Гофэна, поскольку данный курс подразумевал вывод о непогрешимости Мао Цзэдуна, о чем даже сам Великий Кормчий никогда не говорил. (С другой стороны, при жизни Мао его непогрешимость вообще редко упоминалась.) Дэн Сяопин позаимствовал формулу, при помощи которой Мао Цзэдун оценил Сталина, когда он сказал, что тот на 70 процентов был прав, а на 30 процентов — не прав, предположив, что и Мао может заслуживать такой же оценки «70 к 30» (вскоре она станет официальной позицией партии и останется таковой до сего дня). Одновременно он умудрился обвинить назначенного Мао Цзэдуном преемника, Хуа Гофэна, в фальсификации наследия Мао, поскольку тот настаивал на его буквальном применении:

«Два абсолюта» никуда не годятся. Если взять эти «два абсолюта» за норму, то нельзя объяснить, почему необходимо реабилитировать меня, нельзя также объяснить и «справедливость» выступления народных масс на площади Тяньаньмэнь в 1976 году [траурные манифестации по случаю кончины Чжоу Эньлая]. Как же можно относить сказанное товарищем Мао Цзэдуном по данному вопросу, в данном месте, в данное время и в данных условиях к другому вопросу, другому месту, другому времени и условиям!.. Товарищ Мао Цзэдун говорил: очень хорошо, когда человека оценивают пропорцией 70 к 30, это совсем неплохо; лично я буду очень рад и доволен, если после смерти меня оценят именно такой пропорцией»[483].

Короче говоря, с неизменяемой ортодоксией покончено. Китайская реформа отныне будет базироваться в большей степени на принципе эффективности.

Дэн Сяопин озвучивал свои основные темы с поразительной скоростью. В речи в мае 1977 года он заявил, что Китай

«лучше справится» со своими реформами, чем Япония со времен «обновления Мэйдзи» с ее решительным рывком модернизации в XIX веке. Привлекая коммунистическую идеологию для поощрения так называемой рыночной экономики, Дэн предложил китайцам, будучи «пролетариатом», превзойти программу, разработанную «поднимавшейся японской буржуазией» (хотя есть подозрения, что в данном призыве просматривается попытка апеллировать к национальной гордости китайцев). В отличие от Мао Цзэдуна, взывавшего к своему народу при помощи представления о величественном блестящем будущем, Дэн Сяопин призывал народ взяться за преодоление своей отсталости:

«Ключом к осуществлению модернизации является повышение научно-технического уровня. Нельзя добиться развития науки и техники, не взявшись за образование. Пустыми разглагольствованиями модернизацию не осуществишь, для ее осуществления нужны знания, нужны специалисты. ...Как очевидно теперь, дело науки и техники, а также образования отстает у нас на целые 20 лет по сравнению с достижениями развитых стран»[484].

По мере консолидации власти Дэн Сяопином эти принципы стали действующими правилами китайских усилий по превращению в мировую державу. Мао Цзэдун проявлял мало интереса к тому, чтобы наращивать международную торговлю Китая или делать его экономику конкурентоспособной в мире. Ко времени смерти Мао объем товарооборота между США и Китаем достигал всего лишь 336 млн долларов США, что было чуть меньше, чем объем торговли Америки с Гондурасом, и всего одну треть американской торговли с Тайванем, чье население составляло примерно 1,6% населения Китая[485].

Нынешний Китай — экономическая сверхдержава — наследие Дэн Сяопина. Это не значит, что он разработал какую-то особенную программу для достижения своих намерений. Он всего лишь выполнил свое предначертание лидера, сумев вытащить общество из того места, в котором оно находилось, в такое место, в котором оно еще никогда не находилось. Общества действуют по стандартным формам развития. Они сохраняют себя, практикуя понятные и знакомые вещи. Но прогресса они добиваются лишь тогда, когда во главе стоит

лидер, обладающий видением необходимого для страны и смелостью пойти курсом, преимущества которого на первых порах видны только ему самому.

Перед Дэн Сяопином стояла огромная политическая проблема, ведь на протяжении первых 30 лет коммунистического правления во главе Китая стоял все подавляющий лидер, приведший страну к единству и добившийся того, чтобы ее уважали в мире. Мао Цзэдун объединил Китай, за исключением Тайваня и Монголии, восстановил исторические границы. Но он требовал от страны усилий, вступавших в противоречие с ее исторической самобытностью. Китай в историческом плане сумел добиться величия, развивая свою модель культуры в соответствии с теми ритмами, которые его общество могло выдержать. Теория же Мао Цзэдуна о перманентной революции привела Китай на край даже его бескрайних возможностей выживания. Большой гордостью для страны стало восстановление национальной идентификации, воспринятое со всей серьезностью международным сообществом. Но теория Мао не сумела показать, как мог бы продвигаться вперед Китай иными способами, кроме пароксизмов идеологической экзальтации.

Мао Цзэдун правил как традиционный китайский император, величественный и повергающий в трепет. Он воплощал миф о верховном правителе, являвшемся связующим звеном между небом и землей и находившемся ближе к божественному, чем к земному. Дэн Сяопин управлял в совершенно ином духе китайской традиции, основывая всемогущество на вездесущности, но в то же время на невидимости правителя.

Во многих культурах и, несомненно, во всех западных культурах опорой власти правителя является прямой контакт в той или иной степени с теми, кем управляют. Именно поэтому в Афинах, Риме и в большинстве западных стран, где был узаконен плюрализм мнений, умение говорить считалось большим плюсом для правительства. Но в Китае в принципе отсутствовала традиция ораторского искусства (Мао Цзэдун являлся в каком-то смысле исключением). Китайские руководители, осуществляя властные функции, традиционно не делали ставку на искусство влиять на слушателей или физический контакт с массами. В традициях китайских мандаринов

было принято действовать, фактически не показываясь перед публикой и доказывая свою правоту своими поступками. Дэн Сяопин, не занимавший высших постов, отказался принимать всякие почетные звания. Он практически никогда не появлялся на телевидении, предпочитая вершить политику почти полностью за кулисами. Он правил не как император, а как главный мандарин[486].

Мао Цзэдун правил, рассчитывая на выносливость китайского народа и его способность выдержать все страдания, которые его личное видение ниспослало бы на народ. Дэн Сяопин правил, делая ставку на освобождение созидательной силы китайского народа и реализацию представлений народа о собственном будущем. Мао стремился к экономическому продвижению с мистической верой в мощь китайских «масс» и их способность преодолеть все препятствия одной только силой воли и идеологической чистотой. Дэн был честен, когда говорил о бедности Китая и огромной пропасти, разделявшей китайские жизненные стандарты от стандартов развитого мира. Объявив, что «бедность не есть социализм», Дэн заявил: Китаю необходимо получить иностранные технологии, опыт и капитал, чтобы избавиться от дефицита.

Кульминацией очередного возвращения Дэна стал третий пленум 11-го созыва ЦК КПК, состоявшийся в декабре 1978 года. На пленуме прозвучал лозунг, который станет характеризовать всю последующую политику Дэн Сяопина: «Реформа и открытость для внешнего мира». Отмечая разрыв с маоизмом, Центральный комитет одобрил прагматичный курс на «социалистическую модернизацию», как бы вторя «четырем модернизациям» Чжоу Эньлая. Вновь разрешили частную инициативу в сельском хозяйстве. Приговор в отношении толпы, пришедшей в День поминовения усопших выразить соболезнования по случаю кончины Чжоу Эньлая (что раньше трактовалось как «контрреволюционные действия»), пересмотрели. Ветерана времен гражданской войны, маршала Пэн Дэхуая, командующего времен Корейской войны, а позднее подвергшегося чистке по приказу Мао Цзэдуна за критику «большого скачка», реабилитировали посмертно. В заключительном выступлении на закрытии пленума ЦК Дэн Сяопин призывал «раскрепостить сознание, реалистически подходить

к делу, сплотиться воедино и смотреть вперед». После десятилетия, в течение которого Мао Цзэдун дал ответы практически на все жизненные вопросы, Дэн Сяопин подчеркнул необходимость ослабить идеологические оковы и «заставить свой ум работать»[487].

Используя имя Линь Бяо как метафору, ассоциируемую с «бандой четырех» и некоторыми аспектами политики Мао, Дэн осудил «запретные зоны» и «бюрократизм». Человека надо оценивать по его делам, а не по идеологической корректности, очень многие следуют по пути наименьшего сопротивления и соглашаются с существующим застоем:

«Идущая сейчас дискуссия о том, является ли практика единственным критерием проверки истины, в сущности, является также дискуссией о том, нужно ли раскрепостить сознание. ...Если какая-либо партия, страна или нация во всем полагается на книгу и дает своей мысли закостенеть, если она мирится с широким распространением культа, то она не может продвигаться вперед, теряет жизнеспособность и оказывается перед лицом гибели. Нынешняя дискуссия фактически идет вокруг вопроса о том, является ли практика единственным критерием истины, а также о том, что сознание людей должно быть раскрепощено. ...Если все должно делаться по книжным рецептам, если сознание заскорузло и в моде лишь слепая вера, то ни у партии, ни у страны не может быть прогресса. Жизнь партии и страны прекратится, такая партия и такая страна погибнут»[488].

Независимое творческое мышление должно стать главным путеводителем в будущее:

«Чем больше думающих, мыслящих людей в партии и народе, тем лучше для нашего дела. Как революции, так и строительству нужна целая армия застрельщиков, людей, смело думающих, смело ведущих поиск и создающих новое. Без большой армии таких застрельщиков нам не покончить с бедностью и отсталостью, не догнать и тем более не превзойти передовой мировой уровень»[489].

Разрыв с маоизмом в то же самое время раскрыл дилемму, стоящую перед реформатором. Дилемма, с которой сталкивается революционер, заключается в следующем: большинство революций происходит из неприятия того, что считается злоупотреблением властью, но чем больше существующих обя-

зательств идет на слом, тем больше сил должно быть потрачено на воссоздание новых обязательств. Отсюда частым результатом революций становится усиление центральной власти; чем более всеохватывающей является революция, тем более это соответствует истине.

При реформе дилемма заключается в ином. Чем больше масштабы выбора, тем сложнее разложить все по полочкам. Пытаясь повысить производительность, Дэн Сяопин подчеркивал важность «самостоятельного осмысления» и ратовал за «полное» раскрепощение сознания. Но что, если мозги, однажды раскрепостившись, потребуют политического плюрализма? Концепция Дэн Сяопина призывала «армию застрельщиков, смело думающих, смело ведущих поиск и создающих новое», но она же предполагала и то, что застрельщики ограничатся исследованием практических путей строительства процветающего Китая и не пойдут на исследование конечных политических целей. Каким Дэн Сяопин видел примирение раскрепощения сознания с потребностью политической стабильности? Шел ли он на просчитанный риск, основанный на оценке того, что у Китая нет лучшей альтернативы? Или Дэн, следуя китайской традиции, отвергал любую возможность возникновения проблем с политической стабильностью, особенно потому, что он старался улучшить жизнь китайского народа и сделать его значительно свободнее? Концепция Дэна о либерализации экономики и возрождении страны не включала в себя значимого шага в направлении того, что на Западе признали бы как плюралистическую демократию. Дэн Сяопин старался сохранить однопартийную власть не потому, что он пользовался привилегиями власти (как известно, он отказался от многих роскошных вещей, которыми пользовались Мао Цзэдун и Цзян Цин), а потому, что иначе, как он считал, наступит анархия.

Вскоре Дэн Сяопину пришлось столкнуться с этими проблемами. В 1970-е годы он предложил людям высказывать свои жалобы по поводу того, как они пострадали от «культурной революции». Но когда нововведенная гласность превратилась в зачатки плюрализма, Дэн в 1979 году оказался вынужден сам обсуждать детально свое понимание природы свободы, равно как и ее пределы:

«В последнее время небольшое число людей устраивает кое-где беспорядки. Некоторые вредные элементы не только не внимают уговорам, советам и объяснениям ответственных работников партийных и правительственных органов, но и предъявляют различные требования, сейчас невыполнимые или вообще являющиеся нецелесообразными. Они подбивают или подстрекают часть людей на штурм партийных и правительственных учреждений, захватывают служебные помещения, устраивают сидячие забастовки и голодовки, перекрывают уличное движение, серьезно подрывая служебный, производственный и общественный порядок»[490].

Перечень, представленный Дэн Сяопином, подтверждал — такие инциденты не были изолированными или редкими явлениями. Он так отозвался о Китайском кружке за права человека, отважившемся призвать президента Соединенных Штатов «позаботиться» о правах человека в Китае: «Разве мы можем терпеть такие вещи, когда иностранцев открыто призывают вмешиваться во внутренние дела Китая?»[491] В списке Дэн Сяопина числился шанхайский Демократический семинар, выступавший, судя по его оценке, за поворот к капитализму. Некоторые из таких групп, как считал Дэн, установили подпольные связи с гоминьдановскими властями на Тайване, другие говорили о необходимости просить политического убежища за границей.

Все это недвусмысленным образом свидетельствовало о существовании политических проблем. Дэн Сяопин хорошо представлял их масштабы, но он не знал, как их разрешать:

«...Борьба против этих людей не простое дело, ее не закончить в короткий срок. Мы должны основательно поработать и отделить обманутые массы (среди них много зеленой молодежи) от контрреволюционеров и вредных элементов, а также строго наказать по закону контрреволюционеров и вредные элементы...

Какая демократия нужна теперь китайскому народу? Ему нужна теперь только социалистическая демократия, иначе демократия народная. Ему не нужна индивидуалистическая буржуазная демократия»[492].

Хотя Дэн Сяопин отстаивал авторитарную форму проведения политики, он не допустил культа личности, отказался

подвергнуть чистке своего преемника Хуа Гофэна (позволив ему незаметно уйти в небытие) и стал планировать упорядоченную передачу власти своим преемникам. После консолидации власти Дэн отказался занимать самые высокие официальные посты в партийной иерархии[493]. Он так объяснял мне эти факты в 1982 году, когда я встречался с ним в Пекине:

«ДЭН: ...Я приближаюсь к тому периоду, когда перестану соответствовать времени.

КИССИНДЖЕР: На это не похоже, судя по документам съезда партии.

ДЭН: Я сейчас возглавляю Комиссию советников.

КИССИНДЖЕР: Я расцениваю это как знак уверенности в собственных силах...

ДЭН: Преклонный возраст нашего руководства вынудил нас пойти на это, поскольку у нас есть исторический опыт и мы умеем извлекать уроки...

КИССИНДЖЕР: Я не знаю, как к Вам обращаться.

ДЭН: У меня несколько постов. Я являюсь членом постоянного комитета Политбюро и председателем Комиссии советников, а также председателем Всекитайского комитета народного политического консультативного совета Китая. Я хотел бы передать все эти посты другим людям. У меня слишком много различных титулов. ...У меня так много титулов. Я хочу снять с себя как можно больше нагрузок. Мои товарищи тоже надеются, что у меня будет поменьше рутинных дел. Они так считают только по одной причине: чтобы я пожил подольше».

Дэн Сяопин покончил с установленным Мао Цзэдуном прецедентом, не выпячивая свою собственную профессиональную компетенцию и не заявляя о себе как о гении в какой-то конкретной области. Он давал возможность подчиненным вносить новые идеи, а затем одобрял то, что работало. Как он объяснял с присущей ему прямотой на конференции по вопросам иностранных инвестиций, «я непрофессионал в области экономики. Я высказал несколько замечаний по данной теме, но все с политической точки зрения. Например, я предложил экономическую политику открытости Китая для внешнего мира, но я в действительности очень мало знаю о деталях этого дела и конкретно о том, как эту политику претворять в жизнь»[494].

Разработав концепцию внутреннего развития, Дэн Сяопин изменил и облик Китая для внешнего мира. К 1980 году его лидерство являлось неоспоримым. На пятом пленуме ЦК КПК в феврале 1980 года сторонников Хуа Гофэна понизили в должностях либо сместили с постов, союзников Дэн Сяопина Ху Яобан и Чжао Цзыян включили в состав Постоянного комитета Политбюро. Крупных перемен Дэн Сяопин достиг не без значительных общественно-политических напряженностей, кульминацией которых стал в итоге кризис на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Но через сто лет после несбывшегося обещания реформаторов XIX века добиться самоусиления Китая Дэн Сяопин укротил и переделал наследие Мао Цзэдуна, стремительно запустив Китай на орбиту реформы, преследующей как раз цель восстановления влияния, которого Китай заслуживал благодаря своим деяниям и исторической роли.

Глава 13

«ДЕРГАТЬ ТИГРА ЗА ХВОСТ»: ТРЕТЬЯ ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА

В апреле 1979 года Хуа Гофэн, все еще китайский премьер, подвел итоги третьей вьетнамской войны, в ходе которой Китай вторгся во Вьетнам и вывел свои войска через полтора месяца. Он с пренебрежительной насмешкой описал советскую роль: «Они не осмелятся что-то предпринять. То есть в любом случае мы сможем дергать тигра за хвост»[495].

Китай вторгся во Вьетнам, намереваясь «преподать ему урок» после оккупации вьетнамскими войсками Камбоджи в ответ на ряд столкновений с красными кхмерами, взявшими власть в Камбодже в 1975 году, и с конечной целью создания Индокитайской федерации. Китай поступил так, несмотря на договор о взаимной обороне между Ханоем и Москвой, подписанный меньше месяца до вторжения. Война очень дорого обошлась китайским вооруженным силам, еще полностью не восстановившимся после бесчинств «культурной революции»[496]. Но вторжение послужило своей главной цели: тот факт, что Советский Союз не смог должным образом прореагировать на китайскую акцию, показал ограниченность его возможностей в стратегическом плане. С этой точки зрения данное событие можно рассматривать как поворотный пункт в развитии «холодной войны», хотя в то время этого еще нельзя было полностью понять. Третья вьетнамская война явилась еще и кульминацией китайско-американского стратегического сотрудничества во время «холодной войны».

Вьетнам: возмутитель спокойствия великих держав

Китай оказался втянутым в третью вьетнамскую войну из-за факторов, сравнимых с теми, что привели Соединенные Штаты ко второй вьетнамской войне. Что-то во вьетнамском национализме в его наиболее маниакальном виде заставляет другие общества терять чувство меры и неправильно оценивать вьетнамские мотивировки и собственные возможности. Так сложилась судьба американцев в том, что историки сейчас называют второй вьетнамской войной (первой считается антиколониальная война Вьетнама против Франции). Американцам было трудно принять тот факт, что развивающаяся страна средних размеров может быть до такой степени привержена своему сугубо местечковому делу. Поэтому они воспринимали вьетнамские действия как признак неких глубинных планов. Воинственность Ханоя расценивалась как проявление китайско-советской совместной подрывной деятельности с целью завоевания господства в Азии. К тому же Вашингтон полагал возможным добиться компромисса, если помешать первоначальным действиям Ханоя дипломатическим путем.

Такая оценка была ошибочна и в том и в другом случае. Ханой не был марионеткой какой-либо другой страны. Он воевал за собственное видение независимости и в конечном счете за Индокитайскую федерацию, которая дала бы Ханою возможность занять господствующую позицию в Юго-Восточной Азии, подобно той, какую играл Пекин в Восточной Азии. Вьетнамцы, выжившие лишь с одной целью в многовековых конфликтах с Китаем, не могли пойти на компромисс и в угоду чьим-то концепциям относительно некоей всеобщей стабильности пожертвовать идеей независимости. Парадокс второй вьетнамской войны в том, что американцы искали компромисса, а северные вьетнамцы стремились к победе.

В этом смысле американскую общественность разделило вовсе не то, что считалось главной ошибкой американцев во вьетнамской войне, а вопрос о том, было ли правительство США в достаточной мере расположено к нахождению дипломатических путей выхода из войны. Более того, причиной стала неспособность смириться с тем фактом, что так называ-

емые дипломатические пути выхода из войны, которых так серьезно — и так безнадежно — искали несколько администраций подряд от обеих американских политических партий, требовали такой силы давления, какая равнялась бы окончательному поражению Ханоя. В этом плане и Москва, и Пекин играли здесь всего лишь вспомогательную роль.

Пекин просчитался аналогичным образом, хотя и в несколько ограниченном виде. Когда США начали наращивать военные силы во Вьетнаме, Пекин расценил их действия в терминах облавных шашек «вэйци»: еще один пример американских баз, окружающих Китай, начиная от Кореи и до Тайваньского пролива, а теперь дошедших и до Индокитая. Китай поддерживал партизанскую войну Северного Вьетнама частью по причинам, связанным с идеологией, частью — стремясь вытолкнуть американские базы с китайских границ как можно дальше. Чжоу Эньлай в апреле 1968 года сказал премьер-министру Северного Вьетнама Фам Ван Донгу, что Китай поддерживает Северный Вьетнам, не желая допустить стратегического окружения Китая, на что Фам Ван Донг дал уклончивый ответ, в основном потому, что предотвращение окружения Китая не входило в планы Вьетнама. Вьетнам преследовал собственные национальные цели:

«ЧЖОУ: В течение длительного времени Соединенные Штаты полукругом охватывали Китай. Теперь еще и Советский Союз тоже окружает Китай. Круг становится полным, за исключением [части] Вьетнама.

ФАМ: У нас тем более есть основания нанести поражение американским империалистам на всей вьетнамской территории.

ЧЖОУ: Именно поэтому мы поддерживаем вас.

ФАМ: Наша победа окажет позитивное воздействие на Азию. Наша победа принесет невиданные результаты.

ЧЖОУ: Вам стоит над этим подумать»[497].

Следуя логике китайской стратегии, от которой Фам Ван Донг постарался осторожно откреститься, Китай направил свыше 100 тысяч нестроевого военного персонала для поддержания северо-вьетнамской инфраструктуры и тылового обеспечения. Соединенные Штаты выступили против Северного Вьетнама как якобы застрельщика советско-китайского пла-

на. Китай поддерживал Ханой, желая ослабить, как ему представлялось, американское стремление к господству в Азии. И Китай, и Америка ошибались. Ханой сражался только за свои национальные цели. Объединенный, находящийся под руководством коммунистов Вьетнам, вышедший победителем во второй войне в 1975 году, оказался гораздо большей угрозой Китаю, чем Соединенные Штаты.

Вьетнамцы смотрели на северного соседа с подозрением, близким к паранойе. В периоды длительного китайского господства Вьетнам перенял китайскую письменность, политические и культурные институты (чьи следы во всем великолепии можно обнаружить в императорском дворце и могилах бывшей столицы Хюе). Вьетнам, однако, использовал «китайские» институты для строительства отдельного государства и укрепления собственной независимости. Географическое расположение не позволяло Вьетнаму уйти в изоляцию, как это сделала Япония примерно в тот же исторический период. Со второго столетия до новой эры вплоть до X века Вьетнам находился под более или менее прямым китайским правлением, став полностью независимым государством только в результате падения династии Тан в 907 году.

Вьетнамская национальная идентификация отражала наследие двух в какой-то мере противостоящих друг другу сил: с одной стороны, восприятие китайской культуры, с другой — неприятие китайского политического и военного господства. Сопротивление Китаю помогло выработке Вьетнамом чувства исступленной гордости за свою независимость и внушительную военную традицию. Принятие китайской культуры обеспечило Вьетнам конфуцианской элитой китайского образца, обладавшей комплексом некоего регионального Срединного государства, схожего с соседним. Во время индокитайских войн в XX веке Ханой продемонстрировал свое понимание политического и культурного права, воспользовавшись нейтралитетом Лаоса и Камбоджи, вначале как бы по праву, а после войны путем распространения «специальных отношений» с коммунистическими движениями в этих странах, что привело к доминированию в них Вьетнама.

Вьетнам вступил в конфронтацию с Китаем с беспрецедентным психологическим и геополитическим вызовом. Ру-

ководители в Ханое хорошо изучили «Искусство войны» Суньцзы и применяли его принципы с большим успехом как против Франции, так и против Соединенных Штатов. Еще даже до окончания длительных вьетнамских войн, сперва с французами, стремившимися восстановить свою колонию после Второй мировой войны, а затем с Соединенными Штатами с 1963 по 1975 год, и Пекин, и Ханой начали понимать, что следующее противостояние будет между ними самими за господство в Индокитае и Юго-Восточной Азии.

Отсутствие четкого понимания сути стратегического анализа, которым обычно руководствовались китайцы в своей политике во время вьетнамской войны Америки, можно объяснить наличием культурной близости между Китаем и Вьетнамом. Как ни странно, но долгосрочные стратегические интересы Пекина в какой-то мере совпадали с интересами Вашингтона: в конечном счете должно было бы остаться четыре государства (Северный и Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджа), которые будут создавать баланс сил в регионе. Этим можно объяснить, почему Мао, обрисовывая в беседе с Эдгаром Сноу в 1965 году возможные итоги войны, называл и сохранение Южного Вьетнама как возможный, а потому и приемлемый вариант исхода войны[498].

Во время моей секретной поездки в Пекин в 1971 году Чжоу Эньлай определял цели Китая в Индокитае как носящие прежде всего стратегический, а не идеологический характер. По его словам, китайская политика в Индокитае основывается исключительно на чувстве исторического долга, оставленного в наследство древними династиями. Китайские руководители, очевидно, предположили, что Америку нельзя будет победить и что север разделенного Вьетнама будет зависеть от китайской помощи, как это случилось с Северной Кореей после Корейской войны.

После начала войны обнаружились признаки готовности Китая к победе Ханоя. Разведка сообщала о строительстве китайцами дороги в северном Лаосе, которая имела мало общего с продолжающимся конфликтом с Соединенными Штатами, но могла понадобиться для реализации послевоенной стратегии выравнивания соотношения сил с Ханоем или даже для возможного конфликта из-за Лаоса. В 1973 году, после

Парижского соглашения об окончании войны во Вьетнаме, Чжоу Эньлай и я вели переговоры о послевоенном урегулировании для Камбоджи. В основе его лежала коалиция между Народомом Сиануком (бывшим правителем Камбоджи, жившим в изгнании в Пекине), действующим правительством в Пномпене и красными кхмерами. Главной целью урегулирования ставилось создание препятствий для захвата Индокитая Вьетнамом. Соглашение в конечном счете провалилось, когда конгресс США фактически запретил любое военное участие Америки в регионе, исключив какую-либо роль Америки в этом деле[499].

О скрытом враждебном отношении Ханоя к тогдашнему союзнику мне втолковывали во время моего визита в Ханой в феврале 1973 года с целью разработки вопросов, связанных с выполнением Парижского соглашения, парафированным двумя неделями ранее. Ле Дык Тхо пригласил меня в национальный музей Ханоя, планируя в основном показать мне экспозиции, посвященные исторической борьбе Вьетнама против Китая — формально все еще союзника Вьетнама.

После падения Сайгона в 1975 году присущая этим отношениям историческая вражда разразилась вновь, причем геополитика взяла верх над идеологией. Соединенные Штаты, как оказалось, были не единственными, кто неправильно оценил значение вьетнамской войны. Когда Соединенные Штаты вторглись в первый раз, Китай рассматривал это как своего рода последний вздох империализма. Пекин, почти не задумываясь, сделал ставку на Ханой. Он расценил американское вмешательство как еще один шаг по окружению Китая — почти так же, как десятью годами ранее в связи с вмешательством США в Корее.

Парадокс в том, что с геополитической точки зрения долгосрочные интересы как Пекина, так и Вашингтона должны были быть идентичными. Оба должны были бы предпочесть статус-кво, при котором Индокитай разделили бы на четыре государства. Вашингтон выступал против господства Ханоя в Индокитае исходя из идеи глобального порядка Вудро Вильсона — права на самоопределение существующих государств — и убежденности в глобальном коммунистическом заговоре. Пекин в общем-то преследовал ту же цель, но он руководст-

вовался собственной геополитической точкой зрения, поскольку хотел избежать создания какого-либо блока в Юго-Восточной Азии на своих южных границах.

В течение какого-то времени Пекин, казалось, верил в возобладание коммунистической идеологии над вьетнамским противодействием китайскому превосходству с его тысячелетней историей. А еще Пекин, как представляется, и подумать не мог о полном крахе Соединенных Штатов. В связи с падением Сайгона Пекину пришлось столкнуться с результатами собственной политики. Она рикошетом ударила по нему самому. Исход в Индокитае совпал с постоянным страхом китайцев перед окружением страны. Стремление не допустить создания индокитайского блока, связанного с Советским Союзом, стало главной задачей внешней политики при Дэн Сяопине и основой растущего сотрудничества с Соединенными Штатами. Ханой, Пекин, Москва и Вашингтон играли вчетвером в облавные шашки «вэйци». Событиям в Камбодже и во Вьетнаме предстояло определить, кто окажется окруженным и нейтрализованным: Пекин или Ханой.

Пекинский кошмар окружения, похоже, превращался в явь. Вьетнам даже один нес в себе большую угрозу. А если бы ему удалось осуществить свою цель и создать Индокитайскую федерацию, то она превратилась бы в блок со 100-миллионным населением и смогла бы оказывать значительное воздействие на Таиланд и другие государства Юго-Восточной Азии. В таком контексте независимость Камбоджи как противовес Ханою становилась главной китайской целью. Еще в августе 1975 года — через три месяца после падения Сайгона — Дэн Сяопин сказал находившемуся с визитом руководителю красных кхмеров Кхиеу Самфану: «Когда одну сверхдержаву [Соединенные Штаты] вынудили вывести свои войска из Индокитая, другая сверхдержава [Советский Союз] воспользовалась возможностью... протянуть свои злобные щупальца в Юго-Восточную Азию... в попытке совершить экспансию в этом районе»[500]. Как сказал Дэн Сяопин, Камбоджа и Китай «оба... стоят перед задачей борьбы с империализмом и гегемониями. ...Мы твердо верим в то, что... народы двух наших стран объединятся еще теснее и будут вместе маршировать к новым победам в общей

борьбе»[501]. Во время визита лаосского премьера Кейсона Фомвихана в Пекин в марте 1976 года Хуа Гофэн, тогда еще премьер, предупредил Советский Союз о том, что «в частности, одна сверхдержава ястребиным голосом поет о «разрядке» и при этом протягивает повсюду свои загребущие лапищи, наращивает вооруженную экспансию и ведет подготовку к войне, пытаясь втянуть все больше стран в сферу своего влияния и строя из себя гегемонистского повелителя»[502].

Освободившись от необходимости демонстрировать мнимую коммунистическую солидарность перед лицом угрозы американского «империализма», противники перешли к открытому противостоянию друг против друга вскоре после падения Сайгона в апреле 1975 года. В течение полугода после падения всего Индокитая 150 тысячам вьетнамцев пришлось покинуть Камбоджу. Примерно такое же число вьетнамских граждан китайского происхождения были вынуждены бежать из Вьетнама. К февралю 1976 года Китай прекратил свою программу помощи Вьетнаму, а годом позже и все поставки по существующим программам. Ханой соответственно перешел на сторону Советского Союза. На заседании вьетнамского политбюро в июне 1978 года Китай назвали «главным противником» Вьетнама. В том же месяце Вьетнам вступил в СЭВ, торговый блок во главе с Советским Союзом. В ноябре 1978 года Советский Союз и Вьетнам подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, содержащий статью о военном сотрудничестве. В декабре 1978 года вьетнамские войска вторглись в Камбоджу, свергли режим красных кхмеров и посадили провьетнамское правительство.

Идеология исчезла как фактор из данного конфликта. Коммунистические центры силы вели соперничество в вопросе о балансе сил на основе национальных интересов, а не идеологии.

Из Пекина все это виделось как страшный кошмар, охвативший китайские границы. На севере продолжалось неуклонное наращивание советского присутствия: Москва попрежнему держала почти 50 дивизий вдоль границ. К западу от Китая, в Афганистане, произошел марксистский переворот, результатом чего стало все возрастающее открытое советское влияние в этой стране[503]. Пекин также видел руку Москвы в

иранской революции, кульминацией которой было бегство шаха 16 января 1979 года. Москва продолжала проталкивать идею создания системы коллективной безопасности в Азии с одной-единственной истинной целью сдерживания Китая. Параллельно Москва вела переговоры об СНВ-2 с Вашингтоном. По мнению Пекина, подобное соглашение играло на руку Советскому Союзу и помогало ему «сливать все свои нечистоты на восток» в направлении Китая. Казалось, Китай находится в не очень удобной позиции. А теперь еще и Вьетнам вступил в советский лагерь. «Невиданные результаты», о которых говорил Фам Ван Донг Чжоу Эньлаю в 1968 году, оказались советским окружением Китая. Дополнительная сложность состояла в том, что все эти проблемы возникли тогда, когда Дэн Сяопину еще приходилось заниматься укреплением собственных позиций в стране во время второго возвращения к власти — процесс длился до 1980 года.

Принципиальное различие между китайской и западной дипломатическими стратегиями заключается в их различной реакции на выявленные уязвимые места. Американские и западные дипломаты полагают, что им надо с большей осторожностью избегать провокаций, китайская реакция более похожа на акцентирование пренебрежительного отношения к опасности. Западные дипломаты склонны делать выводы исходя из неблагоприятного соотношения сил как основного требования для принятия дипломатического решения. Они настаивают на выдвижении дипломатических инициатив с тем, чтобы противная сторона оказалась в позиции «вы ошибаетесь», изолировать ее морально; но отказываются от применения силы — именно такой совет дали американцы Дэн Сяопину, после того как Вьетнам вторгся в Камбоджу и оккупировал ее. Китайские стратеги чаще всего шли бы на усиление своей вовлеченности в проблему и стали бы противопоставлять материальному перевесу противника собственную смелость и психологический нажим. Они верят в сдерживание в форме упреждающего удара. Когда китайские разработчики посчитают, что их противник приобретает неприемлемое преимущество и что стратегическое направление поворачивает против них, они отвечают, пытаясь подорвать уверенность противника в себе, и тем самым дают возможность Китаю

восстановить психологическое, если не материальное, преимущество.

Перед лицом угрозы на всех фронтах Дэн Сяопин решил пойти в дипломатическое и стратегическое наступление. Хотя он не имел еще полного контроля в Пекине, он предпринял несколько смелых шагов на внешней арене. Он сменил китайскую позицию по отношению к Советскому Союзу, перейдя от политики сдерживания к открытой стратегической враждебности и фактически к откату назад. Китай больше уже не ограничивался выдачей советов Соединенным Штатам о том, как сдерживать Советский Союз. Теперь он играл активную роль в создании антисоветской и антивьетнамской коалиции, особенно в Азии. Китай собрался расставить все фигуры на доске в нужных местах для решающего сражения с Ханоем.

Внешняя политика Дэн Сяопина — диалог с Америкой и нормализация

Вернувшись из второй ссылки в 1977 году, Дэн Сяопин пересмотрел внутреннюю политику Мао Цзэдуна, но его внешнюю политику оставил в основном без изменений. Так случилось, поскольку оба они являлись большими патриотами своей страны и имели сходные взгляды на китайские национальные интересы. Кроме того, внешняя политика в меньшей степени, чем внутренняя, пострадала от революционных импульсов Мао.

Вместе с тем существовала большая разница между критическими высказываниями Мао и Дэна. Мао Цзэдун ставил под вопрос стратегические намерения американской политики в отношении Советского Союза. Дэн Сяопин воспринимал природу стратегических интересов двух стран и все внимание обращал на их параллельное воплощение в жизнь. Мао Цзэдун воспринимал Советский Союз и имел дело с ним как с некоей абстрактной стратегической опасностью, угроза которой относилась к Китаю в такой же степени, как и к остальному миру. Дэн Сяопин признавал особую опасность именно для Китая, особенно прямую угрозу южным его границам, представляющую собой в совокупности и латентную

угрозу для северных границ. Отсюда диалог на эту тему имел более конкретные черты и носил оперативный характер. Мао действовал как разочарованный учитель, Дэн — как требовательный партнер.

Перед лицом конкретной угрозы Дэн Сяопин покончил с двойственностью, с которой Мао Цзэдун в прошлом году подходил к отношениям с Америкой. В Китае уже больше не испытывали никакой ностальгии по мировой революции. Во время всех бесед после своего возвращения Дэн Сяопин заявлял, что Китаю и Японии следовало бы присоединиться к глобальной схеме сопротивления броску советской политики в направлении Европы.

Но как бы тесно ни взаимодействовали на консультациях Китай и Соединенные Штаты, между ними сохранялось одно противоречие, заключающееся в том, что Америка по-прежнему официально признавала тайваньское правительство законным правительством Китая и Тайбэй — столицей Китая. Противники Китая вдоль его северных и южных границ неверно истолковывали отсутствие признания как благоприятную для себя возможность.

Нормализация отношений вышла в число приоритетных вопросов повестки дня китайско-американских отношений после прихода к власти Джимми Картера. Первый визит нового государственного секретаря Сайруса Вэнса в Пекин в августе 1977 года прошел не совсем гладко. В своих мемуарах он писал:

«Я отправился из Вашингтона, считая не очень правильным обсуждать вопрос такого политически противоречивого характера, как нормализация отношений с Китаем, до того как будет решен вопрос о Панаме [речь идет о ратификации договора о Панамском канале, в соответствии с которым менялось управление каналом], если только — а я вовсе не ожидал, что это может произойти, — китайцы не примут наше предложение по всем пунктам без исключения. По политическим причинам я намеревался представить китайцам нашу максимальную позицию по Тайваню. ...Соответственно я не рассчитывал, что китайцы примут наше предложение, но мне казалось нужным предложить его, даже если бы нам в итоге пришлось бы от него отказаться»[504].

Американское предложение по Тайваню содержало ряд идей, включающих сохранение некоторого ограниченного дипломатического присутствия США на Тайване, которые выдвигались и были отвергнуты во времена правления администрации Форда. Предложения были вновь отклонены, теперь уже Дэн Сяопином, назвавшим их шагом назад. Через год внутренние американские дебаты завершились решением президента Картера уделять первоочередное внимание отношениям с Китаем. Советское давление в Африке и на Ближнем Востоке убедило нового президента предпочесть скорейшую нормализацию отношений с Китаем, что соответствовало поиску де-факто стратегического альянса с Китаем. 17 мая 1978 года Картер направил советника по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского в Пекин со следующими инструкциями:

«Вам следует подчеркнуть, что я исхожу из того, что Советский Союз находится, по сути, в отношениях соперничества с Соединенными Штатами, хотя между ними и имеются некоторые аспекты сотрудничества...

Сжато изложите мою озабоченность возрастающей советской военной мощью в сочетании с политической близорукостью, подпитываемой великодержавными амбициями, способной толкнуть Советский Союз на использование локальных волнений (особенно в «третьем мире») и запугивание наших друзей с целью добиться политического преимущества и в конечном счете даже политического перевеса»[505].

Бжезинский также получил полномочия подтвердить пять принципов, изложенных Никсоном Чжоу Эньлаю в 1972 году[506]. На протяжении длительного времени большой сторонник стратегического сотрудничества с Китаем Бжезинский с огромным воодушевлением и очень умело выполнил данные ему инструкции. Когда Бжезинский находился с визитом в Пекине в мае 1978 года для нормализации отношений, он встретил понимающую аудиторию. Дэн Сяопин жаждал продвижения в деле нормализации, рассчитывая прочнее подключить Вашингтон к коалиции тех, кто любыми средствами, как он назвал, «реальной, солидной и рутинной работы»[507] выступает против советских продвижений в любом уголке земного шара.

Китайские руководители четко осознавали стратегические опасности, окружающие их, но они представляли свой анализ не столько как предмет национальной озабоченности, сколько как проблему более широкого типа, имеющую глобальный характер. «Волнения во Вселенной», «горизонтальная линия», «три мира» — это все общие теории международных отношений, а не четкие национальные построения.

Анализ международной обстановки, сделанный министром иностранных дел Хуан Хуа, демонстрировал впечатляющую уверенность в собственных силах. Вместо того чтобы выступать просителем в конечном счете в очень трудной для Китая ситуации, Хуан Хуа занял позицию конфуцианского учителя, читающего лекцию на тему, как проводить современную внешнюю политику. Он начал выступление с общей оценки «противоречий» между двумя сверхдержавами, сообщения о бесполезности ведения переговоров с Советским Союзом и неизбежности мировой войны:

«Советский Союз — самый опасный источник войны. Ваше превосходительство упомянуло, что Советский Союз сталкивается с множеством трудностей. Это действительно так. Стремление к мировой гегемонии — закрепленная стратегическая цель советского социалистического империализма. И хотя у него могут быть неудачи, он никогда не откажется от своих амбиций»[508].

Хуан Хуа выразил озабоченность, также волновавшую и американских исследователей по вопросам стратегии, особенно тех, кто пытался соотнести обладание ядерным оружием с традиционными взглядами на стратегию. Обладание ядерным оружием открывает пропасть между угрозами сдерживания и желанием применить его: «А довод о том, что Советский Союз не осмелится использовать обычные вооружения, опасаясь ядерного удара со стороны Запада, по сути, самообольщение. Основывать стратегическую позицию на таких рассуждениях не только опасно, но и безосновательно»[509].

На Ближнем Востоке — «европейском фланге» и «источнике энергии в будущей войне» — Соединенные Штаты не смогли контролировать советские продвижения. Они выступили с совместным заявлением с Советским Союзом по Ближнему Востоку (пригласили региональные государства на кон-

ференцию для изучения перспектив всеобъемлющего урегулирования палестинской проблемы), «открыв тем самым шире дверь для дальнейшего проникновения Советского Союза на Ближний Восток». Вашингтон бросил президента Египта Анвара Садата, чей «смелый поступок» создал «неблагоприятную для Советского Союза ситуацию», в опасном положении и позволил Советскому Союзу «воспользоваться шансом и создать серьезный раскол среди арабских стран»[510].

Хуан Хуа подвел итог анализа обстановки, сославшись на старинную китайскую поговорку: «умиротворение» Москвы, по его словам, «похоже на то, когда тигру приделывают крылья, пытаясь сделать его еще более сильным». Но преобладать будет политика скоординированного нажима, поскольку Советский Союз «силен только с виду, а внутри он слаб. Он третирует только слабых, но боится сильных»[511].

Все это было нацелено на создание фона к проблеме Индокитая. Хуан Хуа осветил также «проблему региональной гегемонии». Америка, конечно, уже проходила это десять с лишним лет назад. Вьетнам преследовал цель достижения господства в Камбодже и Лаосе и создания Индокитайской федерации, а «за всем этим находится Советский Союз». Ханой уже получил господствующие позиции в Лаосе, разместив там войска и имея «в Лаосе советников в каждом департаменте и на всех уровнях». Но Ханой столкнулся с сопротивлением в Камбодже, выступившей против вьетнамских амбиций в регионе. Вьетнамо-камбоджийская напряженность представляла собой «не просто какие-то спорадические стычки вдоль границы», а крупный конфликт, «способный тянуться длительное время». До тех пор пока Ханой не откажется от своей цели доминировать в Индокитае, «проблему нельзя будет решить в короткий срок»[512].

Дэн Сяопин продолжил начатый Хуан Хуа критический анализ несколько позднее в этот же день. Уступки и соглашения никогда не могли сдерживать Советский Союз. 15 лет существования соглашения о контроле над вооружениями позволили Советскому Союзу добиться стратегического паритета с Соединенными Штатами. Торговля с Советским Союзом означала, что «США помогают Советскому Союзу преодолеть свои слабые места». Дэн предложил шутливую

оценку американской реакции на советский авантюризм в «третьем мире» и упрекнул Вашингтон за попытки «ублажить» Москву:

«Ваши представители постоянно оправдывали и извинялись за советские поступки. Иногда они говорят, что нет признаков, свидетельствующих о вмешательстве Советского Союза и Кубы в случае с Заиром и Анголой. Вам нет смысла так говорить. Я честно Вам говорю — когда Вы собираетесь заключать какое-то соглашение с Советским Союзом, это всегда результат уступок американской стороны советской стороне»[513].

Мы присутствовали на великолепном представлении. Страна, являвшаяся главной целью Советского Союза, предлагала совместные действия, идя на принятие концептуального обязательства, а не как на сделку между странами, и уж тем более не как нижайшую просьбу. В момент огромной опасности для страны, как показывал ее собственный анализ, Китай тем не менее действовал словно наставник по вопросам стратегии, а не пассивный потребитель американских предписаний, как вели себя частенько европейские союзники Америки.

Главные темы большинства дебатов в Америке — международное право, многосторонние урегулирования, консенсус в народе — никогда не присутствовали в китайском анализе, за исключением их применения в качестве практических инструментов в деле достижения согласованных целей. И, как Дэн Сяопин указал Бжезинскому, именно такой целью ставилось «справиться с белым медведем, и все тут!»[514]

Но для американцев существуют лимиты так называемого реалистичного подхода к фундаментальным ценностям американского общества. И кровавый режим красных кхмеров, правящих в Камбодже, являлся одним из них. Ни один американский президент не мог относиться к красным кхмерам как еще одним фишкам в стратегии игры в облавные шашки «вэйци». Их политику геноцида — переселение населения Пномпеня в джунгли, массовые убийства специально выделенных категорий гражданского населения — нельзя было просто проигнорировать (хотя, как мы увидим, необходимость подчас заставляет жертвовать принципами).

Хуа Гофэн, все еще премьер, во время встречи на следующий день настроенный гораздо эмоциональнее, заявил:

«Мы тоже говорили многим нашим друзьям, что главная опасность войны исходит от Советского Союза. В таком случае, как мы должны с ним поступать? Во-первых, следует приготовиться. ...Когда ты готов и война вдруг разразилась, ты не окажешься в невыгодной позиции. Во-вторых, настоятельно необходимо попытаться расстроить стратегическую систему советской агрессии. Поскольку для достижения гегемонии в мире Советский Союз должен прежде всего получить военно-воздушные и военно-морские базы по всему миру, чтобы осуществить стратегическое размещение своих сил. А мы должны постараться расстроить его планы по такому стратегическому размещению»[515].

Ни один из членов Североатлантического альянса не выдвигал такого сравнительно всеохватывающего призыва присоединиться — в значительной мере в упреждающем порядке — к действиям или давал бы понять готовность действовать в одиночку в соответствии со своими оценками.

В оперативном плане китайские руководители предлагали нечто вроде сотрудничества по многим направлениям, гораздо более близкого порядка и, конечно, более рискованного, чем это делалось в рамках НАТО. Они стремились осуществить стратегию наступательного сдерживания, описанную в предыдущих главах. Особой ее чертой являлось то, что Дэн Сяопин не предлагал как-то официально все это оформить с вытекающими отсюда долгосрочными обязательствами. Общая оценка дала бы толчок для общих действий, но фактический союз не выдержал бы испытания временем, если бы оценки начали расходиться, — Китай настаивал на сохранении самостоятельности, даже находясь в состоянии чрезвычайной опасности. Такая настойчивость Китая в отношении совместных действий, несмотря на резкую критику определенных аспектов американской политики, свидетельствовала о том, что сотрудничество с Соединенными Штатами в вопросах безопасности рассматривалось как настоятельная необходимость.

Нормализация становилась первым шагом на пути к общей глобальной политике. Со времени секретного визита в июле 1971 года китайские условия нормализации были очевидны,

и они не менялись: вывод всех американских войск с Тайваня, прекращение действия договора с Тайванем о совместной обороне, установление дипломатических отношений с Китаем, имея в виду исключительно правительство в Пекине. Эти условия являлись частью китайской позиции в Шанхайском коммюнике. Два президента — Ричард Никсон и Джеральд Форд — согласились с этими условиями. Никсон обещал осуществить их во время своего второго срока пребывания на посту президента. И Никсон, и Форд подчеркивали американскую заинтересованность в мирном решении проблемы, включая продолжение в какой-то форме оказания помощи Тайваню в вопросах безопасности. «Уотергейтское дело» спутало все планы.

На необычный шаг своей беспристрастной внешней политики решился президент Картер, в начале президентства подтвердив все обязательства по Тайваню, данные Никсоном Чжоу Эньлаю в феврале 1972 года. В 1978 году он выдвинул конкретную формулу для нормализации, предоставив возможность обеим сторонам придерживаться установленных ими принципов: подтверждение принятых Никсоном и Фордом принципов, американское заявление, подчеркивающее приверженность страны мирным изменениям, согласие Китая на продажу Соединенными Штатами в некоторых объемах оружия на Тайвань. Картер передал эти идеи лично китайскому послу Чай Цзэминю во время беседы, пригрозив тем, что в случае отсутствия американских продаж оружия Тайвань будет вынужден прибегнуть к созданию ядерного оружия, как будто Соединенные Штаты не оказывали влияния на планы или поступки Тайваня[516].

В итоге нормализация произошла, после того как Картер установил крайний срок и пригласил Дэн Сяопина нанести визит в Вашингтон. Дэн согласился с нефиксированными объемами продаж оружия Тайваню и не возражал против американского заявления о том, что Вашингтон рассчитывает на окончательное решение тайваньской проблемы мирным путем, хотя Китай выдвинул пространный документ, где отказывался от официальных обязательств по данному вопросу. Позиция Пекина состояла, как подчеркнул Дэн Сяопин в беседе с Бжезинским, в том, что «освобождение Тайваня —

внутреннее дело Китая, в которое ни одна иностранная страна не имеет права вмешиваться»[517].

Нормализация означала, что американское посольство переедет из Тайбэя в Пекин, дипломат из Пекина заменит представителя Тайбэя в Вашингтоне. В соответствии с этим конгресс США в апреле 1979 года принял Акт об отношениях с Тайванем, где выражалась американская озабоченность относительно будущего и представлявший собой обязательный закон для всех американцев. Но он, конечно, не мог обязать Китай.

Такой баланс между американскими и китайскими императивами иллюстрирует, почему иногда двусмысленность является жизненной силой дипломатии. Мудрость государственных мужей с обеих сторон нужна для того, чтобы двигать процесс вперед.

Поездки Дэн Сяопина

По мере продвижения Дэн Сяопина от призывов к их претворению в жизнь он принимал меры к тому, чтобы Китай не сидел в пассивном ожидании американских решений. Везде где бы то ни было — особенно в Юго-Восточной Азии — он создавал политические рамки, всемерно их отстаивая.

В отличие от Мао Цзэдуна, вызывавшего иностранных руководителей в свою резиденцию подобно императору, Дэн Сяопин применил противоположный подход: он совершил поездки по странам Юго-Восточной Азии, в Соединенные Штаты, Японию и проводил собственную, вполне открытую, прямолинейную, а подчас и задиристую дипломатию. В 1978 и 1979 годах Дэн Сяопин предпринял ряд поездок с целью изменить представления о Китае за рубежом. Он хотел показать Китай не революционным возмутителем спокойствия, а такой же жертвой советских и вьетнамских геополитических замыслов. Китай во время вьетнамской войны находился на другой стороне. В Таиланде и Малайзии Китай до этого поощрял революцию среди китайских эмигрантов* и национальных меньшинств[518]. Все сейчас подчинялось снятию прямой угрозы.

* В Китае для этого понятия существует слово «хуацяо». — *Примеч. пер.*

В интервью журналу «Тайм» в феврале 1979 года Дэн Сяопин ознакомил широкую публику с китайским стратегическим планом: «Если мы действительно хотим установить преграду для белого медведя, единственно реальной вещью для нас становится объединение. Если мы будем зависеть только от сил США, этого будет недостаточно. Если мы будем полагаться только на силы Европы, этого будет недостаточно. Мы — незначительная бедная страна, но если мы объединимся, ну, тогда у нас будет значительный вес»[519].

Во время своих поездок Дэн Сяопин подчеркивал относительную отсталость Китая и его стремление получить технологии и экспертную помощь передовых промышленно развитых стран. Но он утверждал: недостаток в развитии Китая отнюдь не является преградой для его решимости противостоять советской и вьетнамской экспансии, если понадобится, то с применением силы и даже в одиночку.

Поездки Дэн Сяопина за рубеж — и его постоянные ссылки на бедность — решительно отличались от традиций китайских государственных деятелей. Немногие китайские правители вообще выбирались за границу. (Конечно, в соответствии с традиционной концепцией они правили в Поднебесной, где технически никак не могло быть «заграницы», куда можно было бы выезжать.) Желание Дэн Сяопина открыто подчеркнуть отсталость Китая и необходимость учиться у других выглядело резким контрастом по сравнению с отчужденностью китайских императоров и высшего чиновничества в делах с иностранцами. Никогда китайский правитель не объявлял иностранцам, будто нуждается в иностранных вещах. Цинский двор принимал иностранные новинки в ограниченных дозах (например, приветствуя иезуитских астрономов и математиков), но всегда настаивал на следующем: торговля с другими странами — выражение доброй воли Китая, а не его потребность. Мао Цзэдун тоже подчеркивал опору на собственные силы, даже ценой всеобщей бедности и изоляционизма.

Дэн Сяопин начал свои зарубежные поездки с визита в Японию. Поводом послужила ратификация договора, завершившего переговоры о нормализации дипломатических отношений между Японией и Китаем. Стратегический план Дэн Сяопина требовал примирения, а не просто нормализации, с

тем чтобы Япония могла помочь изолировать Советский Союз и Вьетнам.

Для достижения этой цели Дэн Сяопин с готовностью закрыл глаза на полвека страданий, которые принесла Япония Китаю. Дэн вел себя весьма бурно, когда заявил, что «мое сердце переполняет радость», и обнял японского коллегу, — жест, практически не имевший прецедентов в обществе, которое представлял хозяин, да и в китайском тоже. Дэн не делал попыток скрыть экономическую отсталость Китая: «Если у вас некрасивое лицо, нет смысла делать вид, будто вы писаный красавец». Когда его попросили расписаться в книге посетителей, он дал необычайно высокую оценку достижений Японии, написав: «Мы учимся у японского народа и отдаем дань уважения японскому народу, великому, прилежному, смелому и умному»[520].

В ноябре 1978 года Дэн Сяопин посетил Юго-Восточную Азию, побывав в Малайзии, Сингапуре и Таиланде. Он назвал Вьетнам «Кубой Востока» и говорил о недавно подписанном советско-вьетнамском договоре как об угрозе миру во всем мире[521]. В Таиланде 8 ноября 1978 года Дэн подчеркивал, что «безопасность и мир в Азии, Тихом океане и во всем мире находятся под угрозой» из-за советско-вьетнамского договора: «Этот договор направлен не только против одного Китая. ...Это весьма важный советский замысел мирового масштаба. Можете поверить, значение договора в том, чтобы окружить Китай. Я говорил дружественным странам, что Китай не боится быть окруженным. Он представляет огромное значение для Азии и Тихого океана. Безопасность и мир в Азии, Тихом океане и во всем мире находятся под угрозой»[522].

В ходе визита в Сингапур Дэн Сяопин столкнулся с родственным по духу экстраординарным премьер-министром Ли Куан Ю и взглянул на возможное будущее Китая — общество с преимущественно китайским населением, которое процветает, как позднее с восхищением заметил Дэн, в условиях «строгого администрирования» и «хорошего общественного порядка»[523]. Китай в то время был страшно беден, а его «общественный порядок» с трудом восстанавливался после «культурной революции». Ли Куан Ю так вспоминал тот памятный разговор:

«Он пригласил меня посетить Китай снова. Я пообещал принять приглашение, когда Китай придет в себя после «культурной революции». На это, по его словам, потребуется много времени. Я парировал, сказав, что у них не должно возникнуть никаких проблем с продвижением вперед и развитием более быстрыми темпами, чем Сингапур, ведь мы были преемниками неграмотных, безземельных крестьян из Фуцзяни и Гуандуна, а они преемники ученых, мандаринов и интеллектуалов, остававшихся на родине. Он промолчал»[524].

Ли Куан Ю отдал дань прагматизму Дэн Сяопина и желанию изучать чужой опыт. Ли также воспользовался возможностью высказать озабоченность некоторых стран Юго-Восточной Азии, которая иначе не прошла бы через китайские бюрократические и дипломатические фильтры:

«Китай хочет, чтобы страны Юго-Восточной Азии объединились с ним для изоляции «русского медведя», но факт состоит в том, что наши соседи хотят объединиться с нами для изоляции «китайского дракона». В Юго-Восточной Азии нет «русских эмигрантов», возглавляющих коммунистических повстанцев, поддерживаемых Советским Союзом. Зато есть «китайские эмигранты», поощряемые и поддерживаемые Коммунистической партией Китая и правительством, несущие угрозу Таиланду, Малайзии, Филиппинам и в меньшей мере Индонезии. Китай к тому же открыто говорил об особых отношениях с зарубежными китайцами в связи с кровными узами и высказывал прямые призывы к их патриотизму через головы правительств этих стран, чьими гражданами они являются. ...Я предложил обсудить пути решения этой проблемы»[525].

Как выяснилось, Ли Куан Ю оказался прав. В странах Юго-Восточной Азии, за исключением Сингапура, очень опасались идти на конфронтацию как с Советским Союзом, так и с Вьетнамом. Тем не менее Дэн Сяопин добился своих фундаментальных целей: многие из его открытых заявлений перед общественностью содержали предупреждение относительно возможных усилий со стороны Китая для исправления сложившейся ситуации. Его заявления не могли пройти мимо внимания Соединенных Штатов, являющихся ключевым строительным блоком для плана Дэн Сяопина. Стратегический план требовал более четко очерченных отношений с Америкой.

Визит Дэн Сяопина в Америку и новое определение альянса

Визит Дэн Сяопина в Соединенные Штаты, как объявлялось, должен был ознаменоваться нормализацией отношений между двумя странами и дать старт общей стратегии, направленной, конкретизируя Шанхайское коммюнике, преимущественно против Советского Союза.

Визит также продемонстрировал искусство китайской дипломатии: создать видимость поддержки со стороны стран, которые фактически не согласились на эту роль или которых вообще не просили сыграть такую роль. Этот образчик китайской дипломатии применялся во время кризиса с прибрежными островами 20 лет назад. Мао Цзэдун в 1958 году начал артобстрелы островов Цзиньмэнь и Мацзу через три недели после напряженного визита Хрущева в Пекин, создав видимость заблаговременного получения согласия Москвы на действия Пекина, чего на самом деле не было. Эйзенхауэр зашел так далеко, что обвинил Хрущева в поддержке развязывания этого кризиса.

Следуя такой же тактике, Дэн Сяопин предварил войну с Вьетнамом визитом на высоком уровне в Соединенные Штаты. Ни в одном из приведенных выше случаев Китай не просил поддержки предстоящему военному действию. Хрущева явно не проинформировали об операции 1958 года, и он выразил возмущение из-за риска оказаться втянутым в ядерную войну. Вашингтон знал о вторжении 1979 года после прибытия Дэн Сяопина в Америку, но он не высказал четко выраженную поддержку и ограничил роль США передачей разведданных и дипломатической координацией действий. В обоих случаях Пекину удалось создать впечатление, будто его действия получают благословение одной из сверхдержав, таким образом предотвращая возможность для вмешательства другой сверхдержавы. При такой весьма тонкой и смелой стратегии в 1958 году Советский Союз оказался не в силах не допустить китайское нападение на прибрежные острова. Что касается Вьетнама, то ему оставалось лишь гадать, каких договоренностей сумел достичь во время визита Дэн Сяопин, и он, по-видимому, предположил самое худшее для себя.

В этом смысле визит Дэн Сяопина в Соединенные Штаты стал своего рода боем с тенью с целью запугать Советский Союз, но не только. Недельная поездка Дэн Сяопина по Соединенным Штатам отчасти являлась дипломатической встречей в верхах, отчасти — деловой поездкой, частью — политической кампанией с показательными выступлениями, а кроме того, психологической боевой операцией по подготовке третьей вьетнамской войны. Поездка включала остановки в Вашингтоне, штат Колумбия, Атланте, Хьюстоне и Сиэтле, при этом происходили вещи, немыслимые при Мао Цзэдуне. Во время государственного приема в Белом доме 29 января руководитель «Красного Китая» обедал с главами компаний «Кока-кола», «Пепси» и «Дженерал моторс». На гала-представлении в Центре Кеннеди маленький заместитель премьера пожимал руки членам баскетбольной команды «Гарлем глобтроттерс»[526]. Дэн играл на публику во время родео и барбекю в Саймонтоне, штат Техас, надевал широкополую ковбойскую шляпу и катался в дилижансе.

Во время визита Дэн Сяопин подчеркивал необходимость получения Китаем иностранной технологии и развития экономики. По его просьбе ему показали обрабатывающие и технологические предприятия, включая сборочный завод Форда в Хэйпвилле, штат Джорджия, инструментальную компанию Хьюза в Хьюстоне (где Дэн осмотрел буры для бурения нефтяных скважин в районе прибрежного шельфа), а также завод по производству самолетов «боинг» в пригороде Сиэтла. Приехав в Хьюстон, Дэн высказал пожелание «ознакомиться с вашим передовым опытом в нефтехимической промышленности и других отраслях»[527]. Дэн дал обнадеживающую оценку китайско-американским отношениям, объявив о своем желании «все узнать об американском образе жизни» и «воспринять все, что нам на пользу»[528]. В Космическом центре имени Линдона Джонсона в Хьюстоне Дэн задержался у макета космического челнока. В одном из репортажей так описывается эта сцена:

«Дэн Сяопин, использующий свою поездку в Соединенные Штаты, чтобы подчеркнуть желание Китая получить передовые технологии, сегодня здесь забрался в кабину имитационного устройства полета космического корабля «Шаттла», же-

лая понять, каково это приземлиться на таком новейшем американском космическом корабле с высоты 30 тысяч метров.

Старшего заместителя премьер-министра Китая [Дэн], судя по всему, так очаровал проведенный эксперимент, что он пошел на второй круг и потом весьма неохотно покинул имитатор»[529].

Миры отделяют данный эпизод от напускного безразличия цинского императора к подаркам Маккартни и перспективам торговли или от негибкой приверженности Мао Цзэдуна экономической автократии. На встрече с президентом Картером 29 января Дэн Сяопин объяснял политику четырех модернизаций в Китае, выдвинутую Чжоу Эньлаем во время своего последнего открытого выступления и предполагающую модернизацию в области сельского хозяйства, промышленности, науки и техники, а также обороны страны. Все это подчинялось главной цели поездки Дэна: создать фактический союз между Соединенными Штатами и Китаем. Он так подвел итоги:

«Г-н президент, Вы просите обрисовать схему нашей стратегии. Для осуществления четырех модернизаций нам нужен длительный период мирного окружения. Но даже сейчас мы считаем, что Советский Союз развяжет войну. Но если мы поступим хорошо и правильно, войну можно будет отсрочить. Китай надеется отсрочить войну на 22 года[530].

С учетом этого мы не советуем создавать официальный союз, но каждая сторона должна действовать на основе нашей позиции, координировать наши шаги и принимать необходимые меры. Этой цели вполне можно достичь. Если наши усилия завершатся ничем, ситуация станет все более неуправляемой»[531].

Действовать как союзники, но не иметь оформленного союза — это выглядело как отход от здравого смысла и уход в какую-то крайность. Если бы все руководители являлись опытными стратегами, думали глубоко и систематически о стратегии, они пришли бы точно к такому же выводу. Союзы стали бы не нужны, логика их анализа привела бы к действиям на параллельных направлениях.

Отложим в сторону исторические и географические различия; даже находящиеся в одинаковом положении руково-

дители не всегда приходят к аналогичным выводам — особенно в стрессовой ситуации. Многое в анализе будет зависеть от уровня интерпретации, даже в отношении конкретного факта суждения могут отличаться, тем более в вопросе о его значимости. Потому страны и создают альянсы — официальные инструменты, защищающие общие интересы по мере возможности от внешних обстоятельств или внутренних давлений. Они создают дополнительные обязательства с учетом национальных интересов. Они также предоставляют юридически оформленные обязательства для оправдания совместной обороны, к которым можно взывать в периоды кризиса. В конце концов, альянсы уменьшают — в том случае, если к ним относятся серьезно, — опасность ошибок в оценке потенциального противника и, таким образом, придают элемент предсказуемости при проведении внешней политики.

Дэн Сяопин и большинство китайских руководителей считали официально оформленные союзы ненужной вещью в американо-китайских отношениях и в целом излишними в своей внешней политике. Они демонстрировали готовность опираться на молчаливое понимание. Но в последнем предложении Дэн Сяопина ко всему прочему содержалось предупреждение. Если бы не удалось определить или осуществить параллельные интересы, отношения стали бы «неуправляемыми», то есть иссякли бы, а Китай, по всей вероятности, вернулся бы к концепции Мао о «трех мирах», все еще остававшейся официальной политикой, предоставив возможность Китаю лавировать между двумя сверхдержавами.

По мнению Дэн Сяопина, параллельные интересы выразились бы в неформальной глобальной структуре для сдерживания Советского Союза в Азии при помощи политического/военного сотрудничества при сохранении параллельных целей НАТО в Европе. Эту структуру, в основном опиравшуюся бы на китайско-американские политические отношения, не следовало бы слишком заорганизовывать. В ее основе лежала совсем иная геополитическая доктрина. НАТО стремилась объединить всех своих партнеров прежде всего для сопротивления конкретным советским агрессивным действиям. Организация демонстративно отвергала любую концепцию, имеющую в основе превентивный военный удар. Цель стратегической доктрины НАТО

была исключительно оборонительной, ее главная задача — избегать дипломатической конфронтации.

Дэн Сяопин же предлагал исключительно политику упреждения, являвшуюся частью китайской доктрины наступательного сдерживания. Необходимо было оказывать давление на Советский Союз по всем периметрам его границ, а особенно в регионах, где он распространил свое присутствие совсем недавно, а именно: в Юго-Восточной Азии и даже в Африке. Если потребуется, Китай без колебаний инициирует военные действия, чтобы разбить советские планы — особенно в Юго-Восточной Азии.

Как предупредил Дэн Сяопин, Советский Союз не захочет связывать себя какими бы то ни было соглашениями, понимая только язык равнозначной силы. Как известно, римский государственный деятель Марк Порций Катон-старший всегда заканчивал все свои выступления громким призывом: «Картаго деленда ест» («Карфаген должен быть разрушен»). Дэн Сяопин выработал свой фирменный призыв: «Советскому Союзу надо противостоять». Он включал во все свои выступления варианты предупреждения о том, что Москва по присущей ей неизменной природе «будет стараться пролезть там, где есть проход»[532], и, как Дэн сказал Картеру, «куда бы ни протянул Советский Союз свои щупальца, их всюду надо отрубать»[533].

Анализ стратегической ситуации, проведенный Дэн Сяопином, включал информирование Белого дома о намерениях Китая начать войну с Вьетнамом, так как заместитель премьера Китая пришел к выводу о том, что Вьетнам не остановится в Камбодже. Как предупреждал Дэн, «так называемая Индокитайская федерация должна включать больше трех стран. Хо Ши Мин вынашивал эту идею. Три государства — только первый шаг. Потом должен быть включен Таиланд»[534]. Как заявил Дэн, Китай обязан предпринять меры. Он не может ждать развития событий: если что-то случится, будет уже поздно.

Дэн Сяопин сообщил Картеру, что он рассматривал «худший вариант» — крупное советское вмешательство, как того, похоже, требовал новый договор о совместной обороне между Москвой и Ханоем. И действительно, согласно сообщениям, Пекин эвакуировал до 300 тысяч человек гражданского населения

ления из северных приграничных территорий и привел войска на китайско-советской границе в состояние максимальной боевой готовности[535]. Однако, как сказал Дэн Картеру, Пекин полагает, что короткая, ограниченная война не позволит Москве по времени «масштабно прореагировать», зимние условия затруднят полномасштабную советскую атаку на северный Китай. Дэн констатировал, что Китай «не боится», но ему нужна «моральная поддержка»[536] со стороны Вашингтона, под чем он подразумевал очевидную двусмысленность относительно планов Америки, планируя на какое-то время попридержать Советы.

Через месяц после войны Хуа Гофэн объяснял мне тщательный стратегический анализ, ей предшествовавший:

«Мы также рассматривали возможность советской реакции. Первый вариант — крупное нападение на нас — мы посчитали наименее вероятным. Миллион войск дислоцирован на границе, но для большого нападения на Китай этого явно недостаточно. Если бы они решили отозвать часть войск из Европы, на это потребовалось бы время, а они все-таки беспокоились бы из-за положения в Европе. Им известно, что сражение с Китаем было бы крупным событием, которое вряд ли удалось бы завершить в короткий срок».

Дэн Сяопин поставил Картера перед проблемой как в принципе, так и в целом в вопросе о реакции общественности. В принципе Картер не одобрял стратегию упреждающего удара, особенно поскольку в таком случае происходили военные перемещения через суверенные государственные границы. В то же самое время он серьезно воспринял, хотя и полностью не разделял, точку зрения советника по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского по поводу стратегических последствий вьетнамской оккупации Камбоджи, перекликавшуюся с мыслями Дэн Сяопина. Картер решил стоящую перед ним дилемму, ссылаясь на принцип, но оставляя обстоятельствам возможность определять параметры урегулирования. Он обратил внимание на то, что Пекин утратит благоприятную с моральной точки зрения позицию, если нападет на Вьетнам. Китай, сейчас повсеместно рассматривающийся как мирная страна, рискует быть обвиненным в агрессии:

«Это серьезный вопрос. Вы не только столкнетесь с военной угрозой с севера, но также изменится международный подход. Сейчас к Китаю относятся как к мирной стране, выступающей против агрессии. Страны АСЕАН, так же как и ООН, осуждали Советский Союз, Вьетнам и Кубу. У меня нет информации о том, какие могут быть применены штрафные санкции, но в результате вероятны возникновение эскалации насилия и изменения настроя с направленного против Вьетнама на частичную поддержку Вьетнама.

Нам будет трудно поощрять насилие. Мы можем предоставлять вам разведывательную информацию. Нам ничего неизвестно о каких-либо передислокациях советских войск к вашим границам.

У меня для вас нет другого ответа. Мы подключились к осуждению Вьетнама, но вторжение во Вьетнам станет очень серьезным дестабилизирующим фактором»[537].

Отказаться поддержать насилие, но предложить разведывательную информацию о перемещениях советских войск — это должно было придать новые размеры политике двойственности. Похоже, Картер не разделял мнение Дэн Сяопина о предполагаемой советской угрозе. Или уменьшение китайских страхов по поводу возможной советской реакции могло бы быть истолковано как поощрение вторжения.

На следующий день Картер и Дэн Сяопин встретились в узком составе, и Картер передал Дэн Сяопину ноту (до сих пор не рассекреченную), где излагалась в общих чертах американская позиция. Бжезинский рассказывает об этом так: «Президент лично написал своей рукой письмо Дэн Сяопину, выдержанное по тону и трезвое по содержанию, в котором подчеркивалась важность сдержанности и делался вывод о возможных негативных международных последствиях. Я считал это верным подходом, поскольку мы не могли вступить в официальное соглашение с китайцами и поддержать то, что было равнозначно открытой военной агрессии»[538]. Неофициальный сговор — совсем другое дело.

В соответствии с отчетом о частной беседе (где присутствовал только переводчик) Дэн Сяопин настаивал на том, что стратегический анализ пересиливает ссылки Картера на мировое мнение. Прежде всего о Китае не следует думать как о

мягком и пушистом: «Китай все же должен проучить Вьетнам. Советский Союз может использовать Кубу, Вьетнам, потом и Афганистан превратится в сателлита [Советского Союза]. КНР подходит к этому вопросу с позиции силы. Акция должна быть очень ограниченной по времени. Если Вьетнам думает, что Китай слаб, ситуация станет еще хуже»[539].

Дэн Сяопин покинул Соединенные Штаты 4 февраля 1979 года. На обратном пути из США он завершил расстановку фишек на доске облавных шашек «вэйци». Он сделал остановку в Токио, второй раз за последние полгода, стремясь заручиться поддержкой Японии неизбежной военной акции и изоляции Советского Союза. Премьер-министру Масаеси Охира Дэн Сяопин повторил позицию Китая, сказав, что Вьетнам следует «наказать» за вторжение в Камбоджу, и дал обещание: «Придерживаться долгосрочных перспектив в деле поддержания международного мира и стабильности. ...Китайский народ будет твердо выполнять свой интернациональный долг и готов без всяких колебаний на необходимые жертвы»[540].

После посещения Бирмы, Непала, Таиланда, Малайзии, Сингапура и дважды Японии, а также Соединенных Штатов Дэн Сяопин выполнил свою задачу встраивания Китая в современный мир и изоляции Ханоя. Больше он не выезжал никуда из Китая, и в последние годы жизни вел себя в традициях китайских правителей, живя в удалении и недоступности.

Третья вьетнамская война

17 февраля Китай предпринял развернутое вторжение в северный Вьетнам из китайских южных провинций Гуанси* и Юньнань. Количество китайских войск отражало то значение, которое Китай придавал операции: по некоторым оценкам, оно составляло от 200 до, возможно, даже 400 тысяч военнослужащих НОАК[541]. Один историк пришел к выводу, что силы вторжения, включавшие «регулярные сухопутные войска, народное ополчение, подразделения военно-морских и военно-воздушных сил... были равноценны по количеству при

* Гуанси-Чжуанский автономный район. — *Примеч. пер.*

нанесении удара, которым Китай обозначил свое вступление в Корейскую войну в ноябре 1950 года»[542]. В официальных китайских сообщениях печати вторжение называлось «контратакой в целях самообороны против Вьетнама» или «контратакой для самообороны на китайско-вьетнамской границе». Реализовывался китайский вариант сдерживания: заранее объявленное вторжение во имя недопущения последующих шагов со стороны Вьетнама.

Целью китайских военных явилась такая же коммунистическая страна, недавний союзник и давний получатель китайской экономической и военной помощи. Перед ними стояла задача сохранения стратегического равновесия в Азии, как его видели в Китае. Далее Китай развернул кампанию при моральной поддержке, дипломатическом прикрытии и сотрудничестве в области разведки с Соединенными Штатами — той же «империалистической державой», которую Пекин помог выгнать из Индокитая пятью годами ранее.

Объявлялось, что война преследует цель «обуздать вьетнамские амбиции и преподать им надлежащий урок ограниченного характера»[543]. «Надлежащий» означало нанести достаточный урон, способный повлиять на вьетнамские планы и расчеты на будущее, под понятием «ограниченный характер» подразумевалось, что урок будет окончен до вмешательства извне или до того, как другие факторы сделают его неконтролируемым. Китай бросил прямой вызов Советскому Союзу.

Предсказание Дэн Сяопина подтвердилось: Советский Союз не напал на Китай. На следующий день после начала вторжения Китая советское правительство выступило с вялым заявлением, где наряду с осуждением «преступного» нападения Китая подчеркивалось, что «героический вьетнамский народ... способен и в этот раз выстоять самостоятельно»[544]. Советская военная реакция ограничилась отправкой оперативного военно-морского соединения в Восточно-Китайское море, ограниченными поставками оружия воздухом в Ханой и активизацией воздушного патрулирования вдоль китайско-советской границы. Воздушные поставки ограничивались не только географическим фактором, но и внутренними колебаниями. В итоге Советский Союз в 1979 году оказал своему новому союзнику Вьетнаму столько же помощи, сколько 20

лет назад тогдашнему союзнику Китаю во время кризиса в Тайваньском проливе. Ни в том ни в другом случае Советский Союз не захотел рисковать развязыванием крупномасштабной войны.

Вскоре после войны Хуа Гофэн подвел итог емкой фразой, пренебрежительно характеризующей советских руководителей: «Что касается угроз в наш адрес, то они осуществляли это своими маневрами вблизи границы, направляя корабли в Восточно-Китайское море. Но у них духа не хватило начать действия, и после всего мы по-прежнему могли дергать тигра за хвост».

Дэн Сяопин саркастически отверг американский совет быть осторожными. Во время визита в Пекин в конце февраля 1979 года министр финансов Майкл Блюменталь призвал вывести китайские войска из Вьетнама «как можно быстрее», поскольку Пекин «неоправданно рисковал»[545]. Дэн возражал. Беседуя с американскими журналистами накануне встречи с Блюменталем, Дэн продемонстрировал свое недовольство словесными уловками, насмехаясь над «некоторыми людьми», «боявшимися обидеть» «Кубу Востока»[546].

Как и во время китайско-индийской войны, Китай нанес ограниченный «карательный» удар, затем последовало немедленное отступление. Все закончилось в течение 29 дней. Вскоре после захвата войсками НОАК (и, как утверждают, разорения) столиц трех вьетнамских провинций вдоль границы, Пекин объявил о том, что китайские войска будут выведены из Вьетнама, за исключением нескольких спорных участков территории. Пекин не делал попыток свергнуть ханойское правительство или открыто вторгнуться в Камбоджу.

Через месяц после вывода китайских войск Дэн Сяопин во время моего визита в Пекин объяснял мне китайскую стратегию:

«ДЭН: После моего возвращения [из Соединенных Штатов] мы сразу же начали воевать. Но мы попросили вас высказать свое мнение заблаговременно. Я обговорил это с президентом Картером, и он тогда ответил мне очень официально и весьма торжественно. Он зачитал мне написанный текст. Я сказал ему: «Китай решит эту проблему самостоятельно, и если есть какой-то риск, Китай берет на себя всю ответственность.

Если взглянуть назад, то, как мы думаем, если бы мы во время нашей акции принуждения вторглись во Вьетнам еще глубже, то было бы даже гораздо лучше».

КИССИНДЖЕР: Вполне возможно.

ДЭН: Наших сил было достаточно, чтобы дойти до Ханоя. Но было бы неразумно заходить так далеко.

КИССИНДЖЕР: Да, это вышло бы за пределы запланированного.

ДЭН: Да, Вы правы. Но мы могли бы еще на 30 км зайти в глубь Вьетнама. Мы захватили все районы с оборонительными сооружениями. Больше не оставалось оборонительных линий на всем пути до Ханоя».

Среди историков существует общепринятое мнение, будто эта война стала дорогостоящим поражением для Китая[547]. Влияние политизации периода «культурной революции» на НОАК стало очевидным во время этой кампании: действиям мешало устаревшее оборудование, возникали проблемы с тыловым обеспечением, нехваткой личного состава и негибкой тактикой, китайские войска продвигались очень медленно, и это им дорого стоило. По оценкам некоторых аналитиков, НОАК понесла столько потерь убитыми в боях в течение одного месяца третьей вьетнамской войны, сколько Соединенные Штаты потеряли во время самых дорого обошедшихся лет второй вьетнамской войны[548].

Общепринятое мнение опирается, однако, на неверное толкование китайской стратегии. Какими бы серьезными ни выглядели недостатки в ее осуществлении, китайская кампания отражала серьезный долгосрочный анализ. Судя по объяснениям китайских руководителей своим американским коллегам, они рассматривали консолидацию мощи поддерживаемого Советским Союзом Вьетнама в Индокитае как ключевой шаг в «стратегическом развертывании» Советского Союза в мире. Советский Союз уже сконцентрировал войска в Восточной Европе и вдоль китайской границы. А теперь, как предупреждали китайские руководители, Москва «начала приобретать базы» в Индокитае, Африке, на Ближнем Востоке[549]. Если он укрепит свои позиции в этих регионах, он сможет контролировать жизненно важные источники энергии и будет в состоянии перекрыть основные морские линии — в

особенности важен Малаккский пролив, соединяющий Тихий океан с Индийским. Москва получила бы стратегическую инициативу в любом будущем конфликте. В более широком смысле война завершилась в соответствии с анализом Пекином концепции Сунь-цзы относительно «ши» — тенденции и «потенциальной энергии» стратегической перспективы.

Китай достиг цели частично своей военной смелостью, частично привлечением Соединенных Штатов к беспрецедентно тесному сотрудничеству. Руководители Китая осуществили третью вьетнамскую войну путем скрупулезного анализа стратегических выборов, смелой реализации планов, умелой дипломатии. При наличии всех этих качеств, но без сотрудничества с Соединенными Штатами они все же не смогли бы «дергать тигра за хвост».

Третья вьетнамская война велась при тесном сотрудничестве между Китаем и Соединенными Штатами в период «холодной войны». Две поездки в Китай американских эмиссаров довели совместные действия до чрезвычайно высокой степени. Вице-президент Уолтер «Фриц» Мондейл посетил Китай в августе 1979 года для разработки дипломатии на период после визита Дэн Сяопина, особенно с учетом Индокитая. Это была сложная проблема, где стратегические и моральные факторы находились в серьезном противоречии. Соединенные Штаты и Китай согласились, что предотвращение создания находящейся под контролем Ханоя Индокитайской федерации будет в национальных интересах каждой из обеих стран. Но в отношении части Индокитая, а именно по Камбодже, которой правил ужасный Пол Пот, убивший миллионы своих соотечественников, мнения сторон расходились. Красные кхмеры составляли лучше всего организованный элемент антивьетнамского сопротивления в Камбодже.

Картер и Мондейл на протяжении всего срока своего пребывания у власти много внимания уделяли борьбе за права человека. Во время президентской кампании они даже нападали на Форда за недостаточное внимание к проблемам прав человека.

Дэн Сяопин впервые поднял вопрос оказания помощи камбоджийскому партизанскому движению сопротивления против вьетнамских захватчиков во время приватной беседы

с Картером о вьетнамском вторжении. В официальной записи беседы говорится: «Президент спросил, согласны ли тайцы и готовы ли они передать это камбоджийцам. Дэн ответил «да» и сказал, что имел в виду легкое вооружение. Тайцы направляют старшего офицера на тайско-камбоджийскую границу, чтобы поддерживать более безопасную связь»[550]. Фактическое сотрудничество между Вашингтоном и Пекином в деле оказания помощи Камбодже через Таиланд имело практическим эффектом непрямую поддержку остатков красных кхмеров. Американские официальные лица осторожно подчеркивали Пекину, что Соединенные Штаты «не могут поддерживать Пол Пота», и приветствовали заверения Китая в том, что Пол Пот не осуществляет больше контроль над красными кхмерами. Такое облегчение для совести не меняло реальности: Вашингтон предоставлял материальную и дипломатическую поддержку «камбоджийскому сопротивлению» таким образом, что администрации было известно — это пойдет на пользу красным кхмерам. Администрация Рональда Рейгана, пришедшая на смену администрации Картера, следовала такой же стратегии. Американские руководители, несомненно, рассчитывали, что, если камбоджийское сопротивление победит, они или их преемники выступят в конечном счете против красных кхмеров как части этого сопротивления, что на самом деле и произошло после ухода вьетнамцев десятью с лишним годами позже.

Американские идеалы столкнулись с требованиями геополитической реальности. Не цинизм и уж тем более не лицемерие подтолкнуло к такому подходу: администрации Картера пришлось выбрать между стратегической необходимостью и моральными убеждениями. Они решили, что для реализации моральных убеждений в конечном счете необходимо вначале достигнуть победы в стратегической борьбе. Американские руководители столкнулись с дилеммой государственного управления. Руководители не могут выбирать варианты, предоставляемые им историей, и уж совсем редко они являются прямолинейными людьми.

Визит министра обороны Гарольда Брауна ознаменовал дальнейший шаг к китайско-американскому сотрудничеству, немыслимому еще каких-нибудь несколько лет назад.

Дэн Сяопин приветствовал его, сказав Брауну: «Ваш приезд сюда сам по себе имеет большое значение, ведь Вы — министр обороны»[551]. Несколько человек, работавших еще в администрации Форда, поняли этот намек на приглашение министру Шлесинджеру, не реализованное, поскольку Форд уволил его.

Главным в повестке дня стал вопрос определения параметров военных взаимоотношений Соединенных Штатов с Китаем. Администрация Картера пришла к выводу, что наращивание технических и военных возможностей Китая важно для поддержания равновесия в мире и американской национальной безопасности. Вашингтон, как объяснил министр Браун, «определил для себя различие между Советским Союзом и Китаем» и выразил готовность передать некоторые военные технологии Китаю, если тот не передаст их Советам[552]. Кроме того, Соединенные Штаты ничего не имели против продажи Китаю «военного оборудования» (например, оборудование и приборы слежения), хотя еще не определились с продажей «оружия». Считалось, что это не будет противоречить решениям союзников по НАТО относительно продажи оружия Китаю. Президент Картер в своих инструкциях так объяснял это Бжезинскому:

«Соединенные Штаты не возражают против более благожелательного подхода наших союзников в отношении торговли с Китаем в чувствительных с технической точки зрения областях. Мы заинтересованы в сильном и защищенном Китае — и мы признаем и уважаем этот интерес»[553].

В конечном счете Китаю не удалось спасти красных кхмеров или заставить Ханой вывести свои войска из Камбоджи еще в течение десяти лет. Возможно, понимая это, Пекин заметно ограничил собственные цели в войне. Тем не менее Пекин заставил Вьетнам заплатить высокую цену за свои действия. Китайская дипломатия в Юго-Восточной Азии до, в течение и после войны работала с огромной решимостью и умением, стремясь изолировать Ханой. Китай сохранял огромное военное присутствие на границе, удерживал несколько спорных участков территории и продолжал угрожать Ханою «вторым уроком». На протяжении многих лет после этого Вьетнаму приходилось держать значительные силы на своих

северных границах для защиты от возможного повторения китайского нападения[554]. Как Дэн Сяопин сказал Мондейлу в августе 1979 года:

«Для страны таких размеров содержать регулярные вооруженные силы численностью более одного миллиона, откуда у них будет тогда достаточно рабочей силы? Содержание миллиона регулярных войск требует большого тылового обеспечения. Сейчас они зависят от Советского Союза. По некоторым оценкам, они получают от Советского Союза 2 млн долл. США в день, по другим — 2,5 млн. ...Это увеличит проблемы, а бремя Советского Союза будет расти и расти. Положение будет становиться все труднее и труднее. Через какое-то время вьетнамцы поймут: не все их просьбы будут удовлетворяться Советским Союзом. При той обстановке возникнет, возможно, совсем другая ситуация»[555].

Иная ситуация действительно возникла десятью годами позже, когда развал Советского Союза и прекращение советской помощи привели к перегруппировке вьетнамских войск в Камбодже. В конечном итоге через определенный временной интервал, который в демократических обществах пережили бы с трудом, Китай добился значительной части своих стратегических целей в Юго-Восточной Азии. Дэн Сяопин получил достаточно пространства для маневра и достиг своей цели недопущения советского господства в Юго-Восточной Азии и Малаккском проливе.

Администрация Картера выполнила трудный акт, предоставляя выбор Советскому Союзу посредством переговоров об ограничении стратегических вооружений, но строя свою азиатскую политику на факте признания Москвы главным стратегическим противником.

В итоге главным пострадавшим в произошедшем конфликте стал Советский Союз, чьи глобальные амбиции вызывали беспокойство во всем мире. Советского союзника атаковал самый громкий и откровенный стратегический противник Советского Союза, открыто призывающий к созданию альянса сдерживания, направленного против Москвы, и все это в пределах месяца после создания советско-вьетнамского союза. Оценивая ту ситуации с нынешних позиций, можно сказать, что относительную пассивность Москвы в третьей вьетнам-

ской войне можно рассматривать как первый симптом упадка Советского Союза. Задаешься вопросом: не было ли решение Советов годом позже вторгнуться в Афганистан принято частично под воздействием попытки компенсировать свою неэффективность в деле поддержки Вьетнама в отражении китайского нападения? И в том и в другом случае неверные расчеты Советов обеих ситуаций заключались в непонимании того, что сложившееся соотношение сил в мире работает против них. Третью вьетнамскую войну, таким образом, можно назвать еще одним примером полученных китайскими государственными деятелями успехов в достижении долгосрочных, широкоформатных стратегических целей без успехов военного порядка, сравнимых с теми, которых достигали их противники. Хотя остаткам красных кхмеров и придали нечто похожее на второе дыхание, что вряд ли можно расценивать как моральную победу, Китай тем не менее добился более широких геополитических целей по сравнению с Советским Союзом и Вьетнамом, чьи военные были лучше подготовлены и экипированы по сравнению с китайскими.

Невозмутимость перед лицом превосходящих в материальном отношении сил была присуща китайскому стратегическому мышлению, как мы видим на примере решения Китая вмешаться в Корейскую войну. Оба китайских решения были направлены против того, что Пекин воспринимал как накапливающуюся опасность — укрепление баз враждебной державой в многочисленных пунктах по периферии Китая. В обоих случаях Пекин считал недопустимым позволить враждебной державе претворить в жизнь ее замыслы. Китай будет окружен и, таким образом, находиться в постоянном состоянии уязвимости. Противник будет в таком положении, когда он сможет развязать войну в любое время, когда ему заблагорассудится, и понимание одного только этого преимущества позволило бы ему предпринимать шаги, как сказал Хуа Гофэн президенту Картеру во время встречи в Токио, «без каких-то колебаний»[556]. Следовательно, кажущийся региональным вопрос — в первом случае отражение американцами удара Северной Кореи, во втором случае оккупация Вьетнамом Камбоджи — расценивался как «очаги борьбы в мире» (как Чжоу Эньлай описывал Корею)[557].

Оба вмешательства явились противостоянием Китая против более мощной державы, угрожавшей его пониманию собственной безопасности, однако каждое происходило на той территории и в то время, какое выбирал Пекин. Как позднее заместитель премьера Гэн Бяо говорил Бжезинскому, «поддержка Советским Союзом Вьетнама является составной частью его стратегии. Направлено все это не против Таиланда, а против Малайзии, Сингапура, Индонезии и Малаккского пролива. Если бы им все удалось, то это было бы смертельным ударом по АСЕАН, а также прервало бы коммуникационные линии Японии и Соединенных Штатов. Мы считаем необходимым в связи с этим предпринять необходимые действия. У нас, конечно, нет возможности справиться с Советским Союзом, но мы в состоянии справиться с Вьетнамом»[558].

Сделано все было отнюдь не самым блестящим образом: Китай бросил войска в немыслимо дорогостоящие битвы и понес потери в масштабах, оказавшихся бы непомерными для западного мира. В китайско-вьетнамской войне НОАК, по-видимому, выполнила свою задачу с большим количеством проблем, значительно увеличив масштабы китайских потерь. Но обе интервенции привели к достижению заслуживающих внимания стратегических целей. В два ключевых момента периода «холодной войны» Пекин с успехом применил свою доктрину наступательного сдерживания. Во Вьетнаме Китай добился успеха, раскрыв пределы советских обязательств перед Ханоем в сфере обороны и, что гораздо важнее, в целом пределы стратегических возможностей Советского Союза. Китай продемонстрировал готовность пойти на риск войны с Советским Союзом, лишь бы доказать, что его не запугать советским присутствием на южных рубежах.

Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю так обобщил окончательный итог войны: «Западная пресса списала китайскую карательную акцию как поражение. Я же считаю, она изменила ход истории Восточной Азии»[559].

Глава 14

РЕЙГАН И НОРМАЛИЗАЦИЯ

Одним из препятствий на пути последовательного проведения американской внешней политики стала периодическая смена правительств, являвшаяся непреложным законом развития американского общества. В результате ограниченности сроков пребывания у власти любое президентское назначение (вплоть до заместителя помощника министра) меняется по крайней мере каждые восемь лет — смена личного состава затрагивает ни много ни мало до пяти тысяч ключевых постов. Каждый преемник проходит длительный процесс проверки при приеме на работу. На практике в течение первых девяти месяцев или около того существует вакуум власти, когда новая администрация вынуждена действовать чисто импровизационно или по рекомендации личного состава, остающегося на новый срок, по мере постепенного приспособления к работе новых властных структур. Неизбежный период освоения нового участка работы осложнен желанием новой администрации узаконить свой приход к власти утверждением, что все унаследованные проблемы — ошибки политики предшественников, а не присущие той или иной ситуации проблемы. Они считаются решаемыми в какие-то предельные сроки. Преемственность политики выходит на второе место при таких рассуждениях, если вообще не становится предметом неприятия. При приходе к власти только что победивших в ходе выборной кампании новых президентов они могут

также переоценивать пределы гибкости тех или иных объективных обстоятельств или просто полностью опираться на силу своих убеждений. Для ориентирующихся на американскую политику стран постоянная психологическая драма демократической передачи власти фактически напоминает игру в рулетку.

Такого рода ситуации представляли особую проблему для отношений с Китаем. Как видно из этой книги, в начале сближения между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой присутствовал период взаимного знакомства друг с другом. Но в последующие десятилетия отношения зависели по большому счету от способности двух стран выносить параллельные оценки международной обстановки.

Гармонизация нематериальных моментов во взаимоотношениях становится особенно затруднительной, когда руководство постоянно меняется. А в течение десяти лет 1970-х годов как в Китае, так и в Соединенных Штатах происходили значительные перемены в руководстве. В предыдущих главах описаны перемены в китайской верхушке. В Соединенных Штатах президент, открывший отношения с Китаем, ушел в отставку через полтора года, но ключевые аспекты внешней политики остались неизменными.

Администрация Картера стала для китайского руководства первым опытом смены политической партии в руководстве США. Они изучали заявления Картера уже тогда, когда он являлся еще только кандидатом на пост президента; в них он обещал перемены во внешней политике, считая необходимым поставить во главу угла и перенести акценты на проблему прав человека. Он мало говорил о Китае. В Пекине существовала некоторая озабоченность относительно того, будет ли Картер сохранять в установленных взаимоотношениях «антигегемонистское» направление.

Как выяснилось, Картер и его высшие советники подтвердили основополагающие принципы взаимоотношений, включая относящиеся к Тайваню, лично заявленные Никсоном во время его визита в Пекин. В то же самое время приход Дэн Сяопина и падение «банды четырех» придали диалогу между Китаем и Соединенными Штатами новые прагматические параметры.

Едва стратегический диалог между Соединенными Штатами и Китаем стал наиболее наполненным, как произошла еще одна смена администрации, когда с огромным перевесом голосов победил республиканский президент. Для китайцев новый президент не сулил ничего хорошего. Рональда Рейгана было трудно прогнозировать и анализировать даже скрупулезным исследователям из Китая. Он не подпадал ни под одну устоявшуюся категорию. Бывшая кинозвезда, президент гильдии киноактеров, захотевший стать политической знаменитостью, Рейган представлял совершенно противоположный тип американского консерватизма, чем углубленный в себя интеллектуал Никсон или безмятежный человек Среднего Запада Форд. Демонстративно оптимистичный по поводу американских возможностей в период кризиса, Рональд Рейган более чем кто-либо из высокопоставленных американцев со времен Джона Фостера Даллеса критиковал коммунизм как зло, которое должно быть уничтожено в течение определенного периода времени, а не как угрозу, которую можно сдерживать в течение жизни нескольких поколений. И все же он фокусировал всю свою критику коммунизма почти исключительно на Советском Союзе и его странах-сателлитах. В 1976 году Рейган провел кампанию против Джеральда Форда за выдвижение кандидатом на пост президента от Республиканской партии, нападая на политику разрядки с Советским Союзом, но избегал в целом критики взаимоотношений с Китаем. Критика Рейганом советских намерений, которую он продолжал с такой же энергией и во время президентской кампании 1980 года, имела много общего с лекциями Дэн Сяопина, прочитанными им высшим американским чинам со времени своего первого возвращения из ссылки. Но все же в случае с Рейганом антисоветизм сопровождался его личной приверженностью существующему политическому порядку на Тайване.

В октябре 1971 года Никсон посоветовал Рейгану, тогда еще губернатору Калифорнии, посетить Тайвань в качестве спецпосланника и подтвердить, что улучшение отношений между Вашингтоном и Пекином не помешает ключевой американской заинтересованности в безопасности Тайваня. Рейган покинул остров с теплыми личными чувствами к его ру-

ководителям и глубокой приверженностью взаимоотношениям между народами Америки и Тайваня. Впоследствии, хотя Рейган и не пошел на то, чтобы отказаться от существовавшего взаимопонимания с Пекином, он остро критиковал администрацию Картера за разрыв официальных дипломатических отношений с Тайбэем и снижение уровня американского посольства на Тайване до неофициального «Американского института». В своей предвыборной президентской кампании в 1980 году против Картера он взял обязательство, что при администрации Рейгана «больше не будет Вьетнамов», «больше не будет Тайваней» и «больше не будет предательств».

Строго говоря, посольство в Тайбэе являлось американским посольством в Китае. Американское решение, чей пик пришелся на администрацию Картера, перевести это посольство в Пекин, стало запоздавшим признанием того, что гоминьдановцы больше не могут находиться в боевой готовности с целью «освобождения материка». Косвенная критика со стороны Рейгана заключалась в том, что Соединенным Штатам следовало бы сохранить полное посольство в Тайбэе в соответствии с принципом двух Китаев, то есть признания обеих сторон Тайваньского пролива как самостоятельных независимых государств. Однако во время переговоров с администрациями Никсона, Форда и Картера (и со всеми правительствами других стран при обсуждении условий дипломатического признания) именно такой исход Пекин упорно и рьяно отказывался рассматривать.

Рональд Рейган, таким образом, тоже воплотил в себе существующую американскую двойственность. Огромная приверженность новым отношениям с Пекином сосуществовала с высоким уровнем эмоциональной поддержки Тайваня.

Одной из любимых «тем» выступлений Рейган сделал предложения установления «официальных отношений» с Тайванем, хотя открыто он ни разу точно не объяснял, что он имеет в виду. Во время президентской кампании 1980 года Рейган решил попытаться сделать невозможное. Он направил своего кандидата на пост вице-президента Джорджа Буша-старшего в Пекин, где тот проявил себя еще в качестве главы Миссии связи США, являвшейся фактически посольством. Буш сказал Дэн Сяопину, что Рейган не подразумевал, будто

он выступает за сохранение официальных дипломатических отношений с Тайванем; не собирается-де Рейган и вести дело к признанию двух Китаев[560]. Холодный ответ Дэн Сяопина, причиной которого могло послужить повторение Рейганом своего заступничества в пользу сохранения официальных отношений с Тайванем как раз во время пребывания Буша в Пекине, заставил Рейгана попросить меня в сентябре 1980 года выступить в качестве посредника и передать аналогичное, в какой-то мере, вероятно, даже более детализированное послание от его имени китайскому послу Чай Цзэминю. Непростое задание.

Во время встречи с Чай Цзэминем в Вашингтоне я подтвердил, что, несмотря на риторику во время его кампании, кандидат в президенты Рейган намерен сохранять общие принципы американо-китайского стратегического сотрудничества, установленные в период пребывания у власти администраций Никсона, Форда и Картера и зафиксированные в Шанхайском коммюнике и в коммюнике 1979 года о нормализации дипломатических отношений. Рейган особо попросил меня передать, что он не будет проводить политику «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня». Вдобавок я высказал свою уверенность в том, что посол и его правительство, изучив карьеру губернатора Рейгана, наверняка заметили, что у него много близких друзей на Тайване. Стараясь все преподнести в контексте человеческих эмоций, я высказался в том плане, что Рейган не мог отказаться от личной дружбы и что китайские руководители сами перестали бы его уважать, если бы он так поступил. Став президентом, Рейган, однако, будет связан обязательствами существующих рамок американо-китайских отношений, создавших основу взаимно разделяемых китайских и американских усилий по недопущению «гегемонии» (то есть советского господства). Другими словами, Рейган, став президентом, сохранит не только дружбу с друзьями, но и приверженность обязательствам Америки.

Вряд ли китайский посол воспринял мои слова с большим энтузиазмом. Понимая, что, судя по благоприятным опросам общественного мнения, Рейган победит на выборах в ноябре, он уклонился от высказывания каких-либо комментариев.

Продажи оружия Тайваню и третье коммюнике

Начальная стадия пребывания у власти администрации Рейгана ознаменовалась верой ее шефа в то, что умение убеждать может преодолеть пропасть между двумя на первый взгляд несовместимыми позициями. На деле это означало одновременное осуществление обеих позиций. Вопрос следовало решить довольно срочно, так как нормализация предшествовала решению окончательного юридического статуса Тайваня. Картер заявлял о намерении Америки продолжить поставки оружия Тайваню. Дэн Сяопин, стремясь завершить процесс нормализации, чтобы иметь возможность выступить против Вьетнама, хотя бы с видимостью наличия американской поддержки, пошел на нормализацию, фактически проигнорировав одностороннее заявление Картера о поставках оружия. В то же самое время в 1979 году конгресс США отреагировал на завершение официального американского дипломатического присутствия в Тайбэе принятием Акта об отношениях с Тайванем — законодательного акта, очертившего рамки продолжения надежных экономических, культурных связей и сотрудничества в области безопасности между Соединенными Штатами и Тайванем и объявлявшего, что Соединенные Штаты «предоставят Тайваню такие оборонительные виды оружия и услуги и в таких количествах, каких будет достаточно для поддержания возможностей самообороны на достаточном уровне»[561]. Вскоре после того как администрация Рейгана приступила к исполнению своих обязанностей, китайские руководители вновь подняли вопрос о поставках оружия Тайваню, рассматривая его как неурегулированный аспект процесса нормализации и проявление американских внутренних противоречий. Рейган не скрывал своего желания продолжать поставки оружия на Тайвань в определенных количествах. Его государственный секретарь Александр Хейг придерживался противоположных взглядов. Хейг служил моим заместителем в аппарате Белого дома при Никсоне, планировавшим нашу секретную поездку в 1971 году. Он возглавлял техническую группу по подготовке визита Никсона, во время этой поездки он обстоятельно беседовал с Чжоу Эньлаем. Как представитель

поколения, ставшего свидетелем начала «холодной войны», Хейг очень хорошо знал, что подключение Китая к антисоветскому лагерю нарушало стратегическое равновесие. Хейг относился к потенциальной роли Китая, выступающего в качестве фактического союзника Америки, как к некоему прорыву, который следовало сохранять любой ценой. В итоге Хейг искал пути нахождения взаимопонимания с Пекином, в результате чего Соединенные Штаты стали бы поставлять оружие как Китаю, так и Тайваню.

Ни одна из сторон не смогла провести в жизнь этот план. Рейган ни за что не хотел соглашаться на официальные продажи оружия Китаю, а Пекин не хотел считать в принципе решенным вопрос о торговле вооружением. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Хейг, ведя напряженные переговоры как внутри американского правительства, так и с партнерами в Пекине, добился соглашения, позволявшего обеим сторонам отложить принятие окончательного решения, при одновременной разработке «дорожной карты» на будущее. Неохотное согласие Дэн Сяопина с таким неопределенным и частичным решением свидетельствует о придаваемом им значении поддержания тесных отношений с Соединенными Штатами (как и о его доверии Хейгу).

Так называемое третье коммюнике от 17 августа 1982 года стало частью основополагающей архитектуры американо-китайских отношений, регулярно подтверждаемой в виде священного заклинания во время всех последующих диалогов на высшем уровне и во всех совместных коммюнике. Странно, что третье коммюнике получило именно такой статус вместе с Шанхайским коммюнике по итогам визита Никсона и соглашением о нормализации во времена Картера. Поскольку это коммюнике является весьма двусмысленным, отсюда и сложности с «дорожной картой» на будущее.

Каждая сторона, как и ранее, подтвердила свои фундаментальные принципы: Китай в очередной раз озвучил свою позицию о том, что Тайвань является внутренним делом Китая, вмешиваться в которое иностранцы не имеют никаких законных прав; Америка вновь выразила свою озабоченность по поводу мирного урегулирования, пойдя далеко, заявив следующее: она «приветствует китайскую политику стремления к

мирному урегулированию». При такой формулировке, однако, не упоминалось настойчивое и постоянное повторение Китаем утверждения о том, что он оставляет за собой право на применение силы, если мирное решение окажется невозможным. Главный нормоустанавливающий параграф затрагивал продажу оружия Тайваню. Он гласил:

«Правительство Соединенных Штатов заявляет, что оно не стремится проводить политику долгосрочных продаж оружия Тайваню, что его продажи оружия Тайваню не будут превышать как по качеству, так и по количеству, уровень поставок последних нескольких лет за период после установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Китаем и что оно намерено постепенно сокращать свои продажи оружия Тайваню вплоть до их прекращения через какой-то период времени. Заявляя это, Соединенные Штаты признают постоянную позицию Китая относительно необходимости всестороннего решения этого вопроса»[562].

Ни одно из этих условий не было четко определено — или, по правде говоря, вообще как-то определено. Не следовало разъяснений того, что имелось в виду под понятием «постепенно», а также не давалось никаких уточнений по поводу «уровня», достигнутого в период пребывания Картера на посту президента, который должен был оставаться показателем в качестве ориентира. Отказываясь от политики долгосрочных продаж оружия, Соединенные Штаты не расшифровывали понятие «долгосрочные». Подтверждая постоянную позицию относительно необходимости всестороннего решения этого вопроса, Китай не устанавливал предельных сроков и не выражал никаких угроз. Внутренние потребности у обеих сторон устанавливали определенные ограничения: Китай не мог принять принцип иностранных поставок оружия на территорию, которую он рассматривает как свою собственную. Американские политические установки, подкрепленные принятием Акта об отношениях с Тайванем широким большинством в конгрессе США, не позволяли никакого прекращения поставок оружия Тайваню. Заслуга мудрости государственного управления с обеих сторон в том, что такое положение дел продолжалось почти 30 лет со времени описываемых здесь событий.

Немедленное последствие третьего коммюнике показало, что его значение не являлось само по себе до конца очевидным для президента Соединенных Штатов. Он сказал владельцу «Нэшнл ревю»: «Вы можете сообщить своим друзьям там, что я, черт побери, не поменял свои суждения о Тайване. Какое бы оружие им ни понадобилось для обороны от атак и вторжения Красного Китая, они его получат от Соединенных Штатов»[563]. Рейган чрезвычайно приверженный этой теме, попросил Дэна Разера, в то время ведущего в программе «Вечерних новостей» на Си-би-эс («Коламбия броадкастинг систем»), дать опровержение сообщениям о его отказе поддерживать Тайвань, заявив: «С моей стороны не было никакого отступления. ...Мы продолжим вооружать Тайвань»[564].

Для реализации позиции президента Белый дом провел секретные переговоры о так называемых «шести заверениях» с Тайванем, намереваясь ограничить действие коммюнике, только что подписанного с Китаем. В «заверениях» подтверждалось, что Соединенные Штаты не устанавливали конкретную дату прекращения продажи оружия Тайваню, не брали на себя обязательство перед Пекином проводить консультации по таким сделкам, не обещали вносить изменения в Акт об отношениях с Тайванем, не меняли своей позиции относительно политического статуса Тайваня и не собираются ни оказывать давление на Тайбэй с тем, чтобы тот начал переговоры с Пекином, ни выступать в качестве посредника[565]. В дополнение к «заверениям» приняли меморандум по линии Совета национальной безопасности, где соблюдение положений коммюнике обуславливалось мирным решением разногласий между Китайской Народной Республикой и Тайванем. Администрация также довольно свободно толковала положение третьего коммюнике относительно «сокращения» «продаж оружия» Тайваню. Вашингтон расширил программу военной поддержки Тайваня за счет передачи технологий (технически это не является «продажей оружия») и изобретательности в толковании «уровня» различных военных программ. Об их длительности по срокам исполнения и содержании Пекин, судя по всему, ранее и представления не имел.

Акт об отношениях с Тайванем, разумеется, обязывает президента США, но он никогда не был признан руководите-

лями Китая, не принимающими предпосылку того, что американское законодательство может создать обязательство в отношении продажи оружия Тайваню или обусловить американское дипломатическое признание мирным урегулированием тайваньского вопроса. Опасно ставить знак равенства между признанием силы обстоятельств и соглашением на неопределенное будущее. То, что такой образ действий принимался в течение ряда лет, не спасает от рисков в долгосрочной перспективе, что и показала бурная реакция Пекина на продажу оружия весной 2010 года.

На китайскую и тайваньскую политику администрации Рейгана в течение ее первого срока пребывания у власти накладывали отпечаток почти неразрешимые противоречия между соревнующимися друг с другом отдельными личностями, противоречивыми целями политики, противоречивыми заверениями Пекину и Тайбэю, а также противоречиями между несоизмеримыми моральными и стратегическими императивами. Рейган производил впечатление поддерживающего все эти вещи, вместе взятые, и все это делалось в силу его собственных убеждений.

Для ученого или обычного политолога подход администрации Рейгана на ее ранней стадии к Китайской Народной Республике и Тайваню нарушал все основные правила ясной политики. Однако, как и со многими другими противоречивыми и нестандартными действиями Рейгана, эта политика проходила вполне нормально в последующие десятилетия.

Примечательным моментом за время президентства Рейгана стала его способность преодолевать противоречия, причем даже тогда, когда он твердо отстаивал свои, по сути, неизменные убеждения. Как бы он ни возражал против чего-нибудь, Рейган никогда не превращал их в личные противоречия, не превращал он также и свои сильные идеологические убеждения в крестовые походы, ограничиваясь только словесными выпадами. Поэтому ему удавалось преодолевать идеологические водовороты на основе практической целесообразности и уравновешенной доброжелательности, как показала замечательная серия переговоров Рейгана и его следующего государственного секретаря Джорджа Шульца с их советскими коллегами Михаилом Горбачевым и Эдуардом Шеварднадзе

по вопросам ограничения ядерных вооружений. В том, что касается Китая, то его руководители пришли к пониманию того, что Рейган заходил так далеко, как позволяли ему его собственные убеждения, до предельного рубежа того, что он мог выполнить в контексте американской политики.

Тщательный анализ Пекином международной обстановки убедил его в том, что Соединенные Штаты по-прежнему важны как противовес Советскому Союзу. При том, что Рейган занимался наращиванием американской военной мощи, китайские руководители предпочли принять или по крайней мере не обращать внимания на некоторые из его наиболее спорных позиций.

Кажущиеся противоречия в конце составляли две временные линии: то, что должно быть сделано немедленно, и то, что может быть оставлено на потом. Дэн Сяопин, думается, понимал, что коммюнике устанавливало как бы общее направление. Его можно было обойти, если условия нарушали контекст, который мешал ему вначале правления администрации Рейгана.

После того как Шульц возглавил Государственный департамент в 1982 году, несмотря на неприятные разговоры и ущемленное эго, Соединенные Штаты, Китайская Народная Республика и Тайвань — все они к началу 1980-х годов пришли, достигнув в общем удовлетворения всех ключевых интересов. Вольное толкование Вашингтоном коммюнике разочаровало Пекин, но в целом Китайская Народная Республика получила американскую помощь на еще одно десятилетие, пока она наращивала свою экономическую и военную мощь и свою способность играть независимую роль в мировых делах. Вашингтон смог поддерживать дружественные отношения с обоими берегами Тайваньского пролива и сотрудничать с Китаем в общих антисоветских целях, в том числе осуществлять обмен разведданными и поддерживать афганское повстанческое движение. Тайвань приобрел позицию, где он мог торговаться в переговорах с Пекином. В конечном счете, как говорят, когда пыль рассеялась, выяснилось, что на словах наиболее антикоммунистически и протайваньски настроенный президент со времен Никсона оказался во главе развития «нормальных» отношений с Китайской Народной Республикой без каких-либо крупных кризисов.

Китай и сверхдержавы — новый баланс сил

Подлинная драма 1980-х годов заключалась не во взаимоотношениях между Вашингтоном и Пекином, а в их отношениях с Москвой. Побудительным мотивом стала серия значительных сдвигов в стратегических построениях.

При оценке политики Китая, как правило, сразу можно исключить одну случайность: то, что китайские политики могли бы просмотреть ряд поддающихся обнаружению фактов. Китай согласился с двусмысленностями языка и вольностью в толковании статьи о Тайване в третьем коммюнике только потому, что он рассчитывал с помощью сотрудничества с Соединенными Штатами достичь и других целей.

Когда Рональд Рейган пришел к власти, стратегическое наступление, предпринятое Советским Союзом в конце 1970-х годов, еще не иссякло. За годы со времени краха американских позиций в Индокитае Советский Союз и его союзники предприняли ряд беспрецедентных (и почти хаотичных) бросков в развивающемся мире: в Анголе, Эфиопии, Афганистане и Индокитае. Но американо-китайское сближение создало значительную преграду дальнейшей экспансии. Подкрепленная убеждениями Дэн Сяопина и его коллег, а также умелым сотрудничеством американских деятелей из обеих партий, нарисованная Мао Цзэдуном «горизонтальная линия» фактически обрела свои параметры.

К середине 1980-х годов Советский Союз столкнулся с координированной обороной — и во многих случаях с активным сопротивлением — почти на всех своих границах. В Соединенных Штатах, Западной Европе и в Восточной Европе создалась свободная коалиция практически всех промышленно развитых стран, направленная против Советского Союза. В развитом мире у Советского Союза оставались в союзниках только его восточноевропейские сателлиты, где размещались его войска. В то же самое время в развивающемся мире стали скептически относиться к благам народного «освобождения» при помощи советского и кубинского оружия. В Африке, Азии и Латинской Америке советские экспансионистские усилия превращались в дорогостоящие аферы с тупиковыми ситуациями или в поражения, наносящие ущерб престижу страны.

В Афганистане Советский Союз испытывал те же самые проблемы, что и Соединенные Штаты во Вьетнаме, но на этот раз сталкиваясь со скоординированными действиями Соединенных Штатов, Китая, стран Персидского залива и Пакистана, которые поддерживали и натаскивали вооруженное сопротивление. Попытки Москвы через Вьетнам объединить Индокитай под властью Ханоя и поставить его в орбиту Советского Союза встретили мощный контрудар со стороны Китая, усиленный поддержкой со стороны Америки. Пекин и Вашингтон — как Дэн Сяопин очень наглядно описал Картеру — «отрубали» советские щупальца. В то же самое время американское стратегическое наращивание, особенно продвигаемая Рейганом Стратегическая оборонная инициатива, становилось технологическим вызовом, который застойная и перенапряженная советская экономика, несущая уже расходы на оборону, в три раза превышающие американские, судя по их процентному соотношению в ВВП, не могла выдержать[566].

На этой высокой точке китайско-американского сотрудничества Белый дом Рейгана и высшее китайское руководство сделали приблизительно одинаковые оценки по поводу слабости Советского Союза, но сделали из этого значительно разнящиеся выводы относительно влияния на их политику нового положения дел. Рейган и высшие чиновники его администрации рассматривали вероятный развал Советского Союза как возможность перейти в наступление. Сочетая мощное военное наращивание с новым идеологическим упорством, они стремились давить на Советский Союз как в финансовом плане, так и в геополитическом, желая в итоге добиться победы в «холодной войне».

Китайские руководители, имевшие такие же представления о слабости Советского Союза, извлекли из этого противоположный урок: они увидели в этом повод для пересмотра глобального равновесия. Начиная с 1969 года они изменили направление и пошли на сближение с Вашингтоном, рассчитывая поменять свое шаткое геополитическое положение; их не интересовала победа американских ценностей западной либеральной демократии, достижение которой Рейган объявил своей конечной целью. «Подергав тигра за хвост» во Вьетнаме, Пекин пришел к выводу, что он выдержал кульминацию со-

ветской угрозы, и решил перенаправить Китай обратно в направлении возросшей свободы маневра.

В силу сложившихся таким образом обстоятельств в 1980-х годах эйфория времен начала открытия Китая для США стала сходить на нет, всепоглощающие озабоченности времен «холодной войны» были преодолены. Китайско-американские отношения вошли в некий ритм, более или менее привычный для взаимоотношений между крупными державами, с меньшим количеством взлетов и падений. Начало падения советской мощи сыграло свою роль, хотя главные актеры и с американской, и с китайской стороны так привыкли к шаблонам «холодной войны», что они этого сразу и не заметили. Слабая советская реакция на китайское вторжение во Вьетнам ознаменовала начало на первых порах постепенного, а затем и ускоренного падения Советского Союза. Три смены власти в Москве — от Л.И. Брежнева к Ю.В. Андропову в 1982 году, от Андропова к К.У. Черненко в 1984 году и от Черненко к М.С. Горбачеву в 1985 году — означали по меньшей мере, что Советский Союз будет занят решением собственного внутреннего кризиса. Американское перевооружение началось при Картере, усилилось при Рейгане, постепенно нарушив баланс сил и затруднив готовность Советского Союза осуществлять вмешательства по периметру его границ.

Многие из советских приобретений 1970-х годов были утрачены, хотя некоторые из этих отступлений случились только после прихода к власти администрации Джорджа Буша-старшего. Вьетнамская оккупация Камбоджи завершилась в 1990 году, выборы прошли в 1993 году, беженцы готовились возвращаться домой. Кубинские войска покинули Анголу к 1991 году, в 1990 году рухнуло поддерживаемое коммунистами правительство в Эфиопии. В 1990 году сандинистов в Никарагуа заставили провести свободные выборы — риск, на который ни одна из правящих коммунистических партий никогда не была готова пойти. И возможно, самое главное — вывод советских войск из Афганистана в 1989 году.

Отступления Советского Союза придали китайской дипломатии дополнительную возможность свободного маневра. Китайские руководители стали меньше говорить о военном сдерживании и начали изучать возможности новой диплома-

тии с Москвой. Они продолжали выдвигать «три препятствия» в качестве условия нормализации отношений с Советами: вывод вьетнамских войск из Камбоджи, прекращение размещения советских войск в Сибири и Монголии вдоль границ с Китаем, вывод советских войск из Афганистана. Эти требования находились в процессе выполнения прежде всего из-за изменения баланса сил, из-за которого Советскому Союзу стало тяжело защищать передовые рубежи и которое сделало неизбежным решение об уходе с этих рубежей. Соединенные Штаты получили заверения в том, что Китай не собирался перейти на сторону Москвы. Китайцы подтверждали: обе стороны могут играть в дипломатию «треугольника». Заверения в любом случае имели двоякую цель: они подтверждали продолжающуюся приверженность установленной стратегии недопущения советского экспансионизма, но также означали растущую ценность Китая для Соединенных Штатов.

Китай вскоре начал реализовывать свои новые преимущества в глобальном масштабе. В беседе, состоявшейся у меня с Дэн Сяопином в сентябре 1987 года, он применил новые концептуальные рамки для анализа ирано-иракской войны, длившейся к тому времени уже пятый год. Соединенные Штаты поддерживали Ирак — по крайней мере так, чтобы не допустить его поражения от революционного режима в Тегеране. Дэн Сяопин говорил о необходимости некоего «люфта» для Китая для занятия более «гибкой позиции» в отношении Ирана. Тогда Китай мог бы играть более значительную роль в дипломатии, направленной на завершение войны.

Дэн Сяопин осуществлял концепцию «горизонтальной линии», выдвинутую Мао Цзэдуном во время конфронтации с Советским Союзом. Сейчас же она трансформировалась вновь в политику «трех миров», где Китай стоял в стороне от соперничества между сверхдержавами и где приверженность независимой внешней политике позволяла бы получать свои преимущества во всех трех секторах, а именно: в отношениях со сверхдержавами, в мире развитых стран и в «третьем мире».

Ху Яобан, протеже Дэн Сяопина и руководитель партии, на XII съезде КПК в сентябре 1982 года определил основополагающую внешнеполитическую концепцию. Ее главным положением стала фраза Мао Цзэдуна «Китай поднялся!».

«Китай никогда не присоединится ни к какой великой державе или группе держав и никогда не поддастся давлению со стороны какой-либо великой державы»[567]. Ху Яобан начал обзор с критического анализа американской и советской внешней политики и перечня требований, обязательных для выполнения и США, и Советским Союзом, если те хотели бы продемонстрировать свою добрую волю. Неспособность решить тайваньскую проблему означала, что «туча легла на весь комплекс отношений» Китая с Соединенными Штатами. Отношения станут «бурно развиваться», только если Соединенные Штаты прекратят вмешиваться в то, что Китай рассматривает как свои сугубо внутренние дела. Ху Яобан одновременно с высокомерием отметил: «Мы заметили, что советские руководители не раз высказывали желание улучшить отношения с Китаем. Но важны дела, а не слова»[568].

Со своей стороны Китай укреплял позиции в «третьем мире», выступая отдельно, а в ряде случаев и против обеих сверхдержав: «Главными силами, угрожающими мирному сосуществованию между странами сейчас, являются империализм, гегемонизм и колониализм. ...Самой главной задачей народов мира сегодня является борьба с гегемонизмом и защита мира во всем мире»[569].

Фактически Китай высказал претензию на уникальный моральный статус крупнейшей из «нейтральных» держав, стоящей над соперничеством сверхдержав:

«Мы всегда твердо выступали против гонки вооружений между сверхдержавами, за запрещение использования ядерного оружия и за его полное уничтожение, требовали от сверхдержав первыми значительно сократить свои арсеналы ядерных и обычных вооружений...

Китай считает своим священным интернациональным долгом решительно бороться с империализмом, гегемонизмом и колониализмом совместно с другими странами “третьего мира”»[570].

Перед нами образец традиционной китайской внешней политики, преподносимый на партийном съезде: опора на собственные силы, моральная беспристрастность и превосходство вкупе с обязательством нейтрализовывать все намерения сверхдержав.

В направленной в 1984 году Государственным департаментом президенту Рейгану памятной записке объяснялось, что Китай позиционирует себя «как страну, поддерживающую [американское] военное наращивание против советского экспансионизма, но и выступающую против соперничества сверхдержав, которое он считал главной причиной глобальной напряженности. В результате Китай может преследовать стратегические интересы, созвучные интересам США, но одновременно укреплять свои отношения с тем, что он считает поднимающимся блоком стран “третьего мира”»[571].

В 1985 году в докладе ЦРУ Китай характеризовался как «пытающийся маневрировать в треугольнике»: стали поощряться более тесные связи с Советским Союзом, осуществлявшиеся во время ряда встреч на высоком уровне, в ходе протокольных обменов между коммунистическими партиями и с частотой, ранее не встречавшейся со времени китайско-советского раскола. В этом анализе отмечалось, что китайские руководители возобновили обращение к своим советским партнерам как к «товарищам» и вновь стали называть Советский Союз «социалистической» (в противоположность прежнему названию «ревизионистской») страной. Высокопоставленные китайские и советские официальные лица проводили значимые консультации по вопросу контроля над вооружениями — немыслимая вещь в предыдущие 20 лет, — а во время недельного визита в 1985 году китайского заместителя премьера Яо Илиня в Москву обе стороны подписали знаковое соглашение о двусторонней торговле и экономическом сотрудничестве[572].

Представление о накладывающихся друг на друга кругах более или менее соответствовало тому, что Мао Цзэдун продвигал к концу своей жизни. Но в практическом плане сделано было мало. Понятие «третьего мира» характеризовалось тем, что входящие в него страны никак не хотели быть ассоциированы с двумя сверхдержавами. Этот статус будет утерян, если «третий мир» однозначно сместится к той или другой стороне, даже под прикрытием включения в свой состав одной из сверхдержав. На практике Китай шел к преобразованию себя в сверхдержаву, и он вел себя как таковая даже тогда, когда всего лишь начинал свои реформы. Короче говоря,

«третий мир» мог бы оказывать какое-то сильное воздействие только в случае присоединения к нему одной из сверхдержав, но тогда он по определению переставал бы быть «третьим миром». До тех пор пока Советский Союз являлся ядерной державой и отношения с ним оставались непрочными, Китай не имел никакого стимула уходить от Соединенных Штатов. (После развала Советского Союза осталось только два круга, и вопрос заключался в том, войдет ли Китай на освободившееся после Советского Союза место как противник или предпочтет сотрудничать с Соединенными Штатами.) Одним словом, китайско-американские отношения в 1980-е годы оказались в переходной стадии от отношений образца «холодной войны» к отношениям периода глобального международного порядка, создававшего новые проблемы для китайско-американского партнерства. При всем том подразумевалось, что Советский Союз остается главной угрозой безопасности.

Архитектор открытия Китая Ричард Никсон понимал мир именно таким образом. Никсон в памятной записке на имя президента Рейгана после частного визита в Китай в конце 1982 года писал:

«Я полагаю, в наших интересах поощрять китайцев играть бóльшую роль в «третьем мире». Чем они будут успешнее, тем менее успешным будет Советский Союз...

Главное, что нас объединило в 1972 году, — общая озабоченность по поводу угрозы советской агрессии. И поскольку данная угроза сегодня гораздо сильнее, чем в 1972 году, важным фактором, способным связать нас еще теснее в следующем десятилетии, с успехом может стать наша экономическая взаимозависимость»[573].

Никсон далее настаивал на том, чтобы в следующем десятилетии Соединенные Штаты, их западные союзники и Япония работали сообща над ускорением экономического развития Китая. Он учитывал вероятность появления совершенно нового международного порядка, основанного в первую очередь на использовании китайского влияния в деле выстраивания стран «третьего мира» в антисоветскую коалицию. Но даже в никсоновских предвидениях речь не могла идти о мире, где произойдет крах Советского Союза, а Китай в течение жизни одного поколения окажется в положении, когда эко-

номическое благополучие мира будет зависеть от его экономических достижений. Или когда будет поднят вопрос о том, станут ли международные отношения снова биполярными с возвышением Китая.

Джордж Шульц, прославленный государственный секретарь Рейгана и квалифицированный экономист, предстал с совершенно иной американской концепцией концентрических кругов, в соответствии с которой китайско-американские отношения перестали ставиться в зависимость от советско-американского конфликта. Он возражал, говоря, что чрезмерный упор на исключительность Китая в противодействии советской угрозе создавала ему излишнее преимущество в переговорном процессе[574]. Отношения с ним должны строиться на основе строгой взаимности. В такой дипломатии Китаю пришлось бы играть свою роль ради собственных национальных мотивировок. Добрая воля Китая должна происходить от общих проектов, представляющих совместный интерес. Цели китайской политики должны разрабатываться в соответствии с совместными интересами. Одновременно Соединенные Штаты будут стремиться придать новую жизненную силу альянсу с Японией, которой Мао Цзэдун несколькими годами ранее просил американских официальных лиц «уделить побольше времени» — стране с аналогичным демократическим строем, а ныне, за десятилетия ускоренного развития в период после Второй мировой войны, ставшей крупной глобальной мировой державой. (Десятилетия экономических неурядиц заслонили тот факт, что в 1980-е годы экономическая мощь Японии не только намного превзошла китайскую, но и, по мнению многих экспертов, приближалась к тому, чтобы обогнать американскую.) Этим отношениям новый фундамент придали личные товарищеские отношения между Рейганом и премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ — или, как стали называть это в СМИ, «шоу Рона и Ясу».

И Соединенные Штаты, и Китай стали отходить от прежнего построения, когда они видели себя в качестве стратегических партнеров, сталкивающихся с общей жизненной угрозой. Теперь же с уменьшением советской угрозы Китай и Соединенные Штаты стали фактически партнерами по интересам в отдельных вопросах.

Во время пребывания Рейгана у власти не происходило никаких новых фундаментальных напряженностей, а унаследованные от прошлого проблемы типа тайваньской решались относительно спокойно. Рейган продемонстрировал характерную для него энергичность во время государственного визита в Китай в 1984 году: в нескольких случаях вставлял фразы из классической китайской поэзии и старинного пособия по гаданию «Ицзин», или «Книги перемен», стараясь описать отношения сотрудничества между Соединенными Штатами и Китаем. Он пытался произносить больше фраз на пекинском диалекте китайского языка, чем кто-либо из его предшественников, и даже цитировал китайские идиоматические выражения «тунли хэцзо» («всестороннее сотрудничество») и «хуцзин хухуэй» («взаимное уважение, взаимное благоприятствование») для характеристики американо-китайских отношений[575]. И тем не менее Рейгану не удалось установить такой высокий уровень тесных связей с кем-либо из китайских партнеров, какой у него сложился с Накасонэ; если на то пошло, то ни один американский президент не имел таких связей с китайскими коллегами. Во время его визита не было предложено для урегулирования каких-либо крупных проблем, а визит в целом ограничился обзором международного положения. Когда Рейган подверг критике некую неназванную «крупную державу» за концентрацию войск на границе с Китаем и угрозы в адрес соседей, то эту часть его выступления изъяли из передач китайского вещания.

К концу президентского срока Рейгана в Азии укрепилась самая спокойная за десятки лет ситуация. Полвека войн и революций в Китае, Японии, Корее, Индокитае и прибрежных районах Юго-Восточной Азии уступили место системе азиатских государств в духе Вестфальского урегулирования по примеру суверенных государств, возникших в Европе в конце Тридцатилетней войны в 1648 году. За исключением периодических провокаций со стороны обнищавшей и изолированной Северной Кореи и партизанского движения против советской оккупации в Афганистане, Азия стала теперь миром отдельных государств, имеющих собственные правительства, признанные границы и почти универсальное негласное соглашение об отказе от вмешательства во внутренние дела политических и

идеологических группировок. Проекты экспорта коммунистических революций — активно осуществлявшиеся то китайскими, то северокорейскими, то вьетнамскими поборниками — закрылись. Сохранялось равновесие между различными центрами сил, частично из-за ослабления сторон, частично из-за американских (а затем и китайских) усилий отбить охоту у некоторых желающих добиться господствующего положения. При таких обстоятельствах стала укореняться новая эра азиатских экономических реформ и процветания — эра, в XXI веке вполне способная вернуть региону историческую роль самого производительного и процветающего континента в мире.

Программа реформ Дэн Сяопина

То, что Дэн Сяопин назвал «Реформа и открытость для внешнего мира», являлось не только экономическим делом, но и духовным устремлением. Во-первых, оно включало в себя стабилизацию обстановки в обществе, находившемся на грани коллапса, и, во-вторых, поиск внутренних сил для продвижения новыми методами, не имевшими прецедента в истории коммунизма или Китая.

Унаследованная Дэн Сяопином экономическая ситуация приближалась к отчаянной. Коллективизированная сельскохозяйственная структура Китая едва поспевала за нуждами огромнейшего населения. Потребление продовольствия на душу населения находилось примерно на уровне начального периода прихода к власти Мао Цзэдуна. Говорят, будто один из китайских руководителей признался, что 100 миллионов китайских крестьян — около половины всего населения Америки в 1980 году — не имели достаточно пропитания[576]. Катастрофическими были последствия прекращения функционирования школьного образования в годы «культурной революции». В 1982 году 34% рабочей силы Китая имело только начальное школьное образование, 28% считалось «неграмотными или малограмотными»; только 0,87% китайской рабочей силы имело среднетехническое образование[577]. Дэн Сяопин требовал за короткий период добиться ускоренного экономическо-

го роста, но сталкивался с проблемой того, как преобразовать необразованную, изолированную и по-прежнему в большинстве своем обедневшую массу населения в рабочую силу, способную взять на себя производительную и конкурентную роль в мировой экономике и выдержать периодические перегрузки.

Традиционные инструменты, доступные тем, кто проводит реформу, сами собой представляли проблему. Настойчивые призывы Дэн Сяопина к модернизации Китая путем открытия для внешнего мира относились к той же серии усилий, затруднявших действия реформаторов с первых попыток осуществления реформ во второй половине XIX века. Тогда препятствием являлось нежелание отказаться от образа жизни, ассоциируемого китайцами с тем, что как раз определяло особую сущность Китая. Сейчас же речь шла о том, как преодолеть практику, с которой действовали все коммунистические общества, сохраняя философские принципы, на чьих основаниях строилась общность социума со времен Мао Цзэдуна.

В начале 1980-х годов централизованное планирование оставалось действующим способом всех коммунистических обществ. Их неудачи были очевидны, но лечение оказалось трудным. На стадии развития того времени все коммунистические стимулы оказались неработающими, воспроизводя застойные явления и не поощряя инициативу. В экономиках с централизованным планированием товары и услуги распределялись чиновничьим решением. В течение определенного периода времени установленные административным распоряжением цены теряли свою связь с себестоимостью. Ценовая система становилась средством извлечения средств у населения и определения политических приоритетов. По мере ослабления террора, с чьей помощью и установили эту власть, цены превращались в форму дотаций и становились способом завоевания народной поддержки в пользу коммунистической партии.

Оказалось, что и при коммунизме трудно отменить экономические законы. Кто-то должен платить за реальную стоимость. Наказанием за централизованное планирование и систему дотаций при ценообразовании стали плохое управление, недостаток инноваций и сверхзанятость — другими словами, стагнация и падение дохода на душу населения.

Более того, централизованное планирование давало мало стимулов для повышения качества и нововведений. Поскольку все, что произведет директор, будет закуплено соответствующим министерством, качество не принималось в расчет. Инновации на деле не поощрялись, ведь из-за них нарушалась вся система планирования.

Отсутствие рынков, способных балансировать приоритеты, вынуждало плановика делать фактически произвольные расчеты. В результате необходимые товары не производились, а выпускавшиеся товары не имели спроса.

Важнее всего оказывалось то, что вместо создания бесклассового общества в государствах с централизованным планированием начинало процветать классовое расслоение общества. Там, где товары распределяются, а не приобретаются, главными наградами становились привилегии по службе: спецмагазины, больницы, возможности получения образования кадровыми работниками. Огромная власть при принятии решения в руках чиновников неизбежно вела к коррупции. Работа, образование и большинство льгот зависели в той или иной степени от личных взаимоотношений. По иронии истории коммунизм, пропагандирующий себя как строй, ведущий к бесклассовому обществу, страдал тем, что готовил привилегированный класс масштаба феодального строя. Была доказана невозможность управления современной экономикой при помощи централизованного планирования, но ни одно коммунистическое государство не управлялось без централизованного планирования.

Реформа и открытость для внешнего мира Дэн Сяопина предназначались для преодоления этой имманентной китайскому обществу того времени стагнации. Он и его соратники взяли на вооружение рыночную экономику, отказались от принятия решения в центре и пошли на открытие Китая для внешнего мира — беспрецедентные перемены! Они основывали свою революцию на освобождении талантов китайского народа, чья природная экономическая жизнестойкость и предпринимательский дух долгое время сдерживались войной, идеологическими догмами и суровой критикой частных инвестиций.

Дэн Сяопин опирался на двоих главных соратников по реформам — Ху Яобана и Чжао Цзыяна, хотя позже он разо-

шелся с ними обоими, когда они попытались привнести принципы экономических реформ в политическую жизнь.

Ху Яобан, один из самых молодых участников Великого похода, появился в качестве протеже Дэн Сяопина, а позже пострадал вместе с Дэном в «культурной революции». Когда Дэн вернулся к власти, он поднял Ху Яобана на самый высокий руководящий пост в коммунистической партии, назначив его генеральным секретарем партии. Во время пребывания на этом посту Ху Яобан ассоциировался со сравнительно либеральными взглядами на политические и экономические вопросы. В открытой манере он постоянно расширял пределы того, что его партия и общество были готовы принять. Будучи первым лидером коммунистической партии, регулярно появлявшимся в костюмах западного образца, он же вызвал противоречивые отклики на свое предложение китайцам отказаться от палочек и перейти на использование ножей и вилок[578].

Чжао Цзыян, назначенный премьером в 1980 году и генеральным секретарем коммунистической партии в январе 1987 года, выступил инициатором деколлективизации в сельском хозяйстве, когда он занимал пост секретаря парткома провинции Сычуань. Его успехи в значительном повышении уровня жизни принесли ему одобрение сельского населения, так обыгравшего его фамилию (*Чжао* созвучно китайскому слову «искать»): «Если хочешь есть, ищи (Чжао) Цзыяна». Как и Ху Яобан, он не был ортодоксом в политике. Дэн Сяопин сместил Чжао Цзыяна с поста генерального секретаря в разгар тяньаньмэньских событий.

Главной мотивацией в действиях Дэна и его коллег более всего выступало отрицание «культурной революции». Все управлявшие страной руководители пережили позор, а многие из них и физические издевательства. Опыт «культурной революции» постоянно упоминался в беседах китайских руководителей. У меня состоялся грустный разговор с Дэн Сяопином в сентябре 1982 года, когда я находился в Китае с частным визитом:

«КИССИНДЖЕР: Мы познакомились в апреле 1974 года, когда Вы приезжали на Шестую специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, а затем виделись на встрече с Мао, но тогда Вы не сказали ни слова.

ДЭН: Тогда, в ноябре 1974 года [в Пекине], мы только и говорили друг с другом, потому что Чжоу уже был болен и я руководил Государственным советом, а в 1975 году я возглавил работу партии и правительства. Меня только на год еще раз свалили. Когда мы возвращаемся к этому периоду истории, то находим его весьма интересным. Именно такие отступления озаряли нас. ...Наш опыт с 1979 по 1981 год доказал правоту нашей политики. Вас не было здесь три с половиной года. Замечаете ли Вы какие-то различия?

КИССИНДЖЕР: Когда я был здесь последний раз — возможно, я ошибался — у меня сложилось впечатление, будто у председателя Комиссии советников [Дэн Сяпина] много противников на высоком уровне...

ДЭН: ...Народ за рубежом часто спрашивает, а бывает ли политическая стабильность в Китае? Чтобы понять, есть ли политическая стабильность в Китае, надо посмотреть, есть ли стабильность на территории, где проживают 800 миллионов китайцев. Сегодня крестьяне очень счастливы. Происходят некоторые перемены и в городах, но их не так много, как в деревне. ...У народа сейчас больше доверия к социалистическим экономическим институтам и больше веры в партию и правительство. Это очень многое значит. До «культурной революции» партия и правительство имели высокий престиж, но его разрушили во время “культурной революции”».

У них было мало опыта, который помогал бы при осуществлении реформ. Когда я вернулся вновь в Китай в 1987 году, Чжао Цзыян дал мне предварительные объяснения к программе, готовившейся для съезда партии в октябре того года. Он подчеркнул, что Китай встал на сложный и очень долгий курс сочетания капитализма с социализмом:

«Будет поставлен один ключевой вопрос: как сбалансировать взаимоотношения между социализмом и рыночными механизмами. В докладе будет констатировано, что планирование при социализме должно включать, а не исключать использование рыночных механизмов. Со времен [Джона Мейнарда] Кейнса все страны, включая капиталистические, применяли на практике в какой-то степени правительственное вмешательство в экономическую деятельность. Примером являются Соединенные Штаты и Южная Корея. Правитель-

ства осуществляют свое регулирование или через план, или через рынок; Китай будет использовать оба метода. Предприятия смогут в полной мере использовать рыночные рычаги, а государство будет направлять экономику посредством макроэкономического регулирования. Там, где это окажется необходимым, сохранится планирование, но будущее урегулирование путем планирования станет всего лишь одним из средств и не будет рассматриваться как единственная неотъемлемая часть социализма».

При решении поставленных задач Дэн Сяопин решил двигаться не торопясь, поэтапно. Руководство, если говорить китайскими терминами, будет «переправляться через речку, нащупывая камни», намечая дальнейшие шаги на основании уже пройденного. Перманентной революции Мао Цзэдуна вместе с концепцией утопических метаморфоз фактически пришлось уйти в прошлое. Китайское руководство не позволило идеологии помешать их реформам; взамен они нашли новое определение — «строительство социализма с китайской спецификой», причем под «китайской спецификой» подразумевалось все, что приносило больше процветания Китаю.

Для продвижения такого процесса Китай приветствовал иностранные инвестиции, частично направленные в Специальные экономические зоны на побережье, где предприятиям предоставлялось больше свободы действий, а инвесторам предлагались особые условия. Поскольку в прежние времена в XIX веке в Китае негативно относились к «иностранным инвесторам» на побережье — и с учетом той примечательной роли, какую этот опыт сыграл при формировании китайской национальной идеи, — это был шаг значительной смелости. Он также показал готовность — в какой-то степени беспрецедентную — покончить с вековыми представлениями о китайской экономической самодостаточности путем присоединения к международному экономическому порядку. К 1980 году Китайская Народная Республика стала членом Международного валютного фонда и Всемирного банка, после чего иностранные займы стали поступать в страну.

Последовала систематическая децентрализация. Сельскохозяйственные народные коммуны распустили, им на смену пришли так называемые центры семейного подряда, на прак-

тике означавшие семейные фермы. Для других предприятий разработали различия по формам собственности и управления. Собственность остается в руках государства, управление в большинстве случае отдается в руки менеджеров. Соглашения между властями и управленческим аппаратом определяют функции каждой из сторон при большой свободе действий для управленцев.

Результаты этих перемен оказались впечатляющими. В период между 1978 годом — когда были объявлены первые экономические реформы — и 1984 годом доходы китайских крестьян удвоились. Частный сектор, получивший стимул за счет восстановления индивидуальной экономической инициативы, достиг около 50% внутреннего промышленного производства в экономике страны, почти полностью управлявшейся по правительственным директивам. Валовой внутренний продукт рос в среднем на 9% ежегодно на протяжении всех 1980-х годов — беспрецедентный и почти ничем не объяснимый период экономического роста, продолжающегося и на момент написания этой книги[579].

Такие достижения, несомненно, зависели от уровня компетентности тех, кому поручили проводить реформы. Это стало темой беседы с Дэн Сяопином в 1982 году. В ответ на мой вопрос, идет ли омоложение кадров в нужном направлении, Дэн ответил так:

«ДЭН: Да. Я полагаю, что могу так сказать. Но этот процесс далеко не завершился. Нам еще надо его продолжить. Проблема в сельском хозяйстве пока не решена. Нам не следует торопиться. Два года назад мы поставили на посты первой линии премьера Чжао Цзыяна и Ху Яобана. Вы, наверно, обратили внимание на то, что у нас 60% членов ЦК партии люди, которым за 60, но многим около 40 лет.

КИССИНДЖЕР: Я заметил это.

ДЭН: Но этого недостаточно. Нам надо проделать работу по возвращению старых товарищей. Именно поэтому мы создали Комиссию советников. Я сам предложил стать Председателем Комиссии советников. Это значит, что я лично хочу постепенно снять с себя все политические регалии и занять положение советника.

КИССИНДЖЕР: Я заметил, что ряд коллег, хотя по воз-

расту старше Председателя, однако не входят в Комиссию советников.

ДЭН: Это потому, что наша партия очень старая. Необходимо сохранять некоторых старых людей на первой линии в руководстве. Но эта проблема будет постепенно решена.

КИССИНДЖЕР: Мне объясняли проблему «культурной революции» тем, что многие стали кадровыми работниками, не имея такого высокого уровня образования, как было раньше. Это действительно проблема, и если так, то сможете ли вы как-то ее решить?

ДЭН: Да. Наш критерий выбора кадров на ответственные посты таков: они должны быть революционерами. Они должны быть молодыми. Лучше образованными. Профессионально компетентными. Как я говорил, XII съезд партии продемонстрировал не только продолжение новой политики, но и обеспечил преемственность кадров и кадровой политики».

Спустя пять лет Дэн Сяопина по-прежнему волновала проблема омоложения партии. В сентябре 1987 года он сообщил мне, что собирается сказать на запланированном на октябрь очередном съезде партии. Загорелый, отдохнувший, в свои 83 года демонстрирующий сохранившуюся жизненную энергию, Дэн Сяопин рассказал о своем желании назвать предстоящий съезд «Съездом реформы и открытия для внешнего мира». Чжао Цзыян получит ключевой пост генерального секретаря коммунистической партии и сменит Ху Яобана. Нужно будет в связи с этим выбрать нового премьера. Ху Яобан «совершил некоторые ошибки», как сказал Дэн, предположительно позволив зайти далеко студенческим протестам в 1986 году, но он останется в Политбюро (в отличие от прежних времен, когда снятые с высоких постов лица отстранялись также в целом от участия в политической жизни). Ни один из членов Постоянного комитета (исполнительный орган коммунистической партии) не сохранит два поста одновременно, что позволит ускорить передачу руководства новому поколению высокопоставленных лиц. Остальные «пожилые люди» уйдут в отставку.

Дэн, как он сам объяснил, перейдет от экономических к политическим структурным реформам. Это будет намного сложнее, чем проводить экономическую реформу, поскольку

«будут вовлечены интересы миллионов людей». Разделение труда между коммунистической партией и правительством изменится. Многим членам партии придется сменить работу, когда профессиональные управленцы станут секретарями парткомов.

Но где проходила грань, разделяющая политическое руководство и административную работу? Дэн Сяопин ответил, что идеологические вопросы останутся за партией, а практические дела — за управленцами. На просьбу привести пример Дэн отметил: поворот к союзу в сторону Советского Союза будет однозначно идеологическим вопросом. Из моих многочисленных бесед с ним я пришел к выводу, что данный аспект не будет частой темой бесед. По дальнейшим размышлениям я задавался вопросом: начав обсуждать такую ранее немыслимую концепцию, не давал ли Дэн Сяопин тем самым понять, что Китай решал «за» и «против» возврата к большей свободе дипломатического маневра.

Предложения Дэн Сяопина в политическом плане не имели прецедента в опыте коммунистических стран. Как он планировал предложить на съезде, коммунистическая партия сохраняет общую руководящую роль в экономике и политической структуре страны. Но постепенно она отойдет от прежних позиций осуществления контроля над конкретными вопросами повседневной жизни Китая. Дэн утверждал, что широкие реформы будут проводиться «в организованном порядке». Китай сейчас сохраняет стабильность и «должен оставаться таким, если хочет продолжать развиваться». Его правительство и народ «помнят хаос «культурной революции» и никогда не допустят его возврата. Реформы в Китае «не имеют прецедента», это будет неизбежно означать, что «могут быть совершены какие-то ошибки». По его словам, огромное большинство народа поддерживает текущие реформы, но для их успеха потребуется «смелость» и «осторожность».

Глава 15

ПЛОЩАДЬ ТЯНЬАНЬМЭНЬ

Как оказалось, это не были абстрактные рассуждения: Дэн Сяопин вскоре будет вынужден столкнуться с напряженностью, как бы вытекавшей из его программы «упорядоченных» реформ. Пока почти во всем мире удивлялись высоким темпам экономического роста Китая, а десятки тысяч студентов направлялись на учебу за границу, менялись стандарты жизни внутри страны, появились примечательные признаки новых подводных течений, вырывавшиеся на поверхность.

На ранних стадиях осуществления реформы имело место слияние проблем планирования с проблемами рынка. Попытка заставить цены отражать себестоимость неизбежно вела к росту цен, по крайней мере кратковременному. Реформа цен вызывала ажиотаж в стремлении приобрести товар до его дальнейшего подорожания, создавая порочный круг затоваривания и растущей инфляции.

В сентябре 1987 года Чжао Цзыян определил поворот к опоре на рыночные рычаги для примерно половины ВВП. Помимо технических экономических вопросов, это требовало значительных преобразований командной системы. Предстояло сделать бóльший упор, как и в европейских странах, на непрямом контроле за экономикой через поступление денежной массы, вмешательство с целью недопущения депрессии. Многие центральные организации в Китае следовало упразднить, а функции иных изменить. Для реализации этого процесса было приказано провести переаттестацию членов партии

и оптимизацию бюрократического аппарата. Поскольку это затронуло 30 миллионов человек и проводилось теми же людьми, чью деятельность предполагалось изменить, возникло множество проблем.

Относительная успешность в проведении экономической реформы вела к созданию очагов, ставших впоследствии центрами недовольства. А правительство столкнулось с падением доверия к нему со стороны политических кадровых работников, чьим должностям угрожала реализация реформы.

Применение системы двух видов цен открывало простор для коррупции и семейственности. Поворот к рыночной экономике на деле увеличил возможности для коррупции, по крайней мере в переходный период. Сосуществование двух экономических секторов — сокращающегося, но все еще очень мощного общественного сектора и растущей рыночной экономики — стало причиной появления двух видов цен. Беспринципные чиновники и предприниматели, таким образом, могли перемещать товары между двумя секторами с целью личного обогащения. Часть дохода в частном секторе в Китае, несомненно, являлась результатом взяточничества и семейственности.

Непотизм — в любом случае особая проблема в такой ориентированной на семью культуре, как китайская. Во времена беспорядков китайцы обращались к своим семьям. Во всех китайских обществах — что в материковом Китае, что на Тайване, в Сингапуре или Гонконге — главным является опора на членов семьи, которые, в свою очередь, получают выгоду путями, определенными семейными критериями, а не какими-то абстрактными рыночными силами.

Рынок сам по себе вызывал недовольство. Рыночная экономика со временем увеличивает общее благосостояние, но суть конкуренции состоит в том, что кто-то побеждает, а кто-то терпит поражение. На ранних стадиях рыночной экономики количество победивших способно быть несоизмеримо большим. Потерпевшие поражение склонны винить «систему», а не собственный провал. И зачастую они правы.

На обывательском уровне ожидания китайцев в отношении жизненных стандартов и личных свобод от экономической реформы возросли, но в то же самое время создались напря-

женность и неравенство, которые, как полагали многие китайцы, должны были быть исправлены только благодаря установлению политической системы, более открытой и беспристрастной в плане долевого распределения. Китайское руководство все сильнее раскалывалось из-за политического и идеологического курса Китая. Пример реформ Горбачева в Советском Союзе накалял страсти в стране. Для некоторых в китайском руководстве «гласность» и «перестройка» стали опасной ересью, сродни хрущевскому отбрасыванию в сторону «сталинского меча». Для других, включая многих из молодого поколения студентов и партийных работников в Китае, горбачевские реформы показали возможную модель для собственного пути Китая.

Экономические реформы, курируемые Дэн Сяопином, Ху Яобаном и Чжао Цзыяном, изменили лицо китайской повседневной жизни. Вместе с тем возвращение феномена, ликвидированного в годы правления Мао Цзэдуна — неравенства в доходах, ярких, а подчас и провокационных одежд, открытой демонстрации предметов «роскоши», — вело к тому, что китайские кадровые работники из числа сторонников традиционализма стали жаловаться на то, что Китайская Народная Республика скатывается в ужасную «мирную эволюцию» в капитализм, когда-то и предсказанную Джоном Фостером Даллесом.

С учетом того, что китайские официальные лица и интеллигенция часто оформляли такие споры в терминах марксистских догм — типа громкой кампании против угрозы «буржуазной либерализации», — раскол в итоге вернулся к вопросу, разделившему Китай еще в XIX веке. Поворачиваясь к внешнему миру, что делает Китай: претворяет свою судьбу или всего лишь совершает моральный компромисс? В чем цель, если вообще есть таковая, учебы на примере западных общественных и политических институтов.

В 1988 году споры велись вокруг телевизионных минисериалов, казалось бы, понятных лишь немногим посвященным. В показанном по Китайскому центральному телевидению документальном фильме в шести частях под названием «Песнь о реке» использовалась метафора мутных, медленно текущих вод Хуанхэ («Желтой реки») для утверждения того, что китайская цивилизация оказалась изолированной и за-

гнивающей. Сочетая осуждение традиционной конфуцианской культуры с завуалированной критикой совсем недавних политических событий, фильм призывает Китай к обновлению путем обращения к «синему океану» внешнего мира, включая западную культуру. Серии усилили споры в общенациональном масштабе, включая дебаты на самом высоком уровне китайского правительства. Ортодоксальные коммунисты посчитали фильм «контрреволюционным» и добились его запрета, хотя и только после завершения показа[580]. Споры вокруг судьбы Китая и его взаимоотношений с Западом, периодически возникавшие на протяжении жизни нескольких поколений, возобновились снова.

Трещины в советском монолите стали проявляться в Восточной Европе в начале 1989 года, приведя к падению Берлинской стены в ноябре и в итоге к распаду самого Советского Союза. Но Китай выглядел стабильным, его отношения с остальным миром находились на самом лучшем уровне со времени победы коммунистов в 1949 году и провозглашения Китайской Народной Республики. Отношения с Соединенными Штатами отличались особенно большим прогрессом. Две страны сотрудничали в противодействии советской оккупации Афганистана, Соединенные Штаты продавали значительные объемы разных видов вооружений Китаю, торговля росла, очень часто происходили обмены от членов правительства до взаимных визитов военных кораблей.

Михаил Сергеевич Горбачев, тогда еще возглавлявший Советский Союз, планировал визит в Пекин в мае. Москва по большей части сняла три препятствия, чьих устранений требовал Пекин для нормализации китайско-советских отношений: вывод советских войск из Афганистана, отвод советских войск от границ с Китаем и вывод вьетнамских войск из Камбоджи. В Пекине намечалось проведение нескольких международных конференций — в том числе встречи в апреле совета директоров Азиатского банка развития, многосторонней организации, к которой Китай присоединился тремя годами ранее. Их встреча неожиданно стала фоном для разворачивающейся драмы.

Все началось со смерти Ху Яобана. Дэн Сяопин стоял у истоков его взлета в 1981 году на пост генерального секретаря,

высший руководящий пост в коммунистической партии. В 1986 году, когда консерваторы обвинили Ху Яобана за нерешительность во время студенческих демонстраций, его заменили на посту генерального секретаря партии на еще одного протеже Дэн Сяопина Чжао Цзыяна, оставив членом правящего Политбюро. На заседании Политбюро 8 апреля 1989 года с 73-летним Ху Яобаном случился сердечный приступ. Потрясенные коллеги привели его в чувство и отправили в больницу. Там его настиг еще один приступ, и он умер 15 апреля.

Как и в случае смерти Чжоу Эньлая в 1976 году, смерть Ху Яобана послужила поводом для траурных церемоний с политическим подтекстом. За прошедшие годы ограничения на выступления ослабли. Если пришедшие почтить память Чжоу Эньлая в 1976 году скрывали свою критику Мао Цзэдуна и Цзян Цин аллегорическими ссылками на дворцовые интриги древних династий, то выражавшие соболезнования по случаю кончины Ху Яобана в 1989 году прямо называли объекты своей критики. Атмосфера уже сильно накалилась в связи с предстоящей 70-й годовщиной Движения 4 мая, развернутой в 1919 году националистически настроенными китайцами кампанией протеста против слабости китайского правительства и против Версальского мирного договора, воспринимавшегося ими как неравноправного[581].

Почитатели Ху Яобана возложили венки и траурные стихи к Памятнику Народным Героям на площади Тяньаньмэнь, многие отдавали должное приверженности бывшего генерального секретаря политическому либерализму и призывали воплотить его дух в дальнейших реформах. Студенты в Пекине и других городах воспользовались представившейся возможностью, чтобы выразить свое недовольство по поводу коррупции, инфляции, цензуры в прессе, университетских условий, сохранения ситуации, когда партийные «старейшины» неофициально правят из-за кулис. В Пекине различные студенческие группы выдвинули семь требований, где содержалась угроза продолжать демонстрации, до тех пор пока правительство их не выполнит. Не все группы поддерживали эти требования; беспрецедентное накопление различных по своему характеру и направлению проявлений недовольства грозило беспорядками. Начавшись как демонстрация, оно

переросло в захват площади Тяньаньмэнь и в вызов власти правительства.

События развивались такими темпами, каких ни наблюдатели, ни участники не предполагали в начале месяца. К июню антиправительственные протесты различных масштабов охватили 341 город страны[582]. Протестующие захватывали поезда и школы, заблокировали главные магистрали столицы. На площади Тяньаньмэнь студенты объявили голодовку, чем привлекли внимание местных и иностранных наблюдателей, других нестуденческих групп, которые стали присоединяться к протестующим. Китайские руководители были вынуждены отменить проведение церемонии приветствия Горбачева на площади Тяньаньмэнь. Как ни унизительно, но власти провели ее без особой помпы в пекинском аэропорту без присутствия публики. В некоторых сообщениях проскальзывали упоминания о том, что части НОАК отказывались выполнять приказы о направлении в столицу для подавления демонстрантов, а также что правительственные служащие шли на демонстрации на улицу вместе с протестующими. Политическая проблема усугублялась событиями, разворачивавшимися на дальнем западе Китая, где тибетцы и представители уйгурского национального меньшинства Китая начали вести агитацию, ставя их собственные культурные вопросы (в случае с уйгурами утверждалось, что недавно изданная книга оскорбляла исламские чувства)[583].

Восстания обычно вырабатывают свои движущие силы по мере выхода развития событий из-под контроля основных исполнителей, превращающихся в персонажи пьесы, чей ход идет по совершенно незнакомому им сценарию. Протесты вызвали в памяти Дэн Сяопина исторические китайские опасения хаоса и реминисценции «культурной революции» вне зависимости от целей, какие провозгласили демонстранты. Ученый Эндрю Дж. Натан так красочно описал сложившуюся тупиковую ситуацию:

«Студенты не ставили перед собой цель бросить смертельный вызов тому, что было, по их мнению, опасным режимом. Но и режиму совсем не хотелось применять силу против студентов. Обе стороны разделяли множество общих целей, и у них во многом был общий язык. Но из-за недопонимания и

ошибочности суждений они оказались в таком положении, когда вариантов для компромисса становилось все меньше и меньше. Несколько раз решение, казалось, вот-вот будет найдено, но в последний момент что-то мешало. Сползание к катастрофе вначале казалось медленным, но затем оно ускорилось из-за углубления расхождений с обеих сторон. Зная итог противостояния, мы читаем о том, что происходило, с чувством ужаса, возникающим от подлинной трагедии»[584].

В данной книге не ставится задача проанализировать события, приведшие к трагедии на площади Тяньаньмэнь; у каждой стороны свои восприятия в зависимости от различных, часто противоположных, точек отсчета в их участии в кризисе. Студенческие волнения начались с требований нахождения средств лечения конкретных болезней. Но захват главной площади столицы, при том, что он носил совершенно мирный характер, тоже своего рода тактика, предназначенная для демонстрации безволия правительства с целью ослабить его и заставить пойти на действия, которые поставят его в невыгодное положение.

Никто, однако, не спорит по поводу развязки сюжета. После колебаний в течение нескольких недель и демонстрации серьезного раскола в своих рядах относительно применения силы китайское руководство 4 июня нанесло решительный удар. Генерального секретаря коммунистической партии Чжао Цзыяна сняли с поста. После нескольких недель внутренних дебатов Дэн Сяопин, получив большинство в Политбюро, отдал приказ НОАК очистить площадь Тяньаньмэнь. В результате произошло суровое подавление протеста. Все транслировалось по телевидению, передавалось средствами массовой информации, чьи представители прибыли со всего мира для важной встречи между М.С. Горбачевым и китайским руководством.

Дилеммы Америки

Международная реакция оказалась резкой. Китайская Народная Республика никогда не объявляла себя демократией западного образца (а по сути, всегда отвергала такие заяв-

ления). Теперь же в мировых СМИ она выглядела деспотичным авторитарным государством, разбивающим народные устремления к правам человека. Дэн Сяопин, которому до того времени аплодировали как реформатору, подвергся критике за тиранию.

В такой атмосфере на весь комплекс китайско-американских отношений, включая установившуюся практику регулярных консультаций между двумя странами, обрушился удар со стороны политических кругов широкого спектра. Традиционные консерваторы теперь находили оправдание своим убеждениям относительно того, что Китай под руководством коммунистической партии никогда не сможет быть надежным партнером. Негодовали и активисты в борьбе за права человека. Либералы заявляли, что последствия Тяньаньмэня накладывают на Америку обязательство выполнить свою главную миссию распространения демократии.

Президент Джордж Буш-старший, только менее чем за пять месяцев до событий ставший президентом США, чувствовал себя неловко из-за санкций, чьи последствия могли сказываться длительное время. И Буш, и его советник по вопросам национальной безопасности генерал Брент Скоукрофт оба работали в администрации Никсона. Они встречались с Дэн Сяопином, когда были у власти, и помнили, как он оберегал отношения с Америкой от махинаций «банды четырех» и радел за более широкое раскрытие возможностей каждого отдельного человека. Они восхищались его экономическими реформами, но были вынуждены ставить на одну чашу свое отвращение к репрессиям, на другую — свое уважение в связи с тем, как мир изменился после его открытия Китаю. Они принимали участие в проведении внешней политики, когда каждый противник Соединенных Штатов мог рассчитывать на китайскую помощь, и когда азиатские страны боялись изолированного от всего мира Китая, и когда Советский Союз мог проводить политику прессинга в отношении Запада, не опасаясь за другие свои фланги.

Президент Буш работал в Китае в качестве главы американской Миссии связи в Пекине десятью годами ранее, в сложные и напряженные периоды времени. Буш обладал достаточным опытом, чтобы понимать: руководители, которые

прошли Великим походом, выжили в пещерах Яньани и выстояли одновременно как против Соединенных Штатов, так и против Советского Союза в 1960-е годы, не поддадутся давлению извне или угрозе изоляции. Да и какая цель преследовалась? Свергнуть правительство? Сменить его структуру и что поставить взамен? Чем мог бы завершиться процесс вмешательства, если бы его начали? И какую цену пришлось бы заплатить?

До событий на площади Тяньаньмэнь Америка знала о спорах по поводу роли ее дипломатии в продвижении демократии. В упрощенном виде в спорах идеалисты противостояли реалистам: идеалисты настаивали на том, что внутренние системы влияют на внешнюю политику, а посему могут законным порядком становиться предметом действий дипломатии; реалисты же считают такую постановку вопроса выходящей за рамки полномочий какой-либо страны и уверены — дипломатия должна заниматься преимущественно делами внешней политики. На одной чаше весов лежали абсолютные ценности моральных установок, на другой — то, что остается в балансе интересов за вычетом внешней политики. Различия на деле гораздо тоньше. Когда идеалисты стараются применить свои ценности, им приходится учитывать мир специфических обстоятельств. Мыслящие реалисты понимают, что ценности являются важной составной частью реальности. Когда решения принимаются, различия редко носят абсолютный характер. Очень часто вопрос сводится к нюансам.

Когда речь шла о Китае, вопрос состоял не в том, что Америка предпочитает, чтобы побеждали демократические ценности. В большинстве своем американская общественность ответила бы положительно, как и все участники дебатов по китайской политике. Вопрос состоял в том, какую цену приходится платить в конкретных условиях и на какой период времени, в каком качестве они выступают при любых обстоятельствах, пытаясь получить желательный для них результат.

В ходе публичных дебатов проявились два основных направления в политике применительно тактики поведения в отношении авторитарных режимов. Одни призывали к конфронтации, требуя от Соединенных Штатов давать отпор недемократическому поведению или нарушениям прав человека,

отказывая в любых выгодах, которые могла бы предоставлять Америка, чего бы это ни стоило Америке. Эта группа в порядке ультиматума настаивала на смене преступных режимов. В случае с Китаем они настаивали на однозначном шаге в сторону демократии как на условии получения взаимных выгод[585].

Другая группа придерживалась противоположных взглядов, считая, что прогресс в деле прав человека обычно лучше достигается политикой вовлеченности. Стоит однажды установить достаточную степень доверия, и тогда изменения в гражданской практике можно отстаивать во имя общих целей или по крайней мере общих интересов.

Какой метод больше походит, частично зависит от обстоятельств. Иногда нарушения прав человека такие вопиющие, что уже невозможно думать о выгодах продолжения отношений. Примером могут быть красные кхмеры в Камбодже, геноцид в Руанде. С учетом того, что общественное давление больше склоняется либо к смене режима, либо к сложению полномочий в какой-то форме, такой подход трудно применим к странам, продолжение отношений с которыми важно для безопасности Америки. А отношения с Китаем отличались особой специфичностью: страна очень хорошо помнила унизительное вмешательство западных обществ.

Китай всегда будет крупным фактором мировой политики, невзирая на любые немедленные последствия тяньаньмэньского кризиса. Если бы руководству удалось консолидировать свои силы, Китай продолжил бы экономические реформы и становился бы все более мощным. Америке и миру предстояло решить: идти ли на восстановление отношений сотрудничества с нарождающейся великой державой или же постараться изолировать Китай, тем самым вынуждая его подгонять свою внутреннюю политику под американские ценности. Изоляция Китая привела бы к продолжительному периоду конфронтации с обществом, которое не сдалось, когда его единственный источник помощи извне — Советский Союз — отказал в помощи в 1959 году. Администрация Буша, находившаяся у власти всего несколько месяцев, все еще действовала в духе логики «холодной войны», когда Китай был нужен для противовеса Советскому Союзу. Но по мере уменьшения со-

ветской угрозы Китай вдруг оказывается в значительно укрепившейся позиции, позволяющей ему действовать в одиночку, поскольку боязнь Советского Союза, толкнувшая Китай и Соединенные Штаты друг к другу, ослабела.

Объективно существовали определенные лимиты американского воздействия на внутренние институты Китая независимо от поставленных целей — изоляции или вовлечения. Разве мы обладали знаниями, при помощи которых мы могли бы формировать внутренее развитие страны с такими размерами, населением и сложностью, как в Китае? Был ли риск того, что с падением центральной власти в стране не разразятся гражданские войны, которые будут по меньшей мере осложнены иностранными интервенциями по типу тех, что имели место в XIX веке?

После событий на площади Тяньаньмэнь президент Буш оказался в щекотливом положении. Как бывший глава Миссии связи Соединенных Штатов в Пекине он понимал чувствительность китайцев к вероятности иностранного вмешательства. Но, пройдя длинный путь в американской политике, он четко понимал и внутренние американские политические реалии. Он ясно осознавал мнение большинства американцев, считавших, что китайская политика Вашингтона должна стремиться — как Нэнси Пелоси, в то время представитель демократического меньшинства от штата Калифорния, охарактеризовала это — «послать четкий принципиальный знак возмущения руководителям в Пекин»[586]. Но Бушу было также известно и то, что отношения Соединенных Штатов с Китаем работали на благо жизненных интересов Америки вне зависимости от системы правления Китайской Народной Республики. Он не очень-то хотел враждовать с правительством, сотрудничавшим с Соединенными Штатами в течение почти двух десятилетий по самым наиболее основополагающим вопросам безопасности в мире «холодной войны». Вот как он писал позднее: «Этот, несомненно, гордый, древний и интравертный народ расценивал иностранную критику (со стороны людей, которых они по-прежнему считают «варварами» и необразованными по китайским меркам колонизаторами) как унижение, а меры, предпринятые против них, как возвращение к насилию прошлого»[587].

Оказавшись под давлением как справа, так и слева, с требованием принятия более сильных мер, Буш рассуждал так: «Когда речь идет о правах человека или политических реформах, мы не можем реагировать по-иному: но мы можем ясно дать понять путем поощрения их тяги к прогрессу (что было продемонстрировано в больших масштабах за время после смерти Мао), а не развязыванием бесконечного вала критики. ...Для меня стоял только один вопрос: как осудить то, что, на наш взгляд, было неправильно, и реагировать соответствующим образом, оставаясь связанными с Китаем, даже если отношения сейчас должны быть в режиме «ожидания»[588]?

Буш прошел напряженный период умело и с большим изяществом. Когда конгресс наложил на Пекин штрафные санкции, он сумел несколько смягчить некоторые острые моменты. В то же самое время он отложил межправительственные обмены на высоком уровне 5 и 20 июня, стремясь подчеркнуть свои убеждения. Кроме того, было приостановлено сотрудничество в военной области и поставки оборудования полицейского, военного и двойного назначения; было также объявлено о возражении против предоставления кредитов Китайской Народной Республике Всемирным банком и другими международными финансовыми организациями. Американские санкции скоординировались с аналогичными шагами, предпринятыми Европейским сообществом, Японией, Австралией и Новой Зеландией, вместе с выражениями сожаления и осуждения со стороны правительств по всему миру. Отражая нажим со стороны общественности, конгресс пошел даже на более сильные меры, включая санкции законодательного характера (их снять гораздо сложнее, чем правительственные санкции, наложенные президентом в пределах компетенции главы исполнительной власти), и принял закон, автоматически продлевающий визы китайским студентам, находящимся на обучении в Соединенных Штатах[589].

Американское и китайское правительства, действовавшие фактически как союзники на протяжении почти 10 лет, стали дрейфовать в разные стороны с чувством обиды и взаимными обвинениями, накапливавшимися с обеих сторон в отсутствие контактов на высоком уровне. Полный решимости не допус-

тить разрыва, который потом трудно будет восстановить, Буш решил воспользоваться своими давними отношениями с Дэн Сяопином. 21 июня он написал большое личное послание, обратившись к Дэну «как к другу» и обойдя бюрократические проволочки и собственный запрет на обмены на высшем уровне[590]. Совершив весьма мудрый дипломатический поступок, Буш выразил свое «огромное восхищение китайской историей, культурой и традициями» и избегал любых выражений, которые могли бы быть интерпретированы как указание Дэн Сяопину по поводу того, как управлять Китаем. Одновременно Буш призвал высшего руководителя Китая понять охватившее Соединенные Штаты возмущение как естественное проявление американского идеализма:

«Прошу Вас также помнить принципы, на чьих основаниях создавалась моя молодая страна. Этими принципами являются демократия и свобода — свобода речи, свобода собраний, свобода от власти деспотизма. Именно глубокое уважение этих принципов влияет на американские взгляды и реакцию на события в других странах. Это нельзя рассматривать как проявление высокомерия или желания заставить других перейти в нашу веру, мы просто верим в вечные ценности этих принципов и их универсальность»[591].

Буш высказался в том плане, что он вынужден действовать в рамках сложившейся внутриполитической обстановки:

«Пусть историки потом сами оценят все события, но возвращаюсь вновь к сказанному: люди всего мира собственными глазами увидели массовые волнения и кровопролитие, которым кончились демонстрации. В разных странах реагировали на это по-разному. Нельзя было избежать действий, которые я, как президент Соединенных Штатов, предпринял, руководствуясь описанными выше принципами»[592].

Буш призвал Дэн Сяопина проявить сострадание, потому что это произведет впечатление на американскую общественность и, несомненно, даст свободу маневра самого Буша:

«Любое заявление со стороны Китая, вытекающее из первоначальных заявлений о мирном разрешении дальнейших разногласий с протестующими, будет горячо приветствоваться здесь. Весь мир станет аплодировать милосердию, проявленному к студенческим демонстрантам»[593].

Для изучения этих идей Буш предложил направить высокопоставленного представителя в Пекин «с совершенно секретной миссией» «для разговора с Вами со всей откровенностью о моих искренних убеждениях в этих вопросах». Хотя Буш не побоялся высказаться о расхождениях по поводу будущего развития двух стран, он закончил послание призывом к продолжению существующего сотрудничества: «Мы не можем позволить последствиям недавних трагических событий подорвать здоровые отношения, терпеливо создававшиеся на протяжении последних 17 лет»[594].

Дэн Сяопин ответил на попытку Буша восстановить взаимопонимание на следующий же день, приветствуя приезд американского представителя в Пекин. Направление Бушем 1 июля, то есть через три недели после применения силы на площади Тяньаньмэнь, советника по вопросам национальной безопасности Брента Скоукрофта и заместителя государственного секретаря Лоуренса Иглбергера в Пекин свидетельствовало о степени важности, которую придавал Буш отношениям с Китаем и о его доверии Дэн Сяопину. Поездка сохранялась в строгой тайне, о ней знали только несколько высокопоставленных лиц в Вашингтоне и посол Джеймс Лилли, отозванный из Пекина для личной консультации о предстоящем визите[595]. Скоукрофт и Иглбергер прилетели в Пекин на военно-транспортном самолете С-141 без опознавательных знаков. Сведения об их прибытии держались в таком секрете, что китайские ВВС якобы запросили Председателя КНР Ян Шанкуня на предмет, сбивать или не сбивать таинственный самолет[596]. Самолет был оборудован дозаправкой в воздухе, чтобы не делать остановку по пути следования, и имел собственные средства связи непосредственно с Белым домом. На встречах и банкетах не выставлялись флаги, о визите не сообщалось в прессе.

Скоукрофт и Иглбергер встретились с Дэн Сяопином, премьером Ли Пэном и министром иностранных дел Цянь Цичэнем. Дэн высоко отозвался о Буше и высказал ответные пожелания дружбы, однако возложил вину за создавшуюся напряженность в отношениях на Соединенные Штаты:

«Это было событие, изменившее судьбы многих людей, и очень жаль, что Соединенные Штаты оказались так глубоко

вовлечены в него. ...Мы чувствовали с самого начала этих событий, еще более двух месяцев назад, что внешняя политика США в ее некоторых аспектах загоняет Китай в угол. Так мы чувствовали себя здесь... потому что целью контрреволюционного восстания становилось свержение Китайской Народной Республики и нашего социалистического строя. Если бы им это удалось, мир кардинально изменился бы. Честно говоря, это могло бы привести к войне»[597].

Имел ли он в виду гражданскую войну, войну недовольных или соседей, стремящихся к реваншу, или и тех и других? «Китайско-американские отношения, — предупредил Дэн, — находятся в очень деликатном состоянии, можно даже сказать, в опасном состоянии». Он утверждал, что американская политика с ее угрозами наказания «вела к разрыву отношений», хотя он выражал надежду на то, что их удастся сохранить[598]. Затем, вновь прибегнув к традиционному приему выражения демонстративной непокорности, Дэн Сяопин начал пространно рассуждать о неприятии Китаем давления извне, уникальной решимости и закаленности в боях его руководства. Как говорил Дэн американским посланникам, «нам не страшны санкции, мы их не боимся»[599]. Американцам, по его словам, «надо понять историю»:

«Мы добились победы, образовав Китайскую Народную Республику, участвуя в войне, длившейся 22 года и обошедшейся нам более чем в 20 миллионов человеческих жизней, в войне, которую вел китайский народ под руководством коммунистической партии. ...Не существует силы, способной заменить Китайскую Народную Республику, представленную коммунистической партией Китая. Это не пустые слова. Все это доказано испытаниями и опытом последних нескольких десятилетий»[600].

Именно Соединенные Штаты, как подчеркнул Дэн, должны предпринять меры для улучшения отношений, приведя в пример китайскую поговорку: «Развязывать узел должен тот, кто его завязал»[601]. Что касается Пекина, то, как торжественно заявил Дэн, он не будет колебаться с «наказанием зачинщиков восстания», «иначе как же может продолжать существовать КНР?»[602]

Скоукрофт в своем ответе подчеркнул темы, особо выделенные в послании Буша Дэн Сяопину. Тесные связи между

Соединенными Штатами и Китаем отражали стратегические и экономические интересы обеих стран. Однако установились также и тесные контакты между обществами «с двумя разными культурами, историей и принципами». Пекин и Вашингтон сейчас живут в мире, где китайская внутренняя политика, передачи телевидения могут оказывать глубокое воздействие на общественное мнение в Америке.

Такая реакция США, как заявил Скоукрофт, отражает глубоко укоренившиеся ценности американского общества. Эти американские ценности «отражают наши убеждения и наши традиции», являющиеся такой же частью различий между нашими обществами», как и чувствительность китайцев к иностранному вмешательству. «На что обратили внимание американцы, глядя на демонстрации (другое дело — правы они или нет)? Они воочию увидели ценности, представлявшие для американцев наиболее почитаемые принципы, вытекающие из американской революции»[603].

Скоукрофт согласился, что то, как Китай поступил с демонстрантами, является «полностью внутренним делом Китая». И тем не менее «вполне очевидно», что подобное обращение вызвало негативную реакцию в американском народе, «которая действительно имеет место и с которой президенту приходится считаться». Буш верил в важность сохранения долгосрочных отношений между Соединенными Штатами и Китаем. Но он обязан уважать «чувства американского народа», требующего показать на деле неодобрение его правительства. Требуется проявление осторожности с обеих сторон для преодоления возникшего тупика[604].

Трудность состояла в том, что обе стороны были правы. Дэн Сяопину казалось, что его режим оказался в осаде. Буш и Скоукрофт расценивали события в Китае как вызов самым большим американским ценностям.

Премьер Ли Пэн и Цянь Цичэнь подчеркивали аналогичные моменты. Обе стороны разошлись, не достигнув какихлибо конкретных соглашений. Скоукрофт объяснял тупиковую ситуацию так, как обычно дипломаты объясняют отсутствие прогресса, — работа проделана хорошая, сохраняются каналы связи: «Обе стороны проявили честность и откровенность. Мы высказали наши различные точки зрения и выслу-

шали друг друга, однако следует еще поработать над наведением мостов взаимопонимания»[605].

Однако этим нельзя было ограничиться. К осени 1989 года отношения между Китаем и Соединенными Штатами находились в самой рискованной точке со времени возобновления контактов в 1971 году. Ни одно из правительств не хотело разрыва, но, казалось, ни одно не могло избежать его. Случись разрыв, могла бы возникнуть такая движущая сила, которая, как это произошло в случае китайско-советских разногласий, от цепочки споров по тактическим вопросам привела бы к стратегической конфронтации. Америка могла бы потерять гибкость в вопросах дипломатии. Китаю пришлось бы замедлить развитие экономики или, возможно, даже отказаться от этого в течение значительного периода времени с серьезными последствиями для своей внутренней стабильности. Обе страны потеряли бы возможность расширять сферы взаимного сотрудничества, количество которых намного возросло в конце 1980-х годов, и совместно работать над преодолением беспорядков, угрожающих различным частям мира.

В условиях такой напряженности я принял приглашение от китайских руководителей приехать в Пекин в ноябре того же года и получить собственные представления о случившемся. Президенту и генералу Скоукрофту доложили о планируемой мною частной поездке. До моего отъезда в Пекин Скоукрофт устроил для меня брифинг о состоянии наших отношений с Китаем — такая процедура проводилась каждый раз каждой новой администрацией благодаря долгой истории моих связей с Китаем. Скоукрофт проинформировал меня о беседах с Дэн Сяопином. Он не передал со мной каких-либо конкретных посланий, но высказал надежду на то, что, если возникнет повод, я смогу подкрепить точку зрения администрации. И, как обычно, я должен буду доложить о моих впечатлениях в Вашингтоне.

Подобно большинству американцев, меня поразило то, как завершился протест на площади Тяньаньмэнь. Но в отличие от большинства американцев я имел возможность наблюдать за геркулесовыми усилиями, предпринимаемыми Дэн Сяопином в течение 15 лет, стремясь перестроить свою страну: сподвигнуть коммунистов на то, чтобы принять децентрали-

зацию и реформу, чтобы повернуть традиционную китайскую предубежденность в отношении новинок и мира глобализации, — перспектива, от которой Китай часто отказывался. И я воочию наблюдал его настойчивые усилия, направленные на улучшение китайско-американских отношений.

На сей раз я увидел Китай, потерявший уверенность в себе по сравнению с временами моих прежних посещений этой страны. Во времена Мао Цзэдуна китайские руководители в лице Чжоу Эньлая действовали с уверенностью в себе, почерпнутой из идеологии, и суждением относительно международных дел, проверенным исторической памятью предшествующих тысячелетий. Китай периода раннего Дэн Сяопина демонстрировал почти наивную веру в то, что всепроникающая память страданий «культурной революции» укажет путь к экономическому и политическому прогрессу, основанному на индивидуальной инициативе. Но за десятилетие с того времени, когда Дэн провозгласил свою программу реформы в 1978 году, Китай пережил, наряду с восторгами первых успехов, и некоторые негативные моменты. Отход от централизованного планирования к более децентрализованной системе принятия решений, как оказалось, нес постоянную угрозу с двух сторон: сопротивление со стороны окопавшейся бюрократии, весьма заинтересованной в сохранении статус-кво, и давление со стороны нетерпеливых реформаторов, считавших, что процесс идет слишком медленно. Децентрализация экономики вела к требованиям плюрализма при принятии политических решений. В этом смысле китайские волнения отражали неразрешимые дилеммы реформ коммунизма.

В случае с тяньаньмэньскими событиями китайские руководители сделали выбор в пользу политической стабильности. Они повели себя очень нерешительно после полутора месяцев внутренних противоречий. Я не услышал эмоциональных оправданий событий 4 июня, их расценивали как несчастный случай, свалившийся словно бы ниоткуда. Китайские руководители, пораженные реакцией внешнего мира и своими собственными расхождениями, были озабочены восстановлением своих международных позиций. Даже прибегая к традиционным уловкам в стремлении загнать иностранца в угол, мои собеседники оказались действительно в трудном положе-

нии. Они не могли понять, почему Соединенные Штаты так обиделись из-за события, которое не несло никакого материального вреда американским интересам и которое не должно было, по мнению Китая, иметь какую-либо силу за пределами его территории. Объяснения относительно исторической приверженности американцев правам человека отвергались, в ответ говорилось, что это либо один из способов западного «подстрекательства», либо признак необоснованной праведности страны, у которой были собственные проблемы с правами человека.

Во время наших бесед китайские руководители преследовали свою главную стратегическую цель — восстановить рабочие отношения с Соединенными Штатами. В каком-то смысле разговор шел в ключе первых встреч с Чжоу Эньлаем. Найдут ли два общества путь к сотрудничеству? И если найдут, то на какой основе? Только на сей раз роли поменялись. На первых встречах китайские руководители подчеркивали своеобразие в коммунистической идеологии. Сейчас же они искали рациональную основу для совпадающих взглядов.

Дэн Сяопин определил главную тему беседы — во всем мире, в значительной степени зависящей от порядка в Китае:

«Хаос приходит однажды очень легко. Но поддерживать порядок и спокойствие не так легко. Если бы китайское правительство не предприняло решительных шагов в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь, в Китае наступила бы гражданская война. А поскольку население Китая составляет одну пятую населения земли, нестабильность в Китае вызвала бы нестабильность во всем мире, включая даже великие державы».

Толкование истории отражает память страны. А для нынешнего поколения китайских руководителей травматическим событием в китайской истории всегда оставался крах центральной власти в Китае в XIX веке, приведший к вторжению со стороны внешнего мира, превращению страны в полуколонию и к конкуренции между колониальными державами на территории страны, к гражданским войнам, принесшим жертвы на уровне, сравнимом с геноцидом, как это случилось с Тайпинским восстанием.

По словам Дэн Сяопина, стабильный Китай стремился вносить конструктивный вклад в новый международный по-

рядок. Отношения с Соединенными Штатами выступили на первый план. Дэн так сказал мне:

«Это было самым главным, что я должен втолковать моим коллегам после моего ухода на покой[606]. Прежде всего, освободившись из тюрьмы, я посвятил все свое внимание дальнейшему развитию китайско-американских отношений. Мне также очень хочется покончить с недавним прошлым, чтобы китайско-американские отношения вновь нормализовались. Надеюсь сказать моему другу президенту Бушу, что мы будем свидетелями дальнейшего развития китайско-американских отношений в течение его срока пребывания на посту президента».

Препятствие, по мнению Ли Жуйхуаня (партийного идеолога, которого аналитики относят к числу либералов), состоит в том, что «американцы полагают, будто они понимают Китай лучше, чем сами китайцы». Китай никак не мог принять диктат из-за границы:

«С 1840 года китайский народ подвергался издевательствам со стороны иностранцев: тогда это было полуколониальное общество. ...Мао боролся всю свою жизнь, чтобы заявить, что Китай будет относиться дружественно к тем странам, которые обращаются с нами как с равными. В 1949 году Мао сказал: «Китайский народ поднялся». Под словом «поднялся» он имел в виду, что китайский народ намерен жить на равных с другими странами. Нам не нравится, когда кто-то учит нас, что делать. А американцы имеют тенденцию учить других делать то или иное. Китайский народ не хочет выполнять чьи бы то ни было указания».

Я попытался объяснить Цянь Цичэню, заместителю премьера, отвечающему за внешнюю политику, внутреннее давление и ценности, побуждающие американцев действовать соответствующим образом. Цянь Цичэнь и слышать ничего не хотел. Китай будет действовать так, как ему нравится, опираясь на собственное понимание своих национальных интересов, которые иностранцы не могут ему навязывать:

«ЦЯНЬ: Мы стараемся поддерживать политическую и экономическую стабильность, продвигать нашу реформу и сотрудничать с внешним миром. Мы не можем действовать под давлением со стороны США. В любом случае мы движемся в том направлении.

КИССИНДЖЕР: Но именно это я и имею в виду. Коль скоро вы движетесь в таком направлении, здесь могут найтись некие предметные аспекты, которые принесли бы определенные преимущества.

ЦЯНЬ: Китай начал экономическую реформу исходя из собственных интересов, а не потому, что так хотели США».

С китайской точки зрения, международные отношения определялись национальными интересами и национальными целями. Если национальные интересы совпадали, сотрудничество оказывалось возможным и даже необходимым. Совпадению интересов не было альтернативы. Внутренние структуры никак не влияли на этот процесс — с такой постановкой вопроса мы уже сталкивались, когда обсуждали отношение к красным кхмерам. По мнению Дэн Сяопина, американо-китайские отношения процветали, когда данный принцип соблюдался:

«Когда Вы и президент Никсон надумали восстановить отношения с Китаем, Китай не только стремился к социализму, но и к коммунизму. «Банда четырех» предпочитала систему коммунистической бедности. Вы приняли тогда наш коммунизм. Поэтому нет никаких оснований не принимать китайский социализм сегодня. Ушли в прошлое те дни, когда отношения строились в зависимости от социального строя в той или иной стране. Страны с различными общественными системами сейчас вполне могут иметь дружественные отношения. У нас есть много общих интересов между Китаем и США».

Было время, когда отказ китайского руководителя от роли борца за коммунистическую идеологию приветствовался демократическим миром как доказательство благотворного процесса. Теперь же, когда преемники Мао Цзэдуна стали утверждать, будто век идеологии закончился и все стали решать национальные интересы, известные американцы вдруг стали настаивать на необходимости демократических институтов, чтобы гарантировать совпадение национальных интересов. Такое предположение — для многих американских аналитиков граничащее с символом веры — трудно иллюстрировать историческими примерами. Когда началась Первая мировая война, многие правительства в Европе (включая Англию, Францию и Германию) опирались на сугубо демократические инс-

титуты. И тем не менее Первую мировую войну — катастрофу, от которой Европа полностью никогда не оправилась, — с энтузиазмом одобрили все выборные парламенты.

Но точно так же не всегда само собой очевидным является учет национальных интересов. Национальная мощь или национальные интересы, может быть, самые сложные элементы международных отношений, чтобы их можно было точно подсчитать. Большинство войн возникает как результат сочетания неверных оценок взаимоотношений между странами и внутренних давлений в каждой из стран. В обсуждаемый нами период различные американские администрации приходили к разным решениям относительно загадки баланса между приверженностью американским политическим идеалам и стремлением к мирным и продуктивным американо-китайским отношениям. Администрация Джорджа Буша-старшего предпочла продвигать американские интересы путем вовлечения, а администрация Билла Клинтона, в первый срок своего пребывания у власти, предпочла давление. Но обеим администрациям пришлось столкнуться с такой реальностью: во внешней политике существует тенденция, когда наивысшие устремления страны имеют тенденцию быть достигнутыми только на стадиях незавершенности.

Основное направление развития общества формируется с учетом его ценностей, которые, в свою очередь, определяют его конечные цели. В то же самое время принятие пределов чьих-либо возможностей является испытанием государственной мудрости; имеется в виду умение сделать правильный выбор. Философы ответственны за свою интуицию. Государственных деятелей судят по их способности все время сохранять свои принципы.

Попытка извне вмешаться во внутренние дела страны такого размера, как Китай, почти всегда ведет к серьезным и непредсказуемым последствиям. Американское общество не должно никогда отказываться от приверженности понятию человеческого достоинства. Но важность этой приверженности отнюдь не уменьшится, если признать, что западные концепции прав человека и свободы личности, за определенный период времени укоренившиеся в политических и информационных кругах на Западе, могут и не передаваться напрямую

в другую цивилизацию, тысячелетиями признававшую иные принципы. Традиционную боязнь политического хаоса у китайцев не следует также исключать как некий фантом, как анахронизм, нуждающийся только в «коррекции» при помощи западного просвещения. Китайская история, особенно за последние два столетия, дает много примеров, где раскол политической власти — иногда начатый с большими ожиданиями получения бóльшей свободы — приводил к социальным и этническим беспорядкам. И зачастую одерживали верх самые воинственные, а не самые либеральные силы.

И точно так же страны, имеющие дела с Америкой, должны понимать, что основные ценности нашей страны включают неотъемлемую концепцию прав человека и что американские суждения никогда нельзя отделять от американского восприятия практики демократии. Нарушения демократии непременно вызывают американскую реакцию, даже ценой всего комплекса взаимоотношений. Такого рода события могут заставить американскую внешнюю политику не брать в расчет национальные интересы. Ни один американский президент не может их игнорировать, но он должен проявлять осторожность при их определении и знать о существовании принципа непредвиденных последствий. Ни один иностранный руководитель не может отбросить национальные интересы. Как их определить и как установить баланс — вот вопросы, которые предрешат природу американских отношений с Китаем и, вероятно, мир во всем мире.

Государственные деятели обеих сторон столкнулись с таким выбором в ноябре 1989 года. Дэн Сяопин, как всегда практичный, предложил предпринять усилие для выработки новой концепции международного порядка, которая ставила бы тезис о невмешательстве во внутренние дела в качестве главного принципа внешней политики: «Я полагаю, что мы должны предложить установить новый международный порядок. Мы мало сделали в продвижении нового международного экономического порядка. Поэтому сейчас нам надо работать над новым политическим порядком, который подчинялся бы пяти принципам мирного сосуществования». Одним из них являлся, разумеется, запрет на вмешательство во внутренние дела других государств[607].

За всеми этими стратегическими принципами просматривалось нечто неосязаемое определенно. Учет национальных интересов нельзя вычислить по какой-либо математической формуле. Внимание следовало обращать на национальное достоинство и самоуважение. Дэн просил меня передать Бушу свое желание прийти к соглашению с Соединенными Штатами, которые, как более мощная страна, должны сделать первый шаг[608]. Стремление начать новую фазу сотрудничества не могло обойти проблему прав человека. На вопрос Дэн Сяопина по поводу того, кто должен проявить инициативу относительно нового диалога, в итоге дал ответ сам же Дэн, начавший диалог о судьбе конкретной отдельной личности: о диссиденте по имени Фан Личжи.

Противоречие Фан Личжи

Ко времени моего визита в ноябре 1989 года диссидент-физик Фан Личжи уже стал символом раскола между Соединенными Штатами и Китаем. Фан Личжи, яркого сторонника парламентской демократии западного образца и прав личности с долгой историей борьбы на грани терпимости со стороны официальных властей, в 1957 году исключили из коммунистической партии во время кампании борьбы с правыми, а во время «культурной революции» посадили в тюрьму на год за «реакционную» деятельность. Реабилитированный после смерти Мао Цзэдуна, Фан Личжи сделал блестящую научную карьеру, одновременно выступая за увеличение политических свобод. Фан Личжи вновь подвергли критике за участие в демонстрациях в защиту демократии в 1986 году, но он продолжал распространять призывы к реформе.

Когда президент Буш посетил Китай в феврале 1989 года, Фан состоял в списке тех лиц, кого посольство США рекомендовало Белому дому включить в число приглашенных на государственный прием от имени президента в Пекине. Посольство использовало, как они полагали, прецедент визита Рейгана в Москву, когда он встречался с теми, кто объявил там себя диссидентами. Белый дом одобрил список, хотя, возможно, и не будучи в курсе того, что думают китайские власти о

Фан Личжи. Включение Фана в список приглашенных вызвало непредвиденное осложнение между Соединенными Штатами и китайским правительством уже при новой администрации Буша[609]. В конечном счете между посольством и китайским правительством была достигнута договоренность о том, что Фан Личжи посадят подальше от официальных лиц китайского правительства. Вечером в день мероприятия китайская служба безопасности остановила машину с Фан Личжи и не позволила ему добраться до места его проведения.

Хотя Фан Личжи сам лично не принимал участия в демонстрациях на площади Тяньаньмэнь, протестующие студенты симпатизировали отстаиваемым им принципам, и считалось, что Фан может стать вероятной целью репрессий со стороны правительства. Сразу же за разгоном демонстрантов 4 июня Фан Личжи и его жена попросили убежище в американском посольстве. Несколько дней спустя китайское правительство выдало ордер на арест Фана и его жены за «преступления в виде проведения контрпропаганды и подстрекательства до и после недавних беспорядков». В правительственных изданиях от Соединенных Штатов требовалось выдать «преступника, вызвавшего эти бесчинства» или получить ухудшение американо-китайских отношений[610]. В своем дневнике Буш писал: «У нас не оставалось выбора, кроме как взять его на территорию посольства, но для китайцев это было все равно что бельмо на глазу»[611].

Присутствие Фан Личжи на территории посольства сделалось источником постоянной напряженности: китайское правительство не желало позволить одному из известнейших его критиков покинуть страну, боясь его пропаганды за границей; Вашингтон не хотел возвращать ратовавшего за либеральную демократию диссидента, поскольку он непременно получил бы суровое наказание. В телеграмме в Вашингтон посол Джеймс Лилли упоминал о Фан Личжи: «Он с нами как постоянное напоминание наших связей с «буржуазным либерализмом», он осложняет наши отношения со здешним режимом. Он — живой символ нашего конфликта с Китаем по поводу прав человека»[612].

В своем послании Дэн Сяопину 21 июня Буш поднял вопрос о «деле Фан Личжи», выразив сожаление о том, что оно

стало «резонансным делом, разделившим нас». Буш защищал американское решение предоставить убежище Фан Личжи, основанное, по его словам, на «нашем и общепринятом толковании международного права», и утверждал, что «мы не можем сейчас выдворить Фан Личжи из посольства без получения заверений в том, что ему не будет угрожать физическая опасность». Буш предложил возможность урегулирования проблемы без шума, отметив, что другие правительства решали аналогичные вопросы, «тихо разрешив отъезд путем высылки»[613]. Но вопрос, как оказалось, с трудом поддавался решению, поэтому Фан Личжи и его жена оставались на территории посольства.

Во время своего брифинга, который генерал Скоукрофт устроил для меня накануне моего отъезда в Пекин, он ознакомил меня с данным делом. Он просил меня не заговаривать о нем, поскольку администрация уже сказала все, что могла сказать, но я мог отвечать на китайские инициативы в рамках существующей политики. Я последовал его совету. Я не поднимал вопрос о Фан Личжи, так же поступали и мои китайские собеседники. Во время моего прощального визита к Дэн Сяопину он неожиданно затронул эту тему после нескольких отрывочных комментариев по поводу проблем с реформой и использовал ее, намереваясь предложить пакетную сделку. Подробный отчет о соответствующем обмене мнениями поможет составить представление об атмосфере и настроениях, царивших в Пекине через полгода после Тяньаньмэня:

«ДЭН: Я разговаривал с президентом Бушем о деле Фан Личжи.

КИССИНДЖЕР: Как Вам известно, президент не знал о приглашении на прием, до тех пор пока это дело не стало достоянием гласности.

ДЭН: Он сказал мне именно так.

КИССИНДЖЕР: Коль скоро Вы затронули вопрос о Фане, я бы хотел высказать Вам одно соображение. Я ни разу не поднимал этот вопрос во время моих других бесед здесь, так как понимаю, что это весьма и весьма деликатное дело, затрагивающее достоинство Китая. Но я думаю, Ваши лучшие друзья в Америке вздохнули бы с облегчением, если бы удалось найти какой-то способ вытащить его из посольства и позволить

ему покинуть страну. Нет ни одного другого способа произвести впечатление на американскую общественность, как предоставить такую возможность, тем самым сняв возникшую вокруг него шумиху».

В этот момент Дэн Сяопин встал с кресла и отключил микрофоны между его креслом и моим в знак того, что он хотел говорить приватно.

«ДЭН: У Вас есть какие-нибудь предложения?

КИССИНДЖЕР: Я предлагаю вам выслать его из Китая, а мы дадим согласие на то, что как правительство не будем никогда его использовать в политических целях. Может быть, мы посоветуем ему отправиться в какую-либо другую страну, например в Швецию, где он будет вдали от конгресса США и нашей прессы. Такое решение вопроса произвело бы глубокое впечатление на американскую общественность, гораздо больше, чем любой другой шаг в каком-либо техническом вопросе».

Дэн Сяопину требовались более конкретные заверения. Могло ли американское правительство «заставить Фана написать признание» в преступлениях по китайским законам? Или мог ли Вашингтон гарантировать, что «после его выдворения [из Китая]... Фан не станет ничего говорить или делать в ущерб Китаю?» Дэн пошел дальше, попросив Вашингтон «взять на себя ответственность в том, что он не допустит в дальнейшем никаких глупостей со стороны Фана или [других китайских] участников демонстраций, находящихся сейчас в Соединенных Штатах». Дэн Сяопин искал выход из создавшейся ситуации. Однако предложенные им меры находились вне законной компетенции американского правительства.

«ДЭН: Что Вы думаете, если мы выдворим его после того, как он напишет признание в своих преступлениях?

КИССИНДЖЕР: Я бы удивился, если бы он это сделал. Я был в посольстве сегодня утром, но не встречался с Фан Личжи.

ДЭН: Но он бы это сделал, если бы американская сторона на этом настояла. Эта проблема возникла по вине сотрудников посольства США, включая некоторых из Ваших хороших друзей и людей, о которых я думал как о наших друзьях[614].

А что, если американская сторона попросит Фана написать

признание, после чего мы сможем выслать его как обычного преступника и он сможет уехать туда, куда захочет? Если это не пройдет, то как насчет другой идеи: после его выдворения США берут на себя ответственность, что Фан не станет ничего говорить или делать в ущерб Китаю. Он не должен использовать США или другую страну для выступлений против КНР.

КИССИНДЖЕР: Позвольте мне высказаться насчет первого предложения. Если мы попросим его подписать признание, предположим, что мы вообще сможем это сделать, главным будет не то, что он говорит в посольстве, а что он станет говорить, выбравшись из Китая. Если он скажет, что американское правительство заставило его признаться, для всех будет гораздо хуже, чем если бы он ни в чем не признался. Важность его освобождения в том, что оно станет символом уверенности Китая в собственной правоте. Этот шаг противопоставит себя карикатурам, которые многие ваши противники рисовали о Китае в США.

ДЭН: Тогда давайте рассмотрим второе предложение. США заявят после его отъезда из Китая о том, что он не станет ничего говорить против КНР. Могут ли США дать такие гарантии?

КИССИНДЖЕР: Я беседую с Вами как с другом.

ДЭН: Я знаю. Я не прошу Вас заключить соглашение.

КИССИНДЖЕР: Нельзя исключить, что правительство США согласится и заявит, что правительство США не будет никоим образом использовать Фана, например, в передачах «Голоса Америки» или иным путем, который может контролировать президент. Мы также могли бы обещать порекомендовать ему не предпринимать ничего по собственной инициативе. Мы могли бы согласиться, что его не станет принимать президент или что он не получит никакого официального статуса от любой организации правительства США».

После моих слов Дэн Сяопин сказал мне о письме, только что полученном им от Буша с предложением организовать визит специального представителя с целью проинформировать его в связи с предстоящей встречей в верхах с Горбачевым, а также рассмотреть состояние китайско-американских отношений. Дэн поддержал эту идею и связал ее с обсуждением вопроса о Фан Личжи как пути нахождения всеобъемлющего решения:

«В процессе решения вопроса о Фане другие вопросы также можно было бы поставить на повестку дня, чтобы получить пакетное соглашение всех проблем. Дела обстоят таким вот образом. Я попросил Буша сделать шаг первым. Он же просит меня сделать первый шаг. Полагаю, что, если получится сделать пакет, не будет вопросов относительно очередности шагов».

Китайский министр иностранных дел так описал «пакетную сделку» в своих мемуарах:

«1) Китай разрешит Фан Личжи и его жене покинуть посольство США в Пекине, чтобы уехать в Соединенные Штаты или третью страну; 2) Соединенные Штаты в удобной для них форме сделают ясное заявление о том, что они снимут санкции в отношении Китая; 3) Обе стороны предпримут усилия для заключения сделок по одному или двум проектам экономического сотрудничества; 4) Соединенные Штаты направят приглашение Цзян Цзэминю [недавно назначенному генеральным секретарем коммунистической партии вместо Чжао Цзыяна] нанести официальный визит в следующем году»[615].

После дальнейших обменов в модальной форме относительно возможности высылки Фан Личжи Дэн завершил эту часть разговора:

«ДЭН: Будет ли Буш доволен и согласится ли он с этим предложением?

КИССИНДЖЕР: По моему мнению, он будет доволен этим».

Я рассчитывал на то, что Буш будет приветствовать демонстрацию Китаем озабоченности и гибкости, однако сомневался, что темпы улучшения отношений будут такими быстрыми, как предполагал Дэн Сяопин.

Возобновление взаимопонимания между Китаем и Соединенными Штатами становилось еще более важным в свете растущих беспорядков в Советском Союзе и Восточной Европе, казалось, подрывавших все параметры существующих отношений в рамках «треугольника». С учетом развала советской империи — что могло бы стать мотивом, как это было в свое время, сближения между Соединенными Штатами и Китаем? Срочность проблемы была подчеркнута в момент моего отлета из Пекина вечером после моей встречи с Дэн Сяопином, когда я во время моей первой остановки уже на

территории Соединенных Штатов узнал о падении Берлинской стены, потрясшем все построения внешней политики периода «холодной войны».

Политические революции в Восточной Европе свели почти на нет пакетную сделку. Когда я вернулся в Вашингтон тремя днями позже, я доложил о моем разговоре с Дэн Сяопином Бушу, Скоукрофту и госсекретарю Джеймсу Бейкеру во время обеда в Белом доме. Как оказалось, Китай не включен в число приоритетных тем. Предметом первостепенной важности для моих хозяев на тот момент сделались вопросы влияния падения Берлинской стены и предстоящей встречи между Бушем и Горбачевым, намеченной на 2—3 декабря 1989 года на Мальте. Оба вопроса требовали принятия немедленного решения по поводу тактики и долгосрочной стратегии. Двигались ли мы в сторону прекращения существования восточногерманского сателлита, где дислоцировалось 20 советских дивизий? Будут ли по-прежнему существовать два немецких государства? Сохранится при этом, хотя и некоммунистическая, Восточная Германия? Если объединение стало целью, при помощи какого вида дипломатии его следует добиваться? И каким должен стать американский подход в предвидимых чрезвычайных обстоятельствах?

В свете драмы вокруг советского краха в Восточной Европе пакетная сделка Дэн Сяопина никак не могла оказаться в числе приоритетных вопросов, как это произошло бы в менее бурные времена.

Поездка спецпосланников, которую я обсуждал с Дэн Сяопином, состоялась не ранее середины декабря, когда Брент Скоукрофт и Лоуренс Иглбергер посетили Пекин во второй раз за полгода. Этот визит не протекал в обстановке секретности, как поездка в июле (она остается таковой до сего времени), но ему намеренно придавали вид второстепенного, желая избежать дискуссий в конгрессе и прессе. Однако китайская сторона поместила фото Скоукрофта, провозглашающего тост за здоровье Цянь Цичэня, вызвав шок в Соединенных Штатах. Позднее Скоукрофт вспоминал:

«Во время традиционных обменов тостами в конце обеда по случаю нашего приезда от имени министра иностранных дел группа телевизионщиков появилась снова. Для меня соз-

давалась неловкая ситуация. Либо пойти на то, что меня снимут во время церемонии и увидят произносящим тост в честь тех, кого пресса окрестила как «мясников с площади Тяньаньмэнь», либо отказаться произносить тост и поставить под угрозу всю цель поездки. Я выбрал первое и немедленно стал, к моему глубокому сожалению, знаменитостью — в самом отрицательном смысле этого слова»[616].

Инцидент показал конфликт интересов обеих сторон. Китай хотел продемонстрировать своему населению, что его изоляция завершается. Вашингтон же стремился привлечь минимум внимания к этому визиту, рассчитывая избежать конфликтов до подписания соглашения.

Обсуждение Советского Союза неизбежно заняло большую часть времени в ходе поездки Скоукрофта и Иглбергера, хотя в совершенно ином ключе по сравнению с тем, что происходило традиционно на китайско-американских встречах: темой обсуждения на сей раз являлась не военная угроза со стороны СССР, а его растущая слабость. Цянь Цичэнь предсказал развал Советского Союза и рассказал о том, как удивился Пекин, когда Горбачев во время майского визита в разгар тяньаньмэньских событий просил Китай об оказании экономической помощи. Скоукрофт позднее так вспоминал китайскую версию тех событий:

«Советские не очень хорошо разбирались в экономике, и Горбачев не совсем понимал, о чем он просит. Цянь предсказал, что развал их экономики и проблемы с национальными республиками завершатся волнениями. «Не было заметно, что Горбачев предпринимает какие-то меры по предупреждению такого развития событий, — добавил он. Он сказал, что «Горбачев попросил китайскую сторону предоставить товары широкого потребления». «...Мы предоставим им ширпотреб. А они заплатят нам сырьевыми товарами. Им также нужны кредиты. Мы были просто ошеломлены, когда они первыми подняли этот вопрос. Мы согласились предоставить им коекакие кредиты»[617].

Китайские руководители выдвинули свое «пакетное» урегулирование перед Скоукрофтом и увязали освобождение Фан Личжи со снятием американских санкций. Администрация предпочитала отнести дело Фан Личжи к числу одной из про-

блем гуманитарного характера, которые должны были бы решаться совершенно независимо от других вопросов.

Дальнейшие пертурбации в советском лагере — включая кровавое свержение коммунистического руководителя Румынии Николае Чаушеску — подкрепили в коммунистической партии Китая чувство, будто она находится на осадном положении. Распад восточноевропейских коммунистических государств укрепил позиции тех в Вашингтоне, кто полагал, что Соединенным Штатам следует подождать событий, которые, по их убеждению, приведут к краху правительства в Пекине. В такой атмосфере ни одна из сторон не могла сойти с установленных позиций. Переговоры об освобождении Фан Личжи продолжались через американское посольство, и к соглашению стороны смогли прийти не ранее июля 1990 года, то есть прошло больше года, после того как Фан Личжи и его жена попросили убежище, и восемь месяцев, после того как Дэн Сяопин выдвинул свое пакетное предложение[618].

Тем временем процедура ежегодного переоформления статуса наиболее благоприятствуемой нации для Китая, требуемого для стран с «нерыночной экономикой» в соответствии с поправкой Джексона — Вэника 1974 года, ставящая предоставление статуса наиболее благоприятствуемой нации в зависимость от эмиграционной политики соответствующей страны, превратилась в форум осуждения в конгрессе состояния дел в Китае с правами человека. Главным доводом в дебатах выдвигалось то, что любое соглашение с Китаем нечто сродни милости, а при данных обстоятельствах это противоречит американским демократическим идеалам, поэтому торговые привилегии должны быть поставлены в зависимость от отношения Китая к американской концепции прав человека и политических свобод. На Пекин опускалось нечто похожее на изоляцию, в Вашингтоне почти праздновали триумф. Весной 1990 года рухнули коммунистические правительства в Восточной Германии, Чехословакии и Румынии. Дэн Сяопин разослал членам партии резкое предупреждение:

«Всем должно быть определенно ясно, что в нынешней международной обстановке все внимание противника будет сосредоточено на Китае. Будет использован любой предлог для того, чтобы причинить нам неприятности, создать труд-

ности и напряженность. Китаю необходима стабильность, стабильность и еще раз стабильность. Последующие три — пять лет будут чрезвычайно трудными для нашей партии и страны и чрезвычайно важными. Если мы выстоим и продержимся, наше дело станет быстро развиваться. Если наступит крах, история Китая пойдет по пути регресса на протяжении нескольких десятков лет и даже, может быть, нескольких сот лет»[619].

Заявления из 12 и 24 иероглифов

В конце того непростого года Дэн принял решение осуществить свой давно задуманный выход в отставку. На протяжении 1980-х годов он предпринял множество шагов, намереваясь покончить с традиционной практикой, когда власть в центре заканчивалась только со смертью правящего властителя или потерей мандата Неба — что равнозначно наступлению неопределенности и предрекающему хаос признаку. Он учредил консультативную комиссию старейшин, куда переходили уходящие в отставку руководители, остававшиеся там пожизненно. Он говорил гостям — включая меня самого, — что он лично намеревался в скором времени уйти в отставку и возглавить этот орган.

С самого начала 1990 года Дэн Сяопин стал постепенно освобождать высшие посты — первый китайский руководитель, поступивший так в наше время. События на площади Тяньаньмэнь, возможно, ускорили принятие решения, с тем чтобы Дэн мог наблюдать за передачей власти и вхождением во власть нового руководителя. В декабре 1989 года Брент Скоукрофт оказался последним иностранным визитером, принятым Дэн Сяопином. В то же самое время Дэн прекратил участвовать в публичных мероприятиях. До самой своей смерти в 1997 году он оставался затворником.

Поскольку он отошел от дел, Дэн Сяопин решил поддержать своего преемника, оставив комплект установок в качестве руководства к действию ему и следующему поколению руководителей. Издавая инструкции функционерам коммунистической партии, Дэн выбрал способ из классической

китайской истории. Указания были резкими и краткими. Написанные в классическом китайском поэтическом стиле*, они составили два документа: указания из 24 иероглифов и разъяснение из 12 иероглифов только для высших официальных лиц. Указание из 24 иероглифов гласило:

«Внимательно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай удобный случай, чтобы действовать, умей не высовываться, никогда не претендуй на лидерство»[620].

Разъяснение политики из 12 иероглифов ограничивалось еще более узким кругом допущенных руководителей. Оно состояло в следующем:

«Вражеские войска стоят за стенами. Они сильнее нас. Нам следует занимать в основном оборонительные позиции»[621].

Против кого и чего? Высказывания из 24 иероглифов ничего не говорили по этому вопросу, возможно, потому, что Дэн Сяопин мог предположить, что его слушатели поймут инстинктивно, что позиция их страны стала непрочной как по внутренним причинам, так и в еще большей степени по причинам международным.

Заветы Дэн Сяопина, с одной стороны, вызывали в памяти времена в истории Китая, когда он бывал окружен потенциально враждебными силами. В периоды возрождения Китай, бывало, доминировал над своим ближайшим окружением. В периоды упадка он пытался выиграть время, будучи уверенным в том, что его культурный и политический порядок даст ему возможность восстановить свое величие, которого он был достоин. Заявление из 12 иероглифов говорило китайским руководителям о наступлении опасных времен. У внешнего мира всегда возникали сложности в делах с этим уникальным образованием, замкнутым и все же универсальным, величественным и все же имеющим привычку переживать периодические периоды хаоса. А сейчас престарелый руководитель древнего народа давал последние указания своему обществу, чувствующему себя в осаде в то время, когда оно пыталось себя реформировать.

---

* Классический литературный язык носит название «вэньянь». — *Примеч. пер.*

Дэн Сяопин стремился объединить свой народ, но не с помощью призывов к чувствам или китайскому национализму, как он легко мог бы это сделать. Нет, он вызвал древние ассоциации: будь спокоен перед противником, проявляй высокие аналитические способности, поставленные на службу во имя долга, соблюдай порядок в достижении общей цели. Самым большим вызовом в его понимании было не столько пережить все испытания, обрисованные в заявлении из 12 иероглифов, сколько подготовиться к будущему, к тому времени, когда непосредственная опасность уже будет преодолена.

Предназначалось ли заявление из 24 иероглифов в качестве руководства к действиям на момент слабости или оно являлось наставлением на все времена? Тогда китайская реформа находилась под угрозой из-за последствий внутренних беспорядков и давления иностранных государств. Но на следующей стадии, в случае успеха реформы, рост Китая мог бы вызвать иные формы озабоченности остального мира, и международное сообщество попыталось бы помешать броску Китая и его превращению в господствующую державу. Предвидел ли Дэн Сяопин в момент великого кризиса возникновение более серьезной опасности для Китая в результате его неизбежного возвышения? При таком толковании Дэн Сяопин предлагал своим людям «скрывать наши возможности и выжидать время для того, чтобы действовать» и «никогда не претендовать на лидерство» — что могло бы означать: не возбуждайте ненужные страхи своей чрезмерной настойчивостью.

В самый сложный момент, в период массовых беспорядков и изоляции Китая, Дэн Сяопин, вероятно, боялся как того, что Китай мог бы извести себя в теперешнем кризисе, так и того, что его будущее могло бы зависеть от способности руководителей следующего поколения овладеть объективным восприятием, требующимся для распознавания опасностей от излишней самоуверенности. Было ли заявление адресовано на случай текущих трудностей, с которыми столкнулся в тот момент Китай, или Китаю следовало использовать изложенные в 24 иероглифах принципы, когда он будет достаточно силен, чтобы ему не требовалось их выполнять? Ответы на эти вопросы о Китае во многом зависят от будущего китайско-американских отношений.

Глава 16

КАКАЯ РЕФОРМА? «ПОЕЗДКА НА ЮГ» ДЭН СЯОПИНА

В июне 1989 года, когда руководство коммунистической партии оказалось разделенным из-за вопроса, что делать, генерального секретаря партии Чжао Цзыяна, назначенного Дэн Сяопином тремя годами ранее, отправили в отставку за то, как он разруливал кризис. Во главе партии поставили секретаря парткома Шанхая Цзян Цзэминя.

Кризис, с которым столкнулся Цзян Цзэминь, был одним из самых сложных в истории Китайской Народной Республики. Китай находился в изоляции, из-за границы на него наложили санкции, а внутри страны проблема усугублялась последствиями общенациональных волнений. Продолжался процесс дезинтеграции коммунизма во всех социалистических странах, кроме Северной Кореи и Вьетнама. Известные китайские диссиденты убежали за границу, где получили убежище, где их с сочувствием выслушивали и где они могли свободно действовать. Неспокойными оставались Тибет и Синьцзян. Повсюду в мире приветствовали Далай-ламу. В тот же год, когда произошли события на площади Тяньаньмэнь, он получил Нобелевскую премию мира на гребне возросшего международного внимания к вопросу об автономии Тибета.

После каждой волны общественно-политических беспорядков наиболее серьезной проблемой для власти становится вопрос о том, как восстанавливать чувство сплоченности. И во имя каких принципов? Внутренняя реакция на кризис

несла больше угрозы реформе в Китае, чем санкции извне. Консерваторы в Политбюро, в чьей поддержке Дэн Сяопин нуждался во время тяньаньмэньского кризиса, обвиняли в кризисе дэновскую «эволюционную политику» и требовали от Цзян Цзэминя вернуться к традиционным маоистским ценностям. Они зашли так далеко, что требовали пересмотра, казалось бы, уже устоявшегося курса, к примеру, в вопросе осуждения «культурной революции». Член Политбюро по имени Дэн Лицюнь (известный также как «малыш Дэн») утверждал: «Если нам не удастся развернуть решительную борьбу против либерализма или капиталистической реформы и открытия для внешнего мира, наше дело социализма будет разрушено»[622]. Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь придерживались диаметрально противоположных взглядов. В их понимании китайская политическая структура могла бы получить новый импульс только на основе ускорения реализации программы реформы. Наилучшую гарантию социальной стабильности они видели в улучшении жизненных стандартов и повышении производительности труда.

В такой атмосфере Дэн Сяопин в начале 1992 года вышел из отставки, чтобы совершить свой последний великий подвиг на благо общества. Он выбрал «инспекционную поездку» по южному Китаю как средство для пропаганды продолжения экономической либерализации и укрепления общественной поддержки реформаторского руководства Цзян Цзэминя. В то время как реформы буксовали, а протеже Дэн Сяопина в партийной иерархии уступали место традиционалистам, 87-летний Дэн Сяопин вместе с дочерью Дэн Нань и несколькими близкими помощниками отправился в поездку по экономическим центрам юга Китая, включая Шэньчжэнь и Чжухай, две специальные экономические зоны, созданные в соответствии с программой реформы в 1980-е годы. Так состоялся своего рода «крестовый поход» во имя «социализма с китайской спецификой», при котором имели место и свободный рынок, и определенная доля иностранных инвестиций, и призыв к индивидуальной инициативе.

Дэн Сяопин, на то время вообще не занимавший никаких официальных должностей или какого-либо формального поста, тем не менее, как путешествующий священник, появлялся

в школах, на объектах с применением высоких технологий, на образцовых предприятиях, других символах его видения китайской реформы, призывая соотечественников удвоить усилия и ставить далекоидущие цели для экономического и интеллектуального развития Китая. СМИ страны (в то время контролировавшиеся консерваторами) с самого начала поездки игнорировали его выступления. Однако сообщения в гонконгской прессе в итоге отфильтровывались и в материковом Китае.

Со временем «поездка на юг» Дэн Сяопина примет почти мифическое значение, а его выступления станут клише для политической и экономической линии Китая на последующие 20 лет. Даже сегодня плакаты в Китае изображают портреты и цитаты из южной поездки Дэн Сяопина, включая его известный афоризм «развитие есть абсолютный принцип».

Дэн Сяопин организовал поездку, стремясь защитить программу реформы от обвинений в предательстве социалистического наследия Китая. Он заявлял, что экономическая реформа и развитие — в корне «революционные» действия. Дэн предупреждал — отход от реформы заведет Китай «в тупик». Программа экономической либерализации должна продолжаться «сотню лет», и тогда она сможет «завоевать доверие и поддержку народа». Дэн настаивал на том, что реформа и открытие для внешнего мира дали возможность КНР избежать гражданской войны в 1989 году. Он повторил осуждение «культурной революции», сказав, что она хуже, чем провал, и в чем-то похожа на гражданскую войну[623].

Преемник Мао Цзэдуна в Китае отстаивал рыночные принципы, частную инициативу, придавал значение производительности труда и предпринимательству. В понимании Дэн Сяопина принцип получения выгоды не отражал теорию, альтернативную марксизму, а исходил из внутренней природы человека. Правительство потеряет народную поддержку, если станет наказывать предпринимателей за их успехи. Дэн советовал Китаю «быть смелее», удвоить усилия и «идти на смелые эксперименты»: «Мы не должны вести себя как женщины с перебинтованными ножками. Если мы уверены в необходимости что-то делать, надо смело идти на эксперимент и открывать новые пути. ...Кто осмелится утверждать, что он на 100 процентов уверен в успехе и совершенно не рискует?»[624]

Дэн Сяопин отклонял критику, утверждавшую, будто его реформы ведут Китай на «капиталистический путь». Отвергая десятки лет маоистской идеологии, он вновь призвал на помощь свой известный постулат о важности результата, а не идеологического обоснования того, как он достигается. Не должен также Китай бояться и иностранных инвестиций:

«На нынешней стадии предприятиям с иностранным капиталом в Китае разрешено делать деньги в соответствии с существующим законодательством и на основании имеющихся установок. Но правительство устанавливает налоги на эти предприятия, работники получают там зарплату, а мы изучаем технологию и опыт управления. В дополнение ко всему мы можем получать от них информацию, которая поможет нам открыть больше рынков»[625].

А в завершение Дэн Сяопин выступил против «левых» в коммунистической партии, которые в некотором смысле являлись частью его самого на его ранних этапах жизни, когда он был «контролером» Мао Цзэдуна в деле создания сельскохозяйственных народных коммун: «В настоящее время на нас оказывают воздействие как правые, так и «левые» тенденции. Но именно «левые» тенденции имеют самые глубокие корни. ...В истории партии эти тенденции приводили к ужасным последствиям. А некоторые хорошие вещи уничтожались в одночасье»[626].

Подталкивая соотечественников призывами к их национальной гордости, Дэн Сяопин призывал Китай догнать по темпам роста своих соседей. Чтобы посмотреть, как далеко продвинулся Китай меньше чем за 20 лет после поездки на юг Дэн Сяопина, надо вспомнить о «четырех больших вещах», расхваливаемых Дэном в 1992 году, когда потребителю в деревне престижным считалось иметь велосипед, швейную машинку, радиоприемник и наручные часы. Он заявил, что экономика Китая может «выходить на новые рубежи каждые несколько лет» и что Китай достигнет успеха, если китайцы осмелятся «освободить свое сознание и действовать свободно» в ответ на проблемы по мере их возникновения[627].

Наука и техника были ключом. Повторяя свои речи первопроходца времен 1970-х годов, Дэн Сяопин настаивал на том, что «интеллигенция является частью рабочего класса»,

другими словами, представителей интеллигенции можно принимать в коммунистическую партию. В попытке примирения со сторонниками тех, кто участвовал в событиях на площади Тяньаньмэнь, Дэн призывал находящихся в изгнании интеллектуалов вернуться в Китай. Если они обладали профессиональными знаниями и опытом, их будут приветствовать независимо от их прежних поступков: «Им следует сказать, что, если они хотят внести свой вклад совместными усилиями, им лучше всего будет вернуться домой. Я надеюсь на наши совместные усилия для ускорения прогресса в научно-технической сфере и в деле образования в Китае. ...Мы все должны любить нашу страну и помогать ее развитию»[628].

Какой необычный поворот в убеждениях 87-летнего революционера, помогавшего строить, часто с большой жестокостью, экономическую систему, сейчас же им и демонтируемую. Когда он работал в Яньани вместе с Мао Цзэдуном во время гражданской войны, ничто не предвосхищало того, что Дэн Сяопин через 50 лет, путешествуя по стране, будет настаивать на реформе именно той революции, которую он насаждал. До тех пор пока он не оказался в тенетах «культурной революции», он являлся одним из главных помощников Мао, отличавшихся своей целенаправленностью.

На протяжении десятков лет происходил постепенный сдвиг. Дэн Сяопин пришел к пониманию необходимости пересмотреть критерии считавшегося хорошим, с точки зрения благосостояния и развития простых людей, правления. В этой приверженности ускоренному развитию заключалась значительная доля национализма, несмотря даже на то, что требовалось применение методов, широко используемых в ранее критиковавшемся капиталистическом мире. Впоследствии один из детей Дэн Сяопина говорил американскому ученому и главе Национального комитета американо-китайских отношений Дэвиду Лэмптону:

«В середине 1970-х годов мой отец обратил внимание на экономики «малых драконов», расположенных на периферии Китая [Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южная Корея]. Их темпы роста составляли от 8 до 10 процентов в год, и эти экономики в плане технологии шли далеко впереди Китая. Если мы хотим обогнать их и восстановить подобающее место в реги-

оне, а в конечном счете и в мире, Китаю дóлжно развиваться еще более быстрыми темпами, чем они»[629].

В помощь для реализации этого видения Дэн Сяопин пропагандировал многие американские общественно-экономические принципы как составную часть своей программы реформ. Но то, что он называл социалистической демократией, слишком далеко отстояло от демократии плюрализма. Он сохранил убежденность в том, что в Китае западные политические принципы вызовут хаос и помешают развитию.

Но хотя Дэн Сяопин поддерживал необходимость сохранения авторитарного правления, он видел конечной целью передачу власти другому поколению, которое, если его план развития будет успешным, должно будет выработать собственную концепцию политического порядка. Дэн надеялся, что успех его программы реформы устранит стимулы для демократической эволюции. Но он должен был бы понимать, что перемены, которые он нес, в итоге приведут к политическим последствиям пока еще не предсказуемых размеров. Именно эти проблемы сейчас стоят перед его преемниками.

На ближайшее будущее Дэн Сяопин в 1992 году выдвинул весьма скромные цели:

«Мы должны идти вперед по пути строительства социализма с китайской спецификой. Капитализм развивался на протяжении нескольких столетий. Сколько лет мы строим социализм? Кроме того, мы напрасно потратили 20 лет. Если мы сможем превратить Китай в среднеразвитую державу в течение сотни лет со времени образования КНР, это будет чрезвычайным достижением»[630].

Это был бы 2049 год. На деле же Китай проделал все гораздо быстрее — на протяжении жизни одного поколения.

Через десять лет после смерти Мао Цзэдуна его видение перманентной революции возродилось вновь. Но это был другой вид перманентной революции, основанный на личной инициативе, а не на идеологической экзальтации, на связи с внешним миром, а не на автократии. И она ставила своей целью изменить Китай так основательно, как хотел Великий кормчий, однако совсем в ином направлении по сравнению с тем, которое тот задумал. Именно поэтому в конце «поездки на юг» Дэн Сяопин в общих чертах изложил свои надежды на

появление нового поколения руководителей, обладающего собственными новыми взглядами. Он говорил, что существующее руководство коммунистической партии слишком старо. Люди, чей возраст сейчас перевалил за 60 лет, больше подходили для бесед, чем для принятия решений. Люди его возраста должны стоять в стороне — болезненное признание для человека, столь активного до сего времени.

«Причина, по которой я настаивал на уходе на покой, в том, что я не хотел совершать ошибки в преклонном возрасте. У старых людей есть свои сильные стороны, но есть и слабые места — они становятся упрямыми, например. Они должны знать это. Чем старше они становятся, тем скромнее они должны быть и более осторожными, дабы не наделать ошибок на старости лет. Нам следует продолжать отбор более молодых товарищей, продвигать их и помогать наставлять их. Не делайте ставку только на возраст. ...Когда молодые люди достигнут зрелого возраста, нам легче будет уйти на покой. А пока мы по-прежнему беспокоимся»[631].

При всей обыденности предписаний Дэн Сяопина в них ощущается меланхоличность пожилого возраста, сознание того, что ему не удастся лично быть свидетелем того, что он отстаивал и планировал создать. Он видел — а временами и сам создавал — так много беспорядка, что стремился оставить после себя период стабильности. Ему хотелось получить заверения от нового поколения в том, что давало бы ему возможность «заснуть спокойно».

«Поездка на юг» стала последним общественным делом Дэн Сяопина. Претворение в жизнь высказанных им положений возлагалось на Цзян Цзэминя и его единомышленников. После этого Дэн Сяопин стал практически недоступен. Он умер в 1997 году, Цзян Цзэминь к тому времени укрепил свои позиции. Имея в качестве помощника необычайного премьера Чжу Жунцзи, Цзян Цзэминь с таким умением обошелся с заветами Дэн Сяопина, изложенными во время его «поездки на юг», что к концу его срока пребывания у власти в 2002 году спор о правильности курса уже больше не шел. В основном речь велась об оказываемом воздействии нового, динамично развивающегося Китая на мировой порядок и глобальную экономику.

Глава 17

ГОНКИ НА АМЕРИКАНСКИХ ГОРКАХ К НОВОМУ ПРИМИРЕНИЮ: ЭРА ЦЗЯН ЦЗЭМИНЯ

После событий на площади Тяньаньмэнь китайско-американские отношения оказались практически в своей изначальной точке. Когда Соединенные Штаты искали сближения с Китаем в 1971—1972 годах, тогда, на последних стадиях «культурной революции», они были убеждены в том, что отношения с Китаем являются основой установления мирного международного порядка и стоят выше особого мнения Америки в отношении радикальной власти в Китае. А сейчас Соединенные Штаты наложили санкции, и диссидент Фан Личжи нашел убежище на территории посольства США в Пекине. В то время как во всем мире либерально-демократические институты получали все более широкое распространение, реформа внутренних структур в Китае превращалась в главную цель американской политики.

Я встречался с Цзян Цзэминем, когда он работал в качестве мэра Шанхая. Я никак не предполагал увидеть его руководителем, направившим, как он это сделал, страну из катастрофической ситуации к поразительному всплеску энергии и созидательности, характеризовавшим взлет Китая. Хотя вначале по его поводу выражались сомнения, он привел страну к самому большому росту ВВП на душу населения в истории человечества, осуществил мирное возвращение Гонконга, восстановил отношения Китая с Соединенными Штатами и

остальным миром, поставил страну на путь превращения в локомотив глобальной экономики.

Вскоре после назначения Цзян Цзэминя на высокую должность в ноябре 1989 года Дэн Сяопин очень старался подчеркнуть мне свою высокую оценку нового генерального секретаря:

«ДЭН: Вы встречались с Генеральным секретарем Цзян Цзэминем, и в будущем у вас еще будут возможности встретиться с ним. Он — человек, имеющий собственные мысли, человек высокого ума.

КИССИНДЖЕР: Я под большим впечатлением от встречи с ним.

ДЭН: Он настоящий интеллектуал».

Немногие наблюдатели в других странах представляли, что Цзян Цзэминь добьется успеха. Как секретарь парткома Шанхая он заслужил одобрение за сдержанный подход во время протестных акций в его городе: он закрыл влиятельную либеральную газету в самом начале кризиса, но отказался ввести чрезвычайное положение, и демонстрации в Шанхае подавили без кровопролития. Однако на посту генерального секретаря его рассматривали как переходную фигуру — и он мог бы с успехом быть компромиссным кандидатом где-то между сравнительно либеральными представителями (включая партийного идеолога Ли Жуйхуаня) и группой консерваторов (таких как премьер Ли Пэн). Ему недоставало собственной значительной опоры в силовых ведомствах, и в отличие от его предшественников он не излучал ауру начальника. Он являлся первым китайским коммунистическим руководителем без революционного или военного поста в послужном списке. Его руководство, подобно руководству его предшественников, создавалось на чиновничье-экономическом поприще. Оно не было абсолютным, и требовалась некоторая доля консенсуса в Политбюро. Он, например, не установил своего влияния во внешней политике вплоть до 1997 года, то есть только через 8 лет, после того как стал генеральным секретарем[632].

Предыдущие китайские руководители коммунистической партии вели себя с таким отчужденным видом как будто они бонзы, проповедующие нечто среднее между новым материализмом Маркса с примесью конфуцианских традиций Китая.

Цзян Цзэминь установил новый эталон. В отличие от Мао Цзэдуна — короля-философа, Чжоу Эньлая — мандарина или Дэн Сяопина — закаленного в битвах стража национальных интересов Цзян Цзэминь вел себя как общительный член семьи. Он отличался приветливостью и неофициальным стилем общения. Мао предпочитал вести дела с партнерами как бы с высот Олимпа, будто с аспирантами, сдающими экзамены на соответствие философским откровениям. Чжоу проводил беседы с легким изяществом и превосходящим интеллектом конфуцианского мудреца. Дэн резко сводил разговор в практическую плоскость, считая длинные экскурсы пустой тратой времени.

Цзян Цзэминь не претендовал на превосходное владение философским мастерством. Он улыбался, смеялся, рассказывал анекдоты, дотрагиваясь до собеседников для установления контакта. Он гордился, подчас несколько излишне, своими способностями к иностранным языкам и знаниями западной музыки. С неговорящими на китайском языке гостями он в своих выступлениях постоянно вставлял выражения на английском, русском и даже румынском языках, желая подчеркнуть какой-то момент, переходя без всякого предупреждения от насыщенного китайскими классическими идиоматическими выражениями текста к таким американским разговорным выражениям, как «Нужны двое, чтобы танцевать танго». Когда возникал повод, он мог прервать общественное мероприятие — а иногда и официальное — и запеть песню, стремясь снять напряжение или подчеркнуть товарищеский характер встречи.

Диалоги китайских руководителей с иностранными гостями обычно ведутся в присутствии свиты советников и записывающих беседу лиц, которые не говорят ни слова и очень редко шлют записки своим начальникам. Цзян Цзэминь, напротив, превращал свое сопровождение в нечто напоминающее греческий хор; он, бывало, начинал высказывать какую-то мысль, затем перебрасывал ее одному из присутствующих советников, чтобы тот ее завершил, и все шло спонтанно, создавая впечатление, будто имеешь дело с командой, возглавляемой капитаном Цзяном. Весьма начитанный, высокообразованный человек, Цзян Цзэминь старался вовлечь своего

собеседника в располагающую атмосферу, казалось, обволакивающую его, по крайней мере когда он встречался с иностранцами. Он вел диалог, где мнение его собеседника и даже его коллег расценивалось как имеющее такую же важность, как и его собственное. В этом смысле Цзян менее всего походил на тип представителей Срединного государства из числа китайских руководителей, с которыми мне доводилось встречаться.

После выдвижения Цзян Цзэминя на высший пост в китайском национальном руководстве во внутреннем документе Государственного департамента США его описывали как «воспитанного, энергичного, изредка эпатажного», а в качестве примера приводили «инцидент в 1987 году, когда он встал с трибуны высокопоставленных гостей во время празднования в Шанхае национального дня и стал дирижировать симфоническим оркестром во время пафосного исполнения Интернационала, окончив все в свете вспышек фотоаппаратов и клубах дыма»[633]. Во время частного визита Никсона в Пекин в 1989 году Цзян Цзэминь без объявления вскочил и прочел по-английски Геттисбергскую речь*.

Примеров такого сорта неформального поведения насчитывалось немного среди как китайских, так и советских коммунистических лидеров. Многие непосвященные недооценивали Цзян Цзэминя, ошибочно принимая его добродушный стиль за отсутствие серьезности. Но истина заключалась как раз в противоположном. Дружелюбие Цзяна предназначалось для определения линии, которую он вел, делая ее еще более определенной. Когда, как он считал, затрагивались наиболее жизненно важные интересы его страны, он мог быть решительным по образцу его предшественников-титанов.

Цзян Цзэминь был космополитом в достаточной степени, чтобы понимать, что Китай должен будет действовать в рамках международной системы, а не в изоляции или господстве Срединного государства. Это тоже очень хорошо понимал

* Геттисбергская речь — одно из известнейших выступлений президента США Авраама Линкольна 19 ноября 1863 года, произнесенное при открытии Национального солдатского кладбища в Геттисберге, штат Пенсильвания. Двухминутная речь была посвящена павшим в Гражданской войне в США, единству нации, свободе, равенству. — *Примеч. пер.*

Чжоу Эньлай, как и Дэн Сяопин. Но Чжоу мог претворить свое видение только частично из-за все душащего присутствия Мао Цзэдуна, а Дэну это не удалось из-за Тяньаньмэня. Любезность Цзяна вытекала из его серьезной и расчетливой попытки встроить Китай в новый международный порядок и восстановить к нему доверие в мире, с тем чтобы и залечить домашние раны Китая, и смягчить его международный облик. Разоружая критиков эпизодическими эпатажными поступками, Цзян являл миру привлекательное лицо правительства, работающего над тем, чтобы разорвать международную изоляцию и избавить свою систему от судьбы советского коллеги.

Для реализации международных целей Цзян Цзэминю повезло иметь одного из опытнейших министров иностранных дел, которых я когда-либо знал, — Цянь Цичэня, а в качестве главного лица для проведения экономической политики, обладающего исключительным умом и целеустремленностью, — заместителя премьера (а в будущем премьера) Чжу Жунцзи. Оба были однозначными сторонниками понимания того, что большинство имевшихся в Китае политических институтов лучше всего отвечают интересам страны. Оба также полагали, что продолжение развития Китая требовало углубления его связей с международными институтами и мировой экономикой — включая западный мир, часто высказывающий критику в адрес китайской внутренней политической практики. Следуя курсу Цзяна на демонстративное проявление оптимизма, Цянь Цичэнь и Чжу Жунцзи включились в активную международную жизнь, много путешествовали, участвовали в международных конференциях, давали интервью, активно вступая в дипломатические и экономические диалоги. Они часто сталкивались со скептически и критически настроенной аудиторией, но делали это решительно и с хорошим чувством юмора. Не все китайские наблюдатели получали удовольствие от контактов с западным миром, который рассматривался как относящийся с пренебрежением к китайским реалиям; не все западные наблюдатели одобряли усилия по установлению контактов с Китаем, не отвечающим политическим ожиданиям Запада. Об управлении государством судят по тому, как государственные деятели справляются с двойственными моментами, а не с абсолют-

но ясными истинами. Цзян Цзэминь, Цянь Цичэнь, Чжу Жунцзи и их старшие соратники смогли вывести страну из изоляции и восстановить хрупкие связи между Китаем и скептически настроенным западным миром.

Вскоре после своего назначения в ноябре 1989 года Цзян Цзэминь пригласил меня на беседу, в ходе которой представил события через призму возврата к традиционной дипломатии. Он не мог понять, почему реакция Китая на внутренние проблемы вызвала разлад отношений с Соединенными Штатами. «Между Китаем и Соединенными Штатами нет больших проблем, за исключением Тайваня, — считал он. — У нас нет проблем границ, по тайваньской проблеме в Шанхайском коммюнике установлена хорошая формула». Он подчеркнул, что Китай не претендует на применение внутренних принципов за границей. «Мы не экспортируем революции. Но общественная система в Китае базируется на нашей собственной исторической позиции».

В любом случае Китай продолжит экономические реформы: «В том, что касается Китая, дверь всегда остается открытой. Мы готовы реагировать на позитивные жесты со стороны США. У нас много общих интересов». Но наша реформа — дело добровольное, никто не вправе будет нам ее навязывать.

Китайская история подтверждает: чем больше давление, тем сильнее сопротивление. Я, как выпускник вуза естественных наук, попытаюсь расшифровать порядок вещей с точки зрения законов естественных наук. Население Китая составляет 1,1 млрд человек. Оно огромно, существует много разных особенностей. Его не так легко подталкивать вперед. Как старый друг, я говорю с Вами откровенно».

Цзян поделился со мной своими впечатлениями о тяньаньмэньском кризисе. Судя по его объяснению, китайское правительство не было «психологически подготовлено к этому событию», а Политбюро с самого начала раскололось. По его версии событий, героев оказалось мало — как среди студенческих лидеров, так и в партии. Их он описал с сожалением как неэффективно действовавшую и разъединенную перед лицом беспрецедентной проблемы силу.

Когда я встретился с Цзян Цзэминем снова почти через год, в сентябре 1990 года, отношения с Соединенными Шта-

тами оставались по-прежнему напряженными. Дело с пакетной сделкой, увязывавшей ослабление наших санкций с освобождением Фан Личжи, продвигалось медленно. В какомто смысле разочарования выглядели вполне естественным делом, учитывая характер проблемы. Американские защитники прав человека настаивали на ценностях, которые они считали универсальными. Китайские руководители предпринимали некоторые корректировки, основанные на их восприятии китайских интересов. Американские активисты, особенно некоторые НПО (неправительственные организации), не собирались объявлять о достижении своих целей на основе частичных мер. Им казалось, что шаги, рассматриваемые Пекином как уступки, подразумевали, что их цели могли быть предметом торга, а посему не были универсальными. Активисты подчеркивали моральные, а не политические цели, китайские руководители сосредоточивали свое внимание на продолжении политического процесса — а более всего на срочном прекращении напряженности и возвращении к «нормальным» отношениям. А именно возврат к нормальным отношениям активисты как раз либо отвергали, либо выдвигали для него какие-то условия.

Позднее в дебатах стали использовать уничижительную деморализующую лексику, отвергая традиционную дипломатию как «завязанную на деловые связи». При таком подходе конструктивные долгосрочные отношения с недемократическими государствами невозможны уже просто по определению. Сторонники этого курса начинают с предпосылки того, что подлинный и длительный мир предполагает сообщество демократических государств. Именно поэтому и администрации Форда, и администрации Клинтона двадцать лет спустя не удавалось добиться компромисса в конгрессе в отношении применения поправки Джексона — Вэника, даже когда Советский Союз и Китай, казалось, были готовы на уступки. Активисты не хотели учитывать частичные шаги и выступали за продолжение оказания давления с целью достижения конечных целей. Цзян Цзэминь затронул этот вопрос в беседе со мной в 1990 году. Китай недавно «принял множество мер», руководствуясь преимущественно желанием улучшить отношения с Соединенными Штатами:

«Некоторые из них являются внутренними делами, касающимися сугубо внутренних вопросов, таких как снятие чрезвычайного положения в Пекине и в Тибете. Мы проделали эти вещи исходя из двух соображений. Первое заключается в том, что они свидетельствуют о внутренней стабильности в Китае. Второе, мы не скрываем тот факт, что мы используем эти меры, надеясь улучшить взаимопонимание в американо-китайских отношениях».

Их действия, по мнению Цзян Цзэминя, не возымели ответной реакции. Пекин выполнил свою часть пакетной сделки Дэн Сяопина, но не смог удовлетворить все возрастающие требования со стороны конгресса США.

Демократические ценности и права человека являются сутью веры Америки в саму себя. Но, как и все ценности, они имеют абсолютный характер, а это несет вызов компоненту нюансировки, исходя из которой должна обычно проводиться внешняя политика. Если принятие американских принципов управления становится главным условием прогресса во всех других сферах взаимоотношений, тупик неизбежен. В этом смысле обе стороны должны правильно взвешивать требования национальной безопасности и веления своих принципов управления. Столкнувшись с твердым неприятием данных принципов в Пекине, администрация Клинтона предпочла подкорректировать свою позицию, как мы увидим ниже в этой главе. Проблема в таком случае сводится к подгонке приоритетов между Соединенными Штатами и их партнером — другими словами, к «завязанной на деловые связи» традиционной дипломатии. Либо столкнуться в противоборстве.

Это выбор, который непременно требуется сделать, его нельзя манкировать. Я уважаю тех, кто готов отстаивать свою точку зрения на императивы по распространению американских ценностей. Но внешняя политика должна определять как средства, так и цели, и если применяемые средства превышают международные рамки дозволенного или взаимоотношений, считающихся важными для национальной безопасности, этот выбор должен быть сделан. Но мы не должны сводить до минимума природу выбора. Наилучшим итогом американских дебатов стало бы соединение двух подходов: для идеалистов — признать, что принципы необходимо так или иначе выполнять,

а отсюда они периодически должны приспосабливаться к обстоятельствам; для «реалистов» — признать, что ценности имеют собственную реальную сущность, поэтому они должны встраиваться в действующую политику. При таком подходе будет признан любой оттенок нюансировки, присутствующий в том или другом лагере, будут учтены все усилия по сочетанию всех оттенков нюансировки позиций сторон. На практике эта цель часто оказывается погребенной под полемическими страстями.

В 1990-х годах американские внутренние дебаты копировались в дискуссиях с китайскими руководителями. Через 40 лет после победы коммунизма в своей стране руководители Китая будут выступать на стороне международного порядка, отвергавшего передачу системы ценностей через границы (что некогда было священным принципом коммунистической политики), в то время как Соединенные Штаты предпочитали настаивать на универсальности системы этих ценностей, достигаемой путем давления или материального стимулирования, то есть путем вмешательства во внутреннюю политику другой страны. Не было никакой иронии в том, что преемник Мао Цзэдуна читал мне лекцию о природе международной системы, основанной на суверенности государств, о чем я писал еще несколько десятков лет назад.

Цзян Цзэминь использовал мой визит в 1990 году именно для разговора на эту тему. Он и другие китайские руководители продолжали настаивать на том, что являлось само собой разумеющимся еще пять лет назад: Китай и Соединенные Штаты должны работать сообща над созданием нового мирового порядка, основанного на принципах, сравнимых с теми, на чьих основах строилась традиционная система европейских государств после 1648 года*. Другими словами, внутренние мероприятия находились вне компетенции внешней политики. Отношения между государствами строились на принципах учета национальных интересов.

Предлагалось именно то, что отвергалось новым политическим мироустройством, пропагандируемым на Западе. Но-

* Имеется в виду Вестфальская система международных отношений, которая базировалась на основе баланса сил и принципа «национального государственного суверенитета». — *Примеч. пер.*

вая концепция предлагала миру вступить в «постсуверенитетную» эру, при которой международные нормы прав человека превалировали бы над традиционными прерогативами суверенных правительств. По контрасту, Цзян Цзэминь и его коллеги стремились к многополярному миру, принимающему китайский тип гибрида социализма с «народной демократией», где Соединенные Штаты обращались бы с Китаем на равных как с великой державой.

Во время моей следующей поездки в Пекин в сентябре 1991 года Цзян Цзэминь вернулся к теме установок традиционной дипломатии. Национальные интересы превалировали над реакцией на внутреннюю политику Китая:

«Нет фундаментального конфликта интересов между нашими двумя странами. Нет причин отказываться от возвращения к нормальным отношениям. Если будет взаимное уважение, если мы отказываемся от вмешательства во внутренние дела и если мы строим свои отношения на основе равенства и взаимной выгоды, то мы сможем найти общие интересы».

Как утверждал Цзян, с уходом соперничества времен «холодной войны» «в современной ситуации идеологические факторы не оказывают влияния на межгосударственные отношения».

Цзян Цзэминь использовал мой визит в сентябре 1990 года для передачи информации об унаследовании им всех должностных обязанностей Дэн Сяопина — это пока не афишировалось, поскольку точные внутренние перестановки в структурах власти в Пекине всегда оставались непрозрачными:

«Дэн Сяопин знает о Вашем визите. Он просил меня передать Вам, что приветствует Ваш приезд и шлет свои приветы Вам. Во-вторых, он упомянул о письме, которое президент Буш написал ему, и в этой связи он высказал две вещи. Первое, он попросил меня как Генерального секретаря через Вас передать приветы президенту Бушу. Второе, после его отставки летом прошлого года он поручил мне как Генеральному секретарю исполнять все дела. Я не собираюсь писать письмо президенту Бушу в ответ на его письмо Дэн Сяопину, но то, что я говорю Вам, хотя и выражено моими словами, соответствует мыслям и духу того, что хочет сказать Дэн Сяопин».

Цзян Цзэминь хотел передать через меня, что Китай сделал достаточно уступок и сейчас черед за Соединенными Штатами брать на себя ответственность за улучшение отношений. «В том, что касается Китая, — сказал Цзян, — он всегда бережно относился к дружбе между нашими странами». Сейчас, как заявил Цзян, Китай прекращает всяческие уступки: «Китайская сторона сделала достаточно. Мы приложили максимум усилий и сделали все, что могли».

Цзян Цзэминь повторил уже ставшую к настоящему времени традиционной тему Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина — о неприятии Китаем давления извне и яром сопротивлении даже намеку на диктат извне. Он также заявил, что и Пекин, как и Вашингтон, ощущает давление со стороны народа: «И еще одно. Мы надеемся, американская сторона обратит на это внимание. Если Китай станет предпринимать односторонние шаги без соответствующих движений со стороны США, это переполнит чашу терпения китайского народа».

Китай и развал Советского Союза

Все эти беседы проходили на фоне распада Советского Союза. В начале тяньаньмэньского кризиса Михаил Горбачев находился в Пекине, но даже несмотря на то что Китай раздирали внутренние противоречия, основы советского правления рушились в реальном времени, судя по передачам телевидения по всему миру, как будто все шло в замедленной съемке.

Дилеммы, стоявшие перед Горбачевым, были пострашнее тех, что беспокоили Китай. Китайские расхождения шли вокруг того, как должна коммунистическая партия управлять страной. Споры в СССР велись вокруг того, должна ли коммунистическая партия вообще править. Поставив политические реформы (гласность) на первое место по сравнению с экономическими преобразованиями (перестройка), Горбачев сделал неизбежным спор относительно легитимности коммунистической власти. Горбачев признал наличие всепроникающей стагнации, но ему не хватало воображения или умения сломать устоявшиеся стереотипы. Различные контролирующие систему органы по прошествии времени превращались

в часть проблемы. Коммунистическая партия, бывшая в какое-то время инструментом революции, теряла свои функции в зрелой коммунистической системе, за исключением функций контролера над тем, в чем она не разбиралась, — управлением современной экономикой, проблемой, которую она решала, сговариваясь с тем, что она якобы должна была бы контролировать. Представители коммунистической элиты становились привилегированным классом чиновников-мандаринов, теоретически отвечая за сохранение национальной ортодоксии, они все внимание обращали на сохранение своих привилегий.

Гласность входила в противоречие с перестройкой. Горбачев закончил тем, что возвестил приход новой системы взамен той, которая его создала и которой он был обязан своим возвышением. Но до этого он еще и пересмотрел концепцию мирного сосуществования. Предыдущие руководители ее подтверждали, а Мао Цзэдун ссорился с Хрущевым по ее поводу. Однако предшественники Горбачева отстаивали мирное сосуществование как временную передышку на пути к окончательному столкновению и победе. Горбачев на XXVII съезде КПСС в 1986 году объявил этот принцип как постоянную и неотъемлемую часть взаимоотношений между коммунизмом и капитализмом. По сути, так начался его путь возврата в международную систему, в которой Россия участвовала в досоветский период.

Во время моих визитов китайские руководители изо всех сил старались провести грань между моделями Китая и России, особенно горбачевской. На нашей встрече в сентябре 1990 года Цзян Цзэминь подчеркивал:

«Усилия найти китайского Горбачева напрасны. Вы можете понять это из Ваших бесед с нами. Ваш друг Чжоу Эньлай, бывало, говорил о наших пяти принципах мирного сосуществования. Ну, они по-прежнему существуют и сегодня. Неправильно, когда говорят, что в мире должна остаться только одна общественная система. Мы не хотим навязывать другим нашу систему, но мы и не хотим, чтобы другие навязывали нам свою систему».

Китайские руководители утверждали те же принципы сосуществования, что и Горбачев. Но использовали они их не

для успокоения Запада, как это делал Горбачев, а стремясь отгородить себя от Запада. В Пекине относились к Горбачеву как к никому не нужному человеку, не говоря уже, как к заблуждающемуся человеку. Его программа модернизации отвергалась как неверно сформулированная, поскольку ставила на первое место политические реформы, а не экономические. С китайской точки зрения, политические реформы могут понадобиться со временем, а экономические реформы должны им предшествовать. Ли Жуйхуань объяснял, почему ценовая реформа не сработала в Советском Союзе: когда практически все товары были в дефиците, реформа цен неизбежно вела к инфляции и панике. Чжу Жунцзи во время визита в США в 1990 году постоянно аплодировали и называли «китайским Горбачевым», ему все время приходилось подчеркивать: «Я не китайский Горбачев. Я — китайский Чжу Жунцзи»[634].

Когда я вновь посетил Китай в 1992 году, Цянь Цичэнь охарактеризовал коллапс Советского Союза следующим образом: «Как последствия взрыва — взрывная волна прошлась повсюду». Коллапс Советского Союза действительно создал новую геополитическую обстановку. Оценивая новый ландшафт, Пекин и Вашингтон обнаружили, что их интересы больше не совпадают с такой очевидностью, как в дни существования почти союзнических отношений. В те времена разногласия существовали преимущественно по вопросу тактики сопротивления советской гегемонии. Теперь же, когда общий противник лишился сил, на передний план неизбежно вышли различия в системах ценностей и мировоззрений руководств двух стран.

В Пекине конец «холодной войны» встретили с примесью облегчения и страха. С одной стороны, китайские руководители приветствовали дезинтеграцию советского противника. Возобладала стратегия Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина активного и даже наступательного сдерживания. В то же самое время китайские руководители не могли не сделать сравнения между развалом Советского Союза и их собственными внутренними вызовами. Они также унаследовали древнюю многонациональную империю и стремились управлять ею как современным социалистическим государством. Хотя процент неханьского населения в Китае был гораздо меньше (около

10%), чем доля нерусского населения в Советском Союзе (около 50%), этнические меньшинства с их несхожими традициями входили в состав Китая. Более того, национальные меньшинства проживали в стратегически уязвимых районах, граничащих с Вьетнамом, Россией и Индией.

Ни один американский президент в 1970-х годах не рискнул бы вступить в конфронтацию с Китаем до тех пор, пока Советский Союз представлял собой стратегическую угрозу. Для американской стороны, однако, распад Советского Союза представлял собой нечто вроде окончательного и всеобщего триумфа системы демократических ценностей. В обеих американских партиях считали, что традиционная «история» ушла в прошлое: и союзники, и противники одинаково двигались к признанию многопартийной парламентской демократии и открытых рынков (институтов, с американской точки зрения, неизбежно взаимосвязанных). А любые препятствия, стоящие на пути этого течения, должны были бы быть сметены.

Возникла новая концепция, суть которой сводилась к тому, что роль нации-государства снижалась по своему значению, а международная система отныне базировалась бы на транснациональных принципах. Поскольку подразумевалось, что демократии по своей природе миролюбивые, а автократии имеют тенденцию к насилию и международному терроризму, содействие смене режима рассматривалось как законное действие внешней политики, а не вмешательство во внутренние дела.

Руководители Китая отвергали американский прогноз относительно всеобщего триумфа западной либеральной демократии, но они также понимали: для реализации их программы реформ необходимо сотрудничество с Америкой. Поэтому в сентябре 1990 года они направили «устное послание» через меня президенту Бушу, заканчивавшееся призывом к американскому президенту:

«На протяжении почти столетия китайский народ подвергался запугиваниям и унижениям со стороны иностранных держав. Мы бы не хотели бередить старые раны. Я верю, Вы, г-н президент, как старый друг Китая, поймете чувства китайского народа. Китай ценит китайско-американские отноше-

ния и сотрудничество, доставшееся нам нелегко, но он еще больше ценит собственную независимость, суверенитет и достоинство.

В свете новой расстановки сил есть еще большая необходимость в безотлагательном возвращении китайско-американских отношений в нормальное русло. Уверен, Вы сможете найти путь к столь благой цели. А мы будем готовы соответствующим образом отреагировать на любой позитивный шаг, который Вы сможете предпринять в интересах улучшения китайско-американских отношений».

Для усиления лично мне адресованных слов Цзян Цзэминя сотрудники китайского министерства иностранных дел дали мне письменное послание для передачи президенту Бушу. Оно не было подписано и называлось письменным устным сообщением — более официальным, чем просто беседа, но менее очевидным, чем официальная нота. В дополнение заместитель министра иностранных дел, провожая меня в аэропорт, вручил мне письменные ответы на уточняющие вопросы, поднятые мною во время встречи с Цзян Цзэминем. Как и послание, их уже устно передали на встрече, а в письменном виде передали, подчеркивая их значение:

«ВОПРОС: В чем смысл и значение того факта, что Дэн не дает ответ на письмо президента?

ОТВЕТ: Дэн в прошлом году ушел в отставку. Он уже посылал президенту устное послание, где сообщалось о переходе всей административной власти по таким делам полностью к Цзяну.

ВОПРОС: Почему ответ устный, а не письменный?

ОТВЕТ: Дэн прочел письмо. Но поскольку он передал все дела Цзяну, он попросил Цзяна дать ответ. Мы хотели дать возможность д-ру Киссинджеру передать устный ответ президенту из-за той роли, которую д-р Киссинджер сыграл на благо американо-китайских отношений.

ВОПРОС: Известно ли Дэну содержание Вашего ответа?

ОТВЕТ: Конечно.

ВОПРОС: Что Вы имеете в виду, упомянув о том, что США не смогли предпринять «соответствующие меры»?

ОТВЕТ: Самой большой проблемой являются продолжающиеся санкции США в отношении Китая. Было бы лучше

всего, если бы президент смог снять их или даже снять де-факто. Кроме того, США играют решающую роль в вопросе о кредитах Всемирного банка. Еще одна проблема касается визитов на высоком уровне, являющихся частью пакета.

ВОПРОС: Готовы ли Вы будете рассмотреть еще одну пакетную сделку?

ОТВЕТ: В этом нет логики, коль скоро и первый пакет не реализован».

Президент Джордж Буш-старший исходя из собственного опыта считал неразумным проводить политику вмешательства в дела самой населенной страны и государства с самой длинной по продолжительности историей самоуправления. Готовый вмешаться при особых обстоятельствах и от имени отдельных лиц или отдельных групп, он полагал, что конфронтация по всем вопросам из-за внутренних структур Китая поставит под угрозу отношения, жизненно важные для национальной безопасности Америки.

В ответ на устное послание Цзян Цзэминя Буш сделал исключение в связи с запретом на визиты в Китай на высоком уровне и предложил государственному секретарю Джеймсу Бейкеру посетить Пекин и провести там консультации. Отношения на какой-то период стабилизировались. Но когда полтора года спустя к власти пришла администрация Клинтона, они вновь, на протяжении почти всего первого срока новой администрации, превратились в гонку на американских горках: то взмывали вверх, то опускались до низкой точки.

Администрация Клинтона и китайская политика

В ходе президентской кампании в сентябре 1992 года Билл Клинтон бросил вызов принципам правления в Китае и критиковал администрацию Буша за «обхаживание» Пекина после Тяньаньмэнь. «Китай не сможет всегда противостоять силам, выступающим за демократические перемены, — говорил Клинтон. — Однажды он пойдет по пути коммунистических режимов в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе.

Соединенные Штаты должны сделать все возможное, чтобы стимулировать этот процесс»[635].

После вступления Клинтона в должность в 1993 году он взял курс на «увеличение» количества демократий как на главную цель внешней политики. Как он заявил на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1993 года, цель состояла в «расширении и укреплении мирового сообщества рыночно ориентированных демократий» и «увеличении круга стран, живущих с теми свободными институтами», до тех пор пока человечество не получит «мир процветающих демократий, сотрудничающих друг с другом и живущих в мире»[636].

Наступательная позиция новой администрации по правам человека не ставила своей целью ослабление Китая или достижение стратегического перевеса для Соединенных Штатов. Она отражала общее представление о мировом порядке, где предполагалось участие Китая как уважаемого члена сообщества. С точки зрения администрации Клинтона, они искренне попытались поддержать действия, которые, как полагал президент и его советники, послужат на пользу Китаю.

В Пекине, однако, нажим со стороны Америки, подкрепленный давлением со стороны других западных демократий, рассматривался как план сохранить Китай слабым посредством вмешательства в его внутренние вопросы, так, как это делали колонизаторы XIX века. Китайские руководители трактовали заявления новой администрации как попытки капиталистов свергнуть коммунистические правительства во всем мире. Они испытывали глубокое подозрение, что в связи с распадом Советского Союза Соединенные Штаты могут поступить так, как предсказывал Мао Цзэдун: покончив с разрушением одного коммунистического гиганта, «ткнуть пальцем» в спину другого.

На слушаниях по вопросу об утверждении в должности государственный секретарь Уоррен Кристофер использовал более сдержанные термины при описании цели трансформирования Китая: Соединенные Штаты будут «стремиться обеспечивать мирную эволюцию Китая от коммунизма к демократии путем поощрения сил экономической и политической либерализации в великой стране»[637]. Но упоминание Кристофером «мирной эволюции» оживило, хотел он того или нет,

термин, использованный Джоном Фостером Даллесом в качестве предвидения развала коммунистических государств. Для Пекина это прозвучало не очень обнадеживающе и воспринималось как западные планы превращения Китая в капиталистическую демократию без использования войны[638]. В Соединенных Штатах заявления и Клинтона, и Кристофера не рассматривались как одиозные. Но в Пекине их обоих предали анафеме.

Бросив перчатку — даже, возможно, полностью не сознавая масштабы проблемы, — администрация Клинтона объявила о готовности «привлекать» Китай к как можно более широкому кругу вопросов. Имелись в виду условия внутренних реформ в Китае и его более широкая интеграция в мировую экономику. А то, что китайские руководители испытывали беспокойство по поводу того, что им надо вести диалог именно с теми высокопоставленными американскими официальными лицами, которые только что призывали к замене их политической системы, явно не считалось непреодолимым препятствием. Судьба этой инициативы демонстрирует сложности и двусмысленности такой политики.

Китайские руководители больше не делали заявлений о том, что они представляют уникальную революционную истину, пригодную для использования вовне. Вместо этого они придерживались в принципе оборонительной цели, продвигаясь к миру, не слишком враждебному их системе правления или территориальной целостности, и стараясь выиграть время для развития своей экономики и решения своих внутренних проблем устраивающими их темпами. Это была одна из внешнеполитических установок, возможно, более близкая позиции Бисмарка, чем Мао Цзэдуна: работающая по принципу поэтапных приращений, имеющая оборонительный характер, опирающаяся на строительство дамб против неблагоприятных исторических подводных течений. Но даже при изменившихся течениях китайские руководители демонстрировали горячее чувство независимости. Они скрывали свою озабоченность, используя любую возможность для объявления о своей решимости сопротивляться давлению извне. Как Цзян Цзэминь в 1991 году настойчиво уверял меня, «мы никогда не поддадим-

ся давлению. Это очень важно [сказано по-английски]. Это философский принцип».

Не признавали лидеры Китая и толкование окончания «холодной войны» как наступление периода Америки в качестве гипердержавы. Во время состоявшейся в сентябре 1991 года беседы Цянь Цичэнь предостерегал: новый международный порядок не может на неопределенное время оставаться однополярным, и Китай будет стремиться к созданию многополярного мира. Это означало — Китай будет противодействовать господству Америки. Он сослался на демографические реалии, включая и прозвучавшую несколько угрожающе ссылку на преимущество Китая в виде огромного населения, для подкрепления своего мнения:

«Мы считаем невозможным существование такого однополярного мира. По-видимому, кому-то кажется, что после окончания войны в Персидском заливе и «холодной войны» США могут делать все, что заблагорассудится. Не думаю, что это правильно. ...Исламский мир насчитывает более миллиарда населения. Население Китая составляет 1,1 миллиарда. В Южной Азии проживает более одного миллиарда человек. Население Китая превосходит население США, Советского Союза, Европы и Японии, вместе взятых. Мир по-прежнему остается многообразным».

Премьер Ли Пэн выразил, возможно, самую искреннюю оценку проблемы прав человека. В ответ на мое описание трех областей политики, требующих улучшения — права человека, передача военных технологий и торговля, — он в декабре 1992 года так сформулировал свое мнение:

«В том, что касается упомянутых Вами трех областей, мы можем поговорить о правах человека. Но в связи с большими различиями между нами я сомневаюсь в возможности достижения большого прогресса. Концепция прав человека включает традиции, а также систему моральных и философских ценностей. В Китае они отличаются от западных. Мы считаем, что китайский народ должен иметь больше демократических прав и играть более важную роль во внутренних делах. Но это должно быть сделано в приемлемом для китайского народа виде».

Подтверждение Ли Пэном необходимости прогресса в отношении демократических прав, исходящее от представи-

теля консервативного крыла китайского руководства, прозвучало впервые. Беспрецедентной была и его откровенность, с какой он очертил пределы китайской гибкости: «Естественно, мы можем кое-что сделать в таких вопросах, как права человека. Мы можем провести дискуссии и, не идя на компромисс по принципиальным вопросам, можем предпринять гибкие меры. Но мы не сможем прийти к полному соглашению с Западом. Это потрясло бы все основы нашего общества».

То, что можно было бы назвать китайской инициативой, сделанной в первый срок президентства Клинтона, требовало принятия каких-то мер: ими стала попытка администрации обусловить предоставление Китаю торгового статуса наиболее благоприятствуемой нации улучшением положения в области прав человека в Китае. Понятие «наиболее благоприятствуемой нации» в некотором роде не совсем точное: поскольку значительное большинство стран имеет такой статус, это не столько признак благоприятствования, сколько подтверждение наличия у страны нормальных торговых привилегий[639]. Концепция обусловленности принципа «наиболее благоприятствуемой нации» преследовала моральные цели как сугубо американская прагматическая концепция вознаграждений и наказаний (или кнута и пряника). Как объяснял советник президента Клинтона по вопросам национальной безопасности Энтони Лейк, Соединенные Штаты готовы отказывать в льготе до тех пор, пока не будет достигнут необходимый результат, «применяя наказания, увеличивающие цену репрессий и агрессивного поведения» до тех пор, пока китайское руководство не сделает разумный перерасчет с учетом национальных интересов и не либерализирует свои внутренние институты[640].

В мае 1993 года Уинстон Лорд, в то время являвшийся помощником государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана, а в 1970-х годах бывший моим незаменимым сподвижником во время открытия Китая, посетил Пекин, планируя проинформировать китайских официальных лиц о мышлении новой администрации. В конце своей поездки Лорд предупредил, что следует сделать «значительный прогресс» в вопросах о правах человека, нераспространения и других, если Китай хочет избежать снятия статуса «наиболее благоприятствуемой нации»[641]. Оказавшись в ситуации, когда

китайское правительство отвергает выдвижение любых условий как незаконное дело, а американские политики требуют выдвижения даже еще более строгих условий, он не смог продвинуться ни на шаг.

Я посетил Пекин вскоре после визита Лорда и столкнулся с ситуацией, когда китайское руководство вело борьбу за выработку курса, способного помочь им выбраться из тупика с обусловленностью предоставления статуса «наиболее благоприятствуемой нации». Цзян Цзэминь сделал «дружеское предложение»:

«Китай и США, как две большие страны, должны изучить проблемы с точки зрения долгосрочной перспективы. Экономическое развитие и социальная стабильность Китая отвечают интересам Китая, но также и превращают Китай в большую силу в борьбе за мир и стабильность в Азии и в других частях света. Я считаю, что при оценке других стран Соединенным Штатам необходимо принимать во внимание их чувство собственного достоинства и суверенитет. Это дружеское предложение».

Цзян Цзэминь вновь попытался разубедить Соединенные Штаты в том, что Китай не может быть потенциальной угрозой или соперником и, таким образом, убрать всякие мотивы для Америки в сдерживании Китая:

«Вчера на симпозиуме я обсуждал этот вопрос. Я упомянул также статью в «Таймс», где предполагалось, будто Китай однажды превратится в сверхдержаву. Я уже много и много раз говорил: Китай никогда не станет угрозой ни для какой страны».

На фоне жесткой риторики Клинтона и воинственного настроя конгресса Лорду удалось договориться с лидером сенатского большинства Джорджем Митчеллом и членом палаты представителей Нэнси Пелоси о продлении статуса «наиболее благоприятствуемой нации» на год. Достигнутый компромисс выражен в виде гибкого правительственного распоряжения — документа исполнительной власти, а не в виде имеющего обязательную силу законодательного решения. В нем условия сводились больше к правам человека, а не к другим сферам демократизации, на чем настаивали многие в конгрессе. Однако для китайцев выдвижение условий являлось

принципиальным вопросом — точно так же, как для Советского Союза, отвергавшего поправку Джексона — Вэника. Пекин выступал против факта выдвижения условий, но не против их содержания.

28 мая 1993 года президент Клинтон подписал правительственное распоряжение о продлении Китаю статуса «наиболее благоприятствуемой нации» на год. После чего статус либо будет возобновлен, либо отменен в зависимости от поведения Китая. При этом Клинтон подчеркнул, что «суть» китайской политики администрации будет состоять в том, чтобы решительно добиваться значительного прогресса в области прав человека в Китае[642]. Он объяснил обусловленность статуса «наиболее благоприятствуемой нации» выражением гнева Америки по поводу событий на площади Тяньаньмэнь и продолжающейся «глубокой озабоченности» по поводу тех способов, какими управляют в Китае[643].

Правительственное распоряжение сопровождалось риторикой, содержащей столько критики в адрес Китая, сколько не содержалось в высказываниях всех предыдущих администраций, начиная с 1960-х годов. В сентябре 1993 года советник по вопросам национальной безопасности Лейк в одном из выступлений предложил причислять Китай (до тех пор пока он не подчинится американским требованиям) к числу, как он назвал, «реакционных негативно реагирующих на критику государств», придерживающихся устаревших форм правления посредством «военной силы, политических заключений и пыток», а также «широко практикующих расизм, не борющихся с этническими предрассудками, осуществляющих преследования по религиозным мотивам, проявляющих ксенофобию и ирредентизм»*[644].

Произошел еще ряд событий, содействовавших углублению подозрений со стороны Китая. Переговоры о вступлении Китая в ГАТТ, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (позднее трансформировалось во Всемирную торговую

* Ирредентизм — политическое движение в Италии в конце XIX века за присоединение к Италии территорий, прилегающих к ее границам и населенных итальянцами. Возможно, автор высказывания Э. Лейк имел в виду территориальные претензии Китая к соседним государствам. — *Примеч. пер.*

организацию, или ВТО) зашли в тупик по ряду существенных вопросов. Заявка Пекина на проведение Олимпийских игр 2000 года подверглась нападкам. Большинство в обеих палатах конгресса выразило свое неодобрение этой заявке. Правительство США осторожно промолчало[645]. Просьба Китая о проведении Олимпийских игр не набрала нужного количества голосов. Напряженность продолжала накаляться, чему способствовала несанкционированная (и в конечном счете безуспешная) американская инспекция китайского судна, подозреваемого в наличии на его борту компонентов химического оружия для Ирана. Все эти инциденты, при том, что у каждого из них имелись свои резоны, анализировались в Китае через призму китайского образца стратегии Сунь-цзы, признающей не единичные события, а только типовые варианты событий, отражающие общий замысел.

Все встало на свои места во время визита государственного секретаря Уоррена Кристофера в Пекин в марте 1994 года. Как позднее вспоминал Кристофер, целью его визита было решение вопроса о «наиболее благоприятствуемой нации» к тому времени, когда в июне истек бы срок продления на год статуса «наиболее благоприятствуемой нации», и «обратить внимание китайцев на то, что в соответствии с политикой президента у них остается мало времени на приведение в порядок их дел в области прав человека. Если они хотели сохранить привилегии по сниженным торговым тарифам, должен быть значительный прогресс в этой сфере, и достигнут он должен быть как можно скорее»[646].

Китайские представители сочли время, выбранное для визита, крайне неудачным. Прибытие Кристофера совпадало с днем открытия ежегодной сессии китайского законодательного органа — Всекитайского Собрания народных представителей. Присутствие американского госсекретаря, обвиняющего китайское правительство по вопросам прав человека, предполагало либо поставить на второй план слушания в законодательном органе, либо заставить китайских официальных лиц занять оборонительную позицию и подтвердить свое неприятие давления извне. Позднее Кристофер признал: это было «отличным местом для демонстрации своего намерения противостоять Америке»[647].

Они так и поступили. В итоге произошло одно из наиболее явно выраженных враждебных дипломатических столкновений с начала американо-китайского сближения. Сопровождавший Кристофера Лорд описал встречу Кристофера с Ли Пэном как «самую жесткую дипломатическую встречу, на которой ему приходилось присутствовать»[648] — а он вместе со мной принимал участие во всех переговорах с северными вьетнамцами. Кристофер рассказал в своих мемуарах о реакции Ли Пэна, утверждавшего, что «политика Китая в области прав человека — не наше дело», заметив, что у самих Соединенных Штатов есть множество проблем с правами человека, на которые следовало бы обратить внимание». «...Желая убедиться в том, что я должным образом оценил всю глубину их неудовольствия, китайцы резко отменили мою встречу с президентом Цзян Цзэминем, которая должна была состояться несколько позднее в этот же день»[649].

Вся эта напряженность, перечеркивавшая, казалось, два десятилетия созидательной китайской политики, привела к расколу в администрации между экономическими и политическими ведомствами, ответственными за оказание нажима по вопросу о правах человека. Столкнувшись с китайским сопротивлением и внутренним давлением в Америке имеющих дела с Китаем компаний, администрация обнаружила себя в унизительной позиции упрашивающей Пекин стороны в последние недели до истечения срока, чтобы тот сделал достаточно скромные уступки, на основании чего Америка получила бы возможность предоставить Китаю статус «наиболее благоприятствуемой нации».

Вскоре после возвращения Кристофера и с приближением назначенного ею самой конечного срока продления статуса «наиболее благоприятствуемой нации» администрация тихо отменила свою политику выдвижения условий. 26 мая 1994 года Клинтон объявил, что пользы от этой политики больше нет и что статус «наиболее благоприятствуемой нации» для Китая будет продлен еще на один год, по существу, без каких-либо условий. Он обязался следить за прогрессом в области прав человека другими средствами, такими как поддержка НПО в Китае и поощрение тех, кто лучше всего ведет бизнес.

Следует еще раз повторить: Клинтон все время имел намерения поддержать политику, сохраняющую отношения с Китаем на протяжении срока работы пяти администраций от обеих партий. Но как недавно избранный президент он чутко реагировал на общественное мнение внутри Америки, гораздо более чутко, чем на нечто неосязаемое, из чего состоял китайский подход к внешней политике. Он выдвинул условия из-за своей убежденности и, что было превыше всего, потому что хотел защитить китайскую политику от назревавшего удара со стороны конгресса, пытавшегося окончательно отказать Китаю в предоставлении статуса «наиболее благоприятствуемой нации». Клинтон считал, что китайцы «обязаны» администрации США и должны пойти на уступки по правам человека для возобновления контактов на высшем уровне и получения статуса «наиболее благоприятствуемой нации». Однако китайцы считали, что они «имеют право» на такие же ничем не обусловленные контакты на высоком уровне и условия торговли, которые предоставляют им другие страны. Они не рассматривали устранение односторонней угрозы в качестве уступки и чрезвычайно чувствительно относились к любому намеку на вмешательство в их внутренние дела. До тех пор пока права человека оставались главной темой китайско-американского диалога, стороны неизбежно заходили в тупик. Этот опыт заслуживает внимательного исследования защитниками политики конфронтации в наши дни.

В оставшееся время своего пребывания на посту президента в первый срок Клинтон сократил конфронтационные действия и стал подчеркивать «конструктивное вовлечение». Лорд созвал послов США в Азии на совещание на Гавайях для обсуждения всесторонней азиатской политики и установления баланса между целями администрации в области прав человека и геополитическими императивами. Пекин взял на себя обязательство возобновить диалог, необходимый для достижения успеха программы реформ и членства Китая в ВТО.

Клинтон, как и Джордж Буш-старший до него, с пониманием относился к озабоченности сторонников демократических перемен и прав человека. Однако, как и все его предшественники, он пришел к пониманию необходимости учета убеж-

дений китайских руководителей и их стойкости перед лицом национальной проблемы.

Отношения между Китаем и Соединенными Штатами быстро шли на поправку. Долгожданный визит Цзян Цзэминя в Вашингтон состоялся в 1997 году, ответом ему был 8-дневный визит Клинтона в Пекин в 1998 году. Оба президента продемонстрировали кипучую энергию. В печати появились пространные коммюнике. Они создали консультативные органы, занимавшиеся массой технических вопросов, и покончили с атмосферой конфронтации, омрачавшей отношения почти 10 лет.

Чего не хватало отношениям — так это такой четко очерченной взаимной цели, которая объединила бы Пекин и Вашингтон в противодействии советскому «гегемонизму». Американские руководители не могли не забыть различные формы давления в части, касающейся прав человека, создававшиеся благодаря их собственной внутренней политике и их убеждениям. Китайские руководители продолжали рассматривать американскую политику как нацеленную, по крайней мере частично, на то, чтобы не допустить достижения Китаем статуса великой державы. Во время беседы в 1995 году Ли Пэн озвучил тему заверений, сводившихся к тому, чтобы успокоить вероятные страхи американцев в отношении тех целей, которые мог бы преследовать возрождающийся Китай: «Некоторым людям не стоит волноваться по поводу быстрого развития. Китаю понадобится 30 лет, чтобы догнать среднеразвитые страны. Наше население слишком большое». Соединенные Штаты, в свою очередь, регулярно обязывались не менять свою политику на политику сдерживания. В результате заверений с обеих сторон каждая из них получила возможность делать то, в чем она уверяла другую сторону, таким образом, частично себя сдерживая. Уверения в силу этого переплелись с угрозами.

Третий кризис в Тайваньском проливе

Когда напряженность вокруг предоставления статуса «наиболее благоприятствуемой нации» еще только пытались преодолеть, вновь возник тайваньский вопрос. В условиях молчаливой договоренности по поддержанию в силе трех

коммюнике, на чьей основе строилась нормализация китайско-американских отношений, Тайвань создал здоровую экономику и демократические институты. Он вступил в Азиатский банк развития и АТЭС (организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) и с согласия Пекина принимал участие в Олимпийских играх. Пекин со своей стороны, начиная с 1980-х годов, выдвигал предложения об объединении, которое обеспечило бы Тайваню полную внутреннюю автономию. В случае согласия Тайваня принять статус «Специального административного района» Китайской Народной Республики (такой же юридический статус, какой должны были получить Гонконг и Макао) Пекин обязывался разрешить ему сохранить собственные политические институты и даже собственные вооруженные силы[650].

Тайбэй среагировал на предложения Пекина осторожно-сдержанно. Однако он получал выгоды от экономического преобразования Китайской Народной Республики и все больше вступал в экономическом плане во взаимозависимость с ней. После ослабления ограничений на двустороннюю торговлю и капиталовложения в конце 1980-х годов многие тайваньские компании перенесли производство на материк. К концу 1993 года Тайвань обогнал Японию и стал вторым крупным источником иностранных инвестиций в Китай[651].

Если экономическая взаимозависимость все более усиливалась, то политические пути обеих сторон расходились весьма значительно. В 1987 году стареющий лидер Тайваня Чан Кайши отменил военное положение. Произошла решительная либерализация внутренних институтов на Тайване: были сняты ограничения в прессе, соперничающие политические партии получили разрешение принимать участие в выборах в законодательные органы. В 1994 году поправка в конституцию положила основу для прямых выборов тайваньского президента на основе всеобщего избирательного права. Новые голоса на политической арене, которые были вынуждены ограничивать свою деятельность из-за военного положения, введенного в период запретов, стали проповедовать ясно выраженное национальное самосознание тайваньцев и в перспективе официальную независимость. Возглавлял их Ли Дэнхуэй, энергичный экономист в области сельского хозяй-

ства, строивший свою карьеру в рядах Гоминьдана и ставший его председателем в 1988 году.

Ли Дэнхуэй воплощал в себе все то, что ненавидел Пекин в тайваньских официальных лицах. Он вырос во время японской колонизации Тайваня, носил японское имя, учился в Японии и служил в японской императорской армии во время Второй мировой войны. Позже он совершенствовал свое образование в Соединенных Штатах в Корнелльском университете*. В отличие от большинства гоминьдановских функционеров Ли являлся выходцем с Тайваня и откровенно говорил о том, что он считает себя «прежде всего тайваньцем, а уж потом китайцем», а потому гордым и упорным защитником специфических институтов и исторического опыта Тайваня[652].

По мере приближения выборов 1996 года Ли Дэнхуэй и его кабинет министров предприняли серию актов, направленных на расширение того, что они называли «международным жизненным пространством». Создавая трудности для Пекина (и для многих в Вашингтоне), Ли и руководители министерств стали проводить так называемую «отпускную дипломатию», когда большие делегации тайваньских официальных лиц выезжали в разные столицы мира в «неофициальном качестве», подчас во время проведения там встреч международных организаций. Оказавшись там, они старались организовать встречи с проявлением как можно большего количества формальных признаков государственного характера данных мероприятий.

Администрация Клинтона пыталась отстраниться от такого поворота дел. В ноябре 1993 года на встрече с Цзян Цзэминем и во время пресс-конференции в Сиэтле по случаю встречи в верхах стран — членов АТЭС, расположенных на обоих берегах Тихого океана, Клинтон сказал:

«На нашей встрече я подтвердил, что Соединенные Штаты основываются на трех коммюнике как на краеугольном камне нашей политики «одного Китая»...

Проводимая Соединенными Штатами политика «одного Китая» — наиболее подходящая для Соединенных Штатов

---

* Корнелльский университет — один из крупнейших и известнейших университетов США, расположен в Итаке, штат Нью-Йорк. — *Примеч. пер.*

политика. Она не мешает нам выполнять Акт об отношениях с Тайванем. Не препятствует она и развитию крепких экономических отношений, которые, к нашему удовлетворению, мы имеем с Тайванем. Как Вы знаете, на этой встрече присутствует и представитель [Тайваня]. Поэтому я оптимистично настроен в отношении сложившейся ситуации. Но я не думаю, что это может стать препятствием в развитии наших отношений с Китаем»[653].

Но для осуществления подхода Клинтона тайваньским руководителям следовало проявить сдержанность. Но Ли Дэнхуэй был настроен на продвижение принципа национального самосознания Тайваня. В 1994 году он хотел добиться разрешения на остановку на Гавайях для дозаправки его самолета по пути в Центральную Америку — тогда впервые тайваньский президент приземлился на американской земле. Следующей целью Ли Дэнхуэя стала встреча в 1995 году выпускников Корнелльского университета, где он в 1958 году получил степень доктора философии в области экономики. Под неистовым напором новоизбранного спикера палаты представителей Ньюта Гингрича конгресс проголосовал единогласно в палате представителей и только при одном голосе «против» в сенате в поддержку визита Ли Дэнхуэя. Уоррен Кристофер заверил китайского министра иностранных дел в апреле, что согласие на визит Ли будет «несовместимо с американской политикой», но, столкнувшись с таким внушительным напором, администрация пошла на попятный и дала согласие на его частный и неофициальный визит.

Оказавшись в Корнелле, Ли Дэнхуэй произнес речь, нарушив понятие «неофициальный». Вкратце отдав дань приятным воспоминаниям о проведенном в Корнелле времени, Ли начал оживленно говорить о стремлении тайваньского народа к официальному признанию его независимости. Его обтекаемые формулировки, частые упоминания слов «страна» и «нация» и прямолинейное обсуждение вопроса о неизбежной гибели коммунизма переполнили чашу терпения Пекина.

Пекин отозвал посла из Вашингтона, задержал выдачу агремана на кандидатуру нового посла США в КНР Джеймса Сассера и отменил другие официальные контакты с американским правительством. Затем, действуя по сценарию кри-

зиса в Тайваньском проливе в 1950-х годах, Пекин начал военные маневры и ракетные испытания с побережья юго-восточной части Китая, что стало частью военного сдерживания и политического спектакля. Выполняя ряд угрожающих шагов, Китай выстрелил ракетами в район Тайваньского пролива, демонстрируя свои военные возможности и предупреждая тайваньских лидеров. Но боеголовки снарядов были холостыми, без боевого заряда, таким образом, давалось понять — запуски сделаны с чисто символической целью.

Спокойное состояние в тайваньском вопросе могло сохраняться до тех пор, пока ни одна из сторон не нарушала три коммюнике. Поскольку они содержали так много неопределенностей, любое усилие любой из сторон изменить структуру или навязать свою интерпретацию содержащихся в них статей могло бы перевернуть все устоявшиеся концептуальные рамки. Пекин не требовал разъяснений, но коль скоро ему бросили вызов, он должен был показать, хотя бы по минимуму, то, как серьезно он воспринял данную проблему.

В начале июля 1995 года, когда кризис все еще набирал обороты, я находился в Пекине с делегацией Американо-китайского общества, двухпартийной группы бывших высокопоставленных официальных лиц, имевших дела с Китаем. 4 июля мы встречались с Цянь Цичэнем, занимавшим тогда пост заместителя премьера Госсовета КНР, и китайским послом в Соединенных Штатах Ли Даоюем. Цянь Цичэнь разложил по полочкам китайскую позицию. Вопрос о суверенитете не подлежит никакому обсуждению:

«Д-р Киссинджер, Вы должны бы знать, какое большое значение Китай придает китайско-американским отношениям, несмотря на случающиеся иногда между нами ссоры. Мы хотели бы восстановить китайско-американские отношения до нормального уровня и улучшить их. Но Соединенные Штаты должны ясно понимать одну вещь: у нас нет пространства для маневра по тайваньской проблеме. Мы никогда не отступимся от нашей принципиальной позиции по Тайваню».

Отношения с Китаем достигли такой точки, когда излюбленным оружием как Соединенных Штатов, так и Китая стала отмена контактов на высоком уровне, создавая парадоксальную ситуацию: обе стороны лишали сами себя механизма

урегулирования кризисных ситуаций, хотя это требовалось больше всего. После распада Советского Союза каждая сторона заявила о дружбе с другой стороной уже не столько для достижения общей стратегической цели, сколько для того, чтобы искать пути знакового сотрудничества — в данный момент вопреки его актуальности.

Вскоре после моего приезда китайские руководители передали о своем желании достижения мирного исхода, использовав один из своих излюбленных тонких приемов, в которых они были горазды. До начала мероприятий по программе пребывания группы Американо-китайского общества меня пригласили выступить в одну из средних школ в Тяньцзине, которую однажды посещал Чжоу Эньлай. В сопровождении высокопоставленного представителя министерства иностранных дел я сфотографировался около статуи Чжоу. Представляя меня, официальное лицо использовало этот случай для воспоминаний о лучших временах тесного китайско-американского сотрудничества.

Другой признак того, что дела не выйдут из-под контроля, подал Цзян Цзэминь. Хотя обсуждение со всех сторон проходило бурно, я спросил Цзян Цзэминя, остается ли в силе заявление Мао Цзэдуна о том, что Китай может ждать 100 лет возвращения Тайваня. «Нет», — ответил Цзян. Когда я попросил уточнить, в каком смысле «нет», Цзян сказал: «Обещание дано 23 года назад. Сейчас осталось только 77 лет».

Заявленное взаимное желание достичь ослабления напряженности наталкивалось на последствия тяньаньмэньского кризиса. С 1989 года не велись диалоги на высоком уровне, не было визитов министров, единственным обсуждением на высоком уровне за шесть лет являлись встречи на поле международных встреч или в ООН. Парадоксально, но после военных маневров в Тайваньском проливе неотложная проблема превратилась частично в процедурный вопрос о том, как могут организовываться встречи между руководителями.

Со времени событий на площади Тяньаньмэнь китайцы хотели добиться приглашения осуществить президентский визит в Вашингтон. Оба президента, Буш и Клинтон, избегали такого приглашения. Проблема действовала как раздражитель. Китайцы также отказывались от контактов на высоком

уровне до получения гарантий неповторения случаев визита в Америку тайваньского президента.

Ситуация вновь вернулась ко времени обсуждений в конце секретной поездки 25 лет назад, чуть притормозивших из-за вопроса о том, кто кого приглашает. Тупик помогла преодолеть формулировка Мао Цзэдуна, суть которой сводилась к тому, что каждая из сторон пригласила другую.

Своего рода решение было найдено на встрече государственного секретаря Кристофера и китайского министра иностранных дел на мероприятии в рамках АТЭС в Брунее, когда стороны обошли вопрос о том, кто сделает первый шаг. Госсекретарь Кристофер передал заверение — включая остающееся до сих пор под грифом президентское послание с изложением американских намерений — относительно визитов в Америку тайваньских высокопоставленных лиц и приглашение о встрече Цзян Цзэминя с президентом.

Встреча на высшем уровне между Цзян Цзэминем и Клинтоном осуществилась в октябре, хотя и не совсем так, как требовалось бы для удовлетворения чувства собственного достоинства Китая. Она не имела статуса государственного визита и состоялась не в Вашингтоне. Ее проведение намечалось в Нью-Йорке, в рамках мероприятий, посвященных празднованию 50-й годовщины Организации Объединенных Наций. Клинтон встретился с Цзян Цзэминем в Линкольн-центре в рамках серии подобных встреч с большинством важных руководителей, участвовавших в сессии ООН. Визит китайского президента сразу после китайских военных маневров в Тайваньском проливе в Вашингтон восприняли бы излишне враждебно.

В такой атмосфере нерешительности и неопределенности — скрытых заигрываний и сдержанных отступлений — тайваньские парламентские выборы, назначенные на 2 декабря 1995 года, вновь накалили атмосферу. Пекин начал новую серию военных учений у берегов провинции Фуцзянь с участием военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил, проводивших совместные маневры с имитацией высадки морского десанта на территорию противника. Маневры сопровождались такой же по силе агрессивной кампанией психологических средств. За день до начала парламентских вы-

боров НОАК объявила о дальнейшей серии учений, намеченных на март 1996 года, как раз накануне президентских выборов на Тайване[654].

По мере приближения выборов ракетные испытания «брали в клинч» Тайвань, когда снаряды падали сразу за пределами портовых городов на северо-востоке и юго-западе острова. Соединенные Штаты ответили самой значительной американской демонстрацией силы против Китая со времени начала сближения в 1971 году, направив две авианосные ударные группы с авианосцем «Нимиц» в Тайваньский пролив под предлогом «плохой погоды». В то же самое время, проходя по узкому проливу, Вашингтон заверил Китай в верности своей политики «одного Китая» и предупредил Тайвань против участия в провокационных акциях.

Балансируя на краю пропасти, и Вашингтон, и Пекин сделали ход назад, поняв, что у них нет военной цели, из-за которой стоило бы развязать войну, или каких-то условий, из-за которых мог бы быть нарушен существующий баланс сил. Это была именно та реальность, где (как это описывала Мадлен Олбрайт) Китай «является сам по себе уникальным — слишком большим, чтобы его игнорировать, слишком репрессивным, чтобы с ним обниматься, трудным для того, чтобы на него оказывать влияние, и очень, очень гордым»[655]. Америка, в свою очередь, была слишком мощной, чтобы ее можно было принудить что-то делать, и слишком завязана на необходимость развития конструктивных отношений с Китаем. Сверхдержавная Америка, динамичный Китай, глобализированный мир и постепенный сдвиг центра притяжения с Атлантики в район Тихого океана требовали мирных отношений сотрудничества. После кризиса отношения между Китаем и Соединенными Штатами значительно улучшились.

По мере приближения отношений к уровню прежних высот новый кризис потряс взаимоотношения так неожиданно, как удар грома в конце летнего дня. Во время войны в Косово, в момент, можно сказать, кульминации американо-китайских отношений, в мае 1999 года построенный в Миссури американский бомбардировщик «B-2» разбомбил китайское посольство в Белграде. Буря протестов охватила Китай. Студенчество и правительство, кажется, объединились в возмущении по

поводу того, что они расценили как еще одно проявление американского неуважения суверенитета Китая. Цзян Цзэминь заявил о «преднамеренной провокации». Не скрывая беспокойства, он облек свою мысль в пафосные выражения: «Великая Китайская Народная Республика никогда не поддастся запугиваниям, великая китайская нация никогда не согласится терпеть унижения, великий китайский народ никогда не будет завоеван»[656].

Как только Мадлен Олбрайт проинформировали об инциденте, она попросила заместителя председателя Объединенного командования начальников штабов сопроводить ее в китайское посольство в Вашингтоне, хотя дело происходило глубокой ночью, намереваясь выразить сожаления правительства США[657]. Цзян Цзэминь, учитывая настроения общественности, чувствовал, однако, не только необходимость высказать собственное возмущение, но также и использовать такие формулировки, которые помогли бы сдержать общественность (например, похожие на те, которые использовал американский президент в вопросе о правах человека).

Недовольство Китая уравновешивалось доводами с американской стороны о необходимости осадить Китай. Обе точки зрения отражали серьезные убеждения и иллюстрировали наличие потенциала для конфронтации во взаимоотношениях, в которые обе стороны вовлекла природа современной внешней политики, осуществлявшейся в напряженности друг с другом по всему миру. Правительства с обеих сторон оставались приверженными необходимости поддержания отношений сотрудничества, но они не могли контролировать все пути, где стороны могли столкнуться между собой. В этом состояла нерешенная проблема в китайско-американских отношениях.

Возвышение Китая и рефлексии Цзян Цзэминя

Во время изложенных выше кризисов 1990-е годы стали свидетелями периода ошеломительного экономического роста в Китае, а с этим и гораздо большей роли, которую страна стала играть в мире. В 1980-х годах реформа и открытие Китая для

внешнего мира частично оставались еще только мечтой: их результаты уже обозначились, но по вопросам глубины и продолжительности их действия все еще шли споры. Внутри самого Китая направление развития пока вызывало вопросы. После событий на площади Тяньаньмэнь некоторые представители научных и политических элит выступали за поворот на внутреннее развитие и сворачивание экономических связей Китая с Западом (настроение, с которым Дэн Сяопин считал своим долгом вести борьбу во время «поездки на юг»). Когда Цзян Цзэминь получил высшие посты в стране, сектор построенных по советской модели государственных предприятий, в большинстве своем еще не подвергшихся реформе, составлял более 50% экономики страны[658]. Связи Китая с мировой торговой системой носили временный и частичный характер. Иностранные компании все еще проявляли скептицизм в вопросе инвестирования в экономику Китая, а китайские компании весьма редко отваживались на операции за рубежом.

К концу этого десятилетия то, что когда-то казалось немыслимым делом, становилось реальностью. На протяжении десяти лет экономика Китая росла темпами не ниже 7% в год, а чаще всего этот показатель составлял более 10%, продолжался рост ВВП на душу населения — такие темпы оставались одними из самых стабильных и мощных за всю историю[659]. К концу 1990-х годов средний доход примерно в три раза превышал уровень 1978 года, в городе темпы роста доходов ускорялись гораздо более значительно, обгоняя уровень 1978 года примерно в пять раз[660].

В ходе всех этих перемен бурно росла торговля Китая с соседними странами, и он стал играть все возрастающую роль экономического регионального центра. Китай справился с опасно нараставшей инфляцией в начале 1990-х годов, осуществив контроль за перемещением капиталов и жесткие меры финансовой экономии, позже помогшие ему пережить самый суровый финансовый кризис в Азии в 1997—1998 годах. Встав впервые в качестве оплота экономического роста и стабильности в период экономического кризиса, Китай оказался в непривычной для себя роли: когда-то получатель иностранных, часто западных, рекомендаций в области экономической политики, он сделался сейчас независимым ав-

тором собственных решений — и источником чрезвычайной помощи другим экономикам в кризисных ситуациях. К 2001 году новый статус укрепился успехом с заявкой на проведение Олимпийских игр 2008 года и завершением переговоров о членстве Китая в ВТО.

Происходившие метаморфозы подпитывались некоторым пересмотром внутриполитической философии в Китае. Идя дальше по начертанному Дэн Сяопином пути реформы, Цзян Цзэминь занялся расширением концепции коммунизма, прежде строившегося как базы исключительно одного класса, открыв его для более широкого спектра общества. Он сформулировал свою философию, ставшую известной как «теория трех представительств», на XVI съезде КПК (последнем съезде, в котором он принял участие в качестве президента накануне первой мирной передачи власти в современной истории Китая). Теория объясняла, почему партия, добившаяся поддержки в ходе революции, нуждалась в представлении интересов также и своих бывших идеологических противников, включая предпринимателей. Цзян Цзэминь открыл коммунистическую партию для руководителей бизнеса, демократизировав внутреннее управление коммунистической партией в стране, фактически остававшейся страной с однопартийной системой.

На протяжении всего этого процесса связи Китая и Соединенных Штатов в экономическом плане значительно укрепились. В начале 1990-х годов общий объем торговли США с Китаем составлял всего лишь половину объема американской торговли с Тайванем. К концу десятилетия американо-китайская торговля увеличилась в четыре раза, а китайский экспорт в США вырос в семь раз[661]. Американские транснациональные корпорации рассматривали Китай как важную составную часть их деловой стратегии, как место производства, так и как самостоятельный растущий денежный рынок. В свою очередь, Китай использовал свои валютные резервы для инвестирования в виде облигаций министерства финансов США (и в 2008 году он станет крупнейшим иностранным держателем американского долга).

При всем том Китай двигался к приобретению для себя новой роли в мире, имея интересы в любом уголке земного

шара и будучи интегрированным до беспрецедентно высокой степени в основные направления мировой политики и экономики. Через два столетия после первых переговоров по вопросам торговли и дипломатического признания между Маккартни и китайским двором, прошедших в атмосфере взаимного недопонимания, как в Китае, так и на Западе пришли к осознанию того, что они вступают в новую эру своих взаимоотношений. Это происходит независимо от того, готовы они или нет к будущим вызовам новой эры. Как комментировал в 1997 году тогдашний заместитель премьера Чжу Жунцзи: «Никогда прежде в истории у Китая не было таких частых контактов и связей с остальным миром»[662].

В предыдущие эпохи — такие как время Маккартни или даже период «холодной войны» — «китайский мир» и «западный мир» взаимодействовали в ограниченных объемах и по парадным случаям. Сейчас при современных технологиях и экономической взаимозависимости, хотите вы этого или нет, невозможно развивать отношения в столь ограниченных формах. В итоге обе стороны столкнулись со своего рода парадоксальной ситуацией, когда, обладая множеством возможностей для достижения взаимопонимания, они одновременно получают и новые возможности наносить удары по чувствительным местам друг друга. Мир во времена глобализации свел их вместе, но при этом возникло много рисков частых и быстрых обострений напряженности в периоды кризисов.

В этот исторический момент пребывания у власти, приближаясь к его завершению, Цзян Цзэминь продемонстрировал понимание возникшей опасности в какой-то своей личной, почти сентиментальной форме, обычно редко проявляющейся в китайском руководстве, отличающемся своей отстраненностью, умозрительностью и сдержанностью. Поводом послужила встреча в 2001 году с некоторыми членами Американо-китайского общества. У Цзян Цзэминя оставался еще год из 12-летнего срока пребывания у власти, но он уже находился во власти ностальгии, охватывающей людей, покидающих активную жизнь, где по определению любой шаг оказывал воздействие на мир и где они вскоре станут в основном только зрителями. Он осуществлял руководство в беспокойное время, начавшееся со значительной изоляции Китая в между-

народном плане, по крайней мере в отношении передовых демократических государств, стран, в которых Китай больше всего нуждался для реализации программы реформ.

Цзян Цзэминь преодолел все трудности. Политическое сотрудничество с Америкой удалось восстановить. Программа реформы набирала обороты и выдавала небывалые темпы роста, которые в течение следующего десятилетия превратят Китай в финансово-экономическую глобальную державу. Десятилетие, начавшееся в волнениях и сомнениях, обернулось периодом чрезвычайных достижений.

На протяжении всей необычной истории Китая никогда не случалось прецедента, когда Китаю приходилось бы участвовать в глобальном порядке, совместно с — или против — другой сверхдержавой. Сложилось так, что у второй сверхдержавы, Соединенных Штатов, также отсутствовал опыт такого плана, если вообще они питали такие намерения. Новому международному порядку предстояло появиться, намеренно или по умолчанию. Его природа и параметры зависели от нерешенных проблем, возникших перед обеими странами. Они будут взаимодействовать либо как партнеры, либо как противники. Их современные руководители голосовали за партнерство, но ни одна из сторон еще не успела определить его содержание или создать укрытия на предмет возможных бурь в будущем.

Сейчас Цзян Цзэминь вступал в новое столетие и выходил на новое поколение американских руководителей. У Соединенных Штатов был новый президент, сын Джорджа Буша-старшего, находившегося у власти, когда Цзян Цзэминь так неожиданно возвысился благодаря событиям, которых никто не мог предвидеть заранее. Отношения с новым президентом начались с еще одного неожиданного военного инцидента. 1 апреля 2001 года американский разведывательный самолет пролетал вдоль китайского побережья за пределами китайских территориальных вод, его кинулся преследовать китайский военный самолет, столкнувшийся с американским недалеко от острова Хайнань за пределами южного побережья Китая. Но ни Цзян Цзэминь, ни Буш-младший не позволили данному инциденту подорвать двусторонние отношения. Через два дня Цзян Цзэминь отправился в длительную поездку по Юж-

ной Америке, дав тем самым понять, что он, как глава Центрального военного совета, не предполагает возникновения кризисных действий. Буш выразил сожаление, но не по поводу разведывательного полета, а в связи с гибелью китайского летчика.

Некое предчувствие опасности отклонения развития событий, по-видимому, присутствовало в голове Цзян Цзэминя во время встречи с членами Американо-китайского общества, так как он перескакивал с темы на тему, делал, казалось бы, не связанные между собой заявления, цитировал классическую китайскую поэзию, вставляя при этом английские фразы, и превозносил важность американо-китайского сотрудничества. Его весьма пространные высказывания отражали надежду и некую дилемму: надежду на то, что две страны найдут путь для совместной работы и смогут избежать штормов, возникающих из-за динамизма развития двух обществ, и страх того, что шанс это сделать может быть упущен.

Во вступительном слове Цзян Цзэминь прежде всего подчеркнул важность китайско-американских отношений: «Я не собираюсь преувеличивать важность моей собственной страны, но все же считаю доброе сотрудничество между США и Китаем важным для мира. Мы будем делать все от нас зависящее, чтобы добиться этого [сказано по-английски]. Это важно для всего мира». Но если предметом разговора был весь мир, все ли руководители обладали полномочиями заниматься его делами? Цзян Цзэминь отметил, что его образование началось с традиционного конфуцианства, далее шло западное образование, затем обучение в бывшем Советском Союзе. А сейчас он руководит процессом изменений страны, сталкивавшейся со всеми этими культурами.

Перед Китаем и Соединенными Штатами стоит одна неотложная проблема — вопрос о будущем Тайваня. Цзян Цзэминь не прибегал к известной и уже привычной для нас риторике. Его комментарии больше касались внутренней динамики диалога и того, как он мог бы выйти из-под контроля независимо от намерений руководителей, которых их общественность могла бы вынудить совершить нежелательные для них самих действия: «Крупнейшей проблемой между США и Китаем является тайваньский вопрос. Например, мы часто

твердим «мирное решение» и «одна страна — две системы». Говоря в общем плане, я всегда ограничиваюсь только этими двумя вещами. Однако иногда я добавляю — мы не можем отказаться от применения силы».

Цзян Цзэминь, разумеется, счел невозможным избежать вопроса, становившегося причиной тупика на 130 заседаниях между китайскими и американскими дипломатами до открытия Китая или существования преднамеренных неопределенностей в период после его открытия. Но хотя Китай ни в коем случае не собирался отказываться от использования силы, поскольку это означало бы ограничение его суверенности, на практике он воздерживался от применения силы на протяжении тридцати лет к моменту этой беседы с Цзян Цзэминем. И Цзян в мягчайшей манере начал произносить фразы, звучавшие как ритуальные.

Цзян Цзэминь не настаивал на немедленных переменах. Он сделал акцент на ненормальности позиции, в которой оказались американцы. Соединенные Штаты не поддерживают независимость Тайваня, но, с другой стороны, они и не содействуют объединению. Результатом этого на практике является стремление превратить Тайвань в «непотопляемый авианосец» Америки. В такой ситуации, какие бы намерения ни питало китайское правительство, у населения страны могли созреть убеждения, способные подтолкнуть к конфронтации:

«Почти двенадцать лет я имею дело с Центральным правительством, за это время я сильно проникся чувствами одного миллиарда двухсот миллионов китайцев. Конечно, мы питаем добрые чувства к вам, но если вспыхнет пламя, трудно будет проконтролировать чувства этого одного миллиарда двухсот миллионов людей».

Я посчитал необходимым ответить на прозвучавшую в его словах угрозу силой, как бы извинительно и косвенно она ни была сформулирована:

«Если речь идет о применении силы, то это укрепит мощь тех, кто стремится использовать Тайвань во вред нашим отношениям. В военном столкновении между США и Китаем даже те из нас, чьи сердца разобьются в связи с этим, должны будут поддержать собственные страны».

Цзян Цзэминь, в свою очередь, воздержался от традиционной ссылки на невосприимчивость Китая к опасностям войны. Он сослался на то, каким станет мир, чье будущее зависит от китайско-американского сотрудничества. Он говорил о компромиссе — слово, почти никогда не встречавшееся в лексике китайского руководства применительно к Тайваню. Даже если на практике оно и применялось. Он избегал высказывания как предложений, так и угроз. К тому же он больше был не в состоянии работать над формированием исхода дел. Он призвал к глобальному видению на перспективу — качеству, больше всего требовавшемуся и наиболее трудно достижимому в истории каждой страны:

«Нет ясности в том, удастся ли Китаю и США найти общий язык и урегулировать тайваньский вопрос. Я уже замечал, что, если бы Тайвань не находился под защитой США, мы были бы в состоянии освободить его. Отсюда вопрос состоит в том, как мы можем достичь компромисса и получить удовлетворяющее нас решение. Это наиболее чувствительная часть наших взаимоотношений. Я ничего здесь не предлагаю. Мы старые друзья. Мне не надо прибегать к языку дипломатии. Я прихожу к окончательному выводу о том, что за время президентства Буша обе наши страны будут строить американо-китайские отношения с учетом стратегических глобальных перспектив».

Китайские руководители, с которыми я встречался раньше, всегда ставили долгосрочные задачи на перспективу, но не так просто извлекать уроки из прошлого. Они также разрабатывали большие проекты, имевшие большое значение с точки зрения отдаленного будущего. Но они редко описывали свое видение среднесрочного будущего, полагая, что их характер будет зависеть от степени усилий, в которые они сами были вовлечены. Цзян Цзэминь просил чего-то не такого драматичного, но, возможно, более глубокого. В конце своего срока президентства он обратил внимание на необходимость пересмотра философских рамок для каждой из сторон. Мао Цзэдун требовал строгого соблюдения идеологических принципов, даже предпринимая тактические маневры. Цзян Цзэминь, казалось, говорил, что каждая сторона должна понять — если есть искреннее желание сотрудничества, они должны уяснить необходимость совершенствования своих традиционных под-

ходов. Он требовал от каждой стороны пересмотреть собственные внутренние доктрины и быть готовой к их новому прочтению — включая социализм:

«Мир должен быть богатым, разноцветным и разнообразным местом. К примеру, в 1978 году в Китае мы приняли решение начать реформу и открыться внешнему миру. ...В 1992 году на XIV съезде КПК я заявил, что Китай по своей модели развития должен двигаться в направлении социалистической рыночной экономики. Для привыкших к западным понятиям в термине «рынок» не видится ничего странного, а здесь в 1992 году понятие «рынок» казалось весьма рискованным делом».

Вот почему Цзян Цзэминь высказался за то, чтобы обе стороны приспособили собственные идеологические принципы требованиям своей взаимозависимости:

«Проще говоря, Западу рекомендуется отбросить в сторону прежний подход к коммунистическим странам, а мы сами перестанем рассматривать коммунизм в наивном и упрощенном виде. Во время «поездки на юг» Дэн произнес знаменитые слова о том, что пройдут поколения, множество поколений, прежде чем будет построен социализм. Я инженер по образованию. Я подсчитал: со времен Конфуция до наших дней прошло 78 поколений. Дэн сказал, что для строительства социализма потребуется так же много времени. Сейчас я думаю, что Дэн создал для меня благоприятные условия. С вашей точки зрения относительно системы ценностей, Восток и Запад должны улучшить взаимопонимание. Возможно, я слегка наивен в данном вопросе».

Ссылкой на 78 поколений он хотел заверить Соединенные Штаты, что им не следует волноваться по поводу подъема мощного Китая. Ему понадобится так много поколений для достижения удовлетворительного результата. Однако политические обстоятельства в Китае вполне очевидно изменились, коль скоро преемник Мао Цзэдуна может говорить, что коммунисты должны прекратить говорить о своей идеологии в наивном и упрощенном виде. Или говорить о диалоге между Западным миром и Китаем о том, как приспособить свои философские концепции друг к другу.

С американской стороны, проблема состояла в том, чтобы найти путь через ряд различных точек зрения. Стал ли Китай

партнером или противником? Что будет в будущем: сотрудничество или конфронтация? Станет ли американской миссией распространение демократии на Китай или сотрудничество с Китаем с целью поддержания мира во всем мире? Или станут возможными оба варианта?

Обеим сторонам отныне следовало преодолеть внутренние неопределенности и сформировать окончательную природу их взаимоотношений.

Глава 18

НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

Окончание президентства Цзян Цзэминя ознаменовало поворотную точку в китайско-американских отношениях. Цзян Цзэминь стал последним президентом, при котором принципиальным предметом китайско-американского диалога являлись сами по себе двусторонние отношения. После этого обе стороны объединились если не в своих убеждениях, то в практической работе в образец взаимодействия в сотрудничестве. У Китая и Соединенных Штатов больше не существовало общего противника, но они еще не выработали совместную концепцию мирового порядка. Описанные в предыдущей главе рассуждения умудренного опытом человека, прозвучавшие в долгой беседе с ним, отражали новую реальность: Соединенные Штаты и Китай полагали, что необходимы друг другу, поскольку обе страны слишком велики, чтобы над ними можно было господствовать, слишком индивидуальны, чтобы их можно было трансформировать, и слишком нужны друг другу, чтобы позволить себе изоляцию. Кроме этого, были ли достижимы еще какие-то общие цели? И собственно, для чего?

Новое тысячелетие стало символическим началом нового типа взаимоотношений. В Китае и в Соединенных Штатах к руководству пришло новое поколение лидеров: в Китае — «четвертое поколение» во главе с президентом Ху Цзиньтао и

премьером Вэнь Цзябао*; в Соединенных Штатах — администрации во главе с президентами Джорджем Бушем-младшим и Бараком Обамой, пришедшим к власти в 2009 году. Обе стороны неоднозначно оценивали треволнения предшествовавших их приходу во власть десятилетий.

Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао привнесли небывалые перспективы в дело управления развитием Китая и определение его роли в мире. Они представляли первое поколение высокопоставленных официальных лиц, не имевших личного опыта участия в революции, были первыми руководителями коммунистического периода, пришедшими во власть в соответствии с утвержденным конституцией порядком, — первыми, кто пришел к власти в национальном масштабе в Китае, однозначно превратившемся в великую державу.

Оба человека имели непосредственный опыт периода слабости своей страны и ее сложных внутренних проблем. Будучи молодыми кадровыми работниками в 1960-е годы, Ху и Вэнь оказались в числе последних, кому удалось получить полное высшее образование до наступления хаоса «культурной революции» и закрытия университетов. Обучавшийся в университете Цинхуа в Пекине — центре активности хунвэйбинов — Ху Цзиньтао оставался в университете в качестве политического советника и научного сотрудника и смог наблюдать хаос воюющих между собой фракций, а иногда и становился их объектом, поскольку якобы являлся «слишком большим индивидуалистом»[663]. Когда Мао Цзэдун решил покончить с бесчинствами хунвэйбинов, отправив молодежь в деревню на перевоспитание, Ху Цзиньтао тем не менее разделил их судьбу. Его отправили в провинцию Ганьсу, один из наиболее глухих и неспокойных районов Китая, на работу на гидротехническом предприятии. Вэнь Цзябао, недавний выпускник Пекинского геологического института, получил аналогичное

---

* Официальные должности Ху Цзиньтао — Председатель Китайской Народной Республики (с марта 2005 года), Генеральный секретарь ЦК КПК (с ноября 2002 года), председатель Центрального военного совета КНР (с марта 2005 года) и председатель Центрального военного совета ЦК КПК (с сентября 2004 года); Вэнь Цзябао — премьер Государственного совета Китайской Народной Республики (с марта 2003 года), постоянный член Политбюро ЦК КПК с 2002 года. — *Примеч. пер.*

назначение, а потом и его отправили на работу в провинцию Ганьсу в области минералогии, где он оставался более 10 лет. Там, на северо-западных окраинах своей охваченной волнениями страны, Ху и Вэнь постепенно поднимались по карьерной лестнице в рядах коммунистической партии. Ху Цзиньтао вырос до секретаря комитета комсомола провинции Ганьсу. Вэнь Цзябао стал заместителем заведующего отделом геологического управления провинции Ганьсу. В неспокойное время революционной лихорадки оба отличились своей устойчивостью и компетентностью.

Для Ху Цзиньтао следующим шагом в карьере стало место в Центральной партийной школе в Пекине, где в 1982 году его заметил Ху Яобан, в то время генеральный секретарь партии. Это помогло его быстрому продвижению на пост секретаря парткома в Гуйчжоу, в отдаленном районе на юго-западе Китая. К 43 годам Ху Цзиньтао стал самым молодым секретарем провинциального парткома в истории КПК[664]. Его работа в Гуйчжоу, бедной провинции, где проживало большое количество национальных меньшинств, подготовила Ху к следующему посту, который он получил в 1988 году, став секретарем парткома Тибетского автономного района. В то же самое время Вэнь Цзябао получил перевод в Пекин, где он занимал по восходящей посты в Центральном комитете коммунистической партии. Он зарекомендовал себя как главный помощник и доверенное лицо трех подряд китайских руководителей: Ху Яобана, Чжао Цзыяна и, наконец, Цзян Цзэминя.

Оба, и Ху, и Вэнь, получили личный опыт периода волнений 1989 года в Китае: Ху Цзиньтао — в Тибете, куда он прибыл в декабре 1988 года, как раз когда разворачивалось крупное восстание в Тибете; Вэнь Цзябао — в Пекине, где он в качестве заместителя Чжао Цзыяна* находился вместе с генеральным секретарем во время его отчаянного выхода к студентам на площади Тяньаньмэнь.

Таким образом, ко времени прихода на высшие руководящие посты в стране в 2002—2003 годах Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао уже выработали свое четкое видение возрождения

* Вэнь Цзябао занимал должность начальника Канцелярии ЦК КПК при трех генеральных секретарях КПК. — *Примеч. пер.*

Китая. Получившие подготовку в труднодоступных и неспокойных пограничных районах и служившие во время тяньаньмэньских событий на должностях среднего уровня, они осознавали сложности внутренних проблем в Китае. Придя к власти в период устойчивого внутреннего роста и после вступления Китая в международный экономический порядок, они приняли руль управления страной, безусловно, «становившейся» мировой державой с интересами во всех уголках земного шара.

Дэн Сяопин призывал к достижению мира в маоистской войне с китайскими традициями и дал возможность китайцам восстановить связь с сильными сторонами своей истории. Но, как периодически давали понять другие китайские руководители, эра Дэн Сяопина явилась попыткой компенсировать потерянное время. В тот период возникло чувство особого напряжения и существовало ощущение даже какого-то робкого смущения в связи с ошибочными шагами Китая. Цзян Цзэминь излучал непоколебимую уверенность и доброжелательность, но он встал у руля в Китае, все еще восстанавливающемся после внутреннего кризиса и пытающемся возобновить свои международные позиции.

Только к началу нового столетия усилия Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя стали приносить свои плоды. Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао возглавили страну, которую больше не ущемляло чувство того, что она является подмастерьем для западной технологии и западных институтов. Китай, управляемый ими, уверовал в свои силы настолько, что мог отвергать и даже, когда представлялся повод, иронизировать над американцами, читающими им лекции о реформе. Китай оказался в ситуации, когда он мог проводить внешнюю политику, опиравшуюся не на будущий потенциал в долгосрочной перспективе или не на свою будущую стратегическую роль, а на состояние его нынешней мощи.

Для чего требовалась мощь? Изначально подход Пекина к новой эре являлся по большей части дифференцированным и консервативным. Цзян Цзэминь и Чжу Жунцзи вели переговоры о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию и выступали за полноправное участие в международном экономическом порядке. При Ху Цзиньтао и Вэн Цзябао Ки-

тай прежде всего стремился к сохранению нормальной ситуации и стабильности. Судя по официальным формулировкам, его целью ставилось создание «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Внутренняя повестка дня сосредоточивалась на продолжении экономического развития и сохранении социальной гармонии среди широких масс населения, переживающего как небывалое процветание, так и непривычное неравенство. Внешняя политика страны избегала резких движений, а главные творцы ее политики отвечали с большой осторожностью на все призывы к Китаю извне с просьбой играть более заметную руководящую роль в международных делах. Внешняя политика Китая была нацелена преимущественно на поддержание мирного международного окружения (включая хорошие отношения с Соединенными Штатами) и доступ к сырьевым ресурсам для обеспечения постоянного экономического роста. Он также сохранил особый интерес в развивающемся мире — что было наследием теории Мао Цзэдуна о «трех мирах», — несмотря даже на то, что Китай перешел в ряды экономических сверхдержав.

Как и боялся Мао Цзэдун, китайская ДНК вновь дала о себе знать. Столкнувшись с новыми вызовами XXI века в мире, где ленинизм потерпел крах, Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао обратились к традиционной мудрости. Они описывали свои устремления к реформе не как абстракцию в терминах утопического видения перманентной революции Мао, а как цель создания общества «сяокан» («среднего уровня достатка») — термин, имеющий четкую конфуцианскую подоплеку[665]. Они проследили за тем, чтобы в китайских школах возобновили изучение Конфуция и чтобы отмечалось его наследие в народной культуре. Они также включили Конфуция в обойму «мягкой власти» Китая на мировой арене, что проявилось в виде официальных «Институтов Конфуция», созданных в разных городах по всему миру, а во время церемонии открытия Олимпиады-2008 в Пекине продемонстрировала группа людей, одетых в традиционные одежды конфуцианских ученых. Символическим шагом значительного масштаба стала церемония открытия в январе 2011 года статуи Конфуция в центре китайской столицы на площади Тяньаньмэнь в знак реабилитации древнего философа-моралиста, в пределах видимости от мав-

золея Мао Цзэдуна — еще одной личности, добившейся такого же уважения[666].

Новая американская администрация означала определенную смену поколений. И Ху Цзиньтао, и Буш-младший — первые президенты, со стороны наблюдавшие болезненный опыт своих стран в 1960-е годы: для Китая это была «культурная революция», для Соединенных Штатов — вьетнамская война. Ху сделал вывод — социальная гармония должна стать лейтмотивом его правления. Буш пришел к власти после развала Советского Союза в период американского триумфа и эйфории, когда казалось, что Америка в силах перекроить мир по своему образу и подобию. Буш-младший не испытывал ни малейших сомнений в проведении внешней политики под знаменами насаждения системы американских ценностей. Он страстно говорил о свободе личности, свободе религии, в том числе и во время визитов в Китай.

Повестка дня по внесению свободы, установленная Бушем, отражала то, что казалось немыслимо быстрой эволюцией для незападных обществ. Тем не менее в практике своей дипломатии Буш преодолел историческую неоднозначность, существующую между американским миссионерством и прагматическим подходом. Он так поступал не в соответствии с теоретическими построениями, а посредством тонкого баланса между стратегическими приоритетами. Он не оставил сомнений относительно приверженности Америки демократическим институтам и правам человека. Одновременно он обращал внимание на сегмент национальной безопасности, иначе моральные цели действовали бы в вакууме. Хотя его критиковали в американских внутренних дебатах за якобы проявляемую односторонность, Буш, имея дела одновременно с Китаем, Японией и Индией — странами, строящими свою политику с учетом своих национальных интересов, — сумел улучшить отношения с каждой из них — образец конструктивной азиатской политики для Соединенных Штатов. За время президентства Буша американо-китайские отношения стали обычным делом двух крупных держав. Ни одна из сторон не предполагала, что другая полностью разделяет все ее цели. По некоторым вопросам, к примеру внутреннего управления, их цели были несовместимы. И тем не менее они находили точки

соприкосновения для своих интересов во многих областях в качестве подтверждения возникшего нового партнерства.

Вашингтон и Пекин теснее сблизили позиции друг друга по Тайваню в 2003 году, после того как президент Тайваня Чэнь Шуйбянь предложил референдум по вопросу о членстве в ООН под именем «Тайвань». Поскольку такой шаг стал бы нарушением американских обязательств по трем коммюнике, представители администрации Буша передали Тайбэю свое негативное отношение к этому. Во время визита Вэнь Цзябао в Вашингтон в декабре 2003 года Буш подтвердил приверженность трем коммюнике и добавил, что Вашингтон «выступает против одностороннего решения Китая или Тайваня изменить статус-кво». Он предположил, что референдум по вопросу о политическом статусе Тайваня не получит поддержки в Соединенных Штатах. Вэнь Цзябао ответил исключительно вежливой формулировкой относительно желательности мирного объединения: «Нашей основополагающей позицией по урегулированию тайваньского вопроса является мирное объединение и принцип «одна страна — две системы». Мы со всей искренностью сделаем все от нас зависящее для достижения национального единства и мирного объединения мирным путем»[667].

Одной из причин возобновления сотрудничества стала террористическая акция 11 сентября, из-за которой главный стратегический фокус Америки сместился с Восточной Азии на Ближний Восток и Юго-Западную Азию с войнами в Ираке и Афганистане, а также программой борьбы с террористическими сетями. Китай, больше не являвшийся революционным вызовом международному порядку и так же обеспокоенный воздействием глобального терроризма в пределах собственных территорий компактного проживания национальных меньшинств, особенно в Синьцзяне, не колеблясь тут же осудил нападения 11 сентября и предложил помощь в виде разведывательной информации и дипломатическую поддержку. В связи с вопросом о войне в Ираке Китай был заметно менее конфронтационно настроен в отношении Соединенных Штатов в ООН, чем некоторые из европейских союзников Америки. Однако в тот же период, возможно, на более фундаментальном уровне начался процесс расхождения китайских

и американских оценок того, как нужно вести дела с терроризмом. Китай оставался несогласным сторонним наблюдателем стремления Америки распространить свое присутствие в мусульманском мире, а более всего объявления администрацией Буша честолюбивых планов демократических преобразований. Пекин сохранял специфическую готовность приспосабливаться к изменениям в силовых альянсах и конфигурациях иностранных правительств без высказывания моральных оценок. Его прежде всего тревожили доступ к нефти с Ближнего Востока и (после падения власти талибов) защита китайских инвестиций в минеральные ресурсы Афганистана. После достижения в целом этих целей Китай не высказывал негативного отношения к американским усилиям в Ираке и Афганистане (и даже частично приветствовал их, поскольку это отвлекало американские военные возможности от Восточной Азии).

Масштабы взаимодействия между Китаем и Соединенными Штатами означали восстановление центральной роли Китая в региональных и мировых делах. Претензии Китая на равное партнерство больше не выглядели завышенным требованием незащищенной страны. Они стали все возрастающей реальностью, подкрепленной финансовыми и экономическими возможностями. В то же самое время побуждаемые новыми вызовами в области безопасности и меняющимися экономическими реальностями и в не меньшей степени новой настройкой факторов относительных политических и экономических влияний между ними, обе страны в большей степени волновали споры в поиске своих внутренних целей, их роли в мире и в конечном счете их взаимоотношений друг с другом.

Разногласия в перспективе

В начале нового столетия проявились две тенденции, работавшие в каком-то смысле друг против друга. По многим вопросам китайско-американские отношения развивались преимущественно в духе сотрудничества. Но одновременно разногласия, коренившиеся в истории и геополитической

ориентации, стали выходить наружу. Экономические проблемы, распространение оружия массового поражения послужили тому хорошим примером.

Экономические вопросы. Когда Китай участвовал в мировой экономике в качестве младшего игрока, обменный курс его валюты не представлял собой проблемы; даже в течение 1980-х и 1990-х годов казалось невероятным, что стоимость юаня может стать постоянным предметом спора в американских политических дебатах и в анализах средств массовой информации. Однако с ростом экономики Китая и увеличением американо-китайской экономической взаимозависимости некогда не выпячивавшаяся проблема превратилась в постоянное противоречие — к разочарованию американцев и к подозрениям китайцев относительно намерений американцев, выраженным во все более настойчивой форме.

Возникает фундаментальное различие в отношении понимания, лежащего в основе соответствующей валютной политики двух сторон. С американской точки зрения заниженная стоимость юаня (известен также как жэньминьби) расценивается как манипуляция с валютой в пользу китайских компаний и соответственно в ущерб американских компаний, оперирующих в тех же самых многопрофильных областях экономики. Недооцененный юань, как утверждают, ведет к потере рабочих мест в Америке — причина серьезных политических и эмоциональных последствий в то время, когда в Америке начинают вводить режим строгой экономии. С китайской точки зрения выбор валютной политики, помогающей внутренним производителям, — это не столько экономическая политика, сколько выражение потребности Китая в политической стабильности. Так, разъясняя американским слушателям в сентябре 2010 года причины того, почему Китай не собирается решительно ревальвировать юань, Вэнь Цзябао использовал социальные, а не финансовые аргументы: «Вы даже не представляете себе, как много китайских компаний окажется банкротами. Произойдут крупные беспорядки. Только у китайского премьера такое бремя на плечах. Это наша реальность»[668].

Соединенные Штаты рассматривают экономические вопросы с точки зрения требований глобального роста. Китай

учитывает политические последствия, как внутренние, так и международные. Когда Америка требует от Китая больше потреблять и меньше экспортировать, она выдвигает экономическое правило поведения. А для Китая сокращение экспорта означает едва ли не значительное увеличение безработицы с политическими последствиями. Парадокс в том, что с точки зрения долгосрочной перспективы, если бы Китай воспринял американский традиционный образ мыслей, то у него уменьшились бы стимулы для связей с Америкой, ведь он стал бы менее зависимым от экспорта и стимулировал бы развитие в рамках азиатского блока, что, в свою очередь, подразумевало бы укрепление экономических связей с соседними странами.

Таким образом, подоплека проблемы политическая, а не экономическая. Принцип взаимной выгоды, а не взаимные обвинения по поводу якобы неправильного поведения должен стоять на первом месте. Отсюда важным становится принцип совместного развития и концепция тихоокеанского сообщества, о чем будет говориться в эпилоге.

Нераспространение и Северная Корея. На протяжении периода «холодной войны» ядерным оружием обладали преимущественно Соединенные Штаты и Советский Союз. При всей идеологической и геополитической враждебности между ними их расчеты относительно рисков были аналогичными, они также обладали техническими средствами защиты на случай случайностей, несанкционированных запусков и в значительной степени неожиданного нападения. Но по мере распространения ядерного оружия этот баланс оказался под угрозой: расчеты рисков больше не были симметричными, а техническая защита против случайных запусков или даже от воровства становилась все более трудной, если не сказать невозможной, особенно для стран, не имеющих опыта, накопленного сверхдержавами.

По мере роста распространения математические расчеты в плане сдерживания становились все более и более абстрактными. Стало все труднее определять, кто кого сдерживает и на основании каких расчетов. Даже если предположить, что новые ядерные страны будут иметь такой же осторожный подход, что и уже утвердившие себя в этом качестве, в плане

провоцирования ядерных военных действий друг против друга — довольно сомнительное суждение — они могут использовать свои вооружения для защиты международного порядка от нападения со стороны террористов или стран-изгоев. В конечном счете опыт сети «частного» распространения внешне дружественных Пакистана с Северной Кореей, Ливией и Ираном показывает огромные последствия для международного порядка от распространения ядерного оружия, даже если страны-распространители не подпадают формально под критерий стран-изгоев.

Попадание такого вида оружия в руки крупных государств, не сдерживаемых историческими и политическими соображениями, чревато разрушением мира и человеческими потерями в беспрецедентных масштабах даже в наш век массовых убийств во время геноцида.

Как ни парадоксально это звучит, но вопрос о распространении в Северной Корее встал на повестку дня в диалоге между Вашингтоном и Пекином, поскольку именно из-за Кореи 60 лет назад Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика впервые столкнулись друг с другом на поле боя. В 1950 году только что созданная Китайская Народная Республика начала войну с Соединенными Штатами, поскольку она видела в постоянном американском военном присутствии на своих границах с Кореей угрозу китайской безопасности в долгосрочной перспективе. А через 60 лет решимость Северной Кореи реализовать свою военную ядерную программу бросила новый вызов, воссоздав некоторые из прежних геополитических проблем.

В течение первых 10 лет выполнения Северной Кореей своей ядерной программы Китай занимал такую позицию, в соответствии с которой считалось, что это дело, которое должны решать между собой Соединенные Штаты и Северная Корея. Так как Северная Корея полагала, что угроза ей исходит прежде всего от Соединенных Штатов, то в соответствии с китайскими рассуждениями в первую очередь именно Соединенные Штаты должны обеспечить эту страну доказательствами того, что она находится в безопасности, а поэтому ядерное оружие ей не требуется. Со временем стало ясно — ядерное распространение рано или поздно повлияет на безопасность

Китая. Если Северную Корею признают одной из ядерных держав, то со всей очевидностью Япония и Южная Корея, а также, возможно, другие азиатские страны, такие как Вьетнам и Индонезия, в итоге тоже присоединятся к «ядерному клубу», что полностью изменит стратегический ландшафт в Азии.

Руководители Китая выступают против такого исхода. Но точно так же Китай боится катастрофического коллапса Северной Кореи, поскольку на китайских границах может воссоздаться ровно такая ситуация, ради недопущения которой он боролся 60 лет назад.

Внутренняя структура корейского режима чревата проблемой. Хотя он объявляет себя коммунистическим государством, настоящая власть находится в руках одной семьи. В 2011 году, когда писалась эта книга, глава правящего семейства собирался передать бразды правления своему 27-летнему сыну, не имеющему никакого опыта даже коммунистического управления, не говоря уже о международных отношениях. Возможность внутреннего взрыва от непредвидимых или неизвестных сил всегда присутствует. Страны, которых это может затронуть, могут почувствовать необходимость защитить свои жизненные интересы односторонними действиями. К тому времени будет поздно или, вероятно, слишком сложно скоординировать эти действия. Задача не допустить такой исход становится важной частью китайско-американского диалога и «шестисторонних переговоров», включающих Соединенные Штаты, Китай, Россию, Японию и две Кореи.

Как определить стратегические возможности

В своем стремлении решать растущий список проблем Пекин и Вашингтон в течение 2000-х годов занимались поиском всеобъемлющих рамок для определения характера их взаимоотношений. Символом этих усилий стало открытие американо-китайского диалога на высоком уровне и американо-китайского стратегического экономического диалога (сейчас оба слились в один американо-китайский стратегический и экономический диалог) во время второго срока

президентства Джорджа Буша-младшего. Это частично стало попыткой оживить дух искренних обменов по концептуальным вопросам, характерный для Вашингтона и Пекина в течение 1970-х годов, как описывалось в предыдущих главах.

В Китае поиск организационного принципа для новой эры принял форму одобренного правительством анализа о том, что первые 20 лет XXI века представляли собой четкий «период стратегических возможностей» для Китая. Концепция отражала как признание прогресса Китая и потенциал стратегических достижений, так и — парадоксально — понимание сохранения слабых мест. Ху Цзиньтао озвучил эту теорию в ноябре 2003 года на заседании Политбюро Центрального Комитета коммунистической партии Китая, где он предположил, что уникальное сочетание внутренних и международных тенденций поставило Китай в положение, при котором развитие будет идти «скачкообразно». По мнению Ху Цзиньтао, возможность чревата опасностью: Китай, как и другие поднимавшиеся до него страны, «упустив представившийся ему шанс», «сильно отстанет»[669].

Вэнь Цзябао подтвердил аналогичные оценки в 2007 году в статье, где он предупреждал о том, что «возможности редки и скоротечны». Он также напомнил, как Китай несколько ранее упустил удобный момент из-за «крупных ошибок, особенно 10-летней катастрофы великой пролетарской “культурной революции”». Первые 20 лет нового столетия были периодом возможностей, «за которые мы должны решительно ухватиться и в течение которых мы сможем добиться многого». По оценкам Вэнь Цзябао, правильное использование этого удобного шанса будет иметь «чрезвычайно важное значение» для целей развития Китая[670].

Для достижения чего получал Китай стратегическую возможность? Говоря о масштабах дебатов в Китае по этому вопросу, можно сказать, что у них было формальное начало, которое можно усмотреть в цикле специальных лекций и научных заседаний, проводимых китайскими учеными, а также высшим руководством в период с 2003 по 2006 год. В программу входили темы подъема и падения великих держав в истории человечества: средства достижения их подъема, причины часто возникавших между ними войн, а также вопросы, могла ли

и, если могла, то как могла великая держава в современном мире возвыситься без обращения к военному конфликту с главными действующими лицами на международной арене. Эти лекции впоследствии переработали в 12-серийный фильм «Подъем великих держав». Показ фильма прошел по телевидению в 2006 году, и его просмотрели сотни миллионов телезрителей. Как отмечал ученый Дэвид Шамбо, это был, возможно, уникальный с философской точки зрения феномен в истории политики великих держав: «Совсем немногие из крупных держав или стремящихся ими стать, если вообще были таковые, занимались таким обстоятельным самоанализом»[671].

Какие уроки мог извлечь Китай из подобных исторических примеров? Одной из первых и наиболее полных попыток ответить Пекин постарался снять опасения со стороны иностранных государств по поводу его растущей мощи, провозгласив лозунг «мирного подъема» Китая. Статья в журнале «Форин афеарз», опубликованная в 2006 году известным китайским политологом Чжэн Бицзянем, прозвучала как полуофициальное политическое заявление. Чжэн заверил мировую общественность в избрании Китаем «стратегии... неповторения традиционных способов превращения в великую державу». Китай стремился к «новому международному политическому и экономическому порядку», но он «мог бы быть достигнут путем постепенных реформ и демократизации международных отношений». Как писал Чжэн Бицзянь, Китай «никогда не последует по пути Германии, приведшему к Первой мировой войне, или по тому пути, который побудил Германию и Японию развязать Вторую мировую войну, когда эти страны грабили ресурсы и проводили политику гегемонизма. Не собирается Китай также проводить политику великих держав, дравшихся друг с другом за глобальное доминирование в период «холодной войны»[672].

Вашингтон отреагировал, четко сформулировав для себя концепцию Китая как «ответственного игрока» в международной системе, строго соблюдающегося нормы и пределы, берущего на себя дополнительную ответственность по мере увеличения его возможностей. В своей речи в 2005 году в Национальном комитете по американо-китайским отношениям Роберт Б. Зеллик, бывший в то время заместителем государст-

венного секретаря, высказал американский ответ на статью Чжэн Бицзяня. Поскольку китайским руководителям было бы не с руки как бы признавать, что они могли бы когда-либо быть «безответственными» игроками, речь Зеллика можно было приравнять к приглашению Китаю стать привилегированным членом и соавтором международной системы.

Почти одновременно Ху Цзиньтао выступил на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций с речью под названием «Построить гармоничный мир на основе прочного мира и всеобщего процветания» с той же темой, что и статья Чжэн Бицзяня. Ху Цзиньтао подтвердил важность системы ООН как основы международной безопасности и развития и обозначил все то, «за что выступает Китай». Повторив, что Китай приветствует тенденции демократизации мировых дел — на практике, разумеется, это означало относительное уменьшение американской мощи и создание многополярного мира, — Ху убеждал в том, что Китай будет добиваться своих целей мирными средствами и в рамках системы ООН:

«Китай будет всегда придерживаться целей и принципов Устава ООН, активно участвовать в международных делах и выполнять свои международные обязательства, работать вместе с другими странами по строительству нового международного политического и экономического порядка, который будет справедливым и рациональным. Китайская нация любит мир. Развитие Китая не несет вред или угрозы другим, а служит только делу мира, стабильности и всеобщего процветания в мире»[673].

Теории «мирного подъема» и «гармоничного мира» вызвали к жизни принципы классической эры, которая обеспечила величие Китая: сторонника постепенных реформ, настраивающегося на развитие в соответствии с превалирующим течением и воздерживающегося от открытых конфликтов, делающего многочисленные заявления морального порядка, и о создании гармоничного миропорядка, и о действительном физическом и территориальном доминировании. С их помощью описывался путь к статусу великой державы, приемлемый для поколения руководства, ставшего совершеннолетним во время краха в обществе «культурной революции» и отлично понимавшего, что их законность сейчас зависела частично от передачи народу Китая какой-то доли богатства и благополу-

чия, передышки от волнений и нужды предыдущего столетия. Отражая даже более взвешенную позицию, фразу «мирный подъем» в официальных китайских заявлениях заменили на «мирное развитие», приписав слову «подъем» якобы слишком угрожающее и хвастливое звучание.

В последующие три года в результате одного из периодически происходящих случайных совпадений событий, какими бывают смены исторических течений, самый худший кризис после Великой депрессии совпал с периодом затянувшейся неопределенности и тупиковой ситуации в войнах в Ираке и Афганистане, а также потрясающими Олимпийскими играми в Пекине в 2008 году и продолжающимся здоровым ростом китайской экономики. Совпадение событий заставило некоторых представителей китайской элиты, включая часть высшего эшелона правительства Китая, вновь вспомнить прогнозы относительно постепенности развития, сделанные в 2005 и 2006 годах.

Причины финансовых кризисов и их наихудших последствий коренились преимущественно в Соединенных Штатах и Европе. Это привело к огромнейшим вливаниям китайского капитала в западные страны и компании, а также призывам западных политиков к Китаю изменить курс своей валюты и увеличить внутреннее потребление, чтобы улучшить климат мировой экономики.

С того самого времени, когда Дэн Сяопин призвал к «реформе и открытости для внешнего мира», Китай смотрел на Запад как на образец экономического совершенства и финансовой компетенции. Предполагалось, что, какими бы ни были недостатки идеологического и политического порядка в западных странах, они знали, как заниматься делами своей экономики и управлять мировой финансовой системой единственно продуктивным способом. Хотя Китай отказывался приобретать знание путем политического наставничества со стороны Запада, среди многих представителей китайской элиты существовало четкое убеждение в том, что Запад обладал неким знанием, которое необходимо прилежно изучить и принять на вооружение.

Крах американского и европейского рынков в 2007 и 2008 годах и зрелище западного замешательства и просчетов на

фоне китайских успехов — все это серьезно подорвало некий флер загадочности по отношению к западной экономической мощи. И тогда в Китае возникло новое течение среди активной части молодого поколения студентов и интернет-пользователей, а также, вполне возможно, и среди части политического и военного руководства — мнение о происходящем коренном сдвиге в структуре международной системы.

Символической кульминацией данного периода явилось эффектное проведение пекинской Олимпиады, состоявшейся сразу после того, как экономический кризис начал разрывать Запад. Игры рассматривались как выражение возрождения Китая, а не просто как спортивное событие, чему свидетельствовала исполненная глубокого смысла церемония открытия. Освещение огромного стадиона было приглушено. Ровно в 20.08 пекинского времени, в восьмой день восьмого месяца восьмого года (день открытия выбирался с учетом этого благоприятного числа[674]) две тысячи барабанов нарушили молчание одним мощным звуком и продолжали играть 10 минут, как бы говоря: «Мы пришли. Мы существуем в этой жизни, нас нельзя больше игнорировать, нами не стоит пренебрегать, мы готовы внести вклад своей цивилизацией в этот мир». После этого зрители всего мира в течение часа смотрели живые картинки на темы китайской цивилизации. Период слабости и низких результатов Китая — его следовало бы назвать «долгим XIX веком» Китая — официально завершился. Пекин вновь стал центром мира, а китайская цивилизация оказалась в фокусе удивления и восхищения.

На проведенной в Шанхае после Олимпиады конференции Всемирного форума китайских исследований Чжэн Бицзянь, автор доктрины «мирного подъема», сказал западному журналисту, что Китай наконец-то преодолел наследие опиумных войн и столетия борьбы Китая с иностранным вмешательством и сейчас занят историческим процессом национального возрождения. Инициированные Дэн Сяопином реформы, по словам Чжэн Бицзяня, позволили Китаю разгадать «загадку века», добившись ускоренного развития и вытянув миллионы людей из нищеты. Превратившись в крупную державу, Китай будет опираться на преимущества своей модели развития, и отношения с другими странами будут «открытыми, ни для кого

не будут делаться какие бы то ни было исключения, они будут гармоничными», направленными на то, чтобы «совместными усилиями открыть путь для мирового развития»[675].

Культивирование понятия гармонии не исключает стремления к достижению стратегических преимуществ. На совещании с китайскими дипломатами в июле 2009 года Ху Цзиньтао выступил с важной речью, дав в ней оценки новым тенденциям. Он подтвердил, что первые 20 лет XXI века по-прежнему останутся для Китая «периодом стратегических возможностей». Как он сказал, здесь ничего не изменилось. Однако, по его предположениям, после финансового кризиса и других сдвигов тектонического характера в повестке дня вновь возникло понятие «ши» («мягкой силы»). В свете происходящих в настоящее время «сложных и глубоких перемен» «произошли некоторые новые изменения в представившихся нам возможностях и вставших перед нами вызовах». Будущие возможности будут «важными», вызовы будут «серьезными». Если Китаю удастся уберечься от вероятных ловушек и он сможет умело решать свои проблемы, период встряски можно будет обратить в свою пользу:

«Со времени вступления в новое столетие и на новую сцену в международной жизни произошел ряд крупных событий всеобъемлющего и стратегического характера, оказавших значительное и далеко идущее воздействие на все аспекты международной политической и экономической обстановки. Анализ ситуации в мире показывает, что мир и развитие по-прежнему остаются главными темами времени. Однако соревнование за совокупную национальную мощь становится все более острым, требования растущего количества развивающихся стран получить право на равное участие в международных делах становятся день ото дня все сильнее, все громче становятся призывы к демократизации международных отношений; международный финансовый кризис нанес ощутимый удар по современной экономической и финансовой структурам; все четче прорисовываются перспективы создания многополярного мира; международная обстановка выявила некоторые новые черты и тенденции, заслуживающие весьма внимательного подхода»[676].

С учетом постоянной смены в мировых делах задачей Китая становится бесстрастный анализ новых конфигураций и лавирование в новом мире. С выходом из кризиса могут вырасти возможности. Но в чем заключались эти возможности?

Споры по поводу судеб нации — взгляд триумфатора

Столкновение Китая с современной международной системой, скроенной по западному образцу, пробудило в китайской элите особую тенденцию, в соответствии с которой они обсуждают — с исключительной тщательностью и аналитическими способностями — свое национальное предназначение и главную стратегию для реализации этого предназначения. Мир фактически является свидетелем новой стадии национального диалога относительно природы китайской мощи, влияния и устремлений, достигавшихся отдельными импульсами со времен открытия Западом дверей в Китай. Прежние споры в Китае о судьбах страны проходили в периоды исключительной уязвимости Китая, но нынешние дебаты были вызваны не стоящей перед страной бедой, а возникшей у нее силой. После бесцельного и подчас мучительного продвижения Китай в итоге пришел к мечте, которую лелеяли реформаторы и революционеры на протяжении последних двух столетий: процветающий Китай, имеющий современные военные возможности, но сохранивший свои отличительные ценности.

Во время прежних споров о судьбе нации ставился вопрос, следует ли Китаю открываться вовне для получения знаний для устранения своих слабых мест или лучше замкнуться в себе, подальше от грязного, хотя и с технической точки зрения более мощного мира. В основе нынешней стадии дебатов лежит признание того, что великий проект самоусиления завершился успехом и что Китай догоняет Запад. В настоящее время определяются условия взаимодействия Китая с миром, который — по мнению даже многих из современных либеральных интернационалистов Китая — дурно вел себя с Китаем и от бесчинств которого Китай сейчас приходил в себя.

В то время как экономический кризис распространился на Западе после завершения Олимпиады, новые голоса — как официальные, так и полуофициальные — начали ставить под сомнение тезис о «мирном подъеме» Китая. С этой точки зрения анализ Ху Цзиньтао стратегических тенденций оказался верен, однако Запад оставался опасной силой, никогда не позволившей бы Китаю возвышаться гармонично. Таким образом, Китаю следовало укрепить свои достижения и заявить о собственных претензиях на статус мировой державы или даже сверхдержавы.

Две ставшие очень популярными китайские книги точно отразили наметившееся течение: сборники очерков под названием «Китай недоволен. Великая эра, великие цели, наши внутренние страхи и внешние проблемы» (2009 год) и «Китайская мечта: великодержавное мышление и стратегическая позиция в постамериканскую эру» (2010 год). Обе книги страшно националистические. В обеих в самом начале делается заключение о том, что Запад гораздо слабее, чем думали раньше, но что «некоторые иностранцы еще не проснулись, они еще толком не поняли, что происходит смена власти в китайско-западных отношениях»[677]. С этой точки зрения именно Китай должен стряхнуть сомнения и отказаться от пассивного созерцания, отказаться от постепенности в развитии и восстановить свое историческое чувство мессианства на основе достижения «великой цели».

Обе книги подверглись критике в китайской прессе и в анонимных рассылках в сайтах Интернета как безответственные и не отражающие взгляды огромного большинства китайцев. Однако обе книги прошли правительственную цензуру, стали бестселлерами в Китае, поэтому можно предположить, что они отражают взгляды по крайней мере какой-то части госструктур Китая. Это больше всего относится к «Китайской мечте», написанной Лю Минфу, старшим полковником НОАК, профессором Университета национальной обороны Китая. Обе книги представлены здесь не потому, что они отражают официальную политику китайского правительства — на деле они противоречат твердым заявлениям президента Ху Цзиньтао в его выступлении в ООН и во время его государственно-

го визита в Вашингтон в январе 2011 года, — а потому, что они в какой-то мере обобщили определенные импульсы, на которые китайское правительство считает необходимым для себя как-то прореагировать.

Типичное эссе в сборнике «Китай недоволен» задает тон основному тезису. В его названии постулируется, что «Америка не бумажный тигр» — как, бывало, с издевкой называл ее Мао Цзэдун, а скорее «старый огурец, выкрашенный в зеленый цвет»[678]. Автор Сун Сяоцзюнь начинает с изложения предпосылки о том, что даже в нынешних обстоятельствах Соединенные Штаты и Запад остаются опасной и по большому счету враждебной силой:

«Бессчетное количество фактов подтвердило — Запад до сих пор не отбросил свой излюбленный прием «торговли под прикрытием штыка», усовершенствованный им за несколько сот лет. Думаете, возможно, если вы «уберете оружие на склад, а боевых коней отправите на пастбище»[679], убедить [Запад] просто отбросить свое оружие и начать торговать мирно?»[680]

Сун Сяоцзюнь настаивает на том, что после 30 лет бурного развития китайской экономики Китай набрал силу: «...Все больше и больше простых людей и молодежи» начинают понимать, что «пришел наш час»[681]. Он пишет, что после финансового кризиса Россия стала больше обращать внимания на развитие отношений с Китаем, Европа движется в том же направлении. Американский контроль за экспортом сейчас в основном не срабатывает, поскольку Китай уже владеет многим из технологии, необходимой ему для превращения во всесторонне развитую индустриальную державу, и скоро получит собственную сельскохозяйственную, промышленную и «постиндустриальную» экономическую базу — другими словами, он больше не будет зависеть от товаров или доброй воли других.

Автор адресует свои мысли националистически настроенной молодежи и массам, призывая ощутить высоту их положения, и противопоставляет им в неблагоприятном свете нынешние элиты страны: «Какие великолепные перспективы стать всесторонне развитой индустриальной державой, стать известной как страна, желающая возвыситься и изменить

несправедливую и иррациональную политическую и экономическую систему! Как же плохо, что наверху в элитах некому над этим задуматься!»[682]

В «Китайской мечте» 2010 года старшего полковника НОАК Лю Минфу определена национальная «великая цель»: «стать номером один в мире», восстановив Китай в современном варианте его славы. Как он пишет, для этого потребуется оттеснить Соединенные Штаты[683].

Судя по пророчествам Лю Минфу, подъем Китая приведет к золотому веку азиатского процветания, где китайская продукция, культура и ценности станут стандартом для всего мира. В мире воцарит гармония: руководство им Китаем будет мудрее и не таким всеобъемлющим, как американское, а кроме того, Китай не будет проводить гегемонизм и ограничит свою роль, став первым среди равных из стран мира[684]. (В отдельном абзаце Лю положительно комментирует роль традиционных китайских императоров, описывая их как неких «старших братьев», поступавших милосердно по отношению к королям более маленьких и более слабых стран[685].)

Лю Минфу отвергает концепцию «мирного подъема»: Китай не может опираться исключительно на традиционные добродетели гармонии для обеспечения нового международного порядка. Из-за конкурентной и по сути аморальной политики великих держав, по его словам, подъем Китая и миролюбивый мир могут быть защищены, только если Китай воспитает «боевой дух» и накопит военные силы, достаточные для сдерживания или, если понадобится, для нанесения поражения его противникам. Судя по его доводам, Китаю необходим «военный подъем» в дополнение к его «экономическому подъему»[686]. Он должен быть готовым как в военном плане, так и в психологическом воевать и победить в соревновании за стратегическое превосходство.

Публикация таких книг совпала с рядом критических ситуаций и напряженностей в Южно-Китайском море, с Японией, на границе с Индией в такой тесной последовательности и при наличии многих совпадающих моментов, что это не могло не вызвать спекуляций по поводу того, не являются ли произошедшие эпизоды результатом преднамеренной поли-

тики. Хотя в каждом случае имелась своя версия событий, когда Китай выглядел пострадавшей стороной, эти кризисы сами по себе как бы составляли фон для ведущихся дебатов о региональной и мировой роли Китая.

Обсуждаемые здесь книги, включая критику якобы пассивных «элит», не вышли бы в печати или не стали бы бестселлерами в общенациональном масштабе, если бы пресловутые элиты запретили публикацию. Имеем ли мы дело с одним из способов одного из министерств оказать влияние на политику? Или это отражает настроения поколения настолько молодого, что им не довелось жить взрослыми в «культурную революцию»? А может, руководство позволило дебатам вылиться в некий психологический гамбит, давая миру шанс уяснить внутренние проблемы Китая и начать их учитывать? Или это просто один из примеров большей плюралистичности Китая, позволяющего все большее многообразие мнений и ставшего более терпимым к националистическим голосам?[687]

Дай Бинго — подтверждение мирного восхождения

Руководители Китая решили вмешаться в дебаты на данной стадии, стремясь продемонстрировать тот факт, что напечатанный ура-патриотизм не отвечает настроениям в руководстве. В декабре 2010 года член Государственного совета Дай Бинго* (высшее должностное лицо, курирующее внешнюю политику Китая) бросил вызов, выступив со всеобъемлющим программным заявлением[688]. Статья Дай Бинго под заголовком «Устойчивое продвижение по пути мирного развития» может рассматриваться и как реакция на озабоченности западных наблюдателей по поводу того, что Китай-де питает агрессивные намерения, и как ответ тем внутри страны — включая, вероятно, некоторых из структур китайского руководства, — кто выступает за то, чтобы Китай занял более настойчивую позицию.

---

* Дай Бинго — зять бывшего посла КНР во Франции Хуан Чжэня, через которого осуществлялась подготовка «секретной миссии» Г. Киссинджера. — *Примеч. пер.*

В соответствии с утверждениями Дай Бинго мирное развитие — это и не уловка, с чьей помощью Китай «маскируется и ждет благоприятного случая» (как в настоящее время предполагают за пределами Китая), и не наивное заблуждение, из-за которого Китай теряет свои преимущества (как высказывают сейчас свои обвинения некоторые внутри Китая). Это подлинная и долгосрочная политика, так как она лучше всего обеспечивает китайские интересы и соответствует международной стратегической обстановке:

«Устойчивое продвижение по пути мирного развития — это не результат субъективного восприятия или каких-то расчетов, а это скорее результат глубокого понимания сильных изменений, произошедших как в современном мире, так и внутри самого Китая, а также сильных изменений в отношениях Китая с миром. Отсюда необходимость воспользоваться наилучшим образом представившейся возможностью и адаптироваться к переменам»[689].

По оценкам Дай Бинго, мир стал меньше, многие проблемы отныне требуют беспрецедентной согласованности действий в глобальном масштабе. Глобальное сотрудничество в силу этого в интересах Китая, оно не является просто стратегией для продвижения сугубо национальной политики. Дай Бинго продолжает дальше словами, представляющими собой стандартное подтверждение требования народов Земли мира и сотрудничества, хотя в конкретном контексте это больше похоже на предупреждение о том, какие препятствия могут встретиться на пути у милитаристского Китая (возможно, это адресовано и тем и другим — в Китае и за его пределами):

«В результате экономической глобализации и глубинного развития информации, равно как и стремительного развития науки и техники, мир стал гораздо «меньше» и превратился в «глобальную деревню». С учетом достижения небывалого уровня взаимодействия и взаимозависимости всех стран, а также взаимного пересечения интересов общие интересы стран мира стали все более обширными, возросло количество проблем, по которым им необходимо объединять усилия с целью их разрешения, а устремления в плане взаимовыгодного сотрудничества стали сильнее»[690].

По его словам, Китай может процветать в такой обстановке, поскольку он широко интегрирован в мировые дела. За последние 30 лет страна росла, внося свои таланты и ресурсы в широкое пространство международной системы, делая это не по тактическим соображениям, а используя как средство решения насущных задач современного периода:

«Современный Китай переживает широкие и глубокие изменения. За более чем 30 лет реформы и открытия для внешнего мира мы перешли от «классовой борьбы как ключевого момента» к экономическому строительству как главной задаче при всеобъемлющем претворении в жизнь дела социалистической модернизации. Мы перешли от привязки к плановой экономике к реформе по всем направлениям строительства социалистической рыночной экономической системы. Мы перешли от состояния изоляции и односторонней опоры на собственные силы к открытию Китая для внешнего мира и развитию международного сотрудничества»[691].

Эти «ошеломительные» изменения требуют от Китая отказаться от малейших признаков доктрины Мао Цзэдуна об абсолютной опоре на собственные силы, которые вели бы к изоляции Китая. Если Китаю не удастся правильно оценить ситуацию и, как настаивает Дай Бинго, «очень успешно вести наши отношения с внешним миром», тогда «могут быть упущены» шансы, предлагаемые нынешним периодом стратегических возможностей. Дай Бинго подчеркивает, что Китай «является членом большой интернациональной семьи». Помимо выражения просто моральных устремлений, политика Китая на гармонизацию и сотрудничество «более всего отвечает нашим интересам и интересам других стран»[692]. Где-то в глубине этого анализа, не на поверхности и никогда не высказываемое напрямую, лежит признание того, что у Китая множество соседей, имеющих собственные значительные военные и экономические возможности, и что отношения почти со всеми ними ухудшились за последние один-два года — тенденция, которой китайское руководство стремится дать обратный ход.

Когда руководители любой страны раскрывают свои стратегические замыслы, нельзя исключать некий тактический элемент, как это произошло с заменой фразы «мирный подъ-

ем» на более сбалансированное «мирное развитие». В своей статье Дай Бинго особо отмечает скептицизм иностранцев по поводу того, что его аргументы могут по большому счету быть чисто тактическим маневром:

«В мире есть некоторые люди, говорящие, что в Китае бытует выражение «Скрывай свои возможности и жди благоприятного случая, стремись чего-нибудь добиться». Поэтому они рассуждают, что заявление Китая о продвижении по пути мирного развития — это тайный заговор, ведущийся в условиях, когда Китай еще не достиг своей мощи».

Но это, как пишет Дай Бинго, «необоснованные подозрения»:

«Это заявление впервые сделано товарищем Дэн Сяопином в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Главный его смысл состоит в следующем: Китай должен оставаться скромным и осторожным, а также отказываться от лидирующей роли, от размахивания флагом, от экспансионистских действий и от претензий на гегемонию. Это соответствует идее продвижения по пути мирного развития»[693].

Мирное развитие, как подчеркивает Дай Бинго, — задача многих поколений. Важность задачи обусловлена страданиями прошлых поколений. Китай не хочет революции, он не хочет войны или реванша, он просто хочет, чтобы китайский народ «распрощался с бедностью и наслаждался лучшей жизнью» и чтобы Китай стал — в отличие от едкого нигилизма Мао Цзэдуна — «самым ответственным, самым цивилизованным и самым законопослушным и порядочным членом международного сообщества»[694].

Разумеется, отрекались и от более величественных целей, однако страны региона — видевшие взлеты и падения предыдущих китайских империй, из которых некоторые распространялись дальше нынешних политических границ Китайской Народной Республики, — могут посчитать, что такие опровержения трудно примирить с растущей мощью Китая и уроками истории. Ограничится ли страна, рассматривавшая себя вершиной цивилизации на протяжении почти всего современного периода — начавшегося для Китая две тысячи лет назад, — а на протяжении почти двух столетий считавшая свое уникальное моральное мировое лидерство узурпирован-

ным грабительскими западными и японскими колониальными державами, лишь стратегическими целями «строительства во всех отношениях умеренно процветающего общества»[695]?

Дай Бинго отвечает: его страна должна это сделать. Китай «не может быть высокомерным и хвастливым», так как у него дома масса огромных проблем. Валовой внутренний продукт в Китае, каким бы большим он ни был в абсолютных цифрах, должен распределяться на 1,3 млрд человек, из которых 150 миллионов живут ниже черты бедности, поэтому «социально-экономические проблемы, с которыми мы сталкиваемся, можно сказать, являются самыми большими и самыми острыми вопросами в мире. Отсюда, мы не можем быть высокомерными и хвастливыми»[696].

Дай Бинго отвергает утверждения о стремлении Китая доминировать в Азии или заменить Соединенные Штаты в качестве господствующего в мире государства как «чистой воды миф», противоречащий ходу исторического развития Китая и его текущей политике. Он ссылается на поразительное предложение Дэн Сяопина — так контрастирующее с традиционной для Китая опорой на собственные силы — следующего содержания: мир сможет «контролировать» соблюдение Китаем своего обязательства никогда не претендовать на гегемонию: «Товарищ Дэн Сяопин однажды заявил: Если когда-нибудь Китай будет стремиться к гегемонии в мире, тогда народы мира должны разоблачить, выступить против и даже бороться с этим. В этом деле международное сообщество может нас контролировать»[697].

Заявление Дай Бинго является весомым и многозначительным. Проведя много часов в течение 10 лет с этим мыслящим и ответственным руководителем, я не ставлю под сомнение его искренность и его намерения. И все же, хотя Ху Цзиньтао, Дай Бинго и их коллеги со всей прямотой излагают свои планы в отношении следующей стадии китайской политики, вряд ли мы услышали последнее слово о роли Китая в мире, которое никто и никогда не станет оспаривать. Новое поколение из числа молодых китайцев и растущей элиты из рядов КПК и НОАК придет к власти в 2012 году — первое поколение, выросшее с начала XIX века в Китае без войн, едином в политическом плане и не подвергавшемся экспериментам «куль-

турной революции», а в экономическом плане обошедшем большинство остальных стран мира. Пятое поколение китайских руководителей со времени образования Китайской Народной Республики, как и их предшественники, продемонстрируют всему миру свой опыт и свое видение национального величия. Именно на диалоге с новым поколением должно сосредоточить внимание американское стратегическое мышление.

Ко времени прихода к власти администрации Обамы отношения стали развиваться по четкому сценарию. Оба президента объявили о своей приверженности консультациям и даже партнерству. Но их средства массовой информации и мнения большинства элит в их странах все больше демонстрируют противоположное мнение.

Во время государственного визита Ху Цзиньтао в январе 2011 года каналы консультаций по широкому кругу вопросов значительно окрепли. Они позволят вести активный американо-китайский диалог по любым вопросам по мере их возникновения, таким, например, как корейская проблема, и дадут возможность урегулировать некоторые затянувшиеся вопросы, такие, например, как обменный курс и разногласия по поводу определения свободы мореплавания в Южно-Китайском море.

Следует также заняться вопросом перехода от управления кризисом к определению общих целей, от решения стратегических противоречий к тому, чтобы их вообще избегать. Возможно ли создание подлинного партнерства и мирового порядка, основанного на сотрудничестве? Смогут ли Китай и Соединенные Штаты установить подлинное стратегическое доверие?

Заключение

ПОВТОРЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ?

Меморандум Кроу

Ряд обозревателей, включая некоторых исследователей в Китае, стали рассматривать перспективы будущего развития Соединенных Штатов и Китая в XXI веке через призму англо-германского соперничества в XX веке. Для такого рода стратегических сопоставлений есть все основания. На очень поверхностном уровне Китай, как и имперскую Германию, можно назвать возродившейся континентальной державой, а Соединенные Штаты, подобно Англии, представляют собой прежде всего морскую державу, имеющую глубокие политические и экономические связи с континентом. Китай на протяжении своей истории оказывался гораздо сильнее большинства своих соседей. Но все они, вместе взятые, могли угрожать — и они это делали — безопасности империи. Как и в случае с объединением Германии в XIX веке, на рассуждения этих стран повлияло возрождение Китая как сильного, объединенного государства. В историческом плане такая система трансформировалась в баланс сил, основанный на равновесии угроз.

Может ли на смену угрозам прийти система стратегического доверия? Стратегическое доверие многими рассматривается как противоречие по своей сути. Специалисты по вопросам стратегии опираются на намерения предполагаемых противников только в ограниченной степени. Поскольку

намерения подвержены изменениям. А суть суверенитета — это право принимать решения, на которые не оказывает влияния другая власть. Следовательно, некоторое количество угроз в зависимости от возможностей того или иного государства неотделимо от взаимоотношений суверенных государств.

Когда отношения становятся очень тесными, стратегические угрозы исключаются — такое вполне вероятно, хотя и случается весьма редко. В отношениях между государствами, выходящими на Северную Атлантику, стратегическая конфронтация даже не рассматривается. Военные структуры не направлены друг против друга. Подразумевается, что стратегические угрозы возникают за пределами Атлантического региона и с ними следует иметь дело сообща в рамках альянса. Споры между североатлантическими государствами, как правило, фокусируются на различиях в оценках международных проблем и средствах их урегулирования. Даже в самых неприятных случаях они считают это внутрисемейной ссорой. «Мягкая сила» и многосторонняя дипломатия — преобладающие инструменты внешней политики, а для некоторых западноевропейских государств военные действия категорически исключены из арсенала законных инструментов государственной политики.

В Азии, напротив, государства рассматривают себя как находящиеся в потенциальной конфронтации со своими соседями. Не то чтобы они обязательно планировали военные действия, просто они не исключают такую возможность. Если они слабы для самообороны, они стремятся стать частью системы союзов, предоставляющей дополнительную защиту, как в случае АСЕАН, Ассоциации юго-восточных государств. Для стран, недавно освободившихся от иностранного колониализма, суверенитет — понятие абсолютное. Принципы вестфальской мирной системы здесь превалируют, и они гораздо сильнее, чем на том континенте, где эта система зародилась. Концепция суверенности рассматривается как главенствующая. Агрессия определяется как движение организованных военных подразделений через границы. Невмешательство во внутренние дела воспринимается как фундаментальный принцип межгосударственных отношений. При такой системе госу-

дарств дипломатия занимается сохранением ключевых элементов баланса сил.

Международная система остается относительно стабильной, если уровень заверений, требуемый ее членами, достигается дипломатическим путем. Когда дипломатия больше не в состоянии справиться с этим делом, отношения все больше сосредотачиваются на военной стратегии — вначале в виде гонки вооружений, затем предпринимаются попытки достижения стратегического преимущества даже ценой конфронтации, в итоге заканчивающиеся войной.

Классическим примером самодвижущегося международного механизма является европейская дипломатия накануне Первой мировой войны, в то время, когда мировая политика, по сути, являлась европейской политикой, поскольку большая часть мира находилась в колониальном состоянии. Ко второй половине XIX века в Европе не велось крупных войн со времен наполеоновского периода, завершившегося в 1815 году. Европейские государства находились в примерном стратегическом равновесии, конфликты между ними не затрагивали собственно их существование. Ни одно государство не рассматривало другое в качестве непримиримого противника. Это давало возможность менять союзы. Ни одно государство не расценивалось как мощное настолько, чтобы установить гегемонию над другими. Любое усилие в этом направлении тут же вызывало коалицию против него.

Объединение Германии в 1871 году привнесло структурные перемены. До того времени Центральная Европа состояла из — сегодня в это даже трудно поверить — 39 суверенных государств разных размеров. Только Пруссия и Австрия могли бы считаться крупными державами в рамках европейского баланса сил. Многочисленные маленькие государства в некотором роде объединялись в рамках Германии в некоем механизме, действовавшем наподобие ООН в современном мире, так называемой Германской конфедерации. Германской конфедерации, как и Организации Объединенных Наций, было трудно выдвигать какие-либо инициативы, однако периодически она сплачивалась и выступала с совместными действиями против того, что расценивалось как преобладающая опасность. Слишком разобщенная для совершения агрессии, но

достаточно сильная для оборонительных действий, Германская конфедерация внесла большой вклад в поддержание равновесия в Европе.

Но не равновесием руководствовалась Европа, готовясь к переменам в XIX столетии. Все решал национализм. Объединение Германии отражало настроения века. А с течением времени это также привело к созданию атмосферы кризиса. Подъем Германии ослабил гибкость дипломатического процесса, усилив угрозу всей системе. Там, где когда-то насчитывалось 37 маленьких государств и два сравнительно крупных государства, возникло одно политическое образование, объединившее 38 государств. Там, где прежде европейская дипломатия добивалась определенной гибкости за счет смены союзов среди великого множества государств, объединение Германии сократило возможные варианты союзов и привело к созданию государства, оказавшегося сильнее каждого из его соседей поодиночке. Именно по этой причине премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли назвал объединение Германии более важным событием, чем Великая французская революция.

Теперь нарастившая силы Германия могла нанести поражение каждому из своих соседей поодиночке, хотя ей грозила бы большая опасность, если бы все крупные европейские государства объединились против нее. Поскольку отныне оставалось только пять крупных государств, варианты союзов стали ограниченными. У соседей Германии возник стимул к созданию коалиции друг с другом — особенно у Франции и России, так и поступивших в 1892 году, — а у Германии соответственно был предопределен стимул для уничтожения таких альянсов.

Кризис системы был заложен в самой ее структуре. Ни одна страна в одиночку не могла его избежать, и менее всего поднимающаяся держава — Германия. Но они могли избегать политики, способной обострить скрытые напряженности. Однако ни одна из стран этого не сделала, и уж тем более в очередной раз Германская империя. Тактика, избранная Германией для разрушения враждебных коалиций, оказалась совсем неумной и к тому же привела к плачевным результатам. Германия старалась использовать международные конферен-

ции для демонстративного навязывания своей воли их участникам. В соответствии с этой теорией униженная цель германского нажима будет чувствовать себя брошенной своими союзниками и после выхода из союза будет пытаться обеспечить себе безопасность в орбите Германии. Однако последствия оказались не такими, как они задумывались. Униженные страны (Франция, во время Марокканского кризиса 1905 года; Россия, из-за Боснии и Герцеговины в 1908 году) укрепили свою решимость не поддаваться попытке покорения путем сплочения союзнической системы, которую Германия стремилась ослабить. К франко-русскому альянсу в 1904 году присоединилась (неофициально) Великобритания, которую Германия обидела, выказав симпатии голландским поселенцам — противникам Великобритании в Англо-бурской войне (1899—1902 годов). Кроме того, Германия бросила вызов владычеству Британии в морях, построив огромный флот в дополнение к тому, что уже представляло собой самую мощную сухопутную армию на континенте. Европа сползала в фактически биполярную систему, где уже не существовало гибкой дипломатии. Европейская политика превратилась в игру с нулевым исходом.

Может ли повториться ли история? Если бы у Соединенных Штатов и Китая случился стратегический конфликт, в Азии, несомненно, возникла бы ситуация, сравнимая с европейской структурой накануне Первой мировой войны, с созданием нацеленных друг против друга блоков, стремящихся подорвать или по крайней мере ограничить влияние и сферы интересов другой стороны. Но прежде чем мы начнем рассуждать о делах истории в сослагательном наклонении, давайте рассмотрим, как на самом деле действовало соперничество между Соединенным Королевством и Германией.

В 1907 году высокопоставленный дипломат из британского министерства иностранных дел Айра Кроу составил блестящий анализ европейской политической структуры и подъема Германии. Ключевой вопрос, поднятый им и имеющий актуальное значение сегодня, звучит так: стал ли причиной приведшего к Первой мировой войне кризиса подъем Германии, вызвавший нечто похожее на органическую реакцию отторжения при появлении новой и мощной

силы, или он был вызван специфической политикой Германии, которой соответственно можно было бы избежать[698]. Что явилось причиной кризиса: возросшие возможности Германии или ее поведение?

Как посчитал в своем меморандуме, представленном в день нового, 1907 года Кроу, конфликт был заложен во взаимоотношениях. Он так охарактеризовал вопрос:

«В Англии, в частности, вызывает сочувствие и понимание то, что лучше всего с точки зрения Германии, на основе сходства в интеллектуальном и моральном плане, что естественным образом предполагает ее позитивное отношение, в интересах общего прогресса человечества, к тому, что способствует укреплению этой власти и влияния. Но при одном условии: должно быть уважение к индивидуальности других наций, одинаково ценных членов сообщества, с тем чтобы вместе работать во имя прогресса человечества, и тогда будут представлены равные возможности и полный простор для внесения своего вклада, в условиях свободы, в дело развития в направлении к высшим формам цивилизации»[699].

Однако в чем заключались истинные цели Германии? Было ли это естественной эволюцией германских культурных и экономических интересов по всей Европе и в мире, чему немецкие дипломаты выражали традиционную поддержку? Или же Германия стремилась к «общей политической гегемонии и господству на морях, угрожая независимости ее соседей и в конечном счете существованию Англии»[700]?

Кроу пришел к такому выводу: нет никакой разницы в том, какие цели афишировала Германия. Какой бы курс ни проводила Германия, «для Германии, несомненно, мудрым было бы построить такой мощный морской флот, какой она может себе позволить». Коль скоро Германия получит превосходство на морях, как считал Кроу, это само по себе — независимо от намерений Германии — будет объективно угрожать Великобритании и будет «несовместимо с существованием самой Британской империи»[701].

При обстоятельствах того времени официальные заверения ничего не значили. Что бы ни предпринимало германское правительство, результатом стала бы «такая же страшная угроза остальному миру, какая могла бы случиться в случае

преднамеренного выхода на аналогичные позиции при помощи "злого умысла"»[702]. Даже если бы умеренные немецкие политики захотели продемонстрировать свои добрые помыслы, умеренная внешняя политика Германии могла на какой-то стадии превратиться в сознательный план достижения гегемонии.

Судя по анализу Кроу, такого рода структурные элементы не допускали сотрудничества и даже доверия. Как с иронией отмечал Кроу, «будет справедливо сказать, что амбициозные планы против чьих-либо соседей, как правило, не афишируются, поэтому отсутствие таких открытых заявлений и даже демонстрация безграничной и всеобщей политической филантропии сами по себе не являются убедительным доказательством существования или отсутствия неафишируемых намерений»[703]. А поскольку ставки были весьма высоки, то это «не было делом, в котором Англия могла бы идти на какие-либо риски»[704]. Лондон обязан был предполагать самое худшее и действовать на основе этих оценок — по крайней мере до тех пор, пока Германия создавала свой крупный и бросающий вызов военно-морской флот.

Другими словами, уже в 1907 году практически не оставалось пространства для дипломатии; вопрос стоял в том, кто в этом кризисе пойдет на попятную, а в случае невыполнения этого условия война становилась практически неизбежной. До начала Первой мировой войны оставалось семь лет.

Если бы Кроу довелось анализировать современную мировую арену, он мог бы сделать вывод, аналогичный тому, какой он сделал в своем докладе в 1907 году. Я попробую изложить эту версию, хотя она существенно отличается от моей собственной, поскольку она близка взглядам, которых придерживаются многие по обе стороны Тихого океана. Соединенные Штаты и Китай не совсем государства-нации в континентальном понимании культурной самобытности. В историческом плане обе страны испытали ощущения универсальности на основе своих политических и экономических достижений и неукротимой энергии своих народов и их уверенности в своих силах. И китайское, и американское правительства часто ощущали тесную связь между своей национальной политикой и общими интересами человечества. Кроу мог бы предупредить о том, что,

когда два таких образования сталкиваются друг с другом на мировой арене, не исключены значительные трения.

Какие бы намерения ни питал Китай, научная школа Кроу расценивала бы китайский «подъем» как несовместимый с позицией Америки в Тихоокеанском регионе и по интерполяции во всем мире. Любая форма кооперации могла бы рассматриваться как предоставление Китаю простора для наращивания своих возможностей, что в итоге привело бы к неизбежному кризису. Отсюда все описанные в главе 18 дебаты в Китае и вопрос о том, прекратит ли Китай «скрывать свои планы», перестанут играть какую бы то ни было роль с точки зрения анализа по модели Кроу: однажды он прекратит «не выпячиваться» (так утверждалось бы в анализе), а посему Америке следует сейчас действовать так, будто он уже это сделал.

Американские дебаты привносят идеологический аспект в основанный на балансе сил подход Кроу. Неоконсерваторы и другие активисты полагали бы, что демократические институты являются предпосылкой для доверительных отношений. По этой концепции недемократические общества уже по своей природе ненадежны и склонны к проявлению силы. Поэтому Соединенные Штаты обязаны оказать максимальное воздействие (в вежливой форме) или оказать давление, с тем чтобы внедрить институты плюрализма там, где их не существовало, особенно в странах, способных угрожать американской безопасности. В соответствии с такими концепциями смена режима представляет собой конечную цель американской внешней политики в делах с недемократическими обществами. Мир с Китаем является менее всего делом стратегии, речь больше идет об изменениях в китайском правлении.

Не следует полагать, что только западные стратеги делают анализ, рассматривающий международные дела как неизбежную борьбу за стратегическое превосходство. Китайские «триумфалисты» приводят почти идентичные аргументы. Главное отличие состоит в том, что их видение будущего заключается в возвышающейся державе, в то время как Кроу представлял Соединенное Королевство, отстаивая его достояние как страны статус-кво. Примером такого жанра стала «Китайская мечта» Лю Минфу, которую мы обсудили в главе 18. С точки зрения Лю, не важно, как сильно Китай привержен «мирному

подъему», все равно конфликт заложен в природе американо-китайских отношений. Отношения между Китаем и Соединенными Штатами будут «состязанием марафонцев» и станут «дуэлью века»[705]. Более того, в этом соревновании, по сути, не будет победителя; единственной альтернативой полному успеху является унизительное поражение: «Если Китай в XXI столетии не сможет стать номером один в мире, не сможет стать главной державой, он неизбежно станет отставшим, который выбывает из строя»[706].

Ни американский вариант меморандума Кроу, ни более хвастливые анализы китайцев не получили поддержки своих правительств, но они предлагают подтекст более современного мышления. Если бы оценки таких взглядов взяла бы в качестве руководства к действию любая из сторон — понадобится только одна сторона, чтобы это стало неизбежностью, — Китай и Соединенные Штаты легко могли бы впасть в подобие эскалации напряженности, описанной в начале этого Заключения. Китай в таком случае попытался бы отбросить американскую мощь как можно дальше от своих границ, ограничил бы пределы действий американского военно-морского флота и понизил бы вес Америки в международной дипломатии. Соединенные Штаты постарались бы объединить множество соседей Китая для создания противовеса его господствующему положению. Обе стороны начали бы подчеркивать свои идеологические разногласия. Взаимодействие еще больше осложнилось бы, поскольку понятия сдерживания путем устрашения и упреждающего удара не являются симметричными в отношениях между этими двумя сторонами. Соединенные Штаты более нацелены на подавляющую военную мощь, а Китай — на решающее психологическое воздействие. Рано или поздно та или иная сторона совершила бы просчет.

Если бы такая модель поведения устоялась, ее было бы очень трудно преодолеть. Соперничающие лагеря будут ассоциироваться в соответствии с определениями, данными ими самими. Суть описанного Кроу (а китайские триумфалисты и некоторые американские неоконсерваторы взяли его идеи на вооружение) заключается в кажущемся автоматизме. Если такая модель поведения будет создана, союзы — сформирова-

ны, круг возложенных на самих себя требований нельзя будет разорвать, особенно из-за внутренних оценок.

Читающий меморандум Кроу не сможет не заметить, что цитировавшиеся специфические примеры взаимной вражды относительно тривиальны по сравнению с выводами, сделанными на их основе. Напомню, речь шла об инцидентах колониального соперничества в Южной Африке и спорах о поведении гражданских служащих. К враждебности привело не то, что было уже сделано. Причина крылась в том, что могло бы быть сделано. События превратились в символы, а символы получили собственный импульс. Нечего было урегулировать, поскольку система союзов, выступающих друг против друга, не имела вариантов для коррекции.

Такого не должно случиться в отношениях Соединенных Штатов и Китая, поскольку американская политика пока еще в состоянии не допустить подобного. Разумеется, если бы китайские политики настаивали на правилах игры в соответствии с меморандумом Кроу, Соединенные Штаты вынуждены были бы оказать сопротивление, что привело бы к нежелательному исходу.

Я очень подробно описал возможную эволюцию, стремясь показать — я осознаю реальные препятствия на пути отношений сотрудничества между США и Китаем, которые я рассматриваю как важные для глобальной стабильности и мира. «Холодная война» между двумя странами остановит прогресс для целого поколения по обе стороны Тихого океана. Споры распространятся на внутреннюю политику каждого региона, и именно тогда, когда вопросы ядерного нераспространения, окружающей среды, энергетической безопасности, изменений климата требуют глобального сотрудничества.

Исторические параллели по природе своей не могут быть точными. Но даже самые точные аналогии не способны обязать современное поколение повторять ошибки своих предшественников. В конце концов, итогом становится катастрофа для всех втянутых в конфликт, как победителей, так и побежденных. Нужно действовать с большой осторожностью, если не хочешь оказаться в ситуации, когда предсказанное сбывается. Но сделать это будет нелегко. Поскольку, как показал меморандум Кроу, одни только заверения не предотвра-

тят подводных течений. Поскольку если какая-то страна захочет достичь господства, разве не будет она раздавать заверения в своих мирных намерениях? Потребуются серьезные совместные усилия, включая неотрывное внимание высших руководителей, для выработки чувства подлинного стратегического доверия и сотрудничества.

Отношения между Китаем и Соединенным Штатами не могут — и не должны — становиться игрой с нулевым результатом. Для европейского руководителя времен кануна Первой мировой войны выбор состоял в следующем: успех одной стороны означал поражение другой, а понятие компромисса входило в противоречие с возбужденным общественным мнением. В ситуации с китайско-американскими отношениями дело обстоит совсем по-другому. Ключевые проблемы на международном фронте имеют глобальный характер. Достичь консенсуса может оказаться трудным делом, но конфронтация по этим проблемам обречена на провал.

Внутреннюю эволюцию главных игроков тоже не стоит сравнивать с ситуацией накануне Первой мировой войны. Когда мы говорим о подъеме Китая, предполагается, что необыкновенный скачок последних десятилетий будет проецироваться на неопределенное время в будущем. Что же касается Америки, то ее относительная стагнация предопределена. Но ни одна из проблем не занимает так сильно умы китайских руководителей, как проблема сохранения национального единства. Она до конца пронизывает часто пропагандируемую цель гармонии в обществе, чье достижение затруднено в стране, где прибрежные районы находятся на уровне передовых обществ, а во внутренних регионах сохраняется ситуация, схожая с положением в самых отсталых районах мира.

Китайское национальное руководство поставило перед своим народом целый перечень задач, необходимых для выполнения. В него входит борьба с коррупцией, названная президентом Ху Цзиньтао «беспрецедентно беспощадной задачей». (В борьбу с ней Ху был вовлечен на разных стадиях своей карьеры[707].) В него также входит «кампания по развитию западных районов», нацеленная на подъем бедных внутренних провинций, в трех из которых Ху когда-то жил. В число объявленных ключевых задач входит также установление допол-

нительных связей между руководством и крестьянством, включая содействие проведению демократических выборов в деревне, а также расширение прозрачности политических процессов по мере превращения Китая в урбанизированное общество. В своей статье, написанной в декабре 2010 года и обсужденной в главе 18, Дай Бинго так обрисовал масштабы внутренних проблем Китая:

«По критериям Организации Объединенных Наций, определившей уровень жизни из расчета 1 доллар в день как нищенский, Китай на сегодня все еще имеет 150 миллионов человек, живущих ниже уровня бедности. Даже по доходу в расчете на душу населения в размере 1200 юаней, определяющему стандарт бедности, в Китае более 40 миллионов человек живет в бедности. В настоящее время 10 миллионов человек все еще не имеют доступа к электричеству, а проблема поиска работы ежегодно затрагивает 24 миллиона человек. В Китае огромное население и слабая база, развитие между городом и деревней неравномерно, промышленная структура нерациональна, не произошло коренных перемен с производительными силами, остающимися в неразвитом состоянии»[708].

Судя по описаниям китайских руководителей, внутренние проблемы страны гораздо сложнее, чем может содержаться в цитируемой как заклинание фразе «неумолимый подъем Китая».

При всей поразительности реформы Дэн Сяопина частично стремительный рост Китая в течение первых десятилетий можно объяснить тем, что Китаю повезло с созданием довольно удачного сочетания огромного числа молодой и в то время преимущественно необученной рабочей силы, «искусственным» путем отрезанной от мировой экономики в годы правления Мао Цзэдуна, и западных экономик, в целом богатых, полных оптимизма, имевших средства для финансирования и наличные для приобретения китайских товаров. Сейчас, по мере старения китайской рабочей силы и приобретения ею профессиональных навыков (что приводит к переносу основных рабочих мест в перерабатывающих отраслях в такие страны с меньшей заработной платой, как Вьетнам и Бангладеш) и вступлением Запада в период экономии, картина становится гораздо сложнее.

Демографическая проблема также входит в упомянутые задачи, стоящие перед страной. В Китае проживает стареющее быстрее всех в мире население, чему способствует рост уровня жизни и средней продолжительности жизни в сочетании с перекосами политики ограничения рождаемости (один ребенок в семье). Показатель по числу общего работоспособного населения, как ожидается, достигнет пика в 2015 году[709]. Начиная с этой даты сокращающееся число китайских граждан в возрасте от 16 до 64 лет должно будет содержать все возрастающее число стареющего населения. Демографические изменения будут неизбежны: к 2030 году число сельских рабочих в возрасте от 20 до 29 лет составит оценочно половину нынешнего уровня[710]. Предполагается, что к 2050 году половина населения Китая достигнет возраста 45 лет или старше, а четверть населения Китая, приблизительно равная всему нынешнему населению Соединенных Штатов, пребудет в возрасте 65 лет и старше[711].

Страна, сталкивающаяся с такими большими внутренними проблемами, не станет легкомысленно, и уже тем более бездумно, вступать в стратегическую конфронтацию или претендовать на мировое господство. Наличие оружия массового уничтожения и современных военных технологий с непредсказуемыми конечными последствиями в случае их применения определяет ключевое отличие нынешней ситуации от периода кануна Первой мировой войны. Начавшие ту войну руководители не понимали возможных последствий применения имевшегося в их распоряжении оружия. Современные руководители не питают иллюзий относительно разрушительного потенциала, который они способны развязать.

Самое сильное соперничество между Соединенными Штатами и Китаем, вероятнее всего, в социально-экономической, а не в военной сфере. Если в обеих странах будут продолжаться нынешние тенденции в экономическом росте, состоянии финансов, расходах на инфраструктуру, инфраструктуру образования, то разрыв в развитии может оказать воздействие на их относительное влияние на третью сторону, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но это перспектива, которую Соединенные Штаты в состоянии остановить собственными усилиями или, возможно, повернуть вспять.

Соединенные Штаты несут ответственность за сохранение конкурентоспособности и своей роли в мире. Они обязаны это сделать прежде всего ради своих традиционных убеждений, а не из-за соперничества с Китаем. Укрепление конкурентоспособности больше американская идея, и не надо просить Китай решать ее за нас. Китай, претворяя в жизнь собственное понимание национальной судьбы, продолжит развитие своей экономики и будет по-прежнему отстаивать широкий круг своих интересов в Азии и за ее пределами. Такая перспектива не потребует конфронтации, приведшей к Первой мировой войне. Она предполагает эволюционное развитие по многим направлениям, где Китай и Соединенные Штаты так же много сотрудничают, сколь и конкурируют.

Проблема прав человека найдет свое место в общем ряду взаимодействия. Соединенные Штаты не могут оставаться верными себе без подтверждения приверженности основным принципам человеческого достоинства и народного участия в управлении. Учитывая характер современных технологий, эти принципы не смогут быть ограничены национальными границами. Однако опыт показал — стремление навязывать их путем конфронтации, вероятнее всего, будет обречено на провал, особенно в стране с таким историческим представлением о себе, как Китай. Ряду американских администраций, последовательно сменявших друг друга, включая администрацию Обамы, находящуюся у власти первые два года, по существу, удавалось уравновешивать приверженность долгосрочным нравственным убеждениям и учет в каждом отдельном случае требований национальной безопасности. Основополагающий подход — обсужденный в предыдущих главах — остается в силе; вопрос о том, как добиваться нужного баланса, остается проблемой для каждого нового поколения руководителей с обеих сторон.

По традиции в конечном счете переходит один вопрос, который Соединенные Штаты и Китай могут на практике постоянно задать друг другу. Откровенный американский план организации порядка в Азии на основе сдерживания Китая или создания блока демократических государств для идеологического крестового похода вряд ли приведет к успеху — частично потому, что Китай является незаменимым торговым

партнером для большинства соседей. По той же причине китайские попытки исключить Америку из азиатских экономических дел и вопросов безопасности встретят аналогичное серьезное сопротивление со стороны почти всех азиатских государств, боящихся последствий доминирования в регионе одной державы.

Более подходящим понятием, чем партнерство, для характеристики китайско-американских отношений следует считать понятие «совместной эволюции», то есть ситуацию, когда обе страны работают над своими внутренними первоочередными задачами, сотрудничая там, где это возможно, и строя свои отношения так, чтобы минимизировать возможность возникновения конфликтов. Ни одна сторона не поддерживает все цели другой или не рассчитывает на полное единство интересов, но обе стороны стараются находить и развивать взаимодополняющие интересы[712].

Соединенные Штаты и Китай должны пытаться поступать так ради своих народов и глобального процветания. Каждая из стран слишком велика, чтобы над ней могла доминировать другая. Именно поэтому ни одна из них не способна определить условия своей победы в случае войны или в конфликте типа времен «холодной войны». Им необходимо задаваться вопросом, точно не возникавшим во времена меморандума Кроу: куда нас приведет конфликт? Случилось ли это от недостатка проницательности с обеих сторон, когда поддержание равновесия превратилось в механический процесс, без оценки того, где окажется мир, если маневрирующий гигант ошибется курсом и столкнется? Кто из лидеров, командовавших международной системой, приведшей к Первой мировой войне, не сделал бы ход назад, если бы он знал, как будет выглядеть мир в конце войны?

В направлении к тихоокеанскому сообществу?

При условии участия в совместной эволюции усилия должны сосредоточиться на трех уровнях отношений. Первый касается проблем, возникающих в ходе нормальных взаимо-

отношений центров крупных держав. Система консультаций, выработанная на протяжении трех десятков лет, доказала в основном свою пригодность для решения этой задачи. Общие интересы — такие как торговые связи, дипломатическое сотрудничество по определенным проблемам — реализуются на профессиональном уровне. Кризисы, если они возникают, как правило, решаются путем переговоров.

Второй уровень будет представлять собой попытку придать привычным переговорам по кризисным ситуациям более всеобъемлющие рамки, снимающие подспудные причины напряженности. Хорошим примером явилось бы сотрудничество по корейской проблеме как части общей концепции для Северо-Восточной Азии. Если Северной Корее удастся сохранить ядерный потенциал из-за неспособности участников переговоров вернуть ситуацию в изначальное состояние, распространение ядерного оружия в Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке станет реальностью. Не пришло ли время предпринять следующий шаг и поступить с корейской проблемой распространения в контексте установления согласованного мирного порядка в Северо-Восточной Азии?

Гораздо более фундаментальное предвидение могло бы подвести мир к третьему уровню взаимодействия — такому уровню, которого не удалось достичь накануне катастрофы Первой мировой войны.

Аргумент в пользу неизбежного столкновения между Китаем и Соединенными Штатами предполагает, что они действуют друг с другом как конкурирующие блоки по обе стороны Тихого океана. Однако это путь к катастрофе для обеих сторон.

Перспектива стратегической напряженности в нынешней международной ситуации коренится в китайском опасении того, что Америка стремится сдерживать Китай, а параллельно этому существует американское опасение относительно того, что Китай стремится изгнать Соединенные Штаты из Азии. Концепция тихоокеанского сообщества — региона, куда входят Соединенные Штаты, Китай и другие страны, участвуя в его мирном развитии, — может ослабить опасения и той и другой стороны. Общие цели и их разработка в какой-то степени придут на смену стратегической напряженности. Это

позволит другим крупным странам, таким как Япония, Вьетнам, Индия и Австралия, принять участие в строительстве системы, которая рассматривалась бы скорее как общая, чем разделенная на два полюса между «китайским» и «американским» блоками. Такое усилие будет иметь значение только при условии, если к нему будет привлечено все внимание и, более всего, если в нем будут уверены заинтересованные руководители.

Одним из величайших достижений поколения, основавшего мировой порядок в конце Второй мировой войны, следует считать утверждение концепции Атлантического сообщества. Смогла бы аналогичная концепция заменить или по крайней мере смягчить потенциальную напряженность между Соединенными Штатами и Китаем? Она отразила бы реальность, состоящую в том, что Соединенные Штаты являются азиатской державой и что многие азиатские державы настаивают на ней. И она отвечает устремлениям Китая на глобальную роль.

Общая региональная политическая концепция по большей части ответила бы на вопросы относительно опасений Китая того, что Соединенные Штаты проводят политику сдерживания Китая. Важно понять, какой смысл вкладывается в слово «сдерживание». Страны по периметру границ Китая со значительными ресурсами, такие как Индия, Япония, Вьетнам и Россия, представляют собой реальность, созданную без помощи американской политики. Китай жил с этими странами на протяжении своей истории. Когда государственный секретарь Хилари Клинтон отвергла понятие сдерживания Китая, она имела в виду усилие, которое предприняла бы Америка с целью создания стратегического блока на антикитайской основе. В усилии по созданию тихоокеанского сообщества и Китай, и Соединенные Штаты строили бы конструктивные отношения друг с другом и всеми другими участниками, а не как части противоборствующих блоков.

Будущее Азии будет формироваться в значительной степени благодаря тому, как Китай и Америка будут его видеть, и в зависимости от степени способности каждой страны добиться какого-то согласия с исторической ролью другой стороны в этом регионе. На протяжении всей своей истории

Соединенные Штаты часто мотивировали свои действия перспективами универсальной ценности их идеалов и провозглашенного долга по их распространению. Китай действовал на основе собственной уникальности, его расширение происходило на основе культурной ассимиляции, а не миссионерской активности.

Для двух этих обществ, олицетворяющих различные версии исключительности, путь к сотрудничеству изначально складывался сложно. Настроение момента менее значимо, чем способность разработать модель действий, способную выжить после неизбежных перемен в обстоятельствах. Руководители по обе стороны Тихого океана обязаны создать и закрепить традицию проведения консультаций и уважения друг друга, позволив тем самым и своим преемникам совместно строить общий мировой порядок, который стал бы выражением параллельных национальных чаяний.

Когда Китай и Соединенные Штаты впервые восстановили отношения 40 лет назад, самым значительным вкладом руководителей того времени следует считать их желание посмотреть дальше безотлагательных текущих проблем. В какомто смысле им повезло: длительная изоляция друг от друга означала отсутствие между ними краткосрочных повседневных проблем. Это дало руководителям прошлого поколения возможность смотреть в будущее, а не заниматься тем, что на них давит сей момент, и заложить основу для мира, который тогда даже трудно было себе представить, но которого трудно было бы достичь без китайско-американского сотрудничества.

Стремясь познать природу мира, я, начиная с аспирантуры, более полувека назад стал изучать вопросы создания и существования международного порядка в разные времена. На основании этих исследований я понимаю: культурные, исторические и стратегические различия в описанных мной представлениях о миропорядке создадут огромные проблемы для руководства с обеих сторон, даже при наличии у них добрых намерений и дальновидности. С другой стороны, если бы история могла механически повторять все происходившее в прошлом, никогда не случилось бы никаких трансформаций. Каждое великое достижение, прежде чем стать реальностью, сперва возникало в воображении автора. В этом

смысле оно рождается от приверженности, а не от отказа от неизбежного.

В своем трактате «К вечному миру» философ Эммануил Кант заявлял — в мире в конце концов наступит вечный мир по одной из двух причин: либо человечество прозреет, либо путь конфликтов и катастроф устрашающего масштаба не оставит ему иного выбора. Сейчас мы подошли к такому моменту.

Когда премьер Чжоу Эньлай и я согласовали коммюнике, где объявлялось о секретной поездке, он сказал: «Это потрясет мир». Как прекрасно, что сорок лет спустя Соединенные Штаты и Китай могут объединить свои усилия, намереваясь не потрясать мир, а вместе его строить.

Послесловие

ЯНВАРЬ 2012 ГОДА

19 января 2011 года президент США Барак Обама и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместное коммюнике по итогам визита китайского руководителя в Вашингтон. В коммюнике стороны заявляют о своем обязательстве развивать «в позитивном ключе всесторонние американо-китайские отношения сотрудничества». По вызывающему основную озабоченность вопросу каждая сторона заверяет другую сторону в следующем: «Соединенные Штаты подтверждают, что они приветствуют мощный, процветающий и успешный Китай, играющий все бóльшую роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как страну Азиатско-Тихоокеанского региона, вносящую свой вклад в дело мира, стабильности и процветания в этом регионе»*.

С этого времени оба правительства приступили к достижению объявленных целей. Состоялись визиты высших американских и китайских официальных лиц, были приняты соответствующие документы по многим стратегическим и экономическим вопросам. Возобновились контакты в военной области, тем самым открыв важный канал связи. На неофициальном уровне, по так называемой «второй дорожке», шло

---

* January 19, 2011 U.S. — China Joint Statement, paragraphs 2 and 5. Американо-китайское совместное коммюнике от 19 января 2011 года, параграфы 2 и 5. Я хотел бы поблагодарить своего помощника Шуйлера Шутена за его неоценимую помощь в проведении исследований для подготовки этого послесловия.

изучение всевозможных вариантов развития американо-китайских отношений.

И все же, по мере расширения сотрудничества, нарастали и противоречия. Влиятельные группы в обеих странах утверждают: гонка за превосходство между Соединенными Штатами и Китаем уже в самом разгаре. Нестабильность в глобальной экономике и мировой финансовой системе добавили дополнительные подтверждения данному предположению. До кризиса мнение о достижении Китаем возможности бросить вызов международному превосходству Америки, казалось весьма призрачным, чисто гипотетическим. И поскольку Китаю удается избежать воздействия глобального финансового кризиса по основным направлениям, по крайней мере на время написания этого послесловия, а Соединенные Штаты и Европа долгое время находятся в режиме жесткой экономии, китайское превосходство часто представляется неизбежным и уже приближающимся.

Явное меньшинство как в Китае, так и в Соединенных Штатах считает сейчас другую страну противником, с которым предстоит вступить в конфронтацию. По мнению большинства в Америке, Китай достиг процветания в рамках поддерживаемой Америкой международной системы, при этом он сохраняет дружественные или по крайней мере непредвзятые отношения с рядом противников Америки и делает все для изменения правил международной системы в свою пользу. При таких взглядах призывы к китайско-американскому сотрудничеству выглядят устаревшими и даже наивными.

Взаимные обвинения возникают на основе различных, но в чем-то и схожих анализов, проводимых в каждой стране. Некоторые американские теоретики в области стратегического мышления заявляют — китайская политика преследует две долгосрочные цели: во-первых, сместить Соединенные Штаты с господствующего места в западной части Тихоокеанского региона; во-вторых, сформировать в Азии блок, подчиняющийся исключительно китайским экономическим и политическим интересам. В соответствии с этой концепцией Китай, даже не будучи равным Соединенным Штатам по абсолютным военным возможностям, таит в себе неприемлемые риски, связанные с ядерным конфликтом. Он также ускоренными

темпами развивает современные средства, способные свести на нет традиционные американские преимущества в других областях. Его неуязвимость перед ответным ядерным ударом неизбежно будет подкреплена расширением радиуса действия противокорабельных баллистических ракет и новыми возможностями так называемой «асимметричной войны» (включая использование кибер- и космического пространства, а также различных форм нарушения экономической жизни, за исключением прямого столкновения). Поскольку такие возможности существуют, соседи Китая, действительно зависящие от китайской торговли и находящиеся в сомнениях относительно американской способности на ответную реакцию, будут приспосабливать свою политику к китайским предпочтениям. В конечном счете это может привести к созданию китаецентристского азиатского блока, который будет доминировать в западной части Тихоокеанского региона. Доклад о новой оборонной стратегии США, сделанный в январе 2012 года, отражает, по крайней мере косвенно, некоторые из этих опасений.

Следует подчеркнуть — ни один из официальных представителей китайского правительства не заявлял, будто подобная стратегия на деле является политикой Китая. Фактически они подчеркивают обратное. Однако в китайской полуофициальной прессе и исследовательских центрах имеется достаточно материалов, свидетельствующих о поддержке теории о движении китайско-американских отношений в направлении скорее конфронтации, чем кооперации.

Американские озабоченности в стратегическом плане становятся особенно заметными на фоне их идеологической потребности вести борьбу со всем недемократическим миром. Авторитарные режимы по природе своей, как говорят, лабильны и склонны к объединениям, они, стремясь добиться внутренней поддержки, не задумываясь прибегают к националистической и экспансионистской риторике и практике. В соответствии с этими теориями — некоторые их варианты просматриваются в кругах американских левых и правых — напряженность и конфликт с Китаем произрастают из собственно внутренней структуры Китая. Утверждается, будто всеобщий мир наступит в результате глобального триумфа демократии, а не благодаря призывам к сотрудничеству. Отсюда,

судя по этим взглядам, примирение незаметно превращается в умиротворение. Соединенные Штаты в своем стремлении расширить сферу демократии посредством пропагандистско-агитационной деятельности, а в случае необходимости и путем давления, как внушают всем, обеспечат не только собственную безопасность, но и всеобщий мир. Они будут не столько претворять в жизнь свои предпочтения, сколько содействовать неизбежному скачку истории вперед. Политолог Аарон Фридберг пишет, например, что «либеральному демократическому Китаю нет никаких причин бояться своих демократических партнеров и уж тем более применять силу против них». Поэтому «конечная цель американской стратегии, если отбросить дипломатические тонкости, состоит в ускорении революции, пусть даже и мирной, способной покончить с однопартийной авторитарной властью в Китае и на ее месте воздвигнуть либеральную демократию»*.

Разработка данной концепции предполагает, что Америке следует проводить политику латентной враждебности по отношению к любому государству, расцениваемому ею как недемократичное. Такая перспектива означает следующее: американо-китайские отношения развиваются в направлении либо конфронтации, либо внутренних беспорядков в Китае. При этом политика в отношении Китая должна, по существу, действовать на опережение. Зачем ждать каких-то предполагаемых проблем в будущем от Китая? Вместо этого Америке следует оказать поддержку независимым центрам силы вдоль границ Китая, стремясь одновременно навязать определенные «правила дорожного движения».

С точки зрения Китая, настроенность на конфронтацию вытекает из совершенно противоположной логики. Он рассматривает Соединенные Штаты как уязвленную сверхдержаву, полную решимости не допустить подъема кого-либо из соперников, а на эту роль более всего подходит Китай. Как бы активно ни стремился Китай к сотрудничеству, утверждают китайцы, Америка всегда будет ставить перед собой цель

---

* Aaron Friedberg, *A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia* (New York: W.W. Norton & Company, 2011), 51, 184.

воспрепятствовать возвышению Китая, используя как военные средства, так и договорные обязательства, лишь бы помешать ему играть его историческую роль Срединного государства. При такой перспективе любое значимое сотрудничество с Соединенными Штатами ведет Китай к провалу, поскольку оно будет лишь способствовать достижению поставленной Америкой цели нейтрализовать Китай*. Постоянная враждебность подчас видится даже во влиянии американской культуры и технологий, трактуемом порой как некая форма намеренного давления, предназначенного для разрушения внутреннего консенсуса в Китае и традиционных ценностей. Самые настойчивые голоса утверждают, будто Китай слишком пассивно относится к постоянно демонстрируемой враждебности в свой адрес, и, например в случае с территориальным вопросом в Южно-Китайском море, Китай должен выступить против тех своих соседей, с которыми у него есть территориальные проблемы. А затем «уяснить причину, подумать о будущем и ударить первым, до того как ситуация в конечном счете выйдет из-под контроля... провести небольшие военные операции, которые могли бы отбить охоту у провокаторов идти дальше»**, — такой стратегии придерживался Китай в индийской, вьетнамской и Корейской войнах.

Неизбежное соперничество?

Есть ли какой-то смысл в поиске отношений сотрудничества между США и Китаем и в политике, предназначенной для достижения этой цели?

---

* Для примера такого рода воззрений на английском языке, включая выдержки из официальных и полуофициальных китайских публикаций, см. Michael S. Chase, «Fear and Loathing in Beijing? Chinese Suspicions of U.S. Intentions», Jamestown Foundation *China Brief*, vol. 11, issue 18 (September 30, 2011).

** Long Tao, «Time to Teach Those Around the South China Sea a Lesson», *Global Times* (September 29, 2011), доступно в Сети по электронному адресу: www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/677717/Time-to-teach-those-around-South-China-Sea-a-lesson.aspx.

Политический анализ не может ограничиваться механическим применением исторических аналогий; он должен принимать в расчет не имеющие прецедента детали современной мировой арены. В истории, несомненно, имели место случаи, когда подъем новых держав вызывал конфликты с уже устоявшимися странами. Но условия изменились. Издержки войны между крупными державами превосходят возможные от нее выгоды. Как говорится в эпилоге, сомнительно, чтобы руководители, так беспечно ввязавшиеся в Первую мировую войну в 1914 году, сделали бы это, знай они тогда, каким станет мир в конце войны. У руководителей современного мира нет и не может быть таких иллюзий. Большая война между развитыми ядерными странами должна принести страшные потери и беспорядки, не соотносимые с просчитанными целями. Превентивность в любом случае исключается, особенно для такой плюралистической демократии, каковой являются Соединенные Штаты.

Но если им бросят вызов, Соединенные Штаты сделают все, что они обязаны сделать для сохранения своей безопасности. Однако им не следует принимать конфронтацию в качестве излюбленной стратегии. В лице Китая Соединенные Штаты столкнутся с противником, накопившим за столетия богатый опыт использования длительного конфликта в качестве своей стратегии, чья доктрина делает упор на психологическом истощении противника. В каком-то реальном конфликте обе стороны обладают возможностями и изобретательностью для нанесения катастрофического урона друг другу. Ко времени завершения такого гипотетического пожара все его участники окажутся в истощенном и ослабленном состоянии. И тогда им вновь придется столкнуться с той же задачей, с какой они сталкиваются сегодня: создание международного порядка, где обе страны являются значимыми составными частями.

Тот образец политики сдерживания периода стратегии «холодной войны», примененный обеими сторонами против экспансионистского Советского Союза, не работает в нынешних условиях. Слабая экономика Советского Союза — за исключением военного производства — не оказывала влияния на глобальную экономику. Когда Китай разорвал связи и вы-

гнал советских специалистов, не много стран, за исключением лишь насильно вовлеченных в советскую орбиту, было в значительной степени завязано на экономические отношения с Москвой. Современный же Китай, напротив, является динамичным фактором мировой экономики. Он стал главным торговым партнером всех своих соседей и большинства западных индустриальных держав, включая Соединенные Штаты, — факт, который, несомненно, будет оказывать влияние на расчеты всех стран и их поведение во время гипотетического соперничества. Длительная конфронтация между Китаем и Соединенными Штатами нанесет ущерб мировой экономике с непредсказуемыми последствиями для всех.

Вряд ли для Китая в конфликте с Соединенными Штатами будет применима стратегия, которой он придерживался в конфликте с Советским Союзом. Ничтожное количество стран — а в Азии вообще ни одной — будут относиться к американскому присутствию в Азии как к «щупальцам», которые надо «отрубить» (образное выражение Дэн Сяопина о стремлении Советского Союза занять позиции далеко за своими пределами, такую оценку поддержали американские администрации от обеих партий). Даже те азиатские страны, которые не входят ни в какие союзы, стремятся иметь — в виде американского политического присутствия в регионе и американских вооруженных сил, расположенных в близлежащих морях, — гарантии сохранения такой окружающей среды, где они привыкли жить. Их подход отражен во фразе, сказанной представителем Индонезии своему американскому коллеге: «Не оставляйте нас, но и не заставляйте нас делать выбор».

Наращивание в последнее время Китаем военной мощи по своей сути не является исключительным феноменом: как раз более необычным выглядело бы, если бы некоторое наращивание его военных возможностей не приводилось в соответствие с экономической мощью второй крупнейшей экономики мира и крупнейшего импортера природных ресурсов. Проблема в том, есть ли у этого наращивания конечные сроки и какие цели оно преследует. Если Соединенные Штаты будут рассматривать каждый шаг в развитии китайской военной мощи как враждебный, они быстро окажутся втянутыми в бесконечную серию споров по поводу неких тайных замыслов.

Но Китай должен осознавать, исходя из собственной истории, невидимую грань между наступательными и оборонительными возможностями и видеть последствия ничем не ограниченной гонки вооружений.

Нет никаких сомнений в том, что в случае возникновения проблем для их национальной безопасности Соединенные Штаты предпримут необходимые шаги для их решения, как не единожды происходило в их истории. Такое действие предполагает наличие ясной концепции национального интереса и национальной безопасности страны и воли для твердого следования данной концепции. Но они не должны допускать ненужной конфронтации во имя таких целей, которых США не в силах добиться или которые лучше всего достигаются совершенно иными средствами. Нам следует стараться не повторять в нашей политике в отношении Китая худшие образцы тех конфликтов, когда у нас изначально существовала широкая поддержка со стороны общественности и стояли широкие цели — Вьетнам, Ирак и Афганистан. В итоге американский политический процесс настойчиво потребовал проведения стратегии, направленной на выход из войны, что фактически привело к отказу, если не полному отходу от объявленных ранее целей. У нас не должно быть никаких иллюзий относительно реализации курса на сочетание оборонной политики, отражающей бюджетные рамки, с дипломатией неограниченных идеологических целей.

У китайских руководителей должны быть свои веские причины для того, чтобы отвергнуть внутренние призывы к враждебному подходу, как они действительно открыто объявляют*. Имперская экспансия Китая в историческом плане представляла собой скорее медленное проникновение, чем покорение, или посвящение в китайскую культуру завоевателей, которые в таком случае добавляли свои территории к китайским владениям. Установление господства в Азии обернулось бы ужасающим предприятием. Советский Союз во время «холодной войны» граничил с рядом слабых стран,

* См., например, статью члена Государственного совета Дай Бинго в декабре 2010 года «Устойчивое продвижение по пути мирного развития», на которую есть ссылка в главе 18 этой книги. Dai Bingguo, «Persisting with Taking the Path of Peaceful Development», December 2010.

истощенных войной и оккупацией, зависящих от обязательств американских войск по их защите. Китай же граничит с Россией на севере; с Японией и Кореей, американскими союзниками, на востоке; Вьетнамом и Индией на юге; Индонезия и Малайзия находятся в непосредственной близости от его границ. Такой расклад отнюдь не способствует завоеваниям. Но он с большей вероятностью способен вызывать опасения по поводу возможности окружения. Каждая из этих стран имеет большие военные традиции и представляет собой существенную преграду, если бы ее территория или ее возможности проведения независимой внешней политики оказались под угрозой. Воинственная внешняя политика Китая укрепила бы сотрудничество между всеми или по крайней мере некоторыми из этих стран, тем самым напомнив Китаю тот исторический кошмар, какой случился в период 2009—2010 годов.

Другой причиной для сдержанности Китая, во всяком случае, в среднесрочном будущем, является необходимость адаптации к предстоящим внутренним переменам. Пропасть в китайском обществе между достаточно развитыми прибрежными регионами и неразвитыми западными регионами несколько сгладилась, но ситуация все равно остается достаточно непростой из-за миграции десятков миллионов человек из деревни в города. Все это делает поставленную Ху Цзиньтао цель обеспечения «гармоничного общества», с одной стороны, притягательной, с другой — несбыточной. Происходящие изменения в культурно-бытовом плане осложняют проблему. Предстоящие десятилетия покажут подлинную картину влияния на общество политики семьи с одним ребенком. Решение ограничить китайские семьи одним ребенком было принято несколько десятилетий назад, когда Китай погрузился в создание базовых основ материального благосостояния для своего разрастающегося населения. Это привело к изменению культурных стандартов в обществе, где большие семьи заботились о престарелых и инвалидах. Когда две пары дедушек и бабушек соревнуются за внимание одного внука или внучки и вкладывают в ребенка все свои надежды, до сего времени распространявшиеся на всех потомков, может возникнуть новый стандарт того, что необходимо достигнуть, и больших — подчас неосуществимых — ожиданий.

Все эти факторы, в свою очередь, еще больше осложнят проблемы, связанные с завещанным Дэн Сяопином процессом передачи власти в Китае, начавшимся в 2012 году. В ходе этого процесса посты председателя, заместителя председателя, значительное большинство должностей в составе Политбюро, Государственного совета и Центрального военного совета Китая, а также тысячи других ключевых постов на государственном и провинциальном уровне будут заполнены новыми назначенцами*. Новое руководящее ядро будет в большинстве своем состоять из представителей поколения, впервые за последние 150 лет живущего в невоюющей стране. Им предстоит сложная задача создания некоего симбиоза представлений о будущем тех, кто пережил «культурную революцию», и детей компьютерного века. Первоочередной проблемой для них станет поиск пути ведения дел в обществе, революционизированном изменяющимися экономическими условиями, беспрецедентными и быстро развивающимися технологиями связи, шаткой глобальной экономикой и переселением сотен миллионов населения из сельской местности в города Китая — одной из крупнейших миграций в истории человечества. Моделью для формы правления, возникающего при таких факторах, по всей вероятности, будет синтез современных идей с традиционными китайскими политическими и культурными концепциями. Этот синтез стал причиной нынешней драмы эволюции Китая.

Такого рода социальные и политические метаморфозы, несомненно, будут отслеживаться с большим интересом и надеждой в Соединенных Штатах. Как я уже объяснил в начальных главах книги, я считаю прямое американское вмешательство неразумным и непродуктивным. Соединенным Штатам, собственно говоря, следует продолжать доводить до сведения свою точку зрения по вопросам прав человека и другим специфическим случаям. И их повседневное поведение будет демонстрировать их национальные предпочтения в плане демократических принципов. Однако системный проект

---

* Для вдумчивого и всеохватывающего анализа см. Cheng Li, «China's Midterm Jockeying: Gearing Up for 2012», Parts 1—5, *China Leadership Monitor* Nos. 31—35 (Stanford: Hoover Institute, 2010—2011).

трансформации институтов Китая путем дипломатического давления и экономических санкций, вероятнее всего, аукнется негативно и приведет к отчуждению или изоляции тех самых либералов, которым они намеревались помочь. В Китае это будет воспринято подавляющим большинством через призму национализма в память о прежних временах иностранного вмешательства. И совершенно не ясно, как возникновение многопартийной системы повлияет на внешнюю политику Китая. Фундаментальные международные цели Китая будут скорее всего формироваться историческими представлениями о национальных интересах, а не специфической конфигурацией политической системы Китая. Это говорится не для того, чтобы призывать к отказу от американских ценностей, а к тому, чтобы отличать реально достижимое от абсолютно идеального.

Не следует относиться к китайско-американским отношениям как к игре с нулевым результатом, но и не стоит также расценивать появление процветающего и мощного Китая как стратегическое поражение Америки. Вот в чем суть проблемы: два великих общества обязаны взаимодействовать между собой в условиях разного рода давления и метаморфоз, с которыми вообще не сталкивалось ни одно из предыдущих поколений, и уж тем более в таком мировом масштабе.

Обе стороны сильно рискуют в случае конфронтации; обе стороны должны сосредоточить свое внимание на сложных внутренних проблемах. Ни одна из них не может позволить себе посвятить себя только решению проблем внутреннего развития, какими бы важными они ни были. Современная экономика, технология и оружие массового уничтожения предписывают применение превентивных мер. История и экономика обеих стран призывают их к взаимодействию. Вопрос в том, будут ли они это делать как противники или как потенциальные партнеры по сотрудничеству.

Серьезный анализ должен признать, что ратующий за сотрудничество подход бросает вызов некоторым предвзятым построениям с обеих сторон. В национальном опыте Соединенных Штатов мало случаев взаимодействия со страной, сопоставимой по размерам и международному масштабу, уверенной в себе, имеющей экономические достижения и такой

отличающейся по культуре и политической системе, как Китай. Им неведома проблема разграничения между неизбежной эволюцией и сознательным намерением к достижению господства. Абсолютистские определенности миссионерского обращения могут нести угрозу долгосрочной стратегии, достигающей своих целей за счет нюансов и приспособления.

Но и в истории Китая не случалось прецедентов ведения дел с Соединенными Штатами — такой же великой державой, постоянно присутствующей в Азии, имеющей свое видение универсальных идеалов, никак не завязанных на китайские концепции, и несколько соседей Китая в качестве своих союзников. До встречи с Америкой в китайской истории не найти примера страны, выстраивающей такую позицию для иных целей, кроме как создание предпосылок к попытке установить господство над Китаем. Пекин, как и Вашингтон, сталкивается с новой для себя концептуальной проблемой установления баланса между возможностями и намерениями.

Простейший путь к реализации своей стратегии состоит в противопоставлении потенциальным противникам с превосходящей силой превосходящих по объему ресурсов и материально-технического обеспечения. Соединенные Штаты испытывали такой момент сразу после окончания Второй мировой войны, но это произошло по большому счету из-за разорения практически всех других центров силы. В современном мире такое положение нереально как для Соединенных Штатов, так и для Китая.

Каждая сторона неизбежно продолжит существование как постоянно существующая реальность для другой стороны. Ни одна из двух стран не сможет сделать свою безопасность заложником другой стороны — так не поступает ни одна великая держава, — и каждая продолжит преследовать свои собственные интересы, иногда в какой-то мере за счет другой стороны. Однако обе стороны несут ответственность и обязаны принимать в расчет кошмары другой стороны. Будет правильным для обеих сторон признать тот факт, что их риторика, точно так же, как и их конкретная политика, подчас — а возможно, и случайно — питает подозрения другой стороны.

Величайшим стратегическим страхом для Китая является то, что какая-то другая держава или державы разместят воен-

ные объекты по периметру Китая, способные посягать на его территорию или внутренние институты. Когда Китай полагал существование такой угрозы, он прибегал к войне, не желая рисковать по поводу возможного исхода, когда ему казалось, будто тучи сгущаются, — в Корее в 1950 году, против Индии в 1962 году, на северной границе с Советским Союзом в 1969 году и против Вьетнама в 1979 году.

Страх Америки, подчас выраженный косвенным образом, заключается в боязни быть изгнанной из Азии каким-то элитным блоком. Америка участвовала в мировой войне против Германии и Японии частично для того, чтобы не допустить такого исхода, и проводила дипломатию исключительно силового характера во время «холодной войны» при администрациях от обеих политических партий против Советского Союза с такими же точно намерениями. В обоих случаях весомые совместные китайско-американские усилия были направлены против представлявшейся им угрозы гегемонизма на глобальном уровне. Именно по этой причине объявленный администрацией Обамы «поворот» к Азии в 2011 году вызвал вопрос относительно уменьшения американских национальных интересов в Европе в пользу Азии. Однако глобальное равновесие сил не допускает вакуума; американскую стратегию следует расценивать как остающуюся по-прежнему глобальной по своей сути. Поворот к Азии следует рассматривать не как открытие новых глобальных интересов, а как адаптацию к новым условиям глубоко укоренившегося традиционного принципа: Америка является как тихоокеанской, так и атлантической державой.

Руководители высшего звена как в Соединенных Штатах, так и в Китае не раз выражали свою решимость сосуществовать в открытом Азиатско-Тихоокеанском регионе без каких-либо исключений, уважать жизненные интересы друг друга. В этих их чаяниях к ним присоединяются другие азиатские страны, многие из которых являются значимыми по праву державами. Эти страны будут отстаивать право развивать свои возможности во имя собственных национальных интересов, а не как часть соперничества с державами, не входящими в этот регион. Они не рассматривают себя ни в качестве составных частей американской политики сдерживания, ни в качестве восста-

новленной системы китайских данников. Они будут стремиться к добрым отношениям как с Китаем, так и с Соединенными Штатами, и будут отвергать нажим, заставляющий «выбирать» между ними двумя.

Могут ли страх чьей-то гегемонии, присущий Соединенным Штатам, и кошмар боязни военного окружения, преследующий Китай, быть излеченными? Можно ли найти некое пространство, где обе стороны смогли бы достичь своих целей в плане безопасности без милитаризации своей стратегии? Сможет ли соперничество между ними осуществляться преимущественно в политической или экономической областях? В чем возможен крайний предел между конфликтом и отказом от конфликта между великими державами с глобальными возможностями и различными, даже частично противоречащими друг другу устремлениями, как стоящие перед ними требования времени способны сочетаться в условиях неизбежного пресса текущих событий?

То, что Китай будет обладать большим влиянием в окружающих его регионах, вполне естественно в силу географического фактора, ценностей и истории. Однако пределы влияния зависят от обстоятельств и политических решений. Эти нюансы определяют, приведет ли неизбежный поиск возможностей установления влияния к отрицанию существования или исключению других обществ.

На протяжении жизни почти двух поколений американская стратегия опиралась на местную региональную оборону американскими сухопутными силами — большей частью для избежания катастрофических последствий всеобщей ядерной войны. С того времени отношение конгресса и общественное мнение заставляют отказываться от подобных обязательств во Вьетнаме, Ираке и Афганистане. А сейчас финансовые соображения еще больше ограничивают масштабы применения такой стратегии. Поэтому американскую стратегию перепланировали с территориальной обороны на навязывание неприемлемых рисков потенциальным агрессорам, хотя и не обязательно в географической точке нападения. Это требует сил, способных на быстрое реагирование и действия в любой точке планеты, за исключением создания баз вокруг границ Китая. Пока нет четкой ясности, достижима ли хотя бы первая

цель оборонной политики, зависимой от бюджетных ограничений.

Точно так же как китайское влияние на окружающие страны может дать толчок опасениям относительно его доминирования, точно так же попытка отстоять традиционные национальные интересы Америки может восприниматься как некая форма военного окружения. Обе стороны должны понимать нюансы, с чьей помощью вполне очевидные традиционные и вполне очевидные «рациональные» действия способны вызвать глубочайшую озабоченность другой стороны. Они должны признать — некоторая доля соревновательности неизбежна и имеет право на существование, но должна проводиться в определенных рамках. Они должны совместно стремиться к ограничению сферы проведения мирного соревнования друг с другом. Если это будет сделано умно, можно будет избежать как военной конфронтации, так и стремления к доминированию; если нет, станет неизбежной эскалация напряженности. Задача дипломатии — определить это пространство, расширить его по мере возможности и не допустить того, чтобы двусторонние отношения стали заложником тактических и внутренних обязательств.

Что делать дальше?

Урегулирования кризиса будет недостаточно для поддержания отношений такого глобального характера, отягощенных таким разноплановым прессингом как внутри этих стран, так и между ними самими. В предыдущих главах этой книги я предложил концепцию создания Тихоокеанского сообщества и высказал надежду на способность Соединенных Штатов и Китая выработать чувство общности целей, по крайней мере по нескольким проблемам, представляющим общий интерес. Эта общая цель могла бы в конечном счете принять форму совместной эволюции двух обществ, развивающихся на параллельных, хотя и не совсем идентичных курсах.

Структурная опасность миру во всем мире в XXI веке лежит в создании закрытых блоков в западном и восточном полушариях (или по крайней мере в его азиатской части), чье сопер-

ничество повторит в глобальном масштабе игры с нулевыми результатами, вызвавшие пожары в Европе в XX веке.

Мировой порядок, существующий в настоящее время, создавался без китайского участия. Отсюда Китай чувствует себя не так сильно связанным правилами создания того, в чем он не принимал участия. Там, где результат не соответствует китайским предпочтениям, Пекин задействовал альтернативные формы взаимодействия, такие как специальные каналы расчетов в валюте, установленные с Японией, Бразилией и другими странами.

В период, когда одновременно происходит так много разных сдвигов, создание новых моделей международного порядка становится неизбежным. И все же, если такой пример сепаратных форм взаимодействия войдет в постоянную практику и распространится на многие сферы деятельности, может возникнуть новый мировой порядок в противовес существующему. Таким образом, единой целью совместной эволюции стало бы обеспечение объединения усилий Соединенных Штатов и Китая друг с другом и с другими государствами для формирования согласованного миропорядка. Отсутствие общих целей, согласованных правил сдержанности, официально узаконенное соперничество способно разрастись сверх меры и намерений сторонников такого подхода. В эпоху, когда нарастает беспрецедентный наступательный потенциал и технологии вторгаются в различные сферы жизни, плата за неудачу может быть весьма значительной и, более того, невосполнимой.

Цель совместной эволюции или Тихоокеанского сообщества не может быть достигнута, если одна из сторон воспринимает задуманное предприятие преимущественно как более эффективный путь нанесения поражения или подрыва позиции другой стороны. Нельзя систематически бросать вызов ни Китаю, ни Соединенным Штатам, чтобы они этого не замечали, а в случае, когда они обратят на это внимание, они будут пытаться — и как крупные державы будут иметь такую возможность — оказывать сопротивление. Усилие по совместной эволюции требует от обеих стран — и Соединенных Штатов, и Китая — посвятить себя подлинному сотрудничеству, найти путь для связи и соотносить свое видение друг друга и

остального мира. Одна сторона не может идти по этому пути в одиночку. Предпосылкой для этого должно стать серьезное обязательство руководителей обеих стран, рассмотренное и принятое их правительствами как первоочередное дело. Некоторые предварительные шаги в этом направлении уже предпринимались. Например, Соединенные Штаты присоединились примерно к десятку других стран, начав переговоры о «Транс-Тихоокеанском партнерстве» (ТТП), пакте о свободной торговле, соединяющем Северную и Южную Америку с Азией. Такая договоренность могла бы стать шагом в направлении создания Тихоокеанского сообщества, поскольку ослабила бы барьеры между наиболее продуктивными, динамично развивающимися экономиками мира с богатыми ресурсами, соединив две стороны Тихого океана в совместных проектах. Президент Обама пригласил Китай присоединиться к ТТП. Однако условия присоединения, судя по разъяснениям американских представителей и обозревателей, порой выглядят как некое требование фундаментальных изменений во внутренней структуре Китая в качестве предварительного условия. При такой постановке вопроса ТТП может рассматриваться в Пекине как часть стратегии по изоляции Китая. Китай со своей стороны предложил альтернативные образования, продемонстрировав параллельные тенденции. Он провел переговоры с АСЕАН о торговом пакте и начал дискуссию о торговом соглашении между Китаем, Японией и Южной Кореей.

Важные внутренние соображения возникают у всех сторон. Но если Китай и Соединенные Штаты начнут рассматривать усилия друг друга по заключению торговых пактов как часть стратегии по изоляции другой стороны, Азиатско-Тихоокеанский регион может скатиться к разделению на соперничающие враждебные силовые блоки. Как ни парадоксально, но такой настрой превратится в конкретную проблему, если Китай пойдет навстречу американским требованиям и перейдет от экспортно ориентированной экономики к экономике, стимулируемой потреблением, как это предусмотрено его последним пятилетним планом. Такое развитие событий уменьшит ставку Китая на Соединенные Штаты как на экспортный рынок, другие азиатские страны получают поощрение на то, чтобы и

впредь ориентировать свои экономики на экспорт в Китай. При этом каждая из стран будет приводить в соответствие свои политические приоритеты. Ключевым для Пекина и Вашингтона станет решение, предпринимать или нет действенные усилия по сотрудничеству сверх классической политики поддержания равновесия или просто приспосабливаться к историческим образцам.

Обе страны воспринимают язык своих обществ. Они учредили с этой целью специальный форум высокого уровня — «Стратегический и экономический диалог», — созываемый дважды в год. Он приносит свои плоды по некоторым неотложным проблемам; но он все еще находится в начальной стадии своего конечного предназначения очищать подлинно глобальный мировой экономический и политический порядок от наносов бурного развития последнего десятилетия. И если глобальный мировой порядок не сложится в сфере экономики, более эмоциональные вопросы и менее очевидные стороны с точки зрения беспроигрышности результата, типа вопросов, связанных с территориями, безопасностью, могут превратиться в непреодолимые преграды.

В ходе проводимого ими процесса обе стороны должны учитывать воздействие риторики на их суждения и расчеты. Американские руководители периодически запускают кампании против Китая, включая специфические намеки на проведение враждебной политики, что объясняется потребностями внутренней политики. Это случается даже тогда, когда, может быть, особенно тогда, когда в конечном счете подразумевается проведение осторожной политики. Темой при этом становятся не какие-то особые дискуссии, с которыми следует поступать в зависимости от их значимости, а нападки на фундаментальные мотивации китайской политики. Базисная политика рискует обернуться против самой себя. Поскольку цель этих нападок обязана будет спросить себя, не приведут ли внутренние потребности, требующие подтверждения враждебного настроя, рано или поздно к практическим враждебным действиям. По той же причине угрозы в китайских заявлениях — включая содержащиеся в полуофициальной прессе, — по-видимому, могут быть истолкованы с учетом подразумеваемых в них действий, независимо от вызвавших их причин,

будь то сделанных под воздействием внутреннего давления или преднамеренных.

Дебаты в Америке по обе стороны политического водораздела зачастую описывают Китай как «поднимающуюся державу», которая должна будет «созреть» и научиться вести себя со всей ответственностью на мировой арене. Китай, однако, видит себя не поднимающейся, а возвращающейся на свое законное место державой, доминировавшей в своем регионе в течение двух тысячелетий и, по мнению китайцев, временно смещенной со своего места колониальными эксплуататорами, воспользовавшимися китайскими внутренними распрями и упадком. Китай не рассматривает перспективу сильного Китая, распространяющего влияние в экономических, культурных, политических и военных делах, как неестественный вызов мировому порядку. Скорее подразумевается возвращение к нормальному состоянию дел. Американцам не обязательно соглашаться с китайским анализом, чтобы понять — чтение нотаций стране с тысячелетней историей о необходимости «взросления» и «ответственного» поведения будет вызывать лишь напрасное раздражение.

Что касается китайской стороны, заявления на правительственном и неофициальном уровнях о намерении Китая «возродить китайскую нацию» до ее традиционных высот имеют разный подтекст внутри Китая и за его пределами. Китай по праву гордится своими успехами в восстановлении чувства национальной идеи после «векового унижения», как он себе это представляет. Тем не менее других стран в Азии, с такой ностальгией вспоминающих эру, когда они являлись подданными под китайским сюзеренитетом, не так много. Недавние ветераны антиколониальной борьбы, участвующие в традиционной геополитике, будут стараться подключиться к участию в как можно большем количестве взаимно переплетающихся областей экономической и политической жизни. Почти все эти страны приветствуют роль Америки в регионе, но их главной целью остается равновесие, а не крестовый поход или конфронтация.

«Подъем» Китая не является преимущественно результатом его военной мощи. В большей степени он является отражением сокращающейся конкурентоспособности Америки, выра-

жающейся в устаревающей инфраструктуре, отсутствии должного внимания к исследованиям и развитию, а также в, казалось бы, расстроенной деятельности правительства. Как Соединенные Штаты решают эти вопросы, зависит от умения и решимости Америки; это будет гораздо важнее с точки зрения будущего, чем обвинения в адрес условного противника.

Поиск тактических преимуществ присущ действиям суверенных государств. Однако в новом глобализованном и взаимозависимом мире, переполненном оружием массового уничтожения, Китай и Соединенные Штаты обязаны также обращать внимание на общие, долгосрочные цели в международной системе. Создание стратегического доверия и подключение к обсуждению вопросов о взаимной сдержанности окажутся сложным, а подчас и двойственным процессом. И тем не менее у крупных держав в современную эпоху нет иных более важных обязательств.

Китай может найти в собственной истории подтверждение своей выносливости и быть уверенным в том, что ни одна американская администрация в любой период китайской истории — включая то время, когда между ними не существовало двусторонних отношений, — не стремилась изменить реальный статус Китая как одного из крупных государств, экономик и цивилизаций мира. Американцам хорошо бы помнить, что даже если ВВП Китая будет равен ВВП Соединенных Штатов, его все равно надо будет разделить на население, в четыре раза превосходящее американское, стареющее, занятое сложными внутренними преобразованиями, вызванными ростом Китая и урбанизацией. Практическим последствием будет тот факт, что большая часть китайской энергии должна быть направлена на решение внутренних проблем.

Обеим сторонам следует открыться для понимания действий другой стороны как нормальной составной части международной жизни, а не как самой по себе причины для тревоги. Неизбежная тенденция к наскоку друг на друга не должна приравниваться к сознательной тяге к сдерживанию или доминированию, до тех пор пока обе стороны могут поддерживать каждый свою индивидуальность и надлежащим образом регулировать собственные действия.

Китаю и Соединенным Штатам не обязательно соглашаться с соответствующими политическими эволюциями друг друга и признавать, что стратегическое соревнование за господство окажется истощающим и в конечном счете приведет большинство азиатских государств, особенно в Южной и Юго-Восточной Азии, к внутреннему кризису или заставить занять позицию некоего рода агрессивного нейтралитета. Основанная на конфронтации стратегия сделает и Китай, и Соединенные Штаты заложниками наихудших сценариев развития, некоторые из которых могут оказаться вне контроля одной из сторон.

Эта книга не предсказывает, что Соединенные Штаты и Китай обязательно переступят границы дозволенного в соперничестве великих держав или в их каких-то идейных разногласиях. Она утверждает — две страны, благодаря самим себе и миру, постараются избежать этого. Для практики совместной эволюции потребуются ум и терпение. Через какое-то время это может стать неотъемлемой частью поведения каждой страны.

Если такое усилие окажется неудачным, то это произойдет потому, что для одной стороны или для них обеих неизбежная неопределенность относительно намерений суверенных государств представляется непреодолимой, а вес истории подавляет требование начать новый курс. В таком случае Соединенные Штаты будут защищать свои интересы традиционными способами. Но сторонники конфронтационного подхода не получат оправдания от такого исхода. Те, кто унаследует вытекающий из этого конфликт, по-прежнему будут обязаны создать новый и лучший мировой порядок, когда кризис подойдет к концу. История в итоге аплодирует не конфликтам обществ, а их примирению.

Примечания

1 John W. Garver. China's Decision for War with India in 1962 in Alastair Iaian Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford: Stanford University Press, 2006), 116, цитируется Sun Shao and Chen Zibin, *Ximalaya shan dexue: Zhong Yin zhanzheng shilu* [*Snows of the Himalaya Mountains: The True Record of the China-India War*] (Taiyuan: Bei Yue Wenyi Chubanshe, 1991), 95; Wang Hongwei, *Ximalaya shan qingjie: Zhong Yin guanxi yanjiu* [*The Himalayas Sentiment: A Study of China-India Relations*] (Beijing: Zhongguo Zangxue Chubanshe, 1998), 228—230.

2 «Хуася» и «Чжунхуа» — другие названия в китайском языке, обозначающие Китай.

3 «Ssuma Ch'ien's Historical Records — Introductory Chapter», trans. Herbert J. Allen, *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* (London: Royal Asiatic Society, 1894), 278—280 («Chapter I: Original Records of the Five Gods»).

4 Abbé Régis-Evariste Huc, *The Chinese Empire* (London: Longman, Brown, Green & Longmans, 1855), as excerpted in Franz Schurmann and Orville Schell, eds., *Imperial China: The Decline of the Last Dynasty and the Origins of Modern China — The 18th and 19th Centuries* (New York: Vintage, 1967), 31.

5 Ло Гуаньчжун. «Троецарствие». М. 1984. С. 23.

6 Мао использовал этот пример, чтобы показать, почему Китай выживет даже в ядерной войне. Ross Terrill, *Mao: A Biography* (Stanford: Stanford University Press, 2000), 268.

7 John King Fairbank and Merle Goldman, *China: A New History*, 2nd enlarged ed. (Cambridge: Belknap Press, 2006), 93.

8 F.W. Mote, *Imperial China: 900—1800* (Cambridge: Harvard University Press, 1999), 614—615.

[9] Там же. С. 615.

[10] Thomas Meadows, *Desultory Notes on the Government and People of China* (London: W.H. Allen & Co., 1847), as excerpted in Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 150.

[11] Lucian Pye, «Social Science Theories in Search of Chinese Realities», *China Quarterly* 132 (1992): 1162.

[12] Ожидая, что его коллеги в Вашингтоне стали бы возражать против подобного провозглашения китайской юрисдикции над всем миром, американский посланник в Пекине получил дополнительный перевод и текстовое толкование от местного британского эксперта. Последний объяснил, что обидное выражение — буквально, «чтобы успокоить и обуздать мир» — было стандартной формулировкой и что его письмо Линкольну было фактически (по стандартам китайского двора) особенно скромным документом, состоявшим из выражений, демонстрирующих подлинную доброжелательность.
Papers Relating to Foreign Affairs Accompanying the Annual Message of the President to the First Session of the thirty-eighth Congress, vol. 2 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1864), Document No. 33 («Mr. Burlingame to Mr. Seward, Peking, January 29, 1863»), 846—848.

[13] Для гениального подсчета этих достижений западными учеными, весьма (а иногда и излишне) очарованными Китаем, см. Joseph Needham's encyclopedic multivolume *Science and Civilization in China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1954).

[14] Fairbank and Goldman, *China*, 89.

[15] Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 2006), Appendix B, 261—263. Следует принять во внимание тот факт, что до начала Промышленной революции общий ВВП был гораздо сильнее привязан к уровню населения; таким образом, Китай и Индия опережали Запад частично за счет их большего населения. Хотел бы поблагодарить Майкла Сембалеста за то, что обратил мое внимание на эти цифры. (Майкл Сембалест — директор по инвестициям банка JPMorgan. — *Примеч. пер.*)

[16] Jean-Baptiste Du Halde, *Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise* (La Haye: H. Scheurleer, 1736), переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 71.

[17] François Quesnay, *Le despotisme de la Chine*, переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 115.

[18] Для исследования политической карьеры Конфуция, воплотившей в себе классические китайские оценки, см. Annping Chin, *The Authentic Confucius: A Life of Thought and Politics* (New York: Scribner, 2007).

[19] See Benjamin I. Schwartz, *The World of Thought in Ancient China* (Cambridge: Belknap Press, 1985), 63—66.

[20] Confucius, *The Analects,* trans. William Edward Soothill (New York: Dover, 1995), 107.

[21] См. Mark Mancall, «The Ch'ing Tribute System: An Interpretive Essay», in John King Fairbank, ed., *The Chinese World Order* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), 63—65; Mark Mancall, *China at the Center: 300 Years of Foreign Policy* (New York: Free Press, 1984), 22.

[22] Ross Terrill, *The New Chinese Empire* (New York: Basic Books, 2003), 46.

[23] Fairbank and Goldman, *China,* 28, 68—69.

[24] Masataka Banno, *China and the West, 1858—1861: The Origins of the Tsungli Yamen* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), 224—225; Mancall, *China at the Center,* 16—17.

[25] Banno, *China and the West,* 224—228; Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 197.

[26] Owen Lattimore, «China and the Barbarians», in Joseph Barnes, ed., *Empire in the East* (New York: Doubleday, 1934), 22.

[27] Lien-sheng Yang, «Historical Notes on the Chinese World Order», in Fairbank, ed., *The Chinese World Order,* 33.

[28] Китай и соседи в древности и Средневековье (ред. Тихвинский С.Л. М., 1970. Мелихов Г.В. Политика Минской империи в отношении чжурчженей. (1402—1413 гг.). С. 264.

[29] Ying-shih Yü, *Trade and Expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations* (Berkeley: University of California Press, 1967), 37.

[30] Immanuel C.Y. Hsü, *China's Entrance into the Family of Nations: The Diplomatic Phase, 1858—1880* (Cambridge: Harvard University Press, 1960), 9.

[31] Именно таким образом осуществлялось расширение китайского суверенитета над Монголией (как «Внутренней», так и на различных этапах китайской истории «Внешней») и Маньчжурией, которые изначально являлись колыбелью иностранных завоевателей, основавших династии Юань и Цин.

[32] Для поучительных обсуждений этих тем и более полного объяснения правил игры в «вэйци», см. David Lai, «Learning from the Stones: A *Go* Approach to Mastering China's Strategic Concept, *Shi*»

(Carlisle, Pa.: United States Army War College Strategic Studies Institute, 2004); and David Lai and Gary W. Hamby, «East Meets West: An Ancient Game Sheds New Light on U.S.-Asian Strategic Relations», *Korean Journal of Defense Analysis* 14, no. 1 (Spring 2002).

[33] Имеются убедительные свидетельства того, что «Искусство войны» — это труд более позднего (хотя все еще древнего) автора эпохи Воюющих государств и что он стремился придать своим идеям большую достоверность, соотнеся их к более ранним датам времен Конфуция. Эти факты обобщены Сун-цзы в «Искусстве войны», перевод Samuel B. Griffith (Oxford: Oxford University Press, 1971), Introduction, 1—12; and Andrew Meyer and Andrew Wilson, «*Sunzi Bingfa* as History and Theory», in Bradford A. Lee and Karl F. Walling, eds., *Strategic Logic and Political Rationality: Essays in Honor of Michael Handel* (London: Frank Cass, 2003).

[34] Sun Tzu, *The Art of War,* trans. John Minford (New York: Viking, 2002), 3.

[35] Там же. С. 87—88.

[36] Там же. С. 14—16.

[37] Там же. С. 23.

[38] Там же. С. 6.

[39] В северном диалекте китайского языка «ши» произносится примерно как «шир». Иероглиф состоит из двух элементов «обуздать» и «сила».

[40] Kidder Smith, «The Military Texts: The *Sunzi*», in Wm. Theodore de Bary and Irene Bloom, eds., *Sources of Chinese Tradition,* vol. 1, *From Earliest Times to 1600,* 2nd ed. (New York: Columbia University Press, 1999), 215. Китайский автор Линь Юйтан объяснял «ши» как эстетическое и философское понятие того, как ситуация «станет развиваться... подобно ветру, дождю, наводнению или сражению, ослабеет либо наберет новую силу, прекратится либо будет продолжаться неопределенное время, наберет силу или потеряет ее, в каком направлении будет развиваться и с какой скоростью». Lin Yutang, *The Importance of Living* (New York: Harper, 1937), 442.

[41] См. Joseph Needham and Robin D.S. Yates, *Science and Civilisation in China*, vol. 5, part 6: «Military Technology Missiles and Sieges» (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 33—35, 67—79.

[42] См. Lai and Hamby, «East Meets West», 275.

[43] Georg Wilhelm Friedrich Hegel, *The Philosophy of History*, в переводе. E.S. Haldane and Frances Simon, цитируется по: Spence, *The Search for Modern China*, 135—136.

[44] История экспансии Цинов в пределах «внутренней Азии» под водительством ряда исключительно способных императоров в деталях изложена в Peter Perdue, *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia* (Cambridge: Belknap Press, 2005).

[45] См. J.L. Cranmer-Byng, ed., *An Embassy to China: Being the journal kept by Lord Macartney during his embassy to the Emperor Ch'ien-lung, 1793—1794* (London: Longmans, Green, 1962), Introduction, 7—9 (цитируется по: the *Collected Statutes* of the Qing dynasty).

[46] «Lord Macartney's Commission from Henry Dundas» (September 8, 1792), in Pei-kai Cheng, Michael Lestz, and Jonathan pence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection* (New York: W.W. Norton, 1999), 93—96.

[47] Там же. С. 95.

[48] Macartney's Journal, in *An Embassy to China,* 87—88.

[49] Там же. С. 84—85.

[50] Alain Peyrefitte, *The Immobile Empire* (New York: Alfred A. Knopf, 1992), 508.

[51] Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 105.

[52] Там же. С. 90.

[53] Там же. С. 123.

[54] Там же.

[55] См. Глава 1 «Уникальность Китая».

[56] Macartney's Journal, in *An Embassy to China*, 137.

[57] Первый указ Цяньлуна королю Георгу III (сентябрь 1793) см. Cheng, Lestz, and Spence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 104—106.

[58] Второй указ Цяньлуна королю Георгу III (сентябрь 1793) см. in Cheng, Lestz, and Spence, eds., *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 109.

[59] Macartney's Journal, in *An Embassy to China,* 170.

[60] Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2006), Appendix B, 261, Table B—18, «World GDP, 20 Countries and Regional Totals, 0—1998 A.D.».

[61] См. Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 149—150; Peyrefitte, *The Immobile Empire*, 509—511; Dennis Bloodworth and Ching Ping Bloodworth, *The Chinese Machiavelli: 3000 Years of Chinese Statecraft* (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1976), 280.

[62] Peter Ward Fay, *The Opium War, 1840—1842* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1975), 68.

[63] Peyrefitte, *The Immobile Empire*, xxii.

[64] «Lin Tse-hsü's Moral Advice to Queen Victoria, 1839», in Ssu-yü Teng and John K. Fairbank, eds., *China's Response to the West: A Documentary Survey, 1839—1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1979), 26.

[65] Там же. С. 26—27.

[66] Там же. С. 25—26.

[67] «Lord Palmerston to the Minister of the Emperor of China» (London, February 20, 1840), as reprinted in Hosea Ballou Morse, *The International Relations of the Chinese Empire*, vol. 1, *The Period of Conflict, 1834—1860*, part 2 (London: Longmans, Green, 1910), 621—624.

[68] Там же. С. 625.

[69] Memorial to the Emperor, переведено и цитируется по: Franz Schurmann and Orville Schell, eds., *Imperial China: The Decline of the Last Dynasty and the Origins of Modern China, the 18th and 19th Centuries* (New York: Vintage, 1967), 146—147.

[70] E. Backhouse and J.O.P. Bland, *Annals and Memoirs of the Court of Peking* (Boston: Houghton Mifflin, 1914), 396.

[71] Tsiang Ting-fu, *Chung-kuo chin tai shih* [*China's Modern History*] (Hong Kong: Li-ta Publishers, 1955), переведено и цитируется по: Schurmann and Schell, eds., *Imperial China*, 139.

[72] Там же. С. 139—140.

[73] Maurice Collis, *Foreign Mud: Being an Account of the Opium Imbroglio at Canton in the 1830s and the Anglo-Chinese War That Followed* (New York: New Directions, 1946), 297.

[74] См. Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 27—29.

[75] Immanuel C.Y. Hsü, *The Rise of Modern China*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 2000), 187—188.

[76] Spence, *The Search for Modern China*, 158.

[77] John King Fairbank, *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842—1854* (Stanford: Stanford University Press, 1969), 109—112.

[78] «Ch'i-ying's Method for Handling the Barbarians, 1844», as translated in Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 38—39.

[79] Там же. С. 38. См. также Hsü, *The Rise of Modern China*, 208—209. Копия этой памятной записки была обнаружена через несколько лет после захвата англичанами официальной резиденции в Гуанчжоу. Опозоренный после разоблачения ее содержания на переговорах 1858 года Ци Ин сбежал. За то, что он покинул официальные переговоры без высочайшего разрешения, Ци Ин был

приговорен к смертной казни. Из уважения к его высокому положению ему было «позволено» совершить самому процедуру удушения шелковым шнурком.

80 Meadows, *Desultory Notes on the Government and People of China*, in Schurmann and Schell, eds., *Imperial China,* 148—149.

81 См. Morse, *The International Relations of the Chinese Empire*, vol. 1, part 2, 632—636.

82 См. Там же. Part 1, 309—310; Qianlong's Second Edict to King George III, in Cheng, Lestz, and Spence, *The Search for Modern China: A Documentary Collection*, 109.

83 «Wei Yuan's Statement of a Policy for Maritime Defense, 1842», в: Ssu-yü Teng and John K. Fairbank, eds., *China's Response to the West: A Documentary Survey, 1839—1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1979), 30.

84 Там же. С. 31—34.

85 Там же. С. 34.

86 Имеются разные варианты относительно того, представляет ли включение статьи о наиболее благоприятствуемой нации в этих первоначальных договорах согласованную китайскую стратегию или это был тактический недосмотр. Один ученый отмечает, что в некотором плане это уменьшало возможности маневрирования цинского двора на последующих переговорах с иностранными державами, так как любая западная держава могла быть уверена в том, что она получит выгоды, предоставленные ее соперникам. С другой стороны, практическим результатом этого было недопущение получения каким-то одним колонизатором доминирующего экономического положения — совсем не таким был опыт многих соседних стран в этот же период. См. Immanuel C.Y. Hsü, *The Rise of Modern China*, 6th ed. (Oxford: Oxford University Press, 2000), 190—192.

87 «Wei Yuan's Statement of a Policy for Maritime Defense», в: Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 34.

88 Prince Gong (Yixin), «The New Foreign Policy of January 1861», в: Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 48.

89 Macartney's Journal, in J.L. Cranmer-Byng, ed., *An Embassy to China: Being the journal kept by Lord Macartney during his embassy to the Emperor Ch'ien-lung, 1793—1794* (London: Longmans, Green, 1962), 191, 239.

90 John King Fairbank and Merle Goldman, *China: A New History*, 2nd enlarged ed. (Cambridge: Belknap Press, 2006), 216. Об истории

Тайпинского восстания и его харизматического лидера Хун Сюцюаня см. Jonathan Spence, *God's Chinese Son* (New York: W.W. Norton, 1996).

[91] Hsü, *The Rise of Modern China*, 209.

[92] Там же. С. 209—211.

[93] Bruce Elleman, *Modern Chinese Warfare, 1795—1989* (New York: Routledge, 2001), 48—50; Hsü, *The Rise of Modern China*, 212—215.

[94] Mary C. Wright, *The Last Stand of Chinese Conservatism: The T'ung-Chih Restoration, 1862—1874*, 2nd ed. (Stanford: Stanford University Press, 1962), 233—236.

[95] Hsü, *The Rise of Modern China*, 215—218.

[96] Комментируя с сарказмом потерю Владивостока 115 лет назад (и в связи с встречей в верхах между президентом Фордом и генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым в этом городе), Дэн Сяопин сказал мне, что разные названия этого города, данные китайцами и русскими, отражали их соответствующие цели: название на китайском языке примерно означало город «Залива трепангов», а русское название означало «Владеть Востоком». «Я не думаю, что есть какое-то другое значение, кроме того, что есть на самом деле», — добавил он.

[97] «The New Foreign Policy of January 1861», в: Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 48. Для соблюдения последовательности в данной книге используется современная транскрипция «нянь» вместо широко употреблявшейся во времена публикации цитируемой книги транскрипции «нень». Смысл слова в китайском языке остается таким же.

[98] Там же.

[99] Там же.

[100] Там же.

[101] Christopher A. Ford, *The Mind of Empire: China's History and Modern Foreign Relations* (Lexington: University of Kentucky Press, 2010), 142—143.

[102] Я в большом долгу перед моим коллегой послом Дж. Стэплтоном Роем за то, что он обратил мое внимание на этот момент с языковой точки зрения.

[103] Это описание карьеры Ли Хунчжана почерпнуто у: William J. Hail, «Li Hung-Chang», в: Arthur W. Hummel, ed., *Eminent Chinese of the Ch'ing Period* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1943), 464—471; J.O.P. Bland, *Li Hung-chang* (New York: Henry Holt, 1917);

and Edgar Sanderson, ed., *Six Thousand Years of World History*, vol. 7, *Foreign Statesmen* (Philadelphia: E.R. DuMont, 1900), 425—444.

104 Hail, «Li Hung-Chang», в: Hummel, ed., *Eminent Chinese of the Ch'ing Period*, 466.

105 «Excerpts from Tseng's Letters, 1862», переведено и цитируется по: Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 62.

106 Li Hung-chang, «Problems of Industrialization», в: Franz Schurmann and Orville Schell, *Imperial China: The Decline of the Last Dynasty and the Origins of Modern China, the 18th and 19th Centuries* (New York: Vintage, 1967), 238.

107 Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West*, 87.

108 «Letter to Tsungli Yamen Urging Study of Western Arms», in ibid., 70—72.

109 «Li Hung-chang's Support of Western Studies», in ibid., 75.

110 Там же.

111 Там же.

112 Цитируется по: Wright, *The Last Stand of Chinese Conservatism*, 222.

113 Цитируется по: Jerome Ch'en, *China and the West: Society and Culture, 1815—1937* (Bloomington: Indiana University Press, 1979), 429.

114 Согласно «Летописи законного престолонаследия божественных соверенов» XIV века (широко растиражированный мозговым центром министерства образования Японии в 1930-е годы труд), «Япония — божественная страна. Ее основы были заложены божественным предком, и Богиня Солнца позволила своим потомкам править страной всегда и во веки веков. Это поистине только наша страна. И ничего подобного не может быть ни в какой чужой земле. Именно поэтому ее называют божественной страной». John W. Dower, *War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War* (New York: Pantheon, 1986), 222.

115 См. Kenneth B. Pyle, *Japan Rising* (New York: Public Affairs, 2007), 37—38.

116 См. Karel van Wolferen, *The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation* (London: Macmillan, 1989), 13.

117 О классической концепции порядка принесения даров см. Michael R. Auslin, *Negotiating with Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy* (Cambridge: Harvard University Press, 2004), 14; and Marius B. Jansen, *The Making of Modern Japan* (Cambridge: Belknap Press, 2000), 69.

118 Jansen, *The Making of Modern Japan*, 87.

[119] Цитируется по: Ch'en, *China and the West*, 431.

[120] Masakazu Iwata, *Okubo Toshimichi: The Bismarck of Japan* (Berkeley: University of California Press, 1964), цитируется Wang Yusheng, *China and Japan in the Last Sixty Years* (Tientsin: Ta Kung Pao, 1932—1934).

[121] Поводом для кризиса 1874 года послужило кораблекрушение судна с островов Рюкю и высадка команды на юго-восточный берег Тайваня, где матросы были убиты тайваньскими аборигенами. Когда Япония потребовала в жестких тонах выплатить компенсацию, Пекин вначале ответил, что он не несет юридической ответственности за некитаизированные племена. В соответствии с традиционными китайскими воззрениями, в этом была определенная логика: «варвары» не входили в зону ответственности Пекина. Если рассуждать в современных юридических и политических терминах, то тут, конечно, был сделан большой просчет: это означало, что Китай не осуществляет полную власть над Тайванем. Япония ответила организацией карательной экспедиции на остров, чему цинские власти оказались неспособными воспрепятствовать. Токио потребовал от Пекина выплатить контрибуцию, которую богатая империя того времени была готова заплатить, но из-за которой не была готова воевать. (Alexander Michie, *An Englishman in China During the Victorian Era,* vol. 2 [London: William Blackwood & Sons, 1900], 256.) Кризис дополнительно усугубился еще и тем, что Пекин и Токио высказывали притязания на острова Рюкю как на страну-данника; после кризиса эти острова отошли к Японии. См. Hsü, *The Rise of Modern China*, 315—317.

[122] Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West,* 71.

[123] Цитируется по: Bland, *Li Hung-chang,* 160.

[124] Там же. С. 160—161.

[125] «Text of the Sino-Russian Secret Treaty of 1896», в: Teng and Fairbank, eds., *China's Response to the West,* 131.

[126] Bland, *Li Hung-chang,* 306.

[127] Об этих событиях и о рассуждениях при китайском дворе см.: Hsü, *The Rise of Modern China,* 390—398.

[128] В противоположность прежним контрибуциям иностранные державы позднее отказались от большей части контрибуций из-за «боксерского восстания» или перенацелили ее, вложив в благотворительные фонды в самом Китае. Соединенные Штаты вложили часть своих контрибуций в строительство университета Цинхуа в Пекине.

[129] Эти действия изложены с величайшей подробностью в: Scott A. Boorman, *The Protracted Game: A Wei-ch'i Interpretation of Maoist Revolutionary Strategy* (New York: Oxford University Press, 1969).

[130] Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 485.

[131] О высказываниях Мао относительно Цинь Шихуана см., например, «Talks at the Beidaihe Conference: August 19, 1958», in Roderick MacFarquhar, Timothy Cheek, and Eugene Wu, eds., *The Secret Speeches of Chairman Mao: From the Hundred Flowers to the Great Leap Forward* (Cambridge: Harvard University Press, 1989), 405; «Talks at the First Zhengzhou Conference: November 10, 1958», in MacFarquhar, Cheek, and Wu, eds., *The Secret Speeches of Chairman Mao,* 476; Tim Adams, «Behold the Mighty Qin», *The Observer* (August 19, 2007); and Li Zhisui, *The Private Life of Chairman Mao*, trans. Tai Hung-chao (New York: Random House, 1994), 122.

[132] André Malraux, *Anti-Memoirs,* trans. Terence Kilmartin (New York: Henry Holt, 1967), 373—374.

[133] «Speech at the Supreme State Conference: Excerpts, 28 January 1958», в: Stuart Schram, ed., *Mao Tse-tung Unrehearsed: Talks and Letters: 1956—1971* (Harmondsworth: Penguin, 1975), 92—93.

[134] «On the People's Democratic Dictatorship: In Commemoration of the Twenty-eighth Anniversary of the Communist Party of China: June 30, 1949», *Selected Works of Mao Tse-tung,* vol. 4 (Peking: Foreign Languages Press, 1969), 412.

[135] «Sixty Points on Working Methods — A Draft Resolution from the Office of the Centre of the CPC: 19.2.1958», в: Jerome Ch'en, ed., *Mao Papers: Anthology and Bibliography* (London: Oxford University Press, 1970), 63.

[136] Там же. С. 66.

[137] «The Chinese People Have Stood Up: September 1949», in Timothy Cheek, ed., *Mao Zedong and China's Revolutions: A Brief History with Documents* (New York: Palgrave, 2002), 126.

[138] См. M. Taylor Fravel, «Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes», *International Security* 30, no. 2 (Fall 2005): 56—57; «A Himalayan Rivalry: India and China», *The Economist* 396, no. 8696 (August 21, 2010), 17—20.

[139] Zhang Baijia, «Zhou Enlai — The Shaper and Founder of China's Diplomacy», in Michael H. Hunt and Niu Jun, eds., *Toward a History of Chinese Communist Foreign Relations, 1920s — 1960s: Personalities*

and Interpretive Approaches (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Asia Program, 1992), 77.

[140] Charles Hill, *Grand Strategies: Literature, Statecraft, and World Order* (New Haven: Yale University Press, 2010), 2.

[141] Мао Цзэдун. Облака в снегу: Стихотворения/Мао Цзэдун. Пер. с китайского А.В. Панцова. — Москва. 2010. «Memorandum of Conversation: Beijing, July 10, 1971, 12:10—6 p.m.», in Steven E. Phillips, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976*, vol. 17, *China 1969—1972* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 404. Чжоу Эньлай цитировал эти строчки во время одной из наших первых встреч в Пекине в июле 1971 года.

[142] John W. Garver, «China's Decision for War with India in 1962», in Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford: Stanford University Press, 2006), 107.

[143] Li, *The Private Life of Chairman Mao*, 83.

[144] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин. 1977. Т. V. С. 503.

[145] Edgar Snow, *The Long Revolution* (New York: Random House, 1972), 217.

[146] Lin Piao [Lin Biao], *Long Live the Victory of People's War!* (Peking: Foreign Languages Press, 1967), 38 (статья была первоначально опубликована 3 сентября 1965 года в газете «Жэньминь жибао»).

[147] Kuisong Yang and Yafeng Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente: Mao's Changing Psyche and Policy Toward the United States, 1969—1976», *Diplomatic History* 34, no. 2 (April 2010).

[148] Chen Jian and David L. Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos: Beijing, the Sino-Soviet Border Clashes, and the Turn Toward Sino-American Rapprochement, 1968—1969», *Cold War International History Project Bulletin* 11 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1998), 161.

[149] Michel Oksenberg, «The Political Leader», in Dick Wilson, ed., *Mao Tse-tung in the Scales of History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), 90.

[150] Stuart Schram, *The Thought of Mao Tse-Tung* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 23.

[151] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин. 1969. Т. II. С. 383.

[152] John King Fairbank and Merle Goldman, *China: A New History,* 2nd enlarged edition (Cambridge: Belknap Press, 2006), 395.

153 «Memorandum of Conversation: Beijing, Feb. 21, 1972, 2:50—3:55 p.m.», *FRUS* 17, 678.

154 Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин. 1969. Т. III. С. 352.

155 Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. 1946 — февраль 1950. Кн. 2: 1949 — февраль 1950 г. М., 2005. С. 229.

156 Strobe Talbott, trans. and ed., *Khrushchev Remembers: The Last Testament* (Boston: Little, Brown, 1974), 240.

157 Русско-китайские отношения в XX веке. С. 229.

158 Там же.

159 Там же. С. 230.

160 Там же.

161 См. Глава 6 «Конфронтация Китая с обеими сверхдержавами».

162 «Appendix D to Part II — China: The Military Situation in China and Proposed Military Aid», в: *The China White Paper: August 1949,* vol. 2 (Stanford: Stanford University Press, 1967), 814.

163 «Letter of Transmittal: Washington, July 30, 1949», in *The China White Paper: August 1949,* vol. 1 (Stanford: Stanford University Press, 1967), xvi.

164 Dean Acheson, «Crisis in Asia — An Examination of U.S. Policy», *Department of State Bulletin* (January 23, 1950), 113.

165 Sergei N. Goncharov, John W. Lewis, and Xue Litai, *Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War* (Stanford: Stanford University Press, 1993), 98.

166 Acheson, «Crisis in Asia — An Examination of U.S. Policy», 115.

167 Там же.

168 Там же. С. 118.

169 Результаты послевоенных китайско-советских переговоров по-прежнему вызывали раздражение и четырьмя десятилетиями позже. В 1989 году Дэн Сяопин попросил президента Джорджа Буша-старшего «взглянуть на карту, чтобы посмотреть, что случилось после того, как Советский Союз оторвал от Китая Внешнюю Монголию. В какой стратегической ситуации мы оказались? Тем, кому за 50, помнят, что на карте Китай выглядел в виде кленового листа. А сейчас, если вы посмотрите на карту, то увидите вырванный большой кусок на севере страны». George H.W. Bush and Brent Scowcroft, *A World Transformed* (New York: Alfred A. Knopf, 1998), 95—96. Ссылки Дэн Сяопина на стратегическую ситуацию следует также рассматривать в свете значительного советского военного присутствия в Монголии, начавшегося во время китай-

ско-советского раскола и длившегося на протяжении всего периода «холодной войны».

170 Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 103.

171 Stuart Schram, *The Thought of Mao Tse-Tung* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 153.

172 «Conversation Between I.V. Stalin and Mao Zedong», размещено на: www.cwihp.org.

173 Советские войска первоначально продвинулись дальше на юг, пересекли 38-ю параллель, но, учитывая оклик из Вашингтона, вернулись и разделили полуостров приблизительно пополам.

174 Chen Jian, *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation* (New York: Columbia University Press, 1994), 87—88 (цитируется интервью автора с Ши Чжэ).

175 Kathryn Weathersby, «»Should We Fear This?»: Stalin and the Danger of War with America», Cold War International History Project Working Paper Series, working paper no. 39 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, July 2002), 9—11.

176 «M'Arthur Pledges Defense of Japan», *New York Times* (March 2, 1949), from *New York Times* Historical Archives.

177 Acheson, «Crisis in Asia — An Examination of U.S. Policy», 116.

178 Там же.

179 Weathersby, «Should We Fear This?», 11.

180 Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 144.

181 Там же.

182 Там же. С. 145.

183 Chen, *China's Road to the Korean War,* 112.

184 Shen Zhihua, *Mao Zedong, Stalin, and the Korean War,* перевод Нейла Силвера (готовится к изданию), глава 6 (оригинал опубликован на китайском: *Mao Zedong, Sidalin yu Chaoxian zhanzheng* [Guangzhou: Guangdong Renmin Chubanshe, 2003]).

185 Там же.

186 Там же.

187 Yang Kuisong, предисловие использовано из Yang Kuisong, «Sidalin Weishenma zhichi Chaoxian zhanzheng — du Shen Zhihua zhu «*Mao Zedong, Sidalin yu Chaoxian zhanzheng*»» [«Why Did Stalin Support the Korean War — On Reading Shen Zhihua's «Mao Zedong, Stalin and the Korean War»»], *Ershiyi Shiji* [*Twentieth Century*], February 2004.

188 Harry S. Truman, «Statement by the President on the Situation in Korea, June 27, 1950», no. 173, *Public Papers of the Presidents of the United*

States (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1965), 492.

[189] Gong Li, «Tension Across the Taiwan Strait in the 1950s: Chinese Strategy and Tactics», in Robert S. Ross and Jiang Changbin, eds., *Re-examining the Cold War: U.S.-China Diplomacy, 1954—1973* (Cambridge: Harvard University Press, 2001), 144.

[190] United Nations General Assembly Resolution 376 (V), «The Problem of the Independence of Korea» (October 7, 1950), размещено по адресу: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/059/74/IMG/NR005 974.pdf?OpenElement.

[191] Для знакомства с интереснейшей дискуссией по поводу этих принципов применительно к столкновениям на реке Уссури см. Michael S. Gerson, *The Sino-Soviet Border Conflict: Deterrence, Escalation, and the Threat of Nuclear War in 1969* (Alexandria, Va.: Center for Naval Analyses, 2010).

[192] О целях Мао в этой войне см., например, Shu Guang Zhang, *Mao's Military Romanticism: China and the Korean War, 1950—1953* (Lawrence: University Press of Kansas, 1995), 101—107, 123—125, 132—133; and Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001), 91—96.

[193] Chen, *China's Road to the Korean War,* 137.

[194] Shen, *Mao Zedong, Stalin, and the Korean War,* Chapter 7.

[195] Там же.

[196] Chen, *China's Road to the Korean War,* 143.

[197] Там же. С. 143—144.

[198] Там же. С. 144.

[199] Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 164—167.

[200] Chen, *China's Road to the Korean War,* 149—150.

[201] Там же. С. 150.

[202] Там же. С. 164.

[203] «Doc. 64: Zhou Enlai Talk with Indian Ambassador K.M. Panikkar, Oct. 3, 1950», in Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 276.

[204] Там же. С. 278.

[205] Там же. Премьер-министр Джавахарлал Неру написал Чжоу Эньлаю, а также представителям США и Великобритании по поводу возможности прекращения Корейской войны.

[206] «Letter from Fyn Si [Stalin] to Kim Il Sung (via Shtykov): October 8, 1950», APRF, fond 45, opis 1, delo 347, listy 65—67 (предполагается, что цитируемый текст является телеграммой Сталина Мао Цзэ-

дуну), from *Cold War International History Project: Virtual Archive,* Woodrow Wilson International Center for Scholars, доступен по адресу: www.cwihp.org.

[207] Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 177.

[208] Там же.

[209] Там же.

[210] См. Shen Zhihua, «The Discrepancy Between the Russian and Chinese Versions of Mao's 2 October 1950 Message to Stalin on Chinese Entry into the Korean War: A Chinese Scholar's Reply», *Cold War International History Project Bulletin* 8/9 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1996), 240.

[211] Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 200—201, citing Hong Xuezhi and Hu Qicai, «Mourn Marshal Xu with Boundless Grief», *People's Daily* (October 16, 1990), and Yao Xu, *Cong Yalujiang dao Banmendian* [*From the Yalu River to Panmunjom*] (Beijing: People's Press, 1985).

[212] Goncharov, Lewis, and Xue, *Uncertain Partners,* 195—196.

[213] «Assistant Secretary Dean Rusk addresses China Institute in America, May 18, 1951», перепечатано из: «Editorial Note», Fredrick Aandahl, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1951,* vol. 7, *Korea and China: Part 2* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1983), 1671—1672.

[214] Из-за различий в диалектах и способах транскрибирования название острова может звучать как Цзиньмэнь, Куемой, Кинмен или Цинь-мэнь. Мацзу также может звучать как «Мацу».

[215] В западной печати Сямэнь тогда называли Амой, а Фучжоу — Фучоу.

[216] Dwight D. Eisenhower, «Annual Message to the Congress on the State of the Union: February 2, 1953», no. 6, *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960), 17.

[217] John Lewis Gaddis, *The Cold War: A New History* (New York: Penguin, 2005), 131.

[218] Robert L. Suettinger, «U.S. «Management» of Three Taiwan Strait «Crises»», в: Michael D. Swaine and Zhang Tuosheng with Danielle F.S. Cohen, eds., *Managing Sino-American Crises: Case Studies and Analysis* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006), 254.

[219] Там же. С. 255.

[220] «Соединенным Штатам не запугать китайский народ атомным шантажом» 28 января 1955 года (Основные моменты беседы с

первым финским послом в Китае Карлом-Йоханом Каем Сандстромом во время вручения им верительных грамот в Пекине). Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин. 1977. Т. V. С. 178.

221 «Text of the Joint Resolution on the Defense of Formosa: February 7, 1955», *Department of State Bulletin,* vol. 32, no. 815 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1955), 213.

222 «Editorial Note», в: John P. Glennon, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS),* vol. 19, *National Security Policy, 1955—1957* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1990), 61.

223 Suettinger, «U.S. «Management» of Three Taiwan Strait «Crises»», 258.

224 Strobe Talbott, перевод и изд., *Khrushchev Remembers: The Last Testament* (Boston: Little, Brown, 1974), 263.

225 «Memorandum of Conversation of N.S. Khrushchev with Mao Zedong, Beijing: 2 October 1959», *Cold War International History Project Bulletin* 12/13 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Fall/Winter 2001), 264.

226 Jung Chang and Jon Halliday, *Mao: The Unknown Story* (New York: Random House, 2005), 389—390.

227 Zhang Baijia and Jia Qingguo, «Steering Wheel, Shock Absorber, and Diplomatic Probe in Confrontation: Sino-American Ambassadorial Talks Seen from the Chinese Perspective», в: Robert S. Ross and Jiang Changbin, eds., *Re-examining the Cold War: U.S.-China Diplomacy, 1954—1973* (Cambridge: Harvard University Press, 2001), 185.

228 Steven Goldstein, «Dialogue of the Deaf? The Sino-American Ambassadorial-Level Talks, 1955—1970», в: Ross and Jiang, eds., *Re-examining the Cold War,* 200. Для ознакомления с интересной историей переговоров и привлечения как китайских, так и американских см. Yafeng Xia, *Negotiating with the Enemy: U.S.-China Talks During the Cold War, 1949—1972* (Bloomington: Indiana University Press, 2006).

229 «Text of Rusk's Statement to House Panel on U.S. Policy Toward Communist China», *New York Times* (April 17, 1966), доступно в: ProQuest Historical Newspapers (1851—2007).

230 Там же.

231 Talbott, перевод и изд., *Khrushchev Remembers,* 249.

232 Lorenz M. Lüthi, *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World* (Princeton: Princeton University Press, 2008), 38.

233 Октябрьская революция — захват большевиками власти в октябре 1917 года.

[234] Stuart Schram, *The Thought of Mao Tse-Tung* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), 113.

[235] Там же. С. 149.

[236] Lüthi, *The Sino-Soviet Split,* 50, цитируется авторский обзор китайского сборника материалов для внутреннего пользования за 1956 год и Wu Lengxi, *Shinian lunzhan, 1956—1966: ZhongSu guanxi huiyilu* [*Ten Years of Debate, 1956—1966: Recollections of Sino-Soviet Relations*] (Beijing: Zhongyang wenxian, 1999), (мемуары бывшего руководителя официального новостного агентства Китая Синьхуа).

[237] Там же. С. 62—63.

[238] Li Zhisui, *The Private Life of Chairman Mao, перевод* Tai Hung-chao (New York: Random House, 1994), 261—262.

[239] Talbott, перевод и изд., *Khrushchev Remembers,* 255.

[240] Там же.

[241] Там же. С. 260.

[242] «Playing for High Stakes: Khrushchev speaks out on Mao, Kennedy, Nixon and the Cuban Missile Crisis», *LIFE* 69, no. 25 (December 18, 1970), 25.

[243] Националистическая партия, известна также как партия Гоминьдан.

[244] «First conversation between N.S. Khrushchev and Mao Zedong: 7/31/1958», *Cold War International History Project: Virtual Archive,* Woodrow Wilson International Center for Scholars, доступно на сайте: www.cwihp.org.

[245] Там же.

[246] Там же.

[247] William Taubman, *Khrushchev: The Man and His Era* (New York: W.W. Norton, 2003), 392.

[248] «Discussion Between N.S. Khrushchev and Mao Zedong: October 03, 1959», Archive of the President of the Russian Federation (APRF), fond 52, opis 1, delo 499, listy 1—33, trans. Vladislav M. Zubok, *Cold War International History Project: Virtual Archive,* Woodrow Wilson International Center for Scholars, доступно на сайте: www.cwihp.org.

[249] Там же.

[250] Lüthi, *The Sino-Soviet Split,* 101; Wu Lengxi, «Inside Story of the Decision Making During the Shelling of Jinmen» (*Zhuanji wenxue* [*Biographical Literature*], Beijing, no. 1, 1994), в переводе и перепечатке в: Li Xiaobing, Chen Jian, and David L. Wilson, eds., «Mao Zedong's Handling of the Taiwan Straits Crisis of 1958: Chinese Recollections and Documents», *Cold War International History Project Bul-*

letin 6/7 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1995), 213—214.

[251] Wu, «Inside Story of the Decision Making During the Shelling of Jinmen», 208.

[252] Там же. С. 209—210.

[253] Gong Li, «Tension Across the Taiwan Strait in the 1950s: Chinese Strategy and Tactics», в: Ross and Jiang, eds., *Re-examining the Cold War,* 157—158; Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001), 184.

[254] Chen, *Mao's China and the Cold War,* 184—185.

[255] «Statement by the Secretary of State, September 4, 1958», in Harriet Dashiell Schwar, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1958—1960,* vol. 19, *China* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996), 135.

[256] «Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, Moscow, September 7, 1958, 9 p.m.», *FRUS* 19, 151.

[257] Dwight D. Eisenhower, «Letter to Nikita Khrushchev, Chairman, Council of Ministers, U.S.S.R., on the Formosa Situation: September 13, 1958», no. 263, *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960), 702.

[258] Andrei Gromyko, *Memoirs* (New York: Doubleday, 1990), 251—252.

[259] Lüthi, *The Sino-Soviet Split,* 102.

[260] Там же. С. 102—103.

[261] «Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, September 19, 1958, 8 p.m.», *FRUS* 19, 236.

[262] «Discussion Between N.S. Khrushchev and Mao Zedong: October 03, 1959».

[263] Xia, *Negotiating with the Enemy*, 98—99.

[264] 30 сентября 1958 года после шести недель второго кризиса вокруг прибрежных островов Даллес выступил на пресс-конференции, в ходе которой он ставил под сомнение необходимость размещения такого большого числа гоминьдановских войск на островах Цзиньмэнь и Мацзу и отметил, что Соединенные Штаты не несут «юридической ответственности за защиту прибрежных островов». Чан Кайши ответил на следующий день, назвав высказывание Даллеса «односторонним заявлением», которому Тайбэй «не обязан подчиняться», и заявив, что Тайбэй продолжит защищать и укреплять острова. Li, «Tension Across the Taiwan Strait in the 1950s: Chinese Strategy and Tactics», 163.

[265] «Memorandum of Conversation, Beijing, February 24, 1972, 5:15—8:05 p.m.», в: Steven E. Phillips, ed., *Foreign Relationsof the United States*

(FRUS), 1969—1976, vol. 17, *China 1969—1972* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 766.

[266] Talbott, перевод и изд., *Khrushchev Remembers,* 265. Chapter 7: A Decade of Crises 1. Frederick C. Teiwes, «The Establishment and Consolidation of the New Regime, 1949—1957», в: Roderick MacFarquhar, ed., *The Politics of China: The Eras of Mao and Deng,* 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 74.

[267] Frederick C. Teiwes, «The Establishment and Consolidation of the New Regime, 1949—1957», в: Roderick MacFarquhar, ed., *The Politics of China: The Eras of Mao and Deng,* 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 74.

[268] Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 541—542.

[269] Lorenz M. Lüthi, *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World* (Princeton: Princeton University Press, 2008), 76.

[270] Там же. С. 84.

[271] Для более детального ознакомления с этим явлением и изучения внешней и внутренней политики Мао см. Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001), 6—15.

[272] Страшные описания этого необычайно катастрофического события можно найти у: Jasper Becker, *Hungry Ghosts: Mao's Secret Famine* (New York: Henry Holt, 1998); и у: Frederick C. Teiwes, *China's Road to Disaster: Mao, Central Politicians, and Provincial Leaders in the Unfolding of the Great Leap Forward, 1955—1959* (Armonk, N.Y.: East Gate, 1998).

[273] Neville Maxwell, *India's China War* (Garden City, NY: Anchor, 1972), 37.

[274] John W. Garver, «China's Decision for War with India in 1962», в: Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford: Stanford University Press, 2006), 106.

[275] Там же. С. 107.

[276] Там же.

[277] Там же. С. 108.

[278] Там же. С. 109.

[279] Там же. С. 110.

[280] Там же. С. 115.

[281] Там же. С. 120—121.

[282] «Workers of All Countries Unite, Oppose Our Common Enemy: December 15, 1962» (Peking: Foreign Languages Press, 1962) (перепечатка передовой статьи из «Жэньминь жибао»).

[283] Там же.

[284] *Pravda,* April 5, 1964, цитируется по: Hemen Ray, *Sino-Soviet Conflict over India: An Analysis of the Causes of Conflict Between Moscow and Beijing over India Since 1949* (New Delhi: Abhinav Publications, 1986), 106.

[285] John King Fairbank and Merle Goldman, *China: A New History,* 2nd enlarged edition (Cambridge: Belknap Press, 2006), 392.

[286] Roderick MacFarquhar and Michael Schoenals, *Mao's Last Revolution* (Cambridge: Belknap Press, 2006), 87—91.

[287] Mark Gayn, «China Convulsed», *Foreign Affairs* 45, issue 2 (January 1967): 247, 252.

[288] *Renmin Ribao* [*People's Daily*] (Beijing), January 31, 1967, at 6, цитируется по: Tao-tai Hsia and Constance A. Johnson, «Legal Developments in China Under Deng's Leadership» (Washington, D.C.: Library of Congress, Far Eastern Law Division, 1984), 9.

[289] Anne F. Thurston, *Enemies of the People* (New York: Alfred A. Knopf, 1987), 101—103; MacFarquhar and Schoenals, *Mao's Last Revolution,* 118—120.

[290] MacFarquhar and Schoenals, *Mao's Last Revolution,* 224—227.

[291] Там же. С. 222—223.

[292] См. Глава 14 «Рейган и нормализация».

[293] См. Yafeng Xia, moderator, *H-Diplo Roundtable Review* 11, no. 43 (Hu Angang, *Mao Zedong yu wenge* [*Mao Zedong and the Cultural Revolution*]) (October 6, 2010), 27—33, доступно на: http://www.h-net.org/~diplo/roundtables/PDF/Roundtable-XI-43.pdf.

[294] John F. Kennedy, «A Democrat Looks at Foreign Policy», *Foreign Affairs* 36, no. 1 (October 1957): 50.

[295] Wu Lengxi, «Inside Story of the Decision Making During the Shelling of Jinmen», в: Li, Chen, and Wilson, eds., «Mao Zedong's Handling of the Taiwan Straits Crisis of 1958», *CWIHP Bulletin* 6/7, 208.

[296] Yafeng Xia, *Negotiating with the Enemy: U.S.-China Talks During the Cold War, 1949—1972* (Bloomington: Indiana University Press, 2006), 109—114, 234; Noam Kochavi, *A Conflict Perpetuated: China Policy During the Kennedy Years* (Westport, Conn.: Praeger, 2002), 101—114.

[297] Lyndon B. Johnson, «Remarks to the American Alumni Council: United States Asian Policy: July 12, 1966», no. 325, *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1967), book 2, 719—720.

[298] Xia, *Negotiating with the Enemy,* 117—131.

[299] «Communist China: 6 December 1960», *National Intelligence Estimate,* no. 13—60, 2—3.

[300] Li Jie, «Changes in China's Domestic Situation in the 1960s and Sino-U.S. Relations», в: Robert S. Ross and Jiang Changbin, eds., *Re-examining the Cold War: US-China Diplomacy, 1954—1973* (Cambridge: Harvard University Press, 2001), 302.

[301] Там же. С. 304.

[302] Там же. С. 185, 305.

[303] Richard M. Nixon, «Asia After Viet Nam», *Foreign Affairs* 46, no. 1 (October 1967): 121.

[304] Там же. С. 123.

[305] Edgar Snow, «Interview with Mao», *The New Republic* 152, no. 9, issue 2623 (February 27, 1965): 21—22.

[306] Размеры китайской помощи указаны в недавно открытых записях бесед между китайскими и вьетнамскими руководителями. Подборку основных бесед с редакторскими комментариями см. Odd Arne Westad, Chen Jian, Stein T nnesson, Nguyen Vu Tung, and James G. Hershberg, eds., «77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964—1977», Cold War International History Project Working Paper Series, working paper no. 22 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, May 1998). Для анализа вовлеченности Китайской Народной Республики в войны Ханоя с Францией и Соединенными Штатами см. Qiang Zhai, *China and the Vietnam Wars, 1950—1975* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000).

[307] Zhang Baijia, «China's Role in the Korean and Vietnam Wars», в: Michael D. Swaine and Zhang Tuosheng with Danielle F.S. Cohen, eds., *Managing Sino-American Crises: Case Studies and Analysis* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006), 201.

[308] Snow, «Interview with Mao», 22.

[309] Там же. С. 23.

[310] Yawei Liu, «Mao Zedong and the United States: A Story of Misperceptions», in Hongshan Li and Zhaohui Hong, eds., *Image, Perception, and the Making of U.S.-China Relations* (Lanham: University Press of America, 1998), 202.

[311] Lyndon B. Johnson, «Address at Johns Hopkins University: Peace Without Conquest: April 7, 1965», no. 172, *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1966), 395.

[312] «Text of Rusk's Statement to House Panel on U.S. Policy Toward Communist China», *New York Times* (April 17, 1966), доступно в: ProQuest Historical Newspapers (1851—2007).

[313] Liu, «Mao Zedong and the United States», 203.

[314] Chen Jian and David L. Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos: Beijing, the Sino-Soviet Border Clashes, and the Turn Toward Sino-American Rapprochement, 1968—1969», *Cold War International History Project Bulletin* 11 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1998), 161.

[315] Там же. С. 158.

[316] Там же.

[317] Как об этом писал Дональд Загориа в свой прозорливой статье, написанной в 1968 году, влиятельная группа в китайском руководстве, включавшая Дэн Сяопина и Лю Шаоци, ратовала за примирение с Москвой на определенных условиях. Загориа в своих выводах превзошел оценки многих исследователей, предположив, что стратегические потребности в конечном счете побудят Китай пойти на примирение с Соединенными Штатами. Donald S. Zagoria, «The Strategic Debate in Peking», in Tang Tsou, ed., *China in Crisis*, vol. 2 (Chicago: University of Chicago Press, 1968).

[318] Chen and Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos», 161.

[319] Li Zhisui, *The Private Life of Chairman Mao,* trans. Tai Hung-chao (New York: Random House, 1994), 514.

[320] Richard Nixon, «Inaugural Address: January 20, 1969», no. 1, *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1971), 3.

[321] См. Henry Kissinger, *White House Years* (Boston: Little, Brown, 1979), 168.

[322] Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001), 245—246.

[323] Chen and Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos», 166.

[324] Там же. С. 167.

[325] Там же. С. 170.

[326] Там же. С. 168.

[327] Xiong Xianghui, «The Prelude to the Opening of Sino-American Relations», *Zhonggong dangshi ziliao* [CCP History Materials], no. 42 (June 1992), 81, цитируется по: William Burr, ed., «New Documentary Reveals Secret U.S., Chinese Diplomacy Behind Nixon's Trip», National Security Archive Electronic Briefing Book, no. 145 (December 21, 2004), http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB145/index.htm.

[328] Там же.

[329] Chen and Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos», 170.

[330] Там же. С. 171.

[331] Там же.

[332] Об этом инциденте см. аналитическое исследование Michael S. Gerson, *The Sino-Soviet Border Conflict: Deterrence, Escalation, and the Threat of Nuclear War in 1969* (Alexandria, Va.: Center for Naval Analyses, 2010), 23—24.

[333] См. Kissinger, *White House Years,* 182.

[334] См. также Gerson, *The Sino-Soviet Border Conflict,* 37—38.

[335] Elliot L. Richardson, «The Foreign Policy of the Nixon Administration: Address to the American Political Science Association, September 5, 1969», *Department of State Bulletin* 61, no. 1567 (September 22, 1969), 260.

[336] Gerson, *The Sino-Soviet Border Conflict,* 49—52.

[337] «Jing Zhicheng, Attaché, Chinese Embassy, Warsaw on: The Fashion Show in Yugoslavia», *Nixon's China Game*, pbs.org, September 1999, доступно на: http://www.pbs.org/wgbh/amex/china/filmmore/reference/interview/zhicheng01.html.

[338] Там же.

[339] «Memorandum from Secretary of State Rogers to President Nixon, March 10, 1970», в: Steven E. Phillips, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976,* vol. 17, *China 1969—1972* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office 2006). 188—191.

[340] См. Kuisong Yang and Yafeng Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente: Mao's Changing Psyche and Policy Toward the United States, 1969—1976», *Diplomatic History* 34, no. 2 (April 2010).

[341] Edgar Snow, «A Conversation with Mao Tse-Tung», *LIFE* 70, no. 16 (April 30, 1971), 47.

[342] Там же. С. 48.

[343] Там же. С. 46.

[344] Там же. С. 48.

[345] Там же. С. 47.

[346] Там же. С. 48.

[347] Там же.

[348] Там же.

[349] См. Zhengyuan Fu, *Autocratic Tradition and Chinese Politics* (New York: Cambridge University Press, 1993), 188; и Li, *The Private Life of Chairman Mao,* 120. Врач Мао высказал предположение о том, что переводчик Мао, у которого был слабый литературный китайский язык, не понял скрытого смысла и перевел фразу буквально. Но

также возможно и то, что переводчик очень хорошо понял смысл выражения, но был так напуган, что не решился перевести эту игру слов и неясных намеков Мао и что — если сделать вольный перевод на английский — это было бы страшно неуважительно. Жена Мао Цзян Цин выкрикивала эту же фразу в свою защиту на последнем судебном заседании в 1980 году. Ross Terrill, *Madame Mao: The White-Boned Demon* (Stanford: Stanford University Press, 1999), 344.

350 *Oxford Concise English-Chinese/Chinese-English Dictionary,* 2nd ed. (Hong Kong: Oxford University Press, 1999), 474. Я в большом долгу перед моим помощником по научной работе Шуйлером Шутеном за этот лингвистический анализ.

351 «Editorial Note», *FRUS* 17, 239—240.

352 «Tab B.», *FRUS* 17, 250.

353 Там же.

354 Snow, «A Conversation with Mao Tse-Tung», 47.

355 «Tab A.», *FRUS* 17, 249.

356 «Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon, Washington, January 12, 1971», *FRUS* 17, 254.

357 Yang and Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente», 401—402.

358 Там же. С. 405. Цитируется Lin Ke, Xu Tao, and Wu Xujun, *Lishi de zhenshi — Mao Zedong shenbian gongzuo renyuan de zhengyan* [*The True Life of Mao Zedong — Eyewitness Accounts by Mao's Staff*] (Hong Kong, 1995), 308. См. также Yafeng Xia, «China's Elite Politics and Sino-American Rapprochement, January 1969 — February 1972», *Journal of Cold War Studies* 8, no. 4 (Fall 2006): 13—17.

359 См. Kissinger, *White House Years,* 710.

360 «Message from the Premier of the People's Republic of China Chou En-lai to President Nixon, Beijing, April 21, 1971», *FRUS* 17, 301.

361 Там же.

362 См. Kissinger, *White House Years,* 720.

363 «Message from the Government of the United States to the Government of the People's Republic of China, Washington, May 10, 1971», *FRUS* 17, 318.

364 «Message from the Premier of the People's Republic of China Chou En-lai to President Nixon, Beijing, May 29, 1971», *FRUS* 17, 332.

365 Gao Wenqian, *Zhou Enlai: The Last Perfect Revolutionary, перевод* Peter Rand and Lawrence R. Sullivan (New York: PublicAffairs, 2007), 162.

[366] «Answers to the Italian Journalist Oriana Fallaci: April 21 and 23, 1980», в: *Selected Works of Deng Xiaoping (1975—1982),* vol. 2, перевод The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin Under the Central Committee of the Communist Party of China (Beijing: Foreign Languages Press, 1984), 326—327.

[367] Gao Wenqian's *Zhou Enlai: The Last Perfect Revolutionary* предлагает сложный и по многим аспектам изумительный портрет Чжоу. В книге принимается совершенно иной, чем у Дэна, вывод об участии Чжоу во внутренних потрясениях, организованных Мао. Недавняя работа о «культурной революции» Hu Angang, *Mao Zedong yu wenge* [*Mao Zedong and the Cultural Revolution*] (Hong Kong: Da Feng Chubanshe, 2008) выносит несколько более суровый вердикт роли Чжоу в этот период. Дискуссии на эту тему на английском языке см. Yafeng Xia, moderator, *H-Diplo Roundtable Review* 11, no. 43 (October 6, 2010), http://www.h-net.org/~diplo/roundtables/PDF/Roundtable-XI-43.pdf.

[368] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 9, 1971, 4:35—11:20 p.m.», в: Steven E. Phillips, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976,* vol. 17, *China 1969—1972* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 363.

[369] «Memorandum of Conversation: Beijing, October 21, 1971, 10:30 a.m. — 1:45 p.m.», *FRUS* 17, 504. В подлинных записях этих бесед фамилия Чжоу используется в транскрипции Уэйда — Джайлса как «Чоу». Чтобы избежать разночтений в транскрибировании в основном тексте этой книги и в цитируемых отрывках записей бесед с членами китайских делегаций их имена и использованные ими китайские слова и имена приводятся в транскрипции «пиньинь».

[370] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 17—18, 1973, 11:30 p.m. — 1:20 a.m.», в: David P. Nickles, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976,* vol. 18, *China 1973—1976* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2007), 124.

[371] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 9, 1971, 4:35—11:20 p.m.», *FRUS* 17, 367.

[372] Там же. С. 390.

[373] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 10, 1971, 12:10—6:00 p.m.», *FRUS* 17, 400.

[374] Вскоре после моего визита в июле 1971 года Чжоу вылетел в Ханой, чтобы проинформировать вьетнамских руководителей о новом дипломатическом курсе Китая. Практически во всех отчетах по этому вопросу говорится, что эти переговоры шли не очень глад-

ко. То же самое можно сказать и о последовавших затем обсуждениях темы с г-жой Нгуен Тхи Бинь, непримиримым теневым министром иностранных дел фасада Ханоя в лице «Временного революционного правительства» Южного Вьетнама. См. Chen Jian, «China, Vietnam and Sino-American Rapprochement», in Odd Arne Westad and Sophie Quinn-Judge, eds., *The Third Indochina War: Conflict Between China, Vietnam and Cambodia, 1972—1979* (London: Routledge, 2006), 53—54; and Qiang Zhai, *China and the Vietnam Wars, 1950—1975* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000), 196—197.

[375] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 9, 1971, 4:35—11:20 p.m.», *FRUS* 17, 367—368.

[376] Там же. С. 367.

[377] Там же.

[378] Там же. С. 369.

[379] «Memorandum of Conversation: Shanghai, February 28, 1972, 8:30—9:30 a.m.», *FRUS* 17, 823.

[380] Запись части беседы во время этого завтрака см. в *FRUS* 17, 416.

[381] Спустя годы провинция Фуцзянь стала центром торговли и туристических связей между берегами пролива, включая острова Цзиньмэнь и Мацзу.

[382] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 10, 1971, 12:10—6:00 p.m.», *FRUS* 17, 403—404.

[383] Chen Jian, *Mao's China and the Cold War* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001), 267.

[384] «Memorandum of Conversation: Beijing, July 10, 1971, 12:10—6:00 p.m.», *FRUS* 17, 430—431.

[385] Margaret MacMillan, *Nixon and Mao: The Week That Changed the World* (New York: Random House, 2007), 22.

[386] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 21, 1972, 2:50—3:55 p.m.», *FRUS* 17, 681.

[387] Там же. С. 678—679.

[388] Там же. С. 681.

[389] Там же. С. 680.

[390] Там же. С. 681—682.

[391] Эдвард (Тед) Хит, британский премьер-министр с 1970 по 1974 год. Хит позднее посетит Пекин и встретится с Мао в 1974 и 1975 годах.

[392] Шарль де Голль, руководитель французского сопротивления и президент Франции с 1959 по 1969 год. Париж признал Китайскую Народную Республику в 1964 году.

[393] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 21, 1972, 2:50—3:55 p.m.», *FRUS* 17, 679—680.

[394] Там же. С. 684.

[395] Там же. С. 683.

[396] Там же.

[397] «Conversation Between President Nixon and the Ambassador to the Republic of China (McConaughy): Washington, June 30, 1971, 12:18—12:35 p.m.», *FRUS* 17, 349.

[398] Там же. С. 351—352.

[399] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 21, 1972, 5:58—6:55 p.m.», *FRUS* 17, 688.

[400] Там же. С. 689.

[401] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 22, 1972, 2:10—6:00 p.m.», *FRUS* 17, 700.

[402] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 24, 1972, 5:15—8:05 p.m.», *FRUS* 17, 770.

[403] «Memorandum of Conversation: Washington, February 14, 1972, 4:09—6:19 p.m.», *FRUS* 17, 666.

[404] См., например, Gao Wenqian, *Zhou Enlai*, 151—153, 194—200.

[405] См. Kuisong Yang and Yafeng Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente: Mao's Changing Psyche and Policy Toward the United States, 1969—1976», *Diplomatic History* 34, no. 2 (April 2010): 407.

[406] «Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China: Shanghai, February 27, 1972», *FRUS* 17, 812—816.

[407] Там же. С. 814.

[408] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 22, 1972, 2:10—6:00 p.m.», *FRUS* 17, 697.

[409] «Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China: Shanghai, February 27, 1972», *FRUS* 17, 815.

[410] CCP Central Committee, «Notice on the Joint Sino-American Communiqué, March 7, 1972», перевод и ссылка на: Yang and Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente», 395.

[411] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 17—18, 1973, 11:30 p.m. — 1:20 a.m.», in David P. Nickles, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976,* vol. 18, *China 1973—1976* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2007), 124.

[412] Там же. С. 124—125.

[413] Там же. С. 381.

[414] Там же. С. 387—388.

415 Джордж Кеннан в 1946 году в своей «Длинной телеграмме» из Москвы и в не подписанной им статье «The Sources of Soviet Conduct» в журнале «Форин афеарз» в 1947 году высказывался в том плане, что Советский Союз из-за своей идеологии был вынужден проявлять непримиримую враждебность по отношению к Соединенным Штатам и Западу в целом, а возглавляемый Советами коммунистический лагерь будет расширяться, если не будет встречать решительный отпор. Хотя Кеннан утверждал, что советское давление можно «сдерживать умелым и своевременным применением противовесов в ряде постоянно меняющихся географических и политических точек», его теория сдерживания не являлась в первую очередь военной доктриной. Большая роль в этом отводилась применению дипломатического давления и силе внутренних социально-политических реформ в некоммунистическом мире как бастионе против советской экспансии.

416 «Memorandum of Conversation: Beijing, November 12, 1973, 5:40—8:25 p.m.», *FRUS* 18, 385.

417 Там же. С. 389.

418 Народная Демократическая Республика Йемен, тогда независимое государство, союзник Москвы.

419 «Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon: Washington, November 1971», in Steven E. Phillips, *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969—1976,* vol. 17, *China 1969—1972* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 548.

420 «Memorandum of Conversation: Beijing, November 12, 1973, 5:40—8:25 p.m.», *FRUS* 18, 391.

421 «Memorandum of Conversation: Beijing, February 17—18, 1973, 11:30 p.m. — 1:20 a.m.», *FRUS* 18, 125.

422 «Memorandum of Conversation: Beijing, November 12, 1973, 5:40—8:25 p.m.», *FRUS* 18, 131. Согласно некоторым отчетам, составленный Мао Цзэдуном список стран, входящих в «горизонтальную линию», включал и Китай. Это слово не переводилось и не включалось в американских вариантах записей бесед. Вхождение Китая в этот список подразумевалось по крайней мере в силу присутствия в нем стран к востоку и западу от Китая.

423 Kuisong Yang and Yafeng Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente: Mao's Changing Psyche and Policy Toward the United States, 1969—1976», *Diplomatic History* 34, no. 2 (April 2010): 408.

[424] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 17—18, 1973, 11:30 p.m. — 1:20 a.m.», *FRUS* 18, 134.

[425] Там же. С. 136.

[426] «Memorandum of Conversation: Beijing, October 21, 1975, 6:25—8:05 p.m.», *FRUS* 18, 794.

[427] Yang and Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente», 413.

[428] Там же. С. 414.

[429] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 15, 1973, 5:57—9:30 p.m.», *FRUS* 18, 38.

[430] Там же. С. 32.

[431] «Memorandum of Conversation: Beijing, February 17—18, 1973, 11:30 p.m. — 1:20 a.m.», *FRUS* 18, 137.

[432] См. Глава 13 «"Дергать тигра за хвост": третья вьетнамская война», а также: Henry Kissinger, *Years of Upheaval* (Boston: Little, Brown, 1982), 16—18, 339—367.

[433] Китайские аналитики оказались менее точными, чем обычно, в долгосрочном плане, поскольку Хельсинкские соглашения, подписанные в 1975 году, признаны сейчас всеми как сыгравшие главную роль в ослаблении советского контроля над Восточной Европой.

[434] Roderick MacFarquhar, «The Succession to Mao and the End of Maoism, 1969—1982», в: Roderick MacFarquhar, ed., *The Politics of China: The Eras of Mao and Deng,* 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 278—281, 299—301. В поисках преемника среди «чистого» молодого поколения Китая Мао Цзэдун выдвинул на третью позицию в иерархии компартии 37-летнего Ван Хунвэня, ранее отличившегося только в качестве организатора левого толка в своей провинции. Его молниеносный взлет удивил многих наблюдателей. Тесно связанный с Цзян Цин, Ван Хунвэнь никогда не был независимой политической личностью и не обладал властью, которые были бы соизмеримы с его официальным положением. Он пал вместе с остальными членами «банды четырех» в октябре 1976 года.

[435] Это сравнение разработано также, помимо других источников, у: David Shambaugh, «Introduction: Assessing Deng Xiaoping's Legacy» и у: Lucian W. Pye, «An Introductory Profile: Deng Xiaoping and China's Political Culture», в: David Shambaugh, ed., *Deng Xiaoping: Portrait of a Chinese Statesman* (Oxford: Clarendon Press, 2006), 1—2, 14.

[436] «Memorandum of Conversation: Beijing, November 14, 1973, 7:35—8:25 a.m.», в: David P. Nickles, ed., *Foreign Relations of the United States*

(FRUS), 1969—1976, vol. 18, *China 1973—1976* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2007), 430.

[437] «Memorandum from Richard H. Solomon of the National Security Council Staff to Secretary of State Kissinger, Washington, January 25, 1974», *FRUS* 18, 455.

[438] Gao Wenqian, *Zhou Enlai: The LastPerfect Revolutionary, перевод* Peter Rand and Lawrence R. Sullivan (New York: Public Affairs, 2007), 246.

[439] Kuisong Yang and Yafeng Xia, «Vacillating Between Revolution and Détente: Mao's Changing Psyche and Policy Toward the United States, 1969—1976», *Diplomatic History* 34, no. 2 (April 2010): 414. Отчеты об этих встречах не были опубликованы. Выдержка взята из неопубликованных мемуаров старшего китайского дипломата Ван Юпина, который готовил отчет для министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа о заседании Политбюро.

[440] Chou Enlai, «Report on the Work of the Government: January 13, 1975», *Peking Review* 4 (January 24, 1975), 21—23.

[441] Там же. С. 23.

[442] «Speech by Chairman of the Delegation of the People's Republic of China, Teng Hsiao-Ping, at the Special Session of the U.N. General Assembly: April 10, 1974» (Peking: Foreign Languages Press, 1974).

[443] Там же. С. 5.

[444] Там же. С. 6.

[445] Там же. С. 8.

[446] «Memorandum of Conversation: Beijing, October 21, 1975, 6:25—8:05 p.m.», *FRUS* 18, 788—789.

[447] Там же. С. 788.

[448] Джордж Буш-старший, глава Миссии связи США, Уинстон Лорд, начальник отдела политического планирования государственного департамента, и я.

[449] «Memorandum of Conversation: Beijing, October 21, 1975, 6:25—8:05 p.m.», *FRUS* 18, 789—790.

[450] Там же. С. 789.

[451] Там же. С. 793.

[452] Там же. В 1940 году Англия вывела свой экспедиционный корпус после Битвы за Францию.

[453] Там же. С. 794.

[454] Там же.

[455] Там же. С. 791.

[456] Там же. С. 792.

[457] Там же.

[458] Там же. С. 790.
[459] Там же. С. 791.
[460] Там же.
[461] «Memorandum of Conversation: Beijing, October 25, 1975, 9:30 a.m.», *FRUS* 18, 832.
[462] Там же.
[463] «Paper Prepared by the Director of Policy Planning Staff (Lord), Washington, undated», *FRUS* 18, 831.
[464] «Memorandum of Conversation: Beijing, December 2, 1975, 4:10—6:00 p.m.», *FRUS* 18, 858.
[465] Там же. С. 859.
[466] Товарищ Мао Цзэдуна по Яньани во время гражданской войны, бывший генерал, сейчас посол в Вашингтоне.
[467] Ван Хайжун и Нэнси Тан.
[468] Цяо Гуаньхуа, министр иностранных дел.
[469] «Memorandum of Conversation: Beijing, December 2, 1975, 4:10—6:00 p.m.», *FRUS* 18, 859.
[470] Там же. С. 867.
[471] В некоторых стихах содержалась резкая критика эксцессов Цинь Шихуана и императрицы династии Тан У Цзэтянь, под которыми подразумевали соответственно Мао Цзэдуна и Цзян Цин.
[472] См. Henry Kissinger, *Years of Renewal* (New York: Simon & Schuster, 1999), 897.
[473] Richard Evans, *Deng Xiaoping and the Making of Modern China* (New York: Viking, 1993), 186—187.
[474] См., например, Дэн Сяопин. *Армию нужно упорядочить. 25 января 1975 года.* Избранное (1975—1982). На русском языке. Перевод выполнен сотрудниками Бюро по переводу произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПК (Издательство литературы на иностранных языках. Бэйцзин. 1985). С. 7—10, а также Дэн Сяопин. *Несколько вопросов, которые следует теперь разрешить черной металлургии. 29 мая 1975 года.* С. 16—20.
[475] Дэн Сяопин. *Вся партия должна, заботясь об интересах целого, поднять народное хозяйство. 5 марта 1975 года.* Избранное (1975—1982). С. 11—15.
[476] «Priority Should Be Given to Scientific Research: September 26, 1975», http://web.peopledaily.com.cn/english/dengxp/vol2/text/b1080.html.
[477] Дэн Сяопин. *Армию нужно упорядочить. 25 января 1975 года.* Избранное (1975—1982). С. 8.

[478] Дэн Сяопин. *Упорядочение необходимо во всех областях: 27 сентября и 4 октября 1975 г.* Избранное. (1975—1982). С. 48.

[479] Deng Xiaoping, «Memorial Speech», перепечатка в: *China Quarterly* 65 (March 1976): 423.

[480] Дэн Сяопин. *«Два абсолюта» не соответствуют марксизму. 24 мая 1977 года.* Избранное (1975—1982). С. 52—53 (цитируется редакционная статья от 7 февраля 1977 года, в которой пропагандируется эта формулировка). См. также: Roderick MacFarquhar, «The Succession to Mao and the End of Maoism, 1969—1982», в: Roderick MacFarquhar, ed., *The Politics of China: The Eras of Mao and Deng,* 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 312—313.

[481] MacFarquhar, «The Succession to Mao and the End of Maoism, 1969—1982», в: MacFarquhar, ed., *The Politics of China,* 312.

[482] Дэн Сяопин. Речь на всеармейском совещании по вопросам политической работы. 2 июня 1978 года. Избранное (1975—1982). С. 150.

[483] Дэн Сяопин. *«Два абсолюта» не соответствуют марксизму». 24 мая 1977 года.* Избранное. (1975—1982). С. 52—53.

[484] Дэн Сяопин. *Уважать знания, уважать специалистов. 24 мая 1977 года.* Избранное. (1975—1982). С. 54.

[485] Stanley Karnow, «Our Next Move on China», *New York Times* (August 14, 1977); Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 632.

[486] См. Lucian W. Pye, «An Introductory Profile: Deng Xiaoping and China's Political Culture», в: David Shambaugh, ed., *Deng Xiaoping: Portrait of a Chinese Statesman* (Oxford: Clarendon Press, 2006).

[487] Дэн Сяопин. *Раскрепостить сознание, реалистически подходить к делу, сплотиться воедино и смотреть вперед. 13 декабря 1978 года.* Избранное. (1975—1982). С. 172.

[488] Там же. С. 174—175.

[489] Там же. С. 175.

[490] Дэн Сяопин. *Твердо придерживаться четырех основных принципов.* 30 марта 1979 г. Избранное. (1975—1982). С. 207—208.

[491] Там же. С. 208.

[492] Там же. С. 209—210.

[493] До 1983 года Дэн был вице-премьером и председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. С 1981 по 1989 год он был председателем Центрального военного совета КНР и председателем Комиссии советников.

[494] Evans, *Deng Xiaoping and the Making of Modern China,* 256.

[495] «Дергать тигра за хвост» — идиоматическое выражение в китайском языке, популярность которому придал Мао Цзэдун, имея в виду смелый поступок или что-то опасное. Поводом для этой ремарки стала моя встреча с Хуа Гофэном в Пекине в апреле 1979 года.

[496] Во время «культурной революции» Линь Бяо, будучи в то время министром обороны, упразднил все ранги и знаки отличия и приказал развернуть активную идеологическую учебу в китайской армии с использованием «маленькой красной книжицы» цитатника Мао. НОАК была призвана сыграть общественную и идеологическую роль, далеко выходящую за рамки предначертаний обычной военной жизни. Углубленный анализ итогов развития событий, повлиявших на НОАК, что отразилось в конфликте с Вьетнамом, можно найти у: Edward O'Dowd, *Chinese Military Strategy in the Third Indochina War* (New York: Routledge, 2007).

[497] «Zhou Enlai, Kang Sheng, and Pham Van Dong: Beijing, 29 April 1968», в: Odd Arne Westad, Chen Jian, Stein Tonnesson, Nguyen Vu Tung, and James G. Hershberg, eds., «77 Conversations Between Chinese and Foreign Leaders on the Wars in Indochina, 1964—1977», Cold War International History Project Working Paper Series, working paper no. 22 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International History Project, May 1998), 127—128. (Скобки в оригинале.)

[498] См. Глава 8 «Путь к примирению».

[499] Я всегда считал, что желание заставить идеологически правильных — с точки зрения Мао — красных кхмеров пойти на компромисс, как позднее выяснилось, совершенно необоснованное, тоже способствовало падению Чжоу Эньлая. См. также: Kissinger, *Years of Upheaval* (Boston: Little, Brown, 1982), 368.

[500] Robert S. Ross, *The Indochina Tangle: China's Vietnam Policy, 1975—1979* (New York: Columbia University Press, 1988), 74, цитируется по: Xinhua news report (August 15, 1975), в переводе Foreign Broadcast Information Service (FBIS) Daily Report, People's Republic of China (August 18, 1975), A7.

[501] Там же.

[502] Там же. С. 98. Ссылка на Xinhua news report (March 15, 1976), в переводе в FBIS Daily Report, People's Republic of China (March 16, 1976), A13.

[503] В апреле 1978 года афганский президент был убит, а его правительство смещено. 5 декабря 1978 года Советский Союз и новое

правительство Афганистана заключили Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. 19 февраля 1979 года был убит посол США в Афганистане.

504 Cyrus Vance, *Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy* (New York: Simon & Schuster, 1983), 79.

505 «President Carter's Instructions to Zbigniew Brzezinski for His Mission to China, May 17, 1978», в: Zbigniew Brzezinski, *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981* (New York: Farrar, Straus & Giroux, 1985), Annex I, 2.

506 Пять принципов заключались в следующем: подтверждение политики «одного Китая», обязательство не предоставлять американскую поддержку движениям за независимость Тайваня, непоощрение возможного внедрения Японии на Тайвань, поддержка любых мирных решений между Пекином и Тайбэем, приверженность продолжающейся нормализации. См. Глава 9 «Возобновление отношений: первые контакты с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем».

507 «Memorandum of Conversation, Summary of the President's Meeting with the People's Republic of China Vice Premier Deng Xiaoping: Washington, January, 29th 1979, 3:35—4:59 p.m.», Jimmy Carter Presidential Library (JCPL), Vertical File — China, item no. 270, 10—11.

508 «Summary of Dr. Brzezinski's Meeting with Foreign Minister Huang Hua: Beijing, May 21st, 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 232, 3.

509 Там же. С. 6—7.

510 Там же. Садат был президентом Египта с 1970 года до его убийства в 1981 году. «Смелым поступком», на который дается ссылка в тексте, называли высылку свыше 20 тысяч советских военных советников из Египта в 1972 году, развязывание войны в октябре 1973 года и последующее начало мирного процесса с Израилем.

511 Там же. С. 4.

512 Там же. С. 10—11.

513 «Memorandum of Conversation, Meeting with Vice Premier Teng Hsiao P'ing: Beijing, May 21st, 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 232-e, 16.

514 Там же. С. 5—6.

515 «Summary of Dr. Brzezinski's Meeting with Chairman Hua Kuo-feng: Beijing, May 22nd, 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 233c, 4—5.

516 «Memorandum of Conversation, Summary of the President's Meeting with Ambassador Ch'ai Tse-min: Washington, September 19, 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 250b, 3.

517 «Memorandum of Conversation, Meeting with Vice Premier Teng Hsiao P'ing: Beijing, May 21st 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 232-e, 6.

518 В последние годы китайские руководители и политологи ввели в оборот фразу о «мирном подъеме», означающую внешнеполитические устремления Китая добиться статуса крупной державы в рамках ныне существующей международной системы. В наводящей на размышления статье, в которой представлены оценки как китайских, так и западных ученых по этой концепции, ученый Барри Бьюзан высказывает идею о том, что «мирный подъем» Китая начался в конце 1970-х и в начале 1980-х годов, когда Дэн Сяопин встраивал внутреннюю и внешнюю политику Китая в нереволюционный мир и пытался находить общие интересы с Западом. Поездки Дэн Сяопина за границу предоставляли убедительные доказательства такой переналадки. См. Barry Buzan, «China in International Society: Is «Peaceful Rise» Possible?» *The Chinese Journal of International Politics* 3 (2010): 12—13.

519 «An Interview with Teng Hsiao P'ing», *Time* (February 5, 1979), http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,946204,00.html.

520 «China and Japan Hug and Make Up», *Time* (November 6, 1978), http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,948275-1,00.html.

521 Henry Kamm, «Teng Begins Southeast Asian Tour to Counter Rising Soviet Influence», *New York Times* (November 6, 1978), A1.

522 Henry Kamm, «Teng Tells the Thais Moscow-Hanoi Treaty Perils World's Peace», *New York Times* (November 9, 1978), A9.

523 «Excerpts from Talks Given in Wuchang, Shenzhen, Zhuhai and Shanghai: January 18 — February 21, 1992», в: *Selected Works of Deng Xiaoping,* vol. 3, перевод The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin Under the Central Committee of the Communist Party of China (Beijing: Foreign Languages Press, 1994), 366.

524 Lee Kuan Yew, *From Third World to First: The Singapore Story — 1965—2000* (New York: HarperCollins, 2000), 597.

525 Там же. С. 598—599.

526 Fox Butterfield, «Differences Fade as Rivals Mingle to Honor Teng», *New York Times* (January 30, 1979), A1.

[527] Joseph Lelyveld, «»Astronaut» Teng Gets New View of World in Houston», *New York Times* (February 3, 1979), A1.

[528] Fox Butterfield, «Teng Again Says Chinese May Move Against Vietnam», *New York Times* (February 1, 1979), A16.

[529] Joseph Lelyveld, «»Astronaut» Teng Gets New View of World in Houston», A1. Чтобы сохранить стиль книги, написание имени Дэн Сяопина, которое в цитируемом оригинале звучит как Тэн Хсяопъин, дано в принятой сейчас транскрипции: Дэн Сяопин.

[530] Между двумя мировыми войнами прошло 22 года. С учетом того, что прошло уже более 22 лет после окончания Второй мировой войны, китайские руководители переживали по поводу того, что события движутся в соответствии с определенным историческим ритмом. То же самое сказал Мао Цзэдун руководителю компартии Австралии Е.Ф. Хиллу десятью годами ранее. См. Глава 8 «Путь к примирению», а также Chen Jian and David L. Wilson, eds., «All Under the Heaven Is Great Chaos: Beijing, the Sino-Soviet Border Clashes, and the Turn Toward Sino-American Rapprochement, 1968—1969», *Cold War International History Project Bulletin* 11 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1998), 161.

[531] «Memorandum of Conversation, Summary of the President's First Meeting with PRC Vice Premier Deng Xiaoping: Washington, January 29th, 1979», JCPL, Vertical File — China, item no. 268, 8—9.

[532] «Memorandum of Conversation, Meeting with Vice Premier Teng Hsiao P'ing: Beijing, May 21st, 1978», JCPL, Vertical File — China, item no. 232-e, 14.

[533] «Memorandum of Conversation, Summary of the President's Meeting with the People's Republic of China Vice Premier Deng Xiaoping: Washington, January 29th, 1979, 3:35—4:59 p.m.», JCPL, Vertical File — China, item no. 270, 10—11.

[534] «Memorandum of Conversation, Carter — Deng, Subject: Vietnam: Washington, January 29th, 1979, 5:00 p.m. — 5:40 p.m.», JCPL, Brzezinski Collection, China [PRC] 12/19/78—10/3/79, item no. 007, 2.

[535] Ross, *The Indochina Tangle*, 229.

[536] «Memorandum of Conversation, Carter — Deng, Washington, January 29th, 1979, 5:00 p.m. — 5:40 p.m.», JCPL, Brzezinski Collection, China [PRC] 12/19/78—10/3/79, item no. 007, 2.

[537] Там же. С. 5.

[538] Brzezinski, *Power and Principle*, 410.

[539] «President Reporting on His Conversations with Deng: January 30th, 1979», JCPL, Brzezinski Collection, China [PRC] 12/19/78—10/3/79, item no. 009, 1.

[540] Henry Scott-Stokes, «Teng Criticizes the U.S. for a Lack of Firmness in Iran», *New York Times* (February 8, 1979), A12.

[541] Цифру, ниже указанных в тексте данных, можно найти у: Bruce Elleman, *Modern Chinese Warfare, 1795—1989* (New York: Routledge, 2001), 285. Цифру, выше указанных в тексте данных, можно встретить в оценках: Edward O'Dowd in *Chinese Military Strategy in the Third Indochina War,* 3, 45—55.

[542] O'Dowd, *Chinese Military Strategy in the Third Indochina War,* 45.

[543] Deng Xiaoping to Jimmy Carter on January 30, 1979, цитируется по: Brzezinski, *Power and Principle,* 409—410.

[544] «Text of Declaration by Moscow», *New York Times* (February 19, 1979); Craig R. Whitney, «Security Pact Cited: Moscow Says It Will Honor Terms of Treaty — No Direct Threat Made», *New York Times* (February 19, 1979), A1.

[545] Edward Cowan, «Blumenthal Delivers Warning», *New York Times* (February 28, 1979), A1.

[546] Там же.

[547] Одним из немногих ученых, бросивших вызов этой общепринятой истине, является Брюс Эллеман, который к тому же подчеркнул антисоветский характер конфликта. См. Bruce Elleman, in his *Modern Chinese Warfare,* 284—297.

[548] Для обзора различных оценок потерь НОАК см. O'Dowd, *Chinese Military Strategy in the Third Indochina War,* 45.

[549] «Memorandum of Conversation, Summary of the President's First Meeting with PRC Vice Premier Deng Xiaoping: Washington, January 29th, 1979», JCPL, Vertical File — China, item no. 268, 8.

[550] «Memorandum, President Reporting on His Conversations with Deng: January 30th, 1979», JCPL, Brzezinski Collection, China [PRC] 12/19/78—10/3/79, item no. 009, 2.

[551] «Memorandum of Conversation with Vice Premier Deng Xiaoping: Beijing, January 8th, 1980», JCPL, NSA Brzez. Matl. Far East, Box No. 69, Brown (Harold) Trip Memcons, 1/80, File, 16.

[552] «Memorandum of Conversation with Vice Premier Deng Xiaoping: Beijing, January 8th, 1980», JCPL, NSA Brzez. Matl. Far East, Box No. 69, Brown (Harold) Trip Memcons, 1/80, File, 15.

[553] «President Carter's Instructions to Zbigniew Brzezinski for His Mission to China, May 17, 1978», в: Brzezinski, *Power and Principle,* Annex I, 4.

554 По некоторым оценкам, до 1986 года Вьетнам держал «700 тысяч военнослужащих в боевой готовности в северной части страны». Karl D. Jackson, «Indochina, 1982—1985: Peace Yields to War», в: Solomon and Kosaka, eds., *The Soviet Far East Military Buildup,* цитируется по: Elleman, *Modern Chinese Warfare,* 206.

555 «Memorandum of Conversation, Summary of the Vice President's Meeting with People's Republic of China Vice Premier Deng Xiaoping: Beijing, August 28th, 1979, 9:30 a.m. — 12:00 noon», JCPL, Vertical File — China, item no. 279, 9.

556 «Memorandum of Conversation Between President Carter and Premier Hua Guofeng of the People's Republic of China: Tokyo, July 10th, 1980», JCPL, NSA Brzez. Matl. Subj. File, Box No. 38, «Memcons: President, 7/80».

557 Цитируется по: Chen Jian, *China's Road to the Korean War* (New York: Columbia University Press, 1994), 149.

558 «Memorandum of Conversation, Summary of Dr. Brzezinski's Conversation with Vice Premier Geng Biao of the People's Republic of China: Washington, May 29th, 1980», JCPL, NSA Brzez. Matl. Far East, Box No. 70, «Geng Biao Visit, 5/23—31/80», Folder, 5.

559 Lee, *From Third World to First,* 603.

560 George H.W. Bush and Brent Scowcroft, *A World Transformed* (New York: Alfred A. Knopf, 1998), 93—94.

561 Taiwan Relations Act, Public Law 96-8, § 3.1.

562 Joint Communiqué Issued by the Governments of the United States and the People's Republic of China (August 17, 1982) (Совместное коммюнике правительств Соединенных Штатов и Китайской Народной Республики от 17 августа 1982 года) перепечатано из: Alan D. Romberg, *Rein In at the Brink of the Precipice: American Policy Toward Taiwan and U.S.-PRC Relations* (Washington, D.C.: Henry L. Stimson Center, 2003), 243.

563 Nancy Bernkopf Tucker, *Strait Talk: United States — Taiwan Relations and the Crisis with China* (Cambridge: Harvard University Press, 2009), 151.

564 Там же.

565 Там же. С. 148—150.

566 John Lewis Gaddis, *The Cold War: A New History* (New York: Penguin, 2005), 213—214, note 43.

567 Hu Yaobang, «Create a New Situation in All Fields of Socialist Modernization — Report to the 12th National Congress of the Communist Party of China: September 1, 1982», *Beijing Review* 37 (September 13, 1982): 29.

568 Там же. С. 30—31.

569 Там же.

570 Там же.

571 Charles Hill, «Shifts in China's Foreign Policy: The US and USSR» (April 21, 1984), Ronald Reagan Presidential Library (hereafter RRPL), 90946 (Asian Affairs Directorate, NSC).

572 Directorate of Intelligence, Central Intelligence Agency, «China-USSR: Maneuvering in the Triangle» (December 20, 1985), RRPL, 007-R.

573 «Memorandum to President Reagan from Former President Nixon», в качестве дополнения к: Memorandum for the President from William P. Clark, re: Former President Nixon's Trip to China (September 25, 1982), RRPL, William Clark Files, 002.

574 George P. Shultz, *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State* (New York: Charles Scribner's Sons, 1993), 382.

575 Ronald Reagan, «Remarks at Fudan University in Shanghai, April 30, 1984», *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1986), book 1, 603—608; «Remarks to Chinese Community Leaders in Beijing, April 27, 1984», *Public Papers of the Presidents of the United States*, book 1, 579—584.

576 Donald Zagoria, «China's Quiet Revolution», *Foreign Affairs* 62, no. 4 (April 1984): 881.

577 Jonathan Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 654—655.

578 Nicholas Kristof, «Hu Yaobang, Ex-Party Chief in China, Dies at 73», *New York Times* (April 16, 1989), http://www.nytimes.com/1989/04/16/obituaries/hu-yaobang-ex-party-chief-in-chinadies-at-73.html?pagewanted=1.

579 Christopher Marsh, *Unparalleled Reforms* (New York: Lexington, 2005), 41.

580 Richard Baum, *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping* (Princeton: Princeton University Press, 1994), 231—232.

581 Джонатан Спенс обратил внимание на то, что в 1989 году отмечались юбилеи ряда важных политических событий: «200-я годовщина Французской революции, 70-я годовщина «движения 4 мая», 40-я годовщина собственно Китайской Народной Республики, а также 10-я годовщина со дня официального установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами». Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W. Norton, 1999), 696.

582 Andrew J. Nathan, «Preface to the Paperback Edition: The Tiananmen Papers — An Editor's Reflections», в: Zhang Liang, Andrew Nathan,

and Perry Link, eds., *The Tiananmen Papers* (New York: Public Affairs, 2001), viii.

583 Richard Baum, *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping* (Princeton: Princeton University Press, 1994), 254.

584 Nathan, Introduction to *The Tiananmen Papers*, «The Documents and Their Significance», lv.

585 Примером одной из таких попыток применить нажим была политика администрации Клинтона относительно статуса наиболее благоприятствуемой нации, предоставляемого Китаю при условии изменения положения с правами человека в Китае, которая рассмотрена подробнее в главе 17 «Гонки на американских горках к новому примирению: эра Цзян Цзэминя».

586 David M. Lampton, *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989—2000* (Berkeley: University of California Press, 2001), 305.

587 George H.W. Bush and Brent Scowcroft, *A World Transformed* (New York: Alfred A. Knopf, 1998), 89—90.

588 Там же. С. 97—98.

589 Конгресс и Белый дом были одинаково озабочены тем, что находившиеся в США китайские студенты, которые открыто протестовали в Соединенных Штатах, будут подвергнуты наказанию по возвращении в Китай. Президент дал понять, что обращения за продлением виз будут рассмотрены положительно, а конгресс рассматривал возможность продления виз даже без обращения.

590 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 100.

591 Там же. С. 101.

592 Там же.

593 Там же. С. 102.

594 Там же.

595 Lampton, *Same Bed, Different Dreams*, 302.

596 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 105—106. В своих мемуарах китайский министр иностранных дел оспаривает этот эпизод, утверждая, что самолету ничто не угрожало. Qian Qichen, *Ten Episodes in China's Diplomacy* (New York: HarperCollins, 2005), 133.

597 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 106.

598 Там же.

599 Qian, *Ten Episodes in China's Diplomacy*, 134.

600 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 109.

601 Там же. С. 107.

602 Там же.

603 Там же. С. 107—108.

604 Там же. С. 107—109.

605 Там же. С. 110.

606 Дэн ясно дал понять, что он намерен очень скоро уйти в отставку. Фактически он сделал это в 1992 году, хотя его продолжали рассматривать как влиятельного политического арбитра.

607 Пять принципов мирного сосуществования были выработаны Индией и Китаем на переговорах в 1954 году. Речь шла о сосуществовании и взаимном невмешательстве между странами различной идеологической ориентации.

608 Дэн Сяопин обратил внимание Ричарда Никсона на то же самое во время частного визита последнего в Пекин в октябре 1989 года: «Передайте, пожалуйста, президенту Бушу предложение закрыть прошлое. Соединенные Штаты должны выступить с инициативой, и только Соединенные Штаты могут выступить с такой инициативой. США способны выступить с инициативой. ...Китай не может первым предлагать. Это потому, что Америка сильнее, Китай — слабее, пострадавшей стороной является Китай. Если вы хотите, чтобы Китай стал просить, такого не будет. Даже если пройдет 100 лет, китайский народ не сможет просить [вас] прекратить санкции [против Китая]. ...Кто бы из китайских руководителей ни совершил такую ошибку, он непременно будет скинут, китайский народ не простит ему». Цитируется по: Lampton, *Same Bed, Different Dreams*, 29.

609 Некоторые в Белом доме считали, что приглашение Фан Личжи на прием от имени президента для тех же китайских руководителей, которых он и критиковал, было излишне провокационным. Они обвинили посольство США в Пекине в том, что оно заблаговременно не проинформировало их о неизбежности споров. Внеся его в список приглашенных, американский посол в Пекине Уинстон Лорд фактически выделил его как откровенного диссидента, включение которого в число приглашенных могло напугать китайские власти, но который так или иначе заслуживал приглашения.

610 «Cable, From: U.S. Embassy Beijing, To: Department of State, Wash DC, SITREP No. 49, June 12, 0500 Local (June 11, 1989)», в: Jeffrey T. Richardson and Michael L. Evans, eds., *Tiananmen Square, 1989: The Declassified History*, National Security Archive Electronic Briefing Book no. 16 (June 1, 1999), Document 26.

611 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 99.

612 U.S. Embassy Beijing Cable, «China and the U.S. — A Protracted Engagement», July 11, 1989, SECRET, в: Michael L. Evans, ed., *The U.S. Tiananmen Papers: New Documents Reveal U.S. Perceptions of 1989 Chinese Political Crisis,* National Security Archive Electronic Briefing Book (June 4, 2001), Document 11.

613 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 101—102.

614 Дэн Сяопин имел в виду Уинстона Лорда.

615 Qian, *Ten Episodes in China's Diplomacy*, 140.

616 Bush and Scowcroft, *A World Transformed*, 174.

617 Там же. С. 176—177.

618 Фан Личжи и его жена в итоге выехали из Китая в Великобританию на американском военно-транспортном самолете. Затем они переселились в США, где Фан стал профессором физики в Университете штата Аризона.

619 Richard Evans, *Deng Xiaoping and the Making of Modern China* (London: Hamish Hamilton, 1993), 304 (quoting *Zheng Ming*, Hong Kong, May 1, 1990).

620 «Deng Initiates New Policy «Guiding Principle»», FBIS-CHI-91-215; см. также United States Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, «Military Power of the People's Republic of China: A Report to Congress Pursuant to the National Defense Authorization Act Fiscal Year 2000» (2007), 7, http://www.defense.gov/pubs/pdfs/070523-china-military-powerfinal. pdf.

621 «Deng Initiates New Policy «Guiding Principle»», FBIS-CHI-91-215.

622 Richard Baum, *Burying Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping* (Princeton: Princeton University Press, 1994), 334.

623 «Excerpts from Talks Given in Wuchang, Shenzhen, Zhuhai and Shanghai: January 18 — February 21, 1992», *Selected Works of Deng Xiaoping,* vol. 3, trans., The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin Under the Central Committee of the Communist Party of China (Beijing: Foreign Languages Press, 1994), 359.

624 Там же. С. 360.

625 Там же. С. 361.

626 Там же. С. 362—363.

627 Там же. С. 364—365.

628 Там же. С. 366.

629 David M. Lampton, *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989—2000* (Berkeley: University of California Press, 2001), xi.

[630] «Excerpts from Talks Given in Wuchang, Shenzhen, Zhuhai and Shanghai: January 18 — February 21, 1992», *Selected Works of Deng Xiaoping,* vol. 3, 370.

[631] Там же. С. 369.

[632] См. David M. Lampton, *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.-China Relations, 1989—2000* (Berkeley: University of California Press, 2001), 293, 308.

[633] State Department Bureau of Intelligence and Research, «China: Aftermath of the Crisis» (July 27, 1989), 17, в: Jeffrey T. Richardson and Michael L. Evans, eds., «Tiananmen Square, 1989: The Declassified History», National Security Archive Electronic Briefing Book no. 16 (June 1, 1999), Document 36.

[634] Steven Mufson, «China's Economic «Boss»: Zhu Rongji to Take Over as Premier», *Washington Post* (March 5, 1998), A1.

[635] Заявление от 14 сентября 1992 года, цитируется по: A.M. Rosenthal, «On My Mind: Here We Go Again», *New York Times* (April 9, 1993); о различиях в китайской и западной интерпретациях этого заявления см. также Lampton, *Same Bed, Different Dreams,* 32.

[636] «Confronting the Challenges of a Broader World», President Clinton Address to the United Nations General Assembly, New York City, September 27, 1993, из: *Department of State Dispatch* 4, no. 39 (September 27, 1993).

[637] Robert Suettinger, *Beyond Tiananmen: The Politics of U.S.-China Relations, 1989—2000* (Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2003), 161.

[638] Дэн Сяопин выступил с речью в ноябре 1989 года, призывая Китай «придерживаться социализма и не допускать мирной эволюции в сторону капитализма». Мао Цзэдун также постоянно предупреждал об опасности «мирной эволюции». См. «Mao Zedong and Dulles's «Peaceful Evolution» Strategy: Revelations from Bo Yibo's Memoirs», *Cold War International History Project Bulletin* 6/7 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Winter 1996/1997), 228.

[639] Отражением этого стало переименование принципа «наиболее благоприятствуемой нации» в «постоянные нормальные торговые отношения», хотя термин «наиболее благоприятствуемая нация» по-прежнему используется.

[640] Anthony Lake, «From Containment to Enlargement», address at the Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, Washington, D.C., September 21, 1993, из: *Department of State Dispatch* 4, no. 39 (September 27, 1993).

641 Suettinger, *Beyond Tiananmen,* 165.
642 William J. Clinton, «Statement on Most-Favored-Nation Trade Status for China» (May 28, 1993), *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1994), book 1, 770—771.
643 Там же. С. 770—772.
644 Lake, «From Containment to Enlargement».
645 Suettinger, *Beyond Tiananmen*, 168—171.
646 Warren Christopher, *Chances of a Lifetime* (New York: Scribner, 2001), 237.
647 Там же.
648 Там же. С. 238.
649 Там же. С. 238—239.
650 См., например, Deng Xiaoping, «An Idea for the Peaceful Reunification of the Chinese Mainland and Taiwan: June 26, 1983», *Selected Works of Deng Xiaoping,* vol. 3, 40—42.
651 John W. Garver, *Face Off: China, the United States, and Taiwan's Democratization* (Seattle: University of Washington Press, 1997), 15; James Carman, «Lee Teng-Hui: A Man of the Country», *Cornell Magazine* (June 1995), доступно по адресу: http://www.news.cornell.edu/campus/Lee/Cornell_Magazine_Profile.html.
652 Lampton, *Same Bed, Different Dreams*, 101.
653 William J. Clinton, «Remarks and an Exchange with Reporters Following Discussions with President Jiang Zemin of China in Seattle: November 19, 1993», *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1994), 2022—2025.
654 Garver, *Face Off,* 92—97; Robert Suettinger, «U.S. «Management» of Three Taiwan Strait «Crises»», в: Michael D. Swaine and Zhang Tuosheng with Danielle F.S. Cohen, eds., *Managing Sino-American Crises: Case Studies and Analysis* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2006), 278.
655 Madeleine Albright, *Madam Secretary* (New York: Hyperion, 2003), 546.
656 Robert Lawrence Kuhn, *The Man Who Changed China: The Life and Legacy of Jiang Zemin* (New York: Crown Publishers, 2004), 2.
657 Albright, *Madam Secretary,* 531.
658 Christopher Marsh, *Unparalleled Reforms* (New York: Lexington, 2005), 72.
659 Barry Naughton, *The Chinese Economy: Transitions and Growth* (Cambridge: MIT Press, 2007), 142—143.

[660] Michael P. Riccards, *The Presidency and the Middle Kingdom: China, the United States, and Executive Leadership* (New York: Lexington Books, 2000), 12.

[661] Lampton, *Same Bed, Different Dreams,* Appendix A, 379—380.

[662] Zhu Rongji, «Speech and Q&A at the Advanced Seminar on China's Economic Development in the Twenty first Century» (September 22, 1997), в: *Zhu Rongji's Answers to Journalists' Questions* (Oxford: Oxford University Press, 2011) (готовится к изданию), Chapter 5.

[663] Richard Daniel Ewing, «Hu Jintao: The Making of a Chinese General Secretary», *China Quarterly* 173 (March 2003): 19.

[664] Там же. С. 21—22.

[665] «Сяокан» — этот термин сейчас широко используется как политический, взят из фразы времен Конфуция, которой 2500 лет и которая означает население со средним достатком и средним уровнем доходов. См. «Confucius and the Party Line», *The Economist* (May 22, 2003); «Confucius Makes a Comeback», *The Economist* (May 17, 2007).

[666] «Rectification of Statues», *The Economist* (January 20, 2011).

[667] George W. Bush, «Remarks Following Discussions with Premier Wen Jiabao and an Exchange with Reporters: December 9, 2003», *Public Papers of the Presidents of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 1701.

[668] David Barboza, «Chinese Leader Fields Executives' Questions», *New York Times* (September 22, 2010).

[669] Cui Changfa and Xu Mingshan, eds., *Gaoceng Jiangtan* [*Top-leaders' Rostrums*] (Beijing: Hongqi Chubanshe, 2007), 165—182, цитируется по: Masuda Masayuki, «China's Search for a New Foreign Policy Frontier: Concept and Practice of «Harmonious World»», 62, в: Masafumi Iida, ed., *China's Shift: Global Strategy of the Rising Power* (Tokyo: NIDS Joint Research Series, 2009).

[670] Wen Jiabao, «A Number of Issues Regarding the Historic Tasks in the Initial Stage of Socialism and China's Foreign Policy», *Xinhua* (February 26, 2007), цитируется по: Masuda, «China's Search for a New Foreign Policy Frontier: Concept and Practice of «Harmonious World»», 62—63.

[671] David Shambaugh, «Coping with a Conflicted China», *The Washington Quarterly* 34, no. 1 (Winter 2011): 8.

[672] Zheng Bijian, «China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status», *Foreign Affairs* 84, no. 5 (September/October 2005): 22.

[673] Hu Jintao, «Build Towards a Harmonious World of Lasting Peace and Common Prosperity», speech at the United Nations Summit (New York, September 15, 2005).

[674] Цифра 8 в китайской нумерологии имеет особое значение, поскольку в некоторых диалектах китайского языка она произносится примерно так же, как слово «процветать».

[675] Nathan Gardels, «Post-Olympic Power shift: The Return of the Middle Kingdom in a Post-American World», *New Perspectives Quarterly* 25, no. 4 (Fall 2008): 7—8.

[676] «Di shi yi ci zhu wai shijie huiyi zhao kai, Hu Jintao, Wen Jiabao jianghua» [«Hu Jintao and Wen Jiabao speak at the 11th meeting of overseas envoys»], website of the Central People's Government of the People's Republic of China, доступно на: http://www.gov.cn/ldhd/2009-07/20/content_1370171.html.

[677] Wang Xiaodong, «Gai you xifang zhengshi zhongguo «bu gaoxing» le» [«It is now up to the West to face squarely that China is unhappy»], в: Song Xiaojun, Wang Xiaodong, Huang Jisu, Song Qiang, and Liu Yang, *Zhongguo bu gaoxing: da shidai, da mubiao ji women de neiyou waihuan* [*China Is Unhappy: The Great Era, the Grand Goal, and Our Internal Anxieties and External Challenges*] (Nanjing: Jiangsu Renmin Chubanshe, 2009), 39.

[678] Song Xiaojun, «Meiguo bu shi zhilaohu, shi «lao huanggua shua lu$ qi»» [«America is not a paper tiger, it's an «old cucumber painted green»»] в: Song, Wang, et al., *Zhongguo bu gaoxing*, 85.

[679] Классическое китайское выражение, обозначающее восстановление мира после конфликта, при котором не предполагается никакого возврата к прежним враждебным отношениям.

[680] Song, «Meiguo bu shi zhilaohu», 86.

[681] Там же. С. 92.

[682] Там же.

[683] Liu Mingfu, *Zhongguo meng: hou meiguo shidai de daguo siwei yu zhanlüe dingwei* [*China Dream: Great Power Thinking and Strategic Posture in the Post-American Era*] (Beijing: Zhongguo Youyi Chuban Gongsi, 2010).

[684] Там же. С. 69—73, 103—117.

[685] Там же. С. 124.

[686] Там же. С. 256—262.

[687] Некоторые аналитики утверждают, что хотя чувства, высказанные в этой книге, выглядят искренними и, может быть, характерны для большинства китайского военного аппарата, частично они

придуманы с целью получения выгоды: книги с провокационным содержанием продаются лучше в любой стране, а националистические брошюрки типа «*Китай недоволен*» и «*Китайская мечта*» были опубликованы частными издательскими домами. См. Phillip C. Saunders, «Will *China's Dream* Turn into America's Nightmare?» *China Brief* 10, no. 7 (Washington, D.C.: Jamestown Foundation, April 1, 2010): 10—11.

688 Dai Bingguo, «Persisting with Taking the Path of Peaceful Development» (Beijing: Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 6, 2010).

689 Там же.

690 Там же.

691 Там же.

692 Там же.

693 Там же.

694 Там же.

695 Hu Jintao, «Speech at the Meeting Marking the 30th Anniversary of Reform and Opening Up» (December 18, 2008), доступно на: http://www.bjreview.com.cn/Key_Document_Translation/2009-04/27/content_194200.htm.

696 Dai, «Persisting with Taking the Path of Peaceful Development».

697 Там же.

698 Кроу знал предмет с позиций обеих сторон. Он родился в Лейпциге, его отцом был британский дипломат, матерью — немка. Он перебрался в Англию только в возрасте 17 лет. Его жена была немецкого происхождения. Даже будучи преданным слугой короны, Кроу сохранял культурные и семейные связи с европейским континентом. Michael L. Dockrill and Brian J.C. McKercher, *Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy, 1890—1951* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 27.

699 Eyre Crowe, «Memorandum on the Present State of British Relations with France and Germany» (Foreign Office, January 1, 1907), in G.P. Gooch and Harold Temperley, eds., *British Documents on the Origins of the War,* vol. 3: *The Testing of the Entente* (London: H.M. Stationery Office, 1928), 406.

700 Там же. С. 417.

701 Там же. С. 416.

702 Там же. С. 417

703 Там же. С. 407.

704 Там же.

[705] Phillip C. Saunders, «Will *China's Dream* Turn into America's Nightmare?» *China Brief* 10, no. 7 (Washington, D.C.: Jamestown Foundation, April 1, 2010): 10 (цитируется Liu Mingfu *Global Times* article).

[706] Liu Mingfu, *Zhongguo meng: hou meiguo shidai de daguo siwei yu zhanlüe dingwei* [*China Dream: Great Power Thinking and Strategic Posture in the Post-American Era*] (Beijing: Zhongguo Youyi Chuban Gongsi, 2010), 24; Chris Buckley, «China PLA Officer Urges Challenging U.S. Dominance», Reuters, February 28, 2010, размещено по адресу http://www.reuters.com/article/2010/03/01/us-china-usa-military-exclusiveidUSTRE6200P620100301.

[707] Richard Daniel Ewing, «Hu Jintao: The Making of a Chinese General Secretary», *China Quarterly* 173 (March 2003): 29—31.

[708] Dai Bingguo, «Persisting with Taking the Path of Peaceful Development» (Beijing: Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 6, 2010).

[709] Adele Hayutin, «China's Demographic Shifts: The Shape of Things to Come» (Stanford: Stanford Center on Longevity, October 24, 2008), 7.

[710] Ethan Devine, «The Japan Syndrome», *Foreign Policy* (September 30, 2010), доступно на http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/09/30/the_japan_syndrome.

[711] Hayutin, «China's Demographic Shifts», 3.

[712] См. Joshua Cooper Ramo, «Hu's Visit: Finding a Way Forward on U.S.-China Relations», *Time* (April 8, 2010). Рамо берет на вооружение концепцию параллельной эволюции из сферы биологии для выработки формулировок, разъясняющих характер американо-китайских отношений.

КАРЛОС РУИС САФОН

**самый популярный испаноязычный
автор последних лет**

ЦИКЛ «КЛАДБИЩЕ ЗАБЫТЫХ КНИГ»

Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением. Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

ИГРА АНГЕЛА

В «Игре ангела» спрятано несколько игр, в том числе и игра с читателем, ведь читая ее, он не заметит, как сам станет автором и персонажем. Берегитесь — вы ступили на зыбкую почву... и не жалуйтесь, будто вас не предупредили. До встречи — по ту сторону бытия...

Карлос Руис Сафон

ТЕНЬ ВЕТРА

Живая, стремительная, восхитительная проза — настоящее культурное пиршество!

«Publishers Weekly»

УЗНИК НЕБА

В этой истории есть все: доброта и жестокость, жертвенность и холодный цинизм, любовь и ненависть, фантазия и реальность, но главное — в ней есть душа.

«New York Journal of Books»

Редакция «NEOCLASSIC»
представляет новую серию —
«ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА».

Лучшие книги XX века в удобном формате!

В серии вышли:

Э. Бёрджесс «Заводной апельсин»
Э.М. Ремарк «Три товарища»
О. Хаксли «О дивный новый мир»
У. Голдинг «Повелитель мух»
Дж. Оруэлл «1984»
К. Маккалоу «Поющие в терновнике»
Г. Гессе «Игра в бисер»
Г.Г. Маркес «Полковнику никто не пишет»
Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!»
Ж.П. Сартр «Тошнота»
А. Камю «Чума»
С. Моэм «Театр»
Г. Уэллс «Война миров»
Дж. Оруэлл «Скотный двор. Эссе»
Х. Кортасар «Игра в классики»

Готовятся к печати:

К. Воннегут «Бойня №5»
Э.М. Ремарк «Жизнь взаймы»
Э. Хемингуэй «Старик и море.
Зеленые холмы Африки»
И. Шоу «Ночной портье»
Г.Г. Маркес «Осень патриарха»

Редакция «Neoclassic» представляет серию

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

«Золотой век английского детектива» — это любимые многими поколениями читателей произведения таких мастеров детективного жанра, как Найо Марш, Сирил Хейр, Джорджет Хейер, Энтони Беркли, Патрисия Мойес, Жаклин Уинспир и Эдмунд Криспин.

«Золотой век английского детектива» — это атмосфера деревенского домика мисс Марпл и лондонской квартиры Эркюля Пуаро, яд в дорогих конфетах и отравленное шампанское, убийства на театральной премьере и скандалы высшего общества...

Научно-популярное издание

12+

Киссинджер Генри

О Китае

Научный редактор А.Д. Воскресенский
Редактор С.Н. Ярославцева
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Подписано в печать 04.02.2014. Формат 60x90 $^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40. Тираж 2000 экз. Заказ 552.

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ».
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, комн. 5

Издано при участии ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Генри Киссинджер — американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международной политики. Идеолог американо-китайских отношений, он занимал должности советника американского президента по национальной безопасности в 1969 –1975 годах и государственного секретаря США с 1973 по 1977 год. Лауреат Нобелевской премии мира за 1973 год, Киссинджер — один из самых авторитетных специалистов по современному Китаю.

Генри Киссинджер написал книгу о стране, которую хорошо знает и которой помог сформировать отношения с Западом.

Автор изучает ключевые моменты китайской внешней политики — с древнейших времен и до наших дней — и рассказывает о «внутренней кухне» китайской дипломатии.

Опираясь на свой богатый опыт общения с китайскими лидерами — Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином, Киссинджер размышляет о том, какое влияние каждый из них оказал на судьбу современного Китая, а также делает собственные прогнозы о глобальном соотношении политических сил в XXI веке.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-084291-9

